

О. М. Медушевская

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 4 ТОМАХ

ТОМ 2

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ,
ИСТОРИЯ, МЕТОД

Под общей редакцией А. Н. Медушевского

О. М. Медушевская

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 4 ТОМАХ**

**Том 2
Источниковедение: теория,
история, метод**

Под общей редакцией А. Н. Медушевского

Москва
Берлин
2017

УДК 1(09)
ББК 87.3
М 42

Медушевская О. М.

М42 Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Источниковедение: теория, история, метод / О. М. Медушевская ; под общ. ред. А. Н. Медушевского. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 880 с.

ISBN 978-5-4475-9240-0

Во второй том собрания сочинений О. М. Медушевской включены работы, отражающие становление и развитие источниковедения как научной дисциплины и области гуманитарного познания XX века. В них показано значение источниковедения для сравнительно-исторических, социологических и антропологических исследований. В центре внимания находятся теоретические проблемы источниковедения, эволюция его методов и исследовательских практик, решение вопросов классификации исторических источников и научной интерпретации их информации. С этих позиций проанализирован весь массив теоретических дискуссий по философии истории нового и новейшего времени, определении источника и интерпретации его информации, имевших место в западной, советской и российской историографии проблемы, раскрывается вклад источниковедения как наукоучения, методологии исторического познания и особой области знаний в формирование критической научной мысли XX в. Данные труды не оставляют сомнений в том, что исторический источник – есть полноценная основа гуманитарного познания, а совершенство методов его анализа – определяющий критерий продвижения историков к точному и доказательному знанию.

УДК 1(09)
ББК 87.3

ISBN 978-5-4475-9240-0

© Медушевский А. Н., текст, 2017

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2017

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ¹

Цель настоящей статьи – раскрыть значение когнитивно-информационной теории для гуманитарного познания вообще и исторической науки в частности. Данная теория, разработанная выдающимся российским ученым, профессором О. М. Медушевской (1922–2007), предлагает принципиально новое решение проблемы гуманитарного (исторического) познания: определяет предмет и методологию данной области знаний, раскрывает логику научного познания – путь, по которому научная мысль должна следовать, если она действительно стремится к достижению доказательных и эмпирически верифицируемых результатов.

Ключевые параметры когнитивно-информационной теории гуманитарного познания таковы: объяснение особенностей современной ситуации в гуманитарном познании и способы преодоления трудностей; информационный феномен и необходимость разработки нового понятийного аппарата науки; обоснование концепции и метода когнитивной истории; смена парадигм в современной науке; определение места истории как строгой науки в междисциплинарном поиске; наукоучение как признак зрелой науки и раскрытие значения источниковедческой парадигмы в XX в.; создание основ социологии гуманитарного познания – выяснение соотношения науки, образования и профессионального выбора исследователей. На этой основе становится возможным определение общего значения когнитивно-информационной теории в создании целостной и достоверной системы представлений об обществе и его познании².

¹ В основу публикации положено издание: *Медушевский А. Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // *Российская история.* 2009. № 4. С. 3–22.

² *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008.

Как многие крупные мыслители, О. М. Медушевская чрезвычайно внимательно относилась к формулированию своих идей и понятий, а потому не спешила публиковать их. В основу исследования положены поэтому как опубликованные труды, так и материалы личного архива³. В нашу задачу входит изложить основы этой теории, метод и структуру подхода к познанию социальных явлений и показать возможные пути ее развития и применения.

1. Гуманитарное познание XX века: методологические трудности и способы их преодоления

В гуманитарном познании XX в. констатируются трудности, связанные как с отсутствием теории, адекватной современному состоянию науки, так и с отсутствием четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей – *несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности*. Три основные проблемы приобрели ключевое значение в новейшее время: глобализация, информатизация и познание «другого», т. е. мотивации поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов – глобализация – привел к разрушению устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса проходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс – информатизация (рост объема информации и скорости ее рас-

³ Архив исследователя включает следующие виды документов: рукописи опубликованных работ, материалы лекционных курсов, конспекты научной литературы с элементами критического анализа, переписку с российскими и иностранными учеными. В данной статье мы используем ряд понятийных определений, не вошедших в опубликованные труды или получивших в них иную формулировку.

пространения в результате появления новых технологий) – уже к середине XX в. привел к крушению линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс – познание «другого» – связан с необходимостью восприятия чужой культуры и мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (т. е. таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения).

Общим результатом этих процессов стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX в., *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности концепции мировой истории, в отрицании за историей звания полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в германской неокантианской философии истории начала XX в.), отрицании сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идиографических – неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Действительно, основная проблема методологии исторического познания связана с самим объектом исследования: внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен; внешнее поведение индивида и групп не охватывает сущностных свойств человека; эксперимент и непосредственное наблюдение возможны лишь в ограниченной степени. Это приводит многих современных исследователей к выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

С проблемой доказательного познания социальных явлений оказались неспособны справиться основные философские доктрины XIX–XX вв. – классический позитивизм и исторический материализм (поскольку придерживались в общем и целом упрощенной теории «отражения»); неокантианский релятивизм и постмодернизм (поскольку исходили из другой крайности – непознаваемости мира и привнесения сознания исследователя в

историю). Феноменологический подход предложил альтернативный двум предшествующим доктринам вариант решения, сформулировав проблему различения объекта и предмета познания – соотношения вещи и информации, которую из нее возможно получить (вещь сама по себе и вещь для нас). Феноменологический подход означал несомненный шаг вперед, приняв идею познаваемости явлений, но он не разработал методов такого познания в гуманитарных науках.

Решение данной проблемы стало возможно в результате *создания когнитивного метода в гуманитарном познании*. Отправной точкой стал поиск ответа на главный общий вопрос в философской и эмпирической эпистемологии: какова эмпирическая база для изучения самоорганизации сообществ, групп, систем, их функционирования в режиме целостности (диахрония, настоящее). Концепция когнитивной истории О. М. Медушевой стала результатом научного синтеза ряда направлений гуманитарного знания – информатики и когнитивных наук (изучающих человеческое мышление), с одной стороны, историографии, источниковедения, структурной лингвистики, антропологии, – с другой⁴. Речь идет о новом синтезе теории информации и методологии классического источниковедения, получившего особое развитие в России XX в.

2. Человек в информационном пространстве: основные понятия когнитивно-информационной концепции

В результате этого подхода выстраивается принципиально *новая теория исторического познания*, основанная на рассмотрении информационного феномена. Вне целостности информационной системы общество не может функционировать в принципе. Не выработав общего научного понятия информационной си-

⁴ Направления данного синтеза представлены в следующих изданиях: Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. – М., 1999; Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. – М., 1996; Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. – М., 1998; Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. – М., 2002.

стемы, нельзя анализировать способы ее функционирования и изучать структуры. Для историка это означает невозможность перехода от диахронного мониторинга развития к изучению действующей системы исторического настоящего. Поэтому ключевое значение имеет выработка адекватных понятий, отражающих информационный феномен как системный и целостный. Прежде всего необходима критика того понятийного инструментария, который не соответствует этим требованиям – отказ от вводящего в заблуждение распространенного понятия «информационное общество»: этот термин возник в связи с доминированием информационного сектора, информационных технологий в новейшее время. Но общество «неинформационным» не бывает: его информационная системность и целостность присуща общественной организации любого типа, выступая в качестве универсального способа его связи, представленного как в истории, так и в современности, охватывает как общество в целом, так и отдельные социальные группы, проявляет себя на различных уровнях социальной иерархии. И, следовательно, именно способ его связей, прежде всего информационных, оказался в центре внимания исследователей настоящего.

В связи с неадекватностью существующих подходов когнитивно-информационная теория О. М. Медушевской выдвигает *ряд новых системных категорий*: это понятие информационной сферы, которая (по аналогии с категориями биосферы и ноосферы) определяет материально-вещественный след совокупного когнитивного феномена человеческого мышления, проявлявшегося в деятельности; понятие информационной среды человека – пространства, в котором реализуется способность опосредованного (через материальный продукт) и информационного обмена, охватывающего, таким образом, все разумное человечество в его истории. Информационный обмен осуществляется по горизонтали (он имеет непосредственный характер, поскольку обмен идет в режиме настоящего времени – наблюдения вещей, обмена ими) и по вертикали (ретроспективный, или опосредованный, информационный обмен).

Ключевое значение для когнитивной концепции гуманитарного познания имеет именно *понятие опосредованного информационного обмена* – специфически человеческой способности обмена информацией через посредство целенаправленно созданных единиц интеллектуального продукта. Опосредованный информационный обмен осуществляется через материальный продукт, представляющий собой результат целенаправленной человеческой деятельности – осознанного поведения индивида, направленного к достижению поставленной цели.

Сама возможность данного вида обмена, принципиального для исторического познания, обусловлена *процессами социальной адаптации*, включающими две фазы – антропологическую адаптацию (помощь общества в освоении навыков человеческого поведения в виде становления «на ноги» в буквальном смысле слова) и когнитивную адаптацию – условие вхождения индивида в человеческую информационную среду через способность воплощать идею мышления в вещь и также, соответственно, способность распознавать в структуре целенаправленно созданной вещи ее назначение, функцию и смысл ее создания, распознавать идею другого индивида. Способность фиксировать информацию вовне и распознавать информацию, зафиксированную в вещи (как умение «писать» и соответственно «читать» продукт интеллекта), есть ключевой момент в становлении личности и сообщества.

Вся логика построения когнитивной теории гуманитарного познания и выработанных ею категорий связана, следовательно, с основополагающим *понятием информации*, которое до сих пор не получило в науке единого определения. Важно проследить поэтому, как решает проблему данная концепция. Современная теория отправляется от идей Н. Винера. «Информация, – говорит он, – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде»⁵. Отсюда – возможность *определения*

⁵ Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1959. С. 31.

информации по ряду параметров: во-первых, это совокупность данных, востребованных системой для идентификации себя в окружающем (реальном) мире, т. е. совокупность данных о состоянии внешней среды, необходимых живой системе для обеспечения ее нормального функционирования; во-вторых, это процесс, содержание которого состоит в истолковании внешне проявленных явлений: продукт истолкования живой системой внешних сигналов как признаков состояния окружающей среды; в-третьих, результат познавательной деятельности системы, качеством которой является направленность на оптимизацию функционирования во внешнем мире; в-четвертых, информация – изложение, разъяснение, закрепление навыков распознавания глубинных изменений, процессов по их внешним, непосредственно данным признакам; в-пятых, – способность живой системы прогнозировать изменения окружающей среды по внешним проявлениям, мера способности живой системы отслеживать состояние окружающей среды по внешним проявлениям⁶.

Центральная проблема когнитивных наук – это *феномен преобразования мысли (живой или динамичной информации) в вещь (информацию статичную)*. Естественные науки изучают процессы функционирования мышления, психология – психические аспекты мышления, действия и поведения, а историческая наука – эмпирически данный продукт, целенаправленно создаваемый человеком. Феномен преобразования информации в вещь и вещи в информацию на разных уровнях испытывает качественные изменения. Он многократно описан и со стороны и изнутри: как возникает идея, смысл, как идея находит понимание, адекватный отклик в другом сознании, как происходит постепенное осуществление проекта: возникает замысел, материалы, средства, команда, воплощение продукта и его опробование, коррекция, развитие проекта, отношение к нему социума. В ходе этого процесса происходит расщепление идеи и продукта, превращение идеи в продукт, продукта в общее достояние – вещь

⁶ Эти направления интерпретации понятия «информация» очень подробно представлены в неопубликованных рукописных текстах – набросках теории информации, а также конспектах литературы по этому вопросу.

(товар). Преобразованием идеи в продукт могут мешать социальные условия (работа «в стол»). Но, будучи преобразованной и фиксированной в материальном продукте, идея обретает свое эмпирическое воплощение.

На основании данного подхода становится возможным введение понятия *макрообъекта исторической науки* как всей совокупности интеллектуальных продуктов – целенаправленно создаваемых продуктов человеческой деятельности, всегда структурированных под цель их создания.

3. Наука когнитивной истории: предмет, метод и цель

Наука – область профессиональной деятельности, направленной на достижение нового, точного (ориентированного на степень точности) и систематизированного знания. Это знание представляет интеллектуальный продукт (изделие), которое обладает структурными свойствами, отвечающими его функции. Научное сообщество контролирует качество данного изделия. Наука обладает объективным содержанием лишь в той мере, в какой ведет самостоятельное существование в виде письменных произведений: в этой форме она живет тысячелетиями, и переживает личности, поколения и нации.

«История, – подчеркивает О. М. Медушевская, – может быть наукой в том случае, если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, выражать системообразующее свойство феномена человека»⁷. Концепция когнитивной истории видит решение проблемы в изучении целенаправленного человеческого поведения, которое, развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения. Таким обра-

⁷ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008. С. 11–12.

зом, *когнитивная история* – «наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельности»⁸. Исходя из этого определяется предмет и объект исследования, а также его метод и цель.

Предмет изучения везде и всегда в науке и в жизни – это выявление смысла, т. е. механизма функционирования реальности. *Объект* – ограниченная часть реальности, наблюдение той ее части, которая предположительно представляется перспективной (адекватной, т. е. необходимой и достаточной) для установления механизмов функционирования явления. Отсюда первый вопрос исследователю – эта ли часть необходима, эта ли часть реальности достаточна для понимания данного механизма?

Метод – *есть путь*, который дает возможность, двигаясь от изучения эмпирического объекта, получить новое знание в соответствии с предметом, который представляет цель изучения. Под когнитивной историей, соответственно, понимается исследование универсальных характеристик человеческого мышления, и исходный постулат состоит в том, что такое изучение возможно: разум позволяет воплотить результат мышления в материал, а он познаваем в принципе. В данной ситуации метод есть путь движения от объекта (продукта) к мышлению. Изучается фундаментальная характеристика познания – создание целенаправленного продукта как свойство деятельности.

Универсальная цель мышления есть постижение способов функционирования окружающей индивида реальности. Индивид использует реальность как информационный ресурс, этот процесс наблюдаем, его можно изучать. Затем происходит постижение смысла: как это происходит, неизвестно, и наблюдать это невозможно, но достигнутый смысл, будучи воплощен в вещь, уже наблюдаем. Можно судить, какую часть реального мира изучал индивид и что заметил, какой смысл постиг.

С этих позиций *«исторический процесс* есть процесс взаимодействия индивидов, которые осуществляют свою целенаправленную деятельность в рамках эволюционно и глобально единого информационного пространства». Ключевое значение имеет в

⁸ Там же. С. 353.

этой связи понятие деятельности, определяемой как «способ существования человека (самореализации индивида), преобразующего энергию своего замысла посредством последовательного воплощения в ряд целенаправленно созданных интеллектуальных продуктов». Это определение опирается на ключевое понятие реализованного продукта, что делает «исторический процесс в принципе исторически познаваемым через посредство совокупности интеллектуальных продуктов человеческой деятельности»⁹.

На этой основе становится возможной реабилитация понятия прогресса, неоднократно подвергавшегося сомнению и снисходительной критике в так называемой постмодернистской историографии. *Прогресс* – понятие, вполне объяснимое с позиций когнитивно-информационной теории. Каждый индивид, фиксирующий свой личностный опыт в создании интеллектуального продукта как вещи (реализованного в пространственных рамках) вносит свой вклад в общий информационный ресурс человечества. Следовательно, каждое последующее поколение обладает новым уровнем информации о мире, обществе и человеке. Этот постоянно пополняемый информационный ресурс открывает все новые возможности динамичного развития человечества, т. е. прогресса. Чтобы превратить эту возможность в действительность, наука о человеке должна совершенствовать свои методы получения нового знания.

В итоге выдвигается принципиально *новое определение исторической науки*. Это – «фундаментальная наука о всех видах и формах человеческой деятельности, которые реализовались в ходе эволюционно и глобально целостного исторического процесса. История – эмпирическая наука, ибо она имеет реальный, доступный в принципе человеческому восприятию целостный макрообъект. Этот объект – совокупность продуктов целенаправленной человеческой деятельности, которая возникла на протяжении исторического процесса, целостного во времени и пространстве»¹⁰.

⁹ Цитируется по рукописным материалам архива. В опубликованных работах представлены несколько иные формулировки.

¹⁰ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 351.

Целью исторической науки, исходя из этого, следует считать выявление новой информации о феномене человека и человечества, жизненно необходимой ему для определения перспектив своего места во вселенной, своей судьбы и путей выживания. Бесчисленные эксперименты индивидуальных судеб – это единственный реальный шанс для осмысления феномена человека в мире живого, в мире планеты и Вселенной. У нас нет пока возможности сопоставить судьбы человечества с другими судьбами разумных существ. Следовательно, история – наш единственный шанс провести идентификацию и самоидентификацию себя в мире.

В результате можно реконструировать весь *цикл познания*, включающий три фазы. *Первая* – исходная картина мира автора, способы получения информации. *Вторая* – реальность произведения – интеллектуального продукта: его структура, замысел, определение того, насколько он выражен, информационный ресурс, которым обладал автор, постигнутый им смысл, его интерпретация. Между первой и второй фазами оказывается разрыв – ненаблюдаемый процесс аккумуляции информационного ресурса и его трансформации в произведение. Именно этот процесс становится объектом научного изучения. *Третья фаза* – использование данного продукта (произведения) как источника информации исследователем – фиксированное знание о мире, выводимое логическим путем. На этом этапе происходит наше (исследовательское) *постижение* смысла, функционирования мира в когнитивной истории, установление путей и способов мышления.

4. Смена парадигм в науке: от нарративизма к когнитивно-информационной концепции

Современная ситуация в науке определяется как смена парадигм, а именно – *переход от одной парадигмы (нарративизма) к другой (когнитивной истории)*¹¹.

¹¹ Медушевская О. М. История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. – М., 2007.

Нарративизм вообще – это традиционный способ исторического повествования, при котором задача историка сводится по сути к задаче рассказчика, повествующего о событиях прошлого. В этом смысле нарративизм есть логика повседневного мышления, когда стремятся осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, идя от результата к причине, с целью извлечения «уроков». С позиций когнитивного подхода следует различать традиционный (наивный) нарративизм, не ставящий задачей какую-либо проверку подлинности своих утверждений, и нарративизм как метод историографии, предполагающий ограниченную проверку таких утверждений.

Коренные общие методологические пороки нарративистской логики состоят в следующем. Во-первых, она не предусматривает критериев различия истинного и ложного утверждений: истинный нарратив нельзя отличить от ложного, каждый опирается на «точку зрения» автора, под которую автор и собирает свои исторические «высказывания» или «примеры». Сообщество историков-нарративистов способно предъявить друг другу бесчисленное количество своих интерпретаций «прошлого» (что возводится в добродетель постмодернистской историографией, оперирующей понятием «смысл» во множественном числе и утверждающей, что все понятия имеют исключительно конвенциональный характер, т. е. конструируются на основе «непротивления сторон» в отношении того, что есть истина). Кто бы спорил, что такой подход не является научным, что он не усматривает явных различий между историческим сочинением и историческим романом и т. д. Но это нисколько не приближает нас к решению задач научного познания.

Во-вторых, констатируя этот факт, нарративная логика демонстративно противопоставляет науку (идеальным типом которой служат естественные науки, в которых есть предикат, т. е. возможность выразить в языке соотношение высказывания и реальности) и «ненауку» – искусство (гуманитарные дисциплины, прежде всего история, поскольку у историографа-нарративиста действительно нет предиката, а только высказывания).

В-третьих, данная логика отрицает и полностью закрывает экспериментальный путь в историографии и, следовательно,

возможность построения вариативных моделей и их эмпирической проверки. Исторический нарратив отличается от простого нарратива тем, что отдельные элементы создаваемого нарративом произведения предварительно проходят проверку: реальные объекты – на их соответствие пространственно-временным параметрам, а свидетельства очевидцев – на «искренность» и «точность» их авторов. Сути нарративной логики, однако, это не меняет: исторический нарратив восходит от результата (поэтому ему нужна «историческая дистанция») и исключает альтернативность («сослагательное наклонение»), ибо логика рассказа движется от результата к причинно-следственным связям без возможности выбора.

В результате возникает методологический тупик, в котором оказалась значительная часть современной историографии. Однако этот негативный результат, раскрытый логично и убедительно в рамках традиционного нарративизма – тоже результат. Он подтверждает то, о чем хорошо известно – история как искусство повествования, как искусство рассказывания о прошлом традиционна и постоянно воспроизводит все новые опыты такого рода, только это – не научное знание, не научное исследование. Но гораздо интереснее другой уровень логической нарративистики. Попытка преодолеть методологический тупик внутри нарративистской логики приводит к появлению новых модификаций нарративизма. Наиболее важная из них – осмысление данного метода в историографии (представленная прежде всего классическим позитивизмом, а затем современными неокантианскими философскими и лингвистическими теориями). Исследуя природу исторического нарратива как рассказа, включающего в себя исторические высказывания и примеры, исследователь берет письменные, т. е. доступные наблюдению и эмпирической проверке произведения. Эти произведения принадлежат к одному жанру, т. е. в них есть однородность и сопоставимость, и эта «суперструктура» рассказа не меняется в принципе, от Фукидида до современных нарративистов. Эта-то универсалия человеческого мышления и становится благодаря усилиям нарративной логики (на материале

исторических нарративов) предметом исследования. Исследователя интересует в данной ситуации способ синтеза сознанием чувственных восприятий нарратива (Анкерсмит)¹².

Говоря более привычным языком теоретического источниковедения, можно констатировать, что, взяв в качестве совокупности источников продукты творчества историков-нарративистов, написанные в жанре рассказа, исследователь смог извлечь из этих произведений глубинную структурную информацию – не об историческом «прошлом», остающемся при таком подходе, естественно, за рамками наблюдателя, не о реальном способе человеческого мышления, которое является принципиально общим и, по-видимому, широко распространенным. Каждый такой нарратив имеет название, общие жанровые признаки, и каждый интересен не тем, насколько он «достоверно» изобразил «прошлое», но тем, что предстает как продукт человеческого (нарративистского) мышления, группирующего, упорядочивающего имеющиеся у него в наличии высказывания, фрагменты, примеры – соответственно собственной «точке зрения». «Не зная ничего об источниковедческом подходе, логик-философ, исследователь исторического нарратива сам для себя формулирует необходимые параметры своей экспериментальной источниковой базы: это реально существующие источники (письменность), это однородный жанр – повествование, это именно повествование с привлечением исторических высказываний. Важно, что уже осознана грань, с которой может работать исследователь человеческого мышления: это не россыпь высказываний, но целостный продукт, произведение, имеющее свой замысел и приданную структуру – в нарративе это структура рассказа»¹³. Нарративист решал задачу исторического синтеза, связывая фрагментарные сообщения в новое целое, синтез понимался как априорное повествование, скрепленное с помощью метафор, поэтических средств и идеологических

¹² Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. – М., 2003.

¹³ Критика нарративизма представлена здесь по рукописному тексту анализа книги Анкерсмита.

предпочтений. Данный подход давал историку возможность создавать образ прошлого, следуя a priori своему историческому воображению.

В этих условиях гуманитарное знание обратилось к традиционной проблематике герменевтики – способности понимать и переводить старинные тексты, поднимая искусство понимания другого на более высокий, философский уровень. Само по себе внимание к герменевтике – важный признак актуализации проблемы понимания чужого сознания путем сравнения иного с собственным опытом, с системой различений, присущей интерпретатору. Герменевтика – искусство применения своей системы различений к чужому «тексту», к чужому способу мыслить и высказывать. При этом собственный способ мыслить и высказывать берется за образец. Но этот образ не абстрагирован, не обобщен. Находясь внутри системы с ее различиями, интерпретатор-герменевтик берет различия как само собой разумеющееся. В этом контексте становится возможным определить границы герменевтики как традиционного (восходящего к донаучному сознанию) приема истолкования и понимания смысла, заложенного в текст его автором, путем воссоздания логики его автора по аналогии с собственной логикой мышления интерпретатора. Поскольку разделить две эти логики невозможно, возникает так называемый «герменевтический круг».

Другая трудность обнаруживается при попытках «привить» к логике традиционного герменевтического мышления усвоенные интерпретатором новые знания о человеке (лингвистика, антропология, психоанализ и др.). Герменевтика – способ существования познающего человека, кристаллизованный в опыте, языке, смысле. В рамках когнитивной теории (в отличие от релятивистской) смысл имеет характер знания, и потому создание смысла заново – некорректное выражение (равно как и отмечавшееся ранее использование понятия «смыслы» – во множественном числе). В этих трактовках смысл лишен объективного знания, он не проверяем и не является достижением. «Смыслы» не накапливаются, а для тех, кто их коллекционирует, исчезает реальное содержание данного понятия. Напротив, когнитивная

теория утверждает, что смысл (в единственном числе) – постигается и ведет к накоплению знаний, прогресс – это аккумулированное достоверное знание. В формуле «Я ищущу» смысл постигается разумом, но будучи постигнут, он становится общим достоянием. Яблоки падали до Ньютона, но именно он постиг смысл связи яблока с притяжением земли. Модернизировать традиционную герменевтику путем «прививки к феноменологии» попытался П. Рикёр¹⁴, и его неудача – важный вывод: чем богаче культурный опыт интерпретатора, тем более умножает он сущности интерпретируемого текста: он применяет современные достижения лингвистики, структурной антропологии, психоанализа и т. п., но в результате получает вместо одной интерпретации текста целый «букет» интерпретаций. В результате возникает *конфликт интерпретаций*, а чужое сознание от него ускользает по-прежнему. Выход из герменевтического круга один – переход сознания интерпретатора из повседневного уровня на уровень общенаучных универсалий. Его уже показала лингвистика: язык сопоставляется не с другим языком, но с общими понятиями грамматики. Разрешение этой дилеммы – обоснование критериев истории как строгой науки (основанной на доказательном знании).

Профессиональное сообщество историков, таким образом, находится в *ситуации смены парадигм*. Речь не идет о парадигме лишь в узком науковедческом смысле – как разделяемой сообществом господствующей дисциплинарной концепции или нормативов принятого способа исследовательской деятельности, но прежде всего – о парадигме в более широком философском смысле, как общем для сообщества видении своего объекта и его соотносительности с мировым универсумом, понимании предмета истории как науки и пределов ее познавательных возможностей. По отношению к философской парадигме исторического познания на современном этапе следует говорить, возможно, даже не столько о смене, сколько о сосуществовании и постоянном противоборстве двух взаимоисключающих парадигм.

¹⁴ Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М., 1995.

Одна парадигма (нарративизм), неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время нашла свое объяснение в идее уникальности и идиографичности исторического знания (противопоставление номотетических и идиографических наук), исключающего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностной выборке историка как познающего субъекта. Другая – когнитивная парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности представляемого обществу нового знания, – существует, не будучи общепризнанной, представлена скорее исключениями, чем правилом.

Конфликтный потенциал глобальной истории разворачивается таким образом, что не оставляет перспектив для усвоения традиционного констатирующего знания, лишь обостряя противоречия разных нарративов и не открывая простора для выявления общечеловеческих параметров исторического процесса. Напротив, парадигма истории как строгого знания открывает путь для новых интерпретаций, для исторической компаративистики, для исследования общих механизмов, порядка вещей реального мира и познавательных инициатив человеческого разума. История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности.

5. История как строгая наука в междисциплинарном поиске

Философия гуманитарного знания как строгого и проверяемого оказывается перед главной эпистемологической проблемой – она исследует динамику соотношения между своим объектом (доступным для стабильного наблюдения) и своим предметом, который определяется как процесс функционирования внутрисистемных и внесистемных связей, выступающих

условием существования человека в реальном мире. Материальный эмпирический образ изучаемого объекта необходим для строгого знания, но недостаточен (что и показала критика позитивизма, столь долго занимавшая внимание теоретиков исторического профессионализма традиционного типа). Для получения точного, проверяемого знания необходим выход наблюдателя (исследователя) за пределы наблюдаемой им системы. Выход был найден в утверждении системного подхода к структурно-функциональным закономерностям систем разного типа. Самостоятельное значение имеет при этом компаративистика, поскольку позволяет устанавливать внешне схожие параметры социальных систем, структур и функций в рамках исторического процесса (например, при сопоставлении юридических норм или грамматических правил разных обществ)¹⁵.

Структура – проявление феномена устойчивости информационно-когнитивных связей и отношений элементов в системе целого. Совокупность отношений внутри единой целостности сообществ осознается как общая теоретическая проблема гуманитарного знания. Направленный поиск этих структур, как индикаторов системной целостности, становится общей задачей гуманитаристики, а само направление разнонаправленных поисков получает общее название – структурализм. Опираясь на стабильные, узнаваемые структуры, в принципе возможно понять, как именно функционирует та или иная системная целостность («повседневность») человеческих сообществ. В свою очередь, по ряду направлений обнаружилось то ли отсутствие структур, то ли неготовность их распознать. Структуралистский поиск сменился постструктуралистским. Данный подход актуализирует такие области знаний, которые достигли наибольших успехов в применении точных методов – теория информации, структурно-функциональный подход, структурная лингвистика, а также те области прикладного исторического знания, которые связаны с разработкой методики добывания достоверных и дока-

¹⁵ Медушевская О. М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. – М., 1996.

зательных знаний¹⁶. Различные познавательные методы (философские, антропологические, лингвистические) хорошо раскрываются в объяснении понятия вещи. Недостаток существующих подходов до последнего времени состоял, однако, в отсутствии единой единицы измерения информационного ресурса, поддающейся научному изучению и доказательной проверке выводов.

Универсум реального мира природы, в сущности, не имеет дискретного характера. *Дискретность* – это разделенность, прерывистость явлений. В природе нет отчетливой, индивидуально идентифицируемой прерывистости, нет и соответствующего восприятия у живых систем. Невозможно провести четкие и наблюдаемые границы отдельных объектов. Принципы дискретизации являются принципами человеческого восприятия и поэтому сильно различаются между собой. На это обращает внимание лингвистика, говоря о том, что именно человек привносит дискретность в понимание окружающего мира (через систему понятий, отраженных в языке).

Каков механизм образования понятий, выражающих информационный ресурс человечества? Для понимания проблемы в рамках когнитивного метода важно *различие понятий динамичной (живой) и статичной (фиксированной) информации*, а также анализ процесса перехода от одного типа информации к другому в процессе создания интеллектуального продукта.

Динамичная (живая) информация – это способность живой системы улавливать связь между внешним проявлением окружающей среды, доступным чувственному восприятию, или, в ситуации человека, между усилением чувственного восприятия с помощью техники (например, подзорная труба, усиливающая возможность увидеть на более далеком расстоянии, термометр и т. п.), и внутренним состоянием этой среды. Иными словами, это – способность живой системы интерпретировать внешнее проявление окружающей среды как сигнал о ее внутреннем состоянии. Итак, одна из составляющих для получения более полного объема живой информации – это способность улавливать

¹⁶ Этот вопрос подробно разработан в опубликованном труде: *Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты.* – М., 1999.

связи, воспринимать физическое явление как сигнал о внутреннем состоянии окружающей среды. Вероятно, эта способность может быть развита путем ее постоянного функционирования, как и другие способности индивида. Другой составляющей для пополнения объема живой информации является разнообразие форм общения с внешней средой, возможность личностного опыта взаимодействий с нею и в ней. Разнообразие внешних впечатлений является, как нам известно по опыту, важным моментом в формировании информационного объема, разнообразия и качества живой информации. Любознательность, любопытство, страсть к путешествиям («охота к перемене мест») суть разные проявления потребности живой системы в пополнении информационного ресурса посредством наблюдения, процесса формирования живой информации.

Живой информации противопоставляется *статичная (фиксированная) информация*, представленная в интеллектуальных продуктах. Поэтому она неподвластна рамкам времени и пространства. Рукописи в этом смысле – «не горят». Информационный обмен происходит по всему пространству деятельности человечества и в любой точке пространства. Человек отдает свой информационный ресурс в общее информационное пространство. В свою очередь, человек в принципе располагает всем ресурсом фиксированной информации, накопленной человечеством.

Разрабатываются *три основные ситуации*: 1) ситуация непосредственного – живого информационного обмена (все живые системы, в том числе и человек); 2) фиксирование уже добытого ресурса в вещественный – целенаправленно (намеренно) созданный продукт (при этом происходит высвобождение памяти); 3) ситуация обращения к этому реализованному продукту как источнику информации¹⁷. В качестве наглядного примера информационного обмена в опосредованной форме приведем

¹⁷ Данная концепция – соотношения живой и фиксированной информации и преобразования одного вида в другой – подробно представлена в архиве в рамках рукописного текста лекционного курса по методологии истории, где она раскрывается на большом эмпирическом материале. Все последующие примеры взяты оттуда.

следующий: используя глиняные таблички с рецептами варения пива древними шумерами, современные исследователи расшифровали запись, а пивовары, выполнив инструктивные указания, не только сварили пиво, но даже попробовали его. При этом выяснилось, что *живое* обращение к *опосредованной информации* не исчерпывается *намеренным* сообщением (посланием), но проявляется еще и на других уровнях *ненамеренной* информации: оказалось, что инструкция была записана древними пивоварами ритмичными «стихами». Значит, возможно предположить какое-то культовое действие, связанное со сложным делом пивоварения, что позволяет получить новые данные об атмосфере действия.

Ситуация превращения живой информации в фиксированную имеет важное эвристическое значение. *Остановленное мгновение* открывает индивиду новые информационные возможности: а) для сохранения и передачи информации; в) для самопознания; с) для совершенствования движения к цели. От одномоментного соединения мышление-действие необходимо отличать деятельность. *Деятельность* – последовательность развернутых во времени действий, направляемых не отдельными импульсами окружающей среды, но заранее осознанной целью. Она отличается (от действий), во-первых, возможностью неограничения во времени; во-вторых, возможностью неоднократной коррекции промежуточных результатов (поэтапной фиксации и поэтапной коррекции); в-третьих, возможностью уточнения цели осмысления проблемной ситуации. Деятельность, следовательно, есть осознанная последовательность актов мышления-действия, характеризующаяся созданием интеллектуальных продуктов, возможностью самокоррекции, осмысления пути к цели и осознанного выбора средств. Внешним отличием действия и деятельности как раз и является наличие интеллектуальных продуктов, осмысливаемых общностью замысла.

В этом контексте становится возможной интерпретация деятельности как творчества и раскрытие смысла последнего как осознанного и целенаправленного производства интеллектуального продукта. Творчество интуитивно, самоочевидно и самообъясняюще. Но оно включает *структурированный набор*

признаков, один из которых (способность создавать) является самообразующим. Этот процесс включает *воспроизводство эталона* – воплощение видовых (оптимальных для данного процесса) форм интеллектуального продукта; организацию знания в памяти человека или программе определенным образом – в виде схемы. Результатом деятельности как творческого процесса становится реализованный интеллектуальный продукт или *изделие* – «идея (энергия мышления), преобразованная в вещественную форму». Для этого нужен материал, намеренное его структурирование, технология преобразования идеи в вещь. Все три компонента уверенно свидетельствуют о замысле: материал соответствует цели; форма – структуре; знаки – способам изготовления. Понятия «мастерить», «мастерство», «мастер» ассоциируются в творческой деятельности с такими понятиями, как «творение», «сотворенное» и «тварь»¹⁸. Творческий процесс включает такие *врожденные универсальные понятия*, как способность человека говорить и делать. Данный подход актуализирует такие понятия феноменологии и эпистемологии, как морфология, пространство, симметрия, научная очевидность – знаки, формы, репрезентации. Он выражается, в частности, в антропологии письма: конструировании понятия автора – кто пишет (автор, писец), для чего (литературное произведение, письмо, научный труд), что это означает (например, подпись)¹⁹.

Вещь – личностна по происхождению, социальна по функциям, общечеловеческая – по информационному ресурсу. В соответствии с этими свойствами интеллектуального продукта различаются уровни создания, формирования и развития информационного ресурса. Первый уровень – личностное творение, созидание, функционирование человеческого мышления, индивидуальная человеческая деятельность, когда происходит

¹⁸ В этом смысле актуализируется метафора о ремесле историка: *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1986.

¹⁹ «Scribantur haec...». Проблема автора и авторства в истории культуры. – М., 1993; О феномене письма и палеографическом методе в науках о человеке см.: «Я иду на занятия»: вспомогательные исторические дисциплины. – М., 2004. С. 188–191.

переход от идеи к вещи (возникает интеллектуальный продукт и выражающие его понятия – соответствующие слова, понятия). Второй уровень – социальный; его мотив – изделие для повседневности; интеллектуальный продукт, раз возникнув, уже имеет свойства быть освоенным обществом; продукт на этом уровне функционирует как изделие, имеет социальное предназначение, выражаемое понятием «успех» (востребованность, объяснение, усвоение и присвоение достижений, тиражирование, трансляция, товарная цена – все это категории социума). Третий уровень – превращение статической (фиксированной) информации продукта – в живую. Это – уровень когнитивный или познавательный. Фактически – метауровень, когда происходит самопознание процессов понимания: *вытеснение* внутреннего мира вовне, постижение смысла. Возникает интроспекция (самонаблюдение), научный анализ. На этом уровне информационный ресурс вещи оказывается важнее ее социальной (практической) пригодности (сохранение архива, старой вещи, произведений искусства)²⁰.

Вывод об изделии (вещи) как единице дискретной эмпирической реальности, доступной научному познанию, закладывает основу нового междисциплинарного синтеза, поскольку позволяет определить возможности каждой дисциплины гуманитарного познания на пути продвижения к точному и доказательному знанию.

6. Наукоучение как признак зрелой науки: источниковедческая парадигма и ее значение в XX в.

В рамках когнитивной теории новое объяснение получает логика развития самой исторической науки, ключевой фазой становления которой признается появление методологического ядра – самостоятельного раздела или области знаний – *наукоучения*, в котором обобщаются представления и знания сообщества о методах исследования. Появление наукоучения есть признак

²⁰ Данный подход представлен в специальном курсе «Вещь в культуре: Источниковедческий метод историко-антропологического исследования» // «Я иду на занятия»: источниковедение. – М., 2004. С. 202–225.

«зрелой науки»²¹. В XX в. разные гуманитарные дисциплины и методы претендовали на роль такого наукоучения – структурализм, герменевтика и структурная лингвистика. Но они не достигли цели, поскольку не отвечали критерию точности и доказательности: структурализм так и не дал единого определения структуры, герменевтика оказалась зависима от субъективной интерпретации смысла, философия языка, предложив ценные методы анализа грамматических структур и деконструкции текста, не пошла дальше этого в направлении точного знания (методологическая беспомощность понятия так называемого «дискурса» выражается лучше всего в неспособности установить эмпирическую единицу его измерения).

Когнитивно-информационная теория выдвигает свою концепцию наукоучения – им является *методология истории как теоретическое источниковедение*. Ключевыми фигурами в этом отношении признаются такие мыслители, как И. Г. Дройзен²², Ш. Ланглау и Ш. Сеньбос²³, Э. Бернгейм²⁴, разрабатывавшие проблему на традиционной (позитивистской) основе. Переломный момент представлен феноменологической концепцией А. С. Лаппо-Данилевского²⁵ и его школы, разработавших классическую теорию познания и систему методов исторической науки в начале XX в.²⁶ В конечном счете, именно концепция Лаппо-Данилевского оказалась той основой, на которой развивалась подлинная историческая наука и источниковедение в России XX в. Исторический источник – традиционно сложившийся термин, – рассматривающий интеллектуальный продукт с позиций изучения содержащегося в нем информационного ресурса. Определив понятие исторического источника с теоре-

²¹ В философии постановка проблемы принадлежит Гуссерлю: *Гуссерль Э. Философия как строгая наука*. – Новочеркасск, 1994.

²² *Дройзен И. Г. Историка*. – СПб., 2004.

²³ *Ланглау Ш.-В., Сеньбос Ш. Введение в изучение истории*. – СПб., 1899.

²⁴ *Бернгейм Э. Введение в историческую науку*. – СПб., 1909.

²⁵ *Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории*. – СПб., 1910–1913.

²⁶ Подробнее: *Медушевская О. М. Феноменология культуры: концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки*. – М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.

тических позиций, классика методологии источниковедения (Лаппо-Данилевский) акцентировала внимание на его эмпирической данности (реализованный продукт), на его когнитивной универсальности (продукт человеческой психики) и его принципиальной познаваемости как продукта, созданного осознанно и целенаправленно, и потому доступного для изучения²⁷.

На этой основе когнитивная теория выдвигает *новое определение источниковедения*: это «эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом. Предметом источниковедения выступает изучение свойств эмпирического макрообъекта как источника информации, разработка его свойств и методов оценки значимости информационного ресурса»²⁸.

Данный подход позволяет осуществить новый междисциплинарный синтез (в частности – учитывая достижения теории информации) и объяснить смену парадигм в современной науке. Одновременно он позволяет найти решения ключевых проблем гуманитарного познания, которые не могли быть получены на основе предшествующих традиционных методов. Во-первых, когнитивный подход дает возможность доказательно решить проблему *качества информации* в условиях быстрого изменения ее форм.

Понятие *качества информации* связано прежде всего с интерпретацией целенаправленной человеческой деятельности. Информационные технологии изменили восприятие мира, став между исследователем и историческим источником: это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объема информационного ресурса, но с другой – резко снизило качество информации (которая не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). В этих условиях встает

²⁷ Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. – М., 2002.

²⁸ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 352.

проблема *различения подлинной и мнимой информации* (которая отнюдь не тождественна традиционной дилемме различения истинной и ложной информации)²⁹.

Появление *подлинной информации* связано с целенаправленной человеческой деятельностью и является ее функцией. Поскольку выработка информационного объема есть часть деятельности, подлинная информация всегда идет от реальности, актуализируя данные, фиксированные в вещественных формах или отложенные в памяти. Уникальные свойства человеческой натуры, отличающие человека от других живых существ, проявляются, в частности, в его способности привносить в процесс познания окружающего мира категорию меры, – меры пространства, меры времени, а также его способность фиксировать свою деятельность в знаковых системах документирования³⁰. Новая информационная картина поэтому ориентирована на деятельность, создание интеллектуального продукта, когда идет проверка полученного результата. Познавательный информационный обмен (в отличие от пустого – непознавательного) проявляет себя в актуализации интеллектуальных продуктов в их ненамеренной информации (архивы, музеи, коллекционирование, новая модель образования, наука как профессия). В ходе этого процесса активизировано мышление и поиск (например, того, как преодолеть отсутствие того или иного материала, необходимого для создания продукта или изобретения инструмента, размышление о том, в каких понятиях и словах выразить этот результат).

²⁹ Эти понятия не были в полной мере введены автором в научный оборот и приводятся здесь по архивным рукописям.

³⁰ Вспомогательные дисциплины помогают понять фундаментальные человеческие свойства – привносить в познание окружающего мира человеческую меру пространства (метрология), меру времени (хронология) и способность документировать познание в знаках (палеография). Поднимаясь над страноведческими, локальными, региональными разделяющими историю границами, они дают простор для движения мысли – от наглядного, доступного чувственному восприятию материала, цвета, графики, объема – к философской антропологии или компаративистике. См.: Вспомогательные исторические дисциплины: источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. – М., 2008.

Напротив, появление *мнимой информации*, ведущей к созданию имитационного информационного ресурса, предполагает внедеятельностное состояние индивида. Подобный «как бы» информационный ресурс – не обязательно включает фактически ложную информацию, но создает в целом иллюзорную картину реальности, основанную на манипулировании отдельными элементами информационного ресурса. Его отличительные особенности: а) информационный продукт представляется в готовом для потребления виде; в) его формирование не содержит индивидуального деятельностного компонента (отсутствует полноценная энергетика познания, информационный магнетизм, связанный с индивидуальным отбором, проверкой и актуализацией данных); с) предлагается имитация познавательной деятельности. Поскольку поставка информационного ресурса является в современных условиях коммерческим предприятием, то поставщик имитирующего продукта оснащает его стимулирующими добавками: вместо информационной энергетике – апелляция к энергетике эмоций (страха, отвращения, преодоления тайны и т. п.); вместо рационального познания – апелляция к бессознательным структурам дочеловеческого, биологического, в частности – к потреблению (быстрая утрата этих дополнительных стимулов субъективно ощущается в феномене «скуки»); вместо накопления подлинного знания – дефицит реальной информации; вместо творчества – выработка определенных стереотипов и их банализация (понятие информационной «моды»); вместо кооперации исследователей – направленное навязывание информационного ресурса, ведущего к страху выпадения из стандартного информационного поля (того, что «все» видели, слышали, читали).

В целом, «информацией оказывается то, что уже есть у всех и одновременно – нет ни у кого». *Манипулирование информационным обменом возможно вне связи информации с деятельностью.*

Информационная агрессивность, как следствие манипуляции, избирает ситуацию индивидов, которые не заняты познавательной деятельностью и уже в силу этого испытывают дефицит информационной энергетике, формирующей личность в ее

интеллектуальной, а следовательно, и физической форме. Вакуум информации определяется понятием «скудно», которое на коммерческом уровне стремятся преодолеть извне путем привлечения суррогатных информационных добавок: «хлеба и зрелищ» требует интеллектуальный плебс – нетворческий индивид; он же – манипулируемый индивид. Иммунитет против псевдоинформации может иметь только индивид, самостоятельно добывающий информацию, а это возможно лишь в состоянии деятельности.

Во-вторых, когнитивный подход позволяет раскрыть фундаментальную *структуру универсального информационного ресурса*. Если принять совокупность интеллектуального продукта, созданного в ходе исторического процесса, как однородное множество (макрообъект исторической науки), то вид можно определить, в свою очередь, как классификационную единицу для обозначения отдельных подмножеств этого продукта. *Вид* – категория, обозначающая такое подмножество интеллектуального продукта, которое имеет общие признаки внешнего и внутреннего строения. Это общее определение, тем не менее, позволяет не только использовать видовой подход для изучения видовых свойств определенного продукта (летописи, писцовые книги, мемуары, законодательство и пр.), но и проводить анализ видовой конфигурации эпохи, страны, социального целого, культурной целостности³¹.

На уровне эмпирического знания можно применять *видовой подход* к изучению целостных сообществ, в рамках которых эти виды продукта возникают на определенном этапе развития. *Видовая конфигурация* – это состав набора видовых единиц множества интеллектуальных продуктов, находящихся в непосредственном обращении в изучаемой системе (сообществе, стране, культурной общности). Этот состав видовых единиц создает возможность корректного сопоставления видовых конфигураций изучаемых сообществ, стран, культур. Видовая конфигурация,

³¹ Постановка проблемы представлена в работе: Медушевская О. М. Точное знание в истории: структуралистский аспект // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. – М., 2006.

представленные в ней виды продукта дают основание для сопоставительной компаративистики: как по горизонтали синхронно существующих сообществ (синхронный подход), так и по временной вертикали (асинхронный подход), т. е. в сравнении этапов того же сообщества во времени – в разные периоды его исторического развития.

В-третьих, в рамках когнитивного подхода появляется *интегральный объект исследования* – интеллектуальный продукт, информация которого доступна доказательному познанию с позиций источниковедения. Источниковедческий подход, как отмечалось, имеет исключительно важные преимущества в сравнении с традиционным нарративизмом. Нарратив с необходимостью предполагает авторский взгляд историка, конструирующего свой сюжет, свой способ организации фрагментарного материала. Именно поэтому его ценностная иерархия непосредственно доминирует в созданном произведении (тексте). Источниковедческая парадигма, напротив, исходит из методологического противопоставления объекта исследования (произведения) и его субъекта (исследователя-интерпретатора), делая акцент на критическую проверку выводов последнего³². Она предлагает читателю сами источники – документы – как отправную точку исследования. Исторический документ – явление своего времени, и аналитик должен разработать систему критериев выведения доказательного знания, представленного в исследовании или научной публикации источника.

Синдром смешения свойств реального материального объекта и фрагментов знания недопустим в науке. В физике он исчез сам собой со сменой парадигмы классической механики и переходом к квантовой концепции. Для исторического сообщества вопрос до сих пор актуален: достаточно посмотреть, как в диссертациях трактуется вопрос о соотношении объекта (материального объекта наблюдаемой реальности) и предмета исследования. Независимость наблюдения внешней реальности и наблюдателя «извне» аксиоматична и здесь. Следует, однако, не

³² Медушевская О. М. Источниковедение. Теория, история и метод. – М., 1996.

упустить и другую сторону проблемы: независимость эта в физике возникает естественно (ибо физическая реальность не реагирует на наблюдение), а в истории она не возникает сама по себе – в человеческой эмпирической реальности наблюдатель извне и наблюдатель внутри системы должны специально различаться. Этот вопрос давно и внимательно изучался методологами; он имеет место уже в классификации Дройзена: остатки внешней реальности и, наряду с ними, обозначены смешанные формы остатка и результатов наблюдения. Бернгейм четко различает собственно остатки изучаемой реальности и ее наблюдение (традиция), подчеркивая различие методов их изучения. В методологии когнитивной истории (наукоучении) эта задача получает окончательное теоретическое разрешение в концепции отношения познания, познающего субъекта и объекта познания (вещи).

С этих позиций принципиально важен анализ *развития российского источниковедения XX столетия*, основные заслуги которого состояли в следующем. Во-первых, в условиях идеократического режима была сохранена научная (исследовательская) составляющая метода. Необходимое разделение науки и политики (о котором как идеальном типе писал М. Вебер) не могло быть реализовано в России XX в. Интеллигенция, не обладая возможностью открыто выступить против режима, стремилась противостоять ему на культурном уровне, особенно в тех областях, которые требовали профессиональных знаний и наименее поддавались идеологическому манипулированию. Выход был найден в теоретическом источниковедении и практической реализации его установок³³. Подобно средневековым глоссаторам и комментаторам, которые не могли обсуждать смысл канонических текстов, но занимались сравнением редакций и толкованием терминов, выдающиеся представители научного сообщества (как, например, С. Н. Валк) противопоставляли официальному историческому нарративу источниковедческую парадигму точного знания (в основном, в виде академических публикаций источ-

³³ Медушевская О. М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. – М., 1996.

ников по древней истории, но иногда даже идеологических документов, в частности, сочинений Ленина).

Во-вторых, обоснован видовой подход к классификации исторических источников (наиболее адекватный концепции когнитивной истории). Проблематика российских подходов в теории источниковедения и структурных параметрах исторических источников соответствует общим тенденциям эпистемологии гуманитарного знания XX в., содержательно и хронологически совпадает с эпохой подъема структурализма. В дискуссиях 50–60-х гг. XX в. о концепции курса общего источниковедения и принципах классификации источников в создававшейся тогда программе курса четко представлена эпистемологическая дилемма: либо – размытое представление о неструктурированном «океане» источников, в котором познающий субъект свободен выбрать нечто «важное» по его собственной иерархии ценностей, либо научная классификация «по видам», отражающим устойчивые, исторически сформировавшиеся и фиксированные информационные связи. Сходная альтернатива представлена в дискуссии того же времени о классификационных представлениях в архивистике: либо – искусственные тематические серии, либо, напротив, – сохранение естественно-исторических связей документа и фонда (известный принцип недробимости фонда). В этом споре удалось отстоять видовой принцип и отвести настойчиво предлагавшуюся альтернативу – группировать источники тематически (по принципу обзоров, «отнесением к ценности» более важных, менее и т. п.). Тем самым были остановлены попытки конъюнктурного идеологического переформатирования источниковой базы российской истории³⁴.

В-третьих, дана концепция логически непротиворечивого, доказательного пути установления и передачи значимости информационного ресурса. Если говорить о влиянии источниковедческой парадигмы на восприятие исторического знания в

³⁴ Подробнее о дискуссиях этого периода: *Беленький И. А.* Путь научного поиска О. М. Медушевской // Археографический ежегодник. – М., 1994. С. 212–220.

современной России, то на первое место следует поставить тот несомненный факт, что преподавание истории основано на изучении всего корпуса интеллектуального продукта – исторических источников по видовому признаку: видовая конфигурация российской истории с древнейших времен до настоящего времени была положена в основу структуры университетских учебников XX–XXI в. (издания МГИАИ, РГГУ, МГУ, региональных университетов России и ряда других стран)³⁵. Этот подход, представленный прежде всего школой теоретического источниковедения О. М. Медушевской, является системным, позволяя осуществлять восприятие истории в рамках исторического настоящего в его видовой конкретной реальности и применять единые критерии доказательности выводов³⁶.

Общее значение источниковедческой парадигмы – способность отделить истинное знание от ложного и подлинную информацию от мнимой (или псевдознания).

7. Основы социологии гуманитарного познания: наука, образование и профессиональный выбор

Механизмы информационных процессов с позиций когнитивной методологии предполагают выяснение социальных параметров информационного феномена; взаимного отношения таких понятий, как объяснение и понимание, наука и образование, факторов, влияющих на этический и профессиональный выбор ученого³⁷.

Когнитивная наука – это не только теория и исследовательская практика ученого. Это также образовательная модель истории как эмпирической науки, имеющей свой объект и потому вступающей в исследовательские контакты с науками о человеке

³⁵ Источниковедение: Теория. История. Метод. – М., 2004.

³⁶ Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф. О. М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1.

³⁷ Медушевская О. М. Когнитивно-информационная модель образования в науках о человеке // Образ науки в университетском образовании. – М., 2005.

и науками о природе. Проблема реорганизации (переориентирования) гуманитарной науки и университетского образования оказывается в центре внимания научной общественности. Общая их линия определена следующим образом: наука выделяет предметную область метода и рассматривает ее. Именно методы исследования – преподаются. Информационный ресурс исторического опыта востребован, но необходима актуализация дисциплин цикла методологии истории в университетском образовании.

При конструировании образовательной модели с позиций когнитивной теории важно различать *объяснение и понимание*. *Объяснение* – трансляция исследователем постигнутого им смысла другому. Это – познавательная ситуация двух неравнозначных индивидов, один из которых уже сделал открытие, изобретение, постижение смысла, и он транслирует суть этого смысла другому, для этого он выстраивает цепь понятий, излагает свою логику, или изображает модель – схему принципа действия, способствуя в итоге пониманию. *Понимание* – это выявление смысла и методов, которыми он постигается. В педагогике объяснение и понимание лежат в основе разных моделей.

В настоящее время в научном сообществе ведется полемика о структуре университетского образования. В ее основе – *две образовательные модели – транслирующая и когнитивная*, между которыми существует принципиальное различие. Первая (транслирующая) объясняет, означает, убеждает эмоционально. При этом не создается информационной энергетике и потому нужны особые приемы занимательности, привлечение эмоций и т. п., иначе «скучно». Вторая (когнитивная) – учит понимать: сообщает исходные данные и излагает способы выведения смысла, открытия из эмпирики данных. Здесь информационная энергетика возникает сама – на уровне самостоятельного выведения смысла³⁸.

Данная (когнитивная) концепция дает дополнительные *аргументы в пользу сохранения фундаментального гуманитарного университетского образования*, основное преимущество которого (по сравнению с различными вариантами прагматического или

³⁸ Данная идея является лейтмотивом сборника: Образ науки в университетском образовании. – М., 2005.

прикладного образования) усматривается прежде всего в передаче молодым поколениям навыков самостоятельной оценки и критического анализа информации³⁹. Сформировать образ науки в университетском образовании – значит представить, как данная наука добывает новое знание. Образовательная концепция, конструируемая для данной цели обучения, уже не есть традиционная транслирующая модель (по определению не способная различить известное и новое знание): востребована именно «модель когнитивно-информационная, потому что она ориентирована на познание, а в познавательном процессе самое ценное – это обучение методу»⁴⁰. В частности – способности исследователя различать истинную информацию от ложной с позиций интересов творчески формируемой картины мира социума и отдельного индивида.

Когнитивная концепция составляет поэтому основу такой образовательной модели, которая должна стать доминирующей в современном обществе. Три составляющих фундаментально-университетского образования, которые открывают перспективы наддисциплинарного диалога наук о природе в широком смысле и наук о человеке, имеют принципиальное значение: когнитивная методология, поскольку она определяет связь философии и эмпирической науки в познании реального мира; структурализм когнитивной истории, поскольку он выявляет специфику структурно-функционального подхода в гуманитарном познании; источниковедческая компетентность, поскольку она определяет специфику человеческого (опосредованного) информационного обмена, дает метод распознавания информационного ресурса⁴¹.

Нельзя сказать, что когнитивная образовательная модель нейтральна в отношении *этических категорий*, таких как *истина* и

³⁹ Эта тема отражена в последнем интервью О. М. Медушевской. См.: Аудитория. 2007. № 35–36. С. 2–3.

⁴⁰ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. С. 313.

⁴¹ Именно эти параметры положены О. М. Медушевской в основу концепции РГГУ как университета нового типа. Они отражены в ее выступлениях на Ученом совете университета, в архивных документах, в частности, тезисах доклада – «Условия превращения РГГУ в современный открытый вуз».

добро. Напротив, они выступают как важнейшие параметры и предмет когнитивного процесса, определяя этику профессионального сообщества. Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой – занятие строгой наукой (и тогда разработка методов критической проверки данных и установление критериев доказательности выводов) или искусством (т. е. следование релятивистским установкам, размывающим научные методы и оперирующим псевдопонятиями, лишёнными научного значения). *Выбор на индивидуальном и коллективном уровне* зависит от ряда внешних факторов, определяемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанной нравственной позицией. Проблемы научного сообщества как самостоятельного объекта исследования получают осмысление в рамках когнитивной теории по следующим параметрам: конфликты школ, традиционализм и модернизм, повседневность и открытия, догматизм и инновации, ориентация на постижение смысла или сознательный уход от этой установки под влиянием страха, сомнений, эгоистических интересов или политических установок. Все эти психологические состояния исследователей значимы с когнитивной точки зрения, поскольку позволяют раскрыть разные ситуации соотношения науки и политики XX в., отражающие логику и трудности человеческого познания⁴².

Решение проблемы на современном этапе состоит в *профессионализации научного сообщества* как осознанном этическом выборе. Соотнесенность интеллектуального успеха (новое знание) и коммерческого успеха (заработанные средства при продаже науки как товара) всегда составляет проблему соотношения общества и власти. Одним из вариантов ее решения является такой способ *самоидентификации и структурирования научного сообщества*, который основан на понимании и принятии когнитивного процесса достижения нового знания (и отчета перед обществом

⁴² На когнитивную значимость эмоциональных процессов в науке обратили внимание рецензенты труда О. М. Медушевской. См. например: *Сабенникова И. В.* Рец. на: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории // Российская история. 2009. № 2.

интеллектуальным продуктом в виде новых трудов); другая – такое соединение науки и образования (университетская наука), которое обеспечивает переход от транслирующей модели к когнитивной и позволяет выдвигать в виде интеллектуального продукта учебные издания (дающие новое качество понимания, а не только коммерческую отдачу), третья – создание системы ценностей, закрепляющих приоритетный статус специалистов, способных создавать новое знание, определенный интеллектуальный продукт, имеющий фундаментальное познавательное знание⁴³. Наука, конечно, не отграничена от общества и потому направления ее исследований соотношены с потребностями общества, с его амбициями и ожиданиями. Однако, это отношение более опосредованно, нежели знания, потому что в противном случае кардинально новые идеи, опережающие массовое сознание, не могли бы состояться. Ученый – это тот, кто свободно выбирает предмет своих исследований, в отличие от знатока, ориентированного на практическое использование.

8. Вклад когнитивно-информационной теории в формирование научной картины мира

Когнитивно-информационная теория О. М. Медушевой, преодолевая односторонность традиционных познавательных схем, создает основы новой методологии гуманитарного познания и показывает пути ее практического применения. Масштаб теории определяется уровнем подхода автора когнитивной теории к изучению общества, сопоставимым с философией истории Гегеля, нравственным абсолютизмом Канта, поиском отточенных логических категорий Гуссерля, сравнительным подходом к глобальному историческому процессу А. Тойнби, стремлением к целостной разработке методологии науки в традициях В. И. Вернадского и А. С. Лаппо-Данилевского.

Во-первых, данная теория вводит в науку новый системообразующий принцип – универсальных когнитивно-информа-

⁴³ Медушевская О. М. История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество // Вестник РГТУ. 2008. № 4.

ционных взаимосвязей общества, и разрабатывает на этой основе категориальный аппарат – систему оригинальных логически взаимосвязанных понятий. Присущее индивиду свойство воспринимать информационный ресурс, заключенный в интеллектуальных продуктах, созданных другим человеком, и включать его в свою информационную картину позволяет раскрыть различие между антропологическим и когнитивным видами социальной адаптации: последняя состоит как раз в освоении способности индивида завершить цикл активного мышления фазой фиксации его результата в виде интеллектуального продукта, вещи и умения расшифровать ее информацию. Целенаправленная деятельность фиксирует самое себя и создает множество интеллектуальных продуктов. Интеллектуальный продукт есть та фундаментальная связь, которая через опосредованный информационный обмен соединяет социум и обеспечивает его информационный ресурс – макрообъект истории.

Во-вторых, теория обосновывает предмет и метод истории как когнитивной науки. История выступает как эмпирическая наука, она изучает интеллектуальный продукт. Предмет когнитивной истории, следовательно, – сознание, мышление. Но одновременно становится определенным изучение этого сознания как эмпирической реальности. Оно возможно через привлечение источника – реализованного продукта целенаправленной человеческой деятельности. Так когнитивная деятельность выступает как предмет науки, а эмпирическим ее объектом становится сам реализованный продукт.

В-третьих, когнитивистская теория раскрывает механизм познавательной деятельности. Важно, что каждый новый уровень преобразований информации – динамичной в статичную (продукт) и продукта в динамичную информацию участников социума – происходит непрерывно: даже если индивид по тем или иным причинам выбывает из этого функционирования, его продукт продолжает свое участие в информационном обмене. Поэтому каждый новый виток информационного обмена идет не по кругу, а постоянно наращивает общий объем информационного ресурса, участвующего в опосредованном информационном обмене. Есть в этой схеме преобразовательные

ситуации, которые индивид совершает в глубине своего сознания. Это – *идея обретения смысла*, понимания, творчества, когда мысль выступает в виде идеального образа будущего интеллектуального продукта. Накопление информации в вещественных формах составляет содержание прогресса в истории. Информационные связи внутри социума замкнуты. Это – его общая картина мира.

В-четвертых, на этой основе сформулировано новое науковедение – методология истории как зрелой (т. е. строгой и точной) науки, способной к достижению достоверного и доказательного знания. Если фундаментальное свойство человека – это мышление, то ключевая проблема: в какой мере мышление познаваемо, в какой мере оно может быть предметом эмпирического изучения? Когнитивная теория отвечает на этот вопрос – раскрывает логику гуманитарного научного познания, включающую ряд основных стадий – от гипотезы к постижению и фиксации смысла и от него – к новой познавательной деятельности.

В-пятых, данная теория решает проблемы, с которыми не удалось справиться традиционной методологии истории – экзегетике (включающей различные формы нарративизма и герменевтики). Главная из них – проблема доказательного познания в гуманитарных науках. Эта ситуация в науке определяется как смена парадигм – переход от нарративизма к когнитивно-информационной парадигме. Что особенно важно для преодоления нарративистской парадигмы – это новый подход к историческому синтезу: он не воображается историком априорно, но выстраивается как следствие самого феномена источника. Культура мыслится как целое, познаваемое через продукт, который она произвела.

В-шестых, теория акцентирует такие параметры познавательного процесса, как метод, логика, когнитивная устремленность к смыслу. Путь к истории как точной науке ведет свое начало от теории и методологии понимания смысла: она утверждает цельность продукта как следствие целеполагания индивида, определяя его (продукт) как результат и воплощение человеческой психики, источник информации, и утверждая исследова-

тельский метод через постулирование чужой одушевленности. Материальный образ продукта воссоздается как явление культуры (методология теоретического источниковедения и исторического построения).

В-седьмых, теория определяет критерии качества информационного ресурса, его структурные параметры, а также интегральную единицу измерения. На этой основе становится возможным решение проблем соотношения опыта и знания, объяснения и понимания, науки и образования, создания его современной концепции в университетском преподавании.

В целом, когнитивно-информационная теория О. М. Медушевой – это *новая парадигма* в науке, открывающая перспективы формирования доказательного гуманитарного познания, критериев отделения подлинной информации от мнимой, познавательной модели образования от транслирующей, превращения истории в строгую и точную науку⁴⁴. Ее создание радикально меняет ситуацию в науке и принципиально важно для определения стратегии научных исследований и гуманитарного образования, этического и профессионального выбора интеллигенции.

⁴⁴ Именно этот вывод определяет стратегию научных исследований на современном этапе. См.: Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его деятельности // Отечественная история. 2008. № 5.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ⁴⁵

Постановка вопроса. Реальность объекта и сравнение как способ его познания; сравнительный подход в гуманитаристике; проблема объекта в гуманитарном знании.

Сравнение есть основная функция мышления: сравнивая объекты и интерпретируя результат, человек осуществляет суждение. Сравнение непосредственно данных, чувственно воспринимаемых объектов особенно важно; потому естественно, что каждая область знания стремится расширить поле непосредственно воспринимаемых объектов, равно как и совершенствовать методологию критической проверки и логической интерпретации полученных данных. Сравнительный подход в науке выступает как своего рода опознавательный знак, примета качества строгой науки, т. е. такой науки, которая способна утверждать сопоставимость своих объектов и вывести поддающиеся критической проверке суждения, заключения, прогнозы. Гуманитарные науки не составляют в этом отношении исключения. Для них сравнительный подход весьма привлекателен, хотя возможности непосредственного наблюдения ограничены и сложность интерпретации особенно велика. Проблема объекта в гуманитарных науках, его соотнесенности с реальными, чувственно воспринимаемыми явлениями, природа соотношения субъекта и объекта гуманитарного познания остается центральной его проблемой. Практика исторических исследований свидетельствует о том, что сравнительно-исторический метод, необходимый и необычайно притягательный для ученого, ставит, однако, перед ним сложные и далеко не всегда разрешимые вопросы в ситуациях сравнения исследовательских «фактов» —

⁴⁵ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29–31 января 1996 г. — М.: РГГУ, 1996. С. 6–27.

конструкций, понятий, идеальных типов – и часто заставляя сомневаться в возможностях гуманитаристики как строгой науки. Между тем, в гуманитарном знании существуют направления, которые давно и результативно пользуются сравнительным методом на условиях строгой науки. Это сравнительное правоведение, языковедение, литературоведение, сравнительное религиоведение, сравнительные исследования мифологии, сравнительное изучение актов (дипломатика). Методологическая природа результативности данных и родственных им направлений чрезвычайно интересна и поддается объяснению с позиций той методологической парадигмы, которой посвящена статья. Необходимо отметить, что проблемы методологии гуманитарного познания приобретают в настоящее время особую актуальность. Современные гуманитарные науки – с их проблемами интеграции, дифференциации и междисциплинарного диалога ученых – формируются как единое знание о человеке. Но на пути к созданию действительно единого и целостного знания о человеке, природе и обществе в их взаимодействиях возникают трудности и проблемы, подчас кажущиеся непреодолимыми. На какой фундаментальной основе может осуществляться интеграция гуманитарного и естественнонаучного знания? Примеров успешного применения к одному реальному объекту методов разных наук (а именно это и следует понимать под интеграцией наук) не слишком много. Более того, интеграционные процессы взаимодействия собственно гуманитарных наук между собою также внутренне противоречивы. Приведем лишь одно, но достаточно авторитетное свидетельство. Основанный в конце 20-х гг. Л. Февром и М. Блоком журнал «Анналы», уточняя свою современную методологическую направленность, вновь изменил свой подзаголовок. Вместо подзаголовка «Экономики; общества; цивилизации» он гласит теперь: «История и социальные науки». Тем самым подчеркивается мысль о том, что в центре интеграционных, междисциплинарных контактов современной гуманитаристики оказывается не столько сравнение или диалог интерпретационных моделей (культур, обществ, ментальностей и др.), сколько проблема сближения методов их познания, выработанных разными гуманитарными науками. В свою очередь, эта проблема сближения

методов рассматривается как проблема исключительной сложности. Как историческая наука, не теряя своей идентичности, своего лица, – как может она интегрировать свой метод с социальными науками, которые, в отличие от нее, отнюдь не конструируют свой объект или его образ?⁴⁶ Ставя вопрос таким образом, редакция «Анналов» подтверждает свою открытость междисциплинарному диалогу, который, как никогда, плодотворен и необходим. Как активизировать процесс познания? Как соединить воедино работу теоретическую и экспериментальную, как активизировать эмпирические исследования, как соотнести их с философской рефлексией, какое значение в прогрессе гуманитарного знания имеют открытия новых документов, прогресс использования техники, новые концепции? Все эти вопросы ведут нас к одному – к методологическому подходу. Хотелось бы понять, чем обеспечивается результативность сравнительного метода в гуманитарных исследованиях. Практика исследований свидетельствует, что либо область его применения ограничена, либо – при более широком использовании – возникают сомнения в правомерности его применения, сопоставимости явлений, доказательности логического вывода. В условиях широкого распространения междисциплинарных взаимодействий важно понять соотношение каждого частного исследования (изучения документа, фрагмента реальности прошлого, приложения методики исторического ремесла и проч.) и целостного гуманитарного синтеза. При каком методологическом подходе частные труды складываются в единое новое знание?

Российский государственный гуманитарный университет рассматривает эти проблемы как особо актуальные – в силу единой гуманитарной направленности и разнообразия типов выпускаемых специалистов. По мере развития междисциплинарных контактов исторической науки, антропологии и этнологии, наук об информации и наук о языке, социологии, политических наук и социальной психологии, на первый план выдвигаются проблемы метода, а более конкретно – методологии изучения источников познания человеческой деятельности,

⁴⁶ Annales. Histoire, sciences sociales. 1994. Janv.-fevr. P. 4.

совершенствования информационной основы, методов верификации социальной информации, ее надежности и репрезентативности. В настоящее время гуманитарные науки достаточно ясно определили общность своей цели – изучение человека в его взаимодействиях с обществом, государством, природой, другим человеком. Преодолевается отчуждение разных областей знания, обозначилось и реализуется стремление к диалогу, возникают новые междисциплинарные направления исследований. По мере их развития более очевидным становится тот факт, что суммирование знаний о человеке, накопленных каждым из направлений в отдельности, не создает нового качества. Для формирования единого и целостного знания недостаточно ни осознания общей цели, ни суммирования результатов. Суть проблемы – в исследовании фундаментальных объективных оснований единого знания о человеке. Поиск этих фундаментальных оснований составляет главную проблему современной методологии истории, социологии, антропологии, психоанализа, науки о языке, философии, психологии.

В данной связи интерес вызывает оригинальная, не повторяющаяся в других направлениях гуманитарных наук XX в., парадигма методологии истории, особое учение о методах, обеспечивающих строгую научность исторического и – шире – гуманитарного знания. Суть ее состоит в своеобразной интерпретации объекта исторического познания, его свойств, и в построении, в соответствии с этими свойствами, целостной логической системы методов его познания. Она разработана (в главных чертах) русским историком и философом, исследователем методологических проблем гуманитарного познания акад. А. С. Лапшо-Данилевским, создавшим научную школу, оказавшую существенное влияние на ряд социальных мыслителей, историков, правоведов, социологов, историков науки, филологов в России и за рубежом. Далее мы более подробно рассмотрим данную парадигму, в свете которой получает новую интерпретацию и проблема сравнительного метода в гуманитарном познании. Здесь же отметим те исходные положения, которые делают данную парадигму особенно актуальной для современной гуманитаристики: наука немыслима без четкого

представления о своем реально существующем, доступном критическому наблюдению объекте; определив объект исторического познания, возможно строить методологию истории как целостное, взаимосвязанное, логически обоснованное учение о методах, обеспечивающих строгую научность исторического знания⁴⁷. Строгость и точность, логическая выверенность и обоснованность каждого положения, теоретическое единство «Методологии истории» Лаппо-Данилевского соответствует тому образу строгой гуманитарной науки, о котором писал Э. Гуссерль⁴⁸. Публикуя в русском переводе эту работу Гуссерля, русские философы и методологи, и конечно Лаппо-Данилевский, вполне разделяли утверждение Гуссерля о том, что только по достижении подобной концептуальной ясности можно науку преподавать. (Собственно, Гуссерль говорил о «Философии как строгой науке», но оно вполне применимо к гуманитаристике и в более широком смысле). Во всяком случае, обосновывая необходимость строгой логической разработки методологии истории, Лаппо-Данилевский именно такую систему и создал. В центре его методологии истории оказалось учение об объекте исторического знания – исторических источниках. Рассмотрев имевшуюся по этому вопросу специальную литературу, он констатировал, что работы эти не составляют еще «цельного и систематического учения». Идеи школы русского источниковедения целесообразно рассмотреть в свете развития ведущих направлений гуманитарных наук XX в. Это позволяет предложить данную парадигму в ее современной интерпретации.

1. Проблема объекта и субъекта в гуманитарных науках. Гуманитарные науки в поисках объекта

Принципиальное значение для науки новейшего времени имело разграничение наук о культуре и наук о природе по объекту их исследования и методам познания, осуществленное в философской мысли XIX – начала XX вв. В свете последующе-

⁴⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Спб., 1910–1913. Вып. 1–2.

⁴⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911. Кн. 1. С. 54.

го развития гуманитарных наук очевидно, каким мощным импульсом стала направленность на выявление специфики наук о культуре, осознание их уникальности и специфики объекта исследования. Однако, обозначенная философией неокантианства граница между науками о природе и культуре, постепенно углубляясь (в ходе развития интуитивистских течений и борьбы с позитивистскими трактовками в историографии), размежевала и нечто фундаментально единое. С одной стороны, становление информационных наук произошло под знаком технологических приоритетов, что имело, несомненно, и негативные последствия. С другой стороны, науки о культуре, отказавшись от позитивистских трактовок естественно-научного характера (в духе органицистских доктрин позднего О. Конта о человечестве как организме или в духе бихевиористских интерпретаций учения И. П. Павлова или «законов подражания» Г. Тарда), оказались перед необходимостью вновь открывать применимость системного подхода, законов связи и управления. Важно отметить, что теоретико-познавательная концепция Лаппо-Данилевского избежала противопоставления наук по их методу. Для него идиографический и номотетический подходы представляют всего лишь различные принципы исследования любых объектов – как природы, так и общества, причем оптимальным признается применение обоих подходов, достижение их синтеза. Ученый исходил из фундаментальной для него идеи единства мирового, вселенского, космического целого, частью которого (но в своем роде особой, уникальной) является человечество.

Так или иначе, но для мировой гуманитаристики XX в. специфичность мира культуры и способов его постижения стала центральной проблемой. Были обозначены реальные, объективно существующие трудности социального познания. Прежде всего: как познать человека, внутренний мир которого закрыт для наблюдения извне, и, в то же время, не может быть полностью понят и через личный опыт исследователя? «Возможность постигнуть Другого – одна из самых глубоких теоретико-познавательных проблем. Как может индивидуальность сделать предметом общезначимого объективного познания чувственно

данное обнаружение чужой индивидуальной жизни», — так формулировал эту проблему В. Дильтей. Едва встал вопрос об изучении «целостного», «тотального» человека в единстве его социальных, биологических свойств (о чем писал М. Мосс, последователь Э. Дюркгейма), как выяснилась вся сложность подобной задачи. Как воспринять его реальный, данный в ощущениях жизненный мир, опыт его повседневности? И если, наконец, в науках о культуре, в отличие от наук о природе, объект и субъект познания не противостоят друг другу, а практически неразделимы, если здесь для познания требуется не просто объяснение, как в науках о природе, но понимание, то возможна ли здесь выработка рациональных методов исследования?

К решению проблем научного познания мира культуры гуманитарные науки XX в. двигались разными путями. Новые школы и направления складывались в области методологии истории, социальной и культурной антропологии, социологии и этнометодологии, в науке о языке, психоанализе, и в каждом из них накапливался опыт, высказывались суждения о перспективах гуманитаристики, о ее философских и методологических основаниях. В 20–30-е гг. главным препятствием на пути создания единого знания представлялась позитивистская традиция, в рамках которой эмпирические и теоретические исследования, анализ и синтез в изучении культурных феноменов были разделены и противопоставлены друг другу. Позитивизм поддерживал разобщенность ученых, препятствовал междисциплинарным подходам. Об этом писал в 1923 г. А. П. Карсавин, несколько позднее свои сражения с позитивистски настроенными историками развернули Л. Февр, отчасти М. Блок и Р. Дж. Коллингвуд. Особую роль в формировании нового подхода к методологии исторического исследования на Западе сыграла школа «Анналов», ведущей идеей которой, при всем разнообразии связанных с ее влиянием течений, явилась концепция «глобальной истории», охватывающей все стороны жизни человека и общества. Вторая половина XX в. обозначила качественные изменения в развитии гуманитаристики. Профессиональная изолированность таяла под напором таких мощных факторов, как рост ис-

торизма общественного сознания, падение европоцентристских стереотипов в историко-культурном и политическом мышлении, развитие информационных возможностей современной технической революции. Новые направления, оказывающие огромное влияние на гуманитарную мысль второй половины XX в., изначально складывались не в рамках традиционных наук, но, напротив, в междисциплинарном культурном пространстве – где формировались и развивались структурализм, психоанализ, некоторые аспекты социологии и психологии вербального и невербального общения. При первых взаимных узнаваниях, напр., историков и социологов, казались существенными и заслуживающими обсуждения такие, по существу, более внешние проблемы, как хронологические рамки прошлого и современности, различие принципов критики источников, проблема применения количественных методов в рамках той и другой науки и т. п. Однако, по мере развития интеграционных процессов на первый план вновь вышли трудности поиска общей методологии, выявление тех фундаментальных оснований процесса познания, которые позволяют рассчитывать на сопоставимость, взаимодополняемость исследовательских достижений различных гуманитарных наук. Вновь прозвучал тот знаменитый (дильтеевский) вопрос, который обозначил в свое время – в конце XIX – начале XX в. – новый этап развития гуманитаристики как системы наук о культуре. На этот раз его задает П. Рикёр: «Каким образом жизнь, выражая себя, может объективизироваться? Каким образом она, объективизируясь, выявляет значения, поддающиеся обнаружению и пониманию другим историческим существом, преодолевающим свою собственную историческую ситуацию?»⁴⁹ В «Методологии истории» Лаппо-Данилевского центральным является именно этот вопрос, разработана и собственная формула ответа на него. Этим данная методология и интересна для современной гуманитаристики. Но поскольку проблема интересует нас сейчас не в плане истории мысли начала XX в., а в плане перспектив современной методологии, то важно, прежде всего, рассмотреть,

⁴⁹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

какие ответы на этот фундаментальный вопрос дало развитие других направлений гуманитарных наук нашего времени. В их методологических поисках попытаемся увидеть общее и, на наш взгляд, главное: каков же реальный объект гуманитаристики⁵⁰, если она формируется как наука о человеке? Какой реальный объект доступен наглядному опыту, или, говоря словами Лаппо-Данилевского, «чувственному восприятию»?

Поскольку гуманитарные науки изучают не изолированного индивида, но процессы взаимодействия людей, то можно предположить, что в более выигрышном положении оказывается социология. Именно она ориентирована на изучение структур, явлений и процессов, происходящих здесь и теперь. А следовательно, может изучать взаимодействия людей, происходящие в присутствии наблюдателя. Это определяет особый интерес социологов к методам всякого рода диалогов, интервью, опросов, а с возникновением устной истории – к ее возможностям немедленной фиксации феноменов человеческого общения.

Социальный индивид, его формирование и поведение в условиях междисциплинарных взаимодействий как исследовательская проблема находились в центре внимания социологов уже в начале XX в. Американский социолог Ч. Х. Кули рассматривал общество, социальные группы и индивида как единство взаимодействий, в котором индивид усваивает представления о себе, возникающие в его группе, и формирует соответственно свои представления о ситуации. Эти представления выступают поэтому как значимые социальные факты. Применение биографического метода в социологии отражало не утраченный еще интерес к человеческой личности, и соответственно – к документам, выражающим ее субъективные установки. Интересно с данной точки зрения известное исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», где используются личные документы – переписка, биографические документы, дневники и воспоминания как источники, отражающие реальность социальных ситуаций и дающие возможность их интерпретации социологом. Однако биографический

⁵⁰ *Барт Р.* От произведения к тексту // *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 413.

метод и соответствующий интерес к источникам социальной информации постепенно уступает в социологии место другим методам. Характерной тенденцией социальных наук стал отход от проблемы познания личности, Она сменялась иной целью – познания типового, среднего, массового индивида. Возрастающая тенденция нивелирования личности стала отчетливо проявляться с начала XX в. Происходит глубокая трансформация массового сознания. Испанский философ Ортега-и-Гассет писал в 1930 г.: «В современной общественной жизни Европы есть – к добру ли, к худу ли – один исключительно важный факт: вся власть в обществе перешла к массам». Философ имел в виду особое состояние общественного сознания, его ориентированность на уровень среднего, типического индивида: «Масса – это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса – это средний, заурядный человек. Таким образом то, что ранее воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество. Оно становится общим, социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от другого, безличного общего типа»⁵¹. Было бы странно, если бы гуманитарные науки не изменили вектора своих интересов и исследовательских целей под влиянием столь мощных тенденций эпохи. Происходит подвижка ориентиров всех гуманитарных наук, которую можно интерпретировать как реакцию на процесс воздействия массовой культуры на науку, искусство, политику, психологию. Искусство и близкие к нему интуитивистские направления методологии истории отражают настроения экзистенциализма – одиночества и самоутверждения активной личности творца. Социология же, напротив, ищет пути понимания психологии человека массовой культуры и методы, позволяющие прогнозировать поведение больших групп индивидов, выступающие как социально значимые ориентиры в политике, экономике или культуре. Социология как строгая наука, естественно, не отказывается от методологического поиска реального, наблюдаемого объекта как фундаментальной основы

⁵¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 121.

для последующих интерпретаций, обобщений и своевременных прогнозов. В центре наблюдений оказывается феномен междисциплинарного взаимодействия – общения людей, передачи сообщения. В свое время П. А. Сорокин (стремившийся обобщить в своем видении социологии как строгой науки достижения мировой социологической мысли, учения русских социологов и правоведов М. М. Ковалевского, Л. И. Петражицкого, методолога А. С. Лаппо-Данилевского и учение основателя рефлексологии В. М. Бехтерева) именно так определяет предмет социологии. Он пишет: «Социология изучает явления взаимодействия индивидов друг с другом и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия»⁵². Для него важно, что взаимодействия людей реализуются в их поведении, они выражены во внешних проявлениях, «доступных наблюдению и констатированию». Именно поэтому он стремится «свести до минимума» психологическую интерпретацию, сосредоточить внимание на изучении «внешних, доступных наблюдению фактов и процессов». Но ее альтернативой может стать лишь естественно-научная, бихевиористская трактовка общения, что и выявляется, когда Сорокин говорит о трех элементах, на которые распадается явление взаимодействия, – это индивиды, их акты (акты взаимодействия) и проводники. В обобщенной, абстрагированной форме ученый называет виды проводников, служившие для передачи сообщения, – звуковые, световые, тепловые, механические, электрические, вещественные, знаковые (гербы, татуировка) и, наконец, письменные и даже собственно люди, выступающие «как контактные звенья цепи проводников». Для интерпретации феномена человеческих взаимодействий подобный подход был, разумеется, недостаточным. На тот факт, что бихевиористский подход для социологии неперспективен, справедливо обращали внимание на диспуте по поводу «Системы социологии» русские ученые – историк Н. И. Кареев, философ И. И. Лапшин, социолог К. М. Тахтарев, да и сам Сорокин впоследствии изменил свои взгляды. Феномен межличностной коммуникации сохранил для социологии свою привлекательность. В нем гуманитарная наука получила

⁵² Сорокин П. А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 57.

тот реальный, непосредственно наблюдаемый объект, который для любой науки является необходимым условием получения точного, строгого, доступного проверке знания. Именно об этом мечтал Сорокин, когда говорил об изучении внешних, доступных наблюдению фактах и процессах. Но уже тогда было ясно, что до разгадки этого феномена, при его кажущейся простоте и многократной повторяемости, еще очень далеко. Расширение поля исследования социальных наук стало реальностью⁵³.

Новый материал наблюдений и сопоставлений данным направлениям исследований дали антропология и этнология, ориентированные на исследование форм человеческого мышления, образа жизни, социальной организации⁵⁴. По мере углубления в суть проблемы выявляются как все новые возможности познания человека, так и почти непреодолимые трудности исследования феномена общения. Одна группа проблем и, соответственно, направлений исследований, связана с интеграцией процесса общения. И мир – театр, и люди в нем – актеры, и сцену каждый видит по-своему – на уровне вербальном и невербальном, на уровне понимания, расшифровки смыслов, соотнесения способов мышления и картины мира участников диалога, осмысления ситуаций взаимодействия их участниками и наблюдателями. Символический интеракционизм – теоретико-методологическое направление в социологии – уделяет главное внимание символическому содержанию взаимодействий. Другая группа проблем связана с изучением структуры мышления индивида, складывания его картины жизненного мира, влияния его повседневного опыта. В интернациональном мире, считает философ и социолог А. Шюц⁵⁵, представления индивидов изначально интерсоциализированы: в представлениях индивидов и их общении имеет место ряд факторов, формирующих различия структуры социального мира каждого из индивидов, способы типизации в конструкторах повседневного мышления. В общении имеет место различие и соотнесенность

⁵³ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 28–34.

⁵⁴ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1995.

⁵⁵ Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994.

перспектив (то, что означает объект для одного, не означает того же для другого индивида); относительность совпадения системы релевантностей (совпадающее представление об объекте); различие способов обращения с вещами и людьми, привычек и нравов; социализированность распределения знания, поскольку объем знаний индивидов различен; различие для них, в соответствии с этим, языка вещей, имен, событий. Очевидна поэтому необычайная сложность структуры повседневного мышления и неоднозначность ее интерпретаций. Для социологии новейшего времени, когда векторы массового, обыденного сознания стали играть в развитии социальных конфликтов эпохи столь существенную роль, вполне объясним интерес социологов к данной проблеме. Один из способов ее решения состоит в типизации, моделировании типов личности, моделей социального действия, социального взаимодействия, соотношения действий, проектов, мотивов, использования набора повседневных стереотипов мышления (конструктов) в интерпретации интеракционных взаимодействий. Данное направление, разработанное в трудах Ч. Кули и Г. Мида, нашло свое развитие в общей теории социального действия Т. Парсонса. Данное направление в социологии опирается на исходные понятия деятеля и ситуации, ориентации деятеля на ситуацию, исходит из представления о субъекте, ставящем перед собой цель и стремящемся к ее осуществлению, разрабатывает сложные и тонкие методы исследования феномена социального действия⁵⁶. Нельзя, однако, не заметить, что понятие социального действия оставляет в стороне важную, а в категориях разрабатываемой нами концепции – фундаментальную черту человеческой личности – ее способность к творчеству и созиданию. В какой-то мере эта проблема возникает перед исследователями структуры повседневного мышления, но не приобретает решающего характера. Так А. Шюц говорит, по существу, именно о продуктах человеческой деятельности, но рассматривает их как бы извне – не со стороны их создания, но

⁵⁶ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия // Американская социологическая мысль: Тексты. С. 448.

со стороны их восприятия человеком, с точки зрения того, как индивид формируется, существуя в «мире объектов с определенными качествами». Он верно отмечает, что «объекты культуры – инструменты, символы, языковые системы, произведения искусства, социальные институты и т. п. – самым смыслом своим указывают на деятельность человеческих субъектов...». Особенно важно положение Шюца о том, что этот подход – «основа постулата субъективной интерпретации в социальных науках», что необходимо ставить вопрос – если рассматривается инструмент, то «для чего» он создан, если рассматривается знак, символ, институт, то «что он означает». Но в рамках данной концепции, где вещи рассматриваются как некий мир объектов культуры, воздействующий на индивида (со стороны познающего субъекта), этот основной постулат, подлинный ключ к интерпретации мира объектов, не находит развития. Мир объектов культуры, мир вещей воспринимается уже как целостность, и эта целостность приобретает самодовлеющий характер. Этот способ восприятия анализировал еще Э. Дюркгейм. «Вещи, – писал он, – созданные человеком, не абсолютно покорны нашим целям, но имеют свою логику развития». Согласимся с тем, что мир, в котором индивид рассматривается (им самим или другими) вне того, что он создает, действительно может принимать в его глазах абстрактные, весьма причудливые очертания. Но для нас важнее подчеркнуть здесь другое негативное следствие подобного подхода: индивид не улавливается как неповторимая личность. Ведь человек проявляется, – подчеркнем еще раз главный постулат нашей методологии, – не в том, о чем он вожделеет и к достижению чего стремится. Здесь он как раз менее индивидуален и легче типологизируется⁵⁷. Но вне того, что человек создал, ничего конкретного нельзя сказать о нем как о личности. Данное направление важно прежде всего тем, что оно обращено к исследованию природы того сложного мира повседневности, деятельности, взаимодействий, в котором формируется опыт индивида, складываются и закрепляются системы его представлений и ценностей. Проблематика структуры

⁵⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

повседневного мышления обращает исследователя к типологизации индивида, установлению его принадлежности к тому или иному социокультурному типу, к менталитету его эпохи, социальной среды, группы. Не случайно это направление нашло свое продолжение и развитие в историко-культурологических исследованиях структур повседневности и ментальности. Но важно заметить и другую его сторону: данный подход, как типологизирующий метод вообще, не схватывает индивидуально-своеобразия личности. А. Шюц писал о том, что «нам не удастся схватить индивидуальность человека в его уникальной биографической ситуации»⁵⁸. В чем же причина этого явления? На наш взгляд, в том, что в своих желаниях и поведении индивид, конечно, выступает как представитель того или иного типологического феномена. Но неповторимой личностью его делает только творческий процесс создания, произведение. А эта постановка вопроса выводит нас на главную идею данной статьи. Но пока обратимся к другим достижениям гуманитарных наук современности.

Социальная и культурная антропология, первоначально опираясь на исследование традиционных общественных систем и социокультурных общностей, находящихся на относительно ранних этапах развития, обогатила гуманитаристику возможностями сравнительного изучения форм организации социальной жизни, повседневного мышления, способов общения и, прежде всего, интерпретационных аспектов изучения социальных и культурных явлений. На первом плане оказались наиболее сложные проблемы методологии исследования социальных взаимодействий, как то: осознанные и неосознанные, явные и скрытые, вербальные и невербальные аспекты общения и их символическая природа. Развитие социологии и этнологии выдвинуло на первый план общую для гуманитарных наук проблему соотношения субъекта и объекта познания. Социологическое исследование, в котором многое строится на общении исследователя и исследуемого объекта, по существу,

⁵⁸ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 134.

вообще не допускает отстраненного наблюдателя, поскольку он включен в общение и со своей стороны влияет на результат. Он воздействует на объект изучения и изменяет его. Та же проблема возникает в полевых исследованиях этнолога, здесь исследователь и исследуемый по существу поочередно меняются этими своими ролями или осуществляют их одновременно. Поле взаимодействия между субъектом и объектом оказывается подвижным, меняющим свой облик, а значит, как будто бы и неразделимым. Своеобразную интерпретацию этой общей познавательной ситуации гуманитаристики представляет методология исторической науки. Если трудно познавать жизненный мир людей настоящего времени, то еще труднее восстанавливать утраченные связи реальности прошлого, от которого сохранились лишь с трудом интерпретируемые «следы» событий и явлений⁵⁹. То новое направление методологии истории, которое основали Л. Февр и М. Блок, выдвинуло на первый план проблему субъекта исторического познания. Начав с критического пересмотра позитивистских суждений о методах ремесла историка, ученые данной школы поставили в центр рассмотрения отношение субъекта и объекта его познания. «Анналы перевернули историографию сочетанием трех основных идей», – отмечает Ж. Ле Гофф⁶⁰ и ставит на первое место критический пересмотр проблемы отношения между историком, историческим памятником и фактом истории. Историк, как активная творческая личность, ставит проблему, воссоздает образ прошлого с помощью профессиональных знаний и силы своего интеллекта. Некритическое использование текста исторических источников саркастически осуждал Р. Дж. Коллингвуд. Вопрос о том, как методологически разграничить рациональное знание и интуитивизм в познании прошлого, А. И. Марру решает в пользу последнего, выдвигая на первый план способность субъекта исторического познания к воспроизведению жизненного мира прошлого. Несколько позже, под влиянием высказанных в научной печати доводов со стороны

⁵⁹ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993; Гадамер Г. Г. *Истина и метод*. М., 1988; *Он же*. *Актуальность прекрасного*. М., 1991.

⁶⁰ Интервью с Жаком Ле Гоффом // *Мировое древо*. 1993. № 2. С. 163.

защитников рационального подхода к проблеме методологии истории, ученый выдвигает свою уточненную, более сбалансированную концепцию. В коллективном труде «История и ее методы» он говорит об исследовательском методе историка как о синтезе приемов профессиональной исторической критики и интуитивной способности к пониманию и сопереживанию. Так или иначе, в ходе методологических дискуссий антипозитивистской направленности, сама проблема реальности объекта исторического познания, а с нею и самодостаточность исторического документа, источника вообще, оказалась надолго отодвинутой на периферию общественного сознания, – в область узко специальной эрудиции и вспомогательных критических приемов ремесла историка. Весьма своевременной поэтому оказалась инициатива представителя Школы Хартий Ш. Самара-на – создать коллективом крупных французских ученых труд «История и ее методы», где проблемы собирания, хранения и изучения исторических источников оказались в центре внимания. Лишь относительно недавно, проследивая развитие исторической мысли во Франции за прошедшие полвека, Ж. Дюби отметил некоторые изменения в оценке источника как реального объекта исторической науки. «У историков появилось стремление, – пишет он, – видеть в документе, свидетельстве, т. е. в тексте, самостоятельную научную ценность». Приходит, считает Дюби, новое понимание того, что «единственная доступная им (т. е. историкам) реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого»⁶¹. В этом высказывании, как видим, знаменитое определение документа из книги Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса прозвучало без тени иронии.

Методологические дискуссии открывают все новые аспекты специфики взаимодействий субъекта и объекта в историческом познании. Остается, однако, открытым вопрос о научной достоверности, сопоставимости, возможности критической проверки столь индивидуально выработанных результатов

⁶¹ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей: Человек в истории. 1991. С. 58.

исследования. И, соответственно – в более общей форме – это вопрос о перспективах интеграции исторического знания и других наук о человеке и обществе.

Естественно, что то «непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое, по словам М. Фуко, производят почти все гуманитарные науки», – эти науки стремятся преодолеть. Большие и основательные надежды на возвращение в ранг строгих наук (утраченные в период осознания специфики наук о культуре и соответствующего разочарования в позитивизме) связаны со структуралистскими подходами. Поскольку структуры – это то, что остается устойчивым и относительно неизменным при различных преобразованиях системы, модель отношений между элементами, способы их связей, – то поиск таких устойчивых структур оказался действительно перспективен, для гуманитария особенно. Устойчивые структурные модели прослеживаются в экономиках, политических системах, образе мышления или организации культурных общностей (мифологии, системы родства), в подсознании и, конечно, в языке. Структуры независимы от познающего субъекта, и в этом случае субъект и объект возможно разделить; они устойчивы и потому открывают возможности сравнительных исследований; структурный подход помогает понять типологические тенденции поведения людей, находящиеся в поле их притяжения. Структуралистские подходы широко используются в ряде областей знания, давая основу для междисциплинарных исследований и пересекая все поле гуманитарного знания. Но вопросы, которые мы уже поставили, опять остаются без ответа: существует ли реальный объект гуманитарного познания? Улавливает ли типологический метод конкретную личность в ее неповторимости?

Достижение позитивности оборачивается новыми проблемами для гуманитарных наук. Сложную картину находящегося в движении гуманитарного знания обрисовал М. Фуко. Отмечая, что психоанализ и этнология «лучше уловили собственную позитивность и, наконец, осуществили прежнюю установку на достижение подлинной научности» благодаря специфике своих объектов, Фуко констатирует: «То, что Леви-Строс сказал об

этнологии, то можно сказать и о психоанализе: обе науки растворяют человека». Более того – образ человека растворяется и исчезает в его видении науки будущего. Поначалу этот вывод Фуко удивляет: мощнейший потенциал гуманитаристики XX в. – социология, психология, наука о языке – и все пронизано историей: «Поскольку исторический человек – это человек, который живет, трудится, говорит, постольку всякое содержание истории отправляется от психологии, социологии, языка.

И наоборот, поскольку человеческое существо становится насквозь историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движения Истории»⁶². Как же оказывается, что гуманитарные науки (если принять данную логику) «растворяют человека»?

Обратившись к интерпретации тех тенденций, которые характеризуют современную гуманитаристику, мы стремимся понять, какие задачи она перед собой ставит и какие способы предлагает для их решения. За разнообразием подходов и решений прослеживается, во-первых, стремление к строгой научности, чтобы возможно было применять логические методы исследования, сопоставлять результаты, расширять пространство применения сравнительного метода. Во-вторых, несомненно стремление понять феномен человека во всей многозначности его взаимодействий с природой, обществом и человеком – подвергнув наблюдению и интерпретации сам феномен общения. И, наконец, гуманитаристика стремится понять физические, психические, социальные свойства человека как целое, понять его суть, которая не есть простая сумма отдельных компонентов.

2. Источник – реальный объект гуманитарного знания. Произведение – источник познания человека и общества. Парадигма А. С. Лаппо-Данилевского

Мы переходим к рассмотрению уже упомянутой выше, оригинальной, не повторяющейся в других направлениях гумани-

⁶² Фуко М. Слова и вещи. М., 1994. С. 389.

тарных наук XX в., парадигмы, представляющей собой учение о методах, обеспечивающих строгую научность исторического, и шире – гуманитарного знания. Суть ее состоит в своеобразной интерпретации объекта исторического познания, его реальных свойств, и в построении, в соответствии с этими свойствами, логической системы методов его изучения. В сопоставлении с другими подходами к проблеме гуманитарных наук, которые мы рассмотрели, ее оригинальность выявляется особенно отчетливо. Мы видели, как интересно и глубоко гуманитарные науки осмысливают феномен человеческого общения, как разрабатывают методы его понимания, интерпретации, как стремятся понять человека, который живет, трудится, обменивается информацией, говорит, жаждет удовлетворить свои материальные и духовные потребности. Для данной парадигмы характерен другой подход к выявлению человеческой сути, того, что отличает человека как личность от всего живого, что в принципе также подпадает под вышеназванные характеристики.

Человек не только живет, трудится и говорит, от него человечеству остается другое – созданное им произведение. Человек создает, он объективирует свои интенции в произведении, с его помощью общается, и именно произведения – источник, ключ к его познанию.

Методология истории Лаппо-Данилевского обращена к проблемам формирования единого знания о человеке, а точнее – о человечестве. Ученый исходит из идеи единства мирового целого, в котором человечество выступает как его часть. Человеческое создание – высшая ценность. В «Методологии истории» ученый подчеркивает, что человечество именно потому является особой, качественно отличной частью мирового целого, что эта часть есть «носительница сознания». С этим понятием для него связана и другая принципиальная идея его концепции – духовное общение, взаимодействие людей, в основе которого лежит принцип «признания чужой одушевленности»⁶³. Идея сознательной, активной личности, преобразующей окружающую ее среду, находит своеобразное развитие в парадигме Вернадского о разумной человеческой деятельности,

⁶³ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М., 1913. Вып. 2. С. 331–335.

преобразующей мировое целое. В центре – взаимосвязь человечества и мирового целого, осознанное и целенаправленное взаимодействие. Науки о природе и науки о культуре не столько противопоставлены друг другу, сколько взаимосвязаны. Историк, – пишет ученый, – «рассуждает не о мире как о целом, и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно той индивидуальной частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, – воздействующая, в качестве таковой, на мировое целое и в зависимости от него действующая». Лаппо-Данилевский пишет об истории в широком смысле как о науке, изучающей феномен человечества, как о взаимодополняющем синтезе метода историка, социолога и психолога. Характерной чертой данной концепции является утверждение объективности гуманитарного познания, его строгой научности. Лаппо-Данилевский специально останавливается на вопросе об интуитивизме, выступает против его абсолютизации, возведения в принцип познания. Ученый постулирует в качестве необходимого условия утверждение гуманистики как строгой науки, вкладывая в это понятие прежде всего представление о реальном, чувственно воспринимаемом объекте с реальными, «природными» свойствами и соответствующей единой системе методов его познания – методологии истории. Человечество как целостный объект («часть мирового целого») может рассматриваться как с эволюционной («эволюционное целое»), так и с системной («коэзистенциальное целое») точек зрения, а гуманитарное познание, в свою очередь единое и целое, интегрирующее различные подходы и методы, охватывает объект с возможной полнотой. Целостность человечества как объекта познания отнюдь не означает в рамках данной концепции трактовки его как некоего самодовлеющего «Великого существа» в духе позднего О. Конта, с идеями которого Лаппо-Данилевский вступает в прямую полемику, стремясь противодействовать опасной с его точки зрения тенденции «растворения человеческой личности в массе»⁶⁴. Феномен человеческой личности, че-

⁶⁴ Лаппо-Данилевский А. С. О принципах социологической доктрины О. Конта. М., 1905.

ловеческого сознания для него является основополагающим. В центре внимания – принцип «признания чужой одушевленности» как научный, психологический и этический приоритет. Феномен человеческого общения ученый рассматривает преимущественно в его опосредованной, материализованной форме. Человек реализует свои возможности через создание произведений, они же расширяют хронологические и пространственные пределы общения. Источник – «реализованный продукт человеческой психики», и в этом смысле – реальность. Совокупность произведений, созданных людьми, создает реальную основу изучения человека, основу гуманитарного познания. В своей общей концепции методологии истории ученый различает два уровня (этапа), каждый из которых самодостаточен, но их синтез открывает возможность построения феноменологии человеческой культуры.

Первый уровень – «методология источниковедения» представлен системой исследовательских приемов, воссоздающих произведение (источник) как явление культуры своего времени: в ходе источниковедческого анализа и синтеза источник выявляется таким, каким его, возможно, не осознавали современники и сам его автор. Второй уровень – «методология исторического построения» представлен системой исследовательских приемов, воссоздающих исследуемую культуру (страны, эпохи, сообщества и др.) исходя из реальности того факта, что в данной культурной среде возникло и функционировало именно это произведение. Первый уровень – методология источниковедения – разработан ученым особенно подробно. Последующее развитие источниковедческого направления выявило фундаментальность для гуманитарных наук его основной цели – выявления источников, изучения их реальных свойств, структуры заложенной в них информации, установления типических и специфических, индивидуальных черт произведения. Проводя произведение сквозь «горнило источниковедения», гуманитарий вносит свой вклад в создание общей феноменологии культуры (суждение С. Н. Валка). А. П. Карсавин подчеркивал значение источника как реального остатка своей эпохи. «При достаточном понимании и правильной оценке источников, – писал он, – как частей прошлого, сами собой бледнеют и теряют силу

жалобы на субъективность и ненадежность, по сравнению с методами естественных наук, метода исторического, — жалобы, столь характерные для французских методологов»⁶⁵. Карсавин также точно выразил методологическую природу общения исследователя с источником как средоточия его встречи с реальностью своего объекта. «Он (ученый. — О. М.) спешит проделать всю черную работу над источниками, чтобы уловить самую сущность исторического. Она легче и лучше всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазна отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем»⁶⁶. Мысль о самодостаточности источниковедческого подхода к производству утверждали и развивали многие исследователи данной концепции.

На этом пространстве гуманитарного знания, логически выверенном Лаппо-Данилевским и оживающем под пером Карсавина, яснее вырисовываются три составляющие элемента строгой науки о человеке: произведение, его автор и его исследователь. Несколько точных афоризмов выдвигает, обозревая пространство культуры и пронизывающие его линии взаимодействия, М. М. Бахтин: в гуманитарных науках речь идет не об отношении субъект — объект, но о взаимодействии двух субъектов («признание чужой одушевленности» Лаппо-Данилевского). Художественное произведение выступает как точка пересечения, как средоточие сущностных интенций художника и его интерпретатора⁶⁷. При этом произведение — вполне реальный залог научности методологии истории.

Итак, триада: человек — произведение — человек, не ограничивающая творческой фантазии познающего субъекта, но поддерживающая его в пределах строгой научности, помогающая не смешивать субъект с объектом, научный метод с методами искусства, не погрузиться в «хаос глубокомыслия», говоря словами Гуссерля⁶⁸. Данная методология истории изначально междисциплинарна, поскольку втягивает в пространство своего

⁶⁵ Карсавин А. П. Теория истории. СПб., 1920. С. 39.

⁶⁶ Карсавин А. П. Философия истории. М., 1993.

⁶⁷ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

⁶⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. СПб., 1911.

изучения те аспекты философии, наук, искусств, которые обращены к человеческой природе, интеракционизму, к социальным, психологическим, информационным, вербальным и невербальным процессам общения. Эта особенность данной методологии истории ярко проявилась в личности Лаппо-Данилевского и в ученых, непосредственно окружавших его, она особенно актуальна теперь, когда закладываются новые направления гуманитарного знания и образования. Использование структуралистских, типизирующих или интуитивистских подходов носит, однако, подчиненный главным методологическим постулатам характер. Фундаментальные принципы данной методологии истории цельны, неизменны и взаимосвязаны: изучение феномена человеческого общения преимущественно в его опосредованной, материализованной в источнике форме – ибо она более определенно и репрезентативно выражает иерархию приоритетов и целей общения (в отличие от форм непосредственного личного общения, где смыслы перекрывают друг друга и выступают в незавершенности); обращение к произведению – источнику познания – как условию строгой научности; обращение к произведению как источнику, позволяющему понять личность (или сообщество) в ключевые моменты ее целенаправленной созидательной деятельности и, следовательно, интенциональной целостности.

3. Заключение

Проблема сравнительного метода решаема в принципе: трудно сравнивать два конструкта, два образа, формируемые индивидуальным творчеством ученого; но реально сопоставлять объективно существующие источники, объекты культуры, имеющие общие свойства, доступные критическому наблюдению. Это расширяет возможности сравнительного анализа до глобальных масштабов (сравнение законодательства, актов, договорных документов, переписей, произведений по жанрам). Свойства источников, само появление их новых видов при таком подходе создает возможности получения точных данных о развитии общества.

Возможности интеграции наук находят свою реализацию, когда изучаются реально существующие произведения, объекты культуры, источники, созданные в процессе целенаправленной человеческой деятельности. Разные науки применяют свои методы к единому объекту – источнику, изучая его материал, приданную ему создателем форму, изучают его текст, язык, символику графического изображения и символику текста, особенности содержания. Использование методов социологии, биографики, социальной психологии, философской герменевтики, количественных параметров социальной информации – все это существенно расширяет и обогащает метод источниковедческого анализа, культурологического синтеза.

Важно подчеркнуть, что интеграция наук в информационном поле источниковедения охватывает не только гуманитарные, но и другие области знания. Совокупность наших культурных ценностей – одна на всех, и гуманитариев, и тех, кто не считает себя таковыми. В любом случае, если нет произведения, источник не создан, то нет и приращения научного знания. Инструменты и приборы, с помощью которых ученые познают мир природы, – это ведь тоже творения людей, земного разума, а следовательно – исторический источник. Они говорят нам о природе, увиденной глазами человека, но больше всего они говорят нам о людях, их создавших: о наших приоритетах в познании, о способах достижения целей познания. Непосредственное наблюдение как средство познания крайне ограничено во времени и пространстве, и только документирование способно сделать его достоянием науки. В этом смысле науки о природе и науки о культуре едины, всякое познание – гуманитарно, оно в значительной мере зависит от того, были ли созданы и интерпретированы творения культуры – наши источники. Метод источниковедения – это метод сравнительного исследования культуры.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ИНДИКАТОР СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ⁶⁹

Состояние любой науки определяется способностью сообщества профессионалов к продуцированию нового знания. Естественно, важно иметь объективные индикаторы для изменения этого состояния и, еще важнее, для выявления направленности, тенденций дальнейшего его развития. Вопрос этот не принадлежит к числу отвлеченных, он имеет самое непосредственное отношение к формированию принципов преподавания наук в университете и к выбору стратегий изменения устаревшей образовательной модели. Консерватизм в данной области определяет характер и темпы развития той или иной науки не только в ближайшей, но и (в силу устойчивости педагогических стереотипов) в весьма отдаленной перспективе.

1. Индикатор состояния науки

Качественное изменение состояния сообщества, науки и ее преподавания охватывает все пространство гуманитарного знания, имеет выход на общество, меняет статус науки и менталитет (этос) сообщества. Но в этом многосложном и неустойчивом, подвижном равновесии существует ключевое, системообразующее звено. Его состояние должно анализироваться в первую очередь, степень его отрефлексированности в сообществе выступает и как критерий общего состояния гуманитаристики (вернее, любой области научного познания), и – применительно к мере его институционализации, реализованности – как индикатор, измеритель уровня «зрелости науки». Такой критерий был предложен Э. Гуссерлем в начале XX в.

⁶⁹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. Москва, 18–19 апреля 2002 г. – М.: РГГУ, 2002. С. 20–36.

(что важно – это как раз и было время радикального пересмотра прежней, стабильно-умопостижимой картины мира, осознания нелинейных процессов и неустойчивых состояний реальности и, соответственно, поиска нетрадиционных методологий). В качестве признака «зрелой науки» (т. е., надо понимать, науки, адекватно отвечающей на вызов времени продуцированием нового знания) выступает формирование в структуре научного знания особой предметной области и даже «новой, и, как мы скоро увидим, сложной дисциплины»⁷⁰. Это область, для которой самым выразительным названием Гуссерль считает термин «учение о науке» («наукоучение», *Wissenschaftslehre*). Данная предметная область, а затем и дисциплина, имеет своим предметом логику развития исследовательских методов, их историю, теоретические основания, пределы правомерного применения в практиках конкретного изучения. Область наукоучения, логики (можно сказать – и методологии, в широком смысле слова) обобщает рефлексии практикующих ученых о собственном познавательном опыте. Обращаясь к истории науки, она суммирует методологический опыт «бесчисленных поколений исследователей»⁷¹, вырабатывает и формулирует оптимальные на данный момент развития нормы познавательных действий и, тем самым, обеспечивает приток постоянно обновляемой информации для создания альтернативных исследовательских программ.

Последующее развитие научного знания в XX – начале XXI в. при всей его сложности и противоречивости действительно было отмечено возрастающим вниманием к проблематике эпистемологии, анализу природы познавательной деятельности. Ведущую роль в формировании данного направления сыграли, прежде всего, ученые, опиравшиеся при выработке научно-теоретического знания на опыт естественных наук. Философия науки тесно связана с изучением познавательных процессов на материале естественных наук, осмыслением

⁷⁰ Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1997. С. 186.

⁷¹ Там же. С. 189.

принципов научных революций, их когнитивных и социальных аспектов, социологии знания. Научные сообщества историков долгое время развивались своим собственным путем. Однако и здесь проблематика «науки о науке», выступающая под разными названиями, проявляет себя как особая сфера деятельности, меняющая все исследовательское пространство наук о человеке. Именно она интересует нас как индикатор этого изменения.

В отличие от собственно исторических исследований, целью которых является достижение нового знания о процессе развития человечества, данная предметная область ориентирована на получение нового знания о познавательных стратегиях историков, об их объективных теоретических возможностях и пределах в достижении достоверного знания. Внешними признаками институционализации данной предметной области в конкретно-исторических условиях выступают: появление научных центров, концептуальных трудов или дискуссий в рамках сообщества, формирование новых специальностей, учебных изданий, изменение профессионального языка ученых. Каждое из подобных знаковых событий может быть затем интерпретировано с его содержательной стороны, для понимания процессов отношения в междисциплинарном пространстве, в специфике коммуникаций сообществ ученых и общества в целом. Одной из наиболее содержательных черт, выражающих отношение науки и культуры в целом, является концепция образования. Наука выражает себя, идентифицируется тем, как она представлена в учебном процессе.

В условиях глобального вызова произошло кардинальное изменение всего гуманитарного пространства и его основополагающей компоненты – исторического знания. Сформировалась особая предметная область. Ее предметом является эпистемология исторического познания, ее теория, метод и исследовательская практика. Если история как наука имеет целью достижение нового знания об историческом процессе развития человека, общества, государства, личности, то данная предметная область имеет своей целью совершенствование инструментария достижения нового знания. Ее предмет – методы познавательного процесса. Если рассматривать динамику развития данной проблемной области в новейшее время, то в ней прослеживается

два направления, два «проекта». Первый – источниковедческий, преимущественно рассматривающий исследовательские методологии в рамках отношения к феномену исторического источника. Второй – историографический, преимущественно рассматривающий исследовательские методологии, уже реализовавшиеся в трудах ученых-историков. Эти два подхода не разделены между собою, их теоретические границы проницаемы. Более того, оба используют достижения одного проекта для обогащения другого. Появление особых направлений на метаяуровне – индикатор дальнейшего развития. Именно таковы возникшие в рамках отечественной науки направления – историография источниковедения и источниковедение историографии. Становление источниковедения историографии вполне закономерно выступает как одно из актуальных направлений науки и преподавания в рамках современной методологии исторического знания.

Конечно, источниковедческий «проект» и «проект» историографический не равноценны по своим познавательным возможностям. Прежде всего потому, что источниковедческая парадигма восходит к основополагающему феномену человеческой деятельности – ее самовыражению в реализованном и целенаправленно созданном продукте. Источник – это реализованный (превращенный в эмпирическую вещь) продукт интеллектуальной деятельности человека. Среди интеллектуальных продуктов человеческой деятельности произведения ученых (равно как произведения искусств) составляют частный случай. Но, в свою очередь, для истории науки вообще и исторической науки в частности эти произведения, несомненно, выделяются своей информативностью: их информационная ценность для предметной области – эпистемологии, теории познания – велика. К источникам по истории науки в новейшее время постоянно обращается философия научного познания, пытаясь понять, «почему правила игры сознания не безразличны для вещей»⁷². Возникающее в современных дискуссиях о возможностях и пределах исторического знания обращение к проблематике источника как «вещи» (исторического явления) и

⁷² Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Указ. соч. С. 138.

его места в «играх сознания» особенно актуализировалось в рамках истории науки и историографии в частности. Восходящее к традициям позитивистских методологий различение источников «первичных» и «вторичных», при всей его условности в качестве абсолютного (ведь каждый источник – первичен в своем возникновении), тем не менее используется в современных спорах о том, как игры сознания «соотносятся с эмпирикой реального продукта культуры». «Разве произведения деконструктивистов не есть первичный источник для изучения деконструктивизма», – полемически задает вопрос Х. Уайт, парируя упрек оппонента в невнимании к первичным источникам⁷³.

Действительно, конечный интеллектуальный продукт – произведение историка или литературоведа-текстолога, использовавшего методы лингвистики, литературоведения, текстологии для анализа своих источников, в рамках историографического проекта становится само первичным источником для изучения современной ему науки, культурного контекста эпохи. Это взаимообогащение историографии (как истории науки) источниковедческими подходами и, напротив, обогащение источниковедческих методологий историко-научными сопоставлениями происходит в едином познавательном пространстве современной гуманитаристики постоянно. Однако различение источниковедческого проекта как общегуманитарного и историографического проекта как историко-научного необходимо. Оно важно прежде всего для раскрытия потенциальных возможностей обоих, для дальнейшего развития науки о науке, логики исследовательского процесса как особой предметной области и образовательной модели.

2. Терминологический аспект

Понятие «источниковедение» и «историография» как ключевые слова в контексте языка интернациональной науки создают значительные трудности. В рамках различных концепций истории и теории науки они предполагают неоднозначный смысл,

⁷³ *White H.* Response of Arthur Marwick // *Journal of Contemporary history.* SAGE. London, 1995. Vol. 30. № 1. P. 235.

не имеют адекватного перевода. Немецкое *Quellenkunde*, как известно, не совпадает с русским пониманием этой дисциплины. Весьма различные значения имеет и термин «историография». Естественно, что объем понятий меняется в динамике развития знания и в культурных контекстах. Гораздо важнее поэтому не столько отслеживать функционирование тех или иных понятий, сколько пытаться понять, какую реальность в состоянии исторической науки отражает способ его употребления. Соответственно, отнесение отдельного методологического исследования или даже целого направления к источниковедческому или историографическому проекту может выступать лишь как попытка интерпретировать его сущностную, системообразующую составляющую, оставляя в стороне сопутствующие пересечения. Именно так можно рассматривать, например, ситуацию лингвистического поворота к истории исторической мысли. Зародившийся за пределами историографии философский поворот в исследовании феномена отношения между сложившимися языковыми конструкциями и восприятием реальности в последние десятилетия XX в. нашел свое применение к историческим текстам, прежде всего – к текстам сочинений историков. Для более критического, концептуального прочтения исторических сочинений стали творчески применяться методы лингвистики и литературоведения. Разбор этих текстов «в дискурсивном пространстве», с учетом «времени, места, культурных условий»⁷⁴, способов литературного повествования, несомненно, оживил способность исторического сообщества рефлексировать над своим собственным творчеством. Здесь также возникают терминологические проблемы. Так например, исследователи лингвистического направления используют понятие «письмо»⁷⁵ или «писание историков», или – «историописание»⁷⁶.

⁷⁴ *White H.* Op. cit. P. 244.

⁷⁵ *Зверева Г. И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 19.

⁷⁶ *Высокова В. В.* Полемика Хейдена Уайта и Артура Марвика. К вопросу о постмодернистской методологии истории // *Imagines Mundi.* Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Екатеринбург, 2001. Вып. 1. С. 59–61.

В данном контексте «письмо историков» выражает обращение к способу представления исторического сюжета, исторического рассказа, феномену «исторического писательства», характерному для той или иной культуры. Каждая эпоха или культурная среда воспринимает историческую реальность в соответствии с принятыми представлениями и литературными образцами. В контексте другого философского подхода «письмо» имеет другой, более широкий, восходящий к общечеловеческому феномену смысл. Этому феномену – письма в отличии его от устной речи – посвящены книги Ж. Деррида «О грамматологии», «Письмо и различие»⁷⁷.

Предметом философской рефлексии здесь становится отношение письма к устной речи, его самодостаточность. «Письмо вообще», «любой способ записи» рассматривается как общечеловеческий феномен, которым могла бы заниматься особая наука – грамматология. «Если бы, пишет Деррида, – грамматология вступила на надежный путь науки, то ее предметом и стал бы этот феномен “письма вообще”»⁷⁸.

Размытость терминологии, в принципе характерная для эпох крупных культурных сдвигов, равно как попытки ее уточнения, сами по себе информативны. Они являются индикатором состояния культурного пространства, в котором происходит восприятие новой реальности и формируется новое знание о логике исследовательского процесса. Поэтому, обращаясь к главной теме, мы не будем акцентировать те или иные ключевые слова, тем более, что за ними возникают разные ряды значений, но обратим внимание на ключевые события в истории становления науки о науке.

3. Наука о науке как предмет преподавания

Положения Э. Гуссерля о «несовершенном состоянии всех наук», общем для них «недостатке внутренней ясности и рациональности»⁷⁹ были развернуты для того, чтобы показать

⁷⁷ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000; *Он же*. Письмо и различие. СПб., 2000.

⁷⁸ Деррида Ж. О грамматологии. С. 215.

⁷⁹ Гуссерль Э. Логические исследования. С. 185.

возможности внутренней переориентации наук перед лицом качественно новой реальности. Главная идея состояла в сосредоточении на внутренних возможностях научного познания. Проблема формирования логики научного познания рассматривалась в связи с перспективами системности познания и целостности познавательного процесса на всех его уровнях, включая то, что он назвал «техническим учением». В данной связи в его работе появилась еще одна, особенно важная идея, которая связывала уровень теоретический с проблематикой преподавания науки в университетах. Ссылаясь на суждение Б. Больцано, Гуссерль сформулировал эту проблему в следующем виде: «Превосходные мысли по вопросу об ограничении нашей дисциплины имеются в “Wissenschaftslehre” Больцано... Определение его гласит довольно странно: наукоучение (или логика) “есть та наука, которая указывает нам, как целесообразно излагать науки в учебниках”»⁸⁰.

Понятно, что профессиональное сообщество историков в его основной части было крайне далеко от идеи внутренней ясности и рациональности исторического познания. В университетах Европы еще только появлялись первые опыты преподавания «методов исторического изучения», встречаемые достаточно критически, если не явно негативно. В динамике XX в. историческое сообщество в его значительной части не только не приблизилось к пониманию перспектив исторического знания как строго научного, но еще более от такого понимания отдалилось. Но нельзя не оценить саму идею как событие.

Именно тогда, в первом десятилетии XX века, и обозначилось два пути развития исторической науки: либо как науки, дающей новое и, следовательно, аргументированное, строгое знание, либо как «не такой» науки. В рамках именно «свободного» ее понимания сложилась господствующая концепция того, «как целесообразно преподавать» историю в университете.

Подчеркнем суть проблемы: образовательная модель есть отражение науки в целом. Если история представляется собра-

⁸⁰ Там же. С. 197.

нием уже добытого знания, то этому представлению соответствует транслирующая знание образовательная модель, ориентированная на повествование, на рассказ. Если история – наука, ориентированная на добывание нового знания, то в качестве ее системообразующего компонента выступает предметная область логики научного познания. Так возникает альтернативная (транслирующей) образовательная модель; ее можно узнать по наличию предметной области исторических методологий, на основе которой формируется определенный блок учебных дисциплин.

Данный подход имеет принципиальное значение. Философия и эпистемология научного знания должна быть переведена на язык «методологических правил», «норм», освоение которых способствует консолидации научного сообщества не для достижения всеобщего единомыслия, как это иногда представляется при недостаточно глубоком понимании существа процессов развития науки, но для создания концепции профессионализма в тех или иных конкретно-исторических условиях.

Исторический профессионализм XX – начала XXI в. представляет собой достаточно подвижную и не вполне еще отрефлексированную предметную область. Обращаясь к установленным в качестве индикатора состояния сообщества знаковым событиям, мы стремимся привлечь к ним более пристальное внимание. Подобным знаковым событием, на наш взгляд, стало появление на Международном конгрессе историков в Берлине (1908 г.) особой секции методологии истории. Она и стала своего рода пространством для эпистемологических суждений. Содержательная сторона события была тогда же проанализирована участником конгресса академиком А. С. Лаппо-Данилевским в специальном докладе российскому академическому сообществу по итогам конгресса. Событие это возникло в уже подготовленной среде. В университетах ведущих европейских стран появилась новая, еще не ясно очерченная предметная дисциплина. Она рассматривала в качестве своей главной цели вопросы методологии исторического изучения, возможности и пределы истории как науки.

Постановка вопроса о том, как соотносится наука (ее содержательная часть) с преподаванием, особенно актуальна сегодня, когда под воздействием новой реальности произошел отказ от линейного представления о движении исторического процесса, от европоцентристской модели как единственно мыслимой модели развития; в наши дни традиционный взгляд сменился качественно иным, многополюсным, глобалистским представлением об историческом развитии. И, как следствие этого нового подхода, возникает трудность: как перевести на новый язык преподавание истории. Вопрос не может быть решен простым количественным ростом объема информации, транслируемой в учебный процесс: увеличение числа стран, регионов, языков культур, о которых хотелось бы рассказать студентам, приходит в противоречие с возможностями учебных планов и учебных часов. Объем информации, функционирующий в современной науке, постоянно растет, и становится ясно, что количественные механизмы перевода науки в преподавание непродуктивны.

Совершенно иной подход реализуется в той модели преподавания, которая представляет методологию наукоучения как системообразующий фактор для обучения науке.

Цельное и систематическое учение о методах исторической науки (в широком смысле) было разработано академиком А. С. Лапто-Данилевским в его классическом труде «Методология истории»⁸¹. Этот труд отвечает критериям наукоучения по его основным параметрам, сформулированным основателем феноменологии – Гуссерлем. Это – единство всего пространства познавательного процесса, в котором философское понимание, привлечение всего объема уже имеющегося, готового знания и умение создавать реализованный интеллектуальный продукт связаны последовательными переходами от одного уровня к другому, четко сформулированными алгоритмами.

Первый теоретик «знания о знании», И.-Г. Фихте видел его целостным: «Наукоучение совершает свои выводы всесторонне и взаимно, всегда идя в них от единого центрального пункта, и по направлению ко всем пунктам, и ото всех пунктов направля-

⁸¹ *Лапто-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.*

ясь обратно к центральному пункту, подобно тому, как это бывает в органическом теле»⁸². Эта цельность и системная связь реализована и показана Лаппо-Данилевским.

Выявление системных качеств, проявляющихся в структурных свойствах объектов, – таков путь исследования и основание для формирования алгоритмов научных методологий. Особую целостность и логическую ясность придает концепции ученого тот факт, что она создана в жанре учебного труда, в котором концепция выступает как целостное видение предмета⁸³.

Основной объект – реализованный продукт человеческой деятельности – исследуется для получения новой и выводной (допускающей повторение исследовательской логики вплоть до вывода конкретного нового знания) информации о целом культуры. Данный подход выводит историческую науку из неопределенного статуса изучения «прошлого» (того, что по определению не предполагает повторения исследовательского приема, его перепроверки) – выводит историческую науку в положение, равновеликое любой позитивной науке, располагающей объективно существующим корпусом реальных объектов. Для истории, науки о человеке – это гомогенная (взаимосвязанная внутри себя) совокупность культурных объектов – реализованных продуктов целенаправленной деятельности человека.

В рамках интегральной образовательной модели формируются гуманитарии, обладающие цельностью концептуального видения собственного исследовательского проекта и способные творчески трудиться на уровне философской идеи замысла, обеспечения ее информационного объема и умения создавать собственный интеллектуальный продукт, реализующий презентацию нового и градуированного по точности знания. Среди представителей первого поколения гуманитариев, сформировавшихся под воздействием идей Лаппо-Данилевского, – основатель научной социологии П. А. Сорокин, создатель теории

⁸² Фихте И.-Г. Наукоучение 1801 года. М., 2001.

⁸³ Подробнее см.: Медушевская О. М. Феноменология культуры: Концепция А. С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2(120).

длительных экономических циклов и экономической прогностики Н. Д. Кондратьев, создатель философии истории Л. П. Карсавин, историки А. Е. Пресняков, С. Н. Валк⁸⁴. Валк, заявивший о себе лучшей интерпретацией эпистемологической концепции методологии истории Лаппо-Данилевского, позже уже не смог реализовать эту грань своего таланта. Но он опытом жизни доказал, что концептуальное видение открывает возможность работать в любых условиях, раскрывая информационный ресурс тех культурных объектов, тех источников, которые в данных условиях доступны историку. Другой выдающийся историк, А. И. Андреев, оставивший великолепные источниковедческие труды, сумел вдохнуть интеллектуальную концептуальную идею в образовательную модель высшего образования, причем в условиях, казалось бы, исключавших такую возможность. Мы имеем в виду его концепцию кафедры, ставшей центром притяжения методологических рефлексий в области знания об историческом знании в историко-архивном институте.

Отслеживая ключевые события, в которых проявляется поступательное движение в предметной области методологии исторической науки, необходимо отметить феномен историко-архивного института. Здесь нашла свое продолжение образовательная модель, включившая существенные элементы знания об историческом познании в образовании историка-архивиста.

Вызов глобализации существенно меняет представления о пространстве гуманитарного знания. Понятно поэтому, что модель гуманитарного образования, сложившаяся традиционно, находится теперь в ситуации изменения. На смену более консервативной модели обучения как процесса передачи (транслирования в той или иной форме и информационной технологии) стабильного, уже добытого в науке объема знаний, приходит качественно новая образовательная модель. Она ориентирована на формирование творческой личности специалиста, способного к адекватным ответам на вызовы информационного общества, глобальной цивилизации. Есте-

⁸⁴ Подробнее: Источниковедение в России XX века: Научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996.

ственно, что при таком подходе в центре внимания оказываются те научные направления и, соответственно, те учебные дисциплины, которые рассматривают проблемы профессиональных методов, способов достижения эффективных результатов как свой главный предмет. Речь не идет о прагматизме, о подходе к каждой проблеме как «уникальной», решаемой способом «проб и ошибок», но, напротив, об общегуманитарной фундаментальной подготовке.

В центре внимания оказываются дисциплины, дающие специалисту-гуманитарию возможность понимать структуры информационного пространства, владеть методами ориентирования в документальной (фиксированной) информации и умения использовать этот информационный потенциал.

В данной общекультурной ситуации актуализируется опыт образовательной модели гуманитарного образования, сложившейся в рамках деятельности историко-архивного института. Его создание изначально было своего рода альтернативой традиционной модели подготовки специалиста-историка.

4. Альтернативная образовательная модель

Гуманитарное образование в России и мире в целом находится в ситуации изменения. Традиционная образовательная модель была ориентирована на подготовку специалиста, способного освоить и воспроизвести (транслировать) определенный объем готового, уже добытого наукой знания. В новых условиях быстрых социальных изменений, развития процессов глобализации, существования в реальном историческом процессе различных политических систем, уровней экономического развития, диалога культур общество предъявляет гуманитарным наукам, исторической науке в ее новом, широком понимании, новые вызовы. Это требует от специалиста нетрадиционных методов, решения нестандартных ситуаций, предоставления обществу качественно иного интеллектуального продукта. Естественно, что при таком подходе теряет эффективность традиционная модель гуманитарного образования, ориентированная на иллюстративный способ преподавания, пассивное усвоение. Новая стратегия преподавания выдвигает

на первый план дисциплины, которые ориентируют на формирование специалиста, способного вырабатывать такой интеллектуальный продукт, как новое знание. В Российском государственном гуманитарном университете эта проблема поставлена уже давно. «Что же не удовлетворяет в нашей системе университетского образования, – писал ректор РГГУ Ю. Н. Афанасьев. – Прежде всего то, что учебное заведение по-прежнему является ретранслятором знаний, а не тем местом, где студент учится применять их самостоятельно. В этом суть проблемы»⁸⁵. В РГГУ, как известно, развернута широкая программа формирования новой образовательной среды, частью которой является ряд курсов по программе «информационная эвристика», курсы библиографии, историографии, истории науки, истории изучаемой дисциплины и многое другое. Проблема формирования новой образовательной среды находится в центре внимания.

Ориентация образовательной модели на создание нового знания не исчерпывается, однако, такими, хотя и важными задачами, как ориентирование в информационной среде в условиях новых информационных технологий. В основе концепции новой образовательной модели должно находиться обеспечение фундаментального знания. Первостепенное значение приобретает задача формирования специалиста, способного к применению методов исторической компаративистики, что в условиях глобализации необходимо. Данный подход, в свою очередь, предполагает понимание существенно общих, универсальных историкоантропологических основ, единства человеческой деятельности, творчества и познания в его единстве и разнообразии в глобальных и общечеловеческих универсалиях. В центре внимания при таком подходе оказывается фундаментализация гуманитарного образования, ориентация на познавательный метод, общие принципы информационно-источниковедческого поиска, эвристики и аналитики.

Большой потенциал имеет – и это важно подчеркнуть – образовательная модель историко-архивного института. В ней за-

⁸⁵ Афанасьев Ю. Н. Университет третьего тысячелетия. М., 2000. С. 214.

ложены большие возможности, которые следует проанализировать и более широко использовать в условиях формирования новой образовательной модели.

Образовательная модель историко-архивного института уже при его создании (1930 г.) формировалась отнюдь не как модель, транслирующая знания, но, в отличие от, например, педагогических институтов, истфаков университетов, как модель *альтернативная*. Не случайно сложилось и двойное название специалиста (историк-архивист) как выражение, отсылающее к метауровню, на котором объединялось знание о конкретном реальном объекте (документальном наследии огромной страны) с его предметной целью – владением информационным ресурсом, заложенным в этом документальном объекте в ходе исторического развития человеческой деятельности.

Специалист, подготовленный по традиционной трансляционной модели образования историка, здесь не предполагался. Изначально сложился образ ученого-педагога, владеющего методами извлечения информационного ресурса нового знания и приобщающего к творческой работе студентов в процессе их обучения. В том, что это была именно творческая образовательная модель, убеждает успешное и длительное существование широко известных студенческих научных кружков – источниковедения, российской истории, всеобщей истории. Разумеется, существование в рамках системы наложило свой отпечаток на научную и педагогическую деятельность ученых и преподавателей, ограничивая возможности обучения системному подходу, исследовательскому методу по ряду основных дисциплин⁸⁶. Тем не менее в настоящее время уже сложились научно-педагогические направления: системная архивистика, историко-правовое направление, функционировавшее как история учреждений и организаций, и научно-педагогическое источниковедческое направление.

В условиях постсоветской реальности образовательная модель, ориентированная на методологию творческого исследования,

⁸⁶ Простоволосова А. Н., Станиславский А. А. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие / Предисл. Ю. Н. Афанасьева. М., 1990.

оказалась полностью востребованной. Во-первых, институт был уникален по своему опыту организации исследовательской и научной работы на основе углубленного изучения реально существовавших исторических источников... Во-вторых, институт сохранил традиции тесного взаимодействия «вузовской» и «академической» гуманитарной науки... В-третьих, институт объединял уникальных специалистов в области историографии, и источниковедения, теории информации, истории и теории культуры, что создавало необходимую питательную среду для «выращивания» подлинно гуманитарного знания⁸⁷.

РГГУ в настоящее время сложился как университет нового типа, в котором пространство гуманитарного знания представлено практически всеми его современными направлениями. В структуре РГГУ есть институты, факультеты, научные центры, в которых гуманитарные науки вступают во взаимодействие с естественными, точными, информационными. Разнообразие современных подходов и широкие интеграционные связи придали историко-архивному институту новые возможности и перспективы развития. Практика исследований и преподавания подтвердили актуальность и эффективность ориентирования на исследовательский метод, яснее выступает познавательный потенциал источниковедческой парадигмы гуманитарного знания, историко-архивный институт объединяет специалистов, выступающих инициаторами разработки таких актуальных междисциплинарных направлений, как источниковедческая компаративистика⁸⁸, историческая антропология⁸⁹, теория и методология истории⁹⁰.

⁸⁷ *Афанасьев Ю. Н.* Университет третьего тысячелетия. С. 101–102.

⁸⁸ Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996; *Компаративистика в РГГУ: Методология исследования и преподавания // Ученый совет РГГУ: Сб. док. М., 2000. Вып. 7. С. 69–82.*

⁸⁹ *Исторический источник: Человек и пространство. М., 1997; Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998; Медушевская О. М.* Источниковедческая основа исторической антропологии как науки и университетской дисциплины // *История в XXI в.: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 21–24.*

⁹⁰ *Методология и теория истории: Учеб-метод. пособие / Сост. – О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2001.*

Таким образом, в деле выработки новой образовательной модели гуманитарного и, в частности, исторического профессионализма системообразующие принципы научно-педагогической концепции историко-архивного института в составе РГГУ показали свою эффективность и имеют перспективы развития.

5. Поворот к методологии исследования: историографический проект

В условиях качественных изменений в информационном, культурном, экономическом и политическом пространстве современного исторического процесса стали очевидны преимущества тех гуманитарных наук, которые, систематически обновляя и философски осмысливая свои исследовательские методологии, оказались в состоянии эффективно использовать типологические, компаративистские подходы. На этом фоне становятся более очевидными последствия игнорирования методологии как предметной области в исторической науке. Сложившаяся модель исторического профессионализма, ориентированная на ретрансляцию фиксированного информационного объема, готового знания, оказалась неадекватной глобальному компаративистскому вызову. Подобная модель, проецированная на ситуацию нарастающего снижения социального статуса исторического сообщества, позволяет, конечно, осознать сложившееся положение как «кризис», но не дает оснований для качественной перестройки, оставаясь в рамках линейного движения. Формула «вперед к Геродоту» в этом отношении характерна.

Источниковедческий проект в динамике XX в. сохранил в рамках исторического профессионализма ориентацию на культурное наследие, фиксированное в реализованных интеллектуальных продуктах, которые при данном подходе выступают, прежде всего, в качестве источников информации о человеке, обществе, государстве, личности и мире в целом.

В свое время профессиональное сообщество в процессе преодоления эмпирического, не отрефлектированного философски позитивистского подхода к историческому профессионализму, вывело за пределы своего внимания и само это наследие. «Груда грамот, расцвеченная анилиновыми красками»,

выступала лишь как средство, но никогда не как цель исторического познания. Идея самодостаточности фиксированного культурного наследия как основы познания в науках о человеке лишь теперь возвращается в сообщество, разумеется, уже на новом, мегадисциплинарном уровне.

Знаковыми с данной точки зрения являются высказывания философов, мыслителей гуманитарного знания, в которых отражено новое понимание самодостаточности, структурированности, фундаментальности исследований общего феномена этого культурного наследия. Подобные суждения прослеживаются в классических трудах ряда мыслителей, обзоревающего пространство гуманитарного знания как подвижное информационное пространство. Здесь отметим лишь один такой отклик. Идея о науке, которая охватывает на метауровне все записанное (фиксированное) культурное наследие, возникла в 60-е годы, хотя и не нашла понимания. Это – «грамматология». И вполне в соответствии с этой логикой Деррида говорит о грамматологии как общечеловеческом феномене, грамматология – наука «об имени человека»⁹¹. То, что мы здесь обозначили как «источниковедческий проект» в исторической науке, в снятом виде содержит этот подход. Именно здесь и открылись возможности источниковедческой компаративистики, а главное – путь к точному знанию в исторической науке.

Сообщества профессиональных историков не остались неизменными перед лицом тех глобальных изменений, которые происходили и происходят в области эпистемологии научного познания. Однако нельзя не заметить, что обращение к философии научного познания и к истории научных открытий, к истории науки, в лучших, классических ее произведениях ушедшего века инициируется историками менее, нежели философами или представителями естественных наук. Огромные усилия были в свое время предприняты основателями «Анналов» для того, чтобы сообщество историков смогло преодолеть позитивистские стереотипы и обратилось к широкому спектру исторических источников, охватывающих ранние эпохи и со-

⁹¹ Деррида Ж. О грамматологии. С. 215.

временность, чтобы возникли междисциплинарные исследовательские направления в рамках новой исторической науки как науки о человеке. Конечно, историческое сообщество активизировалось в ответ на вызовы новых областей наук о человеке, на постановку новых вопросов. Все это хорошо известно и воплотилось в классических трудах. Важно, однако, отметить, что движение в профессиональной исторической науке происходило в ответ на вызовы извне. Обращение к новой проблематике один из выдающихся исследователей исторической антропологии, ментальности так именно и объясняет: «историческая антропология бросила нам, историкам, подлинный вызов»⁹². Имея в виду не отдельные исключения, но состояние профессионального сообщества в целом, можно говорить о том, что «историк в поисках метода» обращается вовне, стремится применить к историческому материалу подходы, уже созданные в рамках других наук.

Пока не изменится профессиональная образовательная модель исторического образования, это будет сказываться на динамике изменений менталитета сообщества. Однако в последние десятилетия произошли события, которые можно интерпретировать как признак обращения историков от поисков методологии извне к саморефлексии.

Мы имеем здесь в виду феномен «лингвистического поворота», инициированного новым поколением историков, обратившихся к проблематике логики исследовательского процесса в исторической науке через исследование его конечного продукта – сочинений историков. Этот новый поворот начинался, вообще говоря, по прежней схеме поиска методологии извне – с деконструкции литературного текста, с достижений общегуманитарных методологий Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида. Но новым было то, что эти методологии были обращены на более глубокое прочтение именно и прежде всего текстов, созданных историками, причем труды историков рассматривались в том дискурсивном пространстве, в котором они создавались. Индикатором состояния сообщества, а именно это важно, явились

⁹² *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей. Человек в истории. М., 1991.

существенные изменения в нем, прежде всего расслоение профессионального сообщества на противников новых подходов и их активных последователей и интерпретаторов. Расколотость сообщества нашла свое косвенное выражение в определении новаторов как «новых интеллектуальных историков».

Особенно важно, что данное направление (получившее свое название «лингвистического поворота» от рецепции лингвистического метода в литературоведении и истории науки к произведениям историков) привело к дискуссиям среди историков по проблематике именно их исторической методологии. Яснее обозначилось и вербализовалось состояние сообщества, значительная часть которого все еще продолжает оставаться в изоляции от проблематики философии и эпистемологии научного познания.

В ходе достаточно острой полемики о роли постмодернистских подходов в исторической науке Х. Уайт констатирует, что в большинстве своем практикующие историки не только изолированы от современной философской, эпистемологической проблематики научного познания, но и относятся к ней с активным неприятием⁹³. Представляется важным, что это состояние сообщества уже поставлено в прямую связь с состоянием преподавания, с университетскими практиками «исторического тренинга» (*«the professional training of historians»*). Осознание этого пробела само является индикатором нового состояния⁹⁴.

Вместе с тем, очевидно, что отсутствие в образовательной модели такого предмета, как логика исследовательского процесса, оказывает (и еще долгое время будет оказывать) угнетающее влияние на динамику состояния сообщества. В сложившихся условиях, обращение к логике исследовательского процесса произошло и происходит в рамках «историографического проекта»⁹⁵. Эта ситуация имеет и свои преимущества, и свои возможности. Историографический проект привлек внимание исследователей к проблематике нарратологии как искусства

⁹³ *White H.* Op. cit. P. 244.

⁹⁴ *White H.* Op. cit. P. 245.

⁹⁵ *Logunov A.* Russian historical science within the historiographical culture and the twentieth-century historiographical project // KVHAA Konferenser 49:87–11. Stockholm, 2000. P. 87–111.

рассказывания «историй» и, следовательно, оживил интерес к искусству повествования истории о себе. В центре внимания оказываются источники, содержащие элементы «эгоистории». Важно лишь научиться отличать логику создания исследовательского труда, создания научного произведения, целью которого является новое знание, от другой логики – от логики создания повествования, в интриге которого смешивается представление о научной истине и человеческой фантазии. Это и есть вопрос профессионализма историка, в формировании которого, как мы и стремились показать, образовательная модель имеет – для состояния сообщества – системообразующее значение.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОД⁹⁶

Глава 1. Теория источниковедения

1.1. Постановка проблемы

Дискуссии новейшего времени в качестве центральной выдвинули проблему специфики наук о культуре и их альтернативности, с точки зрения исследовательской методологии, наукам о природе. Однако вместе с тем очевидно, что если речь идет о возможностях научного познания как человеческого взгляда на мир, то эпистемология наук о жизни, о природе и о культуре представляет собой единый и целостный феномен. В любом случае главной остается проблема субъекта и объекта и их взаимодействия в ситуации исследования, познания и самопознания. Методология гуманитарных наук XX в. в процессе преодоления позитивистского подхода уделяла особое внимание проблеме субъекта. В центре внимания данного направления – гуманитарий, историк, который на основе своих мировоззренческих и профессиональных постулатов и представлений, личного опыта и способности к интерпретации исследует сложные структуры отношений человека к миру природы и миру культуры. Поэтому целесообразно более пристально рассмотреть парадигму, которая вновь обращает нас к феномену объекта гуманитарного познания. Взгляд с иной точки зрения всегда способствует более полному представлению о целом, в данном случае – о соотношении субъекта и объекта в гуманитарном познании. В этом состоит смысл современного обращения к парадигме источниковедения или, точнее, источниковедческой парадигме методологии истории. Источниковедение связано с формированием объективных оснований гуманитарного познания с позиций строгой науки. Оно обращено к реально существующим феноменам и к методу, с по-

⁹⁶ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение: теория, история и метод. – М.: РГГУ, 1996. – 79 с.

мощью которого логически выводится знание о том, что стоит за ними. «Сущность исторического, – писал Л. П. Карсавин, – легче и лучше всего улавливается в ограниченной области источникововедения, где нет соблазна отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем»⁹⁷. Источниковедение, конечно, с тех пор стало иным, но потребность в объективном познании сущности исторического несомненно не стала менее острой.

Размышления об основаниях строгой науки начинаются с определения ее объекта. В условиях становления науки о человеке, интеграции дисциплин этот вопрос особенно важен. Работа на стыке дисциплин, которой в науке придают сейчас важное значение, не может быть результатом простого сопоставления различных специальных знаний, справедливо отмечал Р. Барт, наблюдая процессы, происходившие в гуманитарных науках второй половины XX в.: в основе интеграции – вопрос об объекте, о новом языке, новом видении всего пространства гуманитарных наук⁹⁸. Представители разных наук отвечают на этот вопрос по-разному, и лишь постепенно формируются общие методологические основания единой науки о человеке.

Наука по определению как достоверное и систематизированное знание о действительности не может обойти молчанием вопрос о своем объекте. Предполагается, что он познаваем научными средствами, если существует как явление, имеющее определенные свойства: доступность наблюдению; стабильность (обуславливающая возможность повторного обращения); независимость от исследователя (процедура исследования не влияет на эти свойства). Разумеется, представитель любой науки исходит из общих методологических предпосылок относительности познания, но тем не менее в науках о природе реальность вещи в себе не оспаривается, а путь к познанию прокладывается благодаря совершенствованию методов и техники исследования. Не столь однозначна познавательная ситуация в науках о человеке, что, собственно, может выступать в качестве реально-го явления, доступного для научного анализа? В исторической

⁹⁷ Карсавин Л. П. Философия истории. Берлин. 1923. С. 288.

⁹⁸ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413.

науке, как известно, непосредственному наблюдению доступно весьма немногое, что же касается явлений человеческого общения, к которым широко прибегают науки, пользующиеся данными полевых исследований, то даже при условии фиксации явлений общения (устная история) или целенаправленного эксперимента (опросы, интервью и пр.) существуют огромные трудности познания, связанные и с интерпретацией полученных данных и с возникающим взаимодействием субъекта и объекта (подчас, как отмечают этнологи, меняющихся местами). Вопрос о внешних проявлениях внутреннего мира человека – самый сложный вопрос гуманитарного познания, к которому со времен В. Дильтея не перестают обращаться наука и теория познания. И он сводится отнюдь не только к проблемам интерпретации.

Сложные познавательные проблемы выступают на первый план в том случае, когда мы ставим вопрос о феномене человечества и о будущем единой науки о человечестве. Человечество есть часть мирового целого, его особенная, наделенная сознанием часть⁹⁹. В свою очередь, оно может изучаться лишь как целое – эволюционное и коэксистенциальное целое человечества, как при таком подходе решается вопрос об источниках познания этого целого? Как представить целостную совокупность источников познания, адекватную данной познавательной цели?

Мы исходим из того, что науки о человеке (точнее, о человечестве) располагают объектом, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для наблюдения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Мы имеем в виду целостную совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками познания (в традиционной терминологии историческими источниками). Эти произведения (исторические источники всех типов, видов и форм фиксации) представлены в материальной форме, как объекты исследования, они независимы от познающего субъекта, потому что со-

⁹⁹ Ланто-Данилевский А. С. Методология истории. Спб., 1913. Вып. 2. С. 331.

зданы для других целей и в другое время; в своей совокупности отражают взаимодействие человека с природой, обществом, государством и другим человеком, реализующееся в глобальных рамках человеческой истории.

Важно подчеркнуть, что произведения, созданные людьми определенной эпохи (страны, среды, культуры), в момент их создания и последующего функционирования соотношены между собой, каждое из них может быть интерпретировано лишь с учетом этих системных связей. Данное положение еще недостаточно осознано и мало изучено. Любая наука – история, социология, психология – обращается к источникам социальной информации, но делает это, как правило, избирательно, под углом своих конкретных познавательных целей. Совокупность произведений, рассматриваемых как целостный системный объект, как исторический источник, является предметом источниковедения. Для источниковедения (как науки об источниках) эти произведения выступают и как объект, и как предмет изучения. Источниковедение исследует произведения, созданные людьми целенаправленно и осознанно, как целостный, внутренне взаимосвязанный объект, как совокупность с присущими данной эпохе (культуре) типологическими и видовыми свойствами, способами функционирования, особенностями информационного поля. Изучая свойства источников, источниковедение на реальной основе разрабатывает методы получения социальной информации различного рода, методы ее критической проверки и истолкования и формирует критерии оценки произведений как явлений культуры. Поэтому источниковедение для историка (социолога, этнолога и пр.) не только вспомогательная дисциплина, как это представлялось в рамках традиционной методологии истории, но самостоятельная область знания, наука об источниках. Она разрабатывает (пока еще не всегда целенаправленно) специфические теоретико-познавательные проблемы, имеющие фундаментальное значение. Поэтому гуманитарий должен ясно представлять себе, что такое источниковедение, его метод и перспективы развития. Источники составляют объективную основу гуманитарных наук как наук о человеке и его деятельности.

1.2. Объект и субъект исторического познания

Гуманитарные науки развиваются под воздействием сложных явлений действительности, отражая осознание человечеством новых для себя проблем и поиск путей их решения. Открытия, сделанные в специальных областях знания, вызывают изменения всей системы наук о человеке в целом. Историко-ведение со своим методом также существует в общем пространстве гуманитаристики и также занято поиском конкретных ответов на общие требования времени. Поэтому прежде всего следует остановиться на общей ситуации в современном познании.

В XX в. стали очевидны глобальный характер и взаимосвязанность всех социальных процессов. Социальные факты новой реальности не находят непосредственного отражения в источниках традиционного типа – они требуют конструирования моделей явлений, а не их описания. Человеческая личность в условиях господства стереотипов массового сознания оказывается перед альтернативой утраты своей уникальности или острой борьбы за нее. Стабильная, в основном европоцентристская база источников информации, разработанная в предшествующие столетия, и соответствовавшие традиционным задачам методы ее исследования в новых условиях выявляют свою неполноту и несовпадение с задачами изучения того «молчаливого большинства», чьи настроения все сильнее влияют на ход социального процесса. Традиционные методы социальных наук требуют переосмысления.

Гуманитарные науки новейшего времени восприняли вызов времени как необходимость исследования не столько объектов, сколько взаимодействий и взаимовлияний человека и космоса, людей между собой. Понятно, что исследовать взаимодействия труднее, нежели объекты. Взаимодействие изменчиво, преходяще, с трудом интерпретируется, неадекватно отражено в источниках. Поэтому каждая из гуманитарных наук вынуждена заново осмысливать свой объект, расширяя возможности наблюдения взаимодействий. Социологи создают сложные модели взаимодействия индивида и социума (теория зеркального

«я», теория социального действия и др.), историки – модели отношения историка как субъекта познания со своим (уже ненаблюдаемым) объектом. Резко возрос интерес к таким наукам, которые ставят процессы взаимодействия и общения в центр своих исследований (информационные науки и науки о языке, их интерпретационные аспекты). Выявилась главная теоретико-познавательная трудность гуманитарного познания: цель гуманитаристики – изучение человека, но ясно, что «человек как целое не объективируем... Нельзя спутать объективно предметное в человеке в эмпирическом смысле с ним самим как экзистенцией, открывающейся в коммуникации»¹⁰⁰.

Действительно, наука о человеке стоит перед огромными трудностями его познания, как познать человека, внутренний мир которого скрыт от внешнего наблюдателя, не объективирован. Он не может быть понят и объяснен с помощью индивидуального личного опыта самого исследователя. Возможность постигнуть Другого В. Дильтей считал одной из самых сложных теоретико-познавательных проблем, как может индивидуальность Другого стать объектом научного, общезначимого постижения? Этот фундаментальный вопрос вновь и вновь возникает перед исследователем гуманитарного познания. «Каким образом жизнь, выражая себя, способна объективироваться? Каким образом она, объективируясь, выявляет значения, которые поддаются обнаружению и пониманию другим историческим существом, преодолевающим свою собственную историческую ситуацию?»¹⁰¹ Для ряда направлений гуманитарных наук новейшего времени центральной оказывается проблема выявления человеческих взаимодействий, их наблюдения и фиксации, интерпретации и анализа полученных данных.

Социология как наука, ориентированная на изучение, прежде всего, современного общества, располагает большими возможностями для такого подхода. Она вполне может включать в сферу своего наблюдения явления, происходящие *здесь и теперь*, – в присутствии исследователя, и даже создавать ситуации, благоприятные для такого наблюдения. Это определяет особый

¹⁰⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 11.

¹⁰¹ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1994. С. 6.

интерес социолога к изучению социальных явлений и взаимодействий с помощью интервью, анкетирования, опросов и тому подобных методов, и к возможностям технической фиксации процессов общения (устная история). Социальный индивид, который формируется и действует в условиях межиндивидуальных взаимодействий, оказывается в центре внимания. Феномен интеракционизма – межиндивидуального взаимодействия, общения, передачи сообщения – с начала XX в. анализируется в категориях социологии, психологии, информационных наук. Одна из интересных попыток анализа интеракционизма принадлежит П. А. Сорокину. Он определяет социологию как науку, которая изучает явления взаимодействия индивидов друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из процесса взаимодействия – с другой¹⁰². В свою очередь, взаимодействия людей отражаются и реализуются в их поведении, находя выражение во внешних проявлениях, «доступных наблюдению и констатированию», что для Сорокина, строившего свою концепцию социологии как строгой науки, принципиально важно. Он стремится «свести до минимума» психологическую интерпретацию процесса общения, понимая всю ее сложность, и сосредоточиться на изучении «внешних, доступных наблюдению фактов и процессов». Сорокин ориентирован на использование возможности естественно-научной трактовки явлений общения. «Явление взаимодействия состоит из трех элементов, – пишет он, – индивидов, их актов (актов взаимодействия) и проводников». Его особенно занимает феномен проводников, с помощью которых осуществляется взаимодействие, – ввиду их реальности, объективированности и, следовательно, возможности наблюдения за ними. Проводники для передачи сообщения он классифицирует (хотя и не вполне логически последовательно). Среди них он различает звуковые, световые, механические, тепловые, электрические, вещественные, знаковые (гербы, татуировка) и, наконец, письменные, как контактные звенья цепи проводников у него выступают и люди.

¹⁰² Сорокин П. А. Система социологии. Социальная аналитика. Пг., 1920. Т. 1. С. 2; См. также: Сорокин П. А. Система социологии: В 2 т. М., 1993. С. 57.

Попытка Сорокина представить в одном функциональном ряду явления («проводники»), имеющие различную природу, – физические, биологические, психологические и социальные – подчеркивает многоаспектность феномена взаимодействия, которое отнюдь не сводится к сумме его элементов. При выделении одного из них в качестве главного возникает опасность упрощенной трактовки данного феномена. Именно по этой причине многие оппоненты Сорокина указывали ему на излишнюю увлеченность поведенческими теориями в духе бихевиоризма. Об этом говорили историк Н. И. Кареев, философ И. И. Лапшин, социолог К. М. Тахтарев¹⁰³.

Феномен поведенческих реакций на стимулы внешней среды действительно невозможно интерпретировать в рамках только естественно-научного, равно как и только гуманитарного подхода. Однако на том этапе, когда науки о природе и науки о культуре акцентировали внимание на своих различиях, а не на фундаментальной общности, данный феномен получал в альтернативных парадигмах неадекватную одностороннюю трактовку. В условиях данной гносеологической альтернативы сформировалось одно из важнейших новых направлений знания – наука об управлении и передаче информации¹⁰⁴. Не случайно возникли и столь значительные трудности в понимании природы основных для данного направления понятий (прежде всего понятия об информации).

Гуманитарные науки получили в XX в. огромный приток новых социальных, этнологических, антропологических данных, в первую очередь при изучении форм первобытного мышления и коммуникации, психоанализа. Мощным фактором развития общественных наук стало осознание роли масс в истории и политике. Внимание гуманитарных наук заметно концентрируется на изучении типологии социальных явлений, поведения и социальной психологии классов, сословий, групп и их лидеров. На абстрактно-теоретическом уровне моделируется

¹⁰³ Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1992. С. 248–253. (Диспут профессора Сорокина 1922 г.).

¹⁰⁴ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. 200 с.

способ формирования социокультурного типа – гипотетического индивида, его поведения, а также форм и методов его изучения. Выявляются все новые перспективы познания феномена индивида, социальных организаций и структур, факторов экономического, политического, идеологического влияния на поведение сообществ. Активизируется исследование феномена общения в нескольких направлениях. Одна из групп проблем и соответственно методов исследования связывается с интерпретацией феномена общения. Символический интеракционизм – как направление – главное внимание уделяет символическому содержанию взаимодействий: на вербальном и невербальном уровнях, на уровне понимания, расшифровки смыслов, соотношения способов мышления и картин мира участников общения. Другая группа проблем обусловлена изучением картины мира индивида, его опыта. В интеракционном мире, считал известный философ и социолог А. Шюц, – а мир именно таков, – представления индивидов изначально интерсоциализированы: в представлениях индивидов и их общении имеет место ряд факторов, формирующих различия структуры социального мира каждого из индивидов, способы типизации в конструктах повседневного мышления (я–мы–вы–они). В общении существуют различие и соотнесенность перспектив (то, что означает объект для одного индивида, не всегда то же самое в представлении другого; относительная адекватность системы релевантностей (совпадающие представления об объекте); различие способов обращения с вещами и людьми, привычек и нравов; социализированность распределения знаний, поскольку объем знаний индивидов различен. Соответственно различны язык общения, имена, события. С помощью данного подхода становится очевидна необычайная сложность структуры повседневного мышления и неоднозначность ее интерпретаций.

Для новейшего времени, когда состояние массового сознания, общественных настроений и векторов их изменения стало играть решающую роль в развитии социальных конфликтов эпохи, вполне объясним интерес гуманитариев к проблеме повседневного мышления, к типизации, моделированию типов

индивидов и моделей социального действия, стереотипов сознания и подсознания, которые разрабатываются социологами, а также этнологами, историками, экономистами, политологами, исследователями социальной и исторической психологии, ментальности, структур мышления. Данное направление в социологии, берущее начало в трудах Ч. Кули и Д. Мида, нашло свое продолжение в теории социального действия Т. Парсонса. Следует подчеркнуть, что данное направление оставляет в стороне важную, а в категориях разрабатываемой в методологии источниковедения концепции фундаментальную черту человеческой личности – ее способность к творчеству и созданию произведения. Исследователи структур повседневного мышления, конечно, не могут абстрагироваться от вещественных реалий мира, действительности, но они рассматривают их как бы извне – не со стороны их создания, а со стороны их восприятия индивидом. Индивид формируется, существуя «в мире объектов с определенными качествами»¹⁰⁵. Вполне верно Шюц отмечает, что «объекты культуры – инструменты, символы, языковые системы, произведения искусства, социальные институты и т. п. – самым смыслом своим указывают на деятельность человеческих субъектов... Я не могу, – продолжает ученый, – понять объект культуры, не соотнося его с деятельностью, благодаря которой он возник». Шюц даже считает, что такой подход – основа постулата субъективной интерпретации в социальных науках: приходится выяснять, – если рассматривается инструмент, «для чего он создан», а если рассматривается знак, символ, институт, «что он означает». Но в представляемой Шюцем концепции повседневного мышления вещи исследуются совершенно с другой стороны: как некий мир объектов культуры, воздействующий на индивида. В рамках данной социологической концепции мир объектов культуры, мир вещей предстает как абстракция, приобретающая самодовлеющий характер. Акцент делается не на том, как вещь создается человеком, а на том, как мир вещей воздействует на человека. Этот способ восприятия и

¹⁰⁵ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 130.

его воздействие на психологию ранее анализировал Э. Дюркгейм. «Вещи, – писал он, – созданные человеком, не абсолютно покорны нашим целям, но имеют свою логику развития». В свою очередь, «социальная жизнь, которая таким образом кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорах, тем самым внедряет нас в мир окружающих нас вещей и начинает воздействовать на нас извне»¹⁰⁶. Действительно, мир, в котором индивид рассматривается вне того, что он создает или изменяет, но в котором он сам является объектом воздействия, может принимать в его глазах весьма причудливые очертания. Важнее подчеркнуть другое, негативное, следствие данного подхода, не психологическое, но гносеологическое: нельзя понять человека как личность. Ведь человек проявляется – отметим еще раз основной постулат методологии источниковедения – не в том, о чем он вожделеет или что стремится приобрести. Здесь он менее индивидуален, легче типологизируется. Вне того, что человек создал, ничего конкретного о нем, как о личности, сказать нельзя. Данное направление, разумеется, имеет свою познавательную ценность. Оно обращено к исследованию природы мира повседневности, взаимодействий людей, в которых формируется опыт индивида, складывается иерархия ценностей, представлений, типов поведения. Становится возможным выстроить модель того или иного социокультурного типа, соотношение с которым, в свою очередь, объясняет поведение индивида как представителя данной группы, социальной среды, эпохи. Большие возможности данный подход открыл в середине 50-х годов и перед историками, когда в сферу исторических исследований было введено понятие ментальности. «...Это система образов, представлений, которые в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1912. 426 с.

¹⁰⁷ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей.

Однако данный подход, как типологизирующий метод вообще, не объясняет личностного своеобразия. Шюц признавал, что «...нам никогда не удастся “схватить” индивидуальность человека в его уникальной биографической ситуации»¹⁰⁸. В чем причина этого? На наш взгляд, в том, что в своих установках и поведении индивид выступает как типичный представитель той или иной группы, соответствующей ментальности. Неповторимой личностью его делает только творческий процесс создания произведения. Такая постановка проблемы выводит нас на главную идею источниковедения. Но обратимся пока к другим аспектам современных гуманитарных наук.

Социальная и культурная антропология, изначально обращаясь к исследованию традиционных обществ и социокультурных общностей, находившихся на ранних ступенях развития, и позднее расширив область своих исследований, обогатила гуманитаристику новыми возможностями сравнительного подхода. При этом в центре внимания ученых прежде всего оказались типы организации социальной жизни, повседневного мышления, способов общения. Наиболее сложными явились проблемы методологии исследования феномена социальных взаимодействий, и прежде всего проблема интерпретации символики – явных и скрытых, вербальных и невербальных, осознанных и неосознанных знаков общения. «Этнология, – писал М. Фуко, – подобно психоанализу, ставит вопрос не о самом человеке, как он может проявиться в гуманитарных науках, но об области, которая делает вообще возможным знание о человеке; подобно психоанализу, она пересекает все поле знания, стремясь в своем движении достичь самых крайних его пределов»¹⁰⁹.

Развитие социологии и этнологии высвечивает новые стороны гносеологической проблемы соотношения субъекта и объекта в гуманитарном познании. На основании данных полевых исследований, опросов и интервью, в ходе которых накапливается конкретное новое знание, по существу, трудно

¹⁰⁸ Шюц А. Указ. соч. С. 134.

¹⁰⁹ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. Спб., 1994. С. 396.

говорить о строгом разграничении субъекта и объекта. Эти методы не предполагают отстранения субъекта от объекта: наблюдатель непосредственно включен в общение и, со своей стороны, в процессе общения влияет на результат. Та же проблема возникает в полевых наблюдениях этнолога. Здесь исследователь и исследуемый поочередно меняются ролями или являются и тем и другим одновременно. Поле взаимодействия оказывается подвижным, меняющимся, нераздельным. Таким образом, социокультурная реальность переосмысливается в процессе вербальной коммуникации, утрачивая однозначность объективных характеристик. Своеобразные интерпретации этой общей познавательной ситуации гуманитарного знания представлены в современных трудах по проблемам методологии исторического исследования. Очевидно, что трудности познания жизненного мира людей настоящего времени при изучении прошлого еще более увеличиваются: сложнее восстанавливать утраченные с реальностью прошлого (от которой остались лишь неоднозначно трактуемые следы событий и явлений) взаимосвязи.

Историческая наука новейшего времени оказалась перед необходимостью выработать прямые ответы на те вопросы, которые не вставали перед обществом ранее, и причем сделать это быстро. В противном случае ей не удалось бы сохранить, и тем более приумножить, свой престиж. Поле исторических исследований расширилось как в пространстве (весь мир вместо ойкумены Средиземноморья), так и во времени, что предполагает иное видение исторических явлений и процессов. Исходя из задач, которые поставила глобальная социальная реальность послевоенного мира перед наукой, необходимо было кардинально пересмотреть основу профессионализма самой науки. В наследство досталась традиционная и хорошо разработанная научная база источников и фактов, в целом адекватно отражавшая европоцентристскую концепцию исторической науки и отвечавшая ее задачам. В той исследовательской ситуации совпадали задачи историографии, методы отбора и изучения источников, проверки достоверности фактов (прежде всего

политической, дипломатической, психологической и событийной истории). Представления о ходе истории как ученых, так и авторов изучаемых ими, по преимуществу нарративных, источников в чем-то существенном были конгениальны, и потому методы научной критики позволяли достичь желаемых точности и искренности свидетельств. Это создавало определенный психологический имидж ученого и формировало его позитивный образ в общественной психологии. Осознание новой реальности, которая зарождалась далеко за пределами географических и культурных рамок традиционной науки, все изменило.

Осмысление процессов, происходивших в качественно новом мире после первой мировой войны, стало центральной проблемой гуманитарных наук, каждая из которых шла своими путями. Усилилась критика позитивистской парадигмы. Субъективными препятствиями на пути нового исторического мышления стали стереотипы в сознании самих историков. В них виделось тогда чуть ли не главное препятствие для перехода историографии на новый уровень. Борьба за исторический синтез, против описательности, за становление и развитие концепции глобальной и всеобъемлющей, тотальной истории принадлежит к числу ярких достижений гуманитарной мысли новейшего времени¹¹⁰. На возникающие вопросы традиционные источники не имели прямых ответов. Поэтому на первый план выдвинулась проблема критического пересмотра отношения между историком, источником и историческим фактом.

Борьбу за становление исторической науки нового типа возглавил основанный в 1929 г. Л. Февром и М. Блоком журнал «Анналы», сыгравший выдающуюся роль в методологии истории. Узость проблематики традиционной историографии, ограничение источниковой базы письменными документами ранних эпох европейской истории, упрощенное представление об историческом факте стали мишенью острых критических суждений. Л. Февр оспаривает возможность буквального следования знаменитой формуле Ланглау и Сеньобоса о том, что

¹¹⁰ См.: *Berr A. La synthèse en histoire. Essai critique et théorique.* Paris. 1911. 271 p., *Февр А. Бои за историю.* М., 1991.

история пишется по документам, и если их нет, то нет и истории¹¹¹. Перед глазами ученых новых поколений постепенно вырисовывалась глобальная и тотальная историческая наука. «Эпитет “тотальный” предполагает, что историческая наука охватывает все стороны жизни человека и общества, в том числе и такие, которые, казалось бы, не имеют истории... т. е. те исторические реальности, которые с трудом поддаются изменениям с течением времени и выступают в истории в роли своего рода инертного заполнителя, балласта, а зачастую даже тормоза исторического движения. Речь идет о ментальных, демографических структурах, технологических приемах»¹¹². Начав с критического анализа позитивистских доктрин ремесла историка, ученые рассматриваемого направления поставили в центр научного исследования отношение субъекта познания к его объекту. «Анналы» перевернули историографию сочетанием трех основных идей, отмечает Ж. Ле Гофф и выводит на первое место «отношения между историком, историческим памятником и фактом истории»¹¹³. В рамках данной концепции историк предстает как активная творческая личность: он ставит проблему, отбирает источники, интерпретирует их и к нему, «как опилки к магниту», подтягиваются необходимые данные документов¹¹⁴. Мощная мысль ученого должна преодолеть молчание источников (по Ключевскому, «торжество исторической критики – из того, о чем говорят источники, догадаться – о чем они молчали») с помощью интерпретации, перекинуть мосты гипотез, преодолевая огромные пробелы в источниковой базе. Эти пробелы предполагалось заполнять прежде всего путем установления междисциплинарных контактов исторической науки с гуманитарными или даже естественными науками (например, при технической интерпретации археологических находок, о чем писали Л. Февр и М. Блок) – этнологией, исторической психологией.

¹¹¹ *Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 1899. 275 с.

¹¹² *Афанасьев Ю. Н.* Вчера и сегодня французской «новой исторической науки» // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 37.

¹¹³ Интервью с Ж. Ле Гоффом // Мировое древо. 1993. № 2. С. 163.

¹¹⁴ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 39.

Субъект истории создает новое видение, воспроизводит прошлый опыт в своем сознании¹¹⁵, создает свой объект¹¹⁶.

Глобальная история должна опираться на широкую, совершенно иную эмпирическую базу источников, нежели та, которой располагает историческая наука в настоящее время. Западная наука в ходе осмысления этой проблемы предложила два варианта ответа, в которых есть нечто общее: они как бы выводят решение этой проблемы за пределы собственно исторической методологии; один из подходов к проблеме глобальной истории – философский. «...Чтобы понять часть, мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом, потому что это целое есть поле исследования, умопостигаемое само по себе»¹¹⁷. Другой подход – междисциплинарность, понятая в первую очередь как использование одной наукой данных, добытых другими науками. «Сосредоточить на одном и том же объекте взаимные усилия различных наук – вот наиглавнейшая задача из тех, что стоят перед историей, стремящейся покончить с изолированностью и самоограничением»¹¹⁸. Вопрос о реальном объекте исследований, имеющих общую цель – становление глобальной истории и всеобщей науки о человеке, в обоих подходах остается тем не менее открытым.

Несомненно, данные подходы явились мощным стимулом для развития гуманитарных наук. Отметим, в частности, интересную концепцию коллективного труда «История и ее метод», в котором приняли участие выдающиеся ученые Франции, разрабатывавшие вопросы исторического метода. Издание, вышедшее под руководством историка и палеографа академика Ш. Самарана (1879–1980), имело целью представить методы исторической науки в их единстве, объединяющем то ценное, что накопил многовековой опыт исследования источников с подходами, ориентированными на реальность новейшего времени. Именно поэтому Ш. Самаран во введении к изданию обосновывал новую, более широкую трактовку фундаментального для

¹¹⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 485 с.

¹¹⁶ Marrou H. I. De la connaissance historique. Paris. 1975. 318 p.

¹¹⁷ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 28.

¹¹⁸ Февр А. Указ. соч. С. 20.

исторической науки понятия «документ» (источник), при этом он стремился показать, что формула «история создается по документам» в данной интерпретации сохраняет свое значение¹¹⁹. Проблемы собирания, хранения и исследования источников находятся в центре внимания авторов издания «История и ее методы». Об изменениях в развитии исторической мысли и менталитета историков во второй половине нашего века говорят и другие ученые. Так, историк Ж. Дюби отметил некоторые сдвиги в отношении к проблеме источника как реального объекта исследования для историка. «У историков появилось стремление, — пишет он, — видеть в документе, в свидетельстве, т. е. в тексте, самостоятельную научную ценность»; по-видимому, возникло более ясное понимание того факта, что «единственная доступная им реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого»¹²⁰. В этом высказывании, как видим, известное классическое определение источника как «следа» (Ш. Ланглау) звучит без тени иронии.

Таким образом, гуманитарное познание новейшего времени проявилось в активном, настойчивом стремлении к преодолению позитивистской парадигмы. Она предстает как достаточно наивное отождествление мира культуры с миром вещей, чувственно воспринимаемых объектов познания, как невозможность отделить явление от сущности, критическое преодоление данного представления проходило главным образом на основе неокантианского противопоставления наук о природе и наук о культуре. Формула познавательной ситуации наук о природе (объект-субъект), в науках о культуре предстает в перевернутом виде (субъект-объект). В неокантианской парадигме субъект (историк, гуманитарий вообще) воссоздает в своем сознании новую реальность. Возникает эффект неразделимости субъекта и объекта, невозможности их логического размежевания. Место логических методов и исследовательских процедур, которые детально разрабатывались в позитивистской методологии, при-

¹¹⁹ Histoire et ses méthodes. Paris. 1961. 1771 p.

¹²⁰ Дюби Ж. Указ. соч. С. 58.

дававшей верификации знания принципиальное значение, занимают прежде всего эмоционально-психологические способности познающего субъекта (симпатия, сопереживание, способность воспроизведения утраченной реальности в собственном сознании). Итогом труда историка становится, по существу, новый образ прошлой реальности, новый интеллектуальный объект.

Данный подход к проблеме исторического познания и исторического творчества отнюдь не противопоказан гуманитарным наукам – он становится мощным импульсом для создания талантливых произведений современной культуры. Их ценность в том, что они являются новыми, современными интерпретациями прошлого, новыми объектами культуры. Неразделенность субъекта и объекта познания – главная идея данного подхода. Однако эта неразделенность имеет и негативную сторону: за кадром остается суверенный голос прошлого, если не поставить целью исследования оценку самодостаточности его социальной информации. Неразграниченность феномена культуры (произведения, источника) и его последующих интерпретаций в иной социальной реальности – такова познавательная ситуация гуманитарных наук с позиций философской герменевтики. Неразграниченность феномена культуры (как самодостаточного) и его меняющихся интерпретаций (в процессе восприятия и понимания) является в рамках данной парадигмы данностью. Соответственно разграничение феномена и интерпретации нереально, да и нежелательно, оно предстает как наивное упрощение¹²¹. Отметим, что в данном подходе в центре внимания оказывается эмоциональное восприятие. Неслучайно эта ситуация и рассматривается методологами прежде всего применительно к особому – высшему типу произведений – художественному творению¹²².

При таком подходе, однако, остается в стороне проблема критериев научности познания, логических категорий, в которых приращение научного знания может и должно быть показано в

¹²¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.

¹²² Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. 366 с.

принятых научным сообществом параметрах. Дальнейшего исследования требует проблема неразделенности феномена и его восприятия. Ведь действительно существует то «непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки...»¹²³.

Источниковедческая парадигма методологии истории, которая рассматривается в данной работе, в своей философской основе несомненно преодолевает неокантианское релятивистское понимание проблемы «объект-объект» познания. Она оказывается более близкой феноменологии, поскольку признает феномен культуры в качестве реального объекта, с одной стороны, и его восприятие познающим субъектом – с другой. Однако данная парадигма, в отличие от феноменологии, по-своему решает проблему «субъект-объект». Для нее не свойственно видение этой проблемы как «заколдованного круга» (как, например, у П. Рикёра), напротив, проблема приобретает логическое и достаточно ясное решение.

Противоречивость познавательной ситуации в гуманитарных науках остается предметом пристального внимания методологов и историков науки. Преодолеть релятивистский подход стремятся феноменология и философская герменевтика. Феноменология рассматривает оба компонента – и феномен, существующий в реальности, и его восприятие познающим субъектом. «Надо решительно выйти из заколдованного круга субъект-объектной проблематики и задаться вопросом о бытии»¹²⁴.

Феномены культуры и творчество познающего субъекта создают особое поле напряжения, характерное для данной познавательной ситуации¹²⁵. Субъект не просто наблюдает реальность (позитивизм), не только создает особую реальность, но достигает некоего синтеза, вслушиваясь в Бытие, и в поле напряжения, между двумя полюсами – феномена и исследователя, возникает момент высокого понимания. Отсюда возрастающий интерес и

¹²³ Фуко М. Указ. соч. М., 1994. С. 374.

¹²⁴ Рикёр П. Указ. соч. С. 9.

¹²⁵ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск. 1994. 375 с.

к историко-критической герменевтике, с одной стороны, и к философским проблемам интерпретации – с другой. Сначала произведение анализируется как часть реальности того целого, в котором оно возникло, и только затем воспринимается в реальности, в которой существует познающий субъект (два этапа источниковедческого анализа). В этом случае становится возможным синтез научного понимания и научного объяснения (источниковедческий синтез).

1.3. Основные понятия

Ключевым моментом источниковедческой парадигмы методологии истории является феномен источника. Это означает обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе социальные, психологические, эколого-географические, коммуникационно-информационные, управленческие и другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения. Эта концепция, направленная прежде всего на изучение первоисточников и творчески развивающая идеи междисциплинарного подхода к ним, создает основу целостного, системного изучения ряда специальных проблем исторических и политических наук, экономики и демографии, социальной психологии и менталитета в их специфических, всегда особенных, конкретных пространственно-временных условиях.

Профессионал-гуманитарий (любой конкретной узкой специализации) должен владеть такой теоретико-познавательной и практической системой знаний, которая открывает ему путь непосредственного обращения к первоисточникам изучения своей проблемы – делопроизводственной документации, графическим, изобразительным, аудиовизуальным источникам, законодательным актам, литературно-публицистическим, философским, религиозным, нормативно-поучительным, учебно-пропедевтическим и другим произведениям эпохи. Единство взгляда на все это разнообразие произведений культуры определенной эпохи, на их изначальную генетическую функциональную связь в данный момент исторического процесса дает

целостная концепция источниковедения, знание его теории, метода источниковедческого анализа, представление об исторических дисциплинах как элементах общего метода познания источников.

Для источниковедения ключевым является определение культуры в самом широком смысле, культура – все созданное людьми в отличие от созданного природой без их участия, культура включает в себя предметные, материально существующие результаты деятельности людей – орудия, сооружения, произведения искусства, короче говоря, весь предметный, вещный мир, формируемый и создаваемый людьми в процессе их целенаправленной, осмысленной деятельности. Созданное людьми имеет различное назначение, формы, бесконечно разнообразны свойства и может, разумеется, изучаться с самых различных сторон. Все созданное и создаваемое людьми – от древнейших времен до современности – может быть объектом исследования как целое. Источниковедение изучает материальные объекты, созданные людьми целенаправленно, в процессе целенаправленной деятельности, с единой точки зрения: они изучаются в данном случае как источники социальной информации, как исторические источники.

Существует очень важная зависимость, имеющая общечеловеческое значение. Человек, создавая свое произведение, выражает в нем себя, более широко – современное ему общество, поскольку человек – существо социальное. Созданное человеком произведение, в свою очередь, может быть использовано для того, чтобы понять его создателя, получить информацию о нем.

Для современного знания характерен глобальный подход к проблемам культуры, сравнительное изучение разнообразных, взаимодействующих между собою типов и ареалов культуры, комплексный подход к изучению человека. В наше время необычайно быстро расширяется объект исследований, прежде всего разнообразие культур, становящихся предметом исследований гуманитарного познания. Это расширение идет по горизонтали и по вертикали. По горизонтали – в географическом пространстве, где объектом исследования становятся все новые ареалы различных культур, существующих в тот или иной пе-

риод одновременно, в определенном взаимодействии друг с другом: европоцентризм прошлого века в начале XX в. постепенно, а затем все быстрее и быстрее сменяется обращением к обществам и культурам других континентов. Расширение по вертикали временной оси идет от традиционного для науки прошлого, почти исключительного внимания к истории европейской античности, средневековья и нового времени к истории обществ глубокой древности и современности. Такое изменение объекта исследований само по себе способствует дифференциации научного знания, поскольку связано с изучением новых языков, специфических текстов, необычных типов человеческого поведения, образа жизни и менталитета, осмысление и интерпретация которых требуют особых знаний и методик.

Усложнение одновременно идет и еще по одному направлению, характерному для второй половины и, особенно, конца XX в. Это проявляется в необычном росте интереса самых широких слоев общества к другой – иной, чуждой и иногда даже экзотической культуре; в стремлении человека общаться с этой иной культурой непосредственно, пытаться понять ее (или через нее себя). Оно нашло яркое выражение в массовой тяге к посещению музеев, обращению к архивным документам, моде на коллекционирование предметов искусства и всякого рода исторических реалий. За причудливыми проявлениями интересов и предпочтений массового сознания прослеживается вполне объективная, необычная ранее, новая общественно-культурная ситуация: общение с культурой прошлого, вернее, с культурой, недоступной непосредственному восприятию, становится духовной потребностью не только специалиста, ученогуманитария, чьей прерогативой она была традиционно, а гораздо более широкого круга людей – не профессионалов-гуманитариев, но людей гуманитарного мировосприятия. По сравнению с положением, существовавшим в первой половине века, отмеченного приоритетами техницизма, беспредельной веры в возможности естественных наук, могущества техники, эта ситуация нова и значима.

Однако она вызывает определенные трудности. Ясно, что объем информации, связанной с исследованием разнообразия мировых культур и тем более их взаимодействий, беспрестанно увеличивается. Это не может не привести к качественным изменениям методологии исследований. Достижения середины XX в. дали возможность привлечь новые технические средства для фиксации, передачи, обработки социальной информации, что значительно ускорило темпы поиска информации, качественно изменило возможности воспроизведения, тиражирования текстов, их доступности для потребителя. Изменились способы обработки социальной информации массовых источников, возможности корреляционного анализа взаимосвязи социальных явлений, моделирования. Использование этих новых для гуманитарных наук возможностей стало важным направлением научного исследования.

Не менее существенным для гуманитарных наук является развитие аудиовизуальных источников, существенно изменивших соотношение письменной и звукозаписывающей фиксации информации, письменных и устных свидетельств в информационном поле XX в. Технические средства новейшего времени, с одной стороны, облегчают доступ к информации, сокращают ее путь к потребителю, с другой стороны, способствуют еще более быстрому увеличению общего объема информации, создают новые виды источников. Объект источниковедения – исторический источник – становится еще более широким. В этой ситуации важно выявить общие принципы подхода к историческим источникам, найти то существенно общее, что позволяет работать с источниками на единой принципиальной основе.

Предметом изучения источниковедения, как уже говорилось, являются исторические источники. Слово «источник» многозначно. Источник в одном из значений – это то, из чего берется, черпается что-либо; то, что дает начало чему-либо, служит основой для чего-либо. Отсюда, по-видимому, и произошло понятие об источнике, служащем для удовлетворения потребности в знании, информации. (См., например, летописное «книги суть реки, вселенную напоющие» или современное

«книга – источник знания», «из достоверных источников известно» и т. п.). Все эти значения выражают (в прямом или переносном смысле) отношение к объекту: источник – это то, что может удовлетворить потребность в материальном или духовном. От слова «источник» в исторической науке произошло понятие «источниковедение», которое как научный термин в XIX в. утвердилось прежде всего в русской и немецкой историографии, а затем распространилось и в ряде других стран. Так, на украинском языке источниковедение – джерелознавство, на болгарском – изворознание, на польском – źródloznawstwo, на немецком – Quellenkunde, на румынском – Sursologie, на испанском – estudios de los fuentes, на английском – fontesologie.

Однако при буквальном совпадении значений слова объем понятия «источниковедение» имеет различное содержание. Известно, что любое понятие надо толковать системно, в контексте той научной школы, в которой оно создается и функционирует.

Для нас важно определить содержание понятия «источниковедение» в отечественной науке. Источниковедение – это учение об источнике, которое имеет принципиальное значение для гуманитарного знания в целом. Гуманитарное знание должно, если говорить о главном его предназначении, помочь человеку, занятому решением собственных, весьма конкретных, жизненных проблем – политических, экономических, профессиональных, национальных, семейных, каких бы то ни было, – привлечь к их решению весь опыт, который накопило человечество.

Гуманитарное знание, таким образом, должно давать ответ на то, как в том или ином случае поступали люди. Мы видим, что именно теперь, в эпоху критических событий и чрезвычайных ситуаций, массовое сознание обращается к опыту прошлого. Причем делает это инстинктивно, почти наугад, используя имеющиеся возможности, предпочитая, в частности, мемуары и документальные публикации ученым трудам. В этом наиболее активно участвуют отнюдь не профессионалы-историки, а художники, режиссеры, журналисты, коллекционеры.

Что сделать, чтобы гуманитарий умел профессионально отвечать на несомненную потребность в освоении опыта прошлого? Прежде всего, его надо научить трем важным вещам. Во-первых, пониманию того, что существуют великие и рядовые, известные и малоизвестные произведения, зафиксировавшие человеческий опыт. Надо знать, какие произведения были созданы в той или иной культуре и как их найти. На этот вопрос профессионально отвечает источниковедческая эвристика. Далее, необходимо уметь исследовать произведения прошлого – применять методой, позволяющие получить надежную, новую информацию по интересующему вопросу. (Этот метод изучения произведения называется источниковедческим анализом). И наконец, надо уметь оценить произведение как источник, содержащий важную гуманитарную информацию. (Эта оценка произведения с точки зрения ценности его информационного богатства называется источниковедческим синтезом.) Следовательно, гуманитарий должен владеть такими методами источниковедения, как источниковедческая эвристика, источниковедческий анализ и источниковедческий синтез. Эти методы взаимосвязаны, составляя единую систему знаний об источнике.

Источниковедение обычно определяют как историческую дисциплину, которая изучает исторические источники и разрабатывает методы работы с ними. Действительно, источниковедение тесно связано с исторической наукой. Именно историческая наука больше, чем какая-либо другая, нуждается в источниках. История – наука о прошлом человечества и в качестве таковой извлекает свой фактический материал из исторических источников; возможности непосредственного наблюдения объекта своего исследования у историка значительно более ограничены, нежели у представителей других наук о человеке и обществе.

Источник – продукт (материально реализованный результат) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о человеке и обществе, в котором он жил и действовал. Важно подчеркнуть, что источник – продукт деятельности человека. Все материальные объекты – ору-

дия и машины, здания, обработанные пашни, сады и поля, документы – рукописи, чертежи, книги созданы человеком в конкретно-исторических условиях и отражают эти условия. В материальной форме (на материальном носителе) реализованы чувства и мысли людей, когда-то создававших их. Источники в большинстве своем не есть какие-то особые, специально созданные для передачи исторических сведений предметы или документы. Они выступают в этом качестве, лишь когда люди обращаются к ним с целью получить необходимую социальную информацию.

Прилагательное «исторический» в словосочетании «исторический источник» не указывает на какие-либо особые свойства источника. Оно уточняет не специфику источника, но специфику той области знания, которая привлекает источники для своих исследовательских целей – для познания прошлого, изучения истории человечества (в данном случае историческая наука). В то же время словосочетание «историческое источниковедение», которое часто используется как синоним термина «источниковедение», указывает на связь источниковедения с исторической наукой, подчеркивает, что оно возникло и долгое время развивалось в связи с задачами именно исторической науки, в процессе работы с источниками прежде всего историков. Сфера приложения методов источниковедения не исчерпывается собственно исторической наукой. Расширяя сферу применения своих методов в антропологии, этнологии, социологии, исторической психологии, исторической географии, культурологии, источниковедение в то же время сохраняет свою традиционно сложившуюся взаимосвязь с исторической наукой.

Источниковедение изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек–произведение–человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, с помощью личного контакта, но опосредованно, с помощью произведения, созданного другим человеком и отражающего его

личность. Непосредственное общение людей ограничено временем и пространством. Оно возможно только в настоящем, *сейчас* и *здесь*. Ученые давно уже размышляют об относительности понятий «настоящее» и «прошлое», так как граница между ними подвижна, а сам переход бесконечен. Когда в 60-х годах историки и социологи обратились к проблеме контактов между исторической и социологической наукой, одним из вариантов разграничения было то, что история занимается прошлым, а социология – современностью, настоящим. При такой постановке вопроса подвижность границы прошлого и настоящего стала особенно очевидной. Трудно, однако, точно ответить на вопрос, когда, в какой момент настоящее становится прошлым.

Не касаясь всех аспектов более сложной проблемы соотношения исторического и социологического методов, отметим лишь саму постановку вопроса: действительно ли можно провести четкую грань между прошлым и настоящим? События прошлого влетают в живую ткань современной реальности, и трудно отделить одно от другого. Новые работы психологов, исследователей проблемы восприятия свидетельствуют, что в данной ситуации речь идет не о часах, и даже не о минутах, но только о секундах. Человеческое сознание, по новейшим исследованиям, способно воспринимать целостную картину в течение 2,9 секунды, что касается дальнейшего, то здесь уже необходимо обращаться к источникам фиксированной информации. Итак, с источниковедческой точки зрения непосредственный контакт весьма краток, и очень скоро становится необходимым обращение к письменной, графической, изобразительной фиксации только что промелькнувшего события.

В отличие от мгновенного *сейчас* и *здесь*, непосредственного наблюдения обращение к источникам делает общение независимым как от времени, так и от места действия. Созданное человеком произведение дает информацию о творце всякий раз, когда в этом возникает необходимость.

Таким образом, через средство созданного произведения человек дает знать о себе другим людям.

Глава 2. История источниковедения

2.1. Становление и развитие

Чтение великой книги, рукописи ради общения с ее творцом и создателем было в традиционной культуре органической потребностью не только ученого человека, но и массового сознания. Такое произведение оберегали, окружали ореолом высокого пиетета, с ним обращались трепетно и неравнодушно, его перечитывали вновь и вновь, доискиваясь до глубокого, не сразу открывающегося смысла. Это было общение с автором произведения, которое могло быть продолжено собственными записями, как, например, в летописи записями на полях, владельческими знаками в рукописи или экслибрисами в книге. На этой основе накапливалось искусство понимания произведений древности, умение различать подлинники, судить о ценности произведения и особенностях авторского стиля. На материале филологии, науки о классической древности, формировались методы обращения к авторству как способу понимания произведения. Понятие об источнике и его критике, его понимании (герменевтике) возникло в связи с филологической интерпретацией важнейших произведений литературы классической древности. Этими вопросами занимались толкователи текстов Священного писания – экзегеты, гуманисты, представители науки классической древности. На этой основе в начале XIX в. стали формироваться общие принципы обращения к произведению и авторству как способу понимания произведения.

Позднее понятие «экзегеза» стало употребляться более широко – как интерпретация текста в грамматическом, историческом и юридическом смысле, служа главной для источниковедения цели – лучшего понимания авторского замысла, смысла произведения, заложенного в нем его создателем. По существу, стремление, например, исследователя русских летописей А.-Л. Шлецера (1735–1809) восстановить «очищенного Нестора» было ярким выражением внимания к автору произведения, понимания авторского замысла. Шлецер – русский историк и филолог немецкого происхождения, адъютант Петербургской академии

наук, а позже профессор Гёттингенского университета предполагал, что сохранившиеся тексты «Повести временных лет» есть произведение не только монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, но и его продолжателей и переписчиков. Он считал, что существует один основной текст, который и стремился восстановить из массы вариантов и разночтений.

Общее учение о принципах подхода к произведению как источнику на основе изучения текстов Нового Завета сформулировал известный немецкий теолог и философ Ф. Э. Шлейермахер (1768–1834). В своем сочинении «О герменевтике и критике, особенно в их отношении к Новому Завету» он различал два основных подхода к изучению произведения: учение о герменевтике и учение о критике. Учение о герменевтике он определял как «искусство понимать чужую речь», причем различал истолкования грамматическое и психологическое. Особенно интересно его понимание психологического истолкования, которое состоит в том, чтобы понять комплекс мыслей автора как некий «жизненный момент» в развитии данного человека. Учение о критике Шлейермахер трактовал более широко, нежели другие ученые, чаще всего определявшие критику как искусство понимать произведения древности и различать подлинные от неподлинных, а также судить об их достоинствах. Понятие критики оказалось не вполне четким, поскольку искусство понимания произведения, с одной стороны, и установления подлинности – с другой, весьма различны по своим задачам и методам. Шлейермахер довольно четко отделил герменевтику от критики, а также уточнил само понятие о критике. Он отмечал, что задачи критики встают перед исследователем произведения в том случае, когда тот замечает, что в источнике «есть нечто такое, чего в нем не должно бы быть». Иначе говоря, когда возникает подозрение в том, что изучаемый источник содержит какие-то ошибки, неточности, несоответствия. Шлейермахер делил эти ошибки, требующие критического отношения, на механические (например, опiski переписчика текста) и на ошибки, зависящие от свободной воли того, кто признается автором данного произведения. Основное внимание он, однако, уделил рассмотрению задач критики, методам установления подлинности и непод-

линности, а не решению еще более сложных проблем достоверности или недостоверности.

В начале XIX в. для разработки методов изучения произведения и его авторства большое значение имели труды по классической филологии. Эта область гуманитарного знания понималась тогда очень широко. Так, знаменитый немецкий филолог Ф. А. Вольф (1759–1824) рассматривал филологию как область познания классической древности во всей совокупности. Его особенно интересовала «филологическая реконструкция» произведений частного и государственного быта греков и римлян. Труды Вольфа об авторстве «Илиады» и «Одиссеи» оказали большое влияние на развитие науки о классической древности и ее методах. Чрезмерно широкое понимание Вольфом филологии (он приходил к заключению, что «цель филологии – чисто историческая») не вызывало, однако, поддержки ни у филологов, ни у историков. Для развития исторической критики большое значение имели труды немецкого историка Б. Г. Нибура (1766–1831), основателя научно-критического метода в изучении истории. В своей классической книге «Римская история» он доказывал легендарность древней истории Рима, используя критический метод анализа исторических свидетельств. Развитию методов критики и интерпретации источников способствовали труды историков права, особенно работы главы исторической школы права немецкого юриста Ф. К. Савиньи (1779–1861). В трудах по политической истории Западной Европы XVI–XVII вв. немецкий историк Л. фон Ранке (1795–1886) провозглашал необходимость объективного критического изучения источников и фактов, чтобы писать историю именно так, «как она в действительности происходила». Этот тезис в представлении многих его последователей ассоциировался с обращением к оригинальным источникам, с необходимостью критической проверки их достоверности.

Научно-критические труды по истории Нового Завета и раннего христианства были продолжены Ф. К. Бауром – выдающимся немецким протестантским теологом (1792–1860), профессором университета в Тюбингене.

Среди французских историков особый интерес к проблемам критики источников проявлял историк-медиевист П. Дону (1761–1840), как крупнейший архивист, Дону известен разработкой принципов классификации документов национальных архивов, кроме того, в течение ряда лет он читал курс лекций по исторической критике источников.

Первая треть XIX в. характеризовалась особым интересом ученых к исследованию произведений истории и культуры, к историческим сочинениям, проблемам авторства и жанра этих произведений.

Большое влияние на развитие методов анализа исторических источников оказали крупные научные открытия первой трети XIX в. Они способствовали изучению множества исторических источников и совершенствованию методов их критического анализа. Одна из крупнейших инициатив связана с изданием знаменитой серии исторических памятников германской истории «*Monumenta Germaniae Historica*», немало способствовавшей созданию союза германских государств. Неудачи в войне с Наполеоном принудили правительство Пруссии к либеральным реформам, усилили стремление германских государств к объединению. Важная роль в формировании национального самосознания отводилась изданию исторических документов германской истории. У истоков издания стоял государственный деятель и либеральный реформатор, глава прусского правительства в 1807–1808 гг. Г. Ф. фон Штейн. В 1815 г. фон Штейн отошел от политической деятельности и на свои средства предпринял это крупное научно-историческое издание. В ходе реализации этой инициативы в 1819 г. было создано научное общество «*Die Gesellschaft für ältere Geschichtskunde*». В центре внимания оказалось не изучение истории, а исследование документов, источников германской истории для их последующего научно-критического издания. Общий перспективный план собирания, научной критики и публикации был разработан на конкурсной основе историком Г. Г. Пертцем. Таким образом было положено начало успешно продолжающейся и поныне знаменитой серии «Памятники

германской истории». Первый выпуск вышел в 1826 г. Издание стало подлинной школой исследования источников, их научной критики. Оно было разделено на пять крупных разделов по типам источников: *Scriptores* (исторические писатели в широком смысле); *Leges* (законы и юридические сборники); *Diplomata* (документы); *Epistolae* (письма); *Antiquitates* (древности), не вполне определенный по видовому составу. Непосредственное участие в этом издании принимал историк и библиограф Г. Вайц (1813–1886). С 1875 г. он стал главным редактором этого издания. Своими лекциями он положил начало особой исторической школе по изучению государственных учреждений и общественного строя средневековой Германии. С его именем связано также создание в 1830 г. известной библиографии «*Quellenkunde der deutschen Geschichte*» («Источниковедение германской истории»). Это произведение интересно и с точки зрения становления термина «источниковедение» (данное понятие впервые возникло в названии целого направления исследований, заменив не вполне точное и труднопереводимое на другие языки «историоведение», обозначенное, как мы только что видели, в названии научного общества по изучению источников, основанного фон Штейном). Надо отметить, что библиография «Источниковедение германской истории», в подготовке которой кроме Г. Вайца участвовал и государственный деятель Ф. К. Дальман (1785–1860), представляет собой полную ретроспективную библиографию источниковедческих работ, изложенных в систематическом порядке, которая высоко оценивается специалистами. (Первое издание вышло в 1830 г., десятое – в 1980-х годах.) Постоянные переиздания книги свидетельствуют о том, что она и поныне не утратила своего значения.

Итак, понятие «источниковедение» возникло в результате собирания, изучения и систематизации исторических источников. Иными словами, грандиозная работа, проделанная Г. Вайцем совместно со своими сподвижниками, по выявлению, научной критике и оценке исторических источников и составила то научное исследовательское направление, развитие которого способствовало становлению источниковедения как науки.

В России собирание и издание исторических источников особенно оживилось после Отечественной войны 1812 г., сыгравшей большую роль в формировании исторического сознания и подъеме интереса к прошлому. Еще в 1811 г. при Московском архиве Министерства иностранных дел была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров. После 1812 г. ее деятельность особенно активизировалась при поддержке канцлера гр. Н. П. Румянцева (1754–1826). Монументальное «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» включало государственные акты 1229–1696 гг. С 1834 г. издание исторических документов было сосредоточено в Археографической комиссии, созданной при Министерстве народного просвещения и подготовившей ряд многотомных изданий актов. По единому плану и правилам с 1837 г. стало публиковаться «Полное собрание русских летописей». Не утратило до сих пор своего научного значения «Полное собрание законов Российской империи», издание которого возглавил знаменитый государственный деятель, автор плана государственных преобразований при Александре I М. М. Сперанский (1722–1839). Эти и многие другие крупные инициативы собирания, изучения и издания исторических документов служили мощным стимулом развития источниковедения и научной критики источников.

Таким образом, в первой половине XIX в. явственно прослеживается характерный для данного времени социокультурный тип, способ гуманитарного мышления. Он отличается непосредственным обращением к источнику, стремлением понять произведение и через него личность его автора. С этим связано также большое внимание к форме, к жанровым особенностям произведения.

Существенной особенностью этого времени являются историзм культуры, связь истории и политики: государстве иные деятели участвовали в исторических исследованиях и публикациях и, наоборот, историки-профессионалы занимались государственной политикой. «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина, где прошлое страны, ее настоящее и перспек-

тивы развития составляют единую концепцию, исторические труды А. С. Пушкина, труды государственных лидеров, и не только в России, по кодификации законодательства и публикации памятников государства и права выступают как убедительные примеры для понимания данной ситуации первой половины XIX в.

Наибольшую глубину понимания связи истории и политики придает гуманитарно этого времени непосредственное участие в деятельности архивов. Перед ним проходит вся политическая система страны, ее структура, социальная стратификация и, что также очень важно, способы ее функционирования (через сохранившиеся документы). Гуманитарий этого типа не обязательно историк или писатель. Он – государственный деятель по способу мышления. Если это историограф, как Карамзин, то он же и автор «Записки о древней и новой России», т. е. политолог и реформатор. Если поэт – то мыслящий, как социолог, – как Пушкин в «Борисе Годунове» и исторических повестях. Если дипломат – то крупный политик, как Горчаков, или поэт – учитель наследника, будущего царя – культуролог В. А. Жуковский, или дипломат-философ, как Ф. Ф. Тютчев. Общим для всех является научный подход, масштабный взгляд на страну и ее исторические судьбы, понимание политической системы государства, соотношения народа и власти.

Во второй половине XIX в. создалась иная культурная ситуация. Синтез историка-чиновника – государственного мужа в одном лице уже не прослеживается. Так, выдающийся историк С. М. Соловьев (1820–1879) не занимает в общественном сознании и по официальному статусу положения государственного историографа, как Н. М. Карамзин. Либеральные профессора, философы и правоведы типа К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, М. М. Ковалевского, как правило, на долгие годы отстраняются от государственной службы и университетского преподавания. Разрыв между властью и интеллигенцией растет, приобретая критический характер. Поэты и писатели, государственные деятели уже не обращаются к исследованию крупных исторических проблем.

Огромное значение для развития источниковедения имела активизация деятельности архивов ряда стран Европы. В 1821 г. в Париже была создана Школа хартий. Ее целью была подготовка архивистов и библиотекарей, специалистов для работы с огромным массивом документов средневековой истории Франции. Дело в том, что историческое образование во Франции было сосредоточено в различных учебных заведениях. Среди них – Коллеж де Франс, образованный еще в XVI в. для того, чтобы противостоять Сорбонне своим духом свободного исследования и чистой науки. С точки зрения историографии конца XIX в, коллеж де Франс в области исторических исследований не давал исследовательской подготовки. Отметим, что крупные ученые, преподававшие здесь (например, Ж. Мишле), специальной подготовки не ценили, ставя во главу угла художественную образность исторического изложения, кроме того, история преподавалась на словесных факультетах, которые были частью наполеоновской системы высшего образования и занимались в основном популяризацией исторических знаний, но не обращались к исследовательским методам. Третьей формой исторического образования во Франции была Высшая нормальная школа, готовившая учителей средней школы. Для них предполагалось достаточно знать те факты, которые они будут преподавать.

Внимание к историческим произведениям как таковым, с одной стороны, и необходимость обращения к новым комплексам исторических документов в связи с подъемом национального самосознания в странах Европы – с другой, вызвали в середине XIX в. значительный подъем интереса к историческим исследованиям; соответственно актуализировались и проблемы специальной подготовки для осуществления таких исследований. Университетское образование общего типа оказалось явно недостаточным для этой цели.

Одновременно эта же проблема встала как практическая проблема архивов. Вполне понятно, почему она была осознана прежде всего во Франции. Здесь в результате крупнейшего в истории переломного события – Великой французской рево-

люции произошла смена всего административного аппарата, учреждений, политической системы. Старые учреждения перестали существовать, тем самым создалась как возможность, так и необходимость централизации архивов нового времени. Речь шла об архивах политической системы, власти и администрации старого режима, о документах политических, административных, религиозных архивов не только государства, но и нации. Тогда же возникла и новая проблема – предоставление архивов как достояния нации в распоряжение граждан. Представив себе масштаб и важность этих задач, можно увидеть, что историческое образование старого типа не могло решать подобные задачи, формировать нового специалиста. Обычно, когда говорят о Школе хартий, обращают внимание на то, что именно здесь, и в то время только здесь, преподавались палеография, дипломатика, другие исторические дисциплины, позволявшие вести исследовательскую работу с документами средневековой эпохи. С 1846 г. кадры французских архивистов формировались преимущественно из выпускников Школы хартий, с 1850 г. это положение стало обязательным.

Вслед за Школой хартий подобные высшие школы создаются в других странах Западной Европы. Таков, в частности, Институт австрийских исторических исследований, основанный в 1854 г. в Вене немецким историком и эрудитом Т. фон Зиккелем (1826–1908). (Зиккель провел несколько лет в Париже, где обучался в Школе хартий). В созданном им институте особенно широко развивались дипломатика, палеография и другие исторические дисциплины, связанные с критикой источников. В 1856 г. в Мадриде открылась Школа дипломатики под эгидой Академии истории, в 1857 г. – Школа палеографии и дипломатики во Флоренции под руководством Фр. Бонаини (1806–1874), итальянского эрудита и архивиста.

Руководимые историками-архивистами, в большинстве своем медиевистами, архивы становились исследовательскими центрами исторической науки. Так, Фр. Бонаини реорганизовал архивы Тосканы и хранилища государственных архивов во Флоренции, Пизе, Сиенне, Лукке, бельгийский историк и архивист Л. П. Гашар (1800–1885) – архивы Бельгии, английский

историк и архивист Ф. Паллграв (1788–1861) – архивы Великобритании. Это поколение ученых создало ценные описания крупных архивных фондов, открыло возможности публикации документов, наиболее важных для истории страны.

Все эти факты позволяют по-новому взглянуть на то, что представляет собой тип источниковедческого образования, отличный от университетского в традиционном смысле. Обычно главный акцент делается на знании методов работы с источниками: палеографии, дипломатики и т. п. При всей своей верности такой подход не охватывает сути проблемы целиком: в стороне остается факт непосредственного участия в исследовательской и публикаторской работе крупных государственных политиков, по преимуществу либерального направления: Г. фон Штейна – в Пруссии, Фр. Гизо – во Франции, М. М. Сперанского и Н. П. Румянцева – в России. Участники этой работы не просто эрудиты и исследователи узких тем, это крупные политические деятели, хорошо понимавшие государственно-политическое значение публикаций источников, их роль в формировании образа страны как среди ее граждан, так и в европейском мире.

Во второй половине XIX в. заметно изменилось общественное сознание. Все большее влияние на методологию общественных и естественных наук оказывал позитивизм, рассматривавший научное знание лишь как совокупный результат конкретных специальных наук. В области гуманитарной культуры наметился отход от изучения авторских произведений как предмета и цели исследования. Они стали рассматриваться прежде всего как предварительный этап к созданию социологических конструкций. Изменилось и представление о цели исторической науки, о методологии достижения исторического знания. Монографические труды и учебные пособия этого времени отражают позитивистский подход к концепции методологии истории. Наиболее ярким выражением этой концепции стала книга двух крупных французских ученых и педагогов высшей школы Ш.-В. Ланглау (1863–1920) и Ш. Сеньобоса (1854–1942) «Введение в изучение истории» (1898). Она отвеча-

ла задачам нового гуманитарного образования, осуществляемого в соответствии с реформой высшего образования во Франции. Реформа была проведена в 1864 г. по инициативе министра высшего образования В. Дюрюи.

В связи с проведением реформы в Сорбонне была создана Школа высших исследований с отделением истории и филологии. Главная идея состояла в подготовке молодых людей к оригинальным исследованиям научного характера. «Там должны были попытаться сделать для всех частей всемирной истории то, что делали уже давно в Школе хартий в ограниченной области средневековой истории Франции»¹²⁶. По оценке Ланглау, за время, прошедшее со времени реформы Дюрюи до конца XIX в., все эти учреждения, некогда столь несходные, стали работать в одном направлении, ради одного общего дела, хотя каждое сохранило свое название, автономию и свои традиции, и их эволюция привела, несомненно, к благотворным последствиям. Именно в это время, в 1896–1897 гг., читая студентам Сорбонны лекции о том, что представляет собой и чем должно быть изучение истории, Ланглау и Сеньобос пришли к убеждению, что по этой проблеме должно быть создано специальное пособие. Их «Введение в изучение истории» не ставило своей целью заменить будущему историку его профессиональную подготовку: оно должно было побудить специалиста размышлять о приемах исследования исторического материала, которые применяются подчас как бы машинально. В то же время публике, читающей сочинения историков, книга должна была показать, как эти сочинения пишутся и с каких позиций возможно правильно о них судить. В новой реальности исторического сознания второй половины XIX в. изучение отдельного произведения, цельности авторского замысла отошли на второй план. Все дисциплины, которые давали возможность воспринимать произведения в целостности, стали трактоваться как чисто вспомогательные. Графика, фактура рукописи, ее

¹²⁶ Ланглау Ш.-В. Преподавание истории в высших учебных заведениях Франции // Ланглау Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Спб., 1899. С. 267.

внешние особенности, т. е. то, что, по существу, есть лишь выражение бытия документа, его внутреннего смысла, стало трактоваться с технической, можно сказать формальной, стороны. Дипломатика, палеография, сфрагистика, текстология интерпретировались чуть ли не как технические приемы, способы преодоления докучного барьера неразборчивости, непонятности текста.

По концепции Ланглау и Сеньобоса, в историческом познании различаются три основных этапа. Первый – это этап «предварительных сведений», к которым отнесены прежде всего отыскание и собирание документов, необходимых историку (для обозначения этого этапа авторы применяют термин «эвристика»). Здесь, в частности, рассматриваются важнейшие справочные издания (типа каталогов, описей архивов, библиотек и музеев, материалов исторической библиографии, всякого рода указателей и справочников), способствующие отысканию документов, к этому же этапу отнесены все «вспомогательные науки». Они трактуются именно как «техническая подготовка историка и эрудита», как некий запас технических знаний, который не может заменить ни природных дарований, ни даже знания метода. Впрочем, преподавание этих «вспомогательных наук» и «технических приемов» позитивистские авторы «Введения в изучение истории» высоко ценят: преподавание вспомогательных наук и технических приемов исследования было введено лишь для средневековой (французской) истории и только в специальной Школе хартий. Это простое обстоятельство обеспечило на целые 50 лет за Школой хартий заметное преимущество перед всеми другими высшими учебными заведениями не только французскими, но и заграничными; она воспитала целый ряд блестящих исследователей, обнародовавших много новых данных. Техническая подготовка лиц, занимающихся средневековой историей, лучше всего была поставлена именно в Школе хартий, в первую очередь благодаря курсам романской филологии, палеографии, археологии, историографии и средневекового права. Появилось много пособий по палеографии, эпиграфике и дипломатике.

Второй научно-исследовательский этап в историческом познании Ланглау и Сеньобос определяли как «аналитические процессы». Этим термином обозначалась как внешняя (подготовительная) критика источника, относящаяся к его происхождению и авторству, так и внутренняя критика, понимаемая как его истолкование и критика достоверности. Главным критерием последней служит суждение о точности и искренности автора документа.

Важно отметить, что ученые-позитивисты представляли критику именно как подготовительный этап деятельности историка. Анализ источника завершается как бы препарированием содержащихся в нем данных, отделением заслуживающих доверия фактов от недостоверных. Рассмотренный таким образом документ превращается в «длинный ряд авторских понятий и свидетельств о фактах». При таком подходе к критике и интерпретации не дается общая оценка документа (источника). Предварительный аналитический этап необходим и достаточен для последующего, более сложного этапа работы историка, который называется в данной концепции «синтез», «синтетический процесс».

На этом, высшем, этапе отдельные факты систематизируются, осуществляется историческое построение, создаются общие формулы и, наконец, дается историческое изложение.

Трактовка всего комплекса вопросов критики и интерпретации как подготовительного цикла, получающего свое завершение и оправдание лишь в ходе исторического обобщения, весьма характерна для общественного сознания конца XIX и первой половины XX в. Более того, в условиях приоритета технократических представлений типична трактовка анализа источников именно как некоей техники, прикладных приемов.

Когда техника представлялась всемогущей и решающей все проблемы, гуманитарное знание стремилось отстоять свою полезность и значимость с помощью проведения аналогий своих методов познания с техническими методами. Известный учебник по методологии исторического изучения датского историка К. Эрслева называется «Историческая техника» (1929 г.),

аналогичным образом интерпретируется понятие «инструментарий историка» в исторических трудах 20–30-х годов в Германии. Неоднократно используются технические понятия при исторических исследованиях и в других странах.

Такой подход не дает, однако, возможности изучать исторический источник концептуально и целостно. На этом пути не было создано единой концепции учения об источниках. Она сформировалась на другой методологической основе – в русской гуманитарной науке.

Во второй половине и, особенно, в конце XIX в., когда, как мы видели, критика и интерпретация источника стали трактоваться в Западной Европе как вспомогательный, подготовительный этап в исторической науке, русские ученые сохранили интерес к цельности изучения произведений, к источнику как главной цели исследования. Среди крупных классических трудов русских историков и филологов этого времени можно назвать множество произведений, в центре которых стоит исследование выдающихся произведений прошлого или определенных видов (жанров). В трудах о «Повести временных лет» и о древнейших русских летописных сводах выдающийся филолог и историк А. А. Шахматов (1864–1920) представляет летописание как особый вид (жанр) исторического повествования. Эти исследования – об авторах и способах создания летописных произведений, размышление об отношении авторов к историческому материалу, о политических пристрастиях летописца.

Классические примеры трудов о произведениях и их авторах – работы В. О. Ключевского и С. М. Середонина. В. О. Ключевский в книге «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866) рассматривает записки путешественников о Московском государстве XV–XVII вв., как особый вид исторических источников. Автор задается вопросом о том, что представляют собой известия иностранцев, описывающих свои непосредственные впечатления, что они дают для изучения жизни страны их пребывания. Этот подход развивал С. М. Середонин в своих трудах, посвященных анализу записок англичан о России XVI в., в частности сочинения английского

дипломата Джильса Флетчера о политической системе Российского государства XVI в.¹²⁷

Ряд исследователей занимались изучением житийной литературы как исторического источника. Наиболее завершенным трудом этого рода является книга В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871). Много внимания он уделил обзору житийной литературы, отысканию и изучению сохранившихся текстов житий. Ключевский не ограничился эвристическим аспектом исследования: он выявил характерные черты житийных произведений как особого вида источников, раскрыл специфику отражения в них социальных фактов, подробно рассмотрел вопрос о достоверности свидетельств этого вида источников. Он отметил, что образ святого в житийной литературе предельно схематизирован и реальные черты его личности подвергаются стилизации в соответствии с законами жанра, из-за чего «житие так относится к биографии святого, как икона к портрету». С точки зрения Ключевского, в житиях наиболее достоверными являются рассказы о чудесах, связанных с культом святого. В этих, подчас наивных, рассказах Ключевский видит отражение народной жизни, уровня массового сознания, социальной психологии той среды и эпохи, в которых бытовали и могли возникать подобные «рассказы о чудесах». Ключевский создал особое направление источниковедческого исследования – комплексный анализ большой группы произведений, принадлежащих к одному виду. Данный видовой подход способствует раскрытию особенностей отражения социальной информации в подобных источниках, выявлению связи авторства и назначения источника с характерным отбором информации, степенью ее достоверности. Этот источниковедческий подход ярко проявился и в отношении Ключевского к другим видам источников, например к запискам современников о политических событиях их времени. Ознакомившись с сочинением С. Ф. Платонова, рассмотревшего записки русских людей о Смутном времени XVII в., Ключевский

¹²⁷ Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. Спб., 1891. 399 с.

вступил с ним в полемику. Он обосновал новый подход к запискам, показал особенности такого вида исторических источников, как записки современников, отмечая их ценность как источника, отражающего мысли, чувства и впечатления людей своего времени. В этом отклике на работу Платонова Ключевский ясно показал специфику проблемы достоверности исторического источника, неоднозначность и сложность этого понятия. Будучи не всегда достоверными с точки зрения фактографической, событийной истории, записки достоверны с более общей, социально-психологической стороны, как отражение противоречивых чувств и мыслей, которые вызывают у современников политические события текущей жизни.

Русские историки и филологи видели в работе с источниками не только подготовительный, незавершенный этап работы исследователя, что было характерно для позитивистского направления в западной историографии, напротив, они были склонны находить в этой работе особую завершенность, стремились передать своим ученикам и последователям системный подход к источниковедению. Этот подход развивал в своих трудах известный историк и источниковед, исследователь русских летописей как особого вида исторических произведений прошлого, выдающийся педагог (основатель Высших женских курсов, по его имени названных Бестужевскими) К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897).

К. Н. Бестужев-Рюмин обосновал свою концепцию методов исторического исследования в работе, написанной в связи с выходом в свет книги известного английского историка Э. Фримена (1823–1892) «Методы исторического исследования» (1886). Фримен касался многих вопросов исторического метода, в частности он остановился на понятии истории, которая изучает человека, по его мнению, главным образом, «как существо политическое», кратко рассмотрев вспомогательные науки, к которым причислял довольно разнородные области знания, — от геологии до филологии и права, он высказал суждения об истинности исторического знания, о подлинности и достоверности источников. Фримен дал характеристику некоторых видов исторических источников, сделав попытку их классификации

(на документальные памятники и повествовательные источники). Автора мало интересовала теоретическая сторона методологии истории; его изложение изобилует конкретными примерами и ситуациями, с которыми встречается историк в своей работе. В равной мере знакомый с исследованием как древней, так и новой истории Англии, Фримен использовал примеры из собственного опыта.

Книгу Фримена его западные коллеги восприняли критически. Многим казалась странной сама идея изложения методов исторического исследования в систематизированном виде. Западные ученые придерживались мнения, что обучение этим методам возможно лишь на практике, в непосредственном общении преподавателя с учениками. В России, напротив, и идея, и сама книга вызвали заинтересованный и развернутый отклик. К. Н. Бестужев-Рюмин в «Журнале Министерства народного просвещения» поместил статью-рецензию «Методы исторического изучения»¹²⁸, что само по себе свидетельствовало о том, что вопросы методологии истории привлекали внимание педагогов высшей и средней школы России, книга английского ученого нашла в лице Бестужева-Рюмина внимательного рецензента, талантливого интерпретатора. Однако главный акцент русский ученый сделал на основании принципиального различия в подходе к проблеме, на развитии единого взгляда на методы исторического исследования. Была отмечена важность различения науки от простого знания: подчеркивалось, что наука – это прежде всего учение, систематическое и методическое знание. Знания накапливаются эмпирическим путем, но становятся наукой тогда и только тогда, когда устанавливается их системная связь. Собрание разнородных сведений еще не является наукой. «Мы привыкли различать эти понятия» (т. е. науку и знания. – О. М.), – писал Бестужев-Рюмин, считая себя и своих коллег последователями немецкой школы, различающими терминологически и по существу систему науки от эмпирически накопленного знания.

¹²⁸ Бестужев-Рюмин К. Н. Методы исторического изучения // Ж-л Министерства народного просвещения. 1887. Февраль. С. 1–29.

Бестужев-Рюмин высказал мнение о необходимости достаточно ясно обозначить отношение истории к другим наукам (определить ее место в системе современного знания, как сказали бы мы теперь). Одной из центральных у Бестужева-Рюмина являлась идея о необходимости систематического обозрения всех типов источников, цельного освещения основ исторической критики. В этом высказывании прослеживается авторская концепция источниковедения, в которой присутствует и источниковедческая эвристика (обзор основных «разрядов», т. е. видов, источников) и системное изложение методов критического анализа. Различаются представления русского и английского ученых о том, для чего, собственно, историку нужно знать источники. «Для того, чтобы, – считает Фримен, – иметь исторический текст, заметить ошибку чужого изложения». Бестужев-Рюмин, напротив, полагал, что этого недостаточно: он делает акцент на системном подходе к источникам, на необходимости иметь целостное представление обо всех источниках, о системе источниковой базы. «Для историка обязательно иметь общее понятие о главных источниках всех народов и даже (поверхностное) знакомство с ними, т. е. в пределах отмежеванной им себе специальности», – писал он.

Бестужев-Рюмин ясно видел суть различия в подходах к проблеме методов исторического изучения английского коллеги и своего собственного, отмечая несистемный подход английского ученого к проблеме методологии истории и в то же время подчеркивая большую ценность использования в книге богатого исследовательского опыта автора.

2.2. Источниковедческая парадигма методологии истории

Различие в подходах к проблемам методологии истории, намечившееся уже в 80-х годах XIX в., в дальнейшем еще более углубилось. По существу, учение об источниках как целостное и систематическое сложилось именно в науке и в высшей школе России предреволюционного периода. Главную роль в этом сыграл грод А. Г. Лапшо-Данилевского «Методология истории» (1911–1913).

А. С. Лапшо-Данилевский (1863–1918) – ученый, профессор высшей школы, академик и в этом качестве автор многих крупных работ по проблемам общества, государства, права и научной мысли России, руководитель ряда международных программ в области гуманитарного знания. Он – член Международного социологического института, член Международной ассоциации академий, секретарь съезда ее представителей в Петербурге (1913), участник всех международных конгрессов историков, происходивших при его жизни, один из инициаторов и учредителей социологического общества имени М. М. Ковалевского, организованного в России в 1916 г.

Концепция методологии источниковедения А. С. Лапшо-Данилевского – новая парадигма, т. е. строго научная теория, обосновавшая учение об источниках.

Изучение всей предшествующей литературы – философской, правовой, филологической, исторической – привело ученого к убеждению, что «методология источниковедения до сих пор не представляет еще цельного и систематически-развитого учения: одни предлагают, например, взамен такого учения только обзорные конкретно данных исторических источников, их коллекций и изданий в связи с эвристикой и отводят особое место критике; другие готовы отождествить методологию источниковедения с критикой, понимая ее в широком смысле; третьи изучают исторические источники в их генезисе, например в зависимости от тех условий и форм общественной жизни, благодаря которым они возникли, и т. д.».

Постановка вопроса о методологии источниковедения как цельного и систематического учения была новаторской. Она противостояла тому позитивистскому представлению о методах работы с источниками, согласно которому все они трактовались, если не как технические приемы, то, во всяком случае, как подготовительный, вспомогательный этап исторического исследования, лишь открывавший путь к подлинному синтезу исторического обобщения. А. С. Лапшо-Данилевский открыл новый этап в формировании источниковедения как целостной науки об источниках. Ученый поставил своей задачей дать в

последовательном изложении основные понятия источниковедения и систему его методов. В книге рассмотрены понятие об историческом источнике, главнейшие виды исторических источников, принципы их классификации, характеризуется сущность методов интерпретации и критики и, наконец, обосновывается значение исторических источников. Автор подчеркивает, что это учение «рассматривает то общее, что обнаруживается в научных приемах самых разнообразных исторических дисциплин, например: в истории языка, в истории философии, религии, науки, искусства и литературы, в истории хозяйства и финансов, в истории права и т. п.»¹²⁹.

В центре его учения – понятие об источнике. Ученый исходит из того, что непосредственному, чувственному восприятию доступна лишь самая незначительная часть действительности. Остальная же известна лишь по ее остаткам или из чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, в свою очередь доступных чувственному восприятию исследователя. Источник для Лаппо-Данилевского – продукт человеческого творчества в самом широком смысле слова.

Ученый создал свою научную школу, идеи которой вдохновили множество социальных мыслителей, историков, правоведов, филологов, социологов, историков пауки в России и на Западе. «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского рассматривает теоретико-познавательную основу единой науки истории (он говорит об историке, социологе и психологе, имеющих общий объект изучения, но подходящих к нему с разных сторон), понятой как единое знание о человеке, а точнее – о человечестве. Автор исходит из идеи единства «мирового целого», в котором человечество составляет его особую, качественно отличную часть, «носителницу сознания». Основопологающей для данной парадигмы является принципиальная идея – «признание чужой одушевленности», духовное общение и взаимодействие субъекта познания (историка) с его объектом (одушевленным объектом, а следовательно, также и субъектом).

¹²⁹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. 1910. Вып. 1. С. 339.

Взаимосвязь человечества с мировым целым – общая фундаментальная идея А. С. Лаппо-Данилевского и его друга В. И. Вернадского. Это взаимодействие понимается как разумное и целенаправленное. Идея сознательной, активной личности, воздействующей на окружающую среду, находит развитие в парадигме Вернадского о разумной человеческой деятельности, преобразующей мировое целое. Науки о природе и науки о культуре взаимосвязаны, взаимодополняемы. «Историк, – утверждает Лаппо-Данилевский, – рассуждает не о мире как о целом и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно той индивидуальной частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, – воздействующая, в качестве таковой, на мировое целое и в зависимости от него действующая»¹³⁰.

Важнейшим постулатом данной парадигмы является утверждение объективности гуманитарного познания, его научности. Ученый особо останавливается на вопросе об интуитивизме, выступает против его абсолютизации, возведения в принцип познания. Для Лаппо-Данилевского гуманитарное знание прежде всего часть единого знания, оно утверждено на принципах строгой научности. Ему свойственны системность, логичность, доказательность выводов, критерии доказательности научной истины соотнесены с реальными – чувственно воспринимаемыми – объектами совокупностью произведений, источников. Человечество рассматривается как целостность во времени и пространстве («часть мирового целого») и, в свою очередь, как «эволюционное целое» (во времени) и «коэксистенциальное целое» (на каждый данный момент времени). Именно такой подход позволяет «установить историческое значение каждого отдельно взятого факта, группы, серии, народа и т. д. и т. п. в надлежащей полноте»¹³¹. Целостность человечества как объекта познания отнюдь не означает в рамках данной концепции его трактовки как некоего организма, «великого существа» в духе позднего О. Конта, напротив, с контовским позитивизмом

¹³⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. Вып. 2. С. 332.

¹³¹ Там же. С. 333.

Лаппо-Данилевский вступает в дискуссию, поскольку реанимация догмы «растворения человеческой личности в массе» кажется ученому весьма опасной тенденцией общественной мысли»¹³². Феномен человеческой личности, сознания является для него основополагающим, он реализуется в произведении и воспринимается в общении, исходным принципом для которого выступает признание чужой одушевленности. Этот принцип трактуется также и в качестве нравственного постулата – научного, психологического, этического приоритета.

Феномен человеческого общения – главную проблему эпистемологии новейшего гуманитарного знания – ученый рассматривает не столько в его буквальном смысле (личное общение) или метафорически (диалог культур), но прежде всего в опосредованной, материализованной форме. Человек выражает себя как личность через создание произведений, а они, в свою очередь, расширяют пространственные и хронологические рамки человеческого общения. Источник – «реализованный продукт человеческой психики», и в этом смысле действительность. Совокупность произведений, созданных людьми, предоставляет реальную возможность изучения человечества, дает основу гуманитарному познанию, науке о человеке. Источники как эмпирическая данность и человечество как проблема, если не адекватны друг другу, то, безусловно, фундаментально соотносены. Для познания этой соотношенности необходима единая методология. Поэтому в методологии истории (гуманитаристики) различаются два уровня, каждый из них самодостаточен, но их синтез открывает новые качественные возможности понимания (построения) феномена человеческой культуры.

Первый уровень («методология источниковедения») представлен системой методов, воссоздающих произведение (источник) как явление культуры определенного времени. В ходе исследования источник изучается, анализируется и интерпретируется таким, каким задумал и осуществил его автор, и далее –

¹³² Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта. М., 1902. 97 с.

более широко, – таким, каким его, возможно, и не осознавали автор и его современники – как явление культуры данного времени. Второй уровень («методология исторического построения») состоит из системы методов, которые позволяют, исходя из реальности источника как части данной культуры, воссоздать ее самое, например, установив, что в данное время создавались частноправовые документы (на уровне методологии источниковедения), можно определить состояние правовой культуры общества (на уровне методологии исторического построения)¹³³. Последующее развитие данной концепции подтвердило верность ее основных постулатов и ее применимость к изучению различных видов и типов источников как социальных реальностей. Проведя произведение сквозь «горнило источниковедения» (выражение С. Н. Валка), гуманитарий открывает новые возможности изучения культуры в целом.

Для гуманитария исторический источник в конкретной эмпирической данности становится основой понимания его как реального остатка своей эпохи. «При достаточном понимании и правильной оценке источников как частей прошлого, – писал Л. П. Карсавин, – сами собой бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность, по сравнению с методами естественных наук, метода исторического, – жалобы, столь характерные для французских методологов»¹³⁴. Карсавин очень точно отметил особенность момента встречи познающего субъекта с реальностью своего объекта на уровне методологии источниковедения. «Он (историк. – О. М.) спешит проделать всю черную работу над источником, чтобы уловить саму сущность исторического. Она легче и лучше всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазна отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем»¹³⁵. Лаппо-Данилевский понимал методологию источниковедения как «цельное и систематическое учение» (в отличие от других концепций критики об источниках, обзор которых он дает в своем

¹³³ См. подробнее: *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. 188 с.

¹³⁴ *Карсавин Л. П.* Введение и историо: теория истории. Пг., 1920. С. 38–39.

¹³⁵ *Карсавин Л. П.* Философия истории. Спб., 1993. С. 219–220.

труде). Его последователи и ученики А. Е. Пресняков и С. Н. Валк, развивая и интерпретируя основные положения данной концепции, особо подчеркивали самодостаточность исследований, имеющих целью изучение произведения как явление культуры. Они справедливо видели методологическую общность подхода двух выдающихся историков – А. С. Лаппо-Данилевского и А. А. Шахматова, отмечали плодотворность данной методологии в исследовании явлений культуры. В то же время один из наиболее глубоких интерпретаторов данной парадигмы С. Н. Валк ясно представлял себе трудную судьбу этого учения, не надеялся на его быстрое и безоговорочное признание, особенно в среде позитивистски ориентированных историков. «Как и все научное наследие А. С. (Лаппо-Данилевского. – О. М.), – писал он, – этот труд в той же мере индивидуален и столь же вне сферы господствующих русских исторических направлений. Это последнее, а также та высота научного уровня, которая требуется для того, чтобы приобщиться к трудам А. С., заставляют иногда с тревогой следить за судьбой идей А. С. в их посмертном развитии. Лишь неустанным и общим трудом можно придать им новую жизнь и привести к полному раскрытию их основного начала»¹³⁶.

Таким образом, теоретико-познавательная парадигма Лаппо-Данилевского содержит особую интерпретацию проблемы субъекта и объекта исторического познания. Методологические дискуссии XX в. выявили в основном два пути осмысления данной проблемы. Один сосредоточен на субъекте познания, подчеркивая принципиальное значение его личных способностей понимания, другой акцентирует возможности познания реально существующих структур с помощью типологических моделей. Методология А. С. Лаппо-Данилевского открывает новые возможности понимания – не просто понимания познающим субъектом обобщенной модели реальности, но признания чужой одушевленности. Познание в этом случае выступает как диалог двух субъектов – создателя источника и его исследовате-

¹³⁶ Валк С. Н. А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатки частых актов // Русский исторический ж-л. 1922, кн. 8. С. 258.

ля. «Острую тягу к конкретной индивидуальности» в гуманитарном исследовании, увлекательную «игру» двух субъектов познания как яркого момента гуманитарного творчества отмечал Л. П. Карсавин. Еще более определенно выразил эту особенность природы гуманитарного познания М. М. Бахтин. Произведение (прежде всего художественное творение) выступает, по его мнению, как особая точка пересечения, встреча «двух субъектов» – художника и интерпретатора¹³⁷.

Фундаментальные принципы методологии источниковедения таковы: обращение к произведению – источнику познания – как предпосылка научности познания; изучение феномена человеческого общения преимущественно в его опосредованной, материализованной в источнике форме; обращение к произведению как источнику, позволяющему наблюдать личность (или сообщество) в ключевые моменты целенаправленной созидательной деятельности, и, следовательно, в высшие моменты самовыражения.

2.3. Источниковедение в XX веке

Свои идеи о методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевский изложил на Берлинском международном конгрессе историков в 1908 г. О работе секции методологии истории и теоретических спорах по классификации источников А. С. Лаппо-Данилевский сообщил впоследствии в своем опубликованном отчете Академии наук. Эта проблема составляла, разумеется, лишь часть его более общей концепции методологии исторического познания. Менее известно другое: очередной международный конгресс историков был намечен на 1918 г. и местом его проведения должен был стать Петербург. Лаппо-Данилевский успел многое сделать для теоретической подготовки конгресса. Несомненно, его концепция нашла бы на этом конгрессе более полное освещение и получила бы более широкую известность среди западных ученых. Незадолго до первой мировой войны ученый выступал с теоретическими докладами

¹³⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.

и лекциями в университетах Великобритании, к сожалению, война 1914 г. и последующие события прервали эти научные контакты. Но главное было сделано. Учение об источниках – методология источниковедения – было создано, опубликовано, передано ученикам и последователям. Среди них были выдающиеся ученые, которые, в свою очередь, создали крупные труды в области источниковедения, методов исследования и публикации источников. – А. И. Андреев, Б. А. Романов, С. Н. Валк. Учениками Лаппо-Данилевского являлись также основатель современной социологии П. А. Сорокин, выдающийся отечественный экономист Н. Д. Кондратьев и другие ученые. В 1923 г. А. И. Андреев сделал попытку переиздать книгу своего учителя. Вышедший в свет первый том «Методологии истории» подвергся критике, и поэтому второй том, посвященный концепции методологии источниковедения, так и не был переиздан.

После первой мировой войны общественный статус исторической науки и престиж ученого гуманитарного профиля претерпели резкие изменения, что было связано с разочарованием в прогнозирующих возможностях исторической науки и социальных наук в целом. На этом фоне негативизма массового сознания по отношению к духовным ценностям прошлого истории профессионалы-гуманитарии обратились к критическому переосмыслению традиционного исторического метода, неэффективного, по крайней мере так казалось тогда, для адекватного восприятия современного процесса с его ошеломляющими социальными сдвигами глобального масштаба. Естественно поэтому, что переосмыслению и критической переоценке в первую очередь подверглись традиционные представления об историческом документе, путях достижения исторической истины, упрощенные суждения о соотношении исторического источника и факта социальной действительности.

Борьба выдающихся французских историков, основателей школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока за расширение проблематики исследований, обновление понятийного аппарата исторической науки, против сухой описательности «историзирующей истории» сопровождалась, как известно, острыми нападками на

эрудитскую историографию и ее жесткие и требовательные принципы изоцированной внутренней и внешней критики средневековых текстов. Знаменитая формулировка Ланглау и Сень-обоса о том, что «история пишется по документам», подверглась пересмотру, прежде всего с позиции того, что историк должен опираться на более широкую базу источников, отнюдь не только письменных, использовать данные других наук. Он должен, как писал Февр, уметь «использовать все, что было у человека, зависело от человека, было придумано или обработано им, свидетельствует о его присутствии, пристрастиях, образе жизни человека»¹³⁸.

Новые проблемы требовали новых подходов, обращения к сложным социальным фактам. Если позитивистские приемы вырабатывались в ходе анализа событийных фактов, деятельности выдающихся исторических личностей, внешнего хода политической истории, то история нового типа требовала анализа и обобщения фактов, не находящихся непосредственного отражения в источниках, связанных с изменениями общественного сознания, крупными социальными конфликтами, глубинными мотивами человеческого поведения. «Исторический метод, филологический метод, критический метод – все это превосходные точные инструменты. Они делают честь как их создателям, так и тем поколениям тружеников, которые получили их от своих предшественников и сумели усовершенствовать в процессе труда»¹³⁹, – писал Л. Февр позднее, после окончания второй мировой войны, призывая историков новых поколений идти дальше, – не только уметь пользоваться этими методами, но проникаться общечеловеческой сутью истории, разбираться в сокровенном смысле человеческих судеб. Основатели школы «Анналов» в своей критике позитивистского подхода стремились побудить историков к отказу от устаревшего, догматичного, сохранив в то же время высочайший профессионализм, к сожалению, для историков более молодого поколения, обратившихся к занятиям историей в 20-е годы, этот насмешливый

¹³⁸ Февр Л. Указ. соч. С. 20.

¹³⁹ Там же. С. 47.

негативизм по отношению к специалистам, «восседающим на исполинской гряде старинных бумаг» или «просто переписывающим источники», мог означать вовсе не переход к новому уровню исторического познания, а более простой путь: отказ от столь трудоемкого академического профессионализма. В 20–30-е годы утрата академического профессионализма, «академической выучки» оказалась вполне реальной. Недооценка профессионализма самым непосредственным образом сочеталась с призывами к актуализации проблематики исторических исследований, обращением к истории современности, отстранением прежней университетской профессуры от преподавательской и исследовательской научной работы.

Глобальный кризис духовной культуры 30–40-х годов поставил историческую науку на грань выживания. Под сомнением оказалась ее необходимость для общества, ее место в образовании, сам смысл ее существования. Если в конце XIX в. вопрос о том, необходима ли история, представлялся Ш. Сеньобосу «праздным» ввиду полной очевидности ответа, то в годы второй мировой войны М. Блок начал свою знаменитую «Апологию истории» именно с этого актуального вопроса: Зачем история? Нужна ли она в столь тяжкое время?

Социальные процессы с особой остротой проявились в отечественной исторической науке, в судьбах ученых. Профессионализм традиционного академического типа подвергается в эти годы суровым испытаниям. Сохранение профессионализма, передача его методов новому поколению стала главной, пожалуй, даже единственной задачей целого поколения ученых. Работать так, «чтоб свеча бы не утасла», стремились ученики и последователи А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова. Тот факт, что источниковедение как особое направление, как предмет преподавания в высшей школе в эти годы не только устояло, но даже стало более цельным, представляется на первый взгляд парадоксальным и заслуживает логического анализа.

В экстремальных условиях того времени у источниковедения появилось как бы второе дыхание, оно обнаружило способность функционировать не только как вспомогательный

элемент в инструментарии историка, но в каком-то смысле отдельно от него, самостоятельно, обретая новые социальные функции. Здесь необходимо сказать об открытии в 1930 г., в период тоталитаризма, идеологизации историографии, инфляции исторического знания как самостоятельной ценности в стереотипе массового сознания эпохи. Московского историко-архивного института. Источниковедческий профессионализм, не поддерживаемый историографией, находившейся в плену господствовавших идеологических влияний, оказался совершенно необходимым в централизованном управлении – государственной архивной службе.

Московский историко-архивный институт стал педагогическим и научным центром, в котором источниковедение разрабатывалось как особое теоретико-познавательное направление. Принципиальные положения о социальной природе исторического источника, отражении в нем обстоятельств и интересов, вызвавших его создание, были сформулированы в фундаментальном труде Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы»¹⁴⁰ и ряде его статей по методологии и методике источниковедения. Важное значение для развития целостного представления об источниковедении имело создание программы лекционного курса по этой дисциплине. Работа над программой была начата в 1944–1945 гг. А. И. Андреевым, положившим в ее основу концепцию Лаппо-Данилевского, а затем продолжена и завершена под руководством А. Т. Николаевой, возглавившей кафедру вспомогательных исторических дисциплин в 1952 г. Большое участие в разработке программы приняли Л. В. Черепнин, А. Ц. Мерзон, М. Н. Черноморский, А. А. Зимин и другие ученые. Изданные в это время труды кафедры, учебные пособия – свидетельство того, что отечественное источниковедение вышло из труднейшего кризиса исторической науки концептуальным, целостным, способным к динамическому развитию.

¹⁴⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. 472 с. М., 1951. Ч. 2. 427 с.

С середины 50-х годов наметился новый подъем гуманитарных наук, стал заметно возрастать историзм общественного сознания, достигший позже высокого уровня. Появились возможности и стимулы развития источниковедения. Повсюду в мире в этот период пробуждается интерес к методам исторического познания: общее внимание привлекают дискуссии по поводу двух выдающихся произведений, написанных в годы второй мировой войны. Речь идет об «Апологии истории» М. Блока и «Идее истории» Дж. Коллингвуда, книги были опубликованы друзьями и коллегами Блока и Коллингвуда. Несколько позднее дискуссии о познавательных возможностях истории возникали вновь в связи с релятивистской концепцией истории и ее методов, полемически изложенной французским методологом А. И. Марру (1904–1980) в книге «Об историческом познании». Многие историки энергично протестовали против трактовки Марру исторического знания как иррационального, как своего рода акта веры. В этой связи они опять, на этот раз в положительном смысле, подчеркнули спокойную уверенность историков-позитивистов предшествующего поколения, не сомневающихся в объективности и достоверности фактических данных, добытых с помощью изощренных приемов традиционной исторической критики.

В отечественной науке этого времени мы почти не находим откликов на дискуссии о книгах Блока и Коллингвуда, которые увлекали ученых Запада. Но в то же время ясно, что потребность в осмыслении проблем исторического метода пробуждается в отечественной историографии именно в конце 40-х годов, к сожалению, в сложившихся общественных условиях развития науки это принимает причудливо искаженный облик критики немарксистского источниковедения, и прежде всего теоретической неокантианской методологии А. С. Лаппо-Данилевского. В 1949 г. публикуется статья Л. В. Черепнина «Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед», красноречивым является факт критического разбора концепции, изложенной Лаппо-Данилевским еще в 1913 г. в необычайно интересной и нисколько не устаревшей книге. Важно также

отметить, что, критикуя положения Лапшо-Данилевского, Черепнин в то же время исходил из представлений об источниковедении как цельном, системном учении. А ведь именно концепция источниковедения Лапшо-Данилевского сформулировала этот перспективный подход к проблеме.

В годы нового подъема гуманитарных наук общество возвращалось к историзму социального сознания. Прошедшие в научной периодике дискуссии положили начало разработке теоретической концепции источниковедения как единого направления, основы для изучения источников различных стран, эпох и видов. Этот подход нашел реализацию и подтверждение в новых трудах по источниковедению истории средних веков, нового времени, истории науки и техники, картографии, истории философии и литературоведения, истории музыкальной культуры, истории театра, всеобщей истории отдельных стран, народов и регионов.

Глава 3. Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты

3.1. Источниковедческий анализ и источниковедческий синтез

При всем многообразии структуры, содержания, происхождения, обстоятельств возникновения источники имеют свойства формы и содержания. Объективно существующее принципиальное единство этих свойств исторических источников создает возможность единого научного подхода к ним – разработки методов источниковедческого анализа и их воссоздания как феномена культуры источниковедческого синтеза. Теоретические принципы и методы источниковедческого анализа постоянно обогащаются и развиваются в ходе научно-практической работы с историческими источниками.

Метод источниковедения имеет целью: 1) установить информационные возможности источника (или ряда однородных источников) для получения фактических данных о процессах общественного развития (полнота, достоверность и новизна этих данных); 2) аргументированно оценить значение источника (или ряда однородных источников) с данной точки зрения.

В соответствии с этой целью метод источниковедения проводится поэтапно, последовательно. В связи с этим на каждом этапе решается своя исследовательская задача, достигается познавательная цель.

Материальный объект, созданный в результате целенаправленной деятельности человека, представляет собой отвечающее данной цели произведение и в то же время может рассматриваться как источник социальной информации. Он материален (т. е. доступен для непосредственного восприятия), но, в отличие от других материальных объектов, возникших в результате воздействия природных сил, представляет собой некое изделие с определенной, целенаправленно созданной структурой. Он обладает свойствами, выражающими телеологическое единство (единство цели его создания), более или менее полно и завершено выражает мысль и цель своего творца. Поэтому данный объект может явиться источником для получения сведений о его творце (авторе) и о том обществе, в котором оказалось возможным реализовать цель и замысел автора именно таким, а не иным образом. Можно, разумеется, различать произведения (источники), которые с большей или меньшей степенью завершенности выражают масштаб личности своего творца. «...Изделие – это наполовину вещь, коль скоро оно определено своею вещностью, а все же и нечто большее; изделие – это наполовину художественное творение, и все же нечто меньшее, поскольку оно лишено самодостаточности художественного творения»¹⁴¹.

Метод источниковедения – источниковедческий анализ и источниковедческий синтез – основан на главном постулате данной эпистемологической парадигмы: произведение, созданное в процессе целенаправленной и осознанной человеческой деятельности, несет в себе репрезентативную совокупность информации о своем создателе, о времени и условиях своего возникновения. Поэтому оно может быть понято и интерпретировано другими людьми, в частности исследователем, рассматривающим это произведение как источник социальной

¹⁴¹ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 62.

информации (исторический источник). Данное отношение (автор—произведение—исследователь) рассматривается как единая взаимосвязанная система, как фундаментальная основа методологии источниковедения. Именно в этом смысле интерпретируется в методологии источниковедения постулат о признании чужой одушевленности. Произведение как материальный объект, реально существующий во времени и пространстве, связывает между собой двух субъектов, двух человек (две культуры). Развивая данную идею применительно к сфере художественного творчества и познания. М. М. Бахтин говорит о двух субъектах гуманитарного познания.

Созданное человеком произведение материально (вещественно), доступно для непосредственного восприятия, существует в реальности настоящего. С данной точки зрения особый интерес вызывает феномен «смена материальной оболочки», который присущ феномену источника вообще. Функционируя, источник постоянно и целенаправленно воспроизводится как бы заново (переписывается, реставрируется, тиражируется, копируется и т. д.). Для социально-культурной общности всегда характерна забота о том, чтобы материальная фактура произведения сохраняла свою целостность, без которой передача социальной информации теряет свою непрерывность.

Как уже говорилось, произведение, в отличие от других материальных объектов, возникших вне участия человека (под влиянием природных сил), представляет собой некое «изделие». Именно поэтому данный материальный (вещественный) объект и может служить источником — для получения сведений о его творце (авторе), о том обществе, в котором мог возникнуть подобный замысел и имелись возможности его реализации именно таким, а не иным образом. По степени своей завершенности, выраженности телеологического единства, цели произведение, разумеется, может быть весьма разлитым. «Объективно-данный исторический источник представляется историку в виде некоего единства и целостности; такие свойства он приписывает, например, и предмету древности, и произведению письменности; в противном случае он говорит об обломках предмета

древности или об отрывках произведения письменности, – выражения, которые сами уже указывают на то, что понятие о предмете древности или произведении письменности связывается у него с понятием о некоторой их целостности»¹⁴².

Суть и своеобразие методологии источниковедения (в отличие от философской герменевтики) состоят в признании чужого (а не только своего) сознания. «Принцип единства чужого сознания... получает еще более широкое значение в том случае, когда историк имеет дело с источником, отражающим целую совокупность движений, нужных для выделки данного предмета, или целый ряд знаков, обозначающих чужую речь в словесной или письменной форме; он понимает, например, каждое слово в его соотношении с другими словами, благодаря которым каждое из них получает и более конкретный смысл. В связи с тем же принципом можно поставить и многие более частные правила герменевтики, давно уже обратившие на себя внимание исследователей»¹⁴³. В науках о культуре (в отличие от наук о природе) «Дух ...не может быть дан как вещь (прямой объект естественных наук), а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого и для другого»¹⁴⁴. Данный принцип понимания одного человека другим через посредство произведения составляет специфику гуманитарного познания: «Гуманитарные науки – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст... Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...»¹⁴⁵

В триаде «человек–произведение–человек» методология источниковедения различает два типа взаимосвязей и соответственно два типа исследовательской деятельности. При первом типе взаимосвязей рассматривается отношение произведения к той исторической реальности, в процессе функционирования

¹⁴² *Ланто-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 2. С. 378.

¹⁴³ Там же. С. 417.

¹⁴⁴ *Бахтин М. М.* Указ. соч. С. 300.

¹⁴⁵ Там же. С. 301.

которой оно было создано (отдельным человеком, группой авторов, может быть целым народом). При втором типе взаимосвязей познающий субъект (источниковед) включает произведение в реальность современной ему эпохи. М. М. Бахтин писал: «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*»¹⁴⁶. При этом возникает, продолжает он, «проблема второго субъекта, воспроизводящего, для той или иной цели, в том числе и исследовательской, текст (чужой) и создающего обрамляющий текст». О «встрече двух индивидуальностей» в процессе источниковедческого анализа писал и Л. П. Карсавин, также видевший в этом взаимодействии автора источника и исследователя особую гуманитарную специфику¹⁴⁷. Связь творца и исследователя («хранителя») по-своему интерпретируют и другие ученые. «...Творение вообще не может быть, не будучи созданным, и если оно существенно нуждается в своих создателях, то созданное равным образом не может стать сущим, если не будет охраняющих его»¹⁴⁸.

Стремление опереться на достоверные свидетельства источников для воссоздания реальности прошлого было присуще историкам издавна. Оно послужило импульсом для формирования методов так называемой исторической критики, т. е. системы приемов проверки подлинности и установления достоверности исторических источников. По мере развития исторической мысли становилось более очевидным, что каждое отдельное высказывание или свидетельство источника должно быть поставлено в определенную зависимость от общего замысла произведения, от обстоятельств создания источника, от знания условий, в которых автор жил и творил. Иначе говоря, вопросы критики источников не могут быть рассмотрены без исследования вопросов интерпретации смысла произведения в его целом.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Карсавин Л. П. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 283–285.

¹⁴⁸ Гадамер Г. Г. Введение к «Истоку художественного творения» // *Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет*. М., 1993. С. 97.

Как уже отмечалось, Ф. Шлейермахер разделил понятия герменевтики (как искусства правильно понимать текст в его грамматическом и психологическом истолковании) и критики (прежде всего критического изучения вопросов о подлинности источника) и выявил их взаимосвязь. Однако в ходе становления методологии исторической науки XIX–XX вв. прослеживается недостаточно четкое размежевание понятий научной критики и герменевтики и их расширительное толкование. Большое распространение получило весьма широкое понимание методов исторической критики, которое включает в себя одновременно и метод интерпретации источника. Так, в учебнике Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньбоса рассматриваются такие понятия как критика происхождения источника, внутренняя критика и даже критика толкования (герменевтика), что исключает возможность четкого разделения и понятий, и исследовательских процедур критики и интерпретации источников¹⁴⁹. Такое слишком широкое применение понятия исторической критики, критики текстов прослеживается и в XX в.¹⁵⁰ С другой стороны, преодоление позитивистских традиций в области методологии исторического исследования выдвинуло на первый план проблемы понимания, герменевтики как главного и даже единственного метода работы историка с историческим источником. Преодоление культурно-исторической дистанции между историком и сознанием людей прошлого, способность к сопереживанию и выражению симпатии трактуются в работах теоретика исторического сознания А. И. Марру как важнейшее качество историка.

Современная философская герменевтика выходит далеко за пределы традиционного истолкования смысла текста, обращаясь к более общим проблемам значения и языка. «Сама работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел – преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставил, его на один с ним

¹⁴⁹ Ланглау Ш. В., Сеньбос Ш. Указ. соч.

¹⁵⁰ См., напр.: Marichal R. Critique des textes // Histoire et ses méthodes. Paris. 1961. 1771 p.: Salmon P. Histoire et critique. Bruxelles. 1987. 234 p.

уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель»¹⁵¹.

От «восстановления изначального значения произведения» герменевтика в философском понимании выводит исследователя на «мыслящее опосредование с современной жизнью»¹⁵² и тем самым «герменевтическое сознание приобретает всеобъемлющие масштабы»¹⁵³.

От проблем истолкования смысла текста источниковед переходит к более масштабным задачам интерпретации источника как явления культуры. Для парадигмы источниковедения временное расширительное толкование понятия герменевтики, в сущности, приемлемо. Данный подход позволяет лучше понять взаимосвязь профессионально-источниковедческого и более широкого философского подхода к произведению. Х.-Г. Гадамер отмечает, что «различение когнитивного, нормативного и репродуктивного истолкования не имеет принципиального характера, но описывает единый феномен»¹⁵⁴. Тем не менее такое различение следует осуществлять. Исследователь должен ясно осознавать, в какой исследовательской ситуации он в данный момент работает; отделять ту ситуацию, когда он дает репродуктивное истолкование произведения (т. е. стремится понять смысл, который вкладывал в произведение его автор), от другой ситуации, когда он по-своему интерпретирует полученную с помощью данного подхода информацию в связи с современной ему реальностью (т. е. самостоятельно выстраивает свое, современное понимание реальности настоящего, опираясь на полученную информацию, дает свое когнитивное истолкование). Именно в этом смысле можно говорить о двух субъектах гуманитарного познания. Нельзя не видеть, что смешение двух данных подходов приводит к методологической неразличимости субъекта и объекта в познании

¹⁵¹ Рикёр П. Указ. соч. С. 4. Человек в истории. М., 1991. С. 52.

¹⁵² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 217.

¹⁵³ Там же. С. 215.

¹⁵⁴ Там же. С. 368.

источника. «Результаты наших размышлений, – пишет Гадамер, – заставляют нас отказаться от разделения герменевтической постановки вопроса на субъективность интерпретатора и объективность подлежащего пониманию смысла»¹⁵⁵. Ученый даже сравнивает обрисованную им ситуацию интерпретации источника с разговором двух собеседников, в ходе которого возникает новая атмосфера: «взаимопонимание, объединяя собеседников, преобразует их так, что они уже не являются более тем, чем были раньше»¹⁵⁶. Понятно, однако, что разговор собеседников и ситуация с источником в ходе источниковедческого анализа совершенно различны. Источник не меняет своего первоначального смысла в ходе обращения к нему исследователя. Возможна (что совершенно нежелательно) лишь подмена смысла источника каким-то другим, ему несвойственным смыслом. Не отличая голоса источника от своего собственного, интерпретатор перестает слышать этот Другой, суверенный голос, а значит, лишает себя новой информации, которую мог бы получить от Другого. В ходе научного анализа источника голоса обоих субъектов – и автора и исследователя – должны быть четко различимыми. Данной задаче соответствует оптимальная структура источниковедческого исследования. Лишь синтез двух взаимодополняющих подходов к изучению источника дает возможность представить изучаемый источник как явление культуры, как общечеловеческий феномен. «Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников (в широком смысле). Но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае, он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение: не будучи уверен в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии»¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С. 445.

¹⁵⁷ *Латто-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 2. С. 407.

3.2. Структура источниковедческого исследования

Исторические условия возникновения источника

Источник как материальный продукт целенаправленной человеческой деятельности, как исторический феномен вызван к жизни определенными условиями, задачами, целями. Поэтому важно понять, что представляла собой та историческая социальная реальность, в которой он возник. Любой источник, идет ли речь, например, о письменных, вещественных, устных источниках информации, не может быть интерпретирован вне той общекультурной ситуации, с которой он связан возникновением и функционированием. Совершенно различно значение устной или письменной информации в традиционно-архаических или современных обществах. «Мы связаны с нашим прошлым не благодаря устной традиции, подразумевающей живой контакт с людьми – рассказчиками, мудрецами или старцами, а на основе заполняющих библиотеки книг, из которых исследователи пытаются с такими трудностями извлечь все, что может помочь восстановить личность их создателей»¹⁵⁸, – писал Леви-Строс. Следовательно, соотношение разных видов источников, их место в информационном поле эпохи составляет особую исследовательскую проблему. «С нашими современниками, – продолжает Леви-Строс, – мы также общаемся, – с их громадным большинством, – благодаря самым различным посредникам – письменным документам или административному аппарату, который неизмеримо расширяет наши контакты, но и придает им опосредованный характер». Парадигма современного источниковедения должна включать в себя системный анализ общих ситуаций, связанных с коммуникациями, в которых личное общение и письменный текст представляют различные варианты. Лишь в системном отношении к ситуациям в целом (культурной, коммуникативной, скоростей передачи информации и др.) возможно более точное изучение источника, раскрытие его истинных функций и, следовательно,

¹⁵⁸ *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1985. С. 325.

его интерпретация. Эти ситуации неоднозначны в обществах различного типа – в дописьменных, письменных, обладающих печатным станком или компьютером.

Еще один аспект данной проблемы – распространение официальной, подверженной разного рода цензурным запретам информации и информации бесцензурной. Способы их функционирования в обществе совершенно различны. Стихотворения А. С. Пушкина, напечатанные при его жизни в собраниях сочинений, и те, которые «в печати не бывали» – это, по существу, разные источники. Исторические условия рассматриваются источникововедами в самых различных аспектах, особенно перспективно изучение эволюции определенных видов источников. Без изучения исторических условий нельзя решить вопросы новизны, уникальности или, наоборот, типологичности изучаемого комплекса источников. Весьма актуальны и интересны проблемы возникновения правовых, законодательных источников (как, например, письменная фиксация правовых норм обычного права и возникновение законодательных кодексов).

Проблема авторства источника

Невозможно интерпретировать источник, предварительно не поняв его автора, не зная его биографию, сферу практической деятельности, уровень его культуры и образования, род занятий, его принадлежность к определенной социокультурной общности с соответствующими ценностными установками. Масштаб личности создателя произведения, степень завершенности произведения, цель его создания – все эти параметры определяют совокупность социальной информации, которую можно почерпнуть из него. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект...»¹⁵⁹. При изучении вопросов авторства важно выявить именно те параметры личности, которые могут помочь в изучении произведения, являющегося предметом источниковедческого анализа и источниковедческого син-

¹⁵⁹ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 306.

теза. «Автор должен быть прежде всего понят из события произведения, — пишет Бахтин, — как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя». С проблемой авторства позитивистское источниковедение связывало установление достоверности источника. Стремясь к более полному исследованию связи авторства и достоверности свидетельства, Ш. Сеньбос применил к решению этой проблемы две социологические анкеты. Вопросы первой из них предусматривали ситуации, которые могут побудить автора к недостоверным свидетельствам. (Автор старался обеспечить себе практическую выгоду; автор действовал в неправомерной ситуации; он имел групповые, национальные, партийные, региональные, семейные и другие пристрастия, философские, религиозные или политические предпочтения; он был побуждаем личным или групповым тщеславием; он хотел нравиться публике и др.) Вопросы второй анкеты выявляют ситуации, при которых не следует доверять точности наблюдений автора.

Источниковеды нового и особенно новейшего времени выступали против столь жесткой схемы, связывающей достоверность источника непосредственно с личностью его автора. Никто, впрочем, прямо не отрицал возможности такой зависимости. «Понять автора в историческом мире его эпохи, его место в социальном коллективе, его классовое положение» применительно к авторам художественного произведения предлагает М. М. Бахтин¹⁶⁰. Ряд ученых обращали внимание на сложность применения такого рода критериев к источникам коллективного (или безымянного) авторства¹⁶¹. Важно также отметить, что авторское начало в источниках, представляющих собой «изделия» служебного, прикладного характера, и «творениях», в которых творческая личность автора выражает себя более полно и завершено, выявляется в разной степени. А. С. Лаппо-Данилевский обращает особое внимание на то, что понятие об авторстве источника является необходимым для

¹⁶⁰ Там же. С. 191.

¹⁶¹ *Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1987–1990. Т. 7: Специальные курсы. М., 1989. С. 508.*

последующего процесса его истолкования (прежде всего психологического). «Принципы психологического истолкования, — отмечает он, — находятся в тесной связи с понятием о единстве чужого сознания, в частности, с понятиями об ассоциирующей и целенаправленной его (сознания. — О. М.) деятельности; они применяются к весьма разнообразным историческим источникам, хотя и не в одинаковой мере; они получают особенное значение в интерпретации реализованных продуктов индивидуальной психики, но пригодны и для понимания произведений коллективного творчества, в последнем случае, впрочем, чаще обнаруживаясь в связи с одним из приемов типизирующего метода»¹⁶².

Среди источников нового и новейшего времени значительное место уделяется произведениям коллективного творчества — законодательным, делопроизводственным документам, периодической печати. Изучение авторства в подобных ситуациях должно включать целый ряд исследовательских процедур, учитывающих состав авторских групп, социальных целей законодателей, руководителей, непосредственных исполнителей произведений коллективного авторства.

Обстоятельства создания источника

Данная исследовательская проблема состоит в выявлении тех обстоятельств, которые могли влиять на полноту и достоверность сведений, на оценочные суждения, включенные автором в создаваемое им произведение.

В одних и тех же исторических условиях один и тот же человек может создавать произведения, существенно различающиеся как по полноте сообщаемой информации, так и по степени ее достоверности. Это зависит от обстоятельств, в которых находится автор. В ряде ситуаций автор не располагает необходимой информацией, обращается к недостоверным свидетельствам или доверяется собственной памяти. Иногда автор не дает полной или достоверной социальной информации

¹⁶² Лапто-Данилевский А. С. Указ. соч. Вып. 2. С. 416.

намеренно, поскольку находится в обстоятельствах, которые диктуют ему подобное поведение. В традиционных позитивистских учебных пособиях изучению подобных ситуаций уделялось большое внимание. В ряде конкретных научных исследований влияние обстоятельств на достоверность источника доказано весьма убедительно (таковы, например, исследования о показаниях декабристов – участников восстания 14 декабря 1825 г. Следственному комитету).

Обстоятельства, диктующие необходимость быстрых и решительных действий, существенно влияют на способ изложения, структуру документов, что, в частности, определяет многие особенности агитационной документации, публицистики, военно-оперативной и другой документации. С другой стороны, обстоятельства создания мемуаров и та оценка, которую дают событиям прошлого современники, влияют на полноту и достоверность содержания мемуаров. Исследователи отмечают особенности, связанные с обстоятельствами создания экономической, отчетной, делопроизводственной документации. Поэтому в качестве общего исследовательского критерия достоверности и полноты социальной информации необходимо внимательно изучать обстоятельства создания источника.

История текста источника

Важно выяснить, имеется ли автограф произведения, что он собой представляет, как соотносятся между собой черновые и окончательный варианты, первоначальный и последующие тексты. «В процессе творческой работы отлагаются разнообразные автографы, отражающие различные моменты творческой обработки текста писателем»¹⁶³. «Текст – первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины»¹⁶⁴. История рукописи, ее последующих списков и редакций не может не учитываться в ходе источниковедческого анализа. Наличие различных списков и редакций указывает на то, как

¹⁶³ Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. М., 1983. 272 с.

¹⁶⁴ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 308.

относились к произведению читатели другого времени, как использовался, функционировал в культурной читательской среде текст источника. Самостоятельный интерес представляет вопрос о переводах источника на другие языки, а также история публикаций источника.

История публикаций источника

На этом этапе необходимо выяснить, предназначался ли источник к изданию или он был создан для других целей. И далее, если источник все же был опубликован, необходимо выяснить, кем и когда, с какой целью это было сделано. Ответ на первый вопрос дает представление о цели и намерениях автора изучаемого источника и имеет важное значение для решения проблем достоверности. Источник, первоначально не предназначавшийся для издания, может содержать более откровенные и не ограниченные цензурой высказывания, нежели тот, который целенаправленно готовился автором для печати.

Каждое новое издание (переиздание) источника представляет самостоятельный интерес, поскольку данный факт отражает степень использования источника в социальной практике, позволяет лучше понять, в какой связи актуализировалось его содержание, как относились к этому произведению читатели новых поколений. Сам факт распространения произведения в определенной среде важен тем, что он отражает состояние общественного сознания, изменение его социальных или культурных интересов и ориентаций. «Произведение, – пишет Гадамер (имеется в виду прежде всего художественное произведение. – О. М.), – что-то говорит человеку, – и не только так, как историку что-то говорит исторический документ, оно что-то говорит каждому человеку так, словно обращено прямо к нему как нечто нынешнее и современное, тем самым встает задача – понять смысл говоримого им, и сделать его понятным себе и другим¹⁶⁵.

Функционирование произведения в иной социальной среде, в другой культуре делает явными те слои социальной информа-

¹⁶⁵ Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. С. 262.

ции, которые не улавливались первоначально, и, возможно, не вводились в произведение его автором намеренно. Иной культурный контекст высвечивает ранее незамеченные свойства источника. Его содержание вступает в новые ассоциативные, смысловые, содержательные взаимодействия с той социальной реальностью, в которой произведение оказывается востребованным (переписывается, публикуется, перечитывается). Об этой специфике восприятия текста произведения Р. Барт пишет: «Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться, — например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений»¹⁶⁶.

Следует методологически четко разделять информацию, которую содержит источник как авторское, телеологически единое (т. е. составленное с определенной целью) произведение, от того бесконечного разнообразия ассоциативных вариаций, на которые может оказаться способной творческая личность его будущего читателя. В первом случае методологический принцип «признания чужой одушевленности» позволит вдумчивому исследователю услышать и различить заглушенный временем голос создателя источника. Во втором он воспользуется текстом источника как поводом для самовыражения. При таком подходе неправомерно будет говорить о двух субъектах гуманитарного познания, о новизне социальной информации Другого. Именно поэтому методологически важен такой этап источниковедческого анализа, как интерпретация источника. Ее цель — понять авторский замысел создателя источника.

Интерпретация источника

Ее проводят с целью установить (в той мере, в какой это возможно с учетом временной, культурной, любой другой дистанции, разделяющей автора произведения и его исследователя) тот смысл, который вкладывал в произведение его автор. Общее учение об исторической интерпретации источников в

¹⁶⁶ Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. С. 415.

наиболее систематизированном и логически обоснованном виде изложил в своей «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевский.

Он обращал внимание на то, что в освещении проблемы интерпретации в современной литературе не прослеживалась логическая четкость. Так, автор известного труда по методологии исторического исследования Э. Бернгейм связал изложение этой проблемы с задачами «исторического построения»¹⁶⁷. Иначе говоря, Бернгейм имел в виду интерпретацию исторических фактов историком (что, разумеется, имеет первостепенное значение в историческом исследовании, но составляет, в сущности, иную исследовательскую задачу и поэтому решается другими методами). Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобос, говоря об анализе источника, не проводили логической грани между задачами внутренней критики источника и задачами его интерпретации. Об этом свидетельствует и нечеткий термин «критика интерпретации», который они использовали в своем методологическом руководстве «Введение в изучение истории».

Напротив, Лаппо-Данилевский придает проблемам интерпретации источника принципиальное значение. «Лишь признавая самостоятельное значение ее задач, — писал он, — историк может достигнуть надлежащей благонадежности выводов; ведь интерпретация стремится установить только то именно значение источника, которое автор придавал ему... она даст возможность одинаково войти в мировоззрение или отдельное показание данного автора, — будь оно истинным или ложным»¹⁶⁸. Для решения задач интерпретации он выдвигает прежде всего принцип *психологического истолкования* (основанный на фундаментальном постулате данной парадигмы — признание чужой одушевленности); далее — принцип *психологической* интерпретации условного вещественного образа или символа. *Технический* метод интерпретации позволяет судить о смысле и

¹⁶⁷ *Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig. 1903. 782 S.*

¹⁶⁸ *Лаппо-Данилевский А. С. Вып. 2. С. 514.*

назначении данного произведения по тем специальным (техническом) приемам, которыми пользовался автор: *типизирующий* метод предполагает соотнесение источника с соответствующим типом культуры; и наконец, *индивидуализирующий* метод интерпретации позволяет раскрыть индивидуальные особенности творчества его автора. На ряде примеров, анализе конкретных исследовательских ситуаций ученый показывает, каким образом применение типизирующего и индивидуализирующего методов в их взаимодействии позволяет провести интерпретацию источника в целом.

Преодолевая традиционные позитивистские подходы к источнику как эмпирической данности, современная методология гуманитарного исследования выдвинула на первый план проблему герменевтики как главного и даже единственного метода работы с источником, произведением и текстом. Современная философская герменевтика выходит далеко за пределы традиционного истолкования текста, обращаясь к более общим проблемам языка и значения. «Сама работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел, – преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель»¹⁶⁹. От «восстановления изначального значения произведения» герменевтика в ее философском понимании выводит исследователя на «мыслящее опосредование с современной жизнью»¹⁷⁰. При этом подчеркивается взаимосвязь профессионально-прикладного и более широкого, теоретико-познавательного, подхода к произведению, их неразделимость. «Различение когнитивного, нормативного и репродуктивного истолкования не имеет принципиального характера, но описывает единый феномен»¹⁷¹. Действительно, от

¹⁶⁹ Рикёр П. Указ. соч. С. 4.

¹⁷⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 217.

¹⁷¹ Там же. С. 368.

проблемы истолкования (смысла, который вкладывал в свое произведение автор) исследователь переходит к рассмотрению более широкой, выходящей за пределы интерпретации проблемы понимания источника как явления культуры. Важно вместе с тем подчеркнуть существенное различие этих двух подходов, наряду с их единством. В сущности, исследуется один и тот же объект, один и тот же источник, но он рассматривается для решения двух разных исследовательских задач. На этапе интерпретации источника исследователь движется в потоке сознания автора произведения: стремится лучше понять ситуацию, в которой тот находился, и его замысел, способ, принятый им для воплощения этого замысла, выступает в позиции заинтересованного слушателя, интерпретатора. На той же эмоциональной волне сопереживания и симпатии может переводиться и иноязычный текст. «... Перевод иноязычных текстов, поэтическое подражание им, а также и правильное чтение их вслух берут на себя временами ту же задачу объяснения смысла данного текста, что и филологическое истолкование...»¹⁷². Но затем происходит смена позиции исследователя, конечно, степень проникновения в психологию автора зависит от видовых особенностей произведения. В некоторых ситуациях данному подходу придается важное, по существу решающее, значение. Так, А. И. Марру говорит о том, что исследователь средневековых текстов должен суметь на какое-то время психологически перевоплотиться в средневекового монаха¹⁷³. Методолог, придерживающийся данной концепции, представляет собой историка, наделенного прежде всего даром симпатии и сопереживания. Высказываются, однако, и другие точки зрения. В свое время, останавливаясь на принципах изучения источников, В. О. Ключевский говорил о том, что для ряда категорий источников подобный подход неэффективен¹⁷⁴. Эта позиция разделяется и современными историками.

¹⁷² Там же. С. 367.

¹⁷³ *Marron A. I. Op. cit.*

¹⁷⁴ *Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 7.*

Анализ содержания

От этапа интерпретации источника исследователь переходит к анализу его содержания. При этом для него становится необходимым взглянуть на источник и его свидетельства глазами современного исследователю человека другого времени. «...Существует естественное напряжение между историком и филологом, стремящимся понять текст ради его красоты и истины, – так обозначает эту смену позиции исследователя Х.-Г. Гадамер. – Историк интерпретирует с прицелом на что-то иное, в самом тексте невысказанное и лежащее, может быть, в совсем ином направлении, чем то, по которому движется разумеемый текстом смысл»¹⁷⁵. Источниковед, но существу, – это филолог и историк в одном лице: сначала он рассматривает источник как часть реальности прошлого, а потом – как часть той реальности, в которой находится сам. Он оценивает источник логически, обращаясь то к его намеренной, то к ненамеренной информации. Структура исследовательского изложения меняется – она диктуется стремлением возможно полнее раскрыть все богатство социальной информации, которую может дать источник, поставленный в связь с данными современной науки. «Историк стремится заглянуть за тексты, чтобы добиться от них сведений, которых они давать не хотят и сами по себе дать не могут»¹⁷⁶.

Исследователь раскрывает всю полноту социальной информации источника, решает проблему ее достоверности. Он выдвигает аргументы в пользу своей версии правдивости свидетельств, обосновывает свою позицию. Если этап интерпретации источника предполагает создание психологически достоверного образа автора источника, использование, наряду с логическими категориями познавательного процесса, таких категорий, как здравый смысл, интуиция, симпатия, сопереживание, то, в свою очередь, на этапе анализа содержания преобладающими становятся логические суждения и доказательства, сопоставление данных, анализ их согласованности

¹⁷⁵ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 397–398.

¹⁷⁶ Там же. С. 400.

друг с другом. Здесь вполне уместно вспомнить слова Н. И. Кареева о том, что «знание, добытое приемами мышления, противоречащими требованиям логики, не есть научное знание, даже и не знание вообще»¹⁷⁷. Полученные данные соотносятся со всем объемом личностного знания исследователя, говоря словами Гадамера, «с целостностью нашего опыта о мире».

Таким образом, в процессе источниковедческого анализа исследователь раскрывает информационные возможности источника, интерпретирует те сведения, которые, намеренно или помимо своей воли, сообщает источник, свидетельствуя прямо или косвенно о своем авторе, о том этапе социального развития, когда источник был создан, воплощен в данную вещественную форму. Опираясь на результаты проведенного исследования, источниковед обобщает свою работу, проводит источниковедческий синтез. Синтез – завершающий этап изучения произведения, рассматриваемого в качестве исторического источника. На этом этапе создается возможность обобщить результаты анализа отдельных сторон произведения, отдельных комплексов социальной информации, полученной при исследовании его структуры и содержания. Произведение рассматривается не только в его непосредственной, эмпирической данности, как реально существующий объект (вещь), но более полно и более обобщенно, – как явление культуры своего времени, определенной социокультурной общности, народа. Раскрывая сущность методологии источниковедения, один из наиболее ярких ее представителей С. Н. Валк обращается к примерам из области изучения частноправовых актов. Исследователь, пишет Валк, имеет целью рассмотреть частноправовые акты «как историческое явление в жизни народов, как продукты их культуры»¹⁷⁸.

Поставив перед собой такую исследовательскую цель, необходимо выяснить, каковы функции частноправового акта в обществе, каков состав акта, провести источник «сквозь горнило источниковедения», постепенно приближаясь к этапу синтеза.

¹⁷⁷ Кареев Н. И. Теория исторического знания. Спб., 1913. С. 35.

¹⁷⁸ Валк С. Н. Указ. соч. С. 254.

«Наука может ответить на эти обращенные к изучению явления вопросы лишь одним путем, – дав научную конструкцию этого явления, в данном случае – частного акта. Путь к такой конструкции акта лежит через его анализ к последующему синтезу»¹⁷⁹. Возвращение к целостности произведения как явлению культуры является характерной чертой методологии источниковедения, что ярко проявляется в подходе А. С. Лаппо-Данилевского к изучению частноправовых актов, А. А. Шахматова – древнерусских летописей, В. О. Ключевского – житий как к историческому источнику. О необходимости обращения к целостности произведения как явления культуры писал А. П. Карсавин¹⁸⁰.

Метод источниковедения – источниковедческий анализ и источниковедческий синтез – имеет целью воссоздать произведение как историческое явление, и в этом смысле результат такого исследования самодостаточен. Источниковедческий синтез, сосредоточивая внимание на воссоздании целостности произведения как явления культуры, открывает возможность широких культурологических компаративных исследований, вовлекающих в поле изучения сходные (особенно по таким признакам, как структура, функции, цели создания и т. п.) явления культуры других времен и народов. В результате сравнительных исследований возникают возможности синтеза более высокого уровня – воспроизведение явлений общечеловеческой истории, феноменологии культуры.

Аргументированная оценка значения источника дает обоснование для практических рекомендаций о возможностях его научно-практического использования. Это могут быть рекомендации по собиранию соответствующих источников, экспертизе ценности источников, по их использованию в научно-исследовательской и другой работе.

Наиболее убедительными практические рекомендации источниковеда становятся в том случае, если каждый из этапов источниковедческого анализа не только тщательно проведен,

¹⁷⁹ Там же. С. 255.

¹⁸⁰ Карсавин А. П. *Философия истории*. СПб., 1993. С. 292.

но логически обоснован и четко изложен. Источниковедческое исследование имеет свою определенную логическую последовательность изложения. Примерная схема изложения результатов источниковедческого исследования такова:

Введение. Здесь дается обоснование темы исследования, характеризуются методы исследования, историография (степень изученности данной темы в литературе), формулируются задачи исследования.

Глава первая «Характеристика источника» соответствует первому этапу источниковедческого анализа – изучению вопросов происхождения и авторства источников. Поэтому в ней могут даваться характеристики исторических условий возникновения источника, автора (создателя) источника, истории текста, истории публикаций источника. В связи с характеристикой автора и обстоятельств создания источника освещается вопрос об интерпретации источника (что имел в виду автор текста источника).

В главе второй «Анализ содержания источника» основное внимание уделяется полноте сведений и их достоверности. Выявленная фактическая информация группируется проблемно и последовательно анализируется в разделах главы.

Заключение содержит оценку значения исследуемого источника и практические рекомендации по его использованию.

Разумеется, данная схема весьма обобщенная, типовая. В зависимости от того, какие стороны источника представляют наибольшие сложности для изучения, последовательность этапов источниковедческого анализа будет несколько меняться применительно к теме исследования. Так, если в ходе источниковедческого анализа содержания источника выявляется наибольшая ценность его информации для изучения определенных сторон исторического процесса, тогда именно этим вопросам и следует уделить основное внимание во второй главе. Может вырасти в самостоятельное исследование история текста источника (его предварительные и окончательные варианты, редакторская правка текста, смысл и направление изменений текста при доработке и т. п.) или история публикаций источника (его переводов и публикаций на других языках и их особен-

ности). В то же время основная структура источниковедческого исследования сохраняется.

3.3. Классификация исторических источников

Перед источниковедением стоят две основные задачи. *Эвристическая* задача – это ориентирование в многообразии исторических источников, их классификация, изучение совокупности источников, отложившихся в ходе исторического процесса как в целом, так и в частности – для отдельных исторических эпох конкретных стран или регионов. *Аналитическая* задача – это разработка методов анализа исторических источников, получения из них достоверной и возможно более полной информации, а также методов оценки источников с данной точки зрения. Ясно, что учение об источниках, ставящее столь масштабные цели, может и должно опираться на весь комплекс современного знания о человеке и обществе. В то же время источниковедение как наука, изучающая исторические источники (т. е. произведения, созданные людьми целенаправленно и используемые для получения данных об этих людях), выступает как необходимый компонент каждой науки о человеке и обществе. Все это определяет и объясняет многообразие и широту междисциплинарных контактов источниковедения.

В ходе источниковедческого анализа источниковедение использует данные всех дисциплин и отраслей знания, которые дают возможность изучать произведения, созданные людьми, и анализировать их как источники информации об их создателях.

Междисциплинарность источниковедения заложена в самой природе его объекта и предмета. Объект источниковедения – источники, то есть все материальные объекты, созданные человеком целенаправленно. Ясно, что среди них представлены произведения самых различных видов: летописи и хроники, законодательное творчество, периодическая печать, литературные и публицистические произведения, философские труды, религиозные книги различных вероисповеданий, карты и атласы, каждый из таких видов источников, будучи изучаем в качестве исторического источника, предполагает широкое использование

методов ряда общественных наук – историографии, правоведения, философии, литературоведения, религиоведения, картографии, географии, естественных наук.

Эта особенность – широта междисциплинарных связей источниковедения с другими областями знаний хорошо прослеживается уже в традиционной концепции этой научной дисциплины. Так, например, в книге «Введение в историческую науку» немецкого историка и методолога истории Э. Бернгейма (1850–1942)¹⁸¹, отразившей концепцию методологии истории конца XIX в., определенное представление об источниковедении и источниковедческой критике, вопрос о соотношении исторического метода с методами других наук раскрывается следующим образом: прослеживается его соотношение с филологией, политикой (государствоведением), социологией, философией, антропологией, этнографией и этнологией, естественными науками. Отдельно рассматривается соотношение истории и искусства. Отметим, что уже тогда ученый подчеркивал значение естествознания в качестве «вспомогательной исторической науки» для истории, поскольку оно позволяет проследить психологическую каузальность в человеческой жизни и деятельности, влияние материально-физического и психологического факторов в историческом процессе. Взаимодействие исторической науки с рядом других отражает значение материально-физических, географических, психологических факторов в человеческой деятельности. Однако в целом историческая наука конца XIX – начала XX в. далеко не реализовала возможностей, которые открывает это взаимодействие.

В прошлом для ученых России – историков, правоведов, социологов была характерна особая разносторонность профессиональных интересов, взаимопроникновение методов палеографии, дипломатики, генеалогии, сфрагистики, библиографии, кодикологии. Эти смежные с историей науки отражают достаточно стабильные междисциплинарные связи истории. В качестве смежных с историей наук обычно называют государственно-правовые науки, языкознание, литературоведение, журнали-

¹⁸¹ Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908. 396 с.

стику, экономическую географию, антропологию, археологию, этнографию, историю искусств, статистику.

Способы взаимодействия этих наук с историческим методом остаются, однако, недостаточно проясненными. Между тем одно из направлений этой взаимосвязи достаточно определено: это междисциплинарные контакты по линии изучения тех видов источников, которые по своему происхождению и содержанию нуждаются в более специализированном использовании смежных наук. Так, источниковедение литературных памятников тесно связано с литературоведением, источниковедение законодательства – с правовыми науками, источниковедение картографии – с историей и методами картографических исследований, источниковедение изобразительных источников – с историей искусства и т. п. Подобный подлинно культурологический подход характерен, например, для Н. П. Лихачева в его выдающихся работах в области целого ряда исторических дисциплин¹⁸².

Познавательным средством для осмысления всего многообразия исторических источников является классификация. В источниковедении используются различные классификации источников, классификация *по видам* является наиболее важной, отвечающей главной задаче источниковедения. Источники возникают в целенаправленной человеческой деятельности как облеченные в материальную форму произведения, как средства для достижения той или иной цели, удовлетворения тех или иных общественных, человеческих потребностей. Вот эту цель, эту направленность, назначение произведения и следует положить в основу классификации. Всякое создание человеческих рук и разума имеет практическое назначение. Создателей этих произведений мало заботит то, как будет восприниматься данный предмет в качестве исторического источника, как отразится в нем, вольно или невольно, технический, эстетический, любой другой аспект времени, общественных отношений. Следуя своим замыслам и цели, творец придает своему произведению ту или иную форму, определяет его

¹⁸² См.: Простоволосова А. Н. Н. П. Лихачев. Судьба и книги. РГГУ. М., 1992.

структуру. Иногда такое произведение становится уникальным, ни на что иное не похожим. Но чаще бывает иначе. Ведь человеческие, общественные потребности повторяются вновь и вновь, они удовлетворяются созданием не уникальных, а чаще массовых изделий. Именно поэтому видовая эволюция исторических источников заслуживает отдельного изучения. Для этого нужны длительные исторические наблюдения.

Итак, одно из направлений расширения междисциплинарных связей источниковедения – изучение отдельных видов и разновидностей источников. Другое направление междисциплинарных контактов источниковедения связано со спецификой отдельных *этапов и методов* источниковедческого анализа. В ходе источниковедческого анализа, как мы видели, исследователь ставит ряд вопросов, имеющих целью понять личность автора – создателя источника, цели и обстоятельства создания данного произведения. В свою очередь, ответ на эти вопросы позволяет лучше понять структуру информации, заложенной в источнике его автором, намеренно и ненамеренно.

Разнообразие междисциплинарных связей источниковедения обуславливается также и тем, что в качестве источников выступают весьма разнообразные типы и виды произведений. Уже в традиционной методологии истории осознавалось это многообразие. Необходимостью его возможно более полного отражения определилось создание различных классификационных систем, группировок исторических источников.

В упоминаемом фундаментальном труде Э. Бернгейм хорошо передает разнообразие форм, в которых иные наблюдения, кроме наших собственных, становятся доступными. Это – речь, письмо, изображение. Все источники этого типа он объединяет под общим названием «известия» (традиция). Среди них такие виды: *устная* традиция (песнь, рассказ, сага, легенда, анекдот, крылатые слова, пословицы); *письменная* традиция (исторические надписи, генеалогические таблицы, биографии, мемуары, брошюры и газеты); *изобразительная* традиция (иконография исторических личностей, географические карты, планы городов, рисунки, живопись, скульптура).

Другой тип исторических источников – «остатки», т. е. непосредственные результаты самих событий, среди которых Бернгейм выделяет такие виды: непосредственные следы жизни древних времен; данные языка; существующие обычаи, нравы, учреждения; произведения всех наук, искусств, ремесел как свидетельства о потребностях, способностях, взглядах, настроениях, состояниях, словом, степени всего развития их творцов и их времени; деловые акты, протоколы и всевозможные административные документы; монументы и надписи, не содержащие каких-либо сведений (пограничные знаки, монеты и медали); законодательные, делопроизводственные и тому подобные документы.

Разумеется, классификация Бернгейма неполна, и к тому же имеет достаточно спорные основания. Она приводится нами, чтобы показать, сколь многообразны существующие типы и виды исторических источников. А это, в свою очередь, делает весьма наглядным вывод о том, что источниковедение изначально – это такая область знания, которая имеет самые различные междисциплинарные контакты. Очевидно, что каждый тип и каждый отдельный вид (и разновидность) произведений очень специфичны, и поэтому для их изучения необходимы разнообразные специальные знания. Те из них, которые были особенно важны в исторических исследованиях, постепенно составили довольно устойчивую группу исторических наук истории, или, как их стали называть в конце XIX в., вспомогательных исторических наук (дисциплин).

Французские методологи истории Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобос выделяли среди вспомогательных наук истории такие, как палеография, дипломатика, латинская эпиграфика, нумизматика, геральдика, филология и др. В то же время они справедливо подчеркивали, что этим термином обозначаются исторические знания двойного рода, т. е. знания, необходимые для исследователя. Одни из них представляют собой вполне сложившиеся науки, другие – свод специальных фактов, необходимых для критики изучаемых документов. Иначе говоря, разнообразие типов и видов произведений, созданных людьми

и изучаемых в качестве исторических источников, ставит источниковедение перед необходимостью постоянного функционирования в междисциплинарных сферах исследований. Пересмотр методологических концепций исторической науки в XX в. изменил сферу междисциплинарных контактов источниковедения.

Новые представления об истории как целостной науке, изучающей в единстве все эпохи и стадии исторического процесса, выявляющей взаимосвязи экономики, политики, общественного сознания, предъявляли совершенно новые требования к источникам социального исследования. Это нашло свое выражение в деятельности Л. Февра (1878–1956) и М. Блока (1886–1944), особенно после создания ими в конце 20-х годов гуманитарного издания «Анналы» и превращения школы «Анналов» на долгое время в доминирующее направление историографии, концепция глобальной истории повлияла на характер мышления историков, направленность их научного поиска, способствовала существенному расширению объекта исторической науки. М. Блок в книге «Апология истории, или Ремесло историка», рассматривая проблему исторических свидетельств, подчеркивал, что «...почти всякая человеческая проблема требует умения оперировать свидетельствами всевозможных видов...», различны и технические приемы исследования исторических свидетельств. «Причина в том, что человеческие факты – самые сложные. Ибо человек – наивысшее создание природы»¹⁸³. М. Блок, исходя из необходимости широких взаимодействий гуманитарных и естественных наук при изучении исторических источников, писал: «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»¹⁸⁴.

Мысль о широком взаимодействии наук при изучении истории постоянно отстаивал и сподвижник М. Блока по школе «Анналов», основатель секции экономических и социальных наук

¹⁸³ Блок М. Указ. соч. С. 40.

¹⁸⁴ Там же. С. 39.

в Школе высших исследований Л. Февр. Еще в довоенных работах Февр активно выступал против тридиционной историографии за новую историческую науку как науку о человеке. Данный подход предполагает возникновение междисциплинарных областей знания, которые способны рассмотреть историю человечества во всей ее полноте: в естественно-географической среде, взаимодействии с нею людей, в изучении политической, религиозной, социальной проблематики, общественной психологии в их взаимодействии и взаимовлиянии. Этот подход отразился уже в 1922 г. в одном из ранних трудов Февра «*La terre et l'évolution humaine. Introduction géographique à l'histoire*» («Земля и человеческая эволюция. Географическое введение в историю») ¹⁸⁵. Февр был резко против ограничения круга исторических источников лишь письменными документами. Февр критиковал Ш. Сеньобоса за отказ от изучения ранних периодов истории из-за отсутствия письменных источников. Выход из подобной ситуации он видел в междисциплинарном подходе, в том чтобы «не просто переписывать источники, но воссоздавать прошлое с помощью смежных дисциплин, подкрепляющих и дополняющих одна другую». «Долг историка в том и состоит, считал он, – чтобы поддерживать, всемерно развивать и закреплять их совместные усилия» ¹⁸⁶.

Взаимодействие истории с другими областями знания, междисциплинарный подход к изучению источников нашли свое обоснование в известном издании – коллективном труде виднейших французских историков и специалистов исторических наук «История и ее методы». Ш. Самаран, открывая это издание, особо подчеркнул, что классический тезис традиционной исторической науки позитивистского направления «нет истории без документов» во второй половине XX в. интерпретируется несравненно более широко. Под документом понимаются разнообразнейшие источники: письменные, вещественные, аудиовизуальные, изобразительные и другие. Ш. Самаран считает

¹⁸⁵ *Febvre L. La terre et l'évolution humaine. Introduction géographique à l'histoire. Paris. 1922. 471 p.*

¹⁸⁶ *Февр. Л. Указ. соч. М., 1991. С. 20–21.*

необходимым участие специалистов различного профиля в критическом исследовании свидетельств: «Нет истории без эрудиции, – т. е. без предварительного критического исследования свидетельств, – как собственно историками, так и другим или другими специалистами. Но всяком случае, история не импровизируется историком: историка создает не только “призвание”, но и методическая подготовка»¹⁸⁷.

В соответствии с принципами, положенными в основу концепции книги «История и ее методы», в этом коллективном труде представлен широкий круг разнообразных типов источников, а изложение методов их исследования пронизано междисциплинарным подходом.

Именно поэтому в труде рассматриваются методы: а) изучающие вещественные свидетельства (археология, нумизматика, сфрагистика и др.); б) применимые к письменным свидетельствам (эпиграфика, папирология, греческая, римская и средневековая палеография, криптография, дипломатика, ономастика, генеалогия, геральдика); в) последующие свидетельства, созданные с помощью технической записи (фотография, кинематография, микрофильмирование, звукозапись). Особо подчеркивается значение дисциплин и методов, расширяющих возможности исторического исследования (лингвистика, демография, статистика, история коллективной психологии и менталитета).

Еще более расширяются рамки междисциплинарного подхода в главах «Истории и ее методов», посвященных сохранению и экспозиции археологических памятников, музейных предметов, архивных документов, собраний рукописных и печатных книг, «тематик, дискотек и фонотек. В центре внимания авторов – методы критики источников, как вещественных, письменных, так и зафиксированных с помощью техники, каждый из них требует специализированных методов анализа. Совершенно очевидно, что такой критический анализ предполагает сотрудничество специалистов разных дисциплин, становится исходным пунктом для формирования особого типа специалистов-источниковедов.

¹⁸⁷ *Histoire et ses méthodes*. P. 5.

В труде «История и ее методы» главы о методах исследования таких источников, как фотографии и кинофильмы, написаны известным французским историком кино и кинокритиком Ж. Садулем (1904–1967). Он показал возникновение и развитие новых видов источников, раскрыл методы анализа фотодокументов и кинофильмов как исторических источников, рассмотрел значение кино как источника формирования исторических представлений современного общества.

Подобный критический анализ новых типов и видов источников конкретизирует формы междисциплинарного сотрудничества, способствует формированию новых профессиональных специализаций источниковедов.

Особая сфера междисциплинарных контактов – изучение исторических источников, хранящихся в библиотеках. Они выступают в различных качествах: как источники исторической информации и как исторические источники. Поэтому в главе «Библиотеки» особое внимание уделено рукописным коллекциям, которые издавна складывались и вплоть до настоящего времени формируются при крупных библиотеках. Междисциплинарные контакты расширяются в связи с развитием современных методов деятельности библиотек, изменением соотношения опубликованных и неопубликованных документов.

Особая область исследований и соответственно поле междисциплинарных контактов – крупные, иногда всемирно известные, а порой малоизвестные коллекции манускриптов, как опубликованных, так и неизданных, исторически складывавшихся в течение многих лет, а иногда и веков, в ряде библиотек. В связи с этим одним из новых ответвлений исследования исторических документов является кодикология. Этот термин ввел Ш. Самаран, читавший лекции в Школе высших исследований, кодикология – это дисциплина, изучающая рукописные книги – историю их изготовления, состав и судьбу, кодикология опирается на методы палеографии, изучая графику и ее особенности для датировки и установления места создания рукописной книги. Наличие каталогов и исследований датированных рукописей дает возможность сопоставления и более точной датировки

документов и рукописных сборников. В то же время кодикология является и областью архивистики: она, как и архивистика, рассматривает объект исследования в составе фонда, частью которого он является, – изолированная рукопись ни о чем не говорит.

Еще одна проблема исследования – это книга в составе коллекции, частью которой по тем или иным причинам она позднее стала. В свою очередь, понятия фонда и коллекции трудно выделить в чистом виде, поскольку в одном из них всегда находятся и элементы другого. Изучение функционирования книги, в том числе и рукописей, предоставляет возможность расширить объем информации, который в этом случае не сравним с тем, что может дать исследователю изолированный документ. Так, в частности, изучение социального состава владельцев книги или рукописи, круга их чтения, отношения к книге в разное время, в различных общественных слоях, регионах, конфессиях выводит исследователя на постановку новых междисциплинарных проблем коллективной психологии, менталитета, культурологии.

Таким образом, источниковедение, будучи междисциплинарной областью науки, входит в еще более тесные взаимодействия с другими областями знания и практики, изначально также междисциплинарными: архивистикой, библиотековедением, библиографией, информатикой. Ясно и то, что, обращаясь к происхождению и содержанию различных видов источников, источниковедение взаимодействует с теми науками, которые имеют своим предметом соответствующие области гуманитарного знания.

Развитие теории и методики источниковедения находится в тесной связи с последовательным введением в сферу специального исследования новых исторических документов. Это дает материал для наблюдения, выявления общего и особенного в природе источников, специфики их формы и содержания.

Новые задачи исторической науки в условиях интеграции гуманитарного и естественно-научного знания расширяют, как никогда ранее, во-первых, круг исторических источников различных видов, исторических эпох и уровней социальных куль-

тур и, во-вторых, спектр проблем общественной практики и науки, для которых применение методов данной исторической дисциплины оказывается необходимым.

Углубление интеграционных процессов, связанных с гуманитаризацией знания, не оставляет сомнений в том, что источники по истории науки, техники, других отраслей будут и впредь разрабатываться. Источниковедение уже вступило во взаимодействие с рядом таких отраслей, входя со своей методикой в междисциплинарные комплексы, формируя на стыке гуманитарных, естественно-научных и технических знаний специалистов нового типа.

В последние годы наблюдается все больший интерес к использованию в исторических исследованиях интеграционных методик работы как с письменными, так и с вещественными памятниками. В частности, началось более тесное проникновение и взаимное обогащение методик источниковедения и музееведения, поскольку в музейной работе комплексное использование вещественных и письменных памятников имеет особое значение. Одним из новых направлений этих исследований является опыт изучения письменных источников, хранящихся в музеях.

Одновременно развиваются и процессы дифференциации: в источниковедении появляются новые направления исследования исторических источников по истории отдельных стран, народов, крупных регионов.

Как уже отмечалось, кодикология сформировалась при воздействии архивистики. Взаимосвязи источниковедения и архивоведения развиваются по ряду направлений. Архивные документы могут служить источниками информации о прошлом (ретроспективная информация). Поэтому к ним применяются методы источниковедения. Метод источниковедческого анализа составляет необходимый компонент работы с архивными документами для отбора, хранения, введения в научный оборот путем публикации или в других формах, составления научно-справочного аппарата и др. Источниковедческие приемы и опирающаяся на источниковедческий анализ оценка

документа (или вида документов, комплекса взаимосвязанных документов) имеют для архивиста принципиальное значение при принятии профессиональных решений.

Архивное дело, охватывающее политические, научные, правовые и практические аспекты хранения и организации использования архивных документов, имеет свою историю развития. Для ее более эффективного изучения существуют собственные источники: документы ряда государственных учреждений, фонды выдающихся деятелей архивного дела, документы по истории архивного образования и многое другое. Поэтому актуальной задачей является разработка источниковедения истории архивного дела.

3.4. Источники в науках о человеке

Гуманитарное и естественно-научное знание в течение долгого времени оказывались разделенными между собой, что нашло яркое выражение в философской мысли XIX в., противопоставлявшей науку о природе наукам о духе. Поэтому пристальный интерес вызывают именно те научные направления, которые способны их объединить, вернуть целостный взгляд на природу, общество и человека. Выдающимися проводниками такого взгляда были В. И. Вернадский, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев. Восстановлению этого целостного подхода активно способствует источниковедение – ведь в источниках отражена взаимосвязь биологического и социального в природе человека, запечатлена человеческая деятельность. Биологическое проявляется через социальное, и наоборот.

Развитие исторической антропологии, этнологии, социологии неизмеримо расширило области применения метода источниковедения. Одна из самых трудных проблем современной науки о человеке состоит в том, чтобы преодолеть традиционное разделение различных аспектов изучения человека как личности, человеческой деятельности разными науками. Необходимо выработать такие научные методы, которые могли бы охватить взаимодействие биологической, материальной, духовной, эколого-географической сторон человеческой природы

в их реальном соотношении, в проявлении одной через другую. В этой связи несомненный интерес представляет исследовательский опыт исторических дисциплин, которые традиционно называются вспомогательными, каждая из них как раз и ставит в центр своего изучения те или иные стороны источника. Этими дисциплинами исследуются сложные взаимосвязи – вещественные и духовные стороны (палеография), биологические, социально-психологические и духовные (генеалогия), взаимосвязи человека и окружающей географо-экологической среды (историческая география) и т. д. Подходя к этим дисциплинам с данной точки зрения, можно лучше понять, почему в настоящее время они выделились из инструментария историка, обрели особую, суверенную социальную функцию, непосредственно воздействуют на общественное сознание.

Так, современная *палеография* позволяет воспринять единство текста и материала, на котором он написан, – графики и изображения, охватить техническую, эмоциональную, художественную стороны произведения, созданного человеком. В центре внимания палеографии при этом оказываются история письма, искусство графики и орнамента, история техники создания материала для письма, история рукописи в информационном поле эпохи, история грамотности, обучения и образования. Вещь и текст существуют нераздельно, они взаимодействуют: материальная и духовная стороны источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности акцентируют, усиливают одна другую. Вещь с текстовой надписью, изображение реального предмета, материальная фактура рукописи или книги – все это примеры взаимосвязи материального и духовного в источнике. Взаимосвязанное рассмотрение символа и знака повышает возможную отдачу источниковедческого анализа, увеличивает шансы получения достоверной информации, более точной оценки цели создания источника, а следовательно, его содержания и значения как социального явления. Ощущение «пыльной и старой тайны», о котором когда-то с восторгом писал Е. А. Косминский, дается одновременным восприятием целого (внешних особенностей, фактуры, смысла и содержания произведения культуры), т. е. палеографией.

Графика рукописных памятников и система письма – предмет палеографии – выступают как часть более широкого, многоаспектного исследования, в котором отдельные стороны источника изучаются в контексте истории культуры, социальных отношений своего времени. В качестве примера можно привести исследование рукописной традиции итальянского Ренессанса. Письменные памятники, рукописи рассматриваются как своего рода продукция, а письмо – как способ общения; графика и система письма выступают как результат профессиональной деятельности писцов-профессионалов, подготовка которых восходит к разным школам.

Многоаспектный подход к историческим дисциплинам весьма характерен для их современного развития. По существу, современные исторические дисциплины – это области междисциплинарных исследований, имеющие целью получение самой различной социальной информации. В настоящее время одной из наиболее активно разрабатываемых исторических дисциплин является *геральдика*. Систематически проводимые международные конгрессы по генеалогии и геральдике свидетельствуют о широте и многоаспектности изучения гербов: геральдика помогает идентификации памятника, дает сведения о его происхождении (особенно интересны ее результаты, полученные во взаимодействии с генеалогией).

Геральдика – важная область исторической науки, коллекционирования, идентификации графики. Герб дает сведения по истории искусства, культурных связей, социальной психологии. Символика, знаки, изображения, медали – важный источник общественных настроений эпохи.

Настоящий подъем переживает *генеалогия* – одна из самых ранних, традиционных вспомогательных исторических дисциплин. К генеалогическим данным проявляют интерес демографы, социологи, изучающие социальный состав общества и его изменения, связанные с брачными союзами: к ним обращаются специалисты по географии населения, социальной психологии, истории, права, региональной истории, истории города, села, фабрик и заводов. Разнообразны перспективы использования

данных генеалогии в междисциплинарных исследованиях историков, географов, представителей естественных наук, психологии, этнографии.

Генеалогия изучает родственные связи людей, последовательность поколений. Она обращена к общечеловеческим ценностям родства, старшинства, закономерной связи поколений и соответствующих им правовых и этических норм, выработанных в глубокой древности и ныне обретающих новое качественное содержание. Поэтому предмет генеалогии и исполнен интереса для общества, независимо от социальных, национальных, профессиональных или других различий входящих в него групп.

Генеалогические изыскания возобновились повсюду, развернулись на всех уровнях исследований – от глубоко специального до массового, они связаны в общественном сознании с гуманизацией науки и образования, духовным и культурным возрождением, переосмыслением социальной памяти прошлого. Огромное значение придается деятельности архивов по выявлению, исследованию и пропаганде историко-генеалогических сведений, изданию генеалогических путеводителей и справочников, руководств. Среди публикаций последних лет, в которых используются архивные документы, – новые тома фундаментальных серий о происхождении и генеалогии правящих династий, справочники истории родов и семей переселенцев (например, в Австралии, где этим работам придается государственное значение), продолжающиеся издания по истории родов, многих поколений дворянства, бюргерства, купечества, деятелей политики, искусства, науки и культуры. Широко и полно представлены в новейшей литературе архивные справочные издания типа описей, обзоров наиболее насыщенных генеалогической информацией фондов. Архивы публикуют справочные издания по истории и генеалогии народов и государств Востока. Азии, истории переселенцев, колонистов, родственные связи и деятельность которых прослеживаются по данным источников в длительной исторической ретроспективе. Публикация документов, обобщение данных анкет массовых

опросов, переписка членов рода в течение многих поколений, воспоминания из истории семьи – все это создаст новые стимулы для обращения к социальной памяти прошлого, повышает уровень историзма массового сознания.

Строго говоря, актуальные проблемы современной генеалогии – это не только источниковедческие проблемы, но и в значительной степени, поскольку речь идет об открытии новых источников генеалогической информации, архивоведческие. Генеалогические факты приобретают научную значимость тогда, когда возникает возможность связать их с дополнительными данными о сословной принадлежности личности, имущественном положении, образовании, служебном статусе, политической или другой общественной деятельности тех лиц, родственные связи которых исследуются. В сословных общественных системах данные о рождении, происхождении всегда имели важное значение для закрепления тех или иных критериев привилегированности или дискриминации, к глубокой древности восходит использование генеалогических данных в истории правящих династий, в политической борьбе феодальных родов, в заключении династических браков. Велико влияние генеалогических сведений на развитие дипломатических, культурных, религиозно-конфессиональных и экономических отношений.

Выявились новые, весьма перспективные направления использования генеалогических данных в междисциплинарных исследованиях, прежде всего сведений по истории дворянства, купечества, городских средних слоев, феодальной аристократии, буржуазии, интеллигенции. Введение в научный оборот архивных источников, богатых генеалогической информацией, открывает новые возможности для социологических и социально-психологических исследований.

Еще одна важная проблема науки о человеке: взаимоотношения человека и природы в ее глобальных пространственных и временных пределах. Изучением этих проблем занимается *историческая география*. Влияние географических условий на исторические судьбы народности и государственности являлось

принципиально значимой частью концепции русского исторического процесса в трудах С. М. Соловьева и других выдающихся ученых его времени, их последователей – В. О. Ключевского, М. К. Любавского. Однако в дальнейшем эта сторона человеческой деятельности ушла на второй план, была вытеснена выявлением собственно социологических закономерностей исторического процесса. На необходимости изучения явлений истории человека в ее природном окружении настаивал Л. Февр. Он неоднократно упрекал историков-позитивистов в том, что в их трудах крестьяне пахут не плугами, а картуляриями. Подобный же упрек в рассмотрении истории людей «в абстрактном математическом пространстве» обращал к своим коллегам основатель отечественной концепции исторической географии В. К. Яцунский¹⁸⁸, когда в 1930 г. создалась некоторая, хоть и ограниченная, возможность объединить в Историко-архивном институте важнейшие компоненты профессионального ремесла историка, И. И. Полосин приступил к чтению курса лекций по исторической географии. В институте преподавал В. К. Яцунский, разработавший принятую в отечественной науке концепцию исторической географии не только как дисциплины, прослеживающей изменения политической географии прошлого, но и как науки, глубоко и последовательно, на основании изучения широкого круга исторических источников анализирующей изменения природной картины мира под влиянием человека, размещение и движение населения, географию экономических объектов в ходе исторической эволюции.

В таком целостном виде историческая география тесно связана с источниковедением, с разработкой таких видов источников, которые освещают историю колонизации народов, географических открытий и освоения новых территорий и пространств, отражают процесс этого освоения в письменной и картографической форме. Этот подход сближает труды

¹⁸⁸ Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР // Тр. / МГИАИ. 1938. Т. 11.

Яцунского с источниковедческими исследованиями А. И. Андреева, прежде всего с его «Очерками по источниковедению Сибири»¹⁸⁹. Выдающийся ученый, специалист по истории XVII–XVIII вв., по историческому источниковедению А. И. Андреев (1887–1959) проанализировал совокупность источников по истории Сибири и ее народов XVII–XVIII вв., рассмотрев, в частности, географические и этнографические источники, труды по географии и этнографии Сибири, летописи и истории Сибири XVII в. Он изучил огромный корпус источников о Сибири, северо-востоке Азии и северо-западе Америки в XVIII в., возникших в ходе знаменитых камчатских экспедиций В. Беринга и А. И. Чирикова, в том числе особенно подробно материалы Г. Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова и других ученых. Андреев создал свое направление в исследовании источников, в том числе картографических. Оно было продолжено его последователями, например, Л. А. Гольденберг изучил картографические материалы сибирского картографа XVII в. С. У. Ремезова¹⁹⁰.

Исследования А. И. Андреева, В. К. Яцунского и лекционные курсы, читаемые ими, заложили основу создания особого направления отечественной науки – *картографического источниковедения*, успешно развиваемого в настоящее время историками (источниковедами, историками картографии, географии, естествознания и техники). Эффективность использования методов источниковедения в сфере междисциплинарных исследований картографических источников убедительно подтверждается новейшими работами в данной области.

Одной из особенностей отечественной исторической географии новейшего времени является широта охватываемых проблем. В отличие от историко-географических исследований традиционного типа, в которых во главу угла ставилось изменение политических границ, отечественная историография всегда много внимания уделяла географическому аспекту истории

¹⁸⁹ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960. Вып. 1. 280 с.; М., 1965. Вып. 2. 364 с.

¹⁹⁰ Гольденберг Л. А. Изограф Земли Сибирской. Жизнь и труды С. Ремезова. Магадан. 1991. 391 с.

страны. Это прослеживается как в фундаментальных обобщающих трудах С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, так и в исследованиях, посвященных роли колонизации в истории России, М. К. Любавского, П. Н. Милюкова. В. К. Яцунский так определял круг задач этой науки: она изучает физическую, экономическую и политическую географию той или иной страны или региона в прошлом, уделяя важное значение географии населения – его расселению, движению по территории, роли городов, а также рассматривает все эти историко-географические аспекты исторического процесса в их взаимосвязи, т. е. историческая география – наука, опирающаяся на широкий и разнообразный круг источников, как письменных, так и графических, изобразительных и вещественных, кроме того, она использует данные ряда естественных наук.

Одно из фундаментальных исследований водных путей России в XVIII – начале XIX в., принадлежащих И. Г. Истомино¹⁹¹, опирается на изучение таких видов источников отечественной истории, как делопроизводственные документы учреждений, ведавших эксплуатацией и реконструкцией водных путей, строительством дорог и каналов, судоходством и транспортировкой товаров. Наиболее систематическим, комплексным физико-географическим и экономико-географическим материалом располагают топографические описания губерний, экономические примечания к Генеральному межеванию, записки путешественников, труды академических научных экспедиций, отчеты губернаторов. Ценным источником являются географические словари, а также законодательные акты, указы в Уложенную комиссию Екатерины II, анкеты и многое другое.

Изучение картографических источников – одно из наиболее интересных и перспективных направлений междисциплинарных контактов источниковедения. Важнейшим направлением дальнейшего развития междисциплинарных исследований является изучение источников по *истории науки и техники*, успешное развитие которой является одним из проявлений синтеза естественно-научного и социально-исторического познания целостного,

¹⁹¹ Истомина И. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX в. М., 1982. 277 с.

единого в своем многообразии мира. История науки нуждается в источниках, а следовательно, в источниковедении. Обе основные задачи источниковедения – эвристическая и аналитическая – являются необходимыми для истории науки. История исторической науки раньше других поставила эту проблему и формирует *источниковедение историографии*. Но очевидно, что свою область источниковедения формируют и другие науки, как гуманитарные, так и естественно-научные. Появились источниковедение истории философии, истории медицины, истории военного дела, истории естествознания и техники.

Применение методов источниковедения является весьма перспективным в социологии, политологии, истории политических учений. Политология в настоящее время становится необходимым элементом гуманитарных наук и образования. Эта общественная наука изучает политические системы, отношения общества и государства, проблемы власти и лидерства в их реальном взаимодействии, их конкретном функционировании. Для получения информации по предмету своего исследования политология так же, как и историческая наука, обращается к историческим источникам. Важнейшие виды этих исторических источников уже известны и разработаны с позиций общего источниковедения. Таковы, например, программы и документы политических партий и движений, произведения политических деятелей, их переписка и мемуары, законодательное творчество, материалы периодической печати различных политических направлений, документы парламентов и других представительных учреждений и пр. Опираясь на теоретико-познавательные методы общего источниковедения, вполне возможно приступить к разработке нового направления – источниковедения политологии и истории политических учений. Это позволит развернуть исследования сразу по многим видам источников, включить в сферу этих исследований ученых, имеющих общую источниковедческую подготовку, историков-архивистов, историков политических учений, истории философской и политической мысли, исследователей истории нового и новейшего времени, юристов и историков права.

Таким образом, мы обратились к изучению оригинальной, не повторяющейся в других направлениях гуманитарного знания новейшего времени парадигмы – учению об источниках и методах, обеспечивающих строгую научность исторического познания. Суть ее состоит в своеобразной интерпретации проблемы объекта гуманитарного познания, его реальных свойств и в обосновании (в соответствии с этими свойствами) системы методов исследования. В сопоставлении с другими подходами к проблеме гуманитарного познания и его объекта выявляются как общность главной цели познания, так и различие путей к ее достижению. Целью является познание людей во времени, познание человека как тотальной целостности его социальных, психологических, биологических и других свойств, и прежде всего познание человеческой мысли. Мы видим, как глубоко и всесторонне осмысливают современные науки феномен человеческого общения, в каких направлениях совершенствуются способы понимания, интерпретации, стремятся понять человека, который живет, трудится, обменивается информацией, говорит. Источниковедческая парадигма методологии истории имеет в своей основе особый подход к проблеме Человека, что, собственно, отличает человека от других высокоорганизованных живых существ? Ведь и они живут, грядутся для поддержания своей жизни и жизни своих детей, общаются, понимают и чувствуют, играют и по-своему мыслят. В сущности, отличие одно, но фундаментальное: человек – творит, создает, причем не только для поддержания своего жизненного баланса, но и для цели общения. Он создает, чтобы выразить себя и дать знать другим о своем внутреннем мире. Созданные им творения (произведения, изделия, вещи), воплощенные в материальной форме, передаются от поколения к поколению, не исчезают и, будучи восприняты в этом качестве другими людьми, объединяют человечество в единое целое. Понятие человечества в различные исторические эпохи, разумеется, наполнено разным конкретным содержанием. Но оно реально, а отнюдь не существует лишь в виде абстрактного, не имеющего материального воплощения образа.

Общество, государство, каждая социокультурная общность, деятельная человеческая личность в процессе своего функционирования создают произведения – изделия, творения. Совокупность этих произведений, в свою очередь, может рассматриваться как своего рода модель, проекция, реально существующая и сохраняющаяся во времени. Источниковедческая парадигма методологии истории открывает возможность компаративного исследования явлений культуры, их типологии, структуры, функций и соответственно более полной интерпретации социальной информации. Особенно перспективны сравнительные исследования, основанные на специфике видовых свойств источников. Ясно, что трудно сравнивать два конструкта, два образа, формируемые индивидуальным творчеством ученого. Но вполне реально сопоставлять объективно существующие источники, объекты культуры, имеющие общие свойства, доступные критическому наблюдению, это расширяет возможности сравнительного анализа до глобальных масштабов (например, сравнение законодательных, актовых, договорных документов, переписей, произведений по жанрам). Свойства источников, появление их новых видов при таком подходе создают возможности получения точных данных об этапах развития общества, выступают как датирующий признак.

Возможности интеграции наук находят свою реализацию, когда изучаются реально существующие произведения, объекты культуры, источники, созданные в процессе целенаправленной человеческой деятельности. Разные науки применяют свои методы к единому объекту источнику, изучая его материал, приданную ему создателем форму, интерпретируют его текст, язык, символику графического изображения и символику текста, особенности содержания. Использование методов социологии, биографистики, социальной психологии, философской герменевтики, количественных параметров социальной информации существенно расширяет и обогащает метод источниковедческого анализа, культурологического синтеза.

Библиографический список

1. Гуманитарное познание и его источники

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.
3. *Берггейм Э.* Философия истории, ее история и задачи. М., 1910. 112 с.
4. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. 255 с.
5. *Вебер М.* Критические исследования в области наук о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. 703 с.
6. *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. М., 1995. 687 с.
7. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958. 200 с.
8. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 704 с.
9. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск. 1994. 357 с.
10. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и предназначение. М., 1995. 349 с.
11. *Кириев Н. П.* Философия культурной и социальной истории нового времени. Спб., 1893. 176 с.
12. *Карсавин А. П.* Философия истории. Спб., 1993. 351 с.
13. *Ключевский В. О.* Источниковедение: источники русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7.
14. *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. 485 с.
15. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. 300 с.
16. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Спб., 1910. Вып. 1. 292 с.; Спб., 1913. Вып. 2. 799 с.
17. *Лаппо-Данилевский А. С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта. М., 1902. 97 с.
18. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994. 382 с.
19. *Новгородцев П. П.* Об общественном идеале. М., 1991. 639 с.
20. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3.
21. *Поппер К.* Ницета историцизма. М., 1993. 186 с.
22. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1994. 416 с.

23. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. 703 с.
24. *Сеньобос III.* Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902. 240 с.
25. *Сорокин П. А.* Система социологии. М., 1993. Т. 1. 448 с.: Т. 2. 688 с.
26. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. 736 с.
27. *Февр А.* Бои за историю. М., 1991. 629 с.
28. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. Спб., 1994. 389 с.
29. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. 699 с.
30. *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. 703 с.
31. *Шпет Г. Г.* Философские этюды. М., 1994. 372 с.
32. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994. 562 с.

2. Источник как явление культуры: метод исследования

33. *Андреев А. II.* Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960. Вып. 1. 280 с.; М., 1965. Вып. 2. 364 с.
34. *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. Французская историческая Школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980. 277 с.
35. *Бельчиков Н. Ф.* Литературное источниковедение. М., 1983. 272 с.
36. *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. Спб., 1908. 369 с.
37. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Методы исторического изучения // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Февраль.
38. *Блок М.* Апологии истории, или Ремесло историка. М., 1986. 255 с.
39. *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. 204 с.
40. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991. 366 с.
41. *Дильтей В.* Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. 703 с.
42. *Добиаш-Рождественская О.* История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Пг., 1923. 107 с.
43. *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск. 1973. 250 с.

44. *Илизаров Б. С.* Источникометрические проблемы архивоведения: методы измерения объемов письменной информации. М., 1981. 120 с.
45. *Киреев Н. И.* Теория исторического знания. Спб., 1913. 320 с.
46. *Карсавин А. П.* Введение в историю: теория истории. Пг., 1920. 78 с.
47. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. 336 с.
48. *Ланглюа III-В., Сеньобос III.* Введение в изучение истории. М., 1899. 275 с.
49. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Спб., 1913. Вып. 2 (Методология источниковедения). 799 с.
50. *Лихачев Д. М.* Текстология. На материале X–XVII веков. М., 1983. 308 с.
51. *Медушевская О. М.* История источниковедения XIX–XX вв. М., 1988. 71 с.
52. *Медушевская О. М.* Источниковедение социалистических стран. М., 1985. 103 с.
53. *Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983. 147 с.
54. *Николаева А. Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения. XVIII–XX вв. М., 1976. 67 с.
55. *От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства.* М., 1994. 445 с.
56. *Петровская II. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. М., 1971. 299 с.
57. *Петровская II. Ф.* Источниковедение истории русской музыкальной культуры. М., 1989. 318 с.
58. *Проништейн А. П.* Методика исторического источниковедения. М., 1976. 477 с.
59. *Простоволосова А. Н., Станиславский А. А.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. 71 с.
60. *Пушкарев А. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 281 с.
61. *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. Спб., 1891. 399 с.
62. *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1962. 256 с.
63. *Фримен Э.* Методы изучения истории. М., 1983. 338 с.

64. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М., 1993. 464 с.
65. *Черепнин А. В.* Русские феодальные архивы. XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. 472 с.: М., 1951. Ч. 2. 427 с.
66. *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., 1938. 456 с.
67. *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969.

3. Источниковедение и его метод в междисциплинарных исследованиях

68. *Афанасьев Ю. Н.* Вчера и сегодня французской «новой исторической науки» // Вопросы истории. 1984. № 8.
69. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
70. *Беленький И. А.* К анализу современного источниковедческого сознания // Мир источниковедения. (Сб. в честь С. О. Шмидта). М.: Пенза. 1994.
71. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. 328 с.
72. *Илизаров С. С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993. 192 с.
73. Источниковедение: современная парадигма: Междисциплинарные и компаративные аспекты // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений. М., 1996. 435 с.
74. *Ковальченко И. Д.* Исторический источник в свете теории информации // История СССР. 1982. № 3.
75. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. 438 с.
76. *Люблинская А. Д.* Источники в смежных с историей науках // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 9–46.
77. *Медушевская О. М.* Источниковедение и гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 11–20.
78. *Медушевская О. М.* Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Вестник гуманитарной науки 1996. № 1. (27). С. 31–38.

79. *Пушкарев А. Н.* Понятие исторического источника в работах советских философов // *Источниковедение отечественной истории.* 1973. М., 1976. С. 75–84.

80. *Шмидт С. О.* Проблемы взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // *Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия.* М., 1981. С. 262–275.

* * *

81. *Certeau M.* L'écriture de l'histoire. Paris. 1978. 358 p.

82. *Certeau M.* The writing of history. N.Y., 1988. 368 p.

83. *Faire de l'histoire.* Sous la direction de J. Le Goff et P. Nora. Paris. 1986. T. 1. Nouveaux problèmes. 310 p.: T. 2. Nouvelles approches. 334 p.: T. 3. Nouveaux objets. 376 p.

84. *Febvre L.* Combats pour l'histoire. Paris. 1992. 424 p.

85. *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire (1925). Paris. 1994. 262 p.

86. *Histoire et ses méthodes.* Paris, 1961. 1771 p.

87. *Historiens et sociologues aujourd'hui.* Paris. 1986. 210 p.

88. *Historische Methode.* München. 1988. 340 S.

89. *Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte.* Göttingen. 1984. 166 S.

90. *Marrou H. I.* De la connaissance historique. Paris. 1975. 318 p.

91. *Marrou H. I.* A history of education in Antiquity. L., 1981. 466 p.

92. *Novick P.* That noble Dream: The «Objectivity question» and the American historic profession. Cambridge. 1988. 648 p.

93. *Oral history. An interdisciplinary anthology.* Nashville. 1984. 438 p.

94. *Ricoeur P.* Du texte à l'action. Essai d'herméneutique. Paris. 1986. 409 p.

95. *Ricoeur P.* Temps et récit. Paris. 1983. T. 1 319 p.; 1984. T. 2. 233 p.; 1985. T. 3. 426 p.

96. *Salmon P.* Histoire et critique. Bruxelles. 1987. 234 p. 97.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ¹⁹²

1. Введение¹⁹³

Вопросы теоретического источниковедения приобретают в настоящее время большое значение, что связано с дальнейшим развитием общественных наук и методов исследования социальных явлений и процессов. Важное место занимают вопросы теоретического источниковедения в связи с задачами совершенствования общеобразовательной системы, развития умения

¹⁹² Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения: учеб. пособие. Отв. ред. А. Т. Николаева. – М.: МГИАИ, 1977. 86 с.

¹⁹³ Труд О. М. Медушевской «Теоретические проблемы источниковедения» (1977 г.) представляет собой частичное изложение выводов ее докторской диссертации, защищенной в 1975 г. Как было показано во вводной статье к первому тому собрания сочинений, разработка и презентация диссертационного исследования сопровождалась серьезными идеологическими трудностями и вызвали критику со стороны ортодоксальных представителей официальной советской марксистской школы. Чтобы современный читатель мог адекватно оценить содержание работы, следует напомнить, что она стремилась провести принципы научной критики источников в ситуации тотальной идеологической цензуры, фактически – господства идеократии, при котором сама попытка отстоять применимость принципов научного источниковедения вызывала негативную реакцию, особенно, в отношении к источникам официального происхождения. Характерна острая дискуссия данного периода (после XX съезда КПСС) о самой правомерности применения методов источниковедческой критики к анализу произведений «классиков» марксизма и партийным документам, которая ранее категорически отвергалась в советской историографии. Эти дискуссии, неизбежно окрашенные идеологической схоластикой, вызывают ассоциации со спорами эпохи Возрождения о допустимости научного анализа текстов Библии, сочинений Отцов церкви и попытками рационального объяснения религиозных «чудес». Центральный вопрос этого времени – возможность отстоять научный метод как таковой. Результатом этой работы, несмотря на неизбежную дань идеологическим ритуалам и цензурным искажениям, следует поэтому признать воспроизводство академических традиций и сохранение преемственности научной школы, позволившее в постсоветский период восстановить представления о доказательных методах исторического познания. – *Прим. ред.*

молодого специалиста ориентироваться в научной и политической информации исторических источников. Очевидна связь проблематики теоретического источниковедения с методологическими проблемами исторического познания, ее актуальность в связи с задачами критики идеалистической методологии истории. Разработка и опубликование лекционных курсов по теоретическим проблемам источниковедения – своевременная и актуальная задача. В Московском государственном историко-архивном институте в течение ряда лет читается специальный курс, в котором теория и историография советского источниковедения занимают центральное место. В публикуемом тексте спецкурса рассматриваются вопросы теории и историографии советского источниковедения. В первой главе прослеживается процесс становления и развития теоретических основ источниковедения в советской исторической науке. Во второй главе анализируются основные проблемы теоретического источниковедения. Они характеризуются в связи с изучением природы источника как исторического явления, возникающего в определенных социальных условиях времени и отражающего эти условия, и с задачами изучения гносеологической природы источника как средства исторического познания. В заключении суммируются важнейшие положения теории источниковедения в их современном понимании и в связи с перспективами дальнейшего развития.

2. Становление и развитие теоретического источниковедения в советской исторической науке

В статье «От Истпарта», в которой определялось направление историко-революционного журнала «Пролетарская революция», был сформулирован ряд общих положений о значении исторических источников, о необходимости обеспечения исследований полной источниковедческой базой. Раскрывая этот тезис, автор предисловия М. Н. Покровский писал, что для изучения революционной тематики источниками должны служить «все без исключения материалы: документы РКП (б), документы других партий, поскольку в них отразилось

рабочее движение», а также «все без исключения документы, созданные в борьбе с революционным движением». Отмечалось значение мемуаров как важного историко-революционного источника, в ряде случаев позволяющего избежать модернизации или произвольного толкования документальных источников и отражающего «тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно»¹⁹⁴. Сложнейшая проблема интерпретации, т. е. выяснения смысла и значения, которое вкладывал в содержание источника его автор, не была, разумеется, исчерпана приведенным соображением. Но сама постановка этого вопроса в руководящей статье Истпарта, фиксировавшая внимание исследователя на необходимости бережного толкования историко-революционного документа, имела принципиальное значение.

Процесс утверждения в источниковедении марксистской теории не может быть понят вне связи с той острой идейной борьбой, которая развернулась в начале 20-х годов. Идеологическое размежевание с буржуазной методологией истории было необходимым этапом становления советской исторической науки. С рядом статей, вскрывающих суть кризиса буржуазного историзма, выступают в эти годы М. Н. Покровский, В. И. Невский, В. В. Адоратский, В. А. Быстрянский, Н. М. Лукин и другие историки и философы¹⁹⁵. Появление этих статей находилось в непосредственной связи с опубликованием в марте 1922 г. работы В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма»¹⁹⁶.

Задаче идеологического размежевания с буржуазной методологией истории были подчинены и выступления М. Н. Покровского и В. И. Невского по поводу переиздания «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского (1923 г.).

¹⁹⁴ «Пролетарская революция», 1921, № 1, с. 7–9, 2–4124

¹⁹⁵ См., например, статьи Покровского М. Н., Невского В. И. («Под знаменем марксизма», 1922, № 3, 4; 1923; №№ 4, 5; «Печать и революция», 1923, кн. 7), Адоратского В. В. («Печать и революция», 1922, кн. 6); («Книга и революция», 1922, № 7).

¹⁹⁶ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, с. 140–141.

Имея в виду первую часть этой книги, оба автора указывали на антимарксистскую ее направленность, антиисторичность автора в подходе к явлениям историко-философской мысли¹⁹⁷. Критикуя А. С. Лаппо-Данилевского за отрыв явлений от общественных условий, которыми они вызваны, М. Н. Покровский выдвигал требование подходить к историческому произведению как к продукту классово-борьбы. Развивая свою мысль, он пишет, что «не только сами эти книжки являются продуктом классово-борьбы, но и те материалы, на которых эти книжки основаны, тоже являются продуктом классово-борьбы»¹⁹⁸. К данному суждению М. Н. Покровского нельзя относиться как к определению понятия «исторический источник», поскольку из контекста ясно, что автор в данный момент перед собой такой задачи не ставил. Несомненно, что в том виде, в каком его мысль оказалась зафиксированной в записи устного выступления, она таит в себе опасность упрощенного подхода к проблеме. Элементы вульгаризации ощущаются и в других местах того же выступления Покровского, особенно когда он по существу сводит содержание исторического произведения к одной лишь идеологии. Хотя данное суждение Покровского об источнике действительно неполно, и, следовательно, в качестве определения неприемлемо, в то же время необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть и то рациональное, что в этом суждении содержится. Формула Покровского возникла в связи с критикой вне-временного, абстрактного подхода к источнику буржуазной историографии. В этой связи и появился тезис об источнике как продукте классово-борьбы; в нем, несомненно, содержится мысль о подходе к источнику как к явлению, возникающему в процессе столкновения противоречий общественного развития.

¹⁹⁷ Надо заметить, что предметом специального марксистского анализа методология источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского в те годы не стала. Ни Покровский, ни Невский не ставили перед собой задачи оценки книги в собственно источниковедческом плане и выяснения того вклада, который внес А. С. Лаппо-Данилевский в источниковедение.

¹⁹⁸ *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература. «Историческая литература и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки)», вып. I. М.–Л., 1933, с. 11–13.

А это — шаг вперед в понимании природы исторического источника.

Как известно, в период становления советской исторической науки делалось многое в области практического, конкретного источниковедения. Выявление, организация, публикация и оценка значения исторических источников занимали все время и силы немногочисленных кадров историко-марксистов, работавших в области источниковедения. Теоретическое обобщение этого опыта могло представляться делом более или менее отдаленного будущего. И, однако, теорию источниковедения оказалось практически необходимым создавать немедленно. Это диктовалось потребностью подготовки кадров историков-марксистов, которые владели бы средствами и методами исследования исторических документов. Принципиальные положения складывающейся новой теории источниковедения формулировались преимущественно в практических целях, например, на страницах учебных методических пособий и статей¹⁹⁹.

Выходит ряд книг, ставивших своей целью в небольшом объеме и доступной форме охарактеризовать методику и задачи специальных отраслей исторической науки; показать те методы, при помощи которых историк идет к установлению исторического факта. В создании работ такого рода приняли участие специалисты соответствующих отраслей исторических знаний. Изданные ими книги, в основе которых, как правило, лежали лекционные курсы, оказались ценными и оригинальными работами.

Несколько таких лекций было прочитано в 1918–1919 гг. слушателями Архивных курсов при Петроградском археологическом институте. Они составили содержание известного

¹⁹⁹ Высказываясь в поддержку источниковедческих принципов Испарта, в частности, в связи с положением, что «исторически работать можно научиться только на первоисточниках», Валк С. Н. подчеркнул, что педагогическая форма его выражения «имеет за собой методологический принцип» (Валк С. Н. Об одной классификации историко-революционных документов. «Историко-революционный сборник», т. I. М.—Пг., 1924, стр. 242). В этом замечании, сделанном по конкретному поводу, подмечена характерная особенность формы выражения теоретических принципов источниковедения в историографии тех лет.

«Очерка русской дипломатики частных актов» А. С. Лапшова-Данилевского²⁰⁰, а также «Исторического очерка архивного дела в России» И. Л. Маяковского²⁰¹. Опубликованы были также и другие лекции, прочитанные на этих курсах, а также речь А. Е. Преснякова, произнесенная при открытии курсов, – «Исторические источники и подлинные документы в научной работе»²⁰². Крупнейшим специалистом в области латинской палеографии О. А. Добиаш-Рождественской, обучавшей этому сложному искусству в семинаре Ш. Ланглюа в Сорбонне, был написан учебник по латинской палеографии²⁰³.

Литература по специальным историческим дисциплинам привлекала внимание, систематически рецензировалась, быстро находила своего читателя и переиздавалась. Так, книга А. М. Большакова «Вспомогательные исторические дисциплины» (Пг., 1923), не избежавшая небезосновательного упрека в компилятивности, за короткое время была переиздана трижды, что свидетельствовало о потребности в подобных изданиях²⁰⁴. При всей ограниченности объема критико-библиографических разделов тогдашних журналов в них находилось место вопросам специальных исторических дисциплин.

В 1922 г. было опубликовано «Введение в русскую историю» В. И. Пичеты. Книга была задумана как пособие по конкретному источниковедению и историографии русской истории.

²⁰⁰ Лапшо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920.

²⁰¹ Маяковский И. Л. Исторический очерк архивного дела в России. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920.

²⁰² Опубликовано в кн.: История архивного дела в классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920.

²⁰³ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Пг., 1923; см. также: Люблинская А. Д. О. А. Добиаш-Рождественская как историк. «Средние века», вып. I. М.–Л., 1942.

²⁰⁴ См. рецензии Сергеева А. А. («Печать и революция», 1923, кн. 6) и Маленина А. П. («Книга и революция», 1923, № 3).

Легко понять, какой отбор материала должен был осуществить автор. Поэтому с особым интересом воспринимаются те общие источниковедческие требования, без которых, как указывал В. И. Пичета, нельзя приступить к занятиям историей. В определении понятия «исторический источник» автор лаконичен. К числу источников он относит «все те материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины»²⁰⁵. Слово «все» в этом определении могло бы показаться случайным, но последующее разъяснение раскрывает методологический смысл, который лежит в его основе. «При исследовании не должно игнорировать какие-либо источники, – подчеркивает автор – напротив, необходимо привлекать полностью все источники, находящиеся в распоряжении историка»²⁰⁶. Принцип полноты источниковедческой базы (в исторически ограниченных рамках возможностей историка) выражен достаточно определенно.

Раскрывая понятие о внешней и внутренней критике, В. И. Пичета указывает на важность выяснения вопросов происхождения источников, обстановки появления и особенно авторства. Отмечается необходимость изучить биографию автора, «разобраться детально в условиях его жизни, выяснить его социально-экономическую принадлежность и политическую идеологию»²⁰⁷. Без выяснения этих вопросов, как указывается в пособии, не может быть решена основная проблема достоверности и оценки исторического источника. Обзор источников дан автором по территориальному признаку, а затем – по видам, но без обоснования видового принципа деления.

Книга В. И. Пичеты получила в целом положительную оценку в печати. При этом в рецензии Невского было обращено внимание на необходимость усвоения основ источниковедческих знаний, «без которых нельзя приступить к занятиям по истории»²⁰⁸.

²⁰⁵ Пичета В. И. Введение в русскую историю. «Источники и историография». М., 1922, с. 5.

²⁰⁶ Там же, с. 6.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ «Печать и революция», 1923, кн. 7, с. 183.

Учебные пособия по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам были ориентированы, как правило, на источники феодального периода. Поэтому они не могли в должной мере способствовать разрушению сложившегося предубеждения, будто историческая критика ограничивает область своего применения документами древности. Некоторые вопросы методики исторического исследования поднимались на страницах журнала «Красная летопись»²⁰⁹.

Выступления журнала «Красная летопись» привлекали внимание к вопросам методики исследования и повышения научного уровня исследовательской работы над историко-революционными материалами. В данной связи на статью в «Красной летописи» ссылались работавшие позднее над этими вопросами С. Н. Валк и Н. Н. Авдеев.

В 1924 г. на страницах истпартовского издания была опубликована статья С. Н. Валка «Об одной классификации историко-революционных документов»²¹⁰. Он поддержал точку зрения журнала «Пролетарская революция» об изучении первоисточников как непременном условии научного исследования, а также высказанную ранее мысль об использовании опыта буржуазных специалистов, добавив при этом, что «и у добуржуазных авторов можно кое-чему поучиться, по крайней мере буржуа этим не брезгали»²¹¹. Поводом к выступлению С. Н. Валка послужила небольшая заметка Н. П. Милютиной, предложившей в качестве первого опыта свою классификацию историко-партийных документов. Она предлагала упрощенное деление на источники, достоверность которых не вызывает сомнений (к ним причислялись нелегальные издания и мемуары непосредственных участников), и источники, достоверность которых находится под сомнением (например, документы карательных органов царизма). Показав несостоятельность такого подхода, Валк отмечал, что достоверность источников не связана прямым образом с их принадлежностью к определенной

²⁰⁹ «Красная летопись», 1923, № 7, с. 74.

²¹⁰ «Историко-революционный сборник», 1924, т. I.

²¹¹ Там же, с. 237–238.

разновидности и не может служить основанием для классификации. На конкретном примере Валк показал острую практическую необходимость разработки теоретических вопросов источниковедения, в первую очередь их классификации, достоверности.

В 1924 г. на всесоюзном совещании Истпартов с докладом «О научной обработке источников по истории РКП (б) и Октябрьской революции» выступил известный историк партии Н. Н. Авдеев.

Журнал «Пролетарская революция» опубликовал тезисы его доклада, а затем и полностью весь доклад²¹². Выступление это было связано с насущными задачами исторической науки.

Именно в это время ощущалась острая потребность в разработке приемов анализа нового комплекса источников, исследование которых составляло первоначальную задачу советской исторической науки: источников историко-партийных и историко-революционных. Возникновение новой проблематики, введение соответствующих источников в научный оборот и вопрос о методах исследования – постоянное условие развития науки, ставящее каждое поколение историков перед специфическими задачами и трудностями.

Прежде всего перед Н. Н. Авдеевым и его коллегами встал вопрос: в какой мере марксистская историческая наука может воспользоваться методикой буржуазного источниковедения. Мысль о критическом освоении того полезного в области методики, что могла дать предшествующая источниковедческая историография, уже прозвучавшая, как мы видели ранее, в общей форме, нашла в статье Н. Н. Авдеева свою более конкретную реализацию. Н. Н. Авдеев отталкивался от работы известного немецкого источниковеда Э. Бернгейма. В первую очередь внимание советского исследователя привлекала проблема исторической критики, иначе говоря, путей и методов проверки достоверности источников. Н. Н. Авдеев считал, что задачи исторической критики в целом правильно определены

²¹² «Пролетарская революция», 1924, № 8–9 (тезисы); 1925, № 1, 2.

немецким буржуазным историком²¹³. Он акцентировал внимание на том, что задача проверки достоверности встает и при работе с такими новыми источниками, как историко-партийные и историко-революционные документы, подчеркнул обязательность применения всего аппарата источниковедческой критики «ко всем историческим источникам, каково бы ни было их происхождение»²¹⁴. Это положение конкретизировалось ссылками на историко-партийные мемуары, в которых также возможны ошибки памяти и смещение исторической перспективы, в силу чего эти источники требуют проверки фактических данных, сопоставления с другими источниками. Был поднят также вопрос о задачах интерпретации источников, т. е. их правильного толкования. При решении вопросов критики и интерпретации основное значение Н. Н. Авдеев придавал анализу происхождения и авторства источника, создающему прочный фундамент для выяснения наиболее сложных источниковедческих проблем. «Для правильного толкования (интерпретации) источников, — писал он, — необходимо принимать во внимание не только особенности языка и характер интересов и взглядов их авторов, но также и круг знаний, уровень образования и классовые интересы той эпохи, к которой принадлежат данные источники, подобно тому, как это делается при суждении об их достоверности»²¹⁵. Здесь важно отметить введение момента классового анализа. Ведь вопросы происхождения и авторства, равно как критики и интерпретации, ставятся и буржуазным источниковедением. Однако при внешнем сходстве, совпадении терминологии и наличии ряда общих моментов в методике обнаруживаются и принципиальные различия, причины которых восходят к методологии оценки общественных явлений и, в частности, классовому анализу исторических условий, породивших тот или иной источник.

Известно, что бернгеймовское деление источников на «остатки» и «предания» (т. е. на источники, являющиеся сами по

²¹³ *Авдеев Н.* О научной обработке источников по истории РКП (б) и Октябрьской революции. «Пролетарская революция», 1925, № 1, ст. 150.

²¹⁴ Там же, с. 159.

²¹⁵ *Авдеев Н.* Указ. соч., с. 158.

себе остатком того факта, который изучается, и источники, передающие косвенные сведения о фактах) приобрело в свое время много последователей, а споры относительно применимости его заняли видное место в историографии источниковедения. Н. Н. Авдеев не принимает классификации Э. Бернгейма и объясняет, почему именно: «Не надо забывать, что всякий исторический источник есть прежде всего остаток какого-нибудь исторического факта...»²¹⁶. Поскольку свойство быть остатком присуще любому источнику, «предания» не могут быть противопоставлены «остаткам».

Не принял Н. Н. Авдеев и вывода, который Э. Бернгейм делает из своей классификации источников, что для остатков достаточно проверки их подлинности: «Важно также знать, – говорит он, – нет ли в том или другом источнике, подлинность которого несомненна, показаний, свидетельств о целом ряде других исторических фактов»²¹⁷. Если такие исторические «остатки», отмечал он, как например, белогвардейские документы, документы охранки, жандармского отделения, судебной палаты и т. п., интересуют нас как источники по истории революционного движения, то тут недостаточно проверки лишь подлинности, но необходима строгая проверка достоверности. Заслуга Н. Н. Авдеева состоит также и в том, что он делает одну из первых в советской историографии попыток изучения исследовательского метода В. И. Ленина, рассматривая его труды как образец марксистского анализа и интерпретации исторических фактов²¹⁸.

В первой половине 20-х годов наметились первые контуры некоторых других направлений исследования теоретико-источниковедческих проблем. В связи с этим следует остановиться на статьях С. В. Рождественского и С. Н. Валка, хотя они носят более архивно-источниковедческий, чем специально теоретический характер. В статье Рождественского «Историк-археограф-архивист», открывающей первый номер журнала

²¹⁶ Там же, с. 159.

²¹⁷ «Пролетарская революция», 1925, № 2, с. 215–219.

²¹⁸ Там же, стр. 215.

«Архивное дело», делается попытка проследить зависимость между введением в научный оборот определенных комплексов исторических источников и уровнем развития и потребностями исторической науки. Характеризуя XVIII – первую половину XIX в. как период господства политической истории, истории «героев», С. В. Рождественский связывает с этим внимание к памятникам «индивидуального творчества» (летописи, сказания, законодательные памятники). Пробуждение интереса к закономерностям исторического процесса предопределило, по его мнению, изучение тех памятников, которые способны отразить изменения в жизни общества, народа, – памятникам массового характера, в первую очередь к актам. Изменение характера источников вело в свою очередь, как отмечает автор, к изменению методов их анализа. С. В. Рождественский высказывал также, хотя и в общей форме, важную мысль о значении видовых особенностей документов, в частности актов, и подчеркнула потребность в создании «дипломатики нового времени»²¹⁹.

С. Н. Валк в статье «Архивные обзоры» сосредоточил внимание на видовой характеристике источников. Отметив, что «разновидность материала – момент столь же существенный, как и его содержание»²²⁰, он показал значение видовой характеристики документов, входящих в состав того или иного фонда. «При той цепетильной изоэдренности критических приемов, которая составляет теперь уже элементарное требование какой бы то ни было работы, раз только она претендует на научность (в частности, и работы историко-революционной, что еще недостаточно осознано), – писал С. Н. Валк, – одна лишь тематическая определенность дел и фонда уже не удовлетворит исследователя, ищущего материал. При должном отношении к источнику он будет более ценить одни разновидности источников, чем другие, а третьими и совсем пренебрежет»²²¹.

²¹⁹ «Архивное дело», вып. 1. М.–Пг., 1923.

²²⁰ Там же, с. 56.

²²¹ «Архивное дело», вып. 1, с. 55. С. Н. Валк не имел в виду априорный отказ от каких-либо разновидностей источника вообще. Из контекста видно, что речь идет о различной ценности источников применительно к определенной тематике.

Видовой принцип был положен в основу статьи Ю. М. Бочарова «Источники по истории Октябрьской революции и методы их проработки в школе», где был поставлен вопрос о введении элементов источниковедческой методики в школьное преподавание истории. Автор обстоятельно обосновывал значение таких занятий для учащихся средней школы и дал характеристику основных видов источников, которые следовало привлечь для этой цели (мемуары, статистика, законодательные акты, устная традиция в виде рассказов и воспоминаний, газеты и брошюры)²²².

Методологическое значение для развития советского источниковедения имело издание собрания Сочинений В. И. Ленина. Работы В. И. Ленина, являясь методологической основой научного понимания процессов общественного развития, в то же время представляют собой ценнейший исторический источник, глубоко и многогранно отразивший различные аспекты того исторического времени, в которое он возник. В 1926 г. был опубликован Проект правил издания трудов В. И. Ленина, составленный С. Н. Валком, в основу которого был положен методологический принцип марксистско-ленинского источниковедения – принцип исчерпывающей полноты источниковедческой базы. В издание произведений В. И. Ленина предполагалось ввести «все приведенное в известность литературное наследие Владимира Ильича, как в виде документов литературно-политических, так и имеющих одно лишь биографическое значение (как-то, например, личную переписку)». Должны были быть включены «не только наличные автографы Владимира Ильича и восходящие к автографам документы, но также и современные записи устных выступлений Владимира Ильича»²²³. Новые методологические принципы источниковедения сочетались в Проекте с творческим использованием того рационального, что содержалось в опыте буржуазной археографии, в частности в области критического анализа текста и содержания источника.

²²² «Историк-марксист», 1927, № 5.

²²³ «Проект правил издания трудов В. И. Ленина». Составил С. Н. Валк. М. – Л., 1926, с. 8.

Для развития теоретического и практического источниковедения большое значение имело изучение источниковедческих приемов, применяемых в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Исследованием такого плана в 20-х годах явилась работа Е. А. Косминского «Об источниках “Положения рабочего класса в Англии”», опубликованная в 1928 г. в качестве вступительной статьи к изданию этой книги Энгельса. К анализу источниковедческой базы этой работы Косминский подходит не сразу. Вначале он исследует становление мировоззрения молодого Энгельса, развитие его взглядов по данному вопросу, характеризует обстановку в Англии к моменту приезда туда автора работы. Затем, проследив, из каких впечатлений, встреч, бесед складывался круг источников-наблюдений, он переходит к рассмотрению письменных источников и литературы, изученных Энгельсом. Косминский прослеживает, как складывалось мировоззрение Энгельса, формировались его методологические установки в подходе к проблеме. Умение ориентироваться в источниках и литературе позволило отобрать важнейшие источники, увидеть и понять в Англии то, чего не видели и не умели понять другие его современники. Главное в приемах работы Энгельса – «чуткие приемы критики источников и литературы». «Ни одним из своих крупных источников, – подчеркивает Е. А. Косминский, – он не пользуется, не выяснив его истории, его характера, в первую очередь классового характера, и тем самым степени его достоверности»²²⁴. Автор указывает на критический подход Энгельса к выбору свидетельств, стремление пользоваться по возможности показаниями таких источников и таких авторов, которые не имели оснований преувеличивать тяжелое положение рабочего класса.

Исследование Е. А. Косминского, таким образом, вводит читателя в творческую лабораторию Энгельса, анализирует приемы критики широкого круга привлеченных им материалов, подчеркивая важность не только письменных, но и этнографических источников. Оно представляло собой шаг вперед

²²⁴ Косминский Е. А. Об источниках «Положения рабочего класса в Англии» // Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. М.–Л., 1928, с. 33. Статья переиздана в сб. «Чартизм». М., 1961.

в изучении исследовательских приемов основоположников марксизма-ленинизма. Стремление Е. А. Косминского сосредоточить внимание на анализе методов работы Энгельса с историческими источниками было не случайно. Именно в эти годы Е. А. Косминский создает свое в лучшем смысле источниковедческое исследование об аграрной истории средневековой Англии²²⁵. Уже тогда он проявил себя убежденным сторонником и пропагандистом высокой ответственности ученого за документальную аргументированность выводов, за безупречность исследовательской техники, противником иллюстративного метода в исторической науке. В статье, посвященной памяти А. Н. Савина (1926), Е. А. Косминский писал о тяжелом и неблагодарном, но увлекательном труде по статистической обработке массовых источников, требующем большой затраты времени, терпения, сложной и разработанной аргументации там, «где еще недавно ограничивалась несколькими иллюстрациями». Стремление автора передать близкий ему пафос исследовательской техники, «романтизм архива, притягательность пыльной и старой тайны»²²⁶, несомненно, оказало влияние на молодых историков, делавших в эти годы первые шаги в исследовательской работе.

К концу 20-х годов вопросы методологии и методики исторического исследования привлекают к себе все большее внимание: все острее ощущается потребность их решения на более высоком профессиональном уровне. Новая проблематика исторической науки, предпринятые советскими историками широкие исследования в области историко-революционной тематики, истории рабочего класса СССР, международных отношений, социально-экономической истории, введение в научный оборот новых комплексов исторических источников – все это настоятельно требовало совершенствования методов исторического исследования.

²²⁵ Косминский Е. А. Очерки по аграрной истории Англии в средние века. Сотенные свитки 1279–1280 гг. как исторический источник. «Труды Института истории. Сборник статей. Вып. 1. Памяти Александра Николаевича Савина 1873–1923». М., 1926.

²²⁶ См. Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма в историографии средних веков. Сборник статей. М., 1963, с. 43.

М. Н. Покровский, выступая 25 октября 1928 г. на юбилейном заседании по поводу своего шестидесятилетия и обращаясь к собравшимся с призывом развивать марксистскую историческую науку, говорил: «борясь с буржуазными идеологами, не забывайте, что и старые историки, и европейские историки и наши буржуазные историки обладают техникой, которой нужно выучиться»²²⁷.

Вопрос о методах исторического исследования обсуждался на первой всесоюзной конференции историков-марксистов в связи с докладом В. И. Невского «История партии как наука». Невский подчеркнул, что овладение методом исследовательской работы, умение «пользоваться источниками и материалами» — необходимые условия развития истории партии как науки. «Это те самые условия, — говорил докладчик, — которые здесь названы т. Покровским технической выучкой, то, что некоторые называют академической выучкой, то, что я называю историческим методом, т. е. умением пользоваться научным методом, позволяющим выбирать источники. Этот метод указывает, как необходимо давать всестороннюю историческую критику источнику, всячески его сравнивать, взвешивать и преподносить для общенаучного пользования в таком виде, чтобы действительно это был научный материал, научный источник...». «...Научной постановке изучения истории ВКП(б) должно быть предпослано научное собирание источников и материалов, научная планомерная проработка их...»²²⁸. Решение этих вопросов требовало соответствующей подготовки кадров молодых историков, и на это В. И. Невский обратил внимание конференции. «При постановке наших исторических курсов, в том числе и истории партии, в наших высших учебных заведениях и во всякого рода учреждениях, готовящих ученых историков, на эту

²²⁷ «На боевом посту марксизма. Стенограмма торжественного заседания, посвященного 60-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М. Н. Покровского». М., 1929, с. 42; см. также. «Историк-марксист», 1929, т. 10, с. 272.

²²⁸ «Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов». 20.XII-1928 — 4.I-1929 г. Изд. 2-е. Т. I. М., 1930, с. 94.

сторону нужно обратить самое серьезное внимание. К нашим услугам в этом отношении есть беспартийные историки, очень хорошо относящиеся к нам, большие техники, академики и в этом смысле их услугами всегда можно воспользоваться»²²⁹. Положения доклада об источниковедческой подготовке историков-марксистов были восприняты без возражения²³⁰.

В своем докладе В. И. Невский коснулся также вопроса о значении статистико-математических методов при анализе исторических явлений²³¹. Он говорил также о применении техники при датировке памятников материальной культуры (фото, рентгеновский и химический анализ).

Обобщая итоги работы конференции историков-марксистов, М. Н. Покровский в предисловии к изданию ее трудов расценил как «большой пробел» тот факт, что темы по методологии истории поднимались лишь в связи с конкретными проблемами. «На будущей конференции, – писал он, – методологические вопросы непременно надо будет поставить в самом центре занятий, – поставить самих по себе, а не в связи с их практическим приложением»²³². В том же предисловии М. Н. Покровский отметил два момента, которые он считал важными в развертывании работы по методологии истории: во-первых, изучение исследовательского метода В. И. Ленина; во-вторых, исследованием вопросов методологии истории, по его мнению, должны были заниматься люди, работающие с конкретным историческим материалом, иначе они создадут «исторические абстракции, которые мешают другим видеть конкретную историческую действительность, а это уже совсем немарксистское дело»²³³.

Внимание историков к методологическим проблемам было привлечено и в связи с дискуссией о книге Д. М. Петрушевско-

²²⁹ Там же, с. 94.

²³⁰ Там же, с. 96.

²³¹ Там же, с. 112.

²³² «Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов», с. XII–XIII.

²³³ Там же, с. XIII.

го «Очерки об экономической истории средневековой Европы»²³⁴. В этой книге вопросы логики исторического исследования трактовались в духе риккертского деления наук на номотетические и идиографические.

Раскрытие классового смысла риккертства, понимание его как проявления кризиса буржуазного историзма, сосредоточение внимания историков в ходе дискуссии на проблемах исторического метода, вопросах логики исторической науки имели большое значение для развития теоретического источниковедения. Важна была и подчеркнутая в ходе дискуссии необходимость всемерно развивать марксистскую методологию истории, и постановка вопроса об изучении в высших учебных заведениях методов исторического исследования²³⁵. В то же время книга Д. М. Петрушевского, сочетавшая постановку общеметодических вопросов с конкретно-историческим исследованием, нуждалась в марксистском анализе не только в плане раскрытия противоречий общефилософской концепции, но и в плане ее приложения к конкретному анализу источников. К сожалению, дискуссия дала для такого анализа мало материала²³⁶. В ходе дискуссии М. Н. Покровский подверг критике риккертское понимание индивидуального как неповторяющегося. Он отметил, что специфичность индивидуального может быть выявлена лишь при сравнении его с повторяющимися явлениями, и показал, что лишь марксистский метод, рассматривающий историческое явление в связи с условиями его возникновения, обеспечивает действительно всесторонний анализ явления во всем его своеобразии и конкретности²³⁷.

²³⁴ Материалы дискуссии см.: «Историк-марксист», 1928, т. 8.

²³⁵ Там же, с. 85.

²³⁶ Это было отмечено в ходе дискуссии («Историк-марксист», 1928, т. 8, с. 99). Недооценку конкретно-исторического изучения общественных явлений Валк отмечает как одну из типичных черт историографии этого периода. См. Валк С. Н., Иван Иванович Смирнов. — «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967, с. 8.

²³⁷ Покровский М. «Новые» течения в русской исторической литературе. «Историк-марксист», 1928, т. 7.

С критикой риккертianского деления наук на номотетические и идиографические связано выступление в 1929 г. А. И. Тюменева²³⁸. Он обратил внимание на ряд принципиально важных сторон марксистско-ленинского подхода к анализу общественных явлений. Подчеркнув необходимость конкретного анализа исторического явления во всех его взаимосвязях с учетом как общих, так и индивидуальных специфических черт, А. И. Тюменев отметил, что в работе историка-профессионала такой подход составляет органическую потребность, поскольку обуславливается самой природой исторического явления. В этой связи он ссылается на пример известных буржуазных источниковедов Ш. В. Ланглау и Ш. Сеньбоса, которые, по его словам, идут от практики историка-профессионала и, в частности, «указывают на необходимость введения фактов в определенные границы времени и места»²³⁹. Положения, высказанные А. И. Тюменевым, сыграли свою роль в последующем развитии понимания природы исторического источника как исторического явления, изучаемого в связи с проблемой общих условий его возникновения.

В работах, вышедших в конце 1920-х – начале 30-х годов и ставивших перед собой в первую очередь практические, преимущественно учебные задачи, нашел свое дальнейшее выражение процесс формирования теории и методики работы с источником в советском источниковедении. В этой связи большой интерес представляют книги А. В. Шестакова, Г. П. Саара, Н. Ф. Бельчикова, А. М. Большакова, С. Н. Быковского.

Свидетельством назревшей необходимости в специальном руководстве по методике исторической работы явилась, в частности, книжка А. В. Шестакова, вышедшая в 1929 году²⁴⁰. Она представляет интерес прежде всего подходом к теме, ее авторским пониманием. Даже в кратком пособии методика рассматривается в общей связи с методологией – освещается

²³⁸ Тюменев А. Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке. «Историк-марксист», 1930, т. 12.

²³⁹ Там же, с. 161.

²⁴⁰ Шестаков А. В. Методика исторического исследования. Воронеж, 1929.

значение методологической основы исторических исследований диалектического и исторического материализма, теории классовой борьбы, соотношения истории и социологии. Затронуты такие вопросы, как целевая установка исследования, классовый подход, изучение источников, их отыскание (библиография), вопросы достоверности, а также техники ведения выписок и обработки материала, составление тезисов и изложение результатов исследования.

Г. П. Саару принадлежат обзор и критика теоретико-методических работ, созданных буржуазными источниковедами: Э. Бернгеймом, Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом, А. Федером, Г. Вольфом и Б. Бауэром. Критикуя схему классификации источников, применяющуюся, в частности, Э. Бернгеймом, Г. П. Саар пришел к выводу, что она как нельзя лучше показывает условность всякой классификации исторических источников²⁴¹. В то же время проблема классификации источников в теоретическом плане не привлекла его внимания. Когда же эта проблема встала перед Г. П. Сааром как автором учебного издания практически, он отдал предпочтение видовому признаку (хроники и летописи; мемуары; публицистика, беллетристика и поэзия; счетоводство и деловая переписка, исторические планы и карты; акты; исторические исследования).

О том, как подходил Г. П. Саар к пониманию природы исторического источника, приходится догадываться на основании того определения, которое он дает. Для него исторические источники – это «все, созданное человеческим обществом как в области материальной культуры, так и идеологии»²⁴², это – материалы, по которым можно изучать прошлое.

Хотя это определение вызывает возражения (и в смысле обоснованности противопоставления материальной культуры идеологии, и в отношении правомерности отнесения к идеологии всего, что не есть материальная культура), все же по сравнению с известными определениями источника в буржуазном

²⁴¹ Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, с. 16. Обзор работ буржуазных источниковедов; см. также: Валк С. Н. Из «Введений в историю». «Историк-марксист», 1929, № 5.

²⁴² Саар Г. П. Указ. соч., с. 12.

источниковедении («результат человеческой деятельности», «продукт индивидуальной человеческой психики», «след мысли и действий людей прошлого») оно является несомненным шагом вперед. Здесь обнаруживается явное стремление посмотреть на источник в масштабах общества, определить источник не только как результат творчества личности, но прежде всего социологически – как продукт общественного развития.

Общая тенденция к теоретическому осмыслению исследовательских приемов и средств исторической науки не могла не оказать своего влияния на смежные отрасли специальных исторических дисциплин, в том числе и на такие сложные их комплексы, какими являются архивоведение и краеведение. Признаки этого влияния можно найти, в частности, в книгах Н. Ф. Бельчикова и А. М. Большакова.

Бельчиков в понимании задач и предмета архивоведения (по его терминологии – археографии) исходил из сложившегося в советском источниковедении представления об источнике как историческом явлении, придавал первостепенное значение генетическому подходу к источнику, изучению его происхождения в широком социальном смысле, считал необходимым учет всех данных о происхождении источника. Творчески применяя этот методологический подход к задачам архивоведения, Н. Ф. Бельчиков считал, что археограф должен изучать фонды и составляющие их документы как исторические явления. Он подчеркивал важность изучения «социального генезиса и структуры фондов государственных учреждений и частных лиц в зависимости от тех общественных отношений, которые обусловили и создали фонды...»²⁴³. В статье «Источниковедение», написанной им же для Литературной энциклопедии, вопросы общего источниковедения не нашли отражения²⁴⁴.

²⁴³ Бельчиков Н. Ф. Теория археографии. М.–Л., 1929, с. 62–63. Ту же мысль о значении фондов для датировки, установления авторства, исторических условий возникновения документа Н. Ф. Бельчиков приводит и в другой своей работе, посвященной приемам изучения частных фондов (Бельчиков Н. Ф. Приемы изучения частных фондов. «Архивное дело», вып. I, 1928).

²⁴⁴ Бельчиков Н. Ф. Источниковедение. – Литературная энциклопедия, т. IV. М., 1930, с. 637–643. Источниковедение здесь рассматривается как частная литературоведческая дисциплина. См. также Бельчиков Н. Ф. Источниковеде-

В книге А. М. Большакова привлекает внимание раздел об источниках для изучения краеведения, учитывающий специфику этой научной дисциплины, в круг вопросов которой входят как социальные, так и природные явления жизни местного края. Непосредственное наблюдение и изучение края таким, каков он есть, автор считает важным источником познаний исследователя. Убедительна его аргументация: источники, хранящиеся в архиве, библиотеке, музее, уже выключены из общего процесса жизни края, в то время как непосредственное наблюдение дает возможность видеть предметы, процессы и явления в той обстановке, где они развиваются²⁴⁵.

Книга С. Н. Быковского была задумана автором, по-видимому, прежде всего как методическое руководство в работе с историческим источником, излагающее основы теории и методики источниковедения в предельно сжатой и доступной форме. Этой задаче подчинено и изложение таких теоретических вопросов, как понятие исторического источника, классификация. Автор дает два определения понятия «исторический источник». Под историческим источником «в широком смысле» он понимает «всякий памятник прошлой жизни» и выдвигает требование привлекать все источники, относящиеся к изучаемому периоду «сполна». Стремление указать четкую грань между источником и литературой в обычном практическом понимании этих терминов обусловило появление второго определения источника – «в узком смысле»²⁴⁶. Таковым автор считал «памятник прошлой жизни, независимо и хронологически впервые, по сравнению с другими дошедшими до нас памятниками, отражающий тот или иной исторический факт, событие или явление»²⁴⁷.

ние как научно-вспомогательная дисциплина литературоведения. «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XXII, вып. 2, М., 1963, с. 90.

²⁴⁵ *Большаков А. М.* Введение в краеведение. М., 1929, с. 96–97.

²⁴⁶ *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 29–32, 59, 65.

²⁴⁷ Там же, с. 29. Подход Быковского в данном случае близок к постановке вопроса Н. Кареевым. См. «Историка. (Теория исторического знания)». Пг., 1916, с. 47–50.

Достоинство такого определения С. Н. Быковский видел в том, что оно позволит безошибочно отличать источники от исторических пособий. Не говоря уже о том, что отличие источника от пособия вряд ли исчерпывается сказанным, и к тому же применить его к конкретным памятникам довольно сложно, нельзя не отметить, что перенесение вопроса в плоскость методики помешало раскрытию существа дела. Природа и свойства исторических источников остались в обоих определениях нераскрытыми, к тому же понимание этой природы осложнилось: исторические исследования («пособия») оказались выведенными из круга исторических источников, в то время как в общее понятие источника они, несомненно, должны включаться, отражая как памятник своей эпохи уровень ее культуры, степень развития научной мысли, представление о назначении и задачах исторических исследований и многое другое. Сравнивая подход Г. П. Саара к тому же вопросу, следует признать, что он был более последователен, включая в число исторических источников и группу «исторических произведений».

С. Н. Быковский не критикует известных ему схем классификации, считая их, «вообще говоря», крайне условными²⁴⁸. Так же как и Г. П. Саар, обзор источников он строит (без обоснования принципа классификации) по видовому признаку²⁴⁹, хотя и не вполне последовательно проведенному, характеризуя наиболее часто используемые виды источников (летописи и хроники, биографии и жизнеописания, мемуары и дневники, политические сочинения, письма, юридические памятники и др.). С. Н. Быковский высказался против отнесения актов к историческим остаткам на том основании, что они содержат и косвенный материал, а также возражал против отнесения газет к историческим преданиям. По его мнению, газета представляет собой источник многосложный (включающий политические статьи, юридические памятники, разновидности

²⁴⁸ *Быковский С. Н. Методика исторического исследования*, с. 32.

²⁴⁹ Об этом см.: *Макаров М. К. О принципах классификации письменных источников* (Историография вопроса). «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961 с. 17–18.

писем), она не составляет особого вида письменной традиции, а лишь особую форму издания, «что при анализе роли не играет»²⁵⁰. Столкнувшись, как Г. П. Саар, с трудностью отнесения печати к одной из классификационных групп, С. Н. Быковский не нашел здесь верного решения, которое могло бы служить надежным основанием для разработки приемов анализа материалов печати.

Большое место в работе С. Н. Быковского занимает изложение методов источниковедческого анализа. Он отмечает несоответствие деления этапов источниковедческого анализа на внутреннюю и внешнюю критику «реальному различию между разными приемами исторической критики», вводит иную терминологию («аналитическая» и «синтетическая» критика)²⁵¹.

В «синтетической» критике С. Н. Быковского можно видеть попытку отразить в схеме источниковедческого анализа исследование взаимосвязанных источников, желание подчеркнуть, что без такого группового анализа не может быть решен вопрос о достоверности²⁵². Однако эта мысль четкого выражения в его работе еще не получила.

С. Н. Быковским было высказано суждение, что техника и методика исторического исследования не могут не быть обусловлены методологией истории²⁵³. Однако раскрытия и конкретизации проблемы связи методологии и методики, а также качественного отличия марксистско-ленинской методологии от буржуазной он не дал. Несколько полнее его взгляды по этому вопросу были развиты в авторецензии, написанной в ответ на резкую критику, которой был встречен выход в свет «Методики исторического исследования». Характер критики и обстоятельства написания авторецензии не могли способствовать научной дискуссии по поднятым, чрезвычайно сложным и мало разработанным вопросам теоретического источниковедения. Это обусловило и ряд неверных оценок, к числу которых, в частности, следует отнести квалификацию книги Г. П. Саара как

²⁵⁰ Быковский С. Н. Методика исторического исследования, с. 41.

²⁵¹ Там же, с. 65–69.

²⁵² Быковский С. Н. Указ. соч. с. 67, 123 и сл., 141–143, 155–156.

²⁵³ Там же, с. 4.

«вполне антимарксистской»²⁵⁴. В то же время суждения С. Н. Быковского по основной проблеме – соотношение марксистского и буржуазного источниковедения – являются более правильными, чем суждения его оппонентов. В частности, С. Г. Томсинский в своей рецензии на книгу С. Н. Быковского сводил проблему принципиального отличия марксистского источниковедения от буржуазного лишь к умышленной фальсификации источников и фактов буржуазными историками²⁵⁵. В авторецензии С. Н. Быковский подчеркнул «необходимость преемственности в науке, той самой преемственности, которой не гнушались и К. Маркс и Ф. Энгельс»²⁵⁶; отверг упрощенное понимание классовости каждого отдельного приема техники источниковедческого исследования; отметил, что выводы буржуазной науки следует не просто отметить и отбрасывать, а подвергать критической проверке. С. Н. Быковский подчеркнул далее отличительную черту марксистско-ленинского источниковедения – его требование «полного и всестороннего охвата всех видов источников каждым частным подразделением исторической науки» – и в этой связи критиковал ненаучность буржуазной классификации исторических наук по видам источников. Он указал на специфичность характера источников различных социально-экономических формаций, которая «совершенно очевидна в пределах совокупности источников каждой группы в отдельности, и в подборе источников для изучения каждой формации по удельному весу и роли каждой группы источников»²⁵⁷.

Проблема соотношения марксистско-ленинского источниковедения с предшествующим опытом практической работы

²⁵⁴ *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Авторецензия. «Сообщения ГАИМК», № 11/12, с. 77.

²⁵⁵ *Томсинский С. Г.* За марксистско-ленинское источниковедение. «Ленинская учеба», № 1, Л., 1931. Многие положения были затем повторены автором в статье, открывавшей «Проблемы источниковедения» (Сборник I. М.–Л., 1933).

²⁵⁶ *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Авторецензия, с. 79.

²⁵⁷ Там же, с. 77.

историков над историческим источником не могла быть решена декларативно. Требовался широкий круг исследований, конкретный анализ и критическое изучение источниковедческих приемов дворянской и буржуазной историографии. Начало было положено С. Н. Валком в его исследовании «Исторический источник в русской историографии XVIII в.»²⁵⁸. Валк исходил из принципа исчерпывающего обследования всей совокупности источников. «...Основным требованием настоящего времени является привлечение всех разновидностей исторических источников», — писал он, подчеркивая, что «в прошлом дело обстояло иначе». В статье С. Н. Валка говорилось о зависимости методики источниковедения «от характера руководящей историографической теории, от ее методологии»²⁵⁹. Автор подчеркивал взаимосвязь состояния и задач исторической науки, с одной стороны, и введения в научный оборот определенного состава памятников и разработки методов их анализа — с другой. Крупный советский историк Н. М. Лукин, внесший большой вклад в изучение конкретных источников по новейшей истории, продвинул вперед разработку большой темы советского теоретического источниковедения — изучения исследовательской лаборатории основоположников марксизма-ленинизма, их методов работы с историческим источником. В статье «Маркс как историк» Н. М. Лукин обращает особое внимание на его «методологические приемы при обработке источников»²⁶⁰. Проследивая источники «Капитала» и «Гражданской войны во Франции», виды источников, использованных К. Марксом, приемы их анализа, отмечая критическое отношение к источникам и литературе, характер научно-справочного аппарата, Лукин показывает, с каким мастерством вскрывает К. Маркс классовый характер источников, проводит проверку

²⁵⁸ «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7–8.

²⁵⁹ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в., с. 33.

²⁶⁰ «Историк-марксист», 1933, № 2. Цит. по кн.: Лукин Н. М. Избранные труды, т. III. М., 1963, с. 401.

данных источников. Последнее особенно интересует Н. М. Лукина при изучении исследовательских приемов К. Маркса.

Говоря о К. Марксе как историке, Н. М. Лукин начинает свое изучение с рассмотрения исторических корней «его материалистического понимания истории, которое само является гениальным продуктом своей эпохи»²⁶¹. В своем анализе автор стремился опереться на ленинские оценки К. Маркса как историка, овладеть ленинским пониманием существа марксистских методов изучения источников, чем в известной «степени способствовал разработке огромной темы – В. И. Ленин как историк. Все это делает работу Н. М. Лукина ценной и для понимания марксистско-ленинских принципов анализа исторических источников, и для изучения подхода историографии начала 30-х годов к разработке проблем теоретического источниковедения.

Различные аспекты большой проблемы – источниковедческие методы основоположников марксизма-ленинизма – привлекают внимание и других историков.

Период 1920-х – начала 30-х годов предстает перед нами как время творческих исканий, когда были сделаны первые шаги в разработке ряда существенных проблем теоретического источниковедения. Теоретико-источниковедческое направление исследований в рассматриваемый период было далеко не ведущим. Исследование теоретических вопросов работы с источником еще не ставилось в качестве специальной задачи, а лишь возникало в тех случаях, когда те или иные практические потребности развития исторической науки настоятельно требовали их выяснения. Практические импульсы возникновения тех или иных работ и даже сама последовательность актуализации проблем дают некоторый материал для понимания характера постановки и направления исследований в этой области.

Теоретическое источниковедение охватывает сложную систему проблем, исследуя взаимосвязи типа: исторический процесс – источник; источник – историк. Советское источниковедение в рассматриваемый период занималось главным об-

²⁶¹ Лукин Н. М. Избранные труды, т. III, с. 366.

разом исследованием взаимосвязей источника и исторического процесса, иначе говоря, рассмотрением источника в социологическом плане в связи с теми общественными условиями, которые в конечном счете обусловили его возникновение. Этот принципиальный момент в марксистско-ленинском источниковедении имеет методологический характер. На его основе в дальнейшем в советской историографии были развиты положения об источнике как историческом явлении, о том, что источник может быть понят и истолкован только в связи с анализом тех исторических условий, в которых он возник. Этот методологический принцип открывал перспективы подлинно научной постановки вопросов происхождения и анализа содержания источника и выработки методов его интерпретации и критики. Начало реализации этого подхода можно найти в источниковедческой историографии рассматриваемого времени. Но нельзя не отметить и другую тенденцию, также нашедшую в ней свое отражение. Известно, что связи содержания каждого конкретного источника и общих условий его возникновения необычайно сложно опосредствованы. Эта сложность далеко не всегда принималась во внимание.

Исходя из общих методологических принципов понимания источника как «остатка» своей эпохи, советские источниковеды не приняли классификации источников в том виде, как она сложилась в буржуазном источниковедении. Однако исследование общих свойств источников на основе анализа существующих схем их классификации не нашло в историографии рассматриваемого времени четкого выражения. Ряд авторов источниковедческих пособий построили свои обзоры источников по видовому признаку, как это делал до них В. О. Ключевский или много позже М. Н. Тихомиров. Но сущность видовой классификации, органичной настолько, что создается иллюзия, будто источники классифицируются «сами», в то время не привлекала внимания. С. Н. Валк в одной из своих работ настойчиво напоминал о своевременности изучения источников по видам и приступил к анализу свойств вида. Вопрос решался на конкретном материале и в плане борьбы методологических принципов,

и в плане критического использования того опыта, который накопила предшествующая историография в области методики. Однако для постановки этой проблемы во всем ее объеме еще не хватало конкретного материала. Опыт работы историков рассматриваемого времени в этом плане заслуживает внимания. Особенно важно отметить начало работы по освоению теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма с точки зрения их исследовательских и источниковедческих методов. Придавая исключительно важное значение этому направлению исследований, первые советские источниковеды видели в его расширении и углублении залог дальнейшего развития марксистско-ленинской методологии истории. В деятельности М. Н. Покровского и других историков нашли свое отражение как сильные, так и слабые стороны развития советской исторической науки 20-х годов. С одной стороны, процесс овладения диалектико-материалистическим методом анализа явлений социальной действительности, и в то же время, сдерживавшая этот процесс узость источниковедческой базы, недостаток фактического материала, создававший своего рода опасность подмены социологическим схематизмом конкретного анализа реальных фактов прошлого, нашли свое отражение в дискуссиях по методологическим вопросам исторической науки конца 20 – начала 30-х годов, а также в подходе к решению вопросов теории и методики источниковедения в учебных изданиях этих лет. Без широких конкретных исследований источниковедческой базы всех социально-экономических формаций теория и методика источниковедения не могли успешно развиваться.

Для дальнейшего развития советской исторической науки принципиальное значение имели постановления Коммунистической партии и Советского правительства по вопросам преподавания истории 1934–1936 гг., непосредственно связанные с критикой школы М. Н. Покровского. В постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. отмечалась неудовлетворительность преподавания истории в школе, а именно – отвлеченный характер преподавания и содержания учебных по-

собий, увлечение социологическими схемами, ставились конкретные задачи последовательного изучения исторических событий, формулировалась методологическое требование опоры на конкретно-исторические факты. В постановлении «О составлении учебников истории» от 26 января 1936 г. СНК и ЦК ВКП (б) констатировалось неудовлетворительное положение с созданием учебников истории, что непосредственно связывалось с распространением среди историков, в особенности историков СССР, исторических схем М. Н. Покровского. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) 1934–1936 гг. дали принципиальные установки по вопросам развития исторической науки и ее преподавания. Они определили последующий перелом в ходе развития исторической науки, ее преподавания, создания учебных пособий. Все это оказало непосредственное влияние на становление источниковедения как научной и педагогической дисциплины.

Определяющее значение подлинно научной методологии диалектического и исторического материализма для формирования основ теоретического источниковедения нашло свое выражение в первых же трудах советских историков по решению принципиальных вопросов источниковедения – понимания социальной природы исторического источника, содержания основных этапов работы с источником, отношения марксистско-ленинского источниковедения к опыту старых буржуазных ученых в области методов исторического исследования. Мы видели, в каких конкретных формах нашел свое выражение этот процесс в период становления советской исторической науки. Стала очевидной необходимость более глубокого изучения произведений основоположников марксизма-ленинизма в связи с задачами источниковедения, встала практическая задача совершенствования профессионального мастерства работы с источниками во всех областях исторической науки, и в частности, в связи с освоением новых категорий источников нового и новейшего времени. В 1930–50 годах процесс расширения источниковедческой базы советской исторической науки, обогащения конкретных методов работы с различными видами источников нашел свое дальнейшее развитие.

С одной стороны, важно было разработать конкретное применение марксистско-ленинской методологии исследования, новых методов интерпретации и критики к традиционным категориям источников; с другой – применить источниковедческие методы исследования к новым категориям источников – в первую очередь социально-экономической истории, истории классовой борьбы, провести исследования, связанные с изучением источниковедческой базы истории современности.

Практика развития исторической науки давала новые наблюдения, накапливался опыт для последующих теоретических обобщений. Вопросы теоретического источниковедения в качестве предмета специального исследования в этот период привлекали к себе мало внимания. В то же время, в практике исторических исследований подготавливался материал, необходимый для последующего теоретического обобщения таких проблем, как методологическая база практических методов работы с источником; общее и особенное в методах исследований различных категорий источников, в том числе источников различных социально-экономических формаций, различных видов, разного назначения и способов воспроизведения. Особое значение имел в этом отношении опыт советской исторической науки по изучению источниковедческой базы истории современности.

Большая работа была проведена по изучению источников истории рабочего класса СССР. В проблемной статье об изучении истории рабочего класса СССР А. М. Панкратова остановилась и на задачах источниковедческой работы в этом направлении. Она характеризовала структуру источниковедческой базы проблемы, указав на такие категории источников, как документальные архивные источники, официальные правительственные документы, профсоюзную печать, материалы профсоюзных съездов, статистику, документы предпринимательских организаций, земских и других органов. Принципиально новой была постановка вопроса о формировании источниковедческой базы путем собирания материалов от самих рабочих²⁶².

²⁶² Панкратова А. М. Проблема изучения истории пролетариата. «История пролетариата СССР», сборник I. М., 1930.

В связи с развернувшимися коллективными исследованиями по истории рабочего класса наметилось перспективное направление разработки новых методов изучения источниковедческой базы истории современности. Наметились возможности синтеза источниковедческих методов исторической науки с приемами конкретно-социальных исследований. Велась подготовка специальных вопросников, анкет, осуществлялись беседы-интервью, и на основе их формировались новые источники массового характера – автобиографии, мемуары рабочих²⁶³.

Содержание сборников «Проблемы источниковедения» 1930 – начала 40-х годов отражало то направление, в котором шло изучение источников и методов их анализа в связи с тематикой истории народных движений, классовой борьбы, истории рабочего класса²⁶⁴. Отдавалось предпочтение изучению видовых комплексов источников, что способствовало обобщению видовых методов анализа. В статье В. М. Лавровского о картах парламентских огораживаний удалось показать значение картографических материалов как источников по истории английского землевладения XVII – начала XVIII века, наметить методику изучения источников этого вида²⁶⁵. В связи с изучением источниковедческой базы истории народов СССР, представляет несомненный интерес монография А. И. Андреева²⁶⁶. В ней тщательному анализу были подвергнуты источники по истории Сибири XVII века, в том числе географические труды, картографические документы, чертежные книги, отписки, распросные речи²⁶⁷. Проведенный на высоком научном уровне

²⁶³ Чаадаева О. Опыт работы над автобиографиями старых рабочих на предприятиях. – «История пролетариата СССР». Сборник 3. М., 1930.

²⁶⁴ «Проблемы источниковедения», тт. 1–3. М., 1933–1940.

²⁶⁵ Лавровский В. М. Карты парламентских огораживаний как источник по истории землевладения в Англии конца XVII – начала XVIII века. «Проблемы источниковедения», сборник 2. М.–Л., 1926.

²⁶⁶ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. М., 1940.

²⁶⁷ Яцунский В. К. А. И. Андреев. Краткий очерк жизни и деятельности. В кн.: «А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. XVII век». М.–Л., 1960.

анализ картографических материалов истории Сибири позволяет считать эту работу А. И. Андреева началом формирования картографического источниковедения.

Исследование делопроизводственных и законодательных документов России XIX – начала XX века впервые было осуществлено Б. М. Кочаковым. Он исходил из правильной посылки применения к этим источникам нового времени всего комплекса источниковедческого анализа как необходимой предпосылки получения достоверной информации. На первый план были выдвинуты вопросы источниковедческой эвристики, особо важные в связи с возрастающим объемом документации XIX–XX веков, и в этой связи подчеркивалась актуальность изучения делопроизводства, знание системы которого облегчает поиск документальной информации. В связи с задачами интерпретации было намечено изучение ведомственных позиций составителей документов и обосновано принципиальное значение раскрытия стоящих за ними классовых интересов. И делопроизводственные документы, и законодательные акты Б. М. Кочаков рассматривает в связи с задачами классового анализа источников как продукт и одновременно орудие классовой борьбы²⁶⁸.

Зависимость методов источниковедческого изучения от методологии и значение в данной связи классового анализа источника подчеркнул В. В. Бочаров. В раздел «Методология источниковедения» его учебного пособия по курсу источниковедения для Московского педагогического и Историко-архивного институтов были включены такие принципиальные вопросы, как связь изучаемых источников с социально-экономической формацией, к которой они относятся; марксистско-ленинский анализ динамики развития общественных формаций, устанавливающий объективный критерий для выявления классового содержания источников; зависимость методов работы с источниками от свойств определенных категорий источников;

²⁶⁸ Кочаков Б. М. Русский законодательный документ XIX – начала XX века. «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. М.–Л., 1937.

формулировалось, что «всякий памятник является продуктом определенной эпохи и отражает интересы его классовых группировок»²⁶⁹.

Для советского источниковедения изучение исторического источника как продукта своей эпохи и исследование его объективных свойств, возникших в ходе исторического процесса, было задачей на долгие годы. Важно было понять отдельный источник как часть целого – всей источниковедческой базы, составляющих ее элементов, ее структуры. Этой задаче служили усилия многих советских историков. Большую роль в решении этой задачи сыграли учебные пособия по источниковедению. Учебное пособие М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина ставило своей задачей «дать обзор и критику важнейших письменных источников по истории СССР и их основных видов»²⁷⁰. Удачно выбранный видовой принцип позволил дать характеристику всего основного корпуса источников по истории СССР с древнейших времен до 90-х годов XIX века. В издании был применен на практике основной принцип советского источниковедения – источники характеризовались в связи с теми конкретно-историческими условиями, в которых они создавались. В результате выяснялось содержание каждого вида источника, ставилось возможным его понимание и оценка значения для исторического исследования. Видовая структура издания, хотя и не всегда последовательно проведенная, способствовала концентрации внимания на крупных видовых категориях источников, способствовала дальнейшей разработке видовых методик их исследования. Авторы данного издания ставили своей задачей подготовку учебного пособия, которое характеризовало бы состав и основные свойства конкретных видов источников по истории СССР периода феодализма и капитализма. Давалось

²⁶⁹ Бочаров В. В. Источниковедение. Программа-задание для заочных пединститутов. М., 1934.

²⁷⁰ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Т. I. М., 1940; Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX века. (До начала 90-х гг.). Том II. М., 1940.

понятие об источнике, под которым понимался всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества. Обосновывалось деление источников на пять основных групп – вещественных, этнографических, лингвистических, устных и письменных памятников. Кроме того, давалось представление о делении источников на исторические остатки и историческую традицию.

В фундаментальном труде Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV–XV веков» были обобщены и сформулированы принципиальные положения советского источниковедения. В основе методологии марксистско-ленинского источниковедения, как показал Л. В. Черепнин, лежит материалистическое понимание природы источника как социального, исторического явления. «Каждый источник, – писал Л. В. Черепнин, – представляет историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью»²⁷¹.

Материалистическая концепция исторического источника, раскрытие его социальной природы как исторического явления и зависимость методов источниковедческого исследования от этих объективных свойств источника была дана Л. В. Черепниным в связи с критикой идеалистических представлений А. С. Данилевского, связывавшего методологию источниковедения лишь с познавательной деятельностью историка.

Значение труда Л. В. Черепнина для развития теоретического источниковедения определялось также тем, что содержащиеся в них принципиальные положения не только формулировались, но реализовались в процессе исследования конкретных источников. В «Русских феодальных архивах» осуществлялось изучение источниковедческой базы истории русского феодализма XIV–XV веков в ее совокупности, в связи с историческими и поли-

²⁷¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков, ч. I. М.–Л., 1948, с. 5.

тическими условиями времени создания источников, с историей образования и функционирования русских феодальных архивов²⁷².

В период становления источниковедения как научной дисциплины обозначилась связь его с задачами преподавания. Связь эта не является чем-то внешним, она определяется назначением источниковедения, его местом в системе исторического познания. Роль научных методов исследования в системе знания двойка. Прежде всего, методы исследования – определенная гарантия достоверности полученного результата, обеспечивающая возможность проверки, а в случае необходимости и повторения этапов достижения данного результата. Система принятых методов исследования создает определенный критерий, с помощью которого могут быть приняты или отвергнуты те или иные результаты проведенного исследования.

Не менее важна для науки и вторая задача – разработка способов передачи знаний, обеспечивающих преемственность и прогресс познания. Процессы преподавания науки не являются чем-то внешним от отношению к ней, но органически с ней связаны. Важно не только передать определенную сумму накопленных наукой данных, но прежде всего, обеспечить развитие методов исследования, методов достижения новых знаний, тех путей и средств, которые обеспечивают движение от менее полного и менее точного к более полному и более точному знанию. Для того же, чтобы научить методам исследования, необходимо прежде их анализировать, выявлять существенно общее, отдавать себе отчет в специфике применения в зависимости от объективных свойств изучаемого объекта. Задачи преподавания дают мощный стимул для обращения к теоретическому обоснованию методов исследования, для развития теории и методологии науки. На материале развития советского источниковедения как науки эта связь находит свое очень четкое выражение. Опыт преподавания источниковедения и

²⁷² Черетин А. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. «Источниковедение отечественной истории». М. 1973, с. 63.

вспомогательных исторических дисциплин в 1930–50-х годах, проведенная в то время теоретическая и методическая работа по созданию учебных программ, пособий для нужд преподавания, сыграли немалую роль в быстро развернувшемся исследовании теории и историографии источниковедения, который характерен для последнего десятилетия развития советской исторической науки.

Характерно в этом отношении направление развития научной работы кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, которая была в течение ряда лет едва ли не единственным центром, где систематически велась работа в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Научная работа кафедры в настоящее время характеризуется большой результативностью. Кафедра имеет единую научную проблему, вокруг которой группируется тематика исследований. Эта проблема – теория и методика работы с историческими источниками – дает возможность оценивать результаты проведенных исследований и осуществлять прогнозирование в связи с состоянием советской источниковедческой науки в целом. Многие характерные черты в работе этого научного коллектива нельзя понять вне связи с теми традициями, которые формировались в течение многих лет. В 40-х – начале 50-х годов в ее работе принимали участие такие крупные специалисты в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, как А. И. Андреев, В. К. Лукомский, А. Ц. Мерзон, А. А. Новосельский, А. Н. Сперанский, М. Н. Тихомиров, Н. В. Устюгов, В. К. Яцунский. Большую работу на кафедре вел А. В. Черепнин, создавший здесь серию учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам, А. А. Зимин, С. И. Якубовская. Много лет работает под руководством С. О. Шмидта научный студенческий кружок по источниковедению.

Под руководством А. Т. Николаевой была проведена разработка теоретико-методических основ классификации источников в связи с подготовкой программы по источниковедению

истории СССР, а также программы для курса дипломатики, созданной А. А. Зиминым²⁷³.

Актуальные вопросы источниковедения поднимались на совещаниях, созданных по инициативе кафедры, и, в частности, на совещании «О критике источников» (1957 г.). Существенные направления в научной работе кафедры отразились уже в томе трудов кафедры, опубликованном в 1954 г., где рассматривались вопросы источниковедения истории СССР периода феодализма, истории советского общества, теории и истории источниковедения, видовые методики. Следующий том трудов кафедры, опубликованный 10 лет спустя, является определенным итогом и в то же время, свидетельством новых черт в научной работе²⁷⁴. Характерным для этого тома является расширение проблематики источниковедения истории советского общества. Здесь исследуются такие виды источников, как советская промышленная статистика, периодическая печать, мемуары, кинодокументы, советские почтовые марки; анализируются документы профессиональных союзов и комсомольских организаций, делопроизводственная документация, источниковедческая методика изданий 30-х гг. Изучаются мемуарные источники и демографическая статистика первой половины XIX века, летописные сказания XVII века, земельные чертежи XVI века, методы установления подлинности актов XVI–XVII вв. Вспомогательные исторические дисциплины представлены работой о русской исторической метрологии. Специальному исследованию подверглись вопросы историографии русского источниковедения XVIII века, а также обсуждались вопросы терминологии источниковедения.

²⁷³ Источниковедение истории СССР. Программа курса источниковедения для Московского историко-архивного института. М. 1954. См. также *Яцунский В. К.* К вопросу о классификации письменных источников в курсе источниковедения истории СССР. Труды МГИАИ, т. XI. М., 1958; *Селезнев М. С.* О классификации исторических источников в связи с построением курса источниковедения в вузах. – «Источниковедение истории советского общества». Вып. I, М., 1964.

²⁷⁴ Труды МГИАИ, т. 7. Под редакцией Николаевой А. Т. М., 1954; Труды МГИАИ, т. 17. Под редакцией Луцкого Е. А. М., 1964.

Общая концепция источниковедения, сложившаяся в советской исторической науке 1950-х годов, была в ее принципиальных чертах освещена в статье Л. В. Черепнина для Большой Советской Энциклопедии²⁷⁵. Речь шла в первую очередь о тех принципиальных отличиях советского источниковедения от буржуазного, которые определяются методологической основой, о том, что марксистско-ленинская методология является основой научного источниковедения. Именно на этой методологической основе решаются главные задачи источниковедения – вопросы классификации, критический анализ, определение происхождения, классового характера, проверки достоверности и фактической ценности и, наконец, синтетического изучения источников в их взаимосвязи. Характеризовалось главное свойство марксистско-ленинского источниковедения – рассмотрение источника в качестве продукта определенной общественной среды. Источниковедение характеризовалось в его взаимосвязях с другими вспомогательными историческими дисциплинами как единый профессиональный аппарат исторического исследования. Характеризовалось содержание основных этапов источниковедческого анализа.

Характеристика методологических принципов советского источниковедения и его места в системе вспомогательных исторических дисциплин была в развернутом виде и на конкретном материале дана в статье А. Т. Николаевой, посвященной анализу отражения вопросов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Большой Советской Энциклопедии²⁷⁶. Справедливо отмечался прогресс в смысле более широкого и глубокого, на более высоком идейно-теоретическом уровне освещения всей источниковедческой системы исторической

²⁷⁵ Черепнин Л. В. Источниковедение. – Большая Советская Энциклопедия, т. 19. М., 1953, с. 44. Об источниковедении как науке, изучающей общие свойства исторических источников, и системе вспомогательных исторических дисциплин. См. Волк С. Н. Сектор вспомогательных исторических дисциплин института истории АН СССР. «Исторический журнал», 1944, № 5–6, с. 93–94.

²⁷⁶ Николаева А. Т. Некоторые вопросы вспомогательных исторических дисциплин во втором издании БСЭ. «Исторический архив», 1956, № 2.

науки по сравнению с первым изданием БСЭ. В статье было развито понимание основных принципов марксистско-ленинского источниковедения в его главном направлении – в отношении к историческому источнику как продукту общественной среды. Как главная, прослеживалась связь интерпретации источников с экономическими и политическими условиями общественного развития, подчеркивалось единство методологической основы подхода к вопросам классификации, происхождения, классового характера и назначения источника, его фактической ценности, содержания понятий внутренней и внешней критики. Хорошо показана общность методологической основы всех вспомогательных исторических дисциплин, их взаимосвязь, обусловленная общностью целевой направленности изучения формы и содержания исторических источников.

А. Т. Николаева на большом конкретном материале показала недостатки и пробелы в источниковедческих статьях второго издания БСЭ и подчеркнула связь их с неразработанностью вопросов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в исторической науке (в первую очередь в источниковедении истории народов СССР, в освещении вопросов историографии, теории и методов работы с источниками).

В развитии источниковедения конца 50 – начала 60-х годов особенно важно отметить активизацию исследований по источниковедению истории советского общества, источниковедению истории КПСС, изучению исследовательских методов основоположников марксизма-ленинизма, в первую очередь произведений В. И. Ленина. Эти направления исследований непосредственно связаны с разработкой методологических основ источниковедения, формированием его методологической базы, творческим применением марксистско-ленинской методологии к научному анализу важнейших партийных и государственных документов современности. Успешное развитие этих направлений – необходимое условие формирования методологической основы и развития теории источниковедения, обогащения связи теории с практикой исторического исследования, углубленной и аргументированной критики буржуазной методологии истории.

К середине 50-х годов необходимость совершенствования профессионального аппарата исследовательских методов исторической науки стала очевидной. В развернувшихся в конце 50 – начале 60-х годов дискуссиях это положение стало общепризнанным и воспринималось как одна из важнейших и неотложных задач развития советской исторической науки. В 1957 г. состоялось научное совещание, организованное по инициативе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института «О научной критике исторических источников»²⁷⁷, в ходе которого были остро поставлены вопросы о необходимости разработки проблем методологии и историографии источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как специального предмета исследований. Подводя итоги совещания М. С. Селезнев отмечал, что поднятые вопросы привлекли внимание не только историков, но и работников архивов, экономистов, лингвистов, литературоведов²⁷⁸.

Предметом специального обсуждения стали вопросы источниковедения истории советского общества. В Московском государственном историко-архивном институте в 1961 г. состоялось научное совещание по вопросам источниковедения и археографии советского периода. В докладе В. П. Данилова и С. И. Якубовской по источниковедению и М. С. Селезнева по археографии и развернувшемся обсуждении был поднят ряд существенных теоретико-методических проблем²⁷⁹. Содержателен был обмен мнениями по таким проблемам, как взаимосвязь методологии и методики анализа и публикации документов; теоретические основы классификации источников и применимость

²⁷⁷ Мерзон. А. Ц. Основные задачи критики исторических источников. М., 1958.

²⁷⁸ О совещании см. Николаева А. Т. О критике исторических источников. «Исторический архив», 1957, № 6.

²⁷⁹ Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение истории советского общества. «Вопросы истории», 1961, № 5; Селезнев М. С. Вопросы воспроизведения текста и датировка документов советского периода. «Вопросы архивоведения», 1960, № 8; Николаева А. Т. Совещание по вопросам источниковедения истории советского общества. «Вопросы истории», 1962, № 5.

деления на исторические остатки и исторические предания к источниковедческой базе истории новейшего времени; общее и особенное в методах исследования источников советского периода.

Необходимость теоретических исследований в области источниковедения истории КПСС также была предметом ряда выступлений в научной печати. Содержательный материал по вопросам теории источниковедения дала дискуссия, проведенная на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1961–1963 гг. Был освещен ряд теоретических вопросов, в том числе о структуре источниковедческой базы истории КПСС (М. А. Варшавчик, И. С. Смирнов, М. Н. Черноморский); о понятии исторического источника (М. И. Злобин, С. О. Шмидт). С конца 50-х годов вопросам источниковедения уделяется все более заметное место в научной печати. Работы этих лет отличает их многоплановость, они касаются как теоретико-историографических, так и организационно-практических аспектов источниковедческих наук²⁸⁰. В главном, однако, они едины. Принципы марксистско-ленинского источниковедения сложились как определенный итог в процессе всего предшествующего периода развития

²⁸⁰ Николаева А. Т. О критике исторических источников. «Исторический архив», 1957, № 6; Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР. «Труды МГИАИ», т. XI. М., 1958; Стрельский В. П. Джерелознавство історії СРСР. Період імперіалізму. К., 1958; *Он же*. Основные принципы научной критики источников по истории СССР К., 1961; Данилов В. П., Якубовская С. П. Источниковедение и изучение истории советского общества. «Вопросы истории», 1961, № 5; Смирнов П. Достоверные факты – основа исторического исследования. «Коммунист», 1962, № 3; Чугаев Д. А. Задачи источниковедения советского периода истории СССР в свете решений XXI съезда КПСС. «Исторический журнал», 1962, № 1; Пушкарев А. Н. Залог успеха – в источниковедческом анализе. «История СССР», 1962, № 2; Каптанов С. М., Курдюков А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. «Исторический архив», 1962, № 4; Варшавчик М. А. О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; Шмидт С. О. Вопросы преподавания источниковедения. «Новая и новейшая история», 1962, № 4; Черноморский М. Н. О преподавании источниковедения истории КПСС. Вопросы истории КПСС», 1962, № 6.

советской исторической науки. Методологическое единство общей концепции советского источниковедения основывается на его понимании природы исторического источника, его социального характера. Принципиальные вопросы понимания природы исторического источника, методологическое единство приемов, применяемых к изучению источников различных исторических формаций, в том числе и к источникам по истории советского общества, нашли в новых работах советских историков свое подтверждение и более развернутое обоснование. Вместе с тем, работы этих лет показали, что совершенствование профессионального аппарата исследовательских методов исторического познания воспринимается как неотложная и актуальная задача представителями всех отраслей науки. Развитие теории историковедения играет существенную роль в этом процессе. Настоятельная необходимость изучения теории источниковедения и ее проблем в качестве предмета специальных исследований стала очевидной.

Рост внимания к теории научного знания и средствам его достижения не случаен, он отражает общую тенденцию современного развития общественных наук. Он непосредственно связан с возрастанием роли общественных наук в коммунистическом строительстве.

Научный анализ состояния общественных наук и важнейших направлений их дальнейшего развития в связи с задачами коммунистического строительства содержало постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 года²⁸¹. Важнейшие партийные и государственные документы современности отражают возрастающее значение марксистско-ленинской теории, роли общественных наук на современном этапе коммунистического строительства. Успешное развитие всей системы марксистско-ленинских общественных наук, масштабы стоящих перед ними задач

²⁸¹ «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г. «Справочник партийного работника», вып. 8. М., 1968.

позволяют по-новому осмыслить ряд теоретических и практических проблем советского источниковедения.

Каждая из общественных наук, изучающих те или иные стороны социальных явлений и процессов, обращается в ходе исследований к источникам. Советское источниковедение на базе марксистско-ленинской методологии изучает источники и средства добывания из них достоверной и возможно более полной информации об общественных явлениях и процессах. В ходе развития науки в целом значение дисциплин, имеющих предметом исследования источники и методы работы с ними, возрастает. В настоящее время отпала необходимость пропагандировать и утверждать источниковедение в его правах научной дисциплины, доказывать необходимость профессиональной источниковедческой подготовки для историка любого профиля. Об этом достаточно убедительно говорят факты появления специальных изданий по проблемам источниковедения; наличия постоянных источниковедческих разделов в общеисторических, историко-партийных, военно-исторических и архивоведческих периодических изданиях; широта профиля прессы, в той или иной форме откликающейся на появление источниковедческих монографий, учебных пособий и публикаций источников.

Характерной чертой развития современных наук является с одной стороны, усиление специализации и разветвления отдельных новых отраслей, а также другого процесса, интеграции – взаимопроникновения, взаимодействия этих специальных отраслей между собою. В советском источниковедении можно увидеть тенденции развития обоих этих процессов. С одной стороны, советское источниковедение, развиваясь, выделяет все новые специальные отрасли. Наряду с источниковедением различных социально-экономических формаций – источниковедения истории советского общества, капитализма и феодализма, можно говорить о специальных областях историко-партийного источниковедения, источниковедения произведений В. И. Ленина, статистическом источниковедении, актовом, картографическом источниковедении и так далее. В то же время, процесс интеграции реализуется как более четкое

осознание каждой отдельной специальной отрасли своего места как части советского источниковедения, как звена системы марксистско-ленинских наук о человеке и обществе. Идут настойчивые поиски общих решений теоретических проблем с использованием специфических средств и методик, делаются попытки применения методических приемов, разработанных на материале одних комплексов и видов источников, к материалам иных хронологических и видовых признаков. Связи источниковедения истории СССР с другими отраслями источниковедения становятся более тесными. К разработке общих проблем источниковедения – теоретических, историографических, методико-педагогических обращаются специалисты в области источниковедения истории советского общества, капитализма и феодализма, источниковедения истории КПСС, специалисты вспомогательных исторических дисциплин, археографии и архивоведения. Все более частым становится привлечение к обсуждению этих проблем представителей философских, государственно-правовых, экономико-статистических, филологических и других наук. Этот процесс взаимного обогащения различных отраслей источниковедения будет несомненно развиваться. Тем более важным является формулирование тех специфических задач, которые каждая из отраслей источниковедения решает на своем материале, своими средствами, к решению которых данная отрасль наилучшим образом подготовлена всем ходом своего развития.

Специфика задач и перспектив источниковедения истории советского общества определяется прежде всего спецификой его предмета, его материалов – источников по истории советского общества. В чем состоит специфика той источниковедческой базы, с которой имеют дело историки советского общества? Уже самый этот вопрос заслуживает специального теоретического исследования. Специфика источников по истории советского общества это, прежде всего, специфика их содержания как документов, возникших в процессе становления и функционирования новой, впервые нашей страны реализацию в историческом процессе, социально-экономической

формации; документов, несущих в своем содержании отражение закономерностей развития этой новой социалистической формации. Это – далее, специфика новых видов исторических источников. Новые общественные отношения, потребности и задачи, а также развитие науки, техники, культуры обуславливают появление видов источников, с которыми исследователи досоветского общества не сталкиваются. Назовем лишь некоторые из них. Декреты Октября, как особый вид законодательных источников, материалы планирования народного хозяйства, документы коллективного авторства трудящихся (резолуции рабочих собраний, напр.) и т. д. – это новые виды исторических источников, требующие специфических приемов и методов анализа. Важно отметить и третий момент, характеризующий специфику документов, с которыми имеет дело историк советского общества. В отличие от историка досоветского общества, имеющего дело с источниками, уже выпшедшими из обращения, сохранившими лишь (в основном) свое научно-историческое значение, историк советского общества, как правило, работает с документами, продолжающими находиться в процессе общественного функционирования. Его материалы – явления современной общественной жизни. Это – текущая периодическая печать, партийные и государственные документы, порождающие огромный и все расширяющийся общественный резонанс, действующее законодательство, документы развивающихся дипломатических отношений. Методологические принципы и приемы в марксистско-ленинском источниковедении едины для источников любого времени. Однако сбрасывать со счетов специфику анализа документов современности было бы неправильно. Характер специфических трудностей, общественный резонанс оценок и выводов исследователя, а следовательно, и мера его ответственности здесь иные. Главная сложность состоит в том, что потенциальные возможности, заложенные в содержании документа современности, еще не реализованы полностью; историк не располагает возможностью учесть все возможные аспекты влияния такого документа на процесс общественного развития. Означает ли это, что трудности изучения документов

современности как исторических источников непреодолимы? Ответ на этот вопрос лежит в методологической плоскости. Известно, что буржуазная историография отвечает на него отрицательно, выдвигая теорию исторической дистанции, как необходимой гарантии объективности и научности исследования. Методология марксизма-ленинизма создает реальную базу для преодоления этих трудностей. Важнейшее значение имеет изучение в этом плане произведений В. И. Ленина. В них заключено величайшее богатство применения диалектико-материалистического метода анализа к общественным явлениям современности. Именно к документам современности приковано в первую очередь внимание в трудах В. И. Ленина. Исключительно важное значение поэтому имеет изучение исследовательских приемов В. И. Ленина, его метода анализа и критики источников, путей проверки их достоверности, преодоления неполноты освещения ими общественных явлений, всего пути движения от анализа конкретных источников к обобщению закономерностей развития исторического процесса. Эта задача величайшей трудности в известной мере облегчена той особенностью ленинского теоретического наследия, которую можно назвать обзримостью его научной лаборатории. Разумеется, речь идет не о том, чтобы восстановить полностью весь круг источников информации В. И. Ленина об общественных явлениях – эта задача вряд ли выполнима, но о той особенности структуры ленинских произведений, которая позволяет приобщить читателя не только к итогам и результатам исследования, но и, в известной степени, к процессу их достижения. Четкая фактическая основа, доказательность, аргументированность, логика развития мысли дают возможность следить за самим процессом исследования. Точная ссылка на источник информации, оценка его достоверности, анализ текста и содержания свидетельства – весь этот комплекс источниковедческих вопросов составляет один из характерных элементов структуры ленинских произведений, и предстает в неразрывной связи с анализом сущности социальных процессов, которые эти источники отражают. Для советского источниковедения уже в период

его становления было очевидно, что изучение исследовательских методов работы с источниками основоположников марксизма-ленинизма является методологическим условием развития теоретического и конкретного источниковедения. Об этом писали Н. Н. Авдеев, М. Н. Покровский.

Советскими историками немало сделано в области изучения вопросов источниковедения произведений В. И. Ленина.

В настоящее время можно говорить об особой отрасли – источниковедении произведений В. И. Ленина, где ведется работа по изучению истории создания ленинских произведений, ведется розыск и собирание всего рукописного наследия В. И. Ленина, его публикация. Огромное значение имеет выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина. В ходе его подготовки была проведена огромная подготовительная, в том числе и источниковедческая работа, связанная с изучением истории создания ленинских произведений, установления их наиболее точного текста, приемов публикации²⁸². Большую ценность для исследования имеют помещенные в каждом томе Полного собрания сочинений сведения об использованных В. И. Лениным источниках. Прделанная составителями работа в определенной мере облегчает сложнейшую исследовательскую задачу реконструкции того круга источников информации, которым пользовался В. И. Ленин при работе над своими произведениями.

Будучи методологической основой при исследовании общественных явлений, произведения В. И. Ленина являются в то же время неопределимыми конкретно-историческими источниками. Советские историки уже начали специальное исследование такого комплекса источников, каким являются письма В. И. Ленина, разрабатывают отдельные стороны исследования ленинских писем как исторических источников²⁸³.

Особую область составляет изучение исследовательских приемов работы В. И. Ленина с источниками. Эта проблема

²⁸² «Сокровищница великих идей ленинизма». М., 1968.

²⁸³ Обичкин Г. Д., Панкратова М. Я. Письма В. И. Ленина. По страницам Полного собрания сочинений. М., 1968.

может быть всесторонне исследована лишь в плане монографического ее изучения. В тесной связи с изучением произведений основоположников марксизма-ленинизма, на базе марксистско-ленинской методологии изучаются советскими историками теоретические проблемы источниковедения. Расширилась тематика этих исследований. Предметом специальных исследований уже стали вопросы классификации источников, достоверности и интерпретации, некоторые аспекты логического анализа содержания источников²⁸⁴.

Вопросы теоретического источниковедения с разных сторон и на различном конкретном материале разрабатываются исследователями, в своей практике опирающимися на опыт работы с источниками различных социально-экономических формаций и имеющих различные видовые и тематические свойства. Одну из характерных черт современного источниковедения составляет его историографическая направленность. Все более заметно выявляется подход к анализу теоретических вопросов с учетом опыта разработки соответствующих проблем в предшествующей историографии. Именно таким образом

²⁸⁴ *Каиштанов С. М.* Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. «Исторический архив», 1962, № 4; *Каиштанов С. М., Литвин А. П.* К проблеме достоверности исторических источников. — «Из истории Татарии. Краеведческий сборник». Казань, 1965; *Николаева А. Т.* Методология и методика русского источниковедения в период его становления. К вопросу о преемственности. «Труды МГИИИ», т. 25. М., 1967; *Николаева А. Т.* Теория и методика советского источниковедения. М., 1975; *Стрельский В. П.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968; *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969; *Пронштейн А. П.* Истокование исторических источников. «Вопросы истории», 1969, № 10; *Пронштейн А. П.* Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971; *Вашиавчик М. А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. «Вопросы истории», 1968, № 10; *Вашиавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1973; *Черепнин А. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — «Источниковедение отечественной истории». Вып. I. М., 1973; *Пушкарев А. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

анализируется сложный, имеющий как практическое, так и теоретическое значение вопрос классификации источников. В связи с его изучением введен в научный оборот большой материал о подходе к вопросам классификации русских дореволюционных, советских и зарубежных историков.

Актуальным является вопрос о современном содержании предмета источниковедения, о соотношениях источниковедения с вспомогательными дисциплинами и смежными науками. В данном случае историографический подход также дает материал для сопоставлений, позволяет формулировать новые решения проблемы²⁸⁵.

В разработке вопросов источниковедческой методики, исследовании теоретических проблем источниковедения историографический аспект сохраняет свое значение. «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов», указывал В. И. Ленин²⁸⁶. Однако в деле марксистско-ленинской критической переоценки опыта прошлого в области работы с источниками сделано еще очень мало. При решении отдельных сложных и спорных вопросов опыт прошлого привлекается и анализируется. Однако такое его использование носит в известной мере утилитарный характер. Встает конкретная задача выбора принципов классификации источников, — и исследователи привлекают ряд соображений и высказываний, сделанных историками различных школ и поколений по различным конкретным поводам. В этом случае возникает опасность известной модернизации или упрощения в трактовке таких соображений. Известно, что каждое историческое явление, в том числе историографическое, может быть правильно интерпретировано и оценено лишь при условии его рассмотрения в развитии, в совокупности всех его сторон, с учетом

²⁸⁵ Фарсоби В. В. К определению предмета источниковедения (историографические заметки). В кн.: «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968.

²⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 205.

конкретных условий возникновения. Историографический подход к проблемам теоретического источниковедения необходим, но он требует, в свою очередь, изучения историографии источниковедения в ее целом, а не только в связи с тем или иным частным случаем.

Разрешение этой проблемы позволит правильно понять соотношение методологии и методики в процессе анализа источников. Совершенно очевидна тесная связь методики и методологии при решении задач интерпретации, критики, классификации конкретных источников. Изучение историографии источниковедения имеет важное значение для правильного решения вопросов преемственности, использования советской историографией того опыта, который накоплен предшествующим развитием исторической науки (напр., в области внешней критики источников).

Таким образом, изучение историографии источниковедения от периода его становления до настоящего времени является одной из задач советского источниковедения. Сделано в этой области еще очень недостаточно. Монографическое изучение историографии источниковедения в систематическом виде проведено лишь применительно к русской историографии XVIII века. В этом плане мало изучена историография источниковедения периода позднего феодализма, капиталистической формации. В целом историография источниковедения во всех ее аспектах требует тщательного монографического изучения, участия в этой работе коллектива советских историков, имеющих опыт работы в области конкретного источниковедения.

Неотложной задачей является изучение и критический анализ методологии и методики работы с источником в современной буржуазной историографии.

Исследование ряда теоретических проблем советского источниковедения требует непосредственного использования при их решении опыта специалистов по истории советского общества. Так, например, одним из актуальных вопросов является проблема путей развития источниковедения массовых источников. Задача

исследования закономерностей общественного развития ставит перед историком-марксистом условие – привлечение крупных комплексов источников, которые позволяют проследить динамику развития, охватить сложные взаимосвязи общественных явлений. Осуществление этих задач требует разработки методов анализа источников, которые позволяют охватить возможно больший объем информации. Проблема использования массовых источников в этой связи приобретает все большую актуальность. Один из возможных путей ее решения – использование математико-статистических методов исследования и обработки источников массового характера. В практической плоскости встает вопрос об использовании вычислительной техники в исследовательской практике историков.

Проблема развития источниковедения массовых источников имеет, несомненно, большие перспективы и большое научное и практическое значение²⁸⁷. Работа в этом направлении делает особо важной задачу всесторонней разработки методики исследования отдельных видов источников по истории советского общества и отдельных, особо важных документов, уникального характера. Разработка источниковедения массовых источников может развиваться лишь при условии постоянного обогащения исследовательской практикой работы по анализу отдельных видов источников и отдельных конкретных документов. Это хорошо видно на примере развития в советской исторической науке методики анализа мемуарных источников. В настоящее время принципы источниковедческого анализа мемуарных источников исследованы на таком уровне, что конкретная видовая методика может способствовать обогащению и раскрытию на

²⁸⁷ *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX века. М., 1967; *Ковальченко И. Д.* Об опыте математико-статистической обработки выборочных данных о сельском хозяйстве России в XIX веке. «Вестник Московского университета». История. 1966, № 1; *Ковальченко И. Д.* О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях. «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969; *Ковальченко И. Д., Устинов В. А.* Применение электронно-вычислительных машин в исторической науке. «Вопросы истории», 1964, № 5.

конкретном материале теоретических принципов советского источниковедения в целом²⁸⁸.

Для развития советского источниковедения в целом чрезвычайно важное значение имеют исследования отдельных, крупных по своему значению и уникальных по характеру документов. Помимо конкретно-исторического, такие исследования имеют большое методико-источниковедческое значение. На основании таких исследований можно видеть, каким образом методологические принципы и методологические требования советского источниковедения реализуются применительно к конкретному материалу источника. Нельзя не назвать в этой связи исследование С. Н. Валком и Е. А. Луцким ленинского документа «К гражданам России». Большой интерес имеют в указанном плане работы Е. А. Луцкого о ленинском «Декрете о земле». Это редкое по своей полноте, всесторонности и методической разработанности монографическое исследование одного из важнейших источников по истории советского общества²⁸⁹.

Одной из характерных черт развития современной науки является стремление обогатить исследовательскую методiku путем использования методов, применяемых в других областях знания. Этот процесс связан с установлением новых связей между смежными науками, поисками общих методических приемов исследования, возникновением на стыке прежних наук новых, быстро развивающихся отраслей. Развитие советского источниковедения и его связей с другими дисциплинами не составляет в этом отношении исключения. Развиваются в сторону большего взаимопроникновения связи источниковедения и лингвистики. Можно отметить интерес к источниковедению со стороны филологов, что отразилось, в частности, в появлении

²⁸⁸ Курдюков А. А. Принципы внутренней критики мемуаров. (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны, как исторический источник). «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969.

²⁸⁹ Луцкий Е. А. Источники ленинского декрета о земле. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1970.

соответствующих сборников статей, охватывающих проблематику источниковедения и изучения русского языка²⁹⁰. Связи эти могут успешно развиваться на базе источников советского периода. Участие источниковедов в разработке вопросов значения языковых данных, фольклора, художественной литературы, как особых видов исторических источников позволило бы найти ряд аспектов исследования, обогащающих как источниковедение, так и изучение истории культуры советского общества.

На стыке источниковедения и археографии лежит решение ряда существенных проблем. Назовем, например, проблему разработки различных приемов публикации текста массовых источников. В этом случае публикатор осуществляет предварительно некоторые этапы источниковедческого анализа, предоставляя затем возможность исследователю, пользующемуся публикацией, осуществить последующее источниковедческое и историческое изучение документов. В этом случае ступени единого процесса источниковедческого изучения реализуются различными исполнителями. Трудно переоценить при этих условиях значение не только общей методологической базы, но и общих принципов методики и критериев оценки значения соответствующих комплексов источников. В исторической литературе уже поднимался вопрос о том, какое значение имеет наличие источниковедческого предисловия в каждой публикации документов. Только в том случае, когда читателю ясны объем и критерии проделанной составителями источниковедческой работы, он может оценить значение той или иной публикации при работе над темой. Надо заметить, что это условие далеко не всегда выполняется публикаторами источников по истории советского общества. Содержание источниковедческо-археографического предисловия в лучшем случае содержит характеристику значения опубликованных документов, но не принципов их отбора и места данного комплекса документов в общей системе источниковедческой базы истории советского общества.

²⁹⁰ Источниковедение и история русского языка. М., 1964; Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969; См. также *Азбелев С. Н.* Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. «История СССР» 1966, № 4.

Еще одна источниковедческо-археографическая проблема публикации мемуарных источников²⁹¹. При решении задачи выбора и передачи текста мемуарных источников для переиздания, на базе марксистско-ленинских методологических принципов партийности и историзма, важна оценка достоверности и значения того или иного текста как исторического источника.

Тесная связь источниковедения и археографии на большом историографическом материале показана в сборнике статей Д. А. Чугаева²⁹².

Тесная связь собственно источниковедения и всего комплекса архивоведческих проблем в настоящее время очевидна. В 1965–66 гг. началось обсуждение на страницах журналов «Вопросы истории», а затем «Советские архивы» вопросов комплектования и экспертизы документальной базы источников истории советского общества²⁹³.

С недавнего времени на повестку дня выдвигается вопрос о соотношении исторической науки и конкретных социальных исследований. В общей форме этот вопрос уже поставлен в статье В. А. Полетаева, Ю. А. Полякова и В. А. Устинова²⁹⁴. Однако один из существенных и перспективных аспектов этой проблемы еще не привлек к себе внимания. Несомненно, что одним из общих исследовательских аспектов, сближающих эти науки, является источниковедческий. Взаимные контакты и взаимное обогащение проблематики и исследовательской методики исторической науки и конкретно-социальных исследований на базе марксистско-ленинской методологии будут, несомненно, развиваться и в плане теоретического и практического источниковедения. Здесь свое слово должны сказать специалисты в области источниковедения советского общества, работающие

²⁹¹ Голубцов В. С. К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы. В кн.: «Источниковедение истории советского общества». Вып. II. М., 1968.

²⁹² Чугаев Д. А. Археография и источниковедение. М., 1969.

²⁹³ Губенко М. П., Литвак Б. Г. Конкретное источниковедение истории советского общества. «Вопросы истории», 1965, № 1; Селезнев М. С., Черноморский М. Н. Вопросы создания источниковедческой базы по истории советского общества. «Вопросы истории», 1965, № 9.

²⁹⁴ Полетаев В. Е., Поляков Ю. А., Устинов В. А. История, конкретные социальные исследования, кибернетика. «История СССР», 1968, № 4.

с документами современности. Именно они накопили богатый опыт работы с документами советского общества, который может быть использован и в области источниковедческой критики тех материалов, которые изучаются специалистами конкретно-социальных исследований. Ведь вопросы анализа и оценки таких видов источников, как анкетные материалы, периодическая печать, эпистолярные и многие другие документальные материалы решаются как в плане исторического источниковедения, так и конкретно-социальных исследований советского общества²⁹⁵.

Проследив развитие советской историографии источниковедения, становящейся все более разносторонней и многоплановой, важно выделить главные черты, характерные в связи с процессом становления теории источниковедения. Эти черты имеют важное значение для понимания методологических основ, формирующих теорию марксистско-ленинского источниковедения как особую отрасль исторического знания.

На первом плане следует поставить понимание социальной природы исторического источника, осмысление источника как продукта общественного развития, раскрытие первостепенного значения связи между содержанием источника и условиями его возникновения. Этот подход к источнику в общих чертах прослеживается уже в первых советских работах по источниковедению, хотя нельзя не видеть также и известной упрощенности в его понимании в работах тех лет, недооценки всей сложности взаимосвязей содержания источника и социально-политических условий его создания²⁹⁶. Связь источника и исторического

²⁹⁵ Черноморский М. Н. Динамика и социальная структура промышленности в статистике ЦСУ. М., 1965; Ознобишин Д. В. Ленинский свод ответов местных Советов на запрос СНК о заключении Брестского мира. – «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1969; Дмитриев С. С. Личные архивные фонды и значение их исторических источников. «Вопросы архивоведения», 1965, № 3; Елпатьевский А. В. О научно-исторической ценности документов по личному составу. «Советские архивы», 1966, № 4.

²⁹⁶ Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература. В кн.: «Историческая наука и борьба классов. (Исторические очерки, критические статьи и заметки)». Вып. I. М.–Л., 1933; Авдеев Н. Н. О научной обработке источников по истории РКП (б) и Октябрьской революции. «Пролетарская революция», 1925, № 1–2; Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1937; Сафр Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.

процесса наметилась как первичная, как определяющая, и на ее исследование направлялось первостепенное внимание. Обогащенная затем опытом развития советской исторической науки, марксистским анализом источников различных видов, содержания и происхождения, концепция источника как исторического явления нашла свое теоретическое обоснование в советском источниковедении 1940 – начала 50-х годов²⁹⁷. Тезис об источнике как «продукте классовой борьбы» был сформулирован М. Н. Покровским в связи с критикой внеисторического подхода А. С. Лаппо-Данилевского к историографическим явлениям прошлого. Концепция источника как исторического явления в свою очередь была развита в связи с преодолением индивидуально-психологической концепции исторического источника в «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. Принципиальное различие позиций советского и буржуазного источниковедения в понимании природы исторического источника имеет методологический характер. А. С. Лаппо-Данилевский как последовательный теоретик идеалистического источниковедения наиболее четко выразил его принципиальную сторону: идеалистическое источниковедение изучает систему «источник – историк», строит свою теорию, не выходя за ее пределы. В центре внимания «Методологии истории» Лаппо-Данилевского поставлены те свойства и соответствующие им информативные возможности источника, которые восприняты историком как познающим субъектом. В действительности же, природа источника в системе «источник – историк» полностью себя не раскрывает. Несомненно, исследование закономерностей процесса восприятия информации источника – важный элемент теоретического источниковедения. Материалистическое источниковедение придает изучению этих закономерностей все большее внимание. Однако, важно подчеркнуть, что отношение «источник – историк» все же является вторичным и производным в сравнении с отношением «источник – исторический

²⁹⁷ Черетин А. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. ч. I. М., 1948; ч. II. М., 1951; Николаева А. Т. Некоторые вопросы вспомогательных исторических дисциплин в БСЭ. «Исторический архив», 1956, № 2; Данилов В. П., Якубовская С. П. Источниковедение и изучение истории советского общества. «Вопросы истории», 1965, № 5.

процесс». Первичные, объективные свойства источников – его форма и содержание формируются в процессе исторической, социальной действительности, под воздействием тех или иных социальных сил и интересов, но, что принципиально важно, – вне зависимости от целей последующего исторического исследования. Объективный характер информации источника в отношении последующего исторического исследования является принципиальным моментом. С этим свойством источников тесно связана потенциальная возможность объективного познания прошлого через посредство исторических источников, а следовательно, одна из существенных сторон проблемы объективности исторического познания в целом.

Советская историография накопила богатый опыт исследования объективных свойств исторических источников, тех их реальных свойств, которые формируются в процессе возникновения и функционирования источников, под воздействием условий общественного развития.

Изучение источников в связи с социально-экономическими условиями их возникновения сочеталось с анализом структуры источниковедческой базы социально-экономических формаций. В первую очередь развивалось изучение источниковедческой базы истории СССР (учебное пособие М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина,²⁹⁸ программа «Источниковедение истории СССР» Московского государственного историко-архивного института)²⁹⁹. В программе по источниковедению истории СССР закрепилось деление источников по социально-экономическим формациям: намечена структура источниковедческой базы периода феодализма, капитализма, истории советского общества; после долгих исканий был отброшен принцип деления источников в каждой из формаций по их

²⁹⁸ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие. М: 1940; изд. второе, М., 1962; Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. Курс источниковедения истории СССР. М., 1940.

²⁹⁹ Программа курса источниковедения истории СССР. Для Московского гос. историко-архивного института. М., 1957; (Сост. Мерзон А. П., Миронова П. А., Черноморский М. Н.).

содержанию и была избрана закрепленная впоследствии практикой классификация источников по видам³⁰⁰.

Программа по источниковедению Московского историкоархивного института подвела определенные итоги и зафиксировала изучение видовой структуры источниковедческой базы истории СССР по каждой из социально-экономических формаций, в том числе впервые это было сделано для источников по истории советского общества. Каждый из основных, наиболее значительных видов источников вписывался таким образом в общую структуру источниковедческой базы данной социально-экономической формации. Четче вырисовывалось место и значение данного вида источников среди других, прослеживалась перспектива развития видовой структуры источников в ходе исторического развития. Все это послужило импульсом для последующей интенсивной разработки крупных видовых комплексов источников по истории СССР периода феодализма, капитализма и истории советского общества. Исследования А. А. Зимина, А. Ц. Мерзона, И. А. Мироновой, М. Н. Черноморского, посвященные изучению отдельных крупных видовых комплексов источников, раскрывали особенности формы, содержания, информационного значения, разрабатывали методы анализа крупных видовых комплексов источников – писцовых и переписных книг, судебно-следственных, законодательных материалов как источников по истории России, периодической печати, советской статистики и мемуаров как источников по истории советского общества³⁰¹.

³⁰⁰ Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР. «Труды МГИАИ», т. II, М., 1958; Селезнев М. С. О классификации исторических источников в связи с построением курса источниковедения в вузах. В. кн.: «Источниковедение истории советского общества», М., 1964; Николаева А. Т. Теория и методика источниковедения истории СССР. М., 1974.

³⁰¹ Мерзон А. Ц. Писцовые и переписные книги XVI–XVII веков. М., 1956; Мерзон А. Ц. Таможенные книги XVII века. М., 1957; Зимин А. А. Русская публицистика конца XV–XVI вв. М., 1959; Медушевская О. М. Картографические источники XVII–XVIII вв. М., 1957; Миронова И. А. Судебно-следственные материалы первой половины XIX века. М., 1958; Миронова И. А. Периодическая печать конца 50-х – начала 60-х гг. XIX века. М., 1961; Черноморский М. Н. Периодическая печать. М., 1956; он же. Статистические источники. М., 1957; он же. Мемуары как исторический источник. М., 1959.

Появление работ этого плана имело большое значение не только для разработки соответствующих конкретных комплексов источников – актов, публицистики, судебно-следственных материалов дореволюционной России, источников советского периода. Это направление исследований имело теоретико-методическое значение. Оно послужило одним из тех каналов, с помощью которых обогащение теории и методики источниковедения опытом конкретного исследования источников могло развиваться целенаправленно. Сложившись в русле источниковедческой концепции, зафиксированной в программе источниковедения истории СССР Московского историко-архивного института, это направление исследований обнаружило большую жизненность, тенденцию к быстрому росту и вширь и вглубь, – с привлечением все новых видов источников и даже целых отраслей источниковедения, все более направленным исследованием видовых свойств источников, возрастающим вниманием к теоретическому обоснованию исследовательской методики³⁰².

Наиболее полно были исследованы видовые свойства формы и содержания таких видов источников, как акты, картографические материалы, а для источников советского общества – мемуары, законодательные материалы³⁰³.

³⁰² *Аюблицкая А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; *Бескровный А. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957; *Гольденберг А. А.* Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация. Л., 1958; *Стрельский В. И.* Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1962; *Черноморский М. Н.* Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1966; *Млужина Р. С.* Источниковедение нового и новейшего времени. М., 1970; *Логин В. Г.* Военно-исторические источники, их классификация, принципы исследования. М., 1970; *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1973; *Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного театра. Л., 1972; Источниковедение истории СССР XIX – начала XX веков. М., 1970; Источниковедение истории СССР. Под ред. *Ковальченко И. Д.* М., 1973.

³⁰³ *Зимин А. А.* Методика издания древнерусских актов. М., 1959; *Кашинов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.–Л., 1962; *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй. XVIII век. М., 1965; *Гольденберг А. А.*,

Одной из центральных в советской историографии источниковедения является проблема классификации исторических источников как предмета специального исследования. Именно в советской историографии сложилось понимание проблемы классификации как одного из средств познания общих свойств исторических источников. Главное направление этих исследований, при всем многообразии конкретных решений составляет изучение объективных свойств формы и содержания исторических источников, обусловленных их социальной функцией в ходе исторического процесса; за основу классификации берутся объективные свойства источников, сформировавшиеся в процессе возникновения и функционирования документов в ходе исторического процесса. Именно поэтому в качестве первичной основы классификации были отвергнуты принципы деления источников на исторические остатки и исторические предания, столь прочно закрепившиеся в буржуазном источниковедении. Понимание любого источника как социального явления, а следовательно, как остатка своей эпохи снимает возможность использования принципа деления источников на остатки и предания в качестве основы первичной классификации³⁰⁴. Этот подход наметился в работах первых советских источниковедов³⁰⁵.

Медушевская О. М. О методике издания картографических источников. «Исторический архив», 1961, № 4; *Гольденберг А. А.* К вопросу о картографическом источниковедении. – Историческая география России XII – начало XX вв. М., 1975; *Черноморский М. Н.* Работа над мемуарами при изучении истории КПСС. Изд. 2-е. М., 1965; *Курисов А. А.* Приемы внутренней критики мемуаров. (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник). – «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969; *Галузов В. С.* Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970; *Луцкий Е. А.* Источники ленинского декрета о земле. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1970.

³⁰⁴ В то же время, эта классификация в качестве вторичной, в пределах гносеологической функции источниковедческой базы определенной темы, сохраняет свое значение.

³⁰⁵ *Авдеев Н. Н.* О научной обработке источников по истории РКП (б) и Октябрьской революции. «Пролетарская революция», 1925, № 1–2.

Реальные свойства формы и содержания легли в основу видовой классификации источников, в общем виде зафиксированной в программе курса источниковедения истории СССР МГИАИ. Принцип классификации источников по признаку отражения в них реальных фактов, связанных с возникновением источников в основных сферах человеческой деятельности, предложен в статье С. М. Каштанова и А. А. Курносова³⁰⁶.

Проблема типологической классификации источников нашла свое теоретическое обоснование и всестороннюю разработку в исследованиях А. Н. Пушкарева. В основу его исследования положен разработанный автором на базе марксистско-ленинской методологии принцип классификации, учитывающий функции источника как отражения и как воплощения социальной действительности³⁰⁷.

Г. М. Иванов сосредоточивает главное внимание на исследовании гносеологической функции исторического источника. Однако эта проблема исследуется в связи с раскрытием прежде всего социальной природы исторического источника как своеобразной формы отражения и материального носителя информации. Исследование социальной природы источника составляет необходимый первичный этап, дающий основу для последующего изучения гносеологической функции источника в процессе исторического познания³⁰⁸.

Раскрытие социальной природы исторических источников на базе марксистско-ленинской методологии, выявление объективных свойств источников, обусловленных этой социальной природой, явились ведущим направлением в советском теоретическом источниковедении, однако, не исчерпывающим. Исследования советских ученых ведутся, и все более интенсивно, в

³⁰⁶ Каштанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. – «Исторический архив», 1962, № 4.

³⁰⁷ Пушкарев А. Н. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1969; *он же*. Исторический источник в свете ленинской теории отражения. В кн.: «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М., 1970.

³⁰⁸ Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1972.

направлении изучения гносеологической природы исторического источника. Осуществляется изучение закономерностей и взаимосвязей системы «источник – исторический процесс» и системы «источник – историк». В системе «источник – историк» выявляется ряд новых свойств исторического источника, в тесной связи с закономерностями их восприятия исследователем.

Непосредственная цель теоретического источниковедения – дать научное обоснование методов исследования исторических источников. Это научное обоснование опирается на объективные свойства источников, являющихся функцией их социальной природы, и, с другой стороны, обусловлено гносеологической природой источника и закономерностями его восприятия исследователем. Методологическую основу научного обоснования методов исследования дает марксистско-ленинская методология, диалектический и исторический материализм. Особое методологическое значение приобретает изучение исследовательских методов основоположников марксизма-ленинизма. В советской историографии впервые поставлено и успешно и многогранно развивается это направление исследований (работы В. К. Яцунского, А. В. Черепнина, Б. Г. Литвака, Е. Н. Городецкого, М. В. Печкиной, Е. А. Луцкого).

Перспективно развитие такого направления и в историографии источниковедения, когда изучается непосредственно сам процесс исторического исследования, когда предметом изучения являются основные этапы анализа и критики источников, рассматриваемые в качестве единой системы. В этом направлении некоторый опыт накоплен был уже к концу 20 – началу 30-х годов, когда в работах С. Н. Быковского, Г. П. Саара, А. В. Шестакова прослеживались основные этапы изучения источников и раскрывалась методика³⁰⁹. В этом плане была задумана и работа А. Ц. Мерзона об основных этапах источниковедческой критики. Первая специальная книга, посвященная этому вопросу,

³⁰⁹ Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930; Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931; Шестаков А. В. Методика исторического исследования. (Из опыта для опытов). Воронеж, 1929.

принадлежит В. И. Стрельскому. Методика исторического исследования в области работы с историческими источниками анализируется в работе А. П. Пронштейна. О значении этого направления исследований говорит, в частности, тот факт, что все работы этого плана вызвали к себе самое пристальное внимание, обсуждение в печати этих работ по существу вылилось в дискуссии по вопросам методологии и методики исторического исследования³¹⁰.

Методы работы с источником и содержание основных этапов источниковедческого анализа освещаются в новых источниковедческих работах. Много внимания вопросам теории и методики источниковедения уделяет в своей работе М. А. Варшавчик; в основном в плане методики раскрывается источниковедение новейшей истории в работе И. Я. Биска³¹¹.

С конца 1950-х – начала 60-х годов теория как предмет специального исследования выделяется из общей историографии советского источниковедения. Теоретические исследования этого периода характеризует направленность к решению крупных, методологических в основе своей, проблем. Центральной остается проблема соотношения идеалистического и диалектико-материалистического источниковедения, причем она воспринимается как проблема многоплановая, сложная, требующая многообразных исследовательских средств ее решения. Очевидна тяга к историографическому аспекту исследования проблеме теории и методики работы с источниками. Успешно развивается процесс критического переосмысления обобщенного в историографии источниковедения опыта исторической науки в области теории и методики работы с историческими источниками, – в этом плане подвергается анализу как русская

³¹⁰ Мерзон А. Ц. Основные задачи критики исторических источников. М., 1958. Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961; *он же*. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968; Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971.

³¹¹ Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973. Биск И. Я. Курс лекций по историческому источниковедению новой и новейшей истории Тамбов, 1971.

дореволюционная, так и советская и зарубежная историография источниковедения. Связь теоретического и историографического аспекта в современных работах советских историков четко выражена. Взаимосвязанные вопросы теории и историографии источниковедения выступают в работе В. П. Данилова и С. И. Якубовской³¹². Ими освещен вопрос о связи методологии и методики в буржуазной историографии; о возможности использования достижений последней в области работы с источниками; видное место занял анализ советской историографии с точки зрения ее методов источниковедческого анализа и стоящих в связи с этим задач; рассматриваются новые работы советских историков по методике анализа источников советского периода. С. И. Якубовской были рассмотрены некоторые итоги развития теоретического источниковедения в советский период³¹³.

Видное место занимают историографические вопросы в связи с изучением теории и методики анализа актов, законодательных, картографических, и иных видов источников³¹⁴.

Монографическое изучение историографии русского источниковедения XVIII века осуществлено А. Т. Николаевой.

³¹² Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества. «Вопросы истории», 1961, № 5.

³¹³ Якубовская С. И. Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период. – «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР». М., 1962.

³¹⁴ Капитанов С. М., Курносоев А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. «Исторический архив», 1962; № 4; Капитанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970; Макаров М. К. О принципах классификации письменных источников (историография вопроса). «Труды МГИАИ», т. 16. М., 1961; Стрельский В. П. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968; Селезнев М. С. О классификации исторических источников в связи с построением курса источниковедения в вузах. – «Источниковедение истории советского общества», М., 1964; Мухомин Р. С. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970. Луцкий Е. А. Источники ленинского декрета о земле. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1970; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973; Гольденберг А. А. К вопросу о картографическом источниковедении. – «Историческая география России. XII – начало XX вв.», М., 1975.

Вопросы историографии освещаются в ряде учебных пособий в связи с вопросами теории и методики советского источниковедения³¹⁵. Монографическое исследование проблемы классификации в связи с анализом русской дореволюционной и советской историографии осуществлено А. Н. Пушкаревым³¹⁶. В. В. Фарсобин рассматривает отечественную историографию предмета и задач источниковедения³¹⁷. Большой историографический материал использован А. П. Пронштейном в его книге по методике исторического исследования. Советская историография истории СССР периода феодализма анализируется им здесь с точки зрения исследовательских приемов, применяемых в работе с источниками³¹⁸. Тесная связь теоретического и историографического аспектов характерна для работ С. О. Шмидта. Обращение к современной историографии служит задаче показать современное теоретическое источниковедение в системе современной науки в целом, раскрыть многообразие его связей, обусловленное сложностью природы исторического источника и диалектики процесса его познания³¹⁹. Именно в овладении более глубоким прочтением источника главным образом и прежде всего (а не только в обращении к новым категориям источников), подчеркивает автор, проявляет себя подлинно научное мышление исследователя³²⁰.

³¹⁵ Николаева А. Т. Русское источниковедение XVIII века. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1968; Николаева А. Т. Краткий очерк развития источниковедения в XVIII веке. М., 1962; Николаева А. Т. Вопросы историографии русского источниковедения XVIII–XX веков. Учебное пособие. М., 1970; Николаева А. Т. Теория и методика советского источниковедения. М., 1975.

³¹⁶ Пушкарев А. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

³¹⁷ Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения. Историографические заметки. – «Источниковедение истории советского общества». Вып. II. М., 1968.

³¹⁸ Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971.

³¹⁹ Шмидт С. О. Теоретические проблемы источниковедения. – «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969.

³²⁰ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973, с. 10.

Если на первых порах вопросы теории и методики источниковедения дискутировались, главным образом, в кругу историков, то в настоящее время проблематика исторического источника и его гносеологические функции разрабатываются представителями и других общественных наук, прежде всего философской³²¹. Очевидна взаимосвязь теоретического источниковедения с практикой исторического исследования, со всем опытом развития советской исторической науки. Вместе с тем, характерна и другая, существенная для данной отрасли знания особенность: взаимосвязь теоретических исследований не только с практикой изучения источников, но и с практикой преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Известно, какое большое значение имело создание курса источниковедения М. Н. Тихомировым и С. А. Никитиным, работа над программами курса источниковедения истории СССР в Московском государственном историко-архивном институте в 1940–50-х гг., обсуждение структуры курса источниковедения истории КПСС и новой и новейшей истории. Они наметили ряд направлений последующих теоретических и методических исследований³²². Эта взаимосвязь преподавания и научно-исследовательской работы в области источниковедения обогащается и развивается в настоящее время, когда в этом направлении работают не только научные коллективы, известные своими достижениями, как МГИАИ, МГУ, ЛГУ, Киевский, Ростовский государственные университеты, но и ряд новых научных центров.

Теория источниковедения как самостоятельная отрасль исторического познания возникла и сложилась на базе марксистско-ленинской методологии в советской исторической науке. Теоретико-методическая основа источниковедения была заложена в советской науке еще в период ее становления, и в ходе

³²¹ *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; *Уваров А. П.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.

³²² См. также *Проппштейн А. П.* Об университетском курсе источниковедения истории СССР. «Вопросы истории», 1976, № 1.

последующего развития непрерывно обогащалась опытом историков в области работы с историческими источниками; теория и методика советского источниковедения развивалась в процессе критического преодоления буржуазной методологии истории и творческого переосмысливания всего ценного, что накопила русская и зарубежная историография за время своего существования. Как самостоятельная отрасль исторического познания, теория источниковедения формируется в советской науке в конце 50 – начале 60-х годов. В настоящее время теорию источниковедения как особую отрасль исторического познания характеризует ряд существенных черт и тенденций развития. Характерны нарастающие темпы роста исследований по теоретико-методологическим проблемам источниковедения, рассматриваемых в качестве предмета специального исследования; масштабность методологической по своей сути проблематики исследований, в числе которых в центре внимания такие проблемы, как изучение социальной и гносеологической природы исторического источника; соотношение методологии и методики в системе методов исторического исследования; решение проблем классификации и достоверности, анализа содержания, интерпретации в свете ленинской теории отражения действительности в историческом источнике; историографичность подхода к решению проблем теории, выражающаяся в органической связи теоретического и историографического анализа проблем теории источниковедения; как всякую науку, находящуюся в стадии быстрого развития, ее характеризует антиномичность, дискуссионность ряда крупных теоретико-методических вопросов.

Интеграционные процессы находят свое выражение в развитии такого определяющего направления в теории источниковедения, каким является изучение исследовательских методов работы с источниками основоположников марксизма-ленинизма.

Формирование теории источниковедения в советской исторической науке осуществилось, и в настоящее время эта отрасль успешно развивается.

3. Основные проблемы теоретического источниковедения

Методологическую основу для изучения процесса познания прошлого при посредстве исторических источников дают произведения основоположников марксизма-ленинизма. Принципиальное значение имеет в этой связи изучение научной лаборатории К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В этом направлении исследований советская историография имеет большой опыт. Для теоретического источниковедения особенно важно ленинское методологическое положение о привлечении всей совокупности фактов как фундамента социального исследования³²³. Это положение имеет непосредственную связь с проблемой формирования источниковедческой базы социального исследования, оно обуславливает необходимость ее всесторонности, полноты, создает критерии в борьбе против односторонности и субъективистского произвола в работе с историческими документами. Ленинский подход к социальным явлениям и процессам отражает органическое единство научной объективности и принципиальной оценки их с позиций рабочего класса³²⁴.

Изучение произведений В. И. Ленина как методологической базы общественных наук имеет основополагающее значение. Каждый этап развития советской исторической науки связан с освоением все новых сторон ленинского теоретического наследия. В настоящее время можно говорить о становлении в советской историографии такого направления, которое имеет своим предметом изучение произведений В. И. Ленина с точки зрения применяемых им исследовательских методов, ленинской научной лаборатории.

Изучение ленинской методологии исследования общественных явлений приобретает особое значение в связи с общим ходом развития социальных наук. Вопросы методологии

³²³ Ленин В. И. Статистика и социология. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

³²⁴ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969, с. 5.

науки, поиски наиболее эффективных методов социального исследования привлекают к себе все большее внимание. Перед общественными науками стоит задача всестороннего изучения социальной действительности, процессов развития современного общества. В связи с той большой конструктивной работой и той идейной борьбой, которую ведет марксистско-ленинская наука с буржуазной историографией, с особой остротой встает вопрос о еще более глубоком и всестороннем изучении ленинских методов анализа социальной действительности, явлений прошлого и современности.

Характеризуя такой ценнейший источник, как переписка К. Маркса с Ф. Энгельсом, В. И. Ленин подчеркнул методологическое единство ее содержания, выразившееся в применении материалистической диалектики к изучаемым явлениям и процессам. Эта постановка вопроса имеет принципиальное значение для изучения теоретического наследия В. И. Ленина с точки зрения его методов анализа общественных явлений. Методологическое единство диалектико-материалистического подхода к социальным явлениям и процессам раскрыто в теоретических положениях ленинских трудов, оно реализовано в его практике конкретно-исторического анализа социальной действительности, проявляется во всем богатстве и разнообразии. Творческое изучение ленинской научной лаборатории является важнейшей задачей советских историков.

В советской историографии подняты и изучаются многие проблемы, непосредственно связанные с изучением ленинской научной лаборатории. Советские историки, а также философы и представители других общественных наук создали ряд монографий и статей, в которых рассматриваются следующие проблемы: применение и развитие категорий диалектического материализма к социальным явлениям и процессам в трудах В. И. Ленина (главным образом, в связи с ленинской теорией отражения, с проблемой диалектики субъекта и объекта в историческом познании); применение и развитие категорий исторического материализма (ленинский принцип партийности; принцип историзма; классовый анализ; категория социально-экономической формации); методы получения информации о

социальных явлениях (отыскание источников, методика конкретно-социального исследования, непосредственное наблюдение); ленинские методы работы с историческим источником (ленинская источниковедческая база, его методы проверки достоверности, научной критики и интерпретации источников; методика работы с источниками различных видов – печатью, статистикой, законодательством и др.); ленинские методы работы с фактическим материалом социального исследования (методологическое требование привлечения всей совокупности фактов как фундамента социального исследования; применение статистического анализа); приемы изложения результатов социального анализа (язык и стиль; система сравнений и образов, применение таблиц и графиков); ленинские критерии оценки методов публикации источников.

В произведениях В. И. Ленина нашли теоретическое обоснование и практическое воплощение требования материалистической диалектики применительно к социальным явлениям и процессам. Исключительно важное значение имеет в этом вопросе ленинское указание о всесторонности исследования явления во всех его связях и опосредствованиях, анализе явления в его развитии, выявлении за внешним и кажущимся сущности. Методологическое требование изучения социальных фактов «в их целом, в их связи» подчеркивается в работе В. И. Ленина «Статистика и социология»³²⁵.

В свете этого методологического требования в советской историографии рассматриваются актуальные проблемы работы с историческим источником. Для исторической науки и источниковедения является принципиально важным раскрытие прямой связи между положением об использовании всей совокупности фактов и задачей привлечения к исследованию всей совокупности источников. С особой значимостью в этой связи встает задача изучения научной лаборатории Ленина. Труды В. И. Ленина дают образцы таких методов исследования, которые формировались в свете указанного критерия всесторонности охвата всех сторон и связей изучаемого явления.

³²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350–351.

Советское источниковедение расширяет свою проблематику и обогащает методiku, стремится все более глубоко овладеть ленинскими методами исследования. Произведения В. И. Ленина дают методологическую основу для изучения общественных явлений при посредстве исторических источников. Они дают могучее оружие в борьбе против буржуазной философии истории, спекулирующей на трудностях исторического познания.

Разработка методологических и историографических проблем исторической науки приобретает особое значение на современном этапе в связи с возрастанием роли общественных наук³²⁶.

Нельзя не учитывать актуальность вопросов теории источниковедения в связи с состоянием современной буржуазной историографии, спекулирующей на трудностях работы с источником, когда сама возможность достижения исторической истины подвергается атакам со стороны представителей современной идеалистической философии истории.

Нельзя понять специфику споров вокруг проблемы исторического метода, если не принимать во внимание явные признаки кризиса буржуазной исторической науки, ищущей и не находящей ответа на волнующие вопросы современности. Для современной историографии характерно стремление преодолеть разрыв между исторической наукой и философией истории, который был типичен для позитивистского понимания задач историка, сводившего методологические проблемы до уровня «техники» исследовательской практики. Жизнь неодолимо требует ответа на вопрос о характере исторического процесса, о социальном смысле истории как науки, о месте историка в жизни общества. Однако все большее число историков убеждается в том, что, оставаясь в рамках буржуазной методологии, нельзя получить ответы на эти вопросы. Ни узкая догма позитивистской концепции, ни релятивистские попытки

³²⁶ О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве. Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. – «Справочник партийного работника», вып. 8, М., 1968, с. 245. XXV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1, М., 1976, с. 98–99.

подменить научное знание иррациональным порывом «симпатии» к историческому объекту не могут удовлетворить ученого, которого практика ежечасно заставляет преодолевать величайшие трудности изучения и критики источников, решать сложнейшие методологические проблемы интерпретации исторических фактов и воссоздания их связей. Только на базе исторического материализма методология истории становится научной. Выявление методологических корней ошибок буржуазной историографии при решении конкретных вопросов, касающихся работы над источником, является одной из важных задач марксистско-ленинской методологии истории.

Содержание и направление развития теории источниковедения в советской исторической науке определяется объективной природой исторического источника и его пониманием на методологической основе диалектического и исторического материализма. Это, прежде всего, вопрос о природе исторического источника, о природе тех свойств исторических источников, которые делает возможным применение к ним научных методов исследования. Источниковедение разрабатывает методы получения из источников возможно более полной и достоверной информации о социальных явлениях и процессах. В разработке этих методов оно опирается на объективно существующие общие свойства источников, позволяющие применить к ним соответствующие общие методы исследования. Но откуда возникают у источников общие свойства? В реальной социальной действительности они возникают как частный случай проявления общих свойств и закономерностей развития социальных явлений и их отражения в сознании людей. Марксистско-ленинская социология, раскрывая закономерный характер развития социальных процессов, создает методологическую основу для выявления и изучения общих свойств исторических источников.

На базе научной методологии можно предвидеть объективное существование общих свойств определенных категорий источников, изучать их свойства и на этой основе строить теорию и методику их выявления, разрабатывать научные методы их исследования. Напротив, отрицание объективно существующих

закономерностей развития социальных явлений не оставляет возможности научно обосновать методы исследования источников. Ведь если социальные явления специфичны и неповторимы, то нельзя предполагать и повторяемости общих свойств исторических источников. При отсутствии же общих свойств нельзя говорить и о методах изучения источников. Поскольку речь идет об источниковедении, об изучении источника, в первую очередь решается вопрос о его природе, объективных свойствах и закономерностях формирования. Исследовать источник, являющийся результатом целенаправленной человеческой деятельности, возможно лишь исходя из того, какими причинами было вызвано появление этого источника, какое место он занимал в ходе исторического процесса. Без понимания объективных закономерностей, вызвавших к жизни данный источник и соответственно отразившихся в его содержании, понять и истолковать содержание источника невозможно. Из этого следует, что возникая в ходе исторического процесса и в то же время являясь объектом изучения, исторический источник воплощает в себе неразрывное единство истории как процесса и научного исторического познания. В марксистско-ленинском источниковедении понимание природы источника и методологии исторического процесса неразрывно связаны, открывая тем самым неограниченные возможности развития подлинно научной теории и методики работы с историческим источником.

Марксистско-ленинское источниковедение рассматривает источник в его связях с исторической реальностью прошлого, а также изучает взаимосвязи источника и познающего субъекта – историка. Уже в период становления советского источниковедения исследование взаимосвязей первого порядка наметилось как главное и определяющее. В последующий период развития советской исторической науки эта тенденция нашла свою более полную реализацию. Большое место в работах советских историков заняло раскрытие связей источника с историческим процессом, выявление тех свойств источника, которые формируются в связи с условиями возникновения. Преимущественное внимание к взаимосвязям источника и исторического процесса не было случайным явлением. В его основе лежала

принципиальная методологическая посылка – объективный характер исторического познания. Диалектический материализм исходит из понимания объективного характера исторического процесса по отношению к познающему его субъекту – историку. Исторический источник также, прежде всего, должен быть понят как историческое явление, существующее независимо, объективно по отношению к познающему его субъекту-историку. По этой линии шло размежевание советского источниковедения с буржуазным.

В условиях современной борьбы с буржуазной философией истории особую важность имеет правильный методологический подход к проблеме соотношения исторического прошлого и изучающего его исторического познания. В современной буржуазной философии имеет место отрицание объективного характера объекта исторического познания, который, якобы, существует только в сознании познающего его субъекта. Философ из ГДР Г. Крюгер подчеркивает большую актуальность проблемы соотношения исторического прошлого и исторического познания в свете борьбы с идеалистической философией истории³²⁷. Болгарский философ Н. Ирибаджаков также отмечает, что отправной точкой идеалистических теорий исторического познания является отрицание объективной реальности предмета исторического познания – исторического развития общества как реального, объективно протекающего процесса, вне и независимо от сознания познающего субъекта³²⁸.

В этом вопросе важно показать объективный характер исторического источника, исследовать процесс формирования той информации, которая в нем закладывается с учетом назначения и практических задач, ставившихся в момент создания источника, проследить образование тех особенностей формы и содержания, которые существуют объективно, независимо от сознания историка.

³²⁷ Крюгер Г. Философские принципы марксистской исторической науки и буржуазная философия истории. «Научные доклады высшей школы. Философские науки». 1972, № 2.

³²⁸ Ирибаджаков Н. Ключ перед судом буржуазной философии (перевод с болгарского). М., 1972, с. 255.

Классификация широко используется в различных отраслях как средство уточнения понятий, которыми оперирует наука³²⁹. В источниковедении разработка проблем классификации углубляет представления о природе исторического источника и тем способствует теоретическому обоснованию общей и видовой методики. Нетрудно видеть, что изучая отдельный источник, историк сосредоточивается на установлении его происхождения, авторства, подлинности. Он занят проверкой достоверности, оценивает возможности использования именно данного источника для освещения конкретных проблем. Общие, повторяющиеся свойства источника, в данном случае не привлекают его внимания сами по себе. Он использует свои представления об этих общих свойствах для того, чтобы глубже понять особенности данного объекта, его специфику. Так накапливается опыт изучения конкретных источников, без которого невозможен прогресс в источниковедении. Но не менее важным является и другой аспект исследования – выявление общих свойств источников и тех причин в силу которых они возникают. И в этом смысле анализ существующих классификационных схем и разработка новых способов группировки могут оказаться весьма поучительными.

Обратимся к примеру деления источников на остатки и предания. Известный буржуазный источниковед Э. Бернгейм, кладя в основу классификации степень близости источника к тем фактам, о которых он рассказывает, делил источники на три группы: личные наблюдения, остатки и предания³³⁰. В дальнейшем в буржуазном, в особенности немецком источниковедении, прочно закрепилось деление на остатки и предания. Договорная грамота – остаток, рассказ летописи об этом договоре – предание, поскольку событие предстает здесь в том виде, в каком оно преломилось в сознании и памяти современников. Эта классификация отразила определенный уровень буржуазной исторической науки, ее методологические представления

³²⁹ Розова С. С. Научная классификация и ее виды. «Вопросы философии», 1964, № 8, с. 79.

³³⁰ Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908, с. 34–48.

об историческом факте и природе исторического источника. В действительности дело обстоит много сложнее и уложить все многообразие остатков человеческой деятельности в прокрустово ложе негибкой двухчленной схемы не представляется возможным. Ведь и летопись прежде всего надо понять как остаток своей эпохи, с ее целями, идеалами и политическими страстями, чтобы судить о «преданиях», пересказанных летописцем. Вопрос состоит в методологической позиции историка. Удовлетворит ли его канва поверхностной событийности, пусть прилежно выверенная тщательным сопоставлением источников, или он стремится за причудливой игрой внешних событий разглядеть глубинные течения в потоке исторического процесса? Ведь по-разному можно прочесть один и тот же источник, и это выразил в своем споре с С. Ф. Платоновым В. О. Ключевский, когда писал, что «исторические факты – не одни события. Идеи, взгляды, чувства, впечатления – тоже факты и очень важные»³³¹.

В советском источниковедении деление источников на остатки и предания не может быть положено в основу общей классификации. Это противоречило бы подходу к источнику как к историческому явлению, органически связанному со своим временем, его «остатку». Не существует источников, являющихся только преданиями, и почти не существует также источников, являющихся только остатками. В каждом из них сочетается прямая и косвенная информация.

Именно поэтому проблема «остаток – предание» не может быть отброшена вместе с соответствующей классификационной схемой. Потому что здесь буржуазное источниковедение, пусть односторонне, затронуло сложнейшую проблему отражения действительности в историческом источнике. Специфика отражения действительности в источнике почти не исследована теоретически хотя интуитивно она ощущается и практически учитывается историком в процессе исследования. Суть ее состоит в том, что информация, намеренно включенная составителем в источник и прошедшая таким образом через его

³³¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VII. М., 1959, с. 441.

сознание, составляет лишь часть той информации, которую источник доносит до историка о своем времени. Мемуарист, озабоченный тем, чтобы с желаемой степенью достоверности информировать потомков о прошлом, часто забывает о том, что прежде всего он оставляет им таким образом собственный и притом неприкрашенный портрет. Но именно этот портрет и есть самое достоверное, что содержится в мемуарах и делает их ценнейшим источником, человеческим документом.

Сложнейшее переплетение намеренной информации с непроизвольным свидетельством о времени, которое в нем отразилось, и создает то, что источниковеды называют содержанием источника. Возвращаясь к источнику на новом уровне развития общественных наук, исследователь обнаруживает в нем иные грани, освещающие, казалось бы, навсегда утраченные явления прошлого.

Исследование общих свойств больших комплексов источников (виды, фонды и др.) и разработка методов их изучения имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, отвечая задачам современной науки. Старое буржуазное источниковедение разрабатывало методы работы с единичным, уникальным по своему характеру источником. В настоящее время, в особенности в связи с изучением проблем новой и новейшей истории, на первый план выдвигается задача разработки методов исследования массовых источников. Выявление исторических закономерностей, действующих в пределах определенных общественно-экономических формаций, путем расширения зоны количественного анализа явлений составляет тенденцию современных общественных наук (напомним, например, о социалистических исследованиях современного общества). Советские историки изучают в этом плане пути обобщения данных массовых источников, методы их исследования, статистико-математической обработки. Поиски методов, расширяющих зону количественного анализа в исторической науке, ведутся и за рубежом. Все это ставит перед советским источниковедением новые сложные задачи теоретико-методического обоснования приемов анализа массовых источников. Лишь после предварительного выяснения достоверности, однородности и сопоставимости может быть начата статистическая обработка и обобщение

количественных данных. Советская источниковедческая теория стоит перед новыми большими задачами и в связи с проблемой научного обоснования критериев ценности документальных источников и комплектования архивно-документальной базы истории советского общества.

Для советского источниковедения изучение исторического источника как продукта своей эпохи и исследование его объективных свойств, возникших в ходе исторического процесса, стало задачей на долгие годы. Важно было понять отдельный источник как часть целого – всей источниковедческой базы, составляющих ее элементов, ее структуры. Этой задаче служили усилия многих советских историков. Большую роль сыграли учебные пособия по источниковедению. Учебное пособие М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина (в двух томах) ставило своей задачей «дать обзор и критику важнейших письменных, источников по истории СССР и их основных видов»³³². Удачно выбранный видовой принцип позволил дать характеристику основного корпуса источников по истории СССР с древнейших времен до 90-х годов XIX века. Был применен на практике основной принцип советского источниковедения – источники характеризовались в связи с теми конкретно-историческими условиями, в которых они создавались. В результате выяснилось содержание каждого вида источника, становилось возможным его понимание и оценка значения для исторического исследования. Видовая структура, хотя и не всегда последовательно проведенная, способствовала концентрации внимания на крупных видовых категориях источников, дальнейшей разработке видовых методик их исследования.

Для выработки общей перспективы состояния источниковедческой базы по истории СССР для всех социально-экономических формаций большое значение имела проведенная кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института работа над программой по источниковедению, которая про-

³³² Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1. М., 1940; Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX века, (до начала 90-х годов). Т. 2. М., 1940, с. 3.

должалась в течение ряда лет. К ней были привлечены крупные специалисты-историки. В результате была определена видовая структура источниковедческой базы истории СССР, что значительно облегчило в дальнейшем создание пособий по видовому принципу и разработку видовых методик работы с источниками по истории СССР периода феодализма, капитализма и истории советского общества³³³.

Источниковедческая база истории Западной Европы в эпоху феодализма была охарактеризована в пособии А. Д. Люблинской. Она поставила задачу выявить закономерности появления и развития тех или иных видов исторических источников в тесной связи с общим ходом развития стран Западной Европы в эпоху феодализма³³⁴. Изучение состояния и видовой структуры источниковедческой базы крупных исторических периодов и целых социально-экономических формаций было продолжено в ряде учебных изданий, в том числе: по источниковедению истории СССР периода империализма – В. И. Стрельского, источниковедению истории советского общества – М. Н. Черноморского, источниковедению новой и новейшей истории – Р. С. Мнухиной. В плане исследования природы исторического источника большой интерес представляют работы по проблеме классификации источников. В центре внимания при этом оказываются общие свойства источника, могущие послужить основанием общей схемы классификации – видовые свойства, происхождение, содержание.

В советском источниковедении разработка проблем классификации способствовала углублению представлений о природе исторического источника и тем самым исследованию общих и видовых свойств исторических источников.

Среди вторичных классификационных признаков, выдвинутых в советской историческо-исторической литературе, видовой принцип оказывается наиболее жизненным. Элементы

³³³ Источниковедение истории СССР. Программа курса источниковедения для Московского гос. историко-архивного института. М., 1954; см. также *Яцунский В. К.* К вопросу о классификации источников в курсе источниковедения истории СССР. – «Труды МГИАИ», т. 11. М., 1958.

³³⁴ *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.

видового построения можно найти в учебных изданиях В. И. Пичета, Г. П. Саара, С. Н. Быковского. С. Н. Валк придавал большое значение видовым особенностям источников в своих работах 1920-х годов. Видовая методика исследования разрабатывалась в ряде статей таких изданий, как сборник «Вспомогательные исторические дисциплины» и в первых выпусках «Проблем источниковедения»³³⁵. Постепенно накапливается материал для наблюдений над общими свойствами видовых комплексов исторических источников.

Большую роль в развитии конкретного источниковедения вообще и видовых исследований в частности сыграло возобновленное в 1955 году издание «Проблемы источниковедения». В это издание включен ряд исследовательских статей по вопросам конкретного источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Издание сосредоточило внимание на проблеме изучения приемов работы с источниками в произведениях основоположников марксизма-ленинизма. Это направление имело принципиальное значение для развития теории и историографии источниковедения. Был поставлен вопрос о развитии источниковедения истории советского общества, велась конкретная разработка источников советского периода. Постепенно отрабатывалась структура источниковедческого исследования в его отличии от исторического, уточнялись критерии оценки – все эти вопросы привлекали внимание при обсуждении в печати новых источниковедческих изданий³³⁶. Структура источниковедческих исследований, принятая в издании «Проблем источниковедения», привлекла также внимание польских историков.

Видовой принцип использовался в практике преподавания источниковедения в вузах³³⁷. Однако теоретического обоснования

³³⁵ «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. М.–Л., 1937; «Проблемы источниковедения», вып. 1–3. М.–Л., 1933–1940.

³³⁶ Новосельский А. А. Рецензия на седьмой том «Трудов МГИАИ». – «Исторический архив», 1955, № 4, с. 233–235; Кашистанов С. М. Важное источниковедческое издание. «Вопросы истории», 1968, № 10, с. 134–139.

³³⁷ Мнухина Р. С. Источниковедческие истории нового и новейшего времени. М., 1970; см. также рецензию Кривогуз П. М. на это издание. «Вопросы исто-

этого классификационного принципа в советской историографии не было. Это, в частности, отмечали В. П. Данилов и С. И. Якубовская в связи с анализом состояния источниковедения истории советского общества³³⁸. А. Н. Пушкарев, констатируя, что видовая классификация «является» наиболее распространенной и широко утвердившейся в советской исторической науке», в то же время отмечал, что «особенно уязвимо определение вида исторического источника»³³⁹. Опыт определения вида сделали С. М. Каптанов и А. А. Курносов³⁴⁰. М. К. Макаров определяет вид «как исторически сложившийся комплекс исторических памятников, объединенных единством цели создания, то есть назначения в историческом процессе, характером (названием), формуляром, аналогичными приемами исторической критики, формой, внутренним содержанием, специфическими особенностями»³⁴¹.

Вид источника может быть определен в свете того понимания природы исторического источника, которое сложилось в марксистско-ленинском источниковедении. История есть, как известно, «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»³⁴². Источники возникают в ходе этой целенаправленной деятельности первоначально как облеченные в материальную форму средства для достижения определенных целей, удовлетворения духовных и материальных общественных потребностей. Всякое создание человеческих рук и разума имеет свое определенное практическое назначение. Плуг предназначен

рин», 1972, № 4; *Варшавчик М. А.* О некоторых вопросах источниковедения истории КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; *он же.* Предмет и задачи источниковедения истории КПСС. М., 1967.

³³⁸ *Данилов В. П., Якубовская С. И.* Источниковедение и изучение истории советского общества. «Вопросы истории», 1961, № 5, с. 7.

³³⁹ *Пушкарев А. Н.* Вопросы классификации источников в русской исторической науке. «История СССР», 1963, № 5, с. 90.

³⁴⁰ *Каптанов С. М., Курносов А. А.* Некоторые вопросы теории источниковедения. – «Исторический архив», 1962, № 2.

³⁴¹ *Макаров М. К.* К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР», «Груды МГИИАИ», т. 17. М., 1963, с. 11–12.

³⁴² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е, т. 2, с. 102.

для пахоты, стул – для сиденья, бусы – для украшения. Создатели этих произведений имеют в виду прежде всего их прямое назначение, мало задумываясь над тем, как отразится в них технический, культурный, эстетический и любой иной аспект времени и общественных отношений. Поскольку потребности общества удовлетворяются не единичным, но многократным воспроизведением определенных произведений, общие признаки предмета, обусловленные его назначением, отрабатываются все более четко. То общее, что позволяет объединить, например, все стулья в один «вид», определяется теми свойствами этого предмета, которые обусловлены его назначением. Между памятниками материальной и духовной культуры существует в этом отношении известная аналогия. Ряд свойств письменных памятников также определяется их назначением. Чем чаще повторяется потребность, практическая цель, тем чаще возникают произведения соответствующего назначения и тем более четко вырабатываются и закрепляются общие свойства этих произведений, обусловленные их назначением. Эта зависимость и выделяется нами как главная для определения понятия вида. Видом мы называем такую группу памятников, которая имеет устойчивую общность признаков, возникающих и закрепившихся в силу общности функций этих памятников в жизни общества³⁴³.

Рассмотрим свойства вида, вытекающие из данного понятия. Практические цели, вызвавшие к жизни те или иные виды источников, могут быть обусловлены весьма различными разнорядковыми закономерностями общественного развития. В этой связи возможны и действительно существуют очень разнообразные виды источников. Видом источника, обслуживающим очень давнюю и устойчивую потребность в обмене письменной информацией, являются письма, эпистолярные источники. Другие виды источников связаны с существованием лишь опре-

³⁴³ Это определение приведено нами в статье «Сборник, подготовленный историками ГАР, и вопросы источниковедения». «Советские архивы», 1968, № 4; см. также *А. П. Проппетин*. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971, с. 30–31.

деленных форм общественных отношений. Таковы, например, акты, оформляющие права собственности на орудия и средства производства. Возникновение некоторых видов связано с определенным уровнем развития общественного сознания (летописи, хроники) или технического прогресса (карты, технические чертежи). Это приводит к огромному разнообразию видов источников, многие из которых распадаются на бесчисленные подвиды (с сохранением, однако, главного отличительного признака). В процессе деятельности государственных учреждений России XVIII–XIX веков находим разнообразные виды деловой документации, создание которых связано с наличием строго установленных форм канцелярского делопроизводства, знаков удостоверения, особого делового языка и т. д. В тех случаях, когда устойчивость структуры и внешней формы источника особенно важна в практических целях, она устанавливается юридически. Эта устойчивость структуры, способов утверждения, воспроизведения, терминологии особенно хорошо прослеживается на примере такого наиболее четко сложившегося вида источников, каким являются акты.

Акты представляют собою источники, возникшие в результате часто повторяющихся потребностей обслуживания определенных общественных отношений. Поэтому они превратились в многочисленные виды массовых источников с четко выраженными общими признаками. Однако наряду с такими массовыми видами могут существовать и памятники уникального характера, не имеющие себе подобных в силу специфичности условий своего возникновения. Процесс возникновения, развития и исчезновения определенных видов источников представляет несомненный интерес.

Может статься, что при систематизации источников отдельной страны некоторые памятники с видовой классификацией окажутся стоящими одиноко. «Русская правда» в видовой структуре источников по истории русского феодализма не создает «вида», который мыслится лишь при условии множественности его представителей. Но при обращении к классификации источников всеобщей истории многие из таких «специфических» памятников найдут свое место и в рамках видовой классификации.

Интересные наблюдения могут быть поставлены в связи с возникновением новых видов исторических источников.

Выше было отмечено, что определяющим моментом в формировании видовых свойств источника является назначение этого источника (документа), обусловившее сам факт его возникновения и ряд характерных его свойств. Каким же образом момент назначения влияет на свойства источника? Назначение само по себе не создает каких-либо новых свойств источника, существующих помимо его формы или содержания. Вопрос сводится к тому, каким образом влияет назначение на форму или содержание источника, иначе говоря, сводится ли общность признаков, определяющих вид, только к определенным свойствам формы источника или она определяет и его содержание. Этот вопрос в историографии однозначного решения не нашел. Ряд авторов не исключает из определения вида ни формы, ни содержания, как это отмечалось выше.

Общность признаков, показывающая принадлежность источника к определенному виду, не может быть сведена только к его форме. Разумеется, форма источника обуславливается его целевым назначением. Связь формы и назначения несомненна. Она отчетливо прослеживается на примере памятников материальной культуры, она очевидна и в практической деятельности. Эта взаимосвязь формы и назначения произведения привлекает внимание литературоведов, изучающих проблемы жанра. Обращаясь к письменным памятникам, можно видеть, что общие свойства источников, относящихся к одному виду, включают и особенности формы, но не ограничиваются ею. Они, несомненно, включают и элементы содержания источника. Договорная грамота, таможенная книга, географическая карта, если их рассматривать как виды источников, это не только определенная назначением форма источника. Это также и определенная часть информации, включенной в содержание источника, намеренно отобранной в связи с назначением данного источника. Общность признаков, определяющих видовые свойства источника, складывается из сознательно введенной в источник информации в соответствии с его назначением и формы, сложившейся также в соответствии с назначением источника.

Таким образом, содержание памятника в известной мере определяется его назначением, формируется под воздействием целевых установок его создателя, в известной мере связано с видовыми свойствами. Но в то же время, и это важно подчеркнуть, содержание источника не может быть исчерпано в рамках его видовых свойств. Речь может идти лишь о той информации, которая включена в него составителем намеренно, отображена сознательно. Но намеренно включенная составителем информация – лишь часть (и притом незначительная) той информации, которую доносит до нас источник о своем времени.

Именно поэтому изучение источника – сложнейшая, но необычайно благодарная, вечно новая задача. При решении ее не может не учитываться принадлежность источника к определенному виду, но эта задача в целом выходит далеко за пределы видовой методики. Кладя в основу классификации источников принцип их принадлежности к определенной социально-экономической формации, советское источниковедение рассматривает видовой принцип классификации источников как вторичный. Видовые свойства источника могут и не касаться существенных моментов его содержания. Важнейшие взаимосвязи того общественного целого; в недрах которого возникает источник, могут отражаться в его содержании непосредственно; они могут быть и не осознаны составителем источника, преследовавшим в его создании свои практические цели.

Очевидно, видовая классификация не может быть проведена последовательно в том смысле, чтобы создалась стройная схема, в которой каждый источник оказался обязательно причисленным к какому-то определенному виду. Ряд источников, и притом, возможно, особенно интересных, может оказаться вне видовой группы или положить начало образованию нового вида, имеющего тенденцию к дальнейшему росту. В то же время существует много видов источников, насчитывающих сотни и тысячи документов. Упрек в недостаточной последовательности в применении видовой классификации возник при нечетком представлении о природе видовых свойств источников. Задача теоретического источниковедения состоит не в том, чтобы свети все имеющиеся в наличии источники к считанному числу

видовых групп. Важно выявить наиболее крупные, массовые видовые комплексы, перспективные в отношении применения к ним общих методов группировки, анализа, обобщения.

Сказанное не означает недооценки значения видовых свойств источника. Напротив, без последующего изучения свойств видов нельзя создать достаточно разнообразной видовой методики на базе общих методологических принципов теоретического источниковедения. Изучение видовых свойств – это один из путей изучения объективных свойств исторических источников, свойств, формировавшихся в процессе возникновения этих источников, их функционирования в общественных процессах.

Однако не должно быть допущено и переоценки значения видовых свойств. Они являются вторичными, не определяют содержание источника во всей его полноте, а следовательно, не могут служить главным критерием для оценки значения того или иного документа как исторического источника.

Проблема видовых свойств источника, являясь одной из теоретических проблем источниковедения, имеет в то же время непосредственную связь с другими отраслями науки. В данном случае важно отметить ряд общих моментов с той большой работой, которая ведется в теоретическом архивоведении в связи с разработкой научных критериев оценки информационного значения документальных материалов. Несомненно, функционально-видовые свойства документов имеют немалое значение для оценки значения документов. В то же время важно подчеркнуть, что видовые свойства не определяют всего содержания источника, но оказывают влияние лишь на часть той информации, которая в него попадает в момент создания. Именно поэтому видовые свойства документа не могут и не должны служить единственным критерием оценки его содержания и значения.

В условиях усиливающегося влияния марксистско-ленинской методологии и в результате исторической практики народов происходит процесс необыкновенной актуализации проблем исторического метода. В современной историографии

можно найти много свидетельств перелома, происходящего в этих условиях в психологии буржуазного историка. Становится все более очевидным, что существует неразрешимое противоречие между стремлением достигнуть объективного знания прошлого средствами исторической науки, и идеалистической методологией истории. Оставаясь в ее рамках, нельзя получить истинного знания о прошлом, раскрыть взаимодействие частей общественного целого и движущих сил его развития. Это противоречие составляет тот фон, на котором предпринимаются поиски буржуазных историков с области исторической методологии.

В практике современной историографии исчезало старое представление о «технике» работы с источником, которая якобы может совершенствоваться вне связи с философией истории, независимо от представлений историка об историческом процессе. Все более осязаемыми становятся связи специальных источниковедческих вопросов с методологическими проблемами исторической науки. Таков объективный смысл суждений буржуазных историков по поводу отсутствия единства методов анализа источников в современной практике историков. В связи с усиливающейся тенденцией к изучению взаимодействия различных сторон общественной жизни усложняется и углубляется представление об историческом источнике, становится все более очевидной сложность этого понятия.

Однако, вопросы исторического знания, в том числе специально источниковедческие, рассматриваются в отрыве от теории исторического процесса. В отрыве эти вопросы рассматривались в старом буржуазном источниковедении, и современные его представители не вносят ничего принципиально нового в представление о природе исторического источника.

В действительности же, тот источник, который изучается в аспекте исторического познания, создается в ходе исторического процесса. Еще не став источником, он служит в реальной жизни общества средством достижения практических задач в целенаправленной человеческой деятельности. Именно там складывается та информация, которая затем будет прочитана

историком в целях исследования прошлого. Понять, как отразилось прошлое в источнике невозможно, если не опираться на теорию исторического процесса, иначе говоря, философию истории. Научная теория источниковедения не может быть создана без анализа природы исторического источника, а эта последняя остается непознаваемой, если рассматривать источник в отрыве от условий, в которых он создается. Потому-то попытки буржуазных источниковедов углубить представление о содержании исторического источника, оставаясь в сфере исторического познания, не вносят принципиально нового в решение вопроса, хотя дают подчас острую негативную критику старых определений.

В марксистско-ленинском источниковедении принципиально важным является генетическое определение, при котором в основу кладется способ образования источника. Источник рассматривается как историческое явление, возникшее в определенных условиях, вне их немислимое и отражающее эти условия. Строить же теорию исторического знания, не решив вопрос о природе исторического источника невозможно. В этом состоит одна из причин методологической несостоятельности буржуазного источниковедения.

Марксистско-ленинское источниковедение охватывает два аспекта в изучении исторического источника: исследование его связей с историческим процессом и связей познающего субъекта – историка с изучаемым им источником. Связи источника как исторического явления с процессом общественного развития, в ходе которого он возникает, имеют первостепенное значение, поскольку именно на этом этапе закладывается информация об общественных явлениях, формируются свойства формы и содержания, которая определяет значение данного источника. На основе этих объективно существующих свойств источников разрабатываются методы их критического анализа и исследования. Но объективные свойства источника создают лишь возможность познания прошлого. Она еще должна быть реализована. Рассматривая историческое познание как отражение объективной исторической действительности, материали-

стическая теория познания не только не отрицает, но подчеркивает творческую, активную роль познающего субъекта в процессе исторического познания. И в этой связи процессы изучения историком источника представляют собой важную область теоретического источниковедения.

Советская историография накопила немалый опыт в исследовании этих процессов, в то же время перед ней стоят новые важные и сложные задачи, в первую очередь в связи с проблемами отбора, анализа, восприятия источника. Важнейшей задачей советских историков является изучение ленинских методов социального исследования, его приемов работы с историческими источниками. Изучаются ленинские методы работы с источниками по социально-экономической истории, истории революционного движения, выявляется специфика ленинских методов исследования источников по истории советского общества. В настоящее время к изучению ленинских методов работы обращаются не только историки, но и представители других общественных наук. Ленинские методы исследования источников, творческое воплощение и развитие в его социальном анализе принципа историзма в оценке общественных явлений, принципа классового анализа и коммунистической партийности дают методологическую основу для разработки вопросов теоретического источниковедения, для изучения закономерностей отражения социальной действительности в источнике и путей ее изучения. На этой методологической основе в советской историографии осуществляется разработка научной критики источников, проблем интерпретации и достоверности. Опыт советской историографии по изучению научной лаборатории основоположников марксизма-ленинизма заслуживает дальнейшего развития и теоретического обобщения.

Достижения советской историографии в данной области дают основание говорить о сложившейся в настоящее время на базе марксистско-ленинской методологии особой отрасли знания – теории источниковедения. Теория источниковедения в своих основных принципиальных чертах возникла на базе диалектического и исторического материализма именно в советской

исторической науке. В настоящее время она развивается и обогащается усилиями не только советских ученых, но и источниковедов других социалистических стран.

Заключение

Мы рассмотрели процесс становления теории источниковедения как системы достоверного научного знания о совокупности объектов (исторических источников), рассматриваемых в их существенно общих свойствах. Теория источниковедения как форма научного мышления, позволяющая получить зафиксированную в источниках информацию о социальных явлениях, сложилась на базе марксистско-ленинской методологии в процессе развития советской исторической науки. В настоящее время она успешно развивается в связи с дальнейшим развитием общественных наук в советской историографии и историографии других социалистических стран.

Это – система знания об общих свойствах источников, базирующаяся на методологии диалектического и исторического материализма. Для каждой науки проблема методов добывания и проверки фактических данных имеет особое значение. Историческая наука – одна из наиболее старых общественных наук, имеющая в своем активе многовековой опыт работы с источниками фактической информации, отражающими закономерности общественного развития. В ней выделилось в особую отрасль знания источниковедение, предметом которого является тот материал, из которого данная наука черпает свою фактическую информацию, – исторические источники. Основными проблемами, разрабатываемыми теоретическим источниковедением в настоящее время является природа исторического источника, классификация источников, содержание и последовательность основных этапов добывания из источников достоверной информации о социальных явлениях и процессах. Историческими источниками являются все материальные объекты, созданные в процессе человеческой деятельности и служащие для целей исторического исследования, для получения информации о социальных явлениях и процессах. Человеческая деятельность – понятие сложное и многопла-

новое. В связи с понятием исторического источника важно подчеркнуть такие ее стороны, как социальная природа человеческой деятельности, коммуникативный характер любого вида человеческой деятельности. В процессе дистанционного общения создается большая часть тех материальных объектов, которые являются нашими основными источниками.

Марксистско-ленинская методология определяет понимание природы исторического источника как центральной проблемы теории источниковедения. Признание объективной реальности предмета познания лежит в основе материалистической теории познания. Оно позволяет с научных позиций подходить к пониманию природы исторического источника, специфике отражения в ней действительности, к анализу диалектики отражения действительности в историческом познании. На методологической основе марксизма-ленинизма раскрывается объективный характер исторического источника, изучаются пути познания социальной действительности через его посредство, выявляется специфика отражения социальной действительности в его содержании.

Теоретическое источниковедение в своей работе опирается на объективные свойства исторических источников – объективные свойства того объекта, на которое направлено изучение. Источниковедение разрабатывает методы получения из источников возможно более полной и достоверной информации о социальных явлениях и процессах. В разработке этих методов оно опирается на объективно существующие, повторяющиеся свойства больших групп исторических источников. Наличие общих свойств позволяет применять определенные общие методы исследования. Общие свойства источников в реальной социальной действительности возникают как частный случай проявления более общих закономерностей развития социальных явлений и их отражения в сознании людей. Марксистско-ленинское учение об обществе и закономерностях его развития как единого в своей основе естественно-исторического процесса и создает методологическую базу для выявления и изучения общих свойств источников. На базе научной методологии

можно предвидеть существование объективных общих свойств определенных категорий источников, изучить закономерности их возникновения и на этой основе разрабатывать научные методы исследования. Отрицание объективных закономерностей развития общественных явлений не оставляет, в свою очередь, места для обоснования возможности существования общих свойств исторических источников. Если исторические источники строго индивидуальны и специфичны, не выявляют повторяющихся моментов, то отпадает и вопрос о научных методах исследования, ставится под сомнение их возможность. Именно такой подход наблюдается у наиболее последовательных представителей буржуазного источниковедения. Важность принципа повторяемости как критерия научного подхода сформулирована в произведениях основоположников марксизма-ленинизма. Вопрос о принципиальной возможности научного обоснования методов исследования источников решается не в рамках собственно теории источниковедения. Свой обоснованный ответ этот вопрос находит на базе философского учения об общих закономерностях развития общественного бытия и общественного сознания, на основе диалектического и исторического материализма.

Принципиальным моментом является для теории источниковедения раскрытие социальной природы исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности. Для теории источниковедения центральный вопрос – природа исторического источника, его объективные свойства и закономерности их формирования. Исследовать источник, являющийся результатом целенаправленной человеческой деятельности, возможно лишь исходя из того, какими причинами вызвано появление источника, каковы его функции в ходе исторического процесса. Возникая в ходе развития социальных процессов и становясь затем объектом исторического изучения, источник как бы воплощает в себе методологическое единство истории как процесса и научного исторического познания.

Советское источниковедение рассматривает источник в его связях с исторической реальностью прошлого, а также изучает

его в системе исторического знания. Еще в период становления советского источниковедения исследование взаимосвязей первого порядка рассматривалось как главное и определяющее. В последующий период развития советской исторической науки это направление исследований нашло еще более полную реализацию и свое теоретическое обоснование. Исторический источник должен быть понят как социальное явление, существующее независимо и объективно в отношении к изучающему его историку. По этой линии шло размежевание с буржуазным источниковедением. Этот вопрос – имеет принципиальное значение.

Понимание источника как общественного явления исходит из важнейшей категории исторического материализма – категории социально-экономической формации, марксистско-ленинского учения о классовой борьбе, принципе коммунистической партийности.

Социально-экономическая формация как целостной социальной организм развивается в соответствии с присущими ему законами исторического развития, определяющими возникновение, развитие и смену формации другой. Отдельные стороны общественной жизни в рамках социально-экономической формации взаимосвязаны и зависимы, причем в сложной сети общественных отношений и связей материальные производственные отношения являются первичными и определяющими. Отдельные стороны и связи общественной жизни находят свое отражение и реализацию в источниках, создаваемых в процессе целенаправленной человеческой деятельности. Взятые в исчерпывающей совокупности источники воссоздают историю общества в целом, позволяют изучить закономерности развития. Классификация источников по формациям выражает поэтому один из коренных принципов источниковедения – требование комплексности и исчерпывающей полноты изучения источников, возникающих в процессе деятельности различных классов и социальных групп, и отражающих в целом различные стороны единого в своей противоречивости процесса общественного развития. В этой связи очевидно, в частности, принципиальное

отличие научной классификации источников по социально-экономическим формациям от хронологических делений по векам, царствованиям и другим формальным признакам в буржуазном источниковедении.

Научную основу решения вопросов авторства и происхождения источников дает категория социально-экономической формации и учение о классовой борьбе. Марксистско-ленинский классовый анализ позволяет подойти к источнику как к социально обусловленному явлению, выявить руководящую нить в понимании противоречивых стремлений членов общества, нашедших свое выражение в созданных источниках. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества, ленинский классовый анализ создают основу для научного анализа источников, раскрытия исторической обусловленности отдельного источника в общей цепи общественных интересов, стремлений и связей его времени.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ³⁴⁴

В настоящее время наблюдается изменение соотношения теоретической и конкретной проблематики в источниковедении. Его количественное выражение – увеличение числа научных работ, рост числа авторов, расширение географической принадлежности и профессиональной специализации научных центров, причастных к теоретическим проблемам. Признаком качественных сдвигов является прежде всего подход к теории источниковедения как к области знания, входящей необходимым элементом в ряд других сложно взаимодействующих систем социального знания. Теоретико-методические вопросы источниковедения рассматриваются в ряду исторических наук и дисциплин³⁴⁵. Они интерпретируются как необходимый элемент методологии исторической науки в ее современном понимании³⁴⁶. Гносеологические аспекты природы исторического источника стали предметом анализа философов, идущих к теоретическим вопросам источниковедения от более общих закономерностей социального познания³⁴⁷. В свою очередь, этот подход специфичен и должен быть приведен в соответствие с содержанием основных понятий источниковедения, выработанных с учетом опыта историков-профессионалов³⁴⁸.

Актуальные теоретические проблемы осмысливаются как многоплановые, причем сложность их определяется самой структурой источника и процесса его изучения, затрагивающего

³⁴⁴ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* О некоторых теоретических проблемах источниковедения // Археография и источниковедение. – Сыктывкар: АН СССР, 1977. Вып.4. С.45–52.

³⁴⁵ *Шmidt С. О.* Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. – В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970–1974 гг. М., 1975.

³⁴⁶ *Дьяков В. А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

³⁴⁷ *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973.

³⁴⁸ *Пушкарев А. Н.* Понятие исторического источника в некоторых работах советских философов. – «Источниковедение отечественной истории». М., 197.

разнопорядковые уровни исторического познания. Главное для их решения – выявить единство и взаимосвязь различных уровней процесса исторического изучения. Для такого системного подхода нужна мобилизация всех методологических, историографических, источниковедческих, документоведческих знаний и наблюдений, накопленных в различных областях современной науки. Именно такова проблема диалектических взаимосвязей методологии с практикой исторического исследования³⁴⁹. Интеграционные процессы в данной области знания уже развиваются: источниковедение и документоведение, историография и источниковедение, источниковедение и информатика – на стыках этих дисциплин активно работает научная мысль, формируются специалисты новых профилей, возникают своеобразные методы и подходы к проблемам. Естественно, что подобный подход требует монографического изучения крупных проблем источниковедения, но в этом отношении почти все еще впереди. Пока в нашей историографии появилась лишь одна монография. А. Н. Пушкарева по специальной теоретической проблеме – классификации источников, давно им разрабатываемой³⁵⁰. Наблюдая быстрый рост теоретических исследований в области источниковедения, правомерно, однако, поставить один простой вопрос: зачем источниковедению теория? В чем объективный смысл развертывания теоретических исследований в источниковедении – специализированных, сложных, отвлекающих от конкретного источника? Не стоит ли за всем этим стремление повысить статус вспомогательной дисциплины или же воспарить над трудоемкой черновой работой в абстрактные теоретические выси? Историк – профессионал, архивист, педагог, многими живыми нитями связанный с повседневной жизненной практикой, осаждаемый реальными, отнюдь не теоретическими трудностями, ощущает в своей душе

³⁴⁹ Черетин А. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. – «Источниковедение отечественной истории», вып. I.

³⁵⁰ Пушкарев А. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

некоторые сомнения. Источниковедение вместе со всей исторической наукой, как часть всей системы общественных наук, опирается на подлинно научную методологическую базу. Нужна ли теория источниковедения? И главное – не замкнута ли эта теория на самое себя? Как работает теория в источниковедении, каков ее выход в практику, в общественные науки в целом? Какова позиция в данной ситуации тех специалистов – историков, архивистов, преподавателей, – а их, естественно, подавляющее большинство, которые не занимаются собственно теоретическими вопросами, а работают над конкретными источниковедческими, архивоведческими, археографическими проблемами и которые более непосредственно связаны с практикой исторической науки во всем многообразии ее общественного функционирования? Именно этот вопрос занимает нас в данном сообщении.

Под теорией источниковедения имеется здесь в виду теоретическое направление изысканий, в смысле его предмета, а не в смысле противопоставления теоретических исследований конкретным как эмпирическим. В конкретном источниковедческом исследовании возможна различная степень обобщения, равно как и теоретическая тема не создает сама собой уровня проводимого по ней изучения. Итак, речь идет о предмете изучения, целенаправленности исследования: в конкретном источниковедении источники изучаются с целью получения информационных сведений по определенной проблеме общественного развития. Конечной целью источниковедческой работы является получение данных для последующего анализа закономерностей и специфики общественного развития, исторического процесса. В теоретическом источниковедении в центре внимания находится сам процесс добывания информационных данных из источников, его эффективность, его результативность, его обусловленность объективными свойствами источника. Отдельные теоретические проблемы изучались и изучаются и в немарксистской историографии, накопившей наблюдения, заслуживающие глубокого критического марксистского анализа и осмысления. Теория же источниковедения как научная система

знания об источниках, рассматриваемых в их существенно общих свойствах, мыслима лишь при условии раскрытия взаимосвязи гносеологического и онтологического аспектов процесса общественного развития и познания общественных явлений, лишь на базе марксистско-ленинской методологии. Тогда теория источниковедения предстает как система достоверного научного знания об исторических источниках (во всей их совокупности), рассматриваемых в их существенно общих свойствах. Теория источниковедения есть такая форма научного мышления, которая позволяет получить зафиксированные в источниках информационные данные на уровне объективной истины. Основные проблемы, разрабатываемые теорией источниковедения вплоть до настоящего времени: природа исторического источника, закономерности отражения социальной действительности в источнике, классификация источников, содержание и последовательность основных этапов добывания из источников достоверных информационных данных о социальных явлениях и процессах, закономерности восприятия этих информационных данных историком как познающим субъектом. В исследованиях по теоретическому источниковедению предметом наблюдения являются общие свойства исторических источников, пути и средства их изучения и использования для нужд общественной науки.

Теория источниковедения имеет два аспекта – познавательный и нормативный. Познавательный аспект включает исследование природы исторического источника, специфики отражения в нем исторической действительности, процесса его изучения, о чем речь шла выше. В данном случае важно подчеркнуть, что на основании анализа всех этих проблем формулируются определенные нормативы, обобщающие методiku, условия и границы ее применения. Будучи выявлены и обобщены на определенном материале источников, эти нормативы могут затем проецироваться и на другие группы источников, ранее не подвергавшиеся изучению. Так, например, наблюдения над свойствами исторических источников, главным образом, периода феодализма

(М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин)³⁵¹ дали основания для понимания источника как исторического явления, как продукта экономических и политических условий общественного развития. Понимание источника как исторического явления имело большое значение для последующей разработки методов анализа источников по истории нового и новейшего времени³⁵². Применение теоретических положений источниковедения важно в настоящее время, когда складывается источниковедение ряда общественных наук и специализированных отраслей исторической науки (источниковедение историографии, истории философии, социальной психологии, военно-историческое источниковедение, источниковедение истории театра³⁵³), источниковедение истории народов СССР и отдельных регионов (яркий образец активной разработки источниковедения региональной истории представляет данная конференция с ее разнообразной тематикой и содержательными, творческими докладами).

Теоретические положения и соответствующие методики служат в данной ситуации средством повышения производительности, эффективности источниковедческого труда. Продолжив нашу мысль о значении такого теоретического положения – понимание источника как исторического явления, приведем суждение известного польского историка И. Игнатовича. Он особо подчеркнул значение такого подхода к источникам. Именно это, по его мнению, определило появление вспомогательных исторических дисциплин на главной сцене исторической науки в решающий момент действия³⁵⁴. Социальная природа источника

³⁵¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. М.–Л., 1948, с. 5.

³⁵² Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение истории советского общества. – «Вопросы истории», 1961, № 5.

³⁵³ Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии. – В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; Логин В. Г. Военно-исторические источники, их классификация, принципы исследования. М., 1971; Петровская И. Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного театра. Л., 1972.

³⁵⁴ «Kwartalnik Historyczny». Warszawa, 1973, № 2.

как реально существующего объекта рассматривается как принципиальный момент для характеристики исторического источника и содержания источникововедческого анализа.

Насущная задача любой науки – обеспечение способов передачи накопленных знаний, ее преемственности. Процессы преподавания науки не являются чем-то внешним по отношению к ней, но органически с нею связаны. Обеспечение нормального функционирования этой связи не в малой степени зависит от разработанности ее теории. Теория источникововедения, служащая задачам эффективности исследований, призвана обеспечить и профессионализм, качественный уровень выполнения. На теоретическом уровне вырабатываются и формулируются критерии и требования к источникововедческому исследованию, с помощью которых в данной области науки оценивается результат, верифицируются выводы, устанавливается соответствие требованию «чистоты опыта». Исключительно важна нормативная роль теории в педагогической работе. Для того чтобы научить методике исследования, необходимо ее проанализировать на уровне теории, отдавая себе отчет в условиях и границах ее применения, зависимости от объективных свойств изучаемого предмета исследования. Задачи преподавания создают мощный стимул для обращения к теории, ее развития. Именно здесь особенно активно осмысливаются нормы, требования, содержание процесса работы над источником, его последовательность. Выявляются и проверяются практикой рекомендации программ и методик, целесообразность распределения сил и возможности стыковки в коллективных работах.

На материале развития советского источникововедения как науки эта связь находит свое четкое выражение. Опыт преподавания источникововедения, накопленный в 30–50-х гг., проведенная в то время работа по созданию учебных программ, пособий для нужд преподавания сыграли немалую роль в быстро развернувшемся исследовании проблем теории, историографии и методики источникововедения, который характерен для настоящего времени. В источникововедении в связи с практикой его преподавания встает задача охвата, осмысления всего многообразия исторических источников, выявления характерных черт струк-

туры источниковедческой базы. Эта проблема встала прежде всего практически – как задача составления программы по курсу источниковедения истории СССР. Это вызвало дискуссии по вопросам классификации источников, попытки сгруппировать источники по содержанию, по видам, показало целесообразность классификации по социально-экономическим формациям, по классовому признаку. Большое значение имело создание учебного пособия М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина и затем программы по источниковедению истории СССР Московского государственного историко-архивного института, в главных чертах зафиксировавшей структуру источниковедческой базы истории СССР всех социально-экономических формаций³⁵⁵. Эти учебные издания и, главное, проверка и закрепление данной концепции источниковедения в практике преподавания послужили стимулом для дальнейшей разработки вопросов классификации источников, крупных видов комплексов источников по истории СССР, с обоснованием характерных для них методов исследования (статистические источники, мемуары, периодическая печать, акты, картографические материалы и другие), а в дальнейшем для разработки методики изучения структуры источниковедческой базы новой и новейшей истории, истории КПСС. В непосредственной связи с преподаванием отрабатывалась наиболее целесообразная схема основных этапов работы историка с источниками, постепенно углубляясь и совершенствуясь, вбирая в себя опыт развивающейся советской исторической науки. Работы Г. П. Саара, С. Н. Быковского, А. Ц. Мерзона, В. И. Стрельского, А. П. Пронштейна³⁵⁶ связаны с задачами преподавания органически, подчинены задачам раскрытия содержания и последовательности анализа и критики источников в

³⁵⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Курс источниковедения истории СССР. М., 1940; Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. М., 1940; Источниковедение истории СССР. Программа курса источниковедения для Московского историко-архивного института. М., 1954 и последующие издания.

³⁵⁶ Мерзон А. Ц. Основные задачи критики исторических источников (роталпринт). М., 1958; Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968; Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.

практике высшей школы. В практике преподавания источниковедения основные теоретические положения этой отрасли знания находят свою проверку, обогащение, развитие. Интересно, что именно в этой плоскости нашел окончательное решение вопрос о преимуществах видовой классификации в сравнении ее с классификацией по содержанию. Последняя не дает столь больших возможностей для выявления видовой методики анализа, для раскрытия специфики применения общих принципов источниковедческого изучения к различным видам исторических источников.

Логическая последовательность теоретического исследования не адекватна последовательности педагогического процесса. Преподавание предмета имеет свою логику, подчиненную закономерностям психологии восприятия. Теоретические положения предстают здесь в доступной форме, они воплощаются в частных методиках, планах, в правилах, удобных для усвоения, в приемах, легких для воспроизведения и повторения. Поэтому связь конкретной методики с теорией не лежит на поверхности, она глубинна, и в ее реализации на практике допустимы различные степени свободы. Тем важнее подчеркнуть, что теория, ее нормативные положения направляют процесс обучения предмету, определяют его содержание, его общую идею. Приведем пример. В семинарской работе по источниковедению Московского государственного историко-архивного института рекомендуется студентам план семинарского доклада. В него включен ряд обязательных моментов, которые должны быть раскрыты в докладе в установленной последовательности: историческая обстановка создания источника, вопросы авторства, происхождения и истории создания источника, его текста, его публикаций, вообще функционирования источника в общественной практике. Далее – анализ содержания источника (полнота его информационных данных, их новизна, достоверность) и, наконец, вывод о значении данного источника, его месте среди других источников соответствующей проблематики. Перед нами – методическое указание по написанию источниковедческого доклада. Важно, однако, научить видеть за

положениями, выведенными на уровень типовой методики, программу источниковедческого исследования, базирующуюся на определенной теоретической концепции источниковедения, природы исторического источника и задач источниковедческой работы. На уровень методики выведены здесь вопросы, в решении которых исследователь, в конечном счете, опирается на теорию – социальная природа источника как явления своего времени; установление авторства, происхождения, истории создания источника; личность автора, его мировоззрение, общественная деятельность, его компетентность, осведомленность; специфика коллективного авторства в источниках сложной структуры типа периодической печати, статистики, законодательства; всесторонний анализ информационных данных источника. По каждому вопросу, которым исследователь задается в процессе источниковедческого анализа, он работает с нормативными положениями теории.

Резюмируя сказанное, выделим те моменты, в которых значение теории для практики источниковедения выступает особенно четко.

1) Применение нормативных положений теории к новым категориям источников, что повышает эффективность их исследования.

2) Применение выработанной на уровне теории системы критериев оценки источниковедческих исследований и способов верификации выводов, что создает возможность проверки научных результатов и тем самым обеспечивает качество профессионально выполненных источниковедческих исследований.

3) Использование достижений теории в педагогическом процессе, что создает возможности расширения круга исследователей, работающих на профессиональном уровне и тем обеспечивает преемственность и прогресс данной области социального знания.

До сих пор мы говорили о значении теории для практики. Необходимо отметить принципиальное значение обогащения теории практикой источниковедческой работы исторической

науки в целом. Эта связь существует всегда, но будучи осознана, она может функционировать более целенаправленно. Известно, например, что длительное изучение таких видов источников, как акты, мемуары, законодательные, статистические документы, обогащает теорию источниковедения и видовые методики анализа. Необходимо при работе над крупными комплексами источников не ограничиваться утилитарным отношением к ним как носителям информационных данных по заданной тематике, но одновременно вести наблюдения над общими свойствами этих источников – спецификой отражения в них социальной действительности, особенностями формы и содержания. Для того чтобы такая работа велась направленно, важно быть в курсе проблематики теоретического источниковедения, его историографии, современных дискуссионных вопросов, всегда нуждающихся в притоке новых фактических данных.

Конкретное источниковедение – необходимый, но не единственный Путь обогащения теории новыми данными. Теория источниковедения охватывает два аспекта в изучении исторического источника. Она рассматривает его в системе источник – исторический процесс и в системе источник – историк. Связи источника с исторической социальной реальностью имеют первостепенное значение. Но объективные свойства источника создают лишь объективную возможность познания социальной действительности. Она должна быть реализована в процессе познания. Закономерности изучения историком источника – важная область теоретических исследований. Несомненным достижением советской историографии в этой области является создание целого направления, изучающего исследовательские методы основоположников марксизма-ленинизма. Положено начало также изучению научной лаборатории крупных ученых-историков. В данной аудитории, где представлено много преподавателей высшей и средней школы, хотелось бы акцентировать внимание еще на одной стороне проблемы. Богатейший фактический материал для изучения социальных и психологических закономерностей восприятия социальной действительности через посредство исторических источников дает наша

повседневная практика преподавания, научного общения. Эти резервы обогащения и развития теоретических положений почти совершенно еще не тронуты.

В настоящее время отрасли знания, формирующие творческий подход к научной и политической информации, к развитию методов социального познания, приобретают особое значение. Перед источниковедением, имеющим своим предметом поиск, анализ и оценку информационных данных исторических источников, встают новые задачи, требующие дальнейшего развития и совершенствования его теории.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ³⁵⁷

Актуальные задачи оптимизации состава Государственного архивного фонда СССР как документальной базы науки и обеспечения возрастающих потребностей общества в ретроспективной информации требуют дальнейшей интенсификации источниковедческих исследований. Поэтому заслуживает внимания анализ динамики и содержание изменений в системе источниковедения, архивоведения, других исторических дисциплин и их связь с процессами, характеризующими развитие общественных наук на современном этапе. Этот анализ необходим также для выявления тех профессиональных знаний, которые особенно важны в подготовке специалистов-историков и историков-архивистов. Здесь рассматриваются некоторые характерные особенности развития источниковедения в настоящее время, а именно интеграционные процессы в источниковедении и архивоведении как конкретное проявление возможности плодотворных исследований на стыке различных наук.

Общность исходных принципов советского источниковедения и архивоведения обусловлена их методологической основой. Декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 года «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», подписанный В. И. Лениным, создал правовую и научно-теоретическую основу для единого подхода к проблемам изучения архивного документа как исторического источника. В свете положений декрета определились научно-организационные и теоретические предпосылки для подхода к архивным документам, а вслед за этим и к другим историческим источникам как к целостной совокупности, к единому комплексу. В дальнейшем в качестве кардинального направления развития советского источниковедения и архивоведения определилось более полное и последовательное теоретическое освоение этой совокупности как взаимосвязанной системы документов, изучение отражения

³⁵⁷ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М. Источниковедение на современном этапе* // Советские архивы. 1979. № 2. С. 3–10.

в них закономерностей общественного развития, анализ классовой структуры и типологии источников, выявление генетических и функциональных связей между документами-источниками как социальными явлениями своего времени.

Произведения основоположников марксизма-ленинизма, ленинские методы работы с документами современности – историческими источниками – создали основу для понимания диалектического единства свойств документа в его первоначальном, практическом назначении и его исторических свойств как носителя ретроспективной информации³⁵⁸.

Необходимо отметить глубокую связь изменений в структуре источниковедения как комплексной специальной исторической дисциплины с теми процессами, которые характеризуют развитие системы общественных наук на современном этапе: возрастанием роли марксистско-ленинской методологии, дальнейшим творческим развитием марксизма-ленинизма, усилением потребности в дальнейшей творческой разработке теории. Это открывает новые возможности для плодотворных исследований на стыке различных наук, в частности, естественных и общественных. В свете этих возможностей находят все

³⁵⁸ Одним из способов защиты научных методов источниковедческого анализа, применявшимся их сторонниками в данный период (1970-е гг.), становился тезис о том, что эти методы не только не противоречат представлениям «основоположников» марксизма, но, напротив, прямо вытекают из них. Согласно этой точке зрения, идеология вовсе не исключает требований научной объективности, а известный «принцип партийности» состоит не в выражении ценностно окрашенного субъективного пристрастия к определенным видам источников или их направленной интерпретации, но в стремлении к максимально полной и достоверной реконструкции исторического прошлого. Научные методы, следовательно, универсальны и должны применяться независимо от классового или партийного происхождения источников, а методы источниковедческого анализа и критики не зависят от ценностных или политических оценок того или иного произведения. Этот «диалектический» подход позволял использовать господствующие идеологические установки для воспроизводства научных методов, расширения области их применения на источники новейшего периода, говорить о совершенствовании методов доказательного познания общества и его истории. – *Прим. ред.*

более полное выражение тенденции развития общественных наук: актуализация и расширение социальных функций исторической науки и ее отраслей, непосредственно связанных с использованием ретроспективной информации; широкий общественный резонанс проблем сохранения исторических памятников и культурных ценностей; интеграционные и дифференционные процессы в системе исторических дисциплин и смежных областей знания; актуализация проблемы ориентирования в социальной информации исторических источников. Все отмеченные тенденции имеют и источниковедческую сторону, что знаменует обогащение социальных функций, расширение сферы приложения источниковедческих знаний и методов.

Социальные функции исторических и архивоведческих дисциплин, их значение в общественной практике развитого социалистического общества постоянно возрастают. Принцип историзма в подходе к явлениям прошлого и современности реализуется все более полно, и глубоко осознается необходимость эффективного использования опыта прошлого, отраженного в архивных материалах. Новый качественный уровень историзма общественного сознания зафиксирован в статье Конституции СССР 1977 года о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей как долге и обязанности граждан СССР³⁵⁹. Велико значение этого факта во всех его опосредствованиях. Отметим необходимость освоения понятия исторического памятника, а следовательно, и элементов источниковедческого подхода к его оценке массовой аудиторией. Известно, что документ – материальный продукт человеческой деятельности – помимо непосредственного целевого назначения в реальной действительности может иметь еще и вторичное значение – быть потенциальным историческим источником, то есть служить для получения данных о процессах общественного развития этого периода. Изучение двуединой природы документа – исторического источника – ограничивалось, однако,

³⁵⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, ст. 68.

сферой собственно научной, являясь прерогативой исторической науки, в силу специфики изучающей памятники прошлого. Теперь же понятие исторического источника и источниковедческого подхода к оценке документа должно быть доведено до сознания каждого, должно стать необходимым элементом мировоззрения. Этот факт свидетельствует о новых перспективах применения источниковедческого подхода в общественной практике. Он отражает становление новых критериев и масштабов значимости источниковедения и архивоведения как дисциплин, прочно занявших свое место в ряду наук, обеспечивающих ретроспективной информацией прикладные и фундаментальные направления обществоведческих исследований на современном этапе. В свете социальных критериев с особой ответственностью осмысливаются задачи и актуальные направления развития современного источниковедения. Обеспечение возрастающих общественных потребностей в ретроспективной информации характеризуется всемерным развитием общественных функций архивных учреждений, актуализацией всего комплекса проблем собирания, охраны, научного описания, публикации и исследования исторических источников³⁶⁰.

Теоретические положения и опирающиеся на них методические разработки служат важным средством повышения производительности и эффективности источниковедческого труда. Теория в данном случае призвана обеспечить более высокий качественный уровень исследований. На уровне теории вырабатываются критерии оценки и требования к источниковедческому исследованию, с помощью которых оценивается результат, проверяются выводы, устанавливаются соответствия требованиям «чистоты опыта».

Знание теории источниковедения повышает эффективность исследований в применении к изучению новых объектов,

³⁶⁰ Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт, Н. Н. Покровский. Уважение к древности. «Правда», 1973, 14 августа; Ф. И. Долгих. Архивные учреждения СССР – к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Советские архивы», 1977, № 5; В. И. Буганов, Г. А. Трухан. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. «Вопросы истории», 1977, № 6.

создает критерии проверки научных результатов и тем самым обеспечивает качество и профессионализм исследований. Историческими источниками являются материальные объекты, созданные в процессе человеческой деятельности и служащие для целей получения информации о социальных явлениях и процессах. Под это определение подпадают все объекты, созданные в процессе преобразовательной, познавательной, ценностно-ориентационной и другой деятельности. В связи с понятием исторического источника важно подчеркнуть, что человеческая деятельность, имеющая социальную природу, коммуникативна. Наиболее информативны, содержательны те объекты этой деятельности, которые запрограммированы в момент их создания на осуществление коммуникативных функций (общение во времени и пространстве, ради чего информация и закрепляется на материальном носителе). Поэтому источники, в которых информация выражена в знаковых системах, и составляют в основном объект источниковедения.

Принципиальным для источниковедения является раскрытие объективной природы источника, его связей с социальной действительностью, в которой он возник. Это позволяет рассматривать источники как целостную совокупность, возникающую в силу общих закономерностей. Опираясь на понятие социально-экономической формации, можно рассматривать целостную совокупность источников, созданных в процессе ее функционирования и развития, как систему взаимосвязанных объектов, отражающих закономерности развития и функционирования данной социально-экономической формации. Советское источниковедение в своих теоретических положениях исходит из понимания источника как социального явления, как исторического явления, возникшего в конкретных условиях. Источниковедческий подход открывает путь к изучению источника как исторического явления, отражающего закономерности развития и функционирования формации, данной системы общественных отношений. Теория источниковедения раскрывает и обосновывает единство методов источниковедческого изучения, включающих классовый анализ исторических условий возникновения источника – его происхождения,

авторства, связей с реальными условиями времени – и на этой основе создает подход к решению проблем интерпретации, оценки достоверности, полноты и уникальности его информации. В свете этих критериев обосновывается оценка значения источника и его места среди других источников. Эти принципиальные положения распространяемы на всю совокупность источников, отложившихся в ходе развития исторического процесса, и применимы к каждому источнику, особенно в связи с решением весьма существенного вопроса о том, какова иерархия систем, в которых в качестве одного из элементов может рассматриваться отдельный документ или их определенная совокупность.

Современная наука воспринимает объекты своего изучения более сложными, нежели это казалось прежде. Структура современного знания, отвечая сложности объекта, обнаруживает тенденцию к многоплановым (на различных уровнях) методам исследования, лежащим на стыке наук. Нет объекта более сложного, нежели человеческая деятельность, нашедшая свое воплощение в документах. Сложность объекта предполагает необходимость подхода к документу – историческому источнику – с позиций его изучения в качестве элемента различных систем.

Источниковедение исторически сложилось как научная дисциплина, изучающая документы с целью разработки методов выявления достоверных исторических фактов. Для этого исторические источники изучаются, классифицируются; анализируется их происхождение и авторство, история создания; разрабатываются методы интерпретации и научной критики, проверки достоверности свидетельств источников. В настоящее время в связи с активным взаимодействием источниковедения с другими науками и развитием интеграционных процессов можно говорить о формировании особой отрасли знания, направленной на изучение закономерностей отражения социальной действительности в материальных объектах человеческой деятельности и закономерностей ее восприятия через посредство документов.

Традиционное для источниковедения служение исторической науке, давшее основание его определению как вспомогательной исторической дисциплины, сложилось в двух

направлениях: эвристическом (отыскание, классификация, типология источников и введение их в научный оборот) и методико-аналитическом (разработка методики анализа содержания источника).

Уже для первых зарубежных, русских и ранних советских концепций характерно преимущественное внимание либо к первому (Э. Бернгейм, В. О. Ключевский, В. И. Пичета)³⁶¹, либо ко второму (Ш. В. Ланглау, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Н. Быковский)³⁶² направлениям. Достижения советской исторической науки в изучении исторических источников позволили в дальнейшем значительно расширить эвристический аспект характеристики источниковой базы истории СССР и всеобщей истории, в то же время совершенствовать методы источниковедческого анализа в рамках в основном видовой (А. И. Андреев, М. Н. Тихомиров, С. А. Никитин, А. Д. Люблинская, А. Г. Бескровный, М. Н. Черноморский, И. А. Миронова, Р. С. Мнухина)³⁶³ или же более общей, типовой (В. И. Стрельский, А. П. Пронштейн, М. А. Варшавчик)³⁶⁴ методики.

³⁶¹ Э. Бернгейм. Введение в историческую науку. СПб., 1908; В. О. Ключевский. Спецкурс по источниковедению. Соч., т. VI. М., 1959; В. И. Пичета. Введение в русскую историю. Источники и историография. М., 1922.

³⁶² А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории. Вып. II. СПб., 1913; С. Н. Быковский. Методика исторического исследования. М., 1931.

³⁶³ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1940; А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; А. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории. М., 1957; Источниковедение истории СССР XIX – начала XX века. М., 1970; Р. С. Мнухина. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973; М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР. Советский период. Изд. 2-е. М., 1976; А. Т. Николаева. Теория и методика советского источниковедения. М., 1975; И. А. Миронова. Источниковедение истории СССР XIX – начала XX века. М., 1975.

³⁶⁴ А. Ц. Мерзон. Основные задачи критики источников. М., 1958; В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968; А. П. Пронштейн. Методика исторического источниковедения. М., 1976; М. А. Варшавчик. Источниковедение истории КПСС. М., 1973.

Исторической науке источниковедение «помогает» в обоих направлениях. В эвристическом – оно ориентирует в исторических источниках, составляющих эмпирическую базу для изучения общественного развития как естественно-исторического процесса в целом или же истории отдельных периодов, этапов, истории стран и регионов, отдельных сторон и явлений исторической действительности. В методико-аналитическом – ориентирует в информации исторических источников, разрабатывает метод извлечения этой информации, ее анализа и качественной оценки. Обеспечение нужд исторической науки в обоих направлениях полностью сохраняет свою актуальность. Расширение функций источниковедения идет здесь вслед за изменением проблематики исторической науки, отвечая потребностям все большей актуализации задач изучения современных социальных процессов, введения в научный оборот массовых данных (в частности, с помощью ЭВМ)³⁶⁵, разработкой методов анализа массовых и специализированных видов исторических источников (средства массовой информации, графические и изобразительные источники, кинофотофонодокументы и др.). Создается типология военно-исторических источников, развивается источниковедение всеобщей истории³⁶⁶.

³⁶⁵ Ю. Ю. *Кажж*, И. Д. *Ковальченко*. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. «История СССР», 1974, № 5; Б. Г. *Литвак*. О путях развития источниковедения массовых источников. В кн.: «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969.

³⁶⁶ Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973; В. Т. *Логин*. Военно-исторические источники. Методологический анализ. В кн.: «Проблемы методологии и логики науки». Томск, 1974; С. С. *Дмитриев*. Источниковедение русской исторической журналистики. Постановка темы и проблематика. В кн.: «Источниковедение отечественной истории. 1975». М., 1976; А. Д. *Степанский*. Периодическая печать 1905–1907 гг. как источник в произведениях В. И. Ленина. В кн.: «Вопросы источниковедения истории первой русской революции». М., 1977; С. М. *Маневич*. Вопросы источниковедческого анализа печати Парижской коммуны. В кн.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 8. М., 1976; Б. Н. *Комиссаров*. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. Л., 1977; Актуальные проблемы источниковедения истории ВЛКСМ. Научные сообщения. М., 1976.

Основные задачи, которые источниковедение осуществляет в отношении исторической науки, специфичны не только для нее: эвристическое и методико-аналитическое направления необходимы и для других наук, опирающихся не только на экспериментальные данные непосредственного наблюдения, но и на информацию источников. Ряд общих задач имеют конкретные социальные исследования, социальная психология, искусствоведение и ряд других³⁶⁷. Возрастающий интерес к истории науки делает актуальной задачу разработки ее источниковедения. Уже начато изучение источниковедения историографии, истории философии, а в дальнейшем намечается более широкое изучение источников, архивных фондов и публикаций по истории русской, советской и зарубежной науки.

Интеграционные процессы развиваются в настоящее время в направлении укрепления связей источниковедения и архивоведения, что обогащает обе дисциплины. Идея использования всего ценного, что накопила современная наука по проблемам организации и изучения научной и технической информации, характерна для современной архивоведческой концепции классификации документной информации³⁶⁸. Эта идея составляет одну из исходных позиций в разработке таких перспективных проблем архивоведения, как изучение крупных комплексов управленческой документации, анализ форм и путей применения системного, информационного и источниковедческого подхода³⁶⁹. Несомненный интерес представляет введение в

³⁶⁷ С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. В кн.: «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» М., 1969; Рабочая книга социолога. М., 1977; Б. С. Илизаров, О. Ф. Козлов. Развитие системы средств массовой информации и пропаганды в СССР. / В кн.: «Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории». М., 1978.

³⁶⁸ К. И. Рудельсон. Современные документные классификации. М., 1973.

³⁶⁹ Ф. И. Долгих, А. В. Елатьевский. К итогам VII Международного конгресса архивов. «История СССР», 1973, № 1; В. Н. Автократов. Общая теория архивоведения. «Вопросы истории», 1973, № 8; К. И. Рудельсон, Н. М. Шенукова, Б. С. Илизаров. О перспективных направлениях архивоведения. «Советские архивы», 1978, № 4.

научный оборот понятия архивного источниковедения³⁷⁰. Особенно важно, что это понятие связывается с теоретическими и методическими проблемами комплектования государственных архивов и архивоведческой экспертизой ценности документов. Именно в данной области взаимодействие архивоведческой и источниковедческой методики представляется важным и перспективным ввиду особой сложности задач совершенствования критериев оценки ретроспективной информации документов – исторических источников. Наблюдается взаимодействие методов и подходов, развивающихся на стыке архивоведения и источниковедения, взаимно обогащающих друг друга эмпирическими данными и анализом общих свойств документов – исторических источников. Ориентирование в типологии источников, которое дает источниковедение, служит для архивоведения одним из критериев, позволяющих определить место архивных документов в общей системе источников ретроспективной информации, определить их специфичность и уникальность. В архивоведении в связи с решением задач экспертизы, отбора документов для публикации, организации научно-справочного аппарата необходимы источниковедческие критерии оценки информации источников. На стыке источниковедения и архивоведения перспективны исследования крупных комплексов документации, носящие интеграционный характер.

Интересно отметить, что, идя с различных сторон к исследованию проблем своей дисциплины, исследователи наталкиваются на объективно существующие общие свойства источников. Так, например, обстоит дело с изучением видовых свойств источников, связанных с функциями целевого назначения документов в реальной социальной действительности. Это давно интересует исследователей, основывающихся на объективных свойствах формы и содержания источников видовые методики их анализа. При выявлении свойств вида источника

³⁷⁰ В. Н. Автократов, А. В. Елатъевский. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами. Источниковедческий аспект. В кн.: «Источниковедение отечественной истории. 1975». М., 1976.

отмечается необходимость исследования истории видов для анализа структуры социальных организмов³⁷¹. Действительно, интересно с помощью видовых свойств источников подойти к анализу исторических явлений в сравнительно-историческом плане. В архивоведении, с позиций и для нужд этой дисциплины, соответственно рассматриваются существенные моменты, связанные с функциональной природой документов, что используется в качестве материала для разработки проблем экспертизы ценности документов³⁷². Лишь комплексное использование методов архивоведения, источниковедения, информатики, документоведения, библиографии и разработка новых методов исследования документов на стыке ряда научных дисциплин позволяют решать на современном уровне проблемы источниковедческой эвристики, экспертизы ценности документных массивов³⁷³.

Разработанная исследовательская методика с применением источниковедческих и архивоведческих приемов приводит к высокой эффективности при решении проблем поиска, анализа и введения в научный оборот крупных документальных комплексов уникального значения, какими являются документы В. И. Ленина, декреты и другие ценнейшие

³⁷¹ А. А. Курисов. К вопросу о природе видов источников. В кн.: «Источниковедение отечественной истории. 1976». М., 1977.

³⁷² В. Н. Автократов, А. В. Елпатьевский. Указ, соч.; В. Д. Банасюкевич. Вопросы терминологии управленческой документации. «Советские архивы», 1974, № 4.

³⁷³ Н. М. Шепукова, Н. Н. Коннова. О системном подходе при экспертизе ценности управленческой документации. «Советские архивы», 1974, № 3; В. Д. Банасюкевич. Управленческая документация как исторический источник (на материалах Министерства угольной промышленности СССР за 1971–1975 гг.). Автореферат канд. дисс. М., 1977; Н. И. Ходаковский. Источниковедческая эвристика (проблема поиска письменных исторических источников). Автореферат канд. дисс. М., 1977; *его же*. Организация поиска источников и литературы в источниковедческом исследовании. Учебное пособие. М., 1976; Н. Н. Коннова. Экспертиза ценности документов местных органов государственного управления. На примере документов исполкомов Советов народных депутатов г. Москвы и Московской области. Автореферат канд. дисс. М., 1978.

источники по истории Великой Октябрьской социалистической революции³⁷⁴.

Взаимосвязь источниковедения с исследованиями в области методологии и теории исторического познания развивается главным образом по линии анализа природы исторического источника в его отношении к прошлой исторической реальности, а также к процессу исторического познания. Объединение усилий историков-источниковедов и философов в этом направлении несомненно способствует углублению методико-аналитического аспекта источниковедения, оно необходимо для правильной постановки и решения проблем соотношения методологии и методики в источниковедении, для обоснования методов анализа формы и содержания источника, специфики отражения в нем социальной действительности³⁷⁵. Все это важно в связи с актуальными задачами критики идеалистических концепций природы исторического источника, субъективистских концепций восприятия информации источника историками. В свою очередь, источниковедение сохраняет в отношении философии как науки свою вспомогательную функцию³⁷⁶.

³⁷⁴ Сокровищница великих идей ленинизма. О Полном собрании сочинений В. И. Ленина. Изд. 2-е. М., 1966; Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970; *Е. А. Ауцкий*. Источники ленинского декрета о земле. Автореферат докт. дисс. М., 1970; *В. В. Аникеев*. Центральный партийный архив – арсенал истории Великого Октября. «Советские архивы», 1977, № 5; *С. И. Кузьмин*. Бесценное ленинское наследие. Поиски и находки. М., 1976.

³⁷⁵ *А. В. Черепнин*. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В кн.: «Источниковедение отечественной истории». Вып. I. М., 1973; *В. А. Дьяков*. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; *Г. М. Иванов*. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; *А. Н. Пушкарев*. Понятие исторического источника в некоторых работах советских философов. В кн.: «Источниковедение отечественной истории. 1975». М., 1976; *М. Н. Терешко*. Понятие исторического факта и его соотношение с историческим источником. В кн.: «Проблемы социальных исследований». Томск, 1973; *А. Т. Николаева*. Указ. соч.

³⁷⁶ *А. И. Новиков*. Методологические проблемы источниковедения истории философии. В кн.: «Проблемы методологии социального исследования». Л., 1970.

Значительное расширение социальных функций источниковедения связано с задачами совершенствования методов распространения источниковедческих знаний. Преподавание источниковедения как вспомогательной исторической дисциплины осуществлялось в основном при подготовке специалистов-историков и историков-архивистов. По-видимому, в дальнейшем вопрос преподавания источниковедения в учебных заведениях с гуманитарной специализацией, а также в средней школе найдет свое более полное освещение в специальной литературе. Проблемы преподавания источниковедения имеют несомненную актуальность в связи с задачами совершенствования общеобразовательной системы, и в частности, необходимо прививать умение «ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации»³⁷⁷. Можно констатировать тенденцию к расширению сферы общественной практики, с которой взаимодействует источниковедение в целом, или отдельные аспекты источниковедческого подхода к документам как памятникам истории и культуры. Это обстоятельство ставит с большой остротой задачи дальнейшего совершенствования методов анализа источников, отвечающих современным требованиям общественных наук, с одной стороны, и в меньшей степени ставит задачи повышения эффективности и качества методов передачи источниковедческих знаний и методики, прежде всего, методов преподавания. Как первый, так и второй аспекты ведут к несомненной актуализации разработки теоретических проблем источниковедения.

Взаимодействие теоретического и эмпирического аспектов в источниковедении развивается в соответствии с общими закономерностями диалектики теоретического и эмпирического в научном познании. Оба направления в современной науке являются необходимыми и взаимообусловленными компонентами, и постоянно воспроизводящееся диалектическое противоречие между ними является одним из движущих факторов ее развития³⁷⁸. В источниковедении теоретическое направление важно

³⁷⁷ XXV съезд КПСС. Стенографический отчет, т. 1. М., 1976, стр. 103.

³⁷⁸ В. С. Швырев. Диалектика теоретического и эмпирического в современной науке. «Коммунист», 1977, № 14.

своими познавательным и нормативным аспектами. Познавательный аспект включает исследование природы источника, специфики отражения в нем реальной действительности, закономерностей восприятия информации как автором источника, так и изучающим источник историком. На основе изучения природы источника и в зависимости от его объективных свойств формируются определенные оценочные критерии, обобщается методика, устанавливаются условия и границы ее применения. Будучи выявлены и апробированы на материале эмпирических данных, эти нормы и рекомендации могут затем применяться и к другим категориям источников, ранее не подвергавшимся изучению. При расширении социальных функций источниковедения нормативный аспект, обеспечивающий способы передачи научного знания и приложения его к новым объектам, приобретает особое значение. Насущная задача любой науки – обеспечение способов передачи накопленных знаний, их преемственности. Обеспечение нормального функционирования этих связей в науке в немалой степени зависит от разработанности теории. Для передачи опыта, обеспечения преемственности необходимо его обобщение на теоретическом уровне. Именно поэтому, в частности, процесс преподавания науки не является чем-то внешним по отношению к собственно научной деятельности, а нормативная роль теории используется в педагогическом процессе.

Источниковедческий подход направлен к выявлению общих свойств источников, формирующихся в процессе создания и функционирования их в конкретно-исторических условиях соответствующей системы общественных отношений.

Нами прослежено формирование новых «ответвлений» источниковедения, переплетение его со смежными областями знаний. Возможно, впоследствии этот процесс будет продолжаться, будут устанавливаться новые связи. Еще сейчас документоведение – его литература и преподавание – складывается вне связей с источниковедением. Дисциплины, недавно отпочковавшиеся от общего ствола человеческого знания, прежде всего утверждают свою специфичность. Со временем же возникает интеграция

дисциплин, имеющих общий объект исследования. Теоретически объект источниковедения включает не только архивные документы, средства массовой информации, книги, но и многие другие объекты человеческой деятельности, служащие для передачи информации. Интеграция наук, объект исследования которых частично совпадает с ним, обогатит источниковедение новыми методами. Предмет же его специфичен – добывание достоверных фактов из источников. Эта проблема всегда актуальна, особенно на современном этапе, когда совершенствование методов анализа ретроспективной информации служит задачам науки и общественной деятельности развитого социалистического общества.

О ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ³⁷⁹

Классификации исторических источников в советской историографии уделяется большое внимание. Проблематика классификации возникает на определенном этапе развития в каждой науке, когда создаются необходимые условия для теоретического осмысления множества реальных объектов исследования как целостной совокупности, когда накопление эмпирических данных об отдельных объектах создает возможность применить классификацию как средство познания их свойств в рамках классификационных групп. Рассмотрение проблематики классификации объектов как проблематики специальной может служить признаком такого состояния науки, когда определился процесс ее теоретизации, – перехода от эмпирической стадии накопления и систематизации данных к стадии теоретической.

В источниковедении классификационная проблематика включает в процесс анализа реальных объектов данной науки – исторических источников – целый комплекс взаимосвязанных методологических, теоретико-методических, историографических вопросов. А это, в свою очередь, не может не привлечь (в условиях интеграции современных общественных наук) интереса со стороны специалистов ряда других научных дисциплин и, прежде всего, таких научных дисциплин, которые, отличаясь от источниковедения предметом исследования, имеют общий с ним реальный объект исследования, – архивоведения и документоведения.

Все это делает понятным интерес к монографии А. Н. Пушкарёва как исследованию, в котором классификация русских письменных источников по отечественной истории рассматривается в качестве специальной теоретической проблемы³⁸⁰. На

³⁷⁹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* О проблемах классификации исторических источников // Советские архивы. 1978. № 5. С. 108–110.

³⁸⁰ *А. Н. Пушкарёв.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории М., 1975.

основе материалистического понимания исторического источника и обобщения опыта русской и советской историографии в области систематизации и классификации в монографии разрабатывается и аргументируется концепция трехступенчатой системы классификации источников на типы, роды и виды. Определяющий момент методологической позиции автора сформулирован в монографии и указан в написанном академиком Л. В. Черепниным предисловии. Это понимание объективной, независимой от историка природы исторического источника, который рассматривается, прежде всего, как исторический факт, как объект, созданный человеком или обществом на основе личных и субъективных образов объективного мира. Тем самым подчеркивается объективный характер знаний о прошлом и реальная возможность познания исторической действительности.

В качестве принципиального исходного положения в монографии определено понимание источника как сложного общественного явления, как диалектического единства объективного и субъективного. Это существенно для выявления принципиального отличия понимания природы источника в советском источниковедении от идеалистического. На методологическом уровне определен и подход к системе классификации: в основе классификации должны лежать объективные свойства источника, выраженные в его форме и содержании.

Характерной чертой монографии является ее историографичность, связь теоретического аспекта исследования с историографическим. Важна установка на использование всего рационального, что накопила предшествующая историческая наука в соответствующем направлении, использование свойств источника как оснований при систематизации и классификации. В главах, где рассматривается определение исторического источника и деление исторических источников, вводится в научный оборот богатейший историографический материал русской исторической науки XVIII–XX веков и советского периода. Указываются различные подходы к понятию исторического источника и способы систематизации источников,

предпринимавшейся в научных и практико-педагогических целях. Эти главы очень информативны, они снабжены обширным библиографическим аппаратом и открывают возможность для более углубленного изучения ряда концепций историографии источниковедения и для расширения историографического аспекта в преподавании источниковедения.

Анализ понятия исторического источника и схем его систематизации предшествует выводу о том, что научная классификация базируется на теоретическом анализе понятия исторического источника, что она опирается на объективные свойства формы и содержания источника, что проблема классификации должна рассматриваться с точки зрения логики, а также терминологии, нуждающейся в уточнении. Основная концепция классификации источников дана в главе «Классификация и систематизация письменных исторических источников», где обосновывается предложенная автором трехступенчатая система классификации. Это, прежде всего, типы, по определению автора, наиболее широкие категории источников, отличающиеся по принципу кодирования информации («в основе деления на типы лежит способ кодирования заключенной в источнике информации», стр. 191). На этой основе обозначено 7 типов источников: письменные, вещественные, устные (фольклорные), этнографические, данные языка, кинофотодокументы, фонодокументы. Далее классифицируются только письменные источники, которые в свою очередь подразделяются на два рода – документальные и повествовательные – и на виды. Категории источников, относящиеся к понятию типов, родов и отчасти видов, довольно традиционны, часто встречаются в источниковедческой, в том числе и учебной литературе, хотя не раз подвергались уточнениям и модификациям. Опираясь на практику систематизации источников, сложившуюся в историографии источниковедения в основном эмпирически, автор стремится показать объективное содержание и теоретическое значение соответствующей классификационной системы. Как справедливо отметил А. В. Черепнин, «автор обобщил многовековой опыт русского и советского источниковедения и подвел теоретическое обоснование под исторически сложившуюся систему

деления источников на типы, роды и виды, которая покоится на объективных, искони присущих источникам их качествах и свойствах» (стр. 3).

Насыщенная конкретными примерами и фактами конкретно-источниковедческого и историографического характера, монография интересна также и аргументированной, графически представленной концепцией – системой классификации источников по типам, родам и видам. Остановимся далее на некоторых дискуссионных проблемах, которые встают в данной связи. Ведь научный труд играет положительную роль в науке не только своими окончательными выводами и позитивными концепциями, но и тем, что позволяет выявить направления, нуждающиеся в дальнейшей разработке.

Классификация – не только средство упорядочения объектов науки, она может служить средством познания их свойств. В монографии рассматривается, каким образом она способствует выяснению существенно важных для источниковедения и нерешенных еще проблем. К сожалению, в данном случае классификационная концепция все же мало проявляет свою познавательную функцию – служить начальным этапом анализа и, прежде всего, по таким острым проблемам, как проблема достоверности и проблема критериев ценности источника. Высказанные в связи с характеристикой документальных и повествовательных родов источников соображения о связи достоверности и отражения в них реальной действительности (стр. 215–216) снабжены рядом оговорок. Гораздо категоричнее негативные высказывания относительно отсутствия зависимости между достоверностью и видовыми свойствами источников («русское и советское источниковедение вот уже более 100 лет пытается установить взаимосвязь между достоверностью источника и его видом... предложенное определение вида попросту снимает эту проблему», стр. 228), а также негативное по существу суждение о критериях ценности источников («в источниковедении не может быть пасынков и любимчиков. Ценность источника определяется темой, задачей исследования», стр. 264). Думается, что в обоих случаях автор не прав, отказываясь от возможности в принципе продолжать научный поиск в

указанных направлениях, имеющих первостепенное значение и в источниковедении, и в архивоведении. И в то же время, нельзя отказать ему в логичности, когда указанный вывод предопределяется некоторыми посылками аргументируемой концепции.

Рассмотрим обе проблемы. На наш взгляд, взаимосвязь между достоверностью и видовыми свойствами источника существует, но предложенное определение вида («исторически сложившийся комплекс письменных источников, для которых характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы», стр. 225) ее не улавливает. В чем же она состоит? Мы приблизимся к пониманию этой взаимосвязи, если отметим, что общие свойства как формы, так и содержания источников, относящихся к одному и тому же виду, формируются под воздействием общности функций источников данного вида в исторической действительности, в общественной практике определенного времени. Эта зависимость уже отмечалась в нашей историографии в связи с рассмотрением понятия вида. Анализируя природу видовых свойств источника, обнаруживаем далее, что функциональное назначение не только управляет отбором тех информационных данных, которые необходимо ввести в источник в связи с его прямым (истинным) назначением в общественной практике. Назначение обуславливает в содержании источника достоверность той определенной доли информационных данных, которые вводятся в источник целенаправленно, для того чтобы он соответствовал своему назначению. Достоверность этих данных корректируется в источниках соответствующего вида самой практикой социальной действительности, общественного функционирования: так достоверность, например, данных о стоимости проезда и его маршрутах в источниках такого вида, как железнодорожные билеты, корректируется их прямым назначением.

По-видимому, взаимосвязь видовых свойств источников с достоверностью существует, и исследование ее природы не представляется в принципе бесперспективным.

Разработанная в монографии система классификации непосредственно не связана с проблемой ценности исторических источников. Но актуальность проблемы критериев ценности

как для источниковедения, так и для архивоведения не позволяет автору обойти ее. Говоря об отличии классификации источников от их систематизации, автор отмечает, что внутренняя сущность классификации и ее графическая форма «должны как можно полнее и глубже отразить взаимосвязь и взаимообусловленность всей совокупности источников между собой» (стр. 237). Вопрос состоит в том, в какой мере классификация отвечает этой задаче. Обратимся к обобщающей циклической системе классификации исторических источников, поскольку именно она «наиболее убедительно подчеркивает взаимосвязь различных типов источников и наличие переходных групп между ними» (стр. 259).

В циклической системе источники, относящиеся к различным историческим эпохам, их типы, несопоставимые по уровню развития техники, общественного сознания и т. д., оказываются в близком соседстве – например, летописи и кинодокументы. Трактовка «связи письменных источников с источниками других типов» (стр. 260) абстрагирована от исторических связей; идет речь собственно даже не о связях источников, но о переходах из одного типа источника в другой: «циклическая система классификации изображает всю совокупность источников в виде замкнутого круга, разделенного (условно) на семь основных типов источников. Однако эти типы не отделены друг от друга непреходимой границей; наоборот, между ними находится большое количество переходных форм» (стр. 260). Циклическая классификация не создает, по видимому, возможности перехода от формы источника, способа его кодирования к анализу содержания. Это логично ведет к отказу от выработки на данной основе критериев оценки источника. Одно из достоинств системы, как отмечает автор, в том и состоит, что она «наглядно показывает равнозначность всех типов источников с источниковедческой точки зрения» (стр. 260). Отказ от выработки оценочных критериев на основе циклической классификации источников логичен, поскольку она таких критериев не предусматривает и не дает. Отсюда, однако, не следует вывод, что источниковедение в принципе не

имеет оценочных критериев. Источниковедение находит эти критерии в историческом подходе к источнику, к проблемам формирования исторически складывающихся комплексов источников. В реальной исторической действительности документация определенного исторического времени и, прежде всего, социально-экономической формации теснейшим образом взаимосвязана, взаимообусловлена, образуя единое коммуникативно-информационное поле. В действительности возникает и функционирует не масса, множество, «океан», как иногда пишут, источников, а целостная совокупность. Каждый документ, источник – элемент этой совокупности, что и определяет ряд моментов его содержания, тиражности, новизны, повторяемости т. д. Определение места конкретного источника или комплекса источников как элемента этой системы, этой совокупности с позиций историзма, конкретно-исторического анализа, его взаимосвязей с другими источниками – необходимое условие разработки критериев ценности содержания источника в источниковедении³⁸¹.

В связи со сказанным представляется спорным положение монографии об использовании циклической системы как средства для создания наглядных представлений о взаимосвязи различных типов источников в преподавании (стр. 274). Принцип историзма и конкретно-исторического подхода к источникам в преподавании особенно важен.

Практическое значение циклической системы, разработанной А. Н. Пушкаревым, состоит в другом. Эта система может рассматриваться как опыт графического выражения структуры информационного поля исторической науки. Циклическая система и тот огромный историографический и фактический материал, на который она опирается, полезен для сближения источниковедческих классификаций с существующими документными классификациями. Нельзя, однако, не сожалеть о

³⁸¹ О значении отражения взаимосвязей документов в связи с решением источниковедческих задач научного описания см. *А. В. Елпатьевский. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений. «Археографический ежегодник». М., 1968, 1970.*

том, что в монографии не нашли освещения результаты анализа современных документных классификаций, приведенные в труде К. И. Рудельсон³⁸². Указанные там положения о совместности источниковедческих классификаций с классификациями других документных систем непосредственно относятся к теме.

Высказанные в рецензии соображения о важном исследовании Л. Н. Пущкарева возникли в связи с тем, что, обобщая опыт прошлого, оно обращено, как пишет сам автор, к нерешенным еще проблемам теоретического источниковедения, перед которым стоят большие и важные задачи на современном этапе развития общественных наук, дальнейшего совершенствования методов анализа исторических источников.

³⁸² К. И. Рудельсон. Современные документные классификации. М., 1973.

ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В XIX–XX ВВ.³⁸³

Введение

История науки изучается для того, чтобы лучше использовать ее потенциальные возможности в решении задач, стоящих перед обществом. С этих позиций мы и рассматриваем здесь историю источниковедения. Очевидно то большое значение, которое источниковедение может иметь и отчасти уже имеет в современной социальной практике – в работе историка, архивиста, музееведа, а точнее – каждого, кто обращается к источникам с целью получения надежной информации о процессах общественного развития. Сегодня уже осознано, что такая информация необходима не только историкам-профессионалам, но и обществу в целом. Это понимание – важный элемент общественного сознания эпохи.

Однако, обеспечение необходимой источниковедческой культуры общества – задача трудная. Одно из условий для ее решения – теоретическая разработка источниковедческих проблем, и, прежде всего, проблемы метода источниковедения на высоком уровне обобщения.

Только на уровне концептуального подхода может и должно развиваться, да и преподаваться источниковедение сегодня, а также могут создаваться четкие практические рекомендации историковеда.

Главная задача историковеда – оценка источника с точки зрения его информационного богатства, следовательно, главная задача источниковедения – формирование научных критериев оценки источника с данной точки зрения, совершенствование методов проведения такой оценки.

Такая оценка нужна историку, социологу, решающему вопрос об источниковой базе своего исследования (источниковая база есть та совокупность источников, которая необходима и

³⁸³ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* История источниковедения в XIX–XX вв.: учебное пособие. – М.: МГИАИ, 1988. 71 с.

достаточна для решения поставленной проблемы). Для правильного формирования источниковой базы исследования необходимо применение метода источникововедческого анализа и оценки источника прежде всего для того, чтобы принять решение в какой мере будут использоваться те или иные источники для решения изучаемой исторической, социологической проблемы.

Другая сфера применения источниковедения – это оценка источника для решения его судьбы – будь то памятник культуры, документ, любой материальный результат целенаправленной человеческой деятельности, который может быть использован для настоящего (или будущего) исследования процессов общественного развития. Решение судьбы источника – перед такой проблемой стоит архивист, решающий комплекс вопросов о судьбах фондов, музеевед, публикатор-археограф, отбирающий памятники или документы для обнаружения.

Поскольку мы знаем, что историческим источником может служить все, что создано в свое время людьми в их конкретных целях, то становится ясно, как широк круг практиков, которым приходится принимать решения о ценности источника и его дальнейшей судьбе.

Речь идет о достижении обществом определенного, необходимого уровня источниковедческой культуры, отсутствие или недостаток которой оборачивается невосполнимыми пробелами источниковой базы истории человечества во всей ее полноте и многообразии. С этим связан и еще один аспект источниковедческих проблем, еще один практический выход на современную социальную практику – педагогический. Преподавание источниковедения в высшей и средней школе, в свою очередь, требует высокого уровня обобщения – целостной концепции, теоретического обобщения метода, только в этом случае метод может быть выведен на методiku исследования и преподавания.

В центр внимания данного пособия поставлена концепция источниковедения как цельного, систематического учения. Такой подход к источниковедению сформировался не сразу и до сих пор не получил общего признания.

История источниковедения рассматривается нами здесь с точки зрения того, как проявилась в ней главная тенденция развития целостной концепции источниковедения. Эта тенденция реально существует и проявляет себя в разнообразном, сложном по составу историографическом материале.

Кроме того, обращение к истории источниковедения за последние 100 лет дает внимательному читателю много материала для размышлений о природе источника, о его связях с историческим процессом, в ходе которого источник, возникает; об отношении источника и историка, который его изучает; о связи профессионализма и мировоззрения; о достоверности информации и путях ее установления; о роли личности ученого в процессе социального познания, о личностном и творческом характере исследовательских процессов, связанных с анализом и оценкой исторических источников.

Структура работы соответствует поставленной задаче. В первой главе прослеживается путь к становлению целостной концепции источниковедения в дооктябрьский период. Во второй рассматривается то новое, что было достигнуто в понимании природы исторического источника как социального явления и как объекта исторического познания. В третьей главе анализируется значение источниковедения и его метода в современной социальной практике.

Глава 1. Источниковедение на путях становления

1.1. Источниковедение в системе методов исторического исследования

Формирование источниковедения как особой исторической дисциплины, как предмета преподавания в ряде университетов Западной Европы и России относится ко второй половине XIX – началу XX вв. Это связано с появлением специальных курсов по методологии истории, в которых рассматривались в качестве предмета методы работы историка-исследователя. Проблемы метода исследования интересовали историков всегда, а специальная подготовка молодых историков велась в университетах достаточно давно. «Вспомогательные науки истории», или,

как принято их называть, вспомогательные исторические дисциплины, были к тому времени хорошо известны, давно и прочно вошли в состав университетских программ обучения историков. Эти дисциплины по своему предмету весьма специализированы, нацелены на изучение источников истории древности и средних веков – палеография, эпиграфика, дипломатика, представляли приемы исследования определенного круга источников и тесно были связаны со специализацией. В одних случаях, например, необходима латинская палеография, в других русская, и соответственно, таковы же были обобщения приемов анализа актов западно-европейских актов с особенностями их формуляра, признаков удостоверения и сфрагистическими особенностями, а также особенности, например, древнерусских актов и способов их составления в русских феодальных учреждениях и архивах. Постепенно складывалась идея о том, что помимо узкоспециализированных приемов исследования тех источников, которыми занимается данный специалист по роду своей деятельности, необходимо общее осмысление методов работы историка, его способов получения достоверных фактов, исследовательских приемов. Накопленный в развитии вспомогательных дисциплин опыт подводил к идее более обобщенного, типизированного осмысления исследовательских методов работы историка.

Методы работы с письменным источником, документом выработывались на практике в течение длительного времени. Особенно большое значение имели письменные источники – архивные документы правового характера. Их критическим анализом занималась дипломатика, и в специальных руководствах по дипломатике, на конкретном материале обобщались методы критики источников – методы установления их происхождения, подлинности, достоверности³⁸⁴. Вопросы исторической критики находили освещение в связи с задачами дипломатики – исторической дисциплины, занимавшейся изучением актов (императорских, папских, княжеских) в связи с историей их

³⁸⁴ *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris. 1893. Nouveau tirage, Paris. 1925; *Tessie G.* La Diplomatie. Paris. 1952; *Tessie G.* Diplomatie // Histoire et ses méthodes. Paris. 1961. P. 633–676.

возникновения в определенных канцеляриях и с их внешней и внутренней критикой. Накопление знаний об особенностях исторических источников, приемах их исследования явилось исходной базой формирования новой исторической дисциплины, изучающей источники и методы работы с ними – источниковедения.

Важной предпосылкой обращения к этим вопросам профессиональных историков явилось состояние общественного сознания. Постановка обществом перед наукой актуальных для него проблем, которые требуют решения, несомненно, является очень мощным стимулом ускорения процессов, происходящих в самой науке, вызывающим перестройку ее структуры, мобилизацию познавательных возможностей, нацеленность на решение интересующих общественное сознание вопросов. Без учета состояния общественного сознания эпохи трудно понять состояние и логику развития науки вообще, тем более общественной.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась проникновением в общественное сознание совершенно новых идей – идей закономерности процессов развития общества, научного понятия классов и классовой борьбы, взаимодействия и зависимости экономических, политических, правовых, духовных процессов, смены общественных формаций. В среде академической, университетской, в среде профессиональных историков эти идеи встречали, разумеется, неоднозначное отношение. Однако, несомненно, что при всем плюрализме отношения к ним, выявлявшемся в процессе идейной борьбы эпохи, возникло и нечто общее, а именно, была осознана необходимость понять специфику тех общественных процессов, которые составляют предмет исторического исследования, с одной стороны, понять и по возможности совершенствовать профессиональные методы исторического познания – с другой. Трудности познания процессов общественного развития, их специфика в сравнении с процессами и явлениями мира природы были очевидны, и необходимо было искать особые, новые пути исследования. Проблема метода познания, познавательных возможностей разума находилась в центре философских дискуссий рассматриваемого периода, и,

прежде всего, такого направления идеалистической философии, как неокантианство. Проблема метода познания была в центре внимания философии, – неокантианства – баденской (или фрейбургской, поскольку в земле Баден находились Гейдельбергский и Фрейбургский университеты) школы.

Ее основатель – В. Виндельбанд (1848–1915) выдвинул идею о принципиальном различии наук, изучающих закономерности (номотетические науки, от слова «номос» – закон) и единичные, особенные, неповторяющиеся явления (идиографические науки, от слова «идиос» – особенный). В отличие от естественных, изучающих закономерные, повторяющиеся явления – «науки о природе» – считал он, «науки о культуре», в том числе историческая, имеют дело с единичными, неповторяющимися явлениями. Другой основатель этого направления, Г. Риккерт (1863–1936) развивал ту же мысль: если естественные науки направлены на общее, закономерное, то история изучает единичные и неповторимые явления, события. Размышления над спецификой естественно-научного и культурно-исторического познания, в свою очередь, стимулировали потребность более глубокого осмысления природы исторического метода. Ведь, по существу, речь шла о проблеме принципиальной важности для историка, профессионала: является ли история наукой, и возможно ли достижение реального, истинного знания с помощью ее методов.

Большое влияние на историческую мысль рассматриваемого периода, да и на последующую западную историографию, оказали идеи немецкого философа и историка культуры В. Дильтея (1833–1911) развивавшего идею об отличии человеческого, гуманитарного мира истории – культурно-исторической реальности – от мира природы и о соответственном различии способов их познания. Задача философии, как науки о духе, состоит в понимании жизни как культурно-исторической реальности, исходя из нее самой. При этом, главное внимание уделяется методу понимания, целостного переживания, сопереживания как способа познания этой реальности. Применительно к истории – это означало способ понимания мира прошлого через

его психологическое осмысление, вживание в духовный мир людей прошлого. В качестве главного выступал метод герменевтики, иначе говоря – истолкования отдельных явлений как части целостной духовной культуры эпохи. Метод «понимающей психологии», а также «понимающей социологии» (как противопоставление описательной психологии или социологии), выдвигающий на первый план непосредственно психологически переживаемый момент внутренней связи духовной жизни объекта изучения и познающего субъекта, оказал большое влияние на последующую историографию методологии истории, особенно по проблеме методологии изучения и понимания исторического источника.

В условиях большого общественного интереса к проблемам истории, как науки острой, идейной борьбы по проблемам природы общественных явлений и способов их познания, в конце XIX – начале XX вв. в университетах России и Западной Европы складываются особые курсы методологии истории. Появляются учебники, отражающие степень разработанности этих проблем, меру их понимания, способ преподавания. Для нашей темы особый интерес представляет, в частности, то, какое место заняли в этих учебниках вопросы источниковедения и его метода.

В конце XIX – начале XX вв. в ряде университетских центров России и Западной Европы были созданы работы, представляющие первостепенный интерес для истории становления источниковедения как научного направления и предмета преподавания. Это, прежде всего, учебники университетских курсов. Обобщая опыт развития исторической науки того времени, они в то же время, обобщали опыт преподавания. В этом отношении учебники более (как историографический факт, – факт истории науки), информативны, нежели статьи, монографические исследования, работы по конкретным источникам. Дело в том, что преподавание всегда требует охвата предмета в определенной целостности, в соотношении его частей, раскрытия связи с другими областями знания. Учебники, особенно по дисциплинам, находящимся в процессе своего становления, произведения принципиально значимые, новаторские. Именно

с этой точки зрения они не утрачивают своего интереса и для последующих поколений, для всех, кого интересуют процессы развития науки. Остановимся подробнее на тех важнейших учебниках-монографиях, которые остались ценными источниками, памятниками исторической мысли и истории гуманитарного образования конца XIX – начала XX вв.

В рассматриваемый период мы не находим еще специальных руководств по источниковедению. Выделяются, в качестве предмета изучения, курсы методологии истории, ставящие целью показать методы работы историка. Одной из ранних и, в то же время, наиболее известных книг подобного рода, стал «Учебник исторического метода и философии истории» немецкого историка Э. Бернгейма (1850–1942), изданный впервые в 1889 г. и впоследствии неоднократно переиздававшийся³⁸⁵. На русском языке опубликован более сжатый вариант книги Э. Бернгейма «Введение в историческую науку», а также издан в виде отдельной брошюры под названием «Философия истории, ее история и задачи» перевод соответствующего раздела «Учебника исторического метода» по немецкому изданию 1908 г.³⁸⁶. Считая главной задачей философии истории «проблему исторического синтеза», Бернгейм исходил из того, что для историка-специалиста, в какой бы области сам он конкретно ни работал, необходима, прежде всего, выработка цельного «общего исторического мирозерцания» («глубоко заблуждается историк-специалист, – писал он, – думая, что ему нет нужды в общем мирозерцании»), с другой стороны, к числу основных проблем философии истории он относил «проблемы исследования теоретико-познавательных и логических принципов нашей науки («и если специалист-историк не захочет считаться с этими вопросами, то он часто рискует не суметь надлежащим образом воспользоваться приемами научного исследования, остаться беспомощным при решении новых задач»). Он разли-

³⁸⁵ *Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. I-e ed. Leipzig. 1889, 6-e ed. Leipzig. 1914.*

³⁸⁶ *Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб. 1908; Он же. Философия истории, ее история и задачи. М., 1919.*

чает, следовательно, собственно философию как способ мышления и средство выработки цельного мировоззрения, понимания общей связи явлений, и философию истории, предметом которой является именно историческое мышление. Поэтому, считает он, «философия истории относится к узкому кругу исторических вспомогательных наук, а вместе с тем – к историческому образованию». Иначе говоря, под нею понимается та область, которую последующие авторы стали определять как методологию истории, методы исторического изучения. Отдельно рассматривает Бернгейм область «обыденной методической работы», выросшую из практики – область вспомогательных наук, из которых он называет филологию (языковедение) – знание языка древних памятников; палеографию или науку о письменах; эпиграфику – учение о письменных знаках надписей; дипломатику или науку о древних грамотах; сфрагистику, нумизматику, генеалогию, геральдику и хронологию и, наконец, географию (точнее было бы сказать – историческую географию) включающую область физического землеведения, «политической или исторической географии», антропогеографию, географию животных и растений, географическую этимологию.

Методы исторического исследования по Бернгейму включают: источниковедение, критику, интерпретацию и изложение. Каждому из этих методов посвящены особые разделы книги.

Источниковедение (Quellenkunde) учение об источниках, охватывает все то, что может служить историческими источниками, дает возможность «все точнее разобраться в своеобразных различиях источников, соответственно их значению для познания».

В свою очередь, историческая критика отвечает «потребности точно установить факты на основании полного знания и подробнейшей оценки материала». Таким образом, в отличие от нашего современного представления об источниковедении, как включающем обе эти задачи, и обзор источников и их анализ, Бернгейм отводил источниковедению лишь первую. Анализ же

источников, или по его терминологии – критику, выделяя в качестве особого, наряду с источниковедением, метода исторического исследования. Особым методом он считает «интерпретацию», под которой понимается истолкование показаний источников, как с точки зрения их истинного смысла, так и их лучшего объяснения, например, с помощью сравнительного метода. Дальнейшая работа историка рассматривается им как раскрытие взаимосвязи фактов, их понимание и осмысление в историческом контексте, и, наконец, изложение – средство целесообразно выразить результаты исследования.

Какие же положения книги Бернгейма можно выделить, как представляющие интерес не только с точки зрения состояния источниковедения того времени, но и более широко, – для нового размышления над проблемами, которые эта книга затронула? Безусловно, ряд положений заслуживает такого подхода. Отметим своеобразную классификацию источников исторического познания. Из них названы: прямое наблюдение, сообщения (предания или пересказы) и остатки старины. По каждому из этих категорий источников высказаны интересные суждения о характере их отношения к действительности и, в связи с особенностями каждого, о методах их критического использования.

Непосредственное наблюдение событий, как источник сведений, рассматривается, прежде всего, со стороны психологической способности человека к их фиксации, необходимости учитывать способность восприятия, присущую человеку, а также влияние таких социально обусловленных факторов, как направленность интереса, профессия, степень образования, определенность установки, обусловленная общественным мнением эпохи и другие. Обращается внимание, в этой связи, на необходимость учета как индивидуально-психологических, так и социально обусловленных факторов при использовании такого источника, как воспоминания.

Большое внимание уделено проблемам, возникающим при использовании таких источников, как сообщения (свидетельства, пересказы), среди которых различаются устные, письменные и изобразительные сообщения. При анализе источников

этого типа возникает необходимость специального изучения вопроса о точности передачи сообщения, прежде всего, индивидуальной точности и надежности рассказчика. Отметим, что в книге вообще довольно большое внимание уделено устным источникам, – древнейшим видам сообщений, таким как историческая песня, рассказ о событиях в поэтической песенной форме, былина или сага, легенда (жития святых), анекдот, поговорки и крылатые слова. К письменным источникам, типа сообщений, автором относятся не те, которые ранее существовали в устной форме и позже были записаны, но лишь те, которые изначально были изложены в письменной форме. К их числу отнесены исторические надписи, генеалогические таблицы, списки чиновников или правителей, анналы и хроники, впоследствии перерастающие в исторические, сочинения, жизнеописания и биографии, мемуары и, наконец, периодическая печать. Особой разновидностью сообщений исторического характера выступают рисунки, картины, скульптурные произведения, карты и планы. Все эти источники объединяет опосредованное отражение прошлой действительности, чем и объясняется необходимость критического анализа, прежде всего, времени и места их происхождения, индивидуальности автора, учета возможной тенденциозности или односторонности освещения передаваемых свидетельств.

В отличие от сообщений, такой тип источников как остатки старины представляют непосредственные результаты самих событий, и потому могут рассматриваться как свободные от субъективных влияний. Они рассматриваются автором как памятники, как продукт своего времени, и с этой точки зрения требуют другого метода изучения.

Автором различаются два вида этих источников: памятники – остатки в широком смысле и памятники – остатки материальные. К первому относятся данные языка и топонимики, обычаи, нравы и учреждения. Ко второму, произведения всех наук, искусств и ремесел, группа деловых актов (протоколы, циркуляры, ноты, университетские матрикулы и пр.). Памятники в широком смысле объединяет в одну группу их общая черта – все они создаются в практической деятельности людей, без

намерения оставить свидетельства для будущего. Другая группа – это такие памятники, которые созданы намеренно, с целью сохранить воспоминания о фактах, если не для истории, то для каких-либо специальных целей, например, правовых, дипломатических и др. К ним отнесены монументы и надписи неповествовательного характера, пограничные и верстовые знаки, надписи на монетах и медалях, а из письменных источников – грамоты, созданные с соблюдением узаконенных форм. Этими грамотами, отмечается в книге, занимается специальная «наука о грамотах: или дипломатика», изучающая их, прежде всего, с точки зрения этих форм.

Мы подробно остановились на принципах классификации источников Э. Бернгейма, потому что в источниковедческой литературе она нашла свое последующее осмысление и развитие. Критические замечания по существу этой классификации, которые стали делаться почти сразу же после ее появления, состояли в том, что данная классификация абсолютизирует различия между типами источников и не может быть использована как классификационная схема. В действительности, каждый источник является, прежде всего, остатком своего времени, историческим явлением. С другой стороны, это его первичное качество несколько не исключает возможности использования в его содержании свидетельств – сообщений, требующих критического анализа. В ряде случаев и сам Бернгейм отмечал наличие в одном типе источников свойств другого, например, характеризуя такие памятники как группа деловых актов, он отмечал, что дипломатические акты, статистические материалы в свою очередь основываются на сообщениях и требуют критического анализа с этой точки зрения.

Правильнее было бы сказать, что подобное сочетание свойств является не исключением, но общим правилом, выражающим свойства любого источника. С одной стороны, закономерность возникновения памятника в определенных условиях придает ему достоверность как реалии своего времени. С другой, возможно наличие в его содержании достоверной и недостоверной информации, объективных и субъективных

суждений о фактах и событиях, что отражает диалектику субъекта и объекта в процессе создания памятника, соответствие его практическим целям, ради которых он в свое время возникал и использовался.

Ценность классификации Э. Бернгейма состоит в том, что он обратил внимание на принципиальное различие характера информации в источнике и на следующую из этого факта необходимость подходить к нему- с различных сторон и различными исследовательскими методами. В качестве общей классификации его деление источников на сообщения и остатки неприменимо. Но, коль скоро историк определил тему исследования, он может и должен проанализировать свою источниковую базу с данной точки зрения: для него важно понять, какие источники по изучаемой проблеме представляют собой непосредственные остатки, реалии времени, и с другой стороны, какие из них представляют собой сообщения, переказы событий. Подход к анализу, методы исследования, определение достоверности свидетельств будут для этих различных типов источников неодинаковыми. В этом и состоит познавательная ценность подобного подхода.

Источниковедение, понимаемое как обзор и характеристика источников, в книге Бернгейма тесно связывается с перечислением хранилищ источников – библиотек, архивов и музеев, а также с библиографией источников, прежде всего, по истории древности и средних веков. Наряду с источниковедением, как уже отмечалось, освещаются им проблемы критики источников. Раскрывая содержание критики источников, автор формулирует две ее основные задачи: определение их подлинности (внешняя критика) и достоверности (внутренняя критика). Понятие подлинности толкуется широко – историк должен удостовериться, что источники действительно те, за которые они себя выдают или за что мы их принимаем, т. е. не являются ли они полностью или целиком подложными, ненастоящими, или же не оцениваем ли мы их каким-либо образом неверно. Суть этой работы раскрывается на примерах определения подлинности как вещественных памятников, в частности, музейных предметов, так и письменных источников – деловых актов надписей,

генеалогических записей, различных текстов, хроник, частичных вставок-интерполяций в тексте и др. В процессе внешней критики решаются вопросы о времени и месте создания источника, об установлении его истинного автора, проведения сравнительного анализа сохранившихся текстов источника с целью восстановления первоначального текста и, в результате всех этих изысканий, ведется подготовка источника к изданию. Когда источники подвергнуты критическому отбору, определены и обработаны для издания, вступает в силу второй этап критики источников – внутренняя критика. Ее цель – установление достоверности. Главное направление этой работы связывается с изучением индивидуальности автора. «Его жизнь, призвание, политические взгляды, образование, сфера интересов, способ работы, нравственные качества» – все это должно оцениваться с целью установить, в какой мере автор источника способен и желал точно передать факты, насколько он является надежным свидетелем.

В ходе внутренней критики вновь работает уже упомянутое деление источников на памятники и сообщения. «Памятники служат в качестве доказательств, сообщения представляют показания свидетелей», – проводит автор определенную аналогию с судебным разбирательством. Большое значение им придается сопоставлению свидетельств, анализу причин совпадения или напротив, расхождения в фиксации и оценке интересующих исследователя фактов.

Заключительной задачей критики источников автор считает «распределение данных согласно теме, времени и месту». Иначе говоря, задача тут состоит в систематизации уже самих фактов, установленных с помощью источников, и выявлении связи или зависимости этих фактов с другими, как с точки зрения их внутренней связи с исследованием темы, например, различных сторон народной жизни. Эта систематизация, в свою очередь, подготавливает переход исследователя к следующему этапу работы, который носит название «интерпретация». Интерпретация или истолкование показаний источника трактуется автором весьма широко и неоднозначно, а именно, как понимание языка памятника, оттенков в языке соответствующего времени и места,

смысла употребления слов, технических выражений, вытекающих из воззрений и обычаев времени и страны. Следует, однако, заметить, что такое истолкование смысла и языка памятника, по сути дела, рассматривается Бернгеймом слишком поздно — после этапа критики источников. Между тем, никакая критика источника, и тем более анализ и систематизация фактов невозможны без их правильного понимания. В этом отношении этап интерпретации, несомненно весьма важный, должен был бы предшествовать критическому анализу, а не наоборот. Этап «интерпретации» трактуется достаточно широко, начиная завершающий этап «установления общей связи» фактов, т. е. исторического синтеза, создания общей картины изучаемых событий. Большое значение придается также «изложению», как средству целесообразного выражения результатов исследования, распределению материала, типизации, использованию отдельных фактов, применению вспомогательных и художественных средств.

Рассмотрев, таким образом, проблематику книги Э. Бернгейма можно заключить, что она представляет интерес, прежде всего, как факт становления методологии истории, как особого предмета. В ней обобщается опыт работы историка-исследователя по основным составляющим ее этапам: характеристика источников с точки зрения их познавательных возможностей, анализ источников с точки зрения их подлинности и достоверности (критика внешняя и внутренняя), выявление фактов и их взаимной связи, их истолкование, исторический синтез и наконец изложение результатов исследования. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют те разделы книги, где рассматриваются вопросы источниковедения и критики источников, что объясняется прежде всего тем, что историческая наука XIX в. накопила богатый практический опыт исследования, публикации и анализа источников, который в определенной системе и представлен в книге.

Отметим также, что книга представляет собой опыт учебника, т. е. вопросы методологии истории и, в частности, источниковедения, выступают здесь в качестве учебного курса. Можно получить представление о том, каким образом, на какой

теоретической основе, с каким материалом примеров и аргументов рассматривалось источниковедение и изучались методы критики (анализа) источников в данный период в университетском преподавании.

Необходимость специальной подготовки для исследовательской работы с источниками, ощущалась практически повсюду, и введение ее в университетское преподавание стало вопросом времени. Датский историк К. Эрслев, вспоминая свои студенческие годы, писал впоследствии, что ему очень не хватало этих знаний при начале занятий историей Дании позднего средневековья. Поэтому став в 1883 году профессором Копенгагенского университета, он уже в 1892 г. подготовил первый учебник о критике исторических источников, а позднее в 1911 г., издал там же известный учебник «Историческая техника»³⁸⁷.

Одно из первых руководств по методологии истории было создано английским историком Э. Фрименом (1823–1892) профессором Оксфордского университета, исследователем широкого круга источников как древней, так и новой истории, автором трудов по истории завоевания Англии норманами и истории английской конституции. В своем руководстве о методах исторического исследования³⁸⁸ Фримен исходил из понятия об истории, как науке, изучающей человека прежде всего как существо политическое, устанавливал соотношения истории с другими науками и вспомогательными историческими дисциплинами. В связи с проблемой достоверности исторического познания он обращался непосредственно к проблеме познания прошлого через посредство исторических источников. Им давалась классификация источников на различные их типы – памятники, документы и повествования, причем с этой классификацией он связывал различные методы установления подлинности источников и установления достоверности свидетельств. Проблема критики свидетельств показывалась на ряде конкретных источников.

Хотя работа Фримена не содержала систематического освещения всех аспектов методологии истории, она, несомненно,

³⁸⁷ *Erslev Kr. Historisk Teknik. Gyldendal. Kobenhavn. 1965. P. I.*

³⁸⁸ *Freeman E. The Methods of historical Study. London. 1686.*

была весьма важна уже самой постановкой вопроса, привлекала внимание к проблеме, живо излагала новые и сложные для молодых историков вопросы. Идея преподавания методов исторического исследования, как особого университетского курса и опубликования книги, отвечавшей этой цели, воспринята была далеко не везде и не сразу. Книга Фримена именно с этой точки зрения вызвала ряд скептических суждений в научной печати того времени. Авторы многих последующих трудов подобного рода, прежде всего, Ланглау и Сеньобос, Лаппо-Данилевский, специально останавливались на полемике вокруг книги Э. Фримена, разбирали аргументы его противников, доказывая, в свою очередь, необходимость методологии исторического исследования, как особого предмета университетского преподавания, обосновывая целесообразность создания специальных руководств для этой цели³⁸⁹.

1.2. Внутренняя критика и проблема достоверности

Во Франции идея создания руководства по методологии истории была реализована двумя известными учеными, профессорами Сорбонны – историком Ш. Сеньобосом (1854–1942) и историком, палеографом и филологом Ш.-В. Ланглау (1863–1929). Их книга, вышедшая в свет в 1898 г., представляла собой, по замыслу авторов, «опыт изложения метода исторических наук», в ней рассматривались «условия и приемы исследования», ставилась задача показать «характер и пределы знания в истории. Как удастся узнать о прошлом то, что возможно и что важно знать? Что такое документ? Как следует пользоваться документами для исторического сочинения? Что такое исторические факты? Как их нужно группировать в историческом труде?»³⁹⁰. Как и ученым других стран, приступившим в это время к созданию специальных трудов по методологии истории, авторам приходилось преодолевать определенное предубеждение против подобного направления исследований. Они разбирают

³⁸⁹ Ланглау Ш. Сеньобос Ш.-В. Введение в изучение истории. СПб. 1898; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб. 1913. Вып. II. С. 347–348.

³⁹⁰ Ланглау Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб. 1899.

аргументы противников создания таких трудов, приводят из истории науки ряд примеров, когда попытка подобного рода встречалась специалистами крайне настороженно, и все же приходят к выводу о том, что инстинктивного, чисто эмпирического труда, анализа и синтеза явно недостаточно для достижения научной истины: «Полезно изложить и логически обосновать теорию действительно рациональных приемов, уже теперь вполне надежную в некоторых ее частях, хотя и незаконченную во многих пунктах капитальной важности».

Настоятельную необходимость в руководстве, трактующем о методе исследования в истории, авторы, по их словам, ощутили на основании собственного опыта преподавания. Обращаясь, прежде всего, к настоящим и будущим специалистам-историкам, авторы в то же время считали свою работу полезной и для широкой публики, читающей сочинения историков, «чтобы она знала, как эти сочинения пишутся и была в состоянии с большей правильностью о них судить». Авторам, несомненно, удалось создать такую книгу, отражающую уровень разработанности проблем методологии истории в живой, занимательной форме, со многими яркими и остроумными примерами и аргументами.

Общую концепцию исторического метода, вернее метода работы историка, отражает сама структура книги. Книга состоит из трех частей, соответствующих трем стадиям работы историка, это прежде всего глава, отражающая подготовительную стадию работы по отысканию исторических документов в архивах, библиотеках и музеях, работа с исторической библиографией и работу над текстами с помощью методов вспомогательных исторических наук (палеографии, эпиграфики, дипломатики, филологии). Однако, основное внимание в книге уделено процессам собственно исторического исследования. Раздельно рассмотрены два этапа – «аналитические процессы», под которыми подразумевается работа историка с документами (источниками) и «синтетические процессы», под которыми имеется в виду историческое построение (группировка и обобщение фактов) и историческое изложение. Наибольший интерес представляет раскрытие авторами содержания аналитических

процессов исследования, они, в свою очередь, разделяются на внешнюю (подготовительную) и внутреннюю критику. В центре внимания внешней критики – работа с текстом (выбор лучшего текста) и критика происхождения, состоящая в установлении ряда фактов, связанных с происхождением источника: «беря в руки документ, следует прежде всего задаться вопросом: откуда он происходит? Кто его автор? К какому времени он относится?». С особой детальностью разработан авторами вопрос о методах внутренней критики, «имеющей целью распознавать, что может быть принято в историческом документе за истину». Иначе говоря, анализируется содержание документа и прежде всего его достоверность. В этом смысле и применяются авторами понятия внешней и внутренней критики, в первом случае историк имеет дело с реальностью текста документа, во втором, с логическим анализом его внутреннего содержания. Внутренняя критика, в свою очередь, предполагает анализ содержания документа с двух точек зрения: интерпретация (что хотел сказать автор) или положительная критика и проверка утверждений автора (негативная критика), т. е. проверка достоверности.

Отметим, действительно, большую важность интерпретации, как приема установления смысла, который вкладывал в свое изложение автор источника. Ланглау и Сеньбос хорошо показали, что при этом важно не только установление буквального смысла (знание языка, его исторического изменения, понимание личной авторской манеры изложения, понимание контекста), но также смысла реального (истолкование аллегории, юмора, иносказания, символики). «Искусство распознавать и объяснять скрытый смысл текстов занимало всегда видное место в теории герменевтики (это греческое название критики толкования) и в экзегетике (изъяснении) священных текстов и классических авторов», – напоминают авторы³⁹¹.

Центральной проблемой анализа источника всегда являлась проверка достоверности. Методам ее проведения авторы придают особое значение, они стремятся разработать ее по-новому.

³⁹¹ Ланглау III.-В., Сеньбос III. Указ. соч. С. 122.

Они справедливо отмечают, что, в отличие от хорошо разработанной методики проведения внешней критики, внутренняя критика во всех специальных, даже теоретических трудах по историческому методу, разработана гораздо слабее. «Авторы, как правило, ограничиваются рекомендациями о необходимости уяснить, достоин ли создатель источника доверия, и с этой целью выяснить – был ли он современником события, о котором свидетельствует, был ли он чистосердечен и хорошо осведомлен, знал ли истину и хотел ли ее высказать»³⁹². Несомненно, личность автора непосредственно связана с достоинствами его свидетельства, хотя данный критерий не единственный для проверки достоверности источника. Ланглау и Сеньбос, оставаясь в принципе на той точке зрения, что достоверность непосредственно связана с личностью автора, стремятся более детально разработать приемы установления этой связи. Они, и это важный момент в их методике, придают существенное значение изучению тех условий, в которых работал создатель документа. Для их выяснения они разработали серии вопросников, своего рода анкет, одна из них имеет целью выяснить, был ли составитель документа искренен и другая – был ли он достаточно точен в своих свидетельствах. «Вопросные пункты сводятся к списку намерений, могущих вообще побудить автора солгать». Вопросник предусматривает такие, например, варианты первого вопросника (был ли он искренен): обеспечение практической выгоды лично для себя или той группы для которой он работал (семья, провинция, отечество, религиозная секта, политическая партия, общественный класс); симпатии или антипатии, особого рода тщеславие, желание нравиться, следование определенным стереотипам, в том числе, литературным, особые обстоятельства и т. д.

Другой вопросник нацелен на проверку автора источника способности к точному наблюдению и его передаче (возможность наблюдения, характер наблюдаемых явлений и пр.). Наконец третий вопросник рассматривает характер передаваемого факта. В дальнейшем рассматривается метод сопоставле-

³⁹² Там же.

ния свидетельств. Окончательным итогом анализа становится ряд «установленных, прошедших проверку фактов». «Критика документов дает только изолированные факты», пишут Ланглау и Сеньобос. Группировка фактов, создание общей исторической картины – дело следующего раздела методологии истории – «синтетических процессов». Все завершается изложением результатов проведенного исследования в форме исторического сочинения.

Книги имеют свою судьбу и получилось так, что работа Ланглау и Сеньобоса получила широкую известность. По поводу развиваемой в ней концепции высказывалось в разное время много критических, иногда очень резких суждений. Как и почему это произошло, мы рассмотрим позднее, когда будем изучать развитие методологии истории в последующее время. А теперь обратимся к некоторым другим работам, вышедшим в рассматриваемый период, и, особенно, к тем положениям, которые в них высказаны относительно методов источниковедческого анализа.

Румынский историк, профессор Яского университета А. Ксенополь (1847–1920), автор ряда трудов, в том числе многотомной истории румын Троянской Дакии, посвятил теории истории специальное исследование³⁹³. В отличие от работ, посвященных целиком методам исторического исследования, он уделил «методу в истории» лишь одну из глав. Констатируя особую важность проблемы метода для исторической науки, как имеющей дело с фактами, непосредственно не наблюдаемыми и требующими реконструирования, ученый ставит целью детальное его изложение, поскольку оно уже выполнено в работах Э. Бернгейма и Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса, но дает более глубокую теоретическую разработку некоторых аспектов проблемы познания прошлого через источник, особенно тех, по которым он расходится с положениями этих работ.

Сложность и особенность фактов и явлений, составляющих предмет исторической науки, требует глубокого понимания сложности отражения человеческих действий и представлений

³⁹³ Xenopol A. La théorie de l'histoire. Paris, 1908.

в источнике. Неоднозначно, не всегда достоверно и адекватно отражаются в источниках даже события настоящего, те события, в ходе которых источники создаются. Именно поэтому Ксенополь обращает внимание на то, что памятники, даже материальные объекты, являющиеся своего рода остатками времени, нуждаются в тонком и глубоком анализе их достоверности. Еще более сложно опосредована прошлая действительность в источниках-сообщениях, когда историк имеет дело с рассказом, сообщением о факте, прошедшем, таким образом, через восприятие, сознание наблюдателя и рассказчика. Эта нарастающая сложность отражения исторической действительности в источнике передана Ксенополем с помощью классификации источников на три группы с этой точки зрения. Первая, с его точки зрения, наиболее достоверная, наиболее близкая к исторической действительности прошлого, это памятники – вещественные, материальные объекты, созданные людьми прошлого. Однако и здесь приходится из них выделять памятники искусства, требующие особой интерпретации, понимания их прямого и символического смысла, овеществленной метафоры. Вторая группа источников по степени их достоверности – сообщения неосознанного характера. Под этим термином ученый видимо понимал то, что чаще передается термином «ненамеренные свидетельства», а именно, такие документы, которые созданы для какой-либо практической цели, не имеющей в виду то сообщение, которое получает из этого источника историк. Наконец третья категория – осознанные свидетельства, когда источник сознательно создан для передачи сообщения о том событии, которое изучает историк (например, рассказ летописи о крещении Руси). Сравнение различных групп источников служит, таким образом, для выявления специфики отражения действительности, служит своего рода материалом для анализа соотношения источника и фактов, которые историк стремится узнать с их помощью. Вопросы характеристики и методов анализа источников занимают в трудах по методологии истории конца XIX – начала XX вв. значительное место. Эти работы привлекают внимание к особенностям творческого

метода историка, работающего над проблемой. Они различают два основных этапа такого исследования – этап работы с источниками и этап работы по синтезу, обобщению исторических фактов, полученных из источников. При этом этап работы с источниками выступает как необходимый, во многом определяющий качество дальнейшего исследования, оказывающий решающее влияние на его конечный результат. В то же время, этап работы с источниками не выступает как завершённый, самостоятельный. Его итогом является анализ – разложение содержания источника на отдельные свидетельства – факты, которые, после их проверки, становятся в свою очередь, объектом последующего изучения и в дальнейшем обобщения. Эта незавершённость исследовательского процесса работы с источниками нашла отражение и в терминологии: аналитические процессы (критика источников) противопоставляется синтетическим процессам (обобщения фактического материала и изложения, создания исторического произведения в той или иной форме).

Мы видели далее, что ученым этого времени стали ясны многие реально существующие трудности исследования источников. Прежде всего, они ощутили огромную сложность соотношения источника и факта, в нем отраженного, – то, что современный философ определяет как диалектику субъекта и объекта в процессе создания источника и в процессе познания³⁹⁴, ученые рассматриваемого периода, конечно, эмпирически ощущали в своей работе с источниками и фактами. Они стремились осмыслить и преодолеть эту сложность, прежде всего используя такой познавательный прием, как классификацию источников. Именно в этом и состоит познавательный смысл деления источников на памятники и сообщения, на памятники материальные и документы, на намеренные к ненамеренные (осознанные и неосознанные) свидетельства и их другие варианты, которые мы находим буквально в каждом учебнике или теоретическом труде того времени.

³⁹⁴ Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973.

Не всегда четко различая теоретико-познавательную логическую классификационную схему, призванную выявить общие черты определенного типа источников и реальную систематизацию источников, абсолютизируя замеченные общие черты источников, некоторые авторы как бы привязывали определенные источники к одному типу (по принципу или-или: или памятник, или сообщение, или остаток, или предание, или намеренные или ненамеренные свидетельства). Но в реальности конкретного источника эти черты совмещаются, и потому в полемике по этим вопросам мы встречаем весьма обоснованные возражения, указания на логическую противоречивость подобных классификаций, или при проведении реальной систематизации источников, появление одних и тех же источников в разных группах (например, как памятник эпохи и как сообщение, выступает летопись, периодическая печать, исторические сочинения и т. п.).

Особенностью источниковедческих работ этого времени является неадекватность и неразработанность терминологии. Часто употребление в неоднозначном смысле таких терминов как, например, историческая критика; источник, памятник, документ; анализ и синтез. Некоторые термины употребляются в разном смысле, например, внешняя критика и, особенно интерпретация – в одном случае, как понимания того, какой смысл вкладывал в источник его создатель (Ланглау и Сеньобос), а в другом, (Э. Бернгейм) понимание не только смысла источника, но, одновременно, истолкования смысла самого факта и явления, отраженного в источнике (например, путем сравнительно-исторического метода). Однако общие черты источниковедческого анализа, несомненно, вырисовываются при сравнении его изложения разными авторами в учебниках разных стран. В этом состоит большое и важное достижение источниковедения данного периода. Совершенно правильно выделено два основных этапа анализа источников: 1) комплекс вопросов авторства и происхождения источника, изучения его текста и его понимания (истолкования); 2) анализ содержания – полнота сведений и проверка их достоверности. В то же время, эта модель источни-

коведческого анализа излагается неоднозначно, а подчас непоследовательно или недостаточно логично. Так, например, интерпретацию (истолкование) источника иногда рекомендуется проводить после критики, хотя вряд ли возможно проведение критического анализа содержания без предварительного его правильного истолкования.

Несомненным и важным достижением трудов рассматриваемого периода явилось то, что они обратили внимание на методы работы с источниками, как на предмет специального изучения; наметили основные этапы анализа источников; дали характеристику важнейших исторических источников по их видам, указав для каждого его особенности и ценность для исторического исследования; поставили проблему достоверности и предложили некоторые пути ее установления; обратили внимание на связь достоверности источника с обстоятельствами его создания и личностью автора, его социальными и психологическими установками. В рассматриваемый период было достигнуто понимание того, что профессионализм историка включает как неотъемлемое и необходимое его условие – умение работать с источниками; логическим выводом из этого положения явилось введение преподавания соответствующих курсов методологии истории в университетском образовании. Об его уровне и характере можно судить по учебникам, вышедшим в рассматриваемый период в ряде стран, учебникам, которые верно указали на ряд специфических трудностей исторического познания и стремились доработать методiku их преодоления. Их авторы исходили из представления об истории как науке, выработавшей свои методы, профессиональное владение которыми в принципе позволяет достигать в практике исторического исследования результаты объективной истины.

За сравнительно небольшой срок удалось преодолеть довольно широко распространенное предубеждение против специализированного изучения методов исторического исследования, ввести методологию истории в практику преподавания ряда университетов и постепенно совершенствовать учебники по этой тематике. Однако различие подхода к преподаванию

методов исторического изучения четко прослеживается при рассмотрении этих, по существу, всегда новаторских трудов.

Преимущественное внимание в рассматриваемый период уделялось характеристике важнейших видов источников по истории древнего мира и истории средних веков. Тем более важно отметить, что уже в это время появились и специальные руководства по изучению истории нового времени. Г. Вольф³⁹⁵ обратил внимание на основные виды источников, важные для изучения истории Западной Европы нового времени, остановившись, в частности, на приемах исследования периодической печати и мемуаров, приобретающих для истории нового времени первостепенное значение. В основу логической классификации источников, определяющей специфику отражения действительности в них, автор положил известное деление их на остатки прошлого (памятники) и сообщения (исторические предания). Русский историк А. С. Лаппо-Данилевский в связи с разбором труда Г. Вольфа высказал свои суждения относительно исследования источников нового времени. Так, в частности, он отметил необходимость специального рассмотрения источников по истории культуры нового времени, отмечал недостаточную разработанность некоторых видов источников прежде всего переписки и, отчасти, актов нового времени³⁹⁶.

Более полное представление об источниковедческих трудах рассматриваемого периода на Западе дают ценные библиографии источниковедения всеобщей истории, опубликованные в то время³⁹⁷. Некоторые из них в настоящее время переизданы.

1.3. Источниковедение в России и формирование концепции методологии источниковедения

Источниковедение в России

Проблемы критики источников занимали видное место в трудах русских историков уже в XVIII веке. В рассматриваемый период, развиваясь в тесной связи с исторической наукой и вве-

³⁹⁵ *Wolf G.* Einführung in das Studium der neueren Geschichte. Berlin. 1910.

³⁹⁶ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб. 1913. С. 351.

³⁹⁷ *Herre P.* Quellenkunde zur Weltgeschichte. Leipzig. 1910.

дением в научный оборот исторических источников, источниковедение достигло высокого качественного уровня³⁹⁸. Источниковедческие проблемы составляют ведущее направление в исследовательской и преподавательской деятельности историков петербургской школы того времени. Профессор русской истории Петербургского университета и основатель Высших женских курсов, академик К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897) в своей педагогической работе стремился направить интерес исследователя в сторону источниковедческой тематики³⁹⁹. Среди ценных исследований отдельных видов источников отечественной истории отметим далее труд преемника Бестужева-Рюмина по кафедре русской истории в Петербургском университете С. Ф. Платонова (1860–1933) о древнерусских сказаниях и повестях Смутного времени⁴⁰⁰, труд профессора историко-филологического института (основанного в 1867 г., как высшее учебное заведение в Петербурге) С. М. Середонина (1860–1900) о записках иностранцев о России как историческом источнике⁴⁰¹, работу историка Н. Д. Чечулина (1863–1920) о мемуарах как историческом источнике⁴⁰². Н. И. Кареев (1850–1931) историк, автор ряда трудов по новой истории Западной Европы и по философии истории, профессор Варшавского и Петербургского (с 1885–1899 и вновь с 1906 г.) университетов, читал лекции по методологии истории на Высших женских курсах – бестужевских, по имени их основателя – историка К. Н. Бестужева. Лекции на этих курсах были им положены в основу учебного руководства, посвященного методам исторического изучения. Кареев использовал в названии своей книги довольно известный термин «историка», под которым понималась методология

³⁹⁸ Капитанов С. М. Источниковедение. // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II; Буганов В. II. Основные итоги и перспективы развития источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода. // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. М. 1979.

³⁹⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб. 1872, 1885. Т. I, II.

⁴⁰⁰ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб. 1888.

⁴⁰¹ Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб. 1892.

⁴⁰² Чечулин Н. Д. Мемуары как исторический источник. 1891.

истории или точнее методы исторического исследования. Карев различает три типа теоретических трудов об истории: историку или теорию исторического знания; историологию или теорию исторического процесса; теорию исторического преподавания. Источниковедение Карев трактует в духе западного понимания этого термина и со ссылкой на «немецких историков», как эвристику или отыскание исторических источников. Источниковедение в его трактовке – особый раздел исторической науки, занимающийся не методологией, а реальной, фактической стороной дела – установлением того, какие существуют исторические источники, каковы их издания, собрания, архивы, музей и т. п.⁴⁰³. Он отмечает также значительное терминологическое разнообразие в использовании понятий – исторический источник, памятник, документ, и недостаточно четкое логическое обоснование существующих классификаций источников. Критику источников он считает «по преимуществу созданием XIX века» определяя ее задачу как установление степени достоверности источников.

Выдающееся значение имели труды в области теоретического и конкретного источниковедения профессора историко-филологического института и Петербургского университета, академика (с 1899 г.) А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), разрабатывавшего вместе со своими учениками проблемы источниковедения русского частного акта. Его ученики, прежде всего А. И. Андреев и С. Н. Валк стали, в свою очередь, создателями источниковедческих трудов уже в послеоктябрьский период.

В Московском университете обзорный курс источниковедения читал профессор русской истории, выдающийся историк В. О. Ключевский (1841–1914). Курс этот в свое время им не предназначался для печати, и опубликован лишь в наши дни в собрании сочинений ученого. Общим проблемам критики источников была посвящена первая лекция, в дальнейшем же курс строился как обзор важнейших видов источников и приемов их исследования. Несомненно, в курсе использованы были более

⁴⁰³ Карев Н. И. Историка. Теория исторического знания. Пг., 1916, Изд. 2-е, С. 55.

ранние труды источниковедческого направления прежде всего исследование Ключевского «Жития святых как исторический источник», а также первый опубликованный труд историка, посвященный запискам иностранцев с России XVI–XVII вв.⁴⁰⁴. Известный историк, автор трудов по истории России и Украины, культуры и библиографии, киевский профессор В. С. Иконников (1841–1923) в своем труде «Опыт русской историографии» (1892) привел подробный обзор исследований по проблемам исторического познания и специально остановился на методах исторического изучения. Он рассмотрел, в частности, историю складывания методов исторической критики, как в России, так и на Западе, а также методiku изучения различных видов источников, методов внутренней критики источников приемов объективного изучения и художественного изображения исторической действительности. Историк античности, профессор Харьковского университета (с 1890 г.) В. П. Бузескул (1858–1931) включил в свое руководство «Введение в историю Греции» обзор источников по истории древней Греции доэллинистического периода⁴⁰⁵. Он дал характеристику широкого круга источников как устных, так и письменных, вещественных (язык, вещественные памятники, надписи, документы, литературные произведения и др.), останавливаясь на методах критики и интерпретации наиболее важных из них, в особенности сочинений древнегреческих историков.

Таким образом, методология истории, как особая область исторического познания и как научная дисциплина высшего исторического образования, получила определенное признание. В составе проблем, которые ею рассматривались, обозначились проблемы классификации и характеристики источников, интерпретации и критики исторических свидетельств. Однако единого представления об источниковедении и его методах еще не сформировалось. В применении понятий, связанных с анализом

⁴⁰⁴ Ключевский В. О. Соч. М., 1956. Т. 7; *Он же*. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918; *Он же*. Жития святых как исторический источник. М., 1988, 1991.

⁴⁰⁵ Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Харьков, 1904. Изд. 2-е.

и критикой источников, наблюдалась большая неоднозначность, объем понятия и связь их между собой теоретически не исследовались.

Формирование концепции методологии источниковедения

Особое значение в выработке цельного и систематического учения об источниковедении имели труды А. С. Лаппо-Данилевского, автора многих книг по социально-экономической, политической, культурной истории России периода феодализма, по историографии, археологии, дипломатике и его основной труд «Методология истории» (1910–1913 гг.)⁴⁰⁶. Методология истории, согласно его концепции, рассматривает общие принципы исторического познания и занимается преимущественно рассмотрением главнейших методов исторического изучения. Учение о методах исторического изучения состоит из двух разделов: методологии источниковедения и методологии исторического построения. За пределами этого учения остается, как отмечает автор, еще область технических приемов исторических исследований: «особый круг знаний, который можно было бы назвать, исторической технологией или техникой исторических работ, который должен был бы давать понятие о весьма разнообразной совокупности специальных дисциплин». Речь шла здесь о правилах собирания и хранения исторического материала, правилах его воспроизведения и издания, наведения исторических справок (т. е. библиографии) и, наконец, приемов составления исторических карт, таблиц и т. п. С исторической техникой не следовало, как подчеркивал автор, смешивать вспомогательные науки истории. Определив таким образом область методологии источниковедения, автор поставил целью дать ее теоретическое обоснование и систематическое изложение. Рассмотрев отечественную и западную литературу по этому вопросу, Лаппо-Данилевский составил себе определенное представление о степени его изученности. «Методология источниковедения до сих пор еще не представляет цельного и систематически развитого учения», – констатировал он. Одни

⁴⁰⁶ *Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. II. СПб. 1913.*

предлагают, например, взамен такого учения только обозрение конкретно данных источников, их коллекций и изданий в связи с «эвристикой» и отводят особое место критике. Другие готовы отождествить методологию источниковедения с «критикой», понимая ее в широком смысле. Третьи изучают исторические источники в их генезисе, например, в зависимости от тех условий и форм, общественной жизни, благодаря которым они возникли и т. п.⁴⁰⁷

Постановка вопроса о методологии источниковедения, как цельном и систематическом учении, была совершенно новой, выведившей данную область знания об источниках на иной качественный уровень.

Все предшествующие авторы, наполнявшие, как это верно отметил Лаппо-Данилевский, понятие источниковедения различным конкретным содержанием, были в то же время едины в том отношении, что представляли его себе не целостным учением, а, напротив, одной лишь из частей метода историка – аналитическим процессом, приобретающим смысл лишь при условии его продолжения и завершения процессом исторического синтеза. Показав же необходимость рассмотрения источниковедения как целостного, завершенного учения, Лаппо-Данилевский открыл новый этап в формировании источниковедения как целостной науки об источниках. Нам могут возразить, что и в концепции Лаппо-Данилевского методология источниковедения рассматривается как часть методологии истории, а другую ее часть составляет методология исторического построения (эта часть книги не была им написана). Да, разумеется, поставив перед собой задачу создать концепцию методологии истории, ученый имел в виду раскрыть содержание обеих ее частей – и работы с источниками, и создания исторического произведения, в этом подходе он не расходился с другими учеными до него рассматривавшими методы исторического изучения. Но принципиально важно не то, в чем он продолжал прежний подход, а то в чем он изменил его, внес новое, до сих

⁴⁰⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. Т. II. С. 353.

пор всегда речь шла о том, как добываются из источников необходимые для историка факты. После же того, когда факты получены, проверены на достоверность, отделены, если можно так сказать, от источников, эти последние теряют в глазах исследователя всякий интерес, о них как бы забывают, к ним больше не возвращаются, всецело обратившись к «систематизации» фактов. Напротив, Лаппо-Данилевский строит «учение об источниках» как логически целостное. Он завершает свою методологию источниковедения особой главой о «значении исторических источников», логически развертывая именно эту проблему, он показывает теоретическое значение источников (общее значение источников, типическое значение источников, индивидуальное значение источников) и практическое значение источников.

Цельностью отличается и его подход к разработке методологии источниковедения. Он стремится «прежде всего выяснить понятие о методологии источниковедения, в связи с той целью исторического познания, которую она стремится достигнуть; вслед за тем – перейти к систематическому рассмотрению главнейших ее частей, в основных своих положениях еще очень мало разработанных даже в современной литературе, и остановиться на учении об источниках исторического познания, т. е. на том, что именно следует разуметь под источником и каковы главнейшие разновидности источников, а также – на учении о главнейших критериях и методах их интерпретации и критики; в заключение – коснуться того значения, какое исторические источники имеют для нашей науки»⁴⁰⁸.

Ученый строит методологию источниковедения как цельнее к систематически развитое учение. Он определяет его как «учение об объективно-данных источниках исторического знания», имеющее тесную связь с методологией истории⁴⁰⁹. Это выделение методологии источниковедения в особое, цельное учение и явилось важным шагом вперед в развитии источниковедения. Заслуга Лаппо-Данилевского состоит в том, что он рассмотрел

⁴⁰⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. Т. II. С. 353.

⁴⁰⁹ Там же. С. 354.

область источниковедения как учение, цельность которого определяется его общим объектом – объективно-данными источниками исторического знания. Источниковедение, следовательно, выступает как учение об объективно-данных источниках. Сделав этот важный шаг, ученый в то же время рассматривает учение об источниках в более общей системе методологии истории. Смысл существования учения об источниках определяется согласно его концепции, задачами: исторического познания, оно обусловлено особенностями истории как науки, изучающей объекты, недоступные, в большей своей части, непосредственному чувственному восприятию. «Лишь самая незначительная часть действительности, протекающей перед историком, непосредственно доступна его чувственному восприятию, а остальная все же известна ему лишь по ее остаткам или из чужих наблюдений... Свое знание о большинстве сложных исторических фактов, например, историк принужден черпать из чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, доступных его собственному чувственному восприятию. В случаях подобного рода историку приходится предварительно выяснять не значение самого факта и даже не его остатков, а данного о нем показания или известия, очень часто восходящего к лицу, которое вовсе не было подготовлено к научному наблюдению над заинтересовавшим его фактом, а при таких условиях вопрос об основательности его знаний касательно изучаемого факта встает с еще большею силой и в еще большей мере нуждается, при своем решении, в принципах и методах, излагаемых в методологии источниковедения»⁴¹⁰.

Лаппо-Данилевский поставил своей задачей дать в систематическом изложении основные понятия источниковедения и систему его методов – методологию. Эта задача определила структуру его книги. В ней рассматривается понятие об историческом источнике, характеризуются их главнейшие виды, иначе говоря, обосновываются принципы классификации источников, раскрывается сущность метода интерпретации и исторической критики и, наконец, обосновывается значение исторических источников.

⁴¹⁰ Там же. С. 356.

Отличительной особенностью подхода ученого к изложению этих основных вопросов источниковедения является точность его понятийного аппарата, теоретическое обоснование каждого понятия, глубокая аргументированность каждого положения. Особенно важно, что понятие не просто формулируется автором, но выводится наподобие математической формулы, как бы возникает на глазах читателя (слушателя лекционного курса). «Добытое нами определение» – такое выражение часто употребляет ученый, рассматривая комплекс вопросов, связанных с понятием исторического источника, и это выражение наиболее точно отвечает характеру изложения материала.

Определения Лаппо-Данилевского отличаются логичностью, сжатостью, изяществом. Они несомненно выигрывают при сравнении с предшествующими. Так, Э. Бернгейм, «составитель одного из лучших руководств по методологии истории», по мнению Лаппо-Данилевского, определял источники как «результаты человеческих деятельностей, или непосредственно служащие, или же через посредство собственного существования, возникновения и в других отношениях преимущественно пригодные для познания или для доказательства исторических фактов»⁴¹¹. Русский ученый справедливо заметил по этому поводу, что, во-первых, результаты человеческой деятельности, как проявления душевной жизни человека, могут быть и недоступны историку. Чтобы стать источником, они должны быть доступны его чувственному восприятию, т. е. реализованы. Кроме того, попытка Бернгейма ввести в это определение еще и различия разновидностей источника и даже методов их исследования утяжеляет определение, делает его неясным.

Более ясным и кратким является французское, определение источников как «следов которые мысли и действия людей прошлого оставили по себе»⁴¹², но само понятие «следа», справедливо замечает Лаппо-Данилевский, не раскрыто авторами. Мысли и действия могут оставить «след» в мыслящем и действующем субъекте, но тем не менее, не быть доступны воспри-

⁴¹¹ *Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig. 1914. S. 252.*

⁴¹² *Ланглюа III.-В., Сеньобос III. Указ. соч. С. 1.*

ятию историка. Для этого они должны быть реализованы и облечены в материальную форму, в свою очередь, считая источником лишь произведение человека (в отличие от «произведений природы»), как психический продукт, запечатленный в материальном образе, Лаппо-Данилевский выводит следующее определение. «Исторический источник есть всякий реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»⁴¹³. Нетрудно видеть, что определение Лаппо-Данилевского, в свою очередь, оставляет многое неясным. И, прежде всего, чем же будет руководствоваться историк, придавая историческое значение фактам, содержащимся в источнике, последовательно, как определить «пригодность» данного реализованного продукта человеческой психики в качестве исторического источника. Для прояснения этого вопроса ученый далее выдвигает некоторые критерии научной «пригодности» источника: он отличает «с теоретико-познавательной точки зрения», основные источники (ближе остальных стоящие к изучаемому факту) от производных, сообщающих факт уже через несколько передаточных инстанций. Он говорит далее о том, что критерий «пригодности» это критерий подбора материала в зависимости от познавательной цели историка. В обоих этих ситуациях ученым берутся в расчет, как видим, не столько объективные свойства источника вообще, сколько относительные его свойства, выступающие в зависимости от темы (познавательной цели) исследования. Историк, познающий субъект, выступает при этом как создатель определенной системы ценностей, системы оценки источника в зависимости от своей познавательной (субъективной) цели.

Такой подход, с одной стороны, закономерен и необходим: роль и место источника при изучении конкретной проблемы всегда будет (и в этом смысле ученый прав) определяться в зависимости от того, прямо или косвенно отразились в нем интересующие нас факты, ценен он или нет для освещения исследуемой проблемы. Но нетрудно видеть и другую сторону дела – при смене познавательной цели уже другой источник

⁴¹³ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 375.

будет более ценен, более того, источник, только что распененный как прямой, окажется косвенным. Значит у Лаппо-Данилевского речь идет не о свойствах объекта (источника), а о таких свойствах источника, которые важны для обеспечения исследования именно такой, а не иной проблемы. Источник, как объективная реальность, как вещь в себе в этом случае, отодвигается на второй план. На первом плане – соотнесение объекта (источника) и познающего его субъекта (историка), лишь в познавательной системе последнего источник, как мы видели, выявляет какие-то свои качества (первичного, вторичного, пригодного или непригодного). В этой позиции, достаточно ярко проявляющейся в концепции Лаппо-Данилевского, прослеживается влияние философского воззрения неокантианства. Согласно учению Канта явления и вещи существуют объективно, «в себе», познание же начинается с их воздействия на познающего субъекта. Чтобы возникло подлинное знание, необходимо соотнесение восприятия с единством сознания познающего субъекта, который в этом смысле сам строит свой объект познания, точнее, строит его познавательный образ. В неокантианстве – идеалистической философии конца XIX – начала XX вв. – акцент был сделан не на объективности объекта познания, вещи в себе, как у Канта, а на активности мышления познающего субъекта. В этом смысле рассматривалось, например, неокантианством (марбургская школа) учение о том, что именно мышление «конструирует» изучаемые объекты культуры (науки, этики, искусства, религии).

Влияние философского направления неокантианства сказалось, конечно, на концепции методологии источниковедения Лаппо-Данилевского в целом, и на определении источника, в частности. Он ведь не рассматривается в качестве объекта, сам по себе, в себе, как сказал бы Кант, но, прежде всего, интерпретируется по логике историка, признающего его пригодным или непригодным в соответствии со своими познавательными целями.

Трактовка концепции Лаппо-Данилевского, как неокантианской, широко распространена в литературе. Однако важно обратить внимание и на другое, в его концепции есть и интересные «выходы», прорывы за пределы этой концепции,

прежде всего, в обращении именно к объективным свойствам источника. Это, в частности, заметно в определении источника как продукта человеческой психики, речь ведь идет о психике его создателя (не историка), а значит, об объективном, независящем от историка комплексе свойств, которые этим творцом, человеческой психикой изначально определяются. Далее ученый еще расширяет этот подход, он говорит о том, что «источник в качестве продукта человеческой психики – есть, конечно, результат человеческого творчества в широком смысле», это результат творчества определенного коллективного лица: народа, города, кружка и т. п. И в тоже время, источник несет и отпечаток индивидуальности автора «в этом смысле можно сказать, что каждый источник есть индивидуализированный результат творчества данной общественной группы или данного лица». Это положение ученого представляет собой важный момент понимания общественного характера источника как результата человеческой деятельности т. е. такого его понимания, которое действительно является необходимым условием определения источника, обуславливающим эффективно метод его изучения.

Следует также выделить такой момент в концепции ученого, как его положение «о телеологическом единстве источника, т. е. единстве его с точки зрения его назначения». Назначение источника представляется нам сегодня ключевым для понимания источника, для выработки правильного подхода к достоверности его информации. Поэтому с особым интересом подчеркнем здесь выход ученого за рамки концепции «источник-история», его прорыв к пониманию источника как реального объекта созданного его творцом, «пониманию единства цели создания источника, его назначения».

«Такое единство, – пишет ученый, – дано, конечно, в представлении о нем его творца: творческий акт придает единство источнику. Источник – целое телеологическое с точки зрения его цели, т. е. цели творца». В свою очередь, постигнув эту цель с помощью интерпретации, историк познает источник, «но и историк может достичь представления о его цели или назначении. С такой точки зрения он, конечно, интерпретирует, а также критикует источник».

Таким образом, рассматривая ключевое понятие методологии источниковедения Лаппо-Данилевского, понятие исторического источника, мы видим в нем, с одной стороны, стремление построить эту концепцию с теоретико-познавательной точки зрения, т. е. рассматривать источник и методы работы с ним с точки зрения познающего субъекта – историка, обращающегося к источнику с определенной, конкретной познавательной целью. Логике восприятия историком источника ученый стремится подчинить все изложение. И, в тоже время, объективные свойства источника, источник «в себе» постоянно, как бы ломая эту теоретико-познавательную схему, выступает на первый план, поневоле привлекая к себе внимание. Как теоретик и логик – ученый, возможно, неокантианец. Как исследователь – практик, материалист, ощущающий объективную реальность источника, созданного человеком, творцом, с определенной целью, выразившим в этом источнике и его назначение, и свою цель, и свою индивидуальность.

Это двуединство – противоречие концепции прослеживается и в последующих главах книги.

Глава «Главнейшие виды исторических источников» рассматривает проблему классификации источников. Отмечено очень верно главное назначение классификации – разобраться в большом разнообразии источников, которое, в свою очередь, обуславливает «довольно существенные отличия в методах его изучения».

Логическому анализу подвергает историк эмпирическое деление источников на памятники вещественные, «словесные» и письменные. Для него суть деления составляет специфика источников, изображающих факт, в отличие от источников, обозначающих факт. В первом случае, материальная форма источника изображает факт (древний храм, картина и пр.), во втором, обозначает (символизирует) его с помощью знаков, большей частью графических. Очевидно, что в основе такого различения источников лежат их объективные свойства. Ученый, однако, по логике своей основной теоретико-познавательной концепции, кладет в основу различие того впечатления, которое памятники первого и второго рода оказывают на историка: при

восприятию изображающих источников, историк переживает непосредственное чувственное впечатление, при восприятии обозначающих он должен раскрыть символику знака, расшифровать его условность.

С этой классификацией соседствует и другая, где в основу различения групп источников кладутся, непосредственно, их объективные свойства, определившиеся в соответствии с целью их создания: это деление на источники с фактическим (предметы быта, деловые бумаги) и нормативным, регулирующим содержанием (нормативно-правовые памятники, вроде Салической правды, правил техники).

Впервые так полно разработано им учение об интерпретации источника – ее значении, методах, соотношении с критикой источника; дано много конкретных примеров применения метода интерпретации к письменным и вещественным памятникам, археологическим остаткам культуры, произведениям искусства и литературы.

Он хорошо показывает и обосновывает значение интерпретации как целого комплекса методов, имеющих общую и очень важную цель: установить то значение источника, которое его автор придавал ему, «что именно автор хотел выразить»; она дает возможность, например, одинаково проникнуть в мировоззрение или отдельное показание автора, будет ли оно истинным или ложным, и предоставляет критике решить вопрос о ценности такого свидетельства для изучения исторической действительности (истолкование символики, аллегории, скрытого смысла, иносказания и т. п.).

Данное в книге точное определение задач интерпретации источника в системе методологии источниковедения и раскрытие ее методов имело важное значение. Во-первых, обращалось внимание источниковедов на необходимость внимательного истолкования смысла источника, как необходимого условия его последующего изучения и использования. Во-вторых, ученый раскрыл соотношение интерпретации и критики источниковедения. Он ясно показал, давая анализ современной ему литературы вопроса, что систематической обработки и законченного

построения учение о критике, при всей его важности, в то время не получило. Ученый показал далее, что нельзя придавать исторической критике чрезмерного значения, отождествляя ее чуть ли со всей методологией источниковедения. Нельзя, отмечал он, смешивать понятие методологии с понятием о критике, не следует и объединять интерпретацию с критикой. Примеров подобного смешения можно было найти много в рассматриваемый период⁴¹⁴, а также и значительно позднее. Не следовало, например, как отмечалось далее, и отождествлять критику с интерпретацией, называя ее «истолковательской критикой». В то же время ученый считал, что содержание критики источников не есть и свод технических правил для различения ценного от неценного, негодного от годного и т. п. Историки и филологи, много сделавшие в области практики приложения технических приемов к различного рода материалам, мало обращали внимание на общее содержание и развитие критики. По определению ученого, «историческая критика устанавливает научно-историческую ценность источников»⁴¹⁵, причем разновидности исторической критики устанавливаются им в зависимости от познавательных целей. Исходя из того, что источник может иметь научно-историческую ценность, либо в качестве исторического факта, либо в качестве показания (свидетельства) об историческом факте, ученый различает критику, устанавливающую ценность источника как факта и критику, устанавливающую ценность его свидетельств о факте. Говоря в общей форме, первая занимается проблемой подлинности источника, вторая – проблемой его достоверности.

В свою очередь, понятие достоверности или недостоверности источника формулируется ученым с теоретико-познавательной точки зрения. Определения достоверности источника «в смысле соответствия его показаний с действительно-

⁴¹⁴ В качестве примера подобного подхода у него выступает книга Ш. Смедта «Принципы исторической критики» и французского ученого, преподавателя Школы хартий А. Тардифа «Основные понятия исторической критики».

⁴¹⁵ *Литто-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 521.

стью» Лаппо-Данилевский не принимает на том основании, что «действительность», о которой историк судит, с которой соотносит соответствие или несоответствие свидетельств, сама по себе предстает перед историком «построением ее, ...а не действительностью, самой по себе взятой в ее целостности». Иначе говоря, и сама реальная действительность – вещь в себе. Единственным критерием истины служит, в его философской системе, чувственное, непосредственное восприятие. И, «следовательно, историк признает источник достоверным, если он на основании его показаний о факте может научно судить о том же факте, – как если бы сам испытал или не испытал его в своем чувственном восприятии»⁴¹⁶.

Реальная действительность – вещь в себе, ученый не выдвигает иных критериев для суждения о ней, как восприятие и мышление познающего субъекта – историка. При таком подходе, пронизывающем концепцию ученого, естественно, что раскрытие проблемы достоверности источника дается далее по линии анализа диалектики познания, в особенности психологии восприятия, наблюдения, свидетельского показания, причин совпадения свидетельств, их зависимости друг от друга, связи показаний с эмоционально-волевыми факторами их образования. Подробно анализируя характерные трудности такого психологического или, точнее, социально-психологического характера свидетельств источников, Лаппо-Данилевский приводит много ярких примеров из источников, субъективизм которых действительно особенно высок – мемуаров, агиографической житийной литературы, сказаний и исторических легенд, исторических песен. Много интересных соображений высказано ученым относительно сказаний, передававшихся через ряд людей в устной форме и видоизменявшихся при этом. Он останавливается на вопросе о соотношении устных источников типа легенд и «слухов», и письменных, говоря, например, о включении устных свидетельств в состав хроник, когда устное предание, будучи зафиксировано, превращается в письменное. Автор подчеркивает далее, что приложение общих принципов

⁴¹⁶ Там же. С.620.

критического изучения к конкретному случаю, предполагает исследование каждого случая, специальный анализ, на котором только и может основываться вывод о достоверности как отдельного свидетельства (показания), так и тем более совокупности показаний, образующих источник.

Отмечая большую ценность этого раздела книги, нельзя в тоже время не заметить, что в подходе к проблеме достоверности – центральной в источниковедении, больше всего сказывается суть той или иной концепции, отражается методология. Главный вопрос при этом – какой же критерий (или критерии) достоверности свидетельств (или, в терминологии Лаппо-Данилевского, показаний) источника? Из изложенного выше ответ ясен – этим критерием служит суждение историка. Именно историк проводит анализ показаний, используя всю полноту исследовательских приемов, ему и решать этот вопрос, соотнося свидетельства со своим личным, общечеловеческим и профессиональным опытом. Отсюда проистекает вывод о том огромном значении, которое имеет личность историка. Масштаб личности историка действительно играет огромную роль в историческом познании, и с этой точки зрения тот вывод, к которому приходит ученый, вполне закономерен. Главное – способность понимания, способность выявления сложных диалектических связей и противоречий, отбора не вызывающих сомнения свидетельств. Но в целом, раздел с достоверности заканчивается в книге суждением о том, что вопрос о достоверности – это вопрос конкретного исследования, индивидуального, по существу исследования каждого отдельного случая. Он заканчивается призывом воздержаться от желаемого, но недостаточно обоснованного окончательного вывода, не спешить отказаться от сомнений.

По-видимому, в рамках рассматриваемой концепции, когда действительность остается «в себе» целостностью, вещью в себе, а источник рассматривается с теоретико-познавательной точки зрения, т. е., прежде всего, с точки зрения того, как воспринимает его историк, этот подход к проблеме достоверности является единственно логичным.

Завершая свою концепцию методологии источниковедения, автор, однако, вновь выходит за рамки теоретико-познавательной точки зрения. Об этом свидетельствует, в особенности, заключительная глава книги «Общее значение исторических источников». Без исторических источников не только нельзя конструировать историю человечества, но в конечном счете, они выступают как своего рода критерий практики, о помощью которого выверяется научная гипотеза – наше представление об истории человечества. «Следы прошлого развития доступные непосредственному научному исследованию в исторических источниках, и с такой точки зрения можно, пожалуй, сказать, что история есть научная гипотеза, при помощи которой мы объясняем эмпирически данные исторические источники; гипотеза подобного рода возникает применительно к тем источникам, которые объясняются ею, и обратно, – те теории, которые не соответствуют источникам и не оправдываются ими, исключаются из истории: они не могут служить для ее построения»⁴¹⁷.

Следовательно, на основной вопрос о достоверности исторического знания ученый, в принципе, отвечает позитивно и залогом достоверного исторического знания выступает, с его точки зрения, совокупность ценных источников и подвергнутых исчерпывающей интерпретации и критике. Ученый polemизирует с излишне скептическими оценками возможностей исторического познания, с оценкой источников лишь как случайно уцелевших обломков или отрывков старины. «Пробелы, конечно, ощутительны, – пишет он, но они все обнаруживаются не во всей совокупности материала, а в отдельных случаях; нельзя распространять на всю его совокупность скепсис, вызванный дефектами в некоторых его частях»⁴¹⁸. В целом, исторический материал все же пригоден для познания исторической действительности».

Раскрывая значение исторических источников для обеспечения достоверности исторического знания, Лапшова-Данилевский в ряде моментов выходит за пределы теоретико-познавательного подхода, когда источники рассматриваются

⁴¹⁷ Там же. С. 767.

⁴¹⁸ Указ. соч. С. 771.

прежде всего в связи с процессом их познания историком. Выступая против представления об источниках как «случайных остатках» прошлого, ученый говорит «о тесной связи между проявлениями культуры, частями данного культурного целого» именно благодаря этой связи «случайные пробелы одного рода, источников восполняются данными, почерпаемыми из других источников; с последней точки зрения данное культурное целое и изучается по совокупности относящихся к нему источников». Ученому свойственен широкий подход к источникам, в поле его зрения «самые разнообразные источники: и данные языка, и пережитки, и предметы древности, и документы, и законы, и полемические сочинения, и публицистика, не говоря уже о собственно повествовательной литературе и т. п.». Исходной позицией его методологии источниковедения является единый подход к источникам как реализованным продуктам человеческой психики, лишь в рамках этой единой «человеческой» сущности, источники различаются далее по их значению, по способу передачи исторических фактов (например, источники изображающие и обозначающие факт). Близко современному пониманию мысль о практическом значении источников в деле преемственного развития культуры; «без постоянного пользования историческими источниками, — завершает ученый свою книгу, — человек не может соучаствовать в полноте культурной жизни человечества».

История, как наука о прошлом человечества, обеспечивает себе фактический материал в значительной мере не путем непосредственного наблюдения, но посредством исторических источников. За века развития она накопила определенный опыт профессиональных исследовательских приемов, которые позволяли выводить определенные суждения о подлинности источников и о достоверности фактического содержания свидетельств. В ряде научных трудов и учебных руководств была отражена система критериев — установления времени и места создания источников (а, следовательно, проблемы их подлинности), вспомогательных исторических дисциплин, и также отражены принципы критического анализа достоверности свидетельств (методы исторической критики).

Необходимость более глубокого теоретического осмысления методов исторического познания и исторического исследования, как особого типа научной деятельности, выявила потребность в более направленной, профессиональной подготовке историка. Во второй половине XIX – начале XX вв. стали появляться специальные теоретические труды и руководства для высшей школы, содержание которых можно определить термином «методология исторического исследования», имея в виду слово методология в профессиональном смысле, как совокупности методов, применяемых в данной науке. Первые из таких руководств встречали неоднозначное, подчас скептическое отношение, да они и были далеко не совершенны, весьма существенно отличались друг от друга по уровню, по структуре и содержанию. Не случайны и различия в названии первых таких руководств – «учебник исторического метода», «введение в изучение истории», «историка» (которая определялась как научная дисциплина, изучающая вопросы методологии истории), «историческая критика» и даже «историческая техника», они имели целью охватить всю совокупность методов исторического исследования, выявить особые исследовательские трудности исторического изучения и наметить пути их преодоления, формулировать рекомендации историку, в том числе в его работе с источниками.

К числу наиболее интересных конкретных идей следует отнести два подхода к проблеме достоверности: один из них – через изучение личности создателя источника, его психологических качеств (искренность, способность к точному наблюдению) и его социально-психологические стереотипы мышления и др.; наметился и другой подход к достоверности – с помощью классификации источников по признаку прямого или опосредованного отражения в них фактов действительности (источник как «остаток» факта, или свидетельство источника о фактах).

Ценные наблюдения над источниками и процессами их познания не были, однако, систематизированы и скоординированы. Вопрос об источниковедении как «целостном и систематическом

учении об источниках» впервые поставлен в трудах А. С. Лаппо-Данилевского. Постановка этого вопроса имела важное теоретическое значение, была новым этапом на пути превращения источниковедения в науку об источниках. Ведь только совокупность скоординированного знания, взятого в его отношении к определенному объекту, может рассматриваться как наука. Именно поэтому Лаппо-Данилевский формулировал прежде всего понятие исторического источника и соотносил с ним далее другие понятия источниковедения и методы источниковедческого исследования – классификации, критика, интерпретации, определений значения исторических источников.

В соответствии со своими общефилософскими мировоззренческими представлениями, Лаппо-Данилевский рассматривал основные понятия источниковедения прежде всего в системе исторического познания.

Методология источниковедения в его концепции – часть методологии истории. Методология истории выступала как более общее понятие, как совокупность методов историка, и включала в себя методологию источниковедения и методологию исторического построения.

Глава 2. Изучение источника в системе исторического познания и в системе исторического процесса

Для того, чтобы лучше понять направления развития источниковедения после 1917 г., необходимо учесть важные изменения в общественном сознании эпохи, те условия, в которых разворачивались уже более специальные, профессиональные дискуссии об историческом познании и методах исторического исследования. Состояние и тенденции развития источниковедения в 20-х – 50-х гг. XX в. нашли отражение в весьма значительном и разнородном историографическом материале. Среди историографических источников по этим проблемам – теоретические труды, научная периодическая печать, руководства по методологии истории, источниковедению, исторической критике, вышедшие в разных странах и ставившие перед собою

различные практические задачи: научно-исследовательские, педагогические, историко-культурные.

2.1. Источник в системе исторического познания

В зарубежной историографии этого периода наиболее интересными с точки зрения интересующих нас проблем являются: труд французского историка М. Блока (1886–1944) «Апология истории» (1949); труды французского историка, основателя секции Социальных и экономических наук в Школе Высших Исследований Л. Февра (1873–1956), собранные им впоследствии в книгу «Битвы за историю» (1953); труд английского философа и археолога Р. Коллингвуда (1889–1943) «Идея истории» (1947); труд французского историка А. И. Марру (1904–1980) «Об историческом познании» (1960, изд. 4-е)⁴¹⁹. Целесообразно выделить три типа изданий, в которых по тем или иным углом зрения отразились интересующие нас проблемы источниковедения.

Это – научные труды и учебные руководства по общим проблемам методологии истории, (часто имеющие и более популярное название, например, «исследовательский аппарат историка», «как пишется история» и т. п.). В них работа с источниками рассматривается в связи с процессом исторического исследования, как один из его этапов, предшествующий историческому синтезу и историческому изложению. Это, далее, более специальные руководства, рассматривающие методы работы с источниками, и это, наконец, «источниковедение» в более конкретном смысле – источниковедческая эвристика, прежде всего обзоры источников по конкретной исторической, историко-литературной, историко-культурной проблематике.

В историографии рассматриваемого периода нашло отражение определенное разочарование в истории как науке, ее возможностях достижения истины с помощью профессиональных средств, которыми располагает историк. В этом отношении характерна та критика, которой подвергли старую

⁴¹⁹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986; Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980; Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris, 1965; Marrou H. I. De la connaissance historique, 4-e ed. Paris, 1960.

историографию представители новой науки – Л. Февр, М. Блок, открывшие свои «Битвы за историю». Именно так Л. Февр назвал позднее сборник своих критических статей 20–30-х гг.

Немало критических стрел было направлено в адрес позитивистской методологии истории, олицетворявшейся в их глазах известной уже нам концепцией Ланглуа и Сеньобоса. Узость проблематики, сведение источников к письменным документам лишь феодальной эпохи, несколько упрощенное представление об историческом факте – все это стало предметом критических суждений. Деятельность выдающихся французских историков – основателей журнала «Анналь» Люсьена Февра и Марка Блока трудно переоценить. «Знаменитая формулировка» Ланглуа и Сеньобоса о том, что «история создается по документам» подверглась им пересмотру прежде всего с той точки зрения, что историк должен опираться на разнообразный круг не только письменных, но и многих других источников, соответственно использовать методы многих наук. Он должен, писал Л. Февр, «использовать все, что было у человека, зависело от человека, изобретено или обработано им, выдает присутствие, пристрастия, образ жизни человека»⁴²⁰.

Новые задачи исторической науки требовали расширения проблематики, обращения к социальным фактам сложного состава. Если позитивистские историки старого типа работали по преимуществу с фактами событийного характера, политической истории, деятельности выдающихся исторических личностей, то история нового типа требовала обобщения фактов другого рода – более сложных, массовых по своему характеру, отражающих общественное сознание, социальную психологию, деятельность масс, крупные социальные конфликты. Факты подобного рода сложнее установить и в свете этих исследовательских трудностей по-иному, более сложным представляется, с одной стороны, отношение исторического источника и исторического факта, и, с другой, роль историка в анализе этого отношения. В своей книге «Как пишется историк» профессор

⁴²⁰ *Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris. 1953. P. 4–5.*

университета в Льеже, бельгийский историк Поль Арсен (род. в 1902), в этой связи отмечал, что документ – след, оставшийся от исторического факта, а каждый факт прошлого, оставивший свой след, есть факт исторический⁴²¹.

В ходе методологических споров выявлялись уязвимые стороны традиционной методологии работы с историческими свидетельствами, и в частности – неполнота и недостаточность позитивистской схемы внешней и внутренней критики.

Большое влияние на историков оказало опубликование книги английского философа и археолога Р. Коллингвуда «Идея истории», который в своих размышлениях о методах исторического познания сделал акцент на роли личности историка в исследовательском процессе. Он выступал против наивного представления об использовании источников как их цитировании, переписывании, называя такой способ работы «историей ножниц и клея». Коллингвуд рассматривал поиск и анализ информации источников как функцию от постановки проблемы, как целенаправленный процесс выяснения из источников именно тех вопросов, на которые исследователь должен получить ответ⁴²².

Бурная полемика по вопросам исторического познания и возможностей истории как науки развернулась позже в связи с книгой французского историка и методолога А. И. Марру (1904–1980) «Об историческом познании»⁴²³. В духе «критической философии истории» он противопоставлял рациональным методам работы с источниками их интуитивное понимание, проникновение в психологию творца источника, сопереживание историка. С этих позиций он резко критиковал концепцию Ланглау и Сеньобоса и особенно – приемы негативной внутренней критики достоверности, подчеркивая, что она неприменима на практике. В критике Марру было показано немало уязвимых сторон традиционного метода проверки достоверности источника и анализа исторических свидетельств.

⁴²¹ *Harsin P.* Comment on écrit l'histoire. Liege. 1933.

⁴²² *Коллингвуд Р.* Идея истории. М., 1980.

⁴²³ *Marrou H. I.* De la connaissance historique. Paris. 4-e ed. Paris. 1960.

Он, в частности, верно отметил, что в отличие от позитивистского подхода, ставящего главной целью – анализ – разделение источника на отдельные, частные свидетельства, более важно достичь понимания источника как целого.

Действительно, в традиционном «анализе» источников (например, у Ланглау и Сеньобоса) конечным результатом выступает разделение документа на отдельные свидетельства о фактах; к документу в целом, к его оценке историк уже не возвращается. При этом не учитывалось, что каждое отдельное свидетельство существует в источнике не само по себе, но во взаимосвязи с другими, как элемент целого. Именно поэтому многие источниковеды придавали особое значение интерпретации источника, истолкование его как целого, оценке его значения. Другое дело, что для такой оценки существуют свои рациональные методы. Марру же, правильно отмечая эту цельность источника, в то же время абсолютизирует интуитивный, психологический подход к ее постижению: «Поскольку документ существует, он обладает неким бытием, которое постигается через понимание и благодаря симпатии»⁴²⁴. Эта позиция Марру, в свою очередь, вызвала определенное неприятие со стороны ряда профессиональных историков, которые возражали против неправомерного, с их точки зрения, предпочтения интуиции, метода сопереживания, рациональным традиционным методам критики источника. О том, что переоценка психологического метода ведет к возрастанию субъективизма в исследовательской работе историка, писал в частности, французский историк Н. Лефевр (1874–1959)⁴²⁵.

Таким образом, в дискуссиях по проблеме логической структуры исторического познания в рассматриваемый период традиционные методы работы историка, а точнее, их трактовка в старых руководствах, подверглись существенной и во многом справедливой критике. В ходе этих дискуссий были обозначены новые подходы к проблематике исторической науки, было об-

⁴²⁴ *Marron H.-I. Op. cit. P. 108.*

⁴²⁵ *Revue historique. T. 217. 1957. P. 336.*

ращено внимание на необходимость расширения круга источников для исторических исследований нового типа.

По новому, более глубоко стали рассматриваться некоторые аспекты соотношения источника и исторического факта, а также места источника в исследовательском труде историка. Говоря более обобщенно, глубже стали рассматриваться диалектические взаимосвязи субъекта (историк) и объекта (источник) в процессе познания. Все это имело важное значение для развития методологии истории. Но, в то же время, рассмотрение источника только в связи с процессом исторического познания, методологии истории, было недостаточным. Источник как объективная реальность своего времени, остается при этом своего рода вещью в себе. Что представляет собой источник, как объективная реальность, какие свойства имеет, ответ на эти вопросы необходим для понимания его истинной социальной природы. Но эта сторона проблемы не рассматривалась в ходе дискуссий, которые развернулись по вопросам исторического познания в это время. Это прослеживается в трудах представителей «критической философии истории» и прежде всего в книге А. И. Марру «Об историческом познании», которая своей полемической заостренностью, и своей общей концепцией привлекла внимание как профессиональных историков, так и широкого круга читателей к проблемам исторической науки и ее познавательных средств.

В ряде учебных руководств источники и методы работы с ними также рассматривались в связи с задачами исторического исследования, и даже более узко-исторической критики. В свое время Лаппо-Данилевский писал о неправомерности сведения источниковедения к критике источников. Однако, отмеченная им тенденция в рассматриваемый период не была преодолена.

«Многие продолжают придавать учению об исторической критике даже чрезмерное значение: они готовы свести чуть ли не всю методологию источниковедения к такому учению или отводят в нем, лишь подчиненное место интерпретации», – писал Лаппо-Данилевский⁴²⁶.

⁴²⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 517.

В последующей литературе можно найти дальнейшее развитие точно отмеченной им тенденции. Ряд руководств, посвященных работе историка с документами, уделяет критике источников особое место. Работа бельгийского историка Лео Алькена (род. в 1906) так и называется «Введение в историческую критику»⁴²⁷. Обратившись снова, спустя много лет, к проблеме исторической критики, тот же автор отметил ряд новых направлений в работе историков, новый подход к источникам, достижения в области исторического метода – все это рассматривается им в рамках проблемы критики источников. Новыми же направлениями, отмеченными им, является изучение социальной психологии, общественных умонастроений, статистического метода: углубление психологизма при анализе текстов, критике исторических свидетельств, и использование методов статистики, позволяет более полно анализировать источники как со стороны их индивидуальных, так и повторяющихся массовых данных.

Американский историк Г. Окетт, профессор истории в университете Огайо первоначально назвал свое руководство «Введением в изучение американской истории», критике свидетельств здесь было уделено ее традиционное место⁴²⁸. Приведя необходимые сведения о поиске информации – библиографиях, каталогах, указателях периодических изданий и т. п., автор переходил к изложению проблемы критики свидетельств. Рассматривалось содержание и методика низшей или внешней критики, изучающей сами документы, и внутренней или высшей критики, целью которой является определение смысла и значения свидетельств, установление их доказательности и надежности. Внутренняя критика, в свою очередь, подразделялась на негативную и позитивную, проводимую с целью отбросить недостоверные свидетельства и установить надежность достоверных свидетельств. Вполне традиционно внешняя и внутренняя критика завершаются установлением фактов. Сле-

⁴²⁷ *Halkin L.* Initiation à la critique historique. Paris, 1951; *Halkin L.* Initiation de la critique historique. Paris. 1973.

⁴²⁸ *Hockett H. C.* Introduction to Research in American History, N.-Y. 1938.

дующий раздел книги был посвящен приемам создания исторического произведения; составления его предварительного плана, способов цитирования, приведения ссылок и указаний на источники. Таким образом, в общем замысле этого руководства критика источников выступала как один из этапов работы историка, завершающийся написанием и оформлением готового произведения. Новая переработка руководства Г. Окетта шла по линии более широкого освещения критики источников⁴²⁹. Первая глава «Принципы исторической критики» давала направление руководству в целом, которое посвящено, согласно его новому названию, роли критического метода в изучении и создании исторического произведения.

Работе с источниками посвящена книга датского историка, профессора Копенгагенского университета К. Эрслева. Это был в свое время первый труд подобного рода в Дании, о чем автор рассказывал в предисловии к одному из последующих изданий книги.

«Когда я в 1870 г. начал свою учебу в Копенгагенском университете, было очень мало указаний о том, как стать историком и мы, молодые, должны были действовать на собственный риск», вспоминал он позднее. В дальнейшем Эрслев уделял большое внимание разработке этих вопросов, опираясь на собственный опыт работы с источниками позднего датского средневековья, и на опыт разработки проблем источниковедения в Берлинском университете. Результатом явилось руководство «Историческая техника», впоследствии переиздававшееся и также переведенное на немецкий язык. Книга посвящена источникам исторического исследования и методам работы с ними. Ближе всего к содержанию этой книги было бы слово «источниковедение», автор же назвал его «Историческая техника». Этим он хотел подчеркнуть, что предметом его не является метод исторической науки и теория исторического процесса в широком философском смысле, именно приемы и направления

⁴²⁹ *Hockett H. C. The Critical Method in historical Research and Writing. N.-Y. 1955.*

исторического изучения. Вряд ли было удачным такое определение предмета – оно наводит на мысль об упрощенном представлении, об исторических изысканиях как оторванных от методологии и теории, «технических», чего автор руководств не имел в виду. В книге речь идет вовсе не о методиках вспомогательных исторических дисциплин, помогающих, как отмечено в книге, историку в его работе с источниками, а о методах работы с источниками – их отыскании, проверке соответствия свидетельств реальной действительности. Несомненный интерес представляет теоретическая постановка вопроса о конечном результате изучения источников. Автор полемизирует с положениями Сеньобоса, выдвигавшим на первый план негативную критику источников, и как ее следствие – отбрасывание недоверенных свидетельств, чтобы затем обратиться к построению исторической картины на основе проверенных негативной критикой фактов. Эрслев обращает внимание на необходимость оценки изучаемых свидетельств, соотнесения свидетельства, источника и исторической реальности. Он формулирует при этом новое понятие «реальной критики» как продолжения традиционной критики источника предполагающей «заключение» о соотношении свидетельства и действительности. Эта постановка вопроса была перспективной, она представляла собой шаг вперед в понимании того, что источниковедческий анализ (критика источника, по терминологии Эрслева) должен привести к выводу об источнике, о его ценности. В какой-то мере эта постановка вопроса напоминает вывод Лаппо-Данилевского о значении источника – как свидетельства, как памятника культуры. Однако у русского ученого этот вывод составлял органическую часть его общей концепции – методологии источниковедения как целостного учения.

Понятие исторической критики, довольно широко распространенное в литературе, применяется весьма неоднозначно. Между тем, отсутствие четкого понятия, охватывающего определенную сферу деятельности, мешает осознать ее как целостную. Это вполне относится и к понятию «критика источников»,

«критика текстов» и т. п., с которыми мы постоянно встречаемся в западной историографии как в прошлом, так и в настоящее время. В одних случаях его понимание близко к традиционной трактовке анализа источников как внешней и внутренней критика, или даже более узко (в одном американском руководстве по истории говорится, например, что «внешняя и внутренняя критика суть технические термины, восходящие к средневековой схоластике и отсюда распространившиеся на историю» и дается ссылка на Ланглюа и Сеньбоса в английском переводе 1914 г.)⁴³⁰. Однако более характерно расширенное применение термина «критика» или «критический метод» в истории. Сравним, например, названия таких руководств как «Введение в историческую критику» Л. Алькена, «Критический метод исследования и изложения истории» Г. Окетта, «История и критика» бельгийского историка П. Сальмона, и т. д.

Итак, в конце XIX – начале XX вв. профессиональная историческая наука обособила в качестве предмета специальных исследований и предмета преподавания новую область – методологию истории, методов работы историка-профессионала. Была сформулирована определенная модель методологии истории, охватывающая работу с источниками, историческое построение, историческое изложение.

В области источниковедения была выстроена концепция источниковедческого анализа, проводящегося по двум этапам: внешней критики (происхождения) и внутренней критики (содержания) источника; сформулированы важные критерии проверки достоверности источника, сделаны существенные наблюдения о специфике отражения действительности в источниках разных типов. В 20–50-х гг. историческая наука Запада прошла период переоценки ценностей, критического переосмысления историографии традиционного типа. «Битвы за историю» затронули область методологии истории, в обоих ее направлениях – и источниковедения, и исторического построения.

⁴³⁰ Gray W. *Historians Handbook*. Boston. 1964.

Что касается концепции исторического построения, то она подверглась глубокому переосмыслению. Концепции событийной, по преимуществу политической истории, истории европоцентристской, рассматривавшейся по преимуществу в ограниченный хронологических рамках античности и средневековья, была противопоставлена новая концепция объемной, «тотальной» истории, охватывающей экономику, область общественных настроений, менталитета, образа жизни народов в широких географических и хронологических рамках – от первобытного общества до современности. Эта концепция по новому ставила вопрос об источниках для изучения новых проблем, о качественном изменении источниковой базы для решения всех этих проблем.

Методология исторического источниковедения традиционного типа во многом не удовлетворяла новым требованиям исторической науки и ее слабые стороны были подвергнуты острой критике. Среди них прежде всего – узкое понимание документа, отождествлявшегося с письменным текстом упрощенное представление об отражении в источниках исторических фактов; недооценка роли личности историка в процессе изучения документа; сведение сложной проблемы достоверности преимущественно к негативной внутренней критике.

Все эти критические оценки традиционной методологии источниковедения привлекали к себе внимание в научной печати и на какое-то время сильно поколебали авторитет ее в глазах широкого читателя. Однако и конце 50-х – нач. 60-х гг. авторитет профессиональной исторической науки и ее методов стал возрастать. К этому времени стало ясно, что общая концепция источниковедческого анализа, сформулированная в традиционном источниковедении, в принципе сохраняет свое значение.

Традиционная концепция методологии источниковедения имела другие, весьма существенные недостатки, которые, однако, не нашли отражения в западной науке этого периода. Главная проблема состоит в том, что методология источниковедения, не стала, как писал Лаппо-Данилевский, цельным и систематическим учением в начале XX вв., не стала им и в 20-х – 50-х гг.

Сложная область работы историка с источниками обозначается в литературе рассматриваемого периода различными понятиями в том числе – критика источников, критический метод, историческая техника, составная часть лаборатории или инструментария историка. Трактовка их была неоднозначна. Учебники для высшей школы, всегда хорошо отражающие состояние соответствующей области науки, и прежде всего степень ее теоретического обоснования и обобщения, представлены в рассматриваемый период весьма неоднозначными, различными по уровню, подходу, разработанности проблем методологии источниковедения работами. Концепции традиционного источниковедения нашедшие свое выражение в руководствах Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса, не исчерпали своего познавательного значения.

Такова была ситуация к концу 50-х – нач. 60-х гг., когда историческая наука более уверенно пошла на подъем, все сильнее привлекая к себе внимание общества, занимал все более заметное место в современной социальной практике.

2.2. Источник в системе исторического процесса

Руководства по методологии истории конца XIX – начала XX вв. были ориентированы, как правило, на источники феодального периода. Первые руководства вышедшие в послеоктябрьский период, основывались прежде всего на эти же представления. «Все материалы, которые остались от прошлой жизни и в которых отражается какой-либо след старины» являются нашими источниками. Так писал, например, автор одного из первых подобных руководств В. И. Пичета (1870–1947). Раскрывая понятия о внешней и внутренней критике, Пичета указывал на важность выяснения вопросов происхождения источника, обстановки его появления и особенно авторства. Подчеркивалось, что необходимо изучить биографию автора, «разобраться детально в условиях его жизни, выяснить его социально-экономическую принадлежность и политическую идеологию»⁴³¹. Так, традиционная схема изучения авторства

⁴³¹ Пичета В. И. Введение в русскую историю. Источники и историография. М., 1922.

источника стала наполняться новым социальным содержанием. Особенно актуальным в эти годы стал вопрос о том, как распространить методы источниковедческого анализа, профессионализм историка на совершенно новую проблематику, на новые источники прежде всего историко-революционных источников современности. Эта важная задача была поставлена в работе историка партии Н.Н. Авдеева (1879–1926) в статье «О научной обработке источников по истории РКП (б) и Октябрьской революции»⁴³². Важным положением статьи явилась мысль о критическом освоении опыта работы с источниками и методов исторической критики. Авдеев высказал принципиально важную мысль о том, что методы исторической критики, разработанные в исторической науке предшествующего периода, вполне могут и должны быть применены и к новым, современным источникам, «ко всем историческим источникам, каково бы ни было их происхождение». Для решения новых задач исторической науки традиционное источниковедение в неизменном виде не могло использоваться. Авдеев подошел к проблеме конструктивно: он отметил несомненную полезность и необходимость применения методов исторической критики.

В качестве примера он обращался к книге Э. Бернгейма, отметив, что им в целом правильно определены задачи исторической критики. Он показал далее необходимость применения методов критики источников, и особенно решения проблемы достоверности ко всему комплексу источников новейшего времени, ко всем историческим источникам, каково бы ни было их происхождение, подкрепив этот тезис примерами из историко-партийной мемуаристики, в которой также не исключены ошибки памяти и смещение исторической перспективы.

Не останавливаясь специально на недостатках и «методологической наивности», традиционных руководств по методологии истории, Авдеев пошел по другому пути – он предложил новые постановки вопроса по ряду таких позиций. Он показал, как наполнить новым содержанием традиционный этап изучения происхождения и авторства источника, применив критерии

⁴³² Пролетарская революция. 1925. № 1–2.

классового подхода в критике происхождения и интерпретации источника. «Для правильного толкования (интерпретации) источников, – писал он, – необходимо принимать во внимание не только особенности языка, характер интересов и взглядов их авторов, но также и круг знаний, уровень образования, и классовые интересы той эпохи, к которой принадлежат данные источники, подобно тому, как это делается при суждении об их достоверности»⁴³³. Так, уже на первых подступах к проблеме, обнаружился новый подход к традиционной методике, обогащающий ее методом классового анализа мировоззрения автора и анализа исторических условий эпохи, к которой источник принадлежит.

Другое важное уточнение вносит Авдеев в традиционное деление источников, также восходящее к Бернгейму – на остатки факта и свидетельства о факте. Он подчеркнул, что «всякий исторический источник есть прежде всего остаток какого либо исторического факта»; с другой же стороны, являясь остатком факта, источник может содержать косвенные свидетельства и о других фактах, и потому каждый источник требует проверки не только с точки зрения его подлинности, но и достоверности приведенных в нем свидетельств. Известный советский историк-источниковед и археограф С. Н. Валк (1887–1975) подчеркивал в это же время необходимость тщательной разработки не только общих принципов исторической критики, но и более конкретных приемов видовой методики их анализа и оценки. «При той щепетильной изощренности критических приемов, которой теперь уже составляет элементарное требование какой бы то ни было работы, раз только она претендует на научность (в частности, и работы историко-революционной, что еще недостаточно осознанно), – лишь одна тематическая определенность дел и фонда не удовлетворит исследователя, ищущего материал. При должном отношении к источнику он будет более ценить одни разновидности источников, чем другие, а третьими совсем пренебрежет»⁴³⁴. Видовой подход к источникам был положен в основу статьи Ю. М. Бочарова «Источники по

⁴³³ Авдеев Я. Н. Указ. соч. С. 15.

⁴³⁴ Архивное дело. Вып. 1. М. 1923. С. 55.

истории Октябрьской революции и методы их проработки в школе»⁴³⁵.

Обращение к положениям традиционного источниковедения для использования его положительного опыта и для его переоценки стало характерным явлением этого периода. Оценных положениях Ланглау и Сеньобоса, касающихся введения фактов в определенные границы места и времени, писал в связи о критикой риккертовского противопоставления номотетических и идиографических наук историк древнего мира А. И. Тюменев (1880–1959)⁴³⁶.

В конце 20-х гг. появились новые специальные руководства по методам исторического исследования. Давая обзор и критику традиционных руководств – Э. Бернгейма, Ланглау и Сеньобоса, А. Федера, Б. Бауэра и других, авторы – Г. П. Саар, С. Н. Быковский, А. В. Шестаков⁴³⁷ рассматривали проблемы классификации источников, давали свое решение проблем классификации, наполняли новым конкретным содержанием методы внешней и внутренней критики, показывая возможность их применения к источникам нового и новейшего времени, развивая таким образом источниковедение. С. Н. Быковский отметил несовершенство деления источниковедческого анализа на внешнюю и внутреннюю критику, предлагал иную терминологию критики аналитической и синтетической, как более соответствующей реальному различию между разными приемами исторической критики. Одним из первых он указывал на специфику источников каждой социально-экономической формации.

Важным событием явилось в 30-х гг. специальное издание, ставившее источниковедение в центр своего внимания – «Проблемы источниковедения». В то время это было первое и един-

⁴³⁵ Историк марксист. 1927, Т. 5.

⁴³⁶ Тюменев А. И. Генерализирующий и индивидуализирующий методы в исторической науке. Историк-марксист. 1930. Т. 12.

⁴³⁷ Шестаков А. В. Методика исторического исследования. Воронеж, 1929; Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930; Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931; Большаков А. М. Введение в краеведение. М., 1929; см. также: Валк С. Н. Из «Введение в историю». Историк-марксист. 1929. Т. 5.

ственное специализированное издание по проблемам теории, истории и конкретики источниковедения. Изучение источника как продукта своей эпохи и исследование его объективных свойств, возникших в ходе исторического процесса, стало принципов нового источниковедения, перспективным направлением его развития. Важно было понять отдельный источник как часть целого – всей источниковедческой базы, составляющих ее источников.

Новый учебник М. Н. Тихомирова и С. Н. Никитина ставил и решал задачу «дать обзор и критику важнейших письменных источников по истории СССР и их основных видов»⁴³⁸. В учебнике был применен на практике основной принцип нового источниковедения – источники характеризовались в связи с теми конкретно-историческими условиями, в которых они создавались. Видовая структура учебника способствовала концентрации внимания на крупных видовых комплексах, способствовала дальнейшей разработке видовых методов их источниковедческого анализа. Учебник характеризовал основной состав источников по истории СССР феодального периода и эпохи капитализма (до 90-х гг. XIX в.) и основные черты видов источников этого периода. В дальнейшем этот подход послужил для создания учебников по истории СССР в более широких хронологических рамках, включая источниковедение истории советского общества.

В рассматриваемый период была поставлена и отчасти реализована задача изучения источников по истории народов СССР как особого направления источниковедческих исследований. Большую роль в этом сыграл учебник М. Н. Тихомирова, в котором давалась характеристика важнейших источников истории народов СССР с древнейших времен до конца XVIII в. В недавнее время грузинский историк и источниковед Г. Г. Аласания привлекла внимание к важному факту истории источниковедения в СССР – изданию в 30-х гг. XX в. в Тбилиси, на грузинском языке, конспекта учебника «Источниковедение

⁴³⁸ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940; Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX в. М., 1940.

истории СССР». Его автором был, как она отмечает, воспитанник Петербургской источниковедческой школы, источниковед, архивист и текстолог М. А. Полиевктов, который разработал и читал курс источниковедения в Тбилисском университете⁴³⁹. Труд Полиевктова, вышедший в свет в 1937 г., был первым и пока единственным учебником источниковедения на грузинском языке.

В фундаментальном труде Л. В. Черепнина на основе изучения русских феодальных архивов и прежде всего актовых источников – публично-правовых и частно-правовых актов – были сформулированы принципиальные теоретические положения источниковедения. В основе нового подхода к источнику, как показал Черепнин, лежит материалистическое понимание его социальной природы: «Каждый источник, – писал Черепнин, – представляет историческое явление. Возникнув в определенных условиях времени и места, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнут классовой направленностью и политической целеустремленностью»⁴⁴⁰. Материалистическая концепция исторического явления и зависимость методов источниковедения от объективных свойств источника раскрывались ученым в связи с критикой идеалистической методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского, связывавшего методы источниковедения прежде всего с познавательной деятельностью историка.

В «Русских феодальных архивах» реализовался принцип изучения источниковедческой база истории русского феодализма в ее совокупности, в связи с историческими и политическими условиями времени создания источников, историей создания и функционирования русских феодальных канцелярий и архивов⁴⁴¹.

⁴³⁹ Аласаниа Г. Г. Учебник источниковедения истории СССР. // Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия истории археологии, этнографии и истории искусства. 1987. № 3. С. 196–198.

⁴⁴⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV–XV вв. М.–Л. 1948–1951.

⁴⁴¹ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. С. 73.

Большое теоретическое и практическое значение имело в эти годы преподавание источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Московском историком-архивном институте и разработка программы по этому курсу⁴⁴². Общая концепция источниковедения, сложившаяся в рассматриваемый период, нашла сжатое отражение в статье «Источниковедение» в БСЭ, написанной Л. В. Черепниным⁴⁴³.

Таким образом, в рассматриваемый период определились главные черты новой концепции источниковедения. Принципиальное значение имело при этом рассмотрение источника в качестве социального, исторического явления, продукта определенной общественной борьбы. На этой основе реализовались основные задачи источниковедения – вопросы классификации источников (по социально-экономическим формациям, по видам, по классовой позиции их создателей), методы изучения происхождения и авторства, проверки достоверности и оценки значения, методы изучения источников и их взаимосвязи. Эти новые методологические принципы обогатили и видоизменили содержание основных этапов источниковедческого анализа, раскрыли новые возможности решения сложной проблемы достоверности.

Глава 3. Источниковедение на новом этапе развития

3.1. История и ее методы

Конец 50 – начало 60-х гг. обозначили новый этап в развитии гуманитарных наук, истории, источниковедения. В это время наметился тот перелом в отношении к истории и ее методам, который западные историки определяют как ренессанс эрудиции, имея в виду огромный качественный сдвиг в отношении общества к исследовательской, публикаторской деятельности историков-специалистов.

⁴⁴² Источниковедение истории СССР. Программа курса. М., МГИАИ, 1954 (в дальнейшем ряд последующих новых изданий). Об этом же: *Яцунский В. К.* К вопросу о классификации источников в курсе источниковедения истории СССР. Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 7.

⁴⁴³ Источниковедение. БСЭ. М., 1953. Т. 19. С. 44.

«Первая мировая война раскидала эрудитов. Финансовые обстоятельства ликвидировали публикаторскую деятельность, средства “бюллетеней”, журналов, провинциальных обществ; кредиты уменьшились. Крупные официальные серии оказались в тяжелом состоянии. Если эрудиция не испарилась совсем, то потому только, что ее подпитывали труды архивистов, научные общества, университеты. Казалось, время практической эрудиции типа Мабильона и мавристов, сотен томов публикаций ушло навсегда»⁴⁴⁴. Однако с начала 60-х гг. вновь стало возможным говорить о возрождении и быстром росте этого направления исследований.

Общественные симпатии и интерес, а с ними и материальные и интеллектуальные средства человечество надолго связало с успехами технических и естественных наук, открытия которых как будто бы сулили блестящие перспективы и кардинальные ответы на общественные вопросы. Лишь к середине века стала вырисовываться та истина, что если область гуманитарных исследований, наука о человеке и обществе не даст ответов на вечные вопросы, то их не сумеет дать никакая другая область человеческой деятельности или познания. Обозначился поворот к истории, но на новом уровне, как синтез к синтезу, обогащенному всеми возможными для современности познаниями и методами.

В начале 60-х гг. большой интерес вызвало французское издание «История и ее методы», давшее новую концепцию методов исторической науки, исторических дисциплин и критики источников⁴⁴⁵.

Издание вышло под руководством известного ученого-палеографа и археографа Ш. Самарана (1879–1980)⁴⁴⁶. В предисловии к книге ученый подчеркнул те главные черты, которые отличают новый подход к проблеме методов исторической науки. История, изучающая человеческое прошлое, основыва-

⁴⁴⁴ La Recherche historique en France. De 1940 à 1965. Paris. 1965.

⁴⁴⁵ Histoire et ses méthodes. Paris. 1961. P. XLI.

⁴⁴⁶ См. статью *Водова П.* «Старейший палеограф мира» // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1980.

ется на свидетельствах. Это социальная наука и это наука «тотальная», ибо ничто в человеческом прошлом не должно ускользать от ее внимания, все – объект истории, каждый факт «историчен». Цитируя тезис Ланглау и Сеньобоса «нет истории без документов», историк подчеркнул, что слово « документ» расширяет ныне свое значение. Теперь это не только письменный источник, но и вещественный, изобразительный, звуковой и любой другой. «Нет истории без эрудиции», подчеркивал далее ученый, т. е. без критической предварительной разработки свидетельств и в этом смысле исторический метод может быть определен как совокупность технических приемов, постоянно совершенствующихся, которые эрудиция предлагает в распоряжение историка.

Большое значение придавалось им поэтому как профессионализму историка, так и таким качествам как честность, смелость, критический ум, литературный талант. Издание ценно общей концепцией методов исторической науки. Современный историк – это писатель, осуществляющий синтез классической эрудиции и смысла великих гуманитарных проблем. Политическая история, философия истории, история цивилизации, экономическая истории, социальная – все они дают ту основу знания, которая призвана охватить прошлое человека в его сложности и богатстве. Историческая наука представлена методами исследования времени и места (хронология, историческая география); процессов информации и передачи новостей; методами изыскания свидетельств как вещественных (археология), так и письменных (эпиграфика, папирология, палеография, дипломатика, ономастика, генеалогия, геральдика), а также фиксированных на пленке (фото, кино, микрофильм); методами хранения памятников (музеи, библиотека, архива, фильмотеки, дискотеки) и, разумеется, методами «критического использования свидетельств» как вещественных (применение в археологии методов стратиграфии, ботаники и зоологии, антропологии, технологии, социологии, истории религии и искусства) так и письменных (критика текстов, критический анализ музейных и архивных памятников, фото, фоно- и кино-свидетельств).

Французский палеограф, филолог и эрудит Р. Маришаль (р. в 1904 г.) положил в основу главы «критика текстов» концепцию Ланглау и Сеньбоса. Он выделил в ней главные пункты критики внешней (эрудиция), критики происхождения (установление места, даты и автора), критической классификации источников, критики внутренней (интерпретация – язык, принятые правила и т. п.), критики точности и искренности и «установления частных фактов»⁴⁴⁷. По намеченным пунктам Маришаль дал свое, очень живое изложение сути каждого из этих приемов с примерами, с акцентированием наиболее интересных или же спорных положений традиционной концепции.

Проблемы современного понимания критики источников рассматриваются и другими авторами коллективного издания «История и ее методы». В главе, посвященной методам дипломатики – исторической дисциплины, изучающей документальные источники, прежде всего юридические акты, Ж. Тессье, – французский эрудит, профессор дипломатики Школы хартий (р. 1891 г.)⁴⁴⁸ развивает свое понимание дипломатики как дисциплины, применяющей не только традиционные методы оценки подлинности и достоверности, которые далеко не являются последним словом ее методов, но и широко использующей филологический, лексикографический, юридический, исторический анализ текста, что и позволяет провести широкую «критику интерпретации» раскрыть все богатство информации источников этого типа.

В главе «Как понимать ремесло историка» А. И. Марру выступает с новой, более сбалансированной концепцией соотношения критики и понимания документа. Как уже отмечалось, в своей книге «Об историческом познании» Марру довольно резко противопоставил традиционным методам критики, особенно негативной внутренней критики источника в духе Ланглау и Сеньбоса, ее альтернативу – понимание бытия документа с помощью интуиции, сопереживания историка. В рассматриваемой же главе о ремесле историка он говорит о профессиона-

⁴⁴⁷ Указ. соч. С. 1247.

⁴⁴⁸ Histoire et ses méthodes, Paris. 1961. P. 633–671.

лизме историка, владеющего эрудицией (т. е. методами вспомогательных исторических дисциплин) и, на более высоком уровне, изучения документа с помощью методов критики и понимания, говорит о «взаимодополняющей роли критики и симпатии»⁴⁴⁹.

Огромное разнообразие источников, используемых современной исторической наукой, ставит вопрос: в какой мере принципы анализа источников, разработанные на основе изучения письменных текстов, применимы к новым видам источников. Традиционное источниковедение, это хорошо видно на примере книги Э. Бернгейма, исходило из того, что методы критики, интерпретации, установления подлинности и достоверности имеют общий характер. В книге Бернгейма дается общая классификация вещественных, устных, письменных источников; применительно к вещественным памятникам и письменным текстам им рассматриваются вопросы достоверности. А.С. Лаппо-Данилевский, раскрывая принципы классификации, критики и интерпретации источников также обращается к широкому кругу примеров, связанных с вещественными и письменными памятниками, произведениями искусств, данными археологии. Он свободно обращался к особенностям изображающих и обозначающих источников.

Однако в последующий период 20–50-х гг. возобладало представление о том, что традиционное источниковедение своими методами обращено лишь к письменным текстам, что оно игнорировало письменный период истории человечества. В интересной дискуссии по проблемам методологии истории, организованной Институтом социологических исследований в Брюсселе в начале 60-х гг., вопросу о единстве или разнообразии исторической критики была посвящена специальная работа Ж. Стенжера⁴⁵⁰. Он определил критику как сумму операций, которые историк применяет к своим источникам (как письменном, так и иным) с целью оценить те их элементы, с помощью которых реконструируется прошлое. Правила исторической критики, строго кодифицированные в пособиях и «никогда не

⁴⁴⁹ Op. cit. P. 1467–1539.

⁴⁵⁰ Revue de l'Institut de sociologie. Bruxelles. 1963. № 4.

меняющиеся» указывают историку пути, которыми он должен следовать в своей работе, формулируют вопросы, которые он должен поставить при изучении источника. Констатируя, что существует мнение об идентичности исторической критики для историков всех школ и направлений, Стенжер выступает с противоположным тезисом, утверждая, что в «реальности сегодняшнего дня» требования критики различны в зависимости от сферы ее приложения. Конечно, остаются основные фазы – критика происхождения, интерпретации, искренности и т. п., но содержание этих фаз работы, включая способы трактовки источника, обобщения, построения гипотез – все это в различных областях исторической науки реализуется и понимается по-разному. Все зависит от состояния источников – если их много, как например, при изучении истории Французской революции – можно себе позволить отбросить все сомнительное, если же их мало – то дело идет все. Проблема уникального источника – вот что заставляет историка широко «раздавать индульгенции» своим источникам.

Так снова возникает перед нами проблема «исторической критики». Вопрос поставлен очень интересно – возможно ли на современном уровне сформулировать общие принципы критики источника? Ответ, однако, скорее отрицательный – реальной возможности автор не видит – слишком различны условия, в которых работают историки, различно состояние источников, которыми они реально располагают. Перспектива единого подхода – проблематична.

Методы исторической критики занимают большое место и в работе «История и критика» П. Сальмона⁴⁵¹. Историческая критика (внешняя критика или критика подлинности и внутренняя критика, или критика достоверности) для него – аналитический этап работы историка, другой же этап работы – исторический синтез. Традиционная концепция аналитического и синтезирующего этапов исторического исследования в принципе им сохранена, хотя и существенно дополняется за счет методов критики нетрадиционных видов источников, как фоно документы, кино и фото документы.

⁴⁵¹ *Salmon P. Histoire et critique. 2 ed. Bruxelles. 1981.*

Значительно шире и разнообразнее становится источниковая база современного историка, усиливаются интеграционные процессы все это обогащает историка новыми подходами, ставит перед ним новые проблемы. Современная литература много дает для ориентирования в источниках, отыскания; много публикуется описей, каталогов, путеводителей, библиографической и справочной литературы, обзоров источников. Это оказывает помощь историку, вводит в научный оборот все новые комплексы источников. Источниковедческая эвристика представлена в современной западной литературе наиболее полно, она развивается опережающими темпами.

3.2. Источниковедение в современной социальной практике

Для современного источниковедения характерна тенденция к активному взаимодействию с другими отраслями науки и практики. Целесообразно рассмотреть те проблемы, которые актуальны в связи с его широким выходом на социальную практику.

Анализ опыта мирового развития глубокого изучения процессов, происходящих в коммунистическом, рабочем, национально-освободительном движении и капиталистическом обществах средствами исторической науки непосредственно связан с расширением источниковедческой базы исследований, введением в научный оборот новых комплексов и видов исторических источников и совершенствованием методов их анализа. Возросла актуальность высокой профессиональной подготовки в области источниковедения. Сложный комплексный характер современных проблем требует углубления интеграции наук, проведения междисциплинарных исследований. Значительно расширились в настоящее время в связи с возрастающим историзмом общественного сознания сферы научно-практического использования информации исторических источников, охраны памятников истории и культуры. Актуальны проблемы источниковедческой подготовки в научно-исследовательских учреждениях, в системе народного просвещения историко-культурных учреждений и многих других областей

научно-практической деятельности, где находит применение ретроспективная социальная информация – информация исторических источников.

Источниковедение как историческая дисциплина, изучающая источники и разрабатывающая методы получения из них информации о социальных явлениях, приобретает в этих условиях особую актуальность. Изучая источники как продукт (результат) целенаправленной человеческой деятельности, источниковедение служит науке о человеке и обществе. В то же время, включая в свой предмет все многообразие источников, оно изначально нацелено на взаимодействие с другими науками, отраслями научно-практической деятельности. В настоящее время оно особенно открыто для интеграционных процессов взаимодействия, междисциплинарных исследований.

В советской исторической науке сложилась концепция источниковедения как исторической дисциплины, изучающей источники и разрабатывающей методы их анализа для получения данных о явлениях и процессах общественного развития, и структура источниковедения, отражающая методологически единство и взаимосвязь теории и методики (теория, история и общая методика изучения источников); аналитические характеристики источников по отдельным социально-экономическим формациям. Очевидна связь проблематики теории и методики источниковедения с методологическими проблемами исторического познания, ее актуальность в связи с задачами анализа методологических основ и исследовательских приемов идеалистической методологии истории⁴⁵².

Современное источниковедение – сложная система знаний. Традиционный комплекс исторических дисциплин, составля-

⁴⁵² *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; *Ковальченко И. Д.* Исторический источник в свете учения об информации. К постановке проблемы. – *История СССР*, 1982. № 3; *Буганов В. И., Трухан Г. А.* Источниковедение отечественной истории на современном этапе. – *Вопросы истории*, 1983. № 3; *Медушевская О. М.* Источниковедение социалистических стран. М., МГИАИ. 1985; *Ковальченко И. Д.* Методы исторической науки. М., 1987.

ющих профессиональный аппарат исследовательских приемов историка, заметно изменяется по составу, содержанию и отношению к исторической и другим наукам в настоящее время. Есть большая специфика и своеобразие в использовании понятийного аппарата источниковедения в ряде стран, новое содержание вкладывается в традиционные термины. Важно подчеркнуть поэтому главные, характерные черты в развитии науки об источниках.

В современных условиях ускорения научно-технического прогресса исторической науке принадлежит особая роль, и это ставит перед историческими дисциплинами новые, еще более важные задачи. Это прежде всего относится к источниковедению, поскольку оно нацелено на совершенствование методов получения ретроспективной социальной информации из исторических источников. Ведь источниковедение изучает исторические источники и методы получения из них (через их посредство) полной, достоверной информации о социальных явлениях и процессах. Из этого следует, что, во-первых, это научная дисциплина, имеющая свой, особый, не повторяющийся в других науках предмет изучения. Во-вторых, этот предмет изучения весьма актуален и важен: информация исторических источников необходима для общества, для науки к практики, и в совершенствовании методов ее получения все заинтересованы.

В советской исторической науке, источниковедении стран социалистической системы ведется широкая разработка, проблем теории, истории и общей методике источниковедения. Источниковедение исторически сложилось как научная дисциплина, имеющая две (взаимосвязанные) задачи: изучение источников и разработка методов их анализа. Традиционное для источниковедения служение исторической науке реализовалось соответственно в двух направлениях: эвристическом (ориентирование в многообразии исторических источников, их классификация и характеристика источников, составляющих источниковую базу для изучения отдельных периодов

исторического развития, стран и регионов, или же источниковую базу изучения отдельных сторон исторической действительности) и методико-аналитическом (методы анализа исторических источников).

Развитие теории и методики источниковедения находится в тесной связи с последовательным введением в сферу специального источниковедческого изучения новых исторических источников. Это дает материал для наблюдения, для выявления общего и особенного в природе источников, специфики их формы и содержания.

Новые задачи исторической науки в условиях интеграции гуманитарного и естественно-научного знания как никогда ранее расширяют, во-первых, круг исторических источников различных видов, исторических эпох и уровней социальных культур и, во-вторых, круг проблем общественной практики и науки, для которых применение методов источниковедения оказывается необходимым.

Это расширение круга источников и проблематики современного источниковедения в странах социалистической системы хорошо прослеживается на материале ряда направлений исследований.

Размах интеграционных процессов, связанных с гуманитаризацией знания, не оставляет сомнений в том, что источники по истории науки, техники, других отраслей будут и впредь разрабатываться. Источниковедение уже вступило во взаимодействие с рядом таких отраслей, входя со своей методикой в междисциплинарные комплексы, формируя на стыке гуманитарных, естественно-научных и технических знаний новые типы специалистов. Сложные интеграционные процессы развития современного знания отражают взаимосвязи источниковедения и архивного дела.

За последние годы наблюдается все больший интерес к использованию в исторических исследованиях интеграционных методик работы как с письменными, так и вещественными памятниками.

Видное значение в этом отношении имеет начавшийся процесс более тесного проникновения и взаимного обогащения

методик источниковедения и музееведения, поскольку в практике музейной работы комплексное использование вещественных и письменных памятников имеет особое значение. Одним из новых направлений этих исследований является опыт изучения письменных источников, хранящихся в музеях⁴⁵³.

Ряд фактов свидетельствует о том, как развиваются процессы интеграции, т. е. взаимодействия источниковедения со все новыми областями гуманитарного и естественно-научного знания.

Одновременно развиваются и процессы дифференциации – когда от источниковедения отпочковываются новые его разделы. Таковы, например, исследования источников по истории отдельных стран, народов, крупных географических регионов.

Возникают новые разделы источниковедения. Детально, с использованием архивных источников, разрабатывается в настоящее время источниковедение истории Украины XVII в.⁴⁵⁴. Большие успехи достигнуты в разработке проблем изучения и издания письменных источников по истории Грузии⁴⁵⁵. Большая работа проводится в области изучения источниковедения истории Молдавии⁴⁵⁶.

Таковы лишь некоторые направления развития современного источниковедения, связанные с возникновением новых его разделов, с введением в научный оборот все новых видов исторических источников, с использованием методов источниковедческого анализа в ряде научных исследований. Налицо тенденция к дальнейшему расширению социальных функций

⁴⁵³ См., например: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. (под общ. ред. проф. П. А. Колесникова). Вологда, 1982–1984.

⁴⁵⁴ Ковальский Н. П. Источники по социально-экономической истории Украины XVI – первой половины XVII в. Структура источниковой базы. Днепрпетровск, 1982.

⁴⁵⁵ Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Тбилиси, 1985; Аласания Г. Г. Классификация грузинских письменных источников. Тбилиси, 1986.

⁴⁵⁶ Лисовина А. П. Основные этапы и некоторые итоги изучения проблем источниковедения истории Молдавии советского периода. // В кн. Историческая наука советской Молдавии. Кишинев, 1984.

историко-источниковедческих методов в современной науке и общественной практике и происходящие под влиянием этой тенденции сдвиги в структуре источниковедения как научной дисциплины: его дифференциации (возникновение новых частных разделов источниковедения) и интеграционные процессы (вхождение его в ряд междисциплинарных комплексов гуманитарного и естественно-научного знания). Все это с особой остротой ставит вопрос об оптимальной структуре современного источниковедения как научной дисциплины и месте в ней теоретических проблем. Новые направления источниковедения связаны с развитием НТР. Это – возможности повышения информационной отдачи информации массовых источников, а также использование в качестве исторических источников специфических форм отражения и воспроизведения действительности – кино, фото, фонодокументов, технической документации, картографических источников.

Взаимосвязь естественно-научного и гуманитарного знания является одним из важнейших направлений интеграции наук. В связи с перспективами развития источниковедения важно подчеркнуть те линии интеграции, которые реализуются на базе дальнейшего развития историзма в сфере социального и естественно-научного знания в настоящее время. История науки и техники уже сейчас активно развивается и имеет большие перспективы. Роль истории науки в процессе гуманитаризации знания в век НТР существенна, являясь одним из проявлений синтеза естественно-научного и социально-исторического познания диалектического единства и разнообразия мира, его закономерностей. Но история науки нуждается в своих источниках, а следовательно, и в источниковедении. Обе основные задачи, которые решает источниковедение для исторической науки, оказываются необходимыми и полезными и для ряда других отраслей знаний гуманитарного и естественно-научного цикла.

Вопросы взаимодействия общества и природы, столь актуальные в настоящее время, заставляют обратиться к проблемам источниковедения с этой точки зрения.

Реконструирование реальных природно-географических условий, в которых происходили исторические события (например, в практике музейной работы), делает необходимым обратиться к теоретическому анализу историко-географических источников, к проблеме классификации источников и, более широко, к анализу источниковедческого аспекта изучения взаимодействия общества и природы⁴⁵⁷.

Развитие теории и историографии источниковедения, быстрый рост числа монографических исследований и других научных трудов в этой области, накопление опыта преподавания этой исторической дисциплины, активное проникновение методов источниковедения в новые сферы научно-практической деятельности в условиях научно-технического и социального прогресса свидетельствует о новом качественном этапе развития советского источниковедения как науки об источниках. Возросли социальные функции исторической науки в современном социалистическом обществе: так, в Народной Республике Болгарии развернута большая работа по изучению источников болгарской истории, в поиске, исследовании, комплектовании архивных источников и их публикации, специально разрабатываются проблемы источниковедения, развертывается широкая программа исследований и публикаций источников по истории Болгарии, сохранившихся в архивах ряда стран – СССР, других социалистических стран, а также Великобритании, Австрии, Франции, ФРГ⁴⁵⁸.

Концепция единого источниковедения, взаимосвязанного в настоящее время с другими общественными науками, стала основой для создания новых научных трудов в социалистических странах. Преодолев недооценку источниковедения уже в период

⁴⁵⁷ Шмидт С. О. Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения. // В кн. Общество и природа. М., 1981; *Он же*. Источниковедение в кругу научных дисциплин и вопросы классификации источников. // В кн. Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983.

⁴⁵⁸ Христо Христов. Българска история и нейните извори. // В кн. Помощни исторически дисциплини. София, 1986. Т. 4. С. 5–10; См. также. Помощни исторически дисциплини. София, 1979–1981. Т. 1–3.

становления исторической науки в 50-х гг.⁴⁵⁹ обществоведы ГДР создали для высшей школы ценный коллективный труд, уделив в нем значительное внимание теоретико-методологическим и источникововедческим проблемам⁴⁶⁰. Концепция единого источниковедения особенно важна в современных условиях, когда активно включаются в научный оборот новые виды источников, расширяется источниковая база истории.

В отличие от западной историографии, где теоретико-познавательные принципы источниковедения рассматриваются по преимуществу в связи с конкретными источниками и их критикой, наука об источниках, напротив, раскрывает принципиально единый подход к источникам, основанный на их социальной, материальной природе, и рассматривает их конкретные виды во взаимосвязи.

В 1987 г. журнал «Новая и новейшая история» провел «Круглый стол» по проблемам преподавания источниковедения новой и новейшей истории. Четверть века назад, в 1961–1963 гг. журнал провел первую дискуссию по проблемам преподавания и изучения источниковедения⁴⁶¹. В настоящее же время актуальность этой проблемы особенно велика. Участники «Круглого стола» были единодушны в том, что советское источниковедение новой и новейшей истории является важной научной и учебной дисциплиной, высказали много суждений о направлениях, способах и масштабах развития этого научного направления, о необходимости более тесной его связи с социальной практикой⁴⁶².

Расширение функций источниковедения определяется новыми задачами гуманитарной науки и социальной практики: введением в научный оборот новых источников. Гуманитаризация знания в условиях ускорения научно-технического прогресса повышает значение исторических наук как фундаментальных

⁴⁵⁹ Шмидт В. Становление исторической науки в ГДР в 50-х гг. // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 189.

⁴⁶⁰ Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin. 1979.

⁴⁶¹ Новая и новейшая история. 1961 № 4–6; 1962 № 1, 4, 5; 1963. № 2.

⁴⁶² «Круглый стол». Проблемы преподавания источниковедения новой и новейшей истории. // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 166–189.

наук о человеке, обществе в его развитии. В процессе исследования источников реализуется интеграция методов общественных, естественных, технических наук, формируются новые направления междисциплинарных исследований.

Современное источниковедение как научная историческая дисциплина имеет свой предмет, задачи, историю, теорию и систему общих и более частных (например, видовых) методов, применяемых в работе с источниками.

История (историография) источниковедения рассматривает вопросы теории, методик и практики исследования и преподавания источниковедения в развитии и на современном этапе. Теория источниковедения разрабатывает вопросы природы исторических источников, их свойств, принципы классификации и обосновывает методы их анализа. Исходя из понимания источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, как исторического (социального) явления, оно разрабатывает принципы и методы источниковедческого анализа (изучая при этом исторические условия возникновения источника, авторства, обстоятельств создания источника, истории его текста, истолкования смысла, и проводя анализ содержания источника с точки зрения полноты его информации и достоверности). На основании проведенного анализа дается аргументированная оценка значения источника и практические рекомендации по его использованию.

Предмет источниковедения – совокупность исторических источников, в задачи источниковедения входит их изучение в двух основных направлениях: эвристическом (типология и классификация источников, ориентирование в их поиске) и методико-аналитическом (разработка методов анализа исторических источников). С развитием исторической науки эти направления наполняются новым содержанием. Расширение функций источниковедения определяется задачами исторической науки, обогащением ее проблематики, введением в научный оборот новых комплексов источников.

Источниковедение как дисциплина, изучающая источники как продукт целенаправленной человеческой деятельности, является одной из наук о человеке, обществе. В то же время,

включая в свой предмет все многообразие источников, оно изначально нацелено на взаимодействие с другими науками и отраслями практической деятельности. В настоящее время оно особенно открыто для интеграционных процессов взаимодействия исторической науки с другими, для развития междисциплинарных исследований на стыке наук.

Достижение нового качественного уровня возможно путем усиления концептуальной целостности, внимания к вопросам методологии исторического познания, методики работы с источниками, раскрытия специфики источниковой базы, ее типологии (по классовому происхождению источников, по их типам и видам). Огромным преимуществом здесь является то, что советское источниковедение представляет единую науку об источниках с четкой методологической концепцией, на которой основывается единая структура источниковедения. Она включает теорию дисциплины, ее историю, методику и анализ источников по социально-экономическим формациям (в них по видам источников с присущей им видовой спецификой).

СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ⁴⁶³

Предисловие

Вопросы теории, методики и историографии источниковедения приобретают в настоящее время большое значение, что связано с дальнейшим развитием общественных наук и методов исследования социальных явлений и процессов. Важное место занимают эти вопросы в связи с задачами совершенствования общеобразовательной системы, обучения молодого специалиста умению ориентироваться в информации исторических источников. Очевидна связь проблематики теории и методики источниковедения с методологическими проблемами исторического познания, ее актуальность в связи с задачами критики идеалистической методологии истории.

Современное источниковедение – сложная система знаний, которая может изучаться с различных сторон. Можно, например, характеризовать состояние зарубежного источниковедения по отдельным странам. Однако, хотя такие обзоры дают ценную фактическую информацию, при их использовании труднее выявить основные направления развития науки об источниках и ее проблемы. В одних странах источниковедение имеет давние традиции, научную теоретико-методическую литературу, в других – в качестве специального направления исследований только начинает развиваться. Вполне, казалось бы, сложившийся комплекс вспомогательных исторических дисциплин в настоящее время заметно изменяется и по своему составу, и по своему соотношению с источниковедением, исторической наукой и системой социальных знаний в целом. Есть специфика в понятийном аппарате и терминологии источниковедения и методики изучения источников, подчас в традиционные термины вкладывается новое содержание. Рассмотрение по странам поэтому неизбежно затрудняет выявление общих, характерных черт в развитии науки об источниках и ее общих закономерностях.

⁴⁶³ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1983. 143 с.

В данной книге принят другой подход – проблемный. Автор видела свою главную задачу в том, чтобы выявить основные направления современного зарубежного источниковедения, главные проблемы его теории и методики. Это определило структуру книги и отбор в ней конкретного историографического материала⁴⁶⁴. Основными историографическими источниками послужили издания зарубежных авторов по теории и методике источниковедения, а также учебные пособия по различным вспомогательным историческим дисциплинам.

Обобщающих работ по современному зарубежному источниковедению еще нет, и изучение этих вопросов в данной книге проводилось непосредственно по первоисточникам. В первой главе характеризуются основные положения теории и методики источниковедения. В этой главе в связи с анализом концептуальных положений теории и ее связи с методикой источниковедения используются труды советских историков и философов, в которых излагаются и исследуются проблемы научной теории источниковедения. Теоретическая основа дает возможность подробно рассмотреть достижения источниковедения в социалистических странах (глава вторая) и отражение в буржуазной исторической науке методов работы с источника-

⁴⁶⁴ Понятие «зарубежного источниковедения» безусловно представляет собой определенный эвфемизм, используемый автором для ухода от традиционно для советской историографии деления науки на «буржуазную» и «марксистскую». Первая подвергалась критике за использование «идеалистической» методологии, вторая – представала как единственно «научная». Выход за рамки этих представлений позволял отстаивать единство научного метода, говорить о его развитии в разные периоды истории и анализировать его универсальные критерии. Этот подход открывал возможность обобщения достижений мировой науки, включения их в научный оборот российской историографии и, так сказать, легитимации соответствующих авторов и произведений, закладывал перспективы сравнительных исследований и, в частности, поиска ответов на те вопросы, которые были поставлены европейской научной мыслью XX в. Без проведения этой работы был бы невозможен тот плодотворный обмен идеями, который стал доступен с окончанием «самоизоляции» российской науки и преодолением искусственных идеологических барьеров, сдерживавших ее развитие на протяжении большей части XX века. – *Прим ред.*

ми, а также рассмотреть различные направления буржуазного источниковедения (глава третья).

Структура книги, проблемное изложение и научно-справочный аппарат ориентируют студентов на творческое изучение специальных вопросов теории, методики и историографии зарубежного источниковедения.

Глава 1. Теория и методика современного источниковедения

1.1. Проблемы современного источниковедения

На современном этапе развития общественных наук в центре внимания находятся методологические и теоретические проблемы изучения действительности посредством познания исторических источников, применения новых методов исследования отдельных видов и групп источников, совершенствования общего уровня источниковедческих исследований и преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Источниковедение сложилось как научная дисциплина, изучающая исторические источники и разрабатывающая методы получения из них достоверных сведений об исторических явлениях и процессах. В отличие от других общественных наук, только источниковедение рассматривает источники и методы их исследования в качестве своего предмета. Объектом изучения при этом служат вся совокупность исторических источников и их различные классификационные группы, а также совокупность методов исследования и практических приемов их изучения. В центре внимания источниковедов находятся вопросы происхождения и авторства источников, истории их возникновения и создания, методы интерпретации и анализа их содержания, полноты и достоверности содержащихся в источниках свидетельств.

В настоящее время, в связи с развитием теории источниковедения, активным взаимодействием его с другими науками, можно говорить об источниковедении нового качественного

уровня. Эта наука, во-первых, рассматривает источник как историческое явление в его связях с реальностью его времени и, во-вторых, изучает диалектику познания источника субъектом – историком.

Источниковедение разрабатывает источники и методы получения из источников возможно более полной и достоверной информации о социальных явлениях и процессах. В этом оно опирается на объективно существующие общие свойства источников, позволяющие в принципе считать возможным применение к ним общих методов исследования. Следовательно, встает вопрос – откуда возникают у различных источников общие свойства?

В реальной социальной действительности они возникают как проявление общих свойств и закономерностей развития социальных процессов и их отражения в сознании и деятельности людей. Диалектический и исторический материализм, раскрывая закономерный характер развития естественно-исторического процесса, диалектику субъекта и объекта в процессе целенаправленной человеческой деятельности, создают научную базу для изучения этих процессов, диалектики их отражения в исторических источниках. На базе научной методологии изучения общественных явлений можно предвидеть закономерности возникновения общих свойств формы и содержания определенных групп и типов источников, а следовательно, изучать их объективные свойства и, исходя из реальной действительности, строить теорию науки об источниках, проверять ее практикой, разрабатывать научные методы исследования. Напротив, если отрицаются объективно существующие закономерности развития социальных явлений и процессов, если история воспринимается как сцепление случайных, глубоко индивидуальных, неповторимых феноменов, то логически никак нельзя вывести из таких посылок идеи о том, что могут в принципе существовать источники, общие в чем-то существенном.

Таким образом, ответ на вопрос о том, может ли источниковедение быть наукой об источниках, т. е. опираться на изучение реально существующих закономерностей формирования источников и восприятия их информации, лежит на методологии-

ческом уровне. Для того чтобы ответить на него, необходимо выйти за пределы понятий об источнике, взятом в сфере исторической науки, и обратиться к методологическим проблемам исторического процесса и анализа общественных явлений – в ту сферу, где источник возникает как историческое явление своего времени.

Традиционное для источниковедения служение исторической науке, давшее основание для его трактовки в качестве основной вспомогательной исторической дисциплины, сложилось и осуществляется в двух направлениях: эвристическом и методико-аналитическом (или эвристические и методико-аналитические функции источниковедения). Эвристическое направление – ориентирование в исторических источниках (обзор, классификация, характеристика отдельных видов и групп), составляющих источниковую базу для изучения общественного развития как естественно-исторического процесса в его целом или истории отдельных периодов, стран и регионов, отдельных сторон или явлений исторической действительности. В методико-аналитическом направлении осуществляется ориентирование в информации исторических источников с помощью разработки и совершенствования методов добывания этой информации, анализа ее качества с точки зрения полноты, новизны и достоверности.

С развитием исторической науки оба направления наполняются новым содержанием. Расширение функций источниковедения определяется новыми задачами исторической науки, обогащением ее проблематики, введением в научный оборот новых комплексов источников для нужд всеобщей истории, истории стран и народов, крупных географических регионов, а также источников по актуальным проблемам современной исторической науки и видов источников, перспективных в связи с новыми направлениями научных исследований. Расширение функций источниковедения идет, таким образом, вслед за изменением проблематики исторической науки, отвечая ее потребностям все большей актуализации изучения современных социальных процессов введением в научный оборот массовых

данных, разработкой методов анализа массовых и специализированных видов источников (средств массовой информации, графических и изобразительных источников, кинофотофонодокументов и др.).

Взаимосвязи источниковедения с методологическими проблемами исторического познания развиваются по линии анализа природы исторического источника и диалектики субъекта и объекта в процессе исторического познания. Анализ этих проблем особенно важен для углубления аналитико-методического направления исследований современного источниковедения, он необходим для правильного понимания соотношения методологии и методики в источниковедении, а также для анализа формы и содержания источника, специфики отражения в нем реальной социальной действительности. Это важно и для критики идеалистических концепций природы исторического источника, критики субъективистских концепций восприятия информации источником историком.

Значительное расширение социальных функций источниковедения связано также с задачами совершенствования методов преподавания и распространения источниковедческих знаний. Отметим такой существенный факт, как необходимость освоения понятия исторического источника – памятника истории и культуры – небывало массовой аудиторией.

Известно, что каждый материальный объект, созданный в процессе социальной деятельности человека, имеет двойственную природу: помимо своего первичного целевого назначения он может стать историческим источником, послужить для получения данных о процессах общественного развития своего времени. Понимание продукта социальной деятельности человека в его вторичном значении как исторического источника ранее было прерогативой исторической науки. Теперь же овладение понятием исторического источника и – соответственно – источниковедческим подходом к изучаемым явлениям должно стать достоянием не только историка, но и специалистов самых различных дисциплин. Этот факт отражает широкие перспективы применения источниковедческого подхода в современной социальной практике, он отражает возросшее значение источ-

никоведения, прочно занявшего видное место среди отраслей, обеспечивающих ретроспективной информацией фундаментальные и прикладные обществоведческие исследования на современном этапе.

Обеспечение возрастающих общественных потребностей в ретроспективной информации исторических источников сопровождается расширением общественных функций источниковедения, актуализацией всего комплекса проблем, связанных с охраной, собиранием, научным описанием, публикацией и исследованием исторических источников.

Все более очевидным становится значение науки об источниках в связи с разработкой проблем методологии исторического познания. Методы познания наиболее общих закономерностей развития природы, общества и мышления, социально-экономических закономерностей развития и социально-исторического познания имеют тесную связь с более специфическими и конкретными проблемами и методами познания прошлого через исторический источник. Проблемы познаваемости общественных процессов, методы достижения истинного знания, проблемы достоверности имеют непосредственный идеологический аспект. Проблема познаваемости общественных явлений прошлого и современности, раскрытие реально существующих трудностей познания текущих, незавершенных процессов социальной действительности, доказательство принципиальной возможности познания общественных явлений через исторические источники – все эти методологические, научные проблемы неотделимы от критики идеалистической методологии истории, от идеологической борьбы.

Большую актуальность приобрели в настоящее время историко-культурные аспекты науки об источниках. Историзм общественного сознания неотделим от необходимости овладения источниковедческими критериями, от умения подняться на определенный уровень абстракции в реальных жизненных ситуациях, понять и увидеть, например, в фотографиях старого семейного альбома, забытом дневнике, предмете домашнего обихода исторический памятник, понять его (а следовательно, и

сохранить) как исторический источник. Историко-культурные аспекты источниковедения тесно переплетаются здесь с задачами архивоведения, музееведения, истории искусства, охраны памятников истории и культуры.

Велики и воспитательные, морально-этические функции источниковедения. Они тесно связаны с научными критериями достоверности, надежности, новизны информации источника, с вопросами о задачах и общественных функциях исторической науки, критериями позиций историка, воспринимающего информацию источников, дающего ему вторую жизнь.

Таковы лишь некоторые, наиболее четко проявившиеся направления, в которых наука об источниках работает тесно интегрируясь с философскими, идеологическими, информационными, документоведческими, архивоведческими, музееведческими, педагогически-психологическими, морально-этическими проблемами. Соответственно специалисты ряда наук должны иметь более широкое и в то же время профессиональное представление о предмете источниковедения, его теории, методике, истории, современных интеграционных связях науки об источниках.

Современное развитие науки об источниках, ее место среди других наук придает особую актуальность развитию теории источниковедения. Теория источниковедения – это научная система знаний об источниках, рассматриваемых в их существенно общих свойствах; это форма научного мышления, которая позволяет получить зафиксированные в источниках информационные данные на уровне объективной истины. Теория источниковедения разрабатывает следующие основные проблемы: природа исторического источника; закономерности отражения в источнике социальной действительности; классификация исторических источников; содержание и последовательность основных этапов изучения источников с целью получения из них достоверных информационных данных о социальных явлениях и процессах; закономерности восприятия этих данных историком.

В исследованиях по теории источниковедения предметом являются общие свойства исторических источников и отдель-

ных их групп (например, видовых), методы их изучения и пути совершенствования этих методов. Теория науки об источниках тесным образом связана с практикой исследования источников.

В практике исследования источники изучаются с целью получения информационных сведений по определенной проблеме общественного развития; конечной целью источниковедческой работы является получение данных для последующего анализа закономерностей и специфики общественного развития, исторического процесса. В теории источниковедения в центре внимания находится процесс добывания информационных данных из источников, его эффективность, его результативность, его обусловленность объективными свойствами источника. Теория источниковедения как научная система знания об источниках, рассматриваемых в их существенно общих свойствах, возможна лишь при условии раскрытия взаимосвязи гносеологического и онтологического аспектов процесса общественного развития и познания общественных явлений.

Исследования по теории источниковедения связаны с практикой по двум направлениям. Первое направление имеет познавательный характер и включает исследование природы исторического источника и процесса его изучения, специфики отражения в источнике исторической действительности. На этой основе осуществляется второе направление – формулируются определенные нормативы, которые обобщают методiku, условия и границы ее применения. Будучи выявлены и обобщены на определенной группе источников, эти нормативы могут затем применяться и к другим группам источников. Так, например, выявление свойств исторических источников главным образом периода феодализма дали возможность понять источник как историческое явление, как продукт экономических и политических условий общественного развития. Это имело большое значение для последующей разработки методов анализа источников по истории нового и новейшего времени.

Применение общих положений теории источниковедения особо важно в настоящее время, когда складывается источниковедение ряда общественных наук и специализированных отраслей исторической науки – историографии, истории философии,

социальной психологии, военно-историческое источниковедение и др.

Теория источниковедения призвана обеспечить профессионализм, качественный уровень и эффективность исследований. Теория вырабатывает и формулирует критерии и требования к источниковедческому исследованию, с помощью которых в данной области науки оценивается результат, верифицируются выводы. Исключительно важна роль теории и в педагогической работе, в обучении осуществлять источниковедческие исследования. Для того чтобы научить методике исследования, необходимо ее проанализировать на уровне теории, отдавая себе отчет об условиях и границах ее применения в зависимости от объективных свойств изучаемого предмета исследования. Задачи преподавания создают стимул для обращения к теории, к ее развитию. Именно здесь особенно активно осмысливаются нормы, требования, содержание процесса работы над источником, его последовательность. Выявляются и проверяются практикой преподавания рекомендации программ и методик, целесообразность распределения сил.

Следует отметить, что в непосредственной связи с преподаванием отработывалась наиболее целесообразная схема основных этапов работы историка с источниками, которая постепенно углублялась и совершенствовалась, вбирая в себя опыт развивающейся исторической науки. В практике преподавания источниковедения основные теоретические положения этой отрасли знания находят свою проверку, обогащение, развитие. Именно в практике преподавания нашел окончательное решение вопрос о преимуществах видовой классификации в сравнении ее с классификацией источников по содержанию – последняя не дает столь больших возможностей для выявления видовой методики анализа, для раскрытия специфики применения общих принципов источниковедческого изучения к различным видам исторических источников.

Логическая последовательность теоретического исследования неадекватна последовательности педагогического процесса. Преподавание предмета имеет свою логику, подчиненную закономерностям психологии восприятия. Теоретические положения предстанут здесь в доступной форме, они воплощаются в

частных методиках. Поэтому связь конкретной методики с теорией не лежит на поверхности, она глубинна, и в ее реализации на практике допустимы различные степени. Тем важнее подчеркнуть, что теория, ее нормативные положения направляют процесс обучения предмету, определяют его содержание.

Выделим те моменты, в которых значение теории для практики источниковедения выступает особенно четко. Это – применение нормативных положений теории к новым категориям источников, что повышает эффективность их исследования; применение выработанной на уровне теории системы критериев оценки источниковедческих исследований и способов верификации выводов, что создает возможность проверки научных результатов и тем самым обеспечивает качество профессионально выполненных источниковедческих исследований; использование достижений теории в педагогическом процессе, что создает возможности привлечения к исследованиям более широкого круга ученых и тем самым обеспечивает преемственность и прогресс данной области социального знания.

Принципиальное значение для развития и обогащения теории имеет практика источниковедческой работы. Связь между теорией и практикой существовала всегда, но, будучи осознанно использована, она может функционировать более целенаправленно. Путь от конкретных наблюдений над определенными комплексами источников, особенно видовыми, к теоретическим и методическим обобщениям и выводам является источником постоянного обогащения теории. На современном этапе развития источниковедения теория и методика источниковедения продолжают обогащаться практикой исторического исследования и преподавания. Здесь необходимо прежде всего отметить работу советских ученых⁴⁶⁵.

⁴⁶⁵ См.: *Черепнин А. В.* О методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. – В кн.: *Источниковедение отечественной истории*. М., 1973, вып. 1; *Данилов В. П., Якубовская С. П.* Источниковедение и изучение истории советского общества. – *Вопросы истории*, 1961, № 5; *Кашитанов С. М., Курносков А. А.* Некоторые вопросы теории источниковедения. – *Исторический архив*, 1962, № 4; *Николаева А. Т.* Методология и методика русского источниковедения в период его становления. (К вопросу о преемственности.) – *Труды МГИАИ*. М., 1967, т. 25; *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения. – В кн.: *Источниковеде-*

Особенности развития источниковедения, как и любой вообще науки, нельзя понять вне связи с условиями общественного развития на данном историческом этапе. На современное источниковедение несомненное влияние оказывают возрастные историзма мышления и общественной практики в целом, комплексный подход к проблеме личности, интеграционные процессы в изучении культуры и человеческой деятельности вообще. Новые задачи исторической науки в условиях интеграции гуманитарного и естественнонаучного знания как никогда ранее расширяют, во-первых, круг исторических источников различных видов, исторических эпох и уровней социальных структур и, во-вторых, круг проблем общественной практики и науки, для которых применение методов источниковедения оказывается необходимым.

Вместе с исторической наукой источниковедение долго ограничивалось по преимуществу письменными памятниками феодальной Европы, формируя соответственно систему традиционных вспомогательных исторических дисциплин. Каждый этап развития истории как науки сопровождался введением в сферу специального источниковедческого изучения все новых категорий источников. Диалектический материализм создал методологическую базу научного познания исторических источников⁴⁶⁶ и соответственно введения в научный оборот

ние. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1973; *Пушкарев А. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976; Актуальные проблемы источниковедения, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Новороссийск, 1979; Советское источниковедение Киевской Руси. Историографические очерки. Л., 1979; *Буганов В. П., Зимин А. А.* О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. – История СССР, 1980, № 1; *Ковальченко П. Д.* Исторический источник в свете учения об информации. К постановке проблемы. – История СССР, 1982, № 3.

⁴⁶⁶ См.: *Черепнин Л. В.* К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. – В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; *Яцунский В. К.* Вопросы источниковедения в трудах В. И. Ленина по социально-экономической истории. – Проблемы источниковедения. М., 1955, вып. IV; *Литвак Б. Г.* О некоторых приемах

источников, отвечающих принципиально новым исследовательским задачам. Ведущее значение имеет привлечение источников, отражающих закономерности общественного развития, социального прогресса, функционирования и смены социально-экономических формаций, ведущих тенденций общественного развития на современном этапе.

Особое значение имеет введение в практику и совершенствование методов анализа источников нового и новейшего времени, истории народов в их историческом развитии. Важное значение имеют специальные источниковедческие исследования, посвященные проблемам классификации и характеристики источников, показывающие взаимосвязь источников определенного исторического периода, их классовую природу, специфику происхождения, видовые особенности и содержание⁴⁶⁷.

Новые возможности источниковедения на современном этапе связаны с развитием НТР. Это – возможности повышения информационной отдачи источников, использование совокупности информации массовых источников, а также использование в качестве исторических источников специфических форм отражения и воспроизведения действительности (кинофотофонодокументов, технической документации, картографических источников и др.).

анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина. – В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964, вып. 1; *Буганов В. И.* Советская литература о приемах работы В. И. Ленина над источниками. – Вопросы истории, 1970, № 9; О ленинской методологии в работе над историческими источниками. Киев, 1970; *Городецкий Е. Н.* Ленин – основоположник советской исторической науки. М., 1970; *Шаратов Ю. П.* В. И. Ленин как читатель. М., 1976; *Ждановская З. В.* Вопросы методики изучения ленинского наследия. М., 1979.

⁴⁶⁷ См.: *Черноморский М. Н.* Источниковедение истории СССР. Советский период. 2-е изд. М., 1976; Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд. М., 1981; *Варшавчик М. А.* Источниковедение истории КПСС. М., 1973; *Николаева А. Т.* Теория и методика источниковедения истории СССР. М., 1975; *Миринова И. А.* Источниковедение истории СССР XIX – начала XX вв. М., 1975; *Стрельский В. А.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1976; *Батаева Т. В.* Источниковедение истории советского рабочего класса периода его становления. М., 1979.

Взаимосвязь естественнонаучных и гуманитарных знаний является одним из важнейших направлений интеграции науки. В связи с перспективами развития источниковедения важно подчеркнуть те направления интеграции, которые реализуются на базе дальнейшего развития историзма в сфере социального и естественнонаучного знания в настоящее время. История науки и техники уже сейчас активно развивается и имеет большие перспективы. Роль истории науки в процессе гуманитаризации знания в век НТР существенна, являясь одним из проявлений синтеза естественнонаучного и социально-исторического познания диалектического единства и разнообразия мира, его закономерностей. Но история науки нуждается в своих источниках, а следовательно, и в источниковедении. Поэтому эвристическая и методико-аналитическая функции, которые источниковедение выполняет в исторической науке, оказываются необходимыми и полезными для других гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, а также для истории науки в целом.

Историография, например, уже формирует свое источниковедение⁴⁶⁸. Но очевидно, что ряд проблем, которые рассматривает историография как история исторической науки, специфичны не только для нее – они являются общими для истории науки вообще. К числу таковых принадлежит и вопрос об источниковой базе истории науки, о ее источниковедении⁴⁶⁹ – здесь открывается большое поле деятельности. Пред-

⁴⁶⁸ См.: *Нечкина М. В.* История истории. Некоторые методологические вопросы исторической науки. – В кн.: История и историки. Историография истории СССР. М., 1965; *Шмидт С. О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии. – В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; *Дурновцев В. П., Пиллерцкий В. Е., Муравьев А. В.* Итоги и перспективы издания Всесоюзного историографического ежегодника. – Вопросы истории, 1978, № 3; *Сахаров А. М.* Методология истории и историография. Статьи и выступления. М., 1981.

⁴⁶⁹ См.: *Шмидт С. О.* О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки. – Труды МГИАИ. М., 1965, т. 22; *Калосова Э. В.* Личные архивы историков и историография. – Советские архивы, 1971, № 4.

ставители истории философии, искусства, военного дела, медицины и других отраслей, так же как и историографы, уже сделали первые опыты разработки источниковедческих проблем⁴⁷⁰.

Источниковедение уже вступило во взаимодействие с рядом отраслей, входя со своей методикой в междисциплинарные комплексы, формируя на стыке гуманитарных, естественнонаучных и технических знаний новые типы специалистов⁴⁷¹. Так, например, сложные интеграционные процессы развития современного знания отражают взаимосвязь источниковедения и архивного дела как отрасли и архивоведения как системы научных и прикладных знаний⁴⁷². Размах интеграционных процессов, связанных с гуманитаризацией знания, не оставляет сомнений в том, что будут расширяться связи источниковедения и истории науки.

Ряд проблем поставлен также в связи с интеграцией дисциплин, изучающих вещественные и письменные памятники⁴⁷³, на

⁴⁷⁰ См.: *Бесфурный А. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957; *Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. М., 1971; *Емельянов Б. В.* Теоретические проблемы источниковедения истории философии. Автореф. докт. дисс. Л., 1980; *Грицкевич В. П.* Историко-медицинское источниковедение. – Советское здравоохранение, 1980, № 9.

⁴⁷¹ Характерен пример НРБ, где источниковедение формируется на современной основе. Отличительной чертой является интеграционный характер исследований по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, рассматриваемых в их связи с историографией, социологией, на широком фоне истории болгарской культуры. См.: *Георгиев К.* Историята и нейните извори. Помощни исторически дисциплини. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1979, т. I; 1980, т. II.

⁴⁷² См.: *Рудельсон К. И.* Современные документные классификации. М., 1973; *Автократов В. Н.* Архивоведение в кругу других областей знания. – Советские архивы, 1973, № 2; *Рудельсон К. И., Шепукова Н. М., Глизаров Б. С.* О перспективных направлениях архивоведения. – Советские архивы, 1976, № 4.

⁴⁷³ См.: *Янин В. А.* К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. – История СССР, 1973; № 3; *Шмидт С. О.* Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. – В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975; *его же.* Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. – В кн.: Развитие советской исторической науки. 1975–1979. М., 1980.

стыке источниковедения, археографии, лингвистики, библиотек-
ведения и музееведения⁴⁷⁴. В то же время продолжается диф-
ференциация – возникают новые разделы источниковедения. В
свое время, например, труды по источниковедению Сибири
были одними из первых, положивших начало региональным
источниковедческим направлениям отечественной истории.
Сейчас чрезвычайно важное направление стало быстро попол-
няться новыми трудами⁴⁷⁵.

Сущность новой ситуации состоит в следующем – налицо
тенденция к дальнейшему расширению социальных функций
источниковедческих методов в современной науке и обще-
ственной практике и происходящие под влиянием этой тенден-
ции сдвиги в структуре источниковедения как научной
дисциплины: его дифференциация (возникновение новых
частных разделов источниковедения) и интеграционные про-
цессы (вхождение его в ряд междисциплинарных комплексов
гуманитарного и естественнонаучного знания). Все это с особой
остротой ставит вопрос об оптимальной структуре современно-
го источниковедения как научной дисциплины и месте в нем
теоретических проблем. Если отдельные его разделы, в том
числе и вновь возникающие, активно втягиваются в новые меж-
дисциплинарные комплексы, то сохраняют ли они связь между
собой, нужны ли эти связи, каковы они? Не должны ли в этих
условиях возобладать центробежные тенденции возникновения
на месте единого источниковедения многочисленных источни-
коведений?

⁴⁷⁴ См.: Источниковедение и история русского языка. Сб. статей. М., 1964; Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978; Источнико-
ведческие проблемы истории библиотечного дела в СССР. М., 1977.

⁴⁷⁵ *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., 1960–1965, вып. 1–2; *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению исто-
рии Белоруссии феодального периода. М., 1973; *Котыльский З. Ю.* Источнико-
ведение аграрной истории Белоруссии. Минск, 1971; *Усманов М. А.* Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972; *Коваль-
ский Н. П.* Источниковедение истории Украины (XVI – первая половина
XVII вв.). Днепропетровск, 1977–1979, ч. 1–4; *Иванов В. Ф.* Письменные ис-
точники по истории Якутии. Новосибирск, 1979.

Западногерманский историк Г. Генц, например, утверждает: «Историческая наука отличает, как известно, общее источниковедение от многочисленных специальных источниковедений. Общее занимается всего более феноменом источника в его общем отношении к действительности и изучает отношение действительности к познанию»⁴⁷⁶. В этом утверждении отметим сам факт обращения к общим, теоретико-познавательным аспектам источниковедения. Для современной западной историографии ранее был более характерен тезис о принципиальной невозможности единого подхода к различным комплексам источников⁴⁷⁷. Вопрос, однако, состоит в том, как соотносятся между собой в структуре источниковедения его теория и методика.

Вопрос о структуре источниковедения на современном этапе развития науки – это прежде всего вопрос о его теоретической основе. Роль теории в структуре источниковедения приобретает особое значение.

Взаимодействие теоретического и эмпирического аспектов в источниковедении развивается в соответствии с общими закономерностями диалектики теоретического и эмпирического в научном познании. Оба направления в современной науке являются необходимыми и взаимообусловленными компонентами и постоянно воспроизводящееся противоречие между ними является одним из движущих факторов ее развития⁴⁷⁸. Исследование природы источника, специфики отражения в нем реальной действительности, закономерностей восприятия информации как создателем источника, так и его исследователем, анализ исторического источника и исторического познания занимают важное место в критике буржуазной методологии истории⁴⁷⁹.

⁴⁷⁶ Henz G. Elemente einer allgemeinen historischen Quellenkunde. Archiv für Kulturgeschichte. Köln-Wien, 1974, Bd. 56, Heft 1, S. 1.

⁴⁷⁷ См.: Steigen J. Unité ou diversité de la critique historique. – In.: Revue des Institut de sociologie. Bruxelles, 1963, № 4.

⁴⁷⁸ См.: Швырев В. С. Об отношении теоретического и эмпирического в научном познании. – В кн.: Методология и методы социальной психологии. М., 1977.

⁴⁷⁹ См.: Иванов Г. М., Корсаунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

Всякий раз, когда возникает необходимость применения методов источниковедения во вновь складывающихся междисциплинарных областях знания, неизбежно обращение к теории. Возникает вопрос: в какой мере разработанные ранее методы применимы в новых исследовательских ситуациях, распространяемы ли они на впервые осваиваемые совокупности источников? При всей специфичности новых задач, особенностях источников исследователь может и должен опираться на достигнутый уровень знаний о социальной природе исторического источника, иметь ясное представление о системе источниковой базы в ее целом (в чем ему помогут, в частности, существующие классификации источников), о содержании и последовательности основных исследовательских процедур, приемах и средствах их применения.

Перед специалистами на современном этапе стоит задача выявить диалектику общего и особенного в природе исторического источника. Наряду с единичными, неповторимыми, источник имеют общие свойства, и необходимо выявить их, соотнести с ними общую и видовые методики, многократно проверяемые практикой исследования. Поэтому, оказавшись перед необходимостью обращения к источникам, которые не были ранее предметом изучения, необходимо теоретически обосновать подход к проблеме: какова диалектика общих и особенных свойств данной совокупности источников? Каково ее место в системе источников? В какой мере применимы к ним общие и видовые методики и почему (если это так) они не всегда эффективны? Как ни парадоксально, применение общих критериев позволяет лучше уловить необычность, уникальность, неповторимость нового, творчески обогащать методы исследования во взаимодействии с практикой исследования.

1.2. Источники и методы их исследования

Марксистско-ленинская методология определяет понимание природы исторического источника как центральную проблему науки об источниках.

Историческими источниками являются материальные объекты, созданные в процессе человеческой деятельности и служащие для получения данных о процессах общественного развития. Под это определение попадают все объекты культуры, созданные человеком в процессе всякой сознательной деятельности. В то же время не исключается вовлечение в сферу интересов историка данных о географической среде и условиях жизни людей данного исторического времени⁴⁸⁰, если эти условия преобразованы деятельностью человека, носят на себе следы этой деятельности, т. е. созданы не природой, а человеком.

В связи с определением понятия исторического источника важно подчеркнуть, что человеческая деятельность, имеющая социальную природу, коммуникативна. Наиболее информативны и содержательны те объекты деятельности, которые уже в момент их создания запрограммированы на осуществление коммуникативных функций – передач информации во времени и пространстве, для чего эта информация закрепляется на материальном носителе. Поэтому источники, в которых информация выражена в знаковых системах, наиболее информативны и составляют главный объект источниковедения.

Каждый документ, каждый материальный продукт человеческой деятельности имеет помимо непосредственного целевого назначения в реальной действительности своего времени еще и вторичное – быть потенциальным историческим источником, служить для получения данных о процессах общественного развития того времени. Продукт материальной и духовной культуры (историки, работающие с прошлым, часто употребляют в этом смысле слово памятник) создается человеком в определенных целях, имеет свое практическое назначение. Начиная служить цели получения информации, он становится источником информации, и если это информация о прошлом, – историческим источником. Так, например, каждый отдельный музейный экспонат имел в жизни непосредственное

⁴⁸⁰ См.: *Люблинская А. Д.* Источники в смежных с историей науках. – В кн.: *Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья.* М., 1979.

практическое назначение. В музейном же, вторичном своем качестве все они становятся для нас источниками, несущими информацию об истории, культуре своего времени.

Исследовать источник, являющийся продуктом целенаправленной социальной деятельности, возможно лишь исходя из того, какими причинами было вызвано его появление, какое место занимал он в функционировании общественной системы его времени. Без учета объективных закономерностей, вызвавших к жизни данный источник и соответственно отразившихся в его форме и содержании, его изучение невозможно. Из этого следует, что, возникая в ходе исторического процесса и позднее став объектом исторического изучения, источник выступает как звено диалектической связи истории как процесса и научного исторического познания. В научном источниковедении понимание природы исторического источника и методологии исторического процесса неразделимы, открывая тем самым неограниченные возможности познания и совершенствования методов исследования исторических источников.

Классификация широко используется в различных областях как средство уточнения понятий, которыми оперирует наука. Наличие огромного количества исторических источников самых различных видов вызывает необходимость их классификации. Разработка проблем классификации источников в источниковедении углубляет наши представления о природе источника и его свойств и тем способствует теоретическому обоснованию общей и видовой методики исследования.

Изучая отдельный источник, историк сосредоточивает свое внимание на установлении его происхождения, авторства, подлинности. Он занят проверкой достоверности источника, оценивает возможность его использования для освещения определенных вопросов. Общие, повторяющиеся свойства источников в этом случае не привлекают к себе его специального внимания. Он использует имеющиеся у него представления об общих свойствах источников лишь для того, чтобы глубже понять специфику и особенности изучаемого источника.

Не менее важен и другой аспект исследований, направленный на выявление общих свойств больших групп источников и тех причин, в силу которых они возникают. Это – анализ существующих классификаций исторических источников и разработка новых способов их классификации.

Рассмотрим деление источников на исторические остатки и историческую традицию, которое использовалось в идеалистическом традиционном источниковедении. В основу этой классификации бралась степень близости источника к тем фактам, которые в этом источнике отразились – в первом случае (остаток) источник рассматривался как остаток того факта, который изучается историком; критический анализ сводился к установлению подлинности источника, после установления которой историк мог переходить к изучению данного исторического факта. Под традицией понимался переданный в источнике рассказ об историческом факте. В этом случае для изучения факта проводилась предварительная критика достоверности, так как факт предстал перед историком не непосредственно, а опосредованно, и нужно было установить, в какой мере рассказ источника соответствует истине, насколько он достоверен. (Например, договорная грамота – остаток факта заключения договора, рассказ же летописи об этом договоре – традиция (предание), событие здесь предстает в том виде, как оно преломилось в сознании и памяти рассказчика.)

Классификация источников на два класса – остатки и традицию – отразила методологические представления идеалистического источниковедения о природе исторического факта и исторического источника. Она широко и достаточно долго использовалась для классификации источников в зарубежном источниковедении. В действительности такая классификация невозможна. Понимание источника как исторического явления своего времени хорошо объясняет причину этого.

Деление источников на остатки и традицию не может быть положено в основу классификации источников. Это противоречит пониманию каждого источника как исторического явления своего времени, его остатка. Не существует источников,

являющихся только преданиями, и в то же время каждый остаток несет в себе сложную, прямую и косвенную информацию: являясь свидетельством о фактах, он одновременно является остатком других фактов.

Однако проблема «остаток-традиция» не может быть снята вместе с соответствующей классификационной схемой. Пусть односторонне, но в ней выражена диалектика отражения действительности в историческом источнике. Информация, намеренно включенная в источник его составителем (косвенная информация), является лишь частью той информации, которую источник доносит до нас о своем времени. Сложная структура источника обнаруживает наряду с намеренной информацией, включенной в источник в связи с его назначением, более глубокие пласты прямых свидетельств о времени, которое в нем отразилось. Именно поэтому, обращаясь к источнику, исследователь снова и снова обнаруживает в нем новые грани, освещающие, казалось бы, навсегда утраченные явления прошлого. Именно поэтому, применительно к конкретной теме исследования, деление источников на прямые и косвенные вполне может быть проведено.

Научное источниковедение рассматривает источники как историческое явление своего времени. В основу классификации источников положен поэтому принцип их происхождения в рамках данной социально-экономической формации. В качестве вторичного признака классификации используется видовой. Вид источника может быть определен только в свете понимания его природы как исторического явления своего времени. Источники, как уже отмечалось, возникают первоначально как облеченные в материальную форму средства для достижения определенных практических целей, удовлетворения духовных и материальных общественных потребностей. Материальные объекты, письменные документы, созданные в процессе социальной, целенаправленной человеческой деятельности, имеют свое практическое назначение. Между памятниками материальной и духовной культуры существует в этом отношении определенная аналогия. Ряд свойств формируется в процессе их создания та-

ким образом, чтобы они все лучше отвечали своему практическому назначению.

Поскольку потребности общества удовлетворяются не единичным, а многократным воспроизведением определенных произведений, материальных объектов, письменных документов, то общие признаки формы и содержания, обусловленные назначением, отрабатываются все более четко. Чем чаще повторяется потребность, практическая цель, тем чаще воспроизводятся произведения соответствующего назначения и тем более четко вырабатываются и закрепляются в них общие свойства этих произведений, обусловленные их назначением. Эта зависимость и выделяется как главная для определения понятия вида. Видом поэтому называется группа источников, которая имеет ряд устойчивых общих свойств формы и содержания, возникших и закрепившихся в силу общности функций этих источников в жизни общества.

Практические цели, вызвавшие к жизни те или иные виды источников, могут быть обусловлены различными закономерностями общественного функционирования. Поэтому возможны и действительно существуют разнообразные виды источников. Примером вида источников, обслуживающих давнюю и устойчивую потребность в обмене письменной информацией, являются письма – эпистолярные источники. Их формуляр в периоды расцвета эпистолярного жанра был достаточно устойчив при всем разнообразии писем; достаточно вспомнить знаменитые «письмовники» – трафаретные образцы для написания писем различного целевого назначения. Устойчивы видовые особенности дипломатических документов. Есть виды источников, которые связаны с существованием определенных форм общественных отношений (акты, подтверждающие права собственности на орудия и средства производства). Возникновение видовых особенностей связано и с развитием определенного уровня общественного сознания (таковы летописи, хроники), технических знаний (карты, технические чертежи).

Все это приводит к огромному разнообразию видов источников, разветвляющихся на многочисленные подвиды и разновидности (с сохранением главной зависимости от их назначения). В

деятельности государственных учреждений находим разнообразные виды и подвиды деловой документации, создание которой связано с появлением строго установленных форм канцелярского делопроизводства, форм удостоверения, особого делового языка. В тех случаях, когда устойчивость структуры и внешней формы источника в практических целях особенно важна, она устанавливается юридически. Устойчивость формуляра, способов утверждения, воспроизведения, терминологии особенно заметно прослеживается на примере таких наиболее четко сложившихся видов источников, какими являются акты.

Акты представляют собою источники, возникшие в результате часто повторяющихся потребностей документационного обеспечения определенных форм общественных отношений. Они поэтому и превратились в многочисленные виды, подвиды и разновидности массовых источников с устойчивыми признаками. Видовая методика анализа актов источников превратилась в специальную историческую дисциплину – дипломатику. Одним из основных методов дипломатического анализа как раз и являются наблюдения, основанные на особенностях структуры, формуляра, способов удостоверения и тому подобных черт актов источников.

Наряду с такими четко сложившимися, массовыми видами источников, какими являются акты, существуют источники уникального характера, возникшие в нетипичных, особых обстоятельствах и потому не имеющие себе подобных в силу специфичности своего назначения, условий возникновения. Они не сложились в видовые группы. Сам по себе процесс возникновения новых видов источников или их исчезновение заслуживает анализа.

В научном источниковедении большое место занимает использование видовых свойств источника для обоснования видовых методик анализа источников.

Определяющим моментом в формировании видовых свойств источника является общность назначения этих источников. Общность назначения формирует вид источников как специфическую общность черт их формы и содержания. Связь формы и назначения очевидна, она отчетливо прослеживается

на примере предметов материальной культуры, очевидна в практической деятельности. Что касается взаимосвязи назначения и содержания, то, например, такие виды источников, как договорные грамоты, таможенные книги или географические карты представляют собой определенную направленность информации, включенной в содержание источника, намеренно отобранной в связи с назначением карты, договора, учетного документа. Общность признаков, определяющих видовые свойства, складывается, таким образом, под влиянием его целевого назначения, введенной составителем в источник информации (содержание) и формы, сложившейся также в соответствии с этим назначением.

Содержание источника определяется его назначением лишь отчасти – в той мере и поскольку содержание формируется под влиянием целевых установок его составителя, оно связано с видовыми свойствами. Однако содержание источника не полностью определяется его назначением. В связи с видовыми свойствами речь может идти лишь о той информации, которая включена в него составителем намеренно, отобрана сознательно. Но намеренно включенная в источник информация – лишь часть (возможно, не самая существенная) той информации, которую доносит до нас источник о своем времени.

Задача анализа содержания источника далеко выходит за пределы видовой методики. Важнейшие взаимосвязи того общественного целого, в недрах которого возникает источник, могут отражаться в его содержании непосредственно, они могут быть и не осознаны составителем источника, преследовавшим в его создании конкретные, практические цели. Сказанное не означает недооценки значения видовых свойств источника. Без изучения свойств видов нельзя создать достаточно гибкую и точную видовую методику на основе общих методологических принципов источниковедения. Изучение видов – это один из путей исследования объективных свойств исторических источников, свойств, формировавшихся в процессе создания и функционирования источников в общественных процессах. Однако не должно быть и переоценки значения видовых свойств. Они являются вторичными, они не охватывают и не

определяют содержания источника во всей его полноте, не могут поэтому служить единственным критерием оценки значения документа как исторического источника.

Видовые свойства могут быть выражены в большей или меньшей степени. Источник может оказаться вне видовой группы, если он создается в необычных, в чем-то уникальных условиях или кладет начало образованию новых видов документов. В то же время существует множество видов документов действительно массового характера. Задача источниковедения состоит не в том, чтобы, используя видовой принцип классификации, свести все многообразие источниковой базы к ограниченному числу видовых групп. Важнее использовать видовые свойства как определенные признаки, следы целевого назначения источников и для обоснования разнообразных видовых методик исследования. Оригинальность формы и содержания источника или их стереотипность, повторяемость выступают в этом случае как признаки, с помощью которых исследователь может глубже проникнуть в их содержание, обосновать возможности и ограничения применимости к наиболее крупным, устоявшимся массовым видовым комплексам общих методов группировки, анализа, обобщения.

Диалектика формы и содержания источников в пределах определенного вида может стать предметом специального теоретического изучения. Примером может служить дипломатика как научная дисциплина, придающая столь важное значение видовым свойствам источников. Большое значение имеют в ее методике наблюдения за изменениями формуляра, структуры акта, появлением и исчезновением определенных стереотипных клаузул, типовых формул и стереотипов, вначале имеющих реальное содержание, а позднее их утрачивающих.

Проблема видовых свойств источника, являясь одной из теоретических проблем источниковедения, имеет непосредственную связь с другими науками, также использующими для своих нужд наблюдения над диалектикой формы и содержания объектов своего изучения — будь то жанровые особенности произведений в искусствоведении, видовые и функциональные особенности документов в архивоведении или документоведении.

Достаточно напомнить о той большой работе, которая ведется в теоретическом архивоведении в связи с разработкой научных критериев оценки информационного значения документальных материалов⁴⁸¹. Несомненно, функционально-видовые свойства документов имеют важное значение для оценки их значения, их информационного потенциала. В то же время важно подчеркнуть, что видовые, функциональные свойства документов не могут охватывать всего информационного потенциала содержания и потому не должны служить единственным критерием их оценки как исторического источника.

Источниковедение, опираясь на объективные общие свойства источников, выработало методы, использование которых в практике исследования источников целесообразно для оценки значения их как потенциальных источников информации о социальных явлениях и процессах. Основные этапы работы с источниками находятся между собой в определенной логической связи и последовательности, когда разработка одного этапа является необходимой ступенью для последующего более глубокого проникновения в его содержание. Следует при этом иметь в виду, что исследовательская практика познания источника диалектична и она не может быть представлена односторонним движением: на новом витке спирали изучения содержания возникает необходимость возвратиться, например, к уточнению даты, использовать новые сведения об авторе и т. п.

Не следует поэтому последовательность этапов работы с источниками отождествлять с ходом осуществления приемов анализа конкретных особенностей и решения отдельных ситуаций хода исследования. Речь идет о другом: о логической последовательности этапов как ступеней исследовательского процесса, когда исследование одного этапа дает необходимые предпосылки для изучения последующего, для принятия исследовательских решений.

⁴⁸¹ См.: *Автократов В. Н., Елпатьевский А. В.* Проблемы комплектования государственных архивов современными документами. Источниковедческий аспект. В кн.: *Источниковедение отечественной истории.* 1975. М., 1976.

Необходимо отметить, что этот момент в источниковедческой литературе недостаточно освещен, ясен. Логическая последовательность этапов изучения и практических приемов часто не различаются. Как следствие этого появляется неоднозначность применения соответствующих терминов. Например, термин «внешняя критика» понимается то как этап изучения происхождения и авторства источника (что более правильно), то как совокупность приемов изучения внешних особенностей источника, применяемых при установлении его датировки и подлинности.

Датирование объекта по совокупности его признаков представляет необходимый предварительный этап изучения, без которого источниковедческий анализ, по существу, не может осуществляться. Именно поэтому столь большое значение имеют вспомогательные исторические и технические дисциплины, создающие и постоянно расширяющие с помощью современных технических средств возможности использования всего, что создано в процессе целенаправленной человеческой деятельности, в качестве исторических источников. Датировка объекта изучения проливает свет и на его подлинность, т. е. соответствие тому историческому времени, к которому он себя относит.

На первом этапе, когда исследуется комплекс вопросов авторства и происхождения источника, стоит задача ввести источник в исторические рамки определенного исторического времени и рассматривать его как историческое явление, созданное в конкретно-исторических условиях и отражающее эти условия. Раскрытие социальной природы источника как продукта социальной деятельности является центральным моментом науки об источниках. На этом этапе источник ставится в связь с историческими условиями того времени, когда он возник; выясняется, каковы основные закономерности данной социально-экономической формации, главные направления общественного развития той эпохи, какова расстановка социальных сил. Этап изучения источника как исторического явления в буржуазном источниковедении отсутствует. Между тем

трудно переоценить его методологическое значение. Определение конкретного документа как элемента определенной общественной системы с позиций историзма – необходимое условие для дальнейшего его анализа, для понимания общего и особенного в форме и содержании источника. Можно в качестве сравнения провести здесь аналогию с тем, как, приступая к изучению географических особенностей определенного пункта земного шара, прежде всего следует установить его координаты.

В реальной исторической действительности источники – документы определенного исторического времени – теснейшим образом взаимосвязаны, обусловлены, они образуют единое информационно-коммуникативное поле. В реальной действительности возникает и функционирует, обслуживает социальную действительность не просто «масса» источников, но их система, целостная совокупность. Каждый отдельный документ, источник – часть этой совокупности, ее элемент, что и определяет ряд моментов его содержания, тиражированности, новизны и повторяемости информации.

Принципиальным моментом для теории источниковедения является раскрытие социальной природы исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности. Для источниковедения центральный вопрос – природа исторического источника, его объективные свойства и закономерности их формирования. Исследовать источник, являющийся результатом целенаправленной человеческой деятельности, возможно лишь исходя из того, какими причинами вызвано появление источника, каковы его функции в ходе исторического процесса. Возникая в ходе развития социальных процессов и становясь затем объектом исторического изучения, источник как бы воплощает в себе методологическое единство истории как процесса и научного исторического познания.

Современное источниковедение рассматривает источник в его связях с исторической реальностью прошлого, а также изучает его в системе исторического знания. Еще в период становления советского источниковедения исследование взаимосвязей первого порядка рассматривалось как главное и

определяющее. В последующий период развития исторической науки это направление исследований нашло еще более полную реализацию и свое теоретическое обоснование. Исторический источник понимается как социальное явление, существующее независимо и объективно в отношении к изучающему его историку.

Научную основу решения вопросов авторства и происхождения источников дает категория социально-экономической формации и учение о классовой борьбе. Классовый анализ позволяет подойти к источнику как к социально обусловленному явлению, выявить руководящую нить в понимании противоречивых стремлений членов общества, нашедших свое выражение в созданных источниках. Изучение совокупности стремлений членов данного общества, классовый анализ создают основу для научного анализа источников, раскрытия исторической обусловленности отдельного источника в системе общественных интересов, стремлений и связей его времени.

Социально-экономическая формация как целостный социальный организм развивается в соответствии с присущими ему законами исторического развития, определяющими возникновение, развитие и смену одной формации другой. Отдельные стороны общественной жизни в рамках социально-экономической формации взаимосвязаны и зависимы, причем в сложной системе общественных отношений и связей материальные производственные отношения являются первичными и определяющими. Отдельные стороны общественной жизни находят свое отражение и реализацию в источниках, создаваемых в процессе целенаправленной человеческой деятельности. Взятые в совокупности, источники воссоздают историю общества в целом, позволяют изучить закономерности развития. Классификация источников по формациям выражает поэтому один из коренных принципов источниковедения – требование комплексности и исчерпывающей полноты изучения источников, возникающих в процессе деятельности различных классов и социальных групп и отражающих в целом различные стороны единого в своей противоречивости процесса общественного развития. В этой связи очевидно, в частности, принципиальное

отличие научной классификации источников по социально-экономическим формациям от хронологических делений по формальным признакам.

Идеалистическое источниковедение опускает этот этап изучения. Если мы обратимся к любой из идеалистических источниковедческих методик, включая лучшие из них, то убедимся, что источник рассматривается там то как продукт реализованной человеческой психики, то как след мыслей и действий людей прошлого или «всего», что создал человек и чего он касался. Прорыва в ту историческую реальность, которая сформировала именно этот «след», при этом не происходит. Разумеется, практика работы с источником ставит эти вопросы, и через критерий практики, через данные источника обогащаются представления о происхождении и авторстве источника. Но как теоретическая установка, как этап исследования он не рассматривается. Для этого необходимо выйти за пределы отношения «источник – историк», применительно к которому строится методика внешней и внутренней критики в идеалистическом источниковедении.

Второй этап – анализ содержания источника – ставит своей задачей раскрыть богатство содержания источника, показать его информационные возможности – полноту и достоверность содержащихся в источнике данных. Существует взаимосвязь между достоверностью и видовыми свойствами источника. Мы приблизимся к ее пониманию, если отметим, что общие свойства источников, относящихся к одному и тому же виду, формируются под воздействием общности функции источника данного вида в исторической действительности, в общественной практике определенного времени. Эта зависимость уже отмечалась выше в связи с анализом понятия вида. Анализируя природу видовых свойств источника, обнаруживаем далее, что функциональное назначение не только управляет отбором информационных данных, которые необходимо ввести в источник в связи с его целевым (истинным) назначением в общественной практике. Назначение обуславливает в содержании источника достоверность той определенной доли информационных данных, которые вводятся составителем в источник

целенаправленно для того, чтобы он отвечал своему назначению, достигал практической цели. Достоверность этих данных корректируется в источниках самой практикой социальной действительности, общественного функционирования. Сложный феномен достоверности источника на этом этапе анализируется с помощью критериев общественной практики того времени, когда источник возник.

Связь источника как исторического явления, как элемента общественной системы с процессом общественного развития, в ходе которого он возник, имеет, таким образом, первостепенное значение, поскольку на этом уровне закладывается информация об общественных явлениях, формируются свойства формы и содержания, которые определяют информационные возможности источника, его значение для науки. На основе этих объективных свойств источников разрабатываются методы его критического анализа и исследования. Но объективные свойства создают лишь возможность объективного познания прошлого. Она еще должна быть реализована.

Рассматривая историческое познание как отражение объективной исторической действительности, материалистическая теория познания не только не отрицает, но и подчеркивает творческую, активную роль познающего субъекта в процессе исторического познания. Процесс изучения историком источника, анализ отношения «источник – историк» составляет еще одну важную область теоретического источниковедения.

Глава 2. Источниковедение в социалистических странах

2.1. Методологическая база

Современная эпоха, оказывая решающее влияние на концепции исторической науки, становится стимулом развития и ее исследовательских методов. Развитие мирового революционного процесса, закономерности строительства социализма и коммунизма, конкретные проявления этих процессов в истории отдельных стран и народов, роль трудящихся масс в истории и культуре обуславливают необходимость не только существенного расширения хронологических и локальных рамок вовлека-

емых в исследование исторических источников, но и совершенствования методов анализа их содержания, оценки значения исторических социальных фактов.

Начиная с середины 50-х – начала 60-х годов изучение проблем методологии истории в социалистических странах вышло на качественно новый уровень. Это проявилось в рассмотрении профессионального аппарата исторической науки и проблем методологии истории как предмета специальных исследований. Выявились значительные сдвиги в системе методов исторических дисциплин, разрабатывающих методику работы с источниками различных видов. Обращаясь к новым проблемам и вовлекая в круг изучения новые типы и виды источников информации, исследовательская практика исторической науки встала перед необходимостью выяснить, в какой мере методика работы с источниками должна быть переосмыслена, переработана в свете новых задач исторической науки. Важную роль в этой работе сыграли концептуальные идеи, которые нашли свое выражение прежде всего в трудах советских историков. Эти идеи охватывают в основном две проблемы. Первая проблема – социальная природа источника как исторического явления своего времени, созданного в определенных условиях и отражающего эти условия, и вторая – взаимосвязь источников, созданных в ходе исторического развития общества, в процессе человеческой деятельности, и – как следствие этой взаимосвязи – внутреннее единство и целостность источниковой базы истории человеческого общества при всем многообразии исторических источников.

Эти идеи легли в основу концепции источниковедения как исторической дисциплины, предметом изучения которой являются: 1) все источники как исторически сложившаяся целостная совокупность, 2) общие методы их исследования, опирающиеся на принципиальную общность свойств источников как социальных исторических явлений своего времени. Эта концепция источниковедения оказала существенное влияние на развитие системы профессиональных методов исторического исследования в социалистических странах, и прежде всего вспомогательных исторических дисциплин и представляемых ими методик исследования.

Процесс становления и развития марксистско-ленинской методологии исторического исследования в странах социалистического содружества нашел свое выражение, в частности, в подходе к решению вопросов источниковедения, и прежде всего вопроса о природе исторического источника. Теоретические проблемы источниковедения постоянно привлекают внимание ученых социалистических стран. Сравнительный анализ разработки современной историографии источниковедения важен во многих отношениях. Такой анализ позволяет выявить общее и особенное в развитии источниковедения, в подходе к источнику, способствуя в целом решению актуальной задачи совершенствования приемов исследовательского труда в области общественных наук.

В разработке проблем методологической базы исторической науки и источниковедения представляет несомненный интерес опыт ученых ГДР. Ими исследуются вопросы методологии истории, теоретические проблемы архивоведения, археографии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин. Методологическая основа марксистско-ленинской исторической науки освещена по следующим аспектам: марксизм-ленинизм как мировоззренческая, познавательная и методологическая основа исторической науки; марксизм-ленинизм и историческая наука; исторический материализм, его значение в едином мировоззрении рабочего класса и как методологической основы исторической науки; предмет и задачи марксистско-ленинской исторической науки, ее место в системе общественных наук (историческая картина как составная часть марксистско-ленинской картины мира); задачи и роль исторической науки в познании процесса общественного развития, ее значение для развития социалистического общества, для разработки социалистического сознания; роль исторического образования и революционных традиций⁴⁸².

⁴⁸² См.: *Brendler G.* Der Marxismus-Leninismus – der Weltanschauliche, erkenntnistheoretische und methodologische Grundlage der Geschichtswissenschaft. – In: *Einführung in das Studium der Geschichte.* Berlin, 1979; *Döhring R., Meier H.* Funktion und Aufgaben der Geschichtswissenschaft, ihre Stellung in den Marxistisch-Leninistischen Gesellschaftswissenschaften. – *Ibidem.*

В работах ученых ГДР показано значение объективной общественной структуры для определения предмета исторической науки, ее деления на экономическую, политическую и историю культуры; выявлен ряд важных аспектов значения произведений основоположников марксизма-ленинизма как методологической основы исторической науки, необходимых для понимания ее задач и направлений развития; анализируются проблемы методологии исторического познания.

Историками ГДР показано значение трудов основоположников марксизма-ленинизма в связи с такими направлениями исследований, как историзм познания общественных явлений, раскрытие всемирно-исторической роли пролетариата, изучение военной истории. Методы работы основоположников марксизма-ленинизма рассматриваются как образцы применения методологического критерия классового анализа, подлинно научного изучения действительности. Особое внимание уделено проблеме «В. И. Ленин как историк, его исследовательские методы»; при этом рассматривается значение истории и исторического метода в произведениях В. И. Ленина (вопросы диалектики, историзма, партийности), уделяется внимание значению трудов В. И. Ленина в изучении истории России, международного и русского рабочего класса и революционного движения, а также ленинских методов исторического исследования⁴⁸³. Необходимо отметить, что в изучении трудов В. И. Ленина как историка ученые ГДР широко используют труды советских исследователей этой проблемы⁴⁸⁴.

В рассматриваемой литературе отмечено значение ленинских методов анализа источников, их достоверности и ценности (наиболее подробно рассмотрены приемы исследования таких видов источников, как периодическая печать, официальная статистика⁴⁸⁵, эпистолярные источники); характеризуется

⁴⁸³ См.: *Hdtzger K.* Marx und Engels als Historiker. Ihre wissenschaftlichen Arbeitsmethoden. – In: *Einführung in das Studium der Geschichte; Küttler W.* Lenin als Historiker. – Ibidem.

⁴⁸⁴ См.: *Behrendt L.* Neue sowetische Arbeiten über Lenin als Historiker. – In: *ZFG*, 1970. № 2.

⁴⁸⁵ О методах работы В. И. Ленина с фабрично-заводской статистикой. См.: *Forberger R.* Lenin und die Industriestatistik. – In: *Jahrbuch für Wirtschaftsge-schichte*. Berlin, 1970, Bd. 4.

ленинский анализ прямых, непосредственных источников, какими, например, являются протоколы партийных съездов, а также и косвенных источниковых материалов, например научно-исследовательской и социально-экономической литературы.

Методы анализа источников рассматриваются учеными ГДР в связи с основными направлениями критики буржуазной историографии – показаны место исторических исследований в идеологической борьбе, классовые функции буржуазной историографии, антинаучность буржуазных исторических концепций (идеалистической конструкции общественного развития, «индустриального общества», «тоталитаризма», плюралистических концепций, реформистских концепций интеграции в рабочем движении и др.). Подчеркивается, что в критике методологии буржуазной историографии особое значение имеет анализ использования ею исторического факта. Дифференцированный подход к современной буржуазной историографии предполагает ее анализ по главным структурным элементам, которые охватывают ее историко-политические концепции, историческую картину, философию (теорию) истории и ее методiku. На всех этих направлениях решающее значение имеет метод классового анализа. Одним из важных направлений анализа буржуазной историографии являются проблемы методов ее исследования, и главным образом методов анализа и критики источников, приемов, разрабатываемых вспомогательными историческими дисциплинами. На всех направлениях решающее значение имеет метод классового анализа.

В коллективном труде ученых ГДР «Введение в изучение истории»⁴⁸⁶ наиболее обширны по объему и детально разработаны вопросы исследовательских методов историков и работы с историческими источниками⁴⁸⁷. В данной работе особый интерес представляет проблема «Принципы марксистско-ленинской критики источников», которая рассматривается по трем аспек-

⁴⁸⁶ См.: Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1979.

⁴⁸⁷ См.: Jaeck H. P. Allgemeine Forschungsmethoden; Petrick F. Die Erkenntniss historischer Tatsachen; Lötzke H. Historische Quellenkunde; Lötzke H. Historischer Erkenntniswert; Lötzke H. Die historischen Hilfswissenschaften. – In: Einführung in das Studium der Geschichte.

там: принципы познания исторических фактов, историческое источниковедение и принципы критики источников. Источниковедение рассматривается как часть марксистско-ленинской исторической науки, которая вырабатывает теоретические принципы отыскания, выявления и систематизации источников, осуществляет обзор исторических свидетельств и детально освещает их по эпохам, периодам или тематике⁴⁸⁸. Авторы подчеркивают, что созданные в процессе общественного развития продукты, следы человеческой деятельности используются впоследствии в качестве исторических источников, составляя источниковую базу исторических исследований. Значение источниковедения рассматривается в свете методологического положения В. И. Ленина о фундаменте точных и бесспорных фактов, взятых в их совокупности, «без единого исключения», который и является основой всякого научного исследования⁴⁸⁹.

Метод классового анализа, подчеркивается авторами, обеспечивает научный подход к источникам на всех этапах работы с ними, а систематизация источников должна строиться с учетом объективного отражения в них различных сторон общественного развития. На научной методологической основе может использоваться видовой признак систематизации источников (акты, официальные документы, дневники, письма и т. п.) и реализовываться исследовательская задача – получение максимума информации при минимуме документации.

Все вспомогательные исторические дисциплины, методы анализа и критики источников основываются учеными ГДР на методологической базе диалектического и исторического материализма. Главной целью вспомогательных исторических дисциплин является пространственно-временное определение источников, установление их происхождения и возникновения как проявление классовых интересов, критический анализ формы и содержания, который способствует более полному

⁴⁸⁸ См.: *Lötze H. Historische Hilfswissenschaften.* – In: *Einführung in das Studium der Geschichte*, s. 248–249.

⁴⁸⁹ См.: *Lötze H. Historische Hilfswissenschaften.* – In: *Einführung in das Studium der Geschichte*, s. 248–249.

раскрытию познавательной ценности свидетельств источников и их практического использования в исследовательской работе.

Активная разработка ряда проблем диалектического и исторического материализма в органической связи с философскими проблемами общественного развития, управления социальными процессами, другими насущными проблемами социалистической действительности ведется в Народной Республике Болгарии⁴⁹⁰. Эта работа оказывает влияние на характер исследования проблем методологии истории и методов исторического познания.

В исследованиях болгарских ученых прослеживается связь методологии исторической науки и идеологии в историческом познании, в них отмечается, что методология исторической науки, как и другие компоненты, имеет идеологическую основу. Одна из главных проблем, которой занимаются болгарские историки, является изучение значения исторических фактов в структуре исторического познания на эмпирическом и теоретическом уровнях. Роль исторического источника в процессе познания определяется ими тем, что для исследования явлений историк должен провести источниковедческий анализ и лишь затем начинать исследование фактов, изучаемых на эмпирическом и теоретическом уровнях исследования⁴⁹¹.

Вопрос о понятии исторического источника учеными НРБ трактуется в связи с исследованием исторического познания как системы с науковедческой точки зрения. При этом работа с источниками связывается с изучением процесса функционирования входной информационной подсистемы исторического познания (рассматриваются также подсистема, генерирующая знание, и подсистема выхода – публикация научных результатов). Болгарские авторы исходят из понимания исторического

⁴⁹⁰ См.: Краткая история болгарской философской мысли. М., 1977; *Стефанов Н.* Общественные науки и социальная технология. М., 1976.

⁴⁹¹ См.: *Василев К.* Ленин и некой методологическе проблема на историческата наука. – Известия на института по истории на БКП. 1970, т. 23; *Стоянов Ж.* Фактофиксиращите знания в структурата на историческите изследвания. – Помощни исторически дисциплина. София, 1981, т. 3.

источника как реально существующего объекта и носителя социальной информации⁴⁹².

Опираясь на теоретическое наследие Маркса, Энгельса, Ленина, философы и историки-марксисты, отмечает болгарский ученый Ирибаджаков, должны искать решения методологических проблем исторической науки и в специальных трудах, посвященных этим проблемам, и в ходе самих исторических исследований, и в ходе критики буржуазной историографии, философии и социологии истории⁴⁹³. При этом, отмечает другой автор, принципиальные положения марксистско-ленинской науки об источнике как социальном явлении, о значении классового, партийного подхода имеют первостепенное значение для анализа и публикации исторических документов⁴⁹⁴.

Подвергая критике идеалистические концепции исторического факта, болгарские историки и философы опираются на марксистско-ленинское учение об истории человеческого общества как объективном, закономерном естественно-историческом процессе, обуславливающем существование объективных критериев интерпретации, отбора и оценки исторических фактов. Проблему исторического факта они связывают с вопросом об исторических источниках, в которых сохраняются исторические факты. Исторические источники непосредственно отражают исторический процесс и дают возможность изучения прошлого, – т. е. всего, что создано в прошлом человеческого общества и дошло до нас в виде предметов материальной культуры, памятников письменности и нравов, обычаев и языка⁴⁹⁵.

В качестве предмета специального исследования болгарским историком А. К. Даскаловой дана разработка методических оснований классификации источников по истории НРБ периода

⁴⁹² См.: *Стефанов Н., Качаунов С., Симеонова Е.* Структура и методология на историческото познание. София, 1971.

⁴⁹³ См.: *Ирибаджаков Н.* Клино перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии. Пер. с болг. М., 1972, с. 43.

⁴⁹⁴ См.: *Георгиев К.* Въпроси на българските археография. София, 1970.

⁴⁹⁵ См.: *Василев К.* Концепцията на Едуард Халет Кар за историческия факт. – Методологически и историографически проблеми на историческата наука. София, 1973, т. 1, с. 126.

социализма. Работа построена на основе изучения источников истории НРБ периода социализма и историографических источников, отражающих исследование теории и методики источниковедения в исторической науке НРБ. Проблема классификации источников разработана на основе методологических положений об объективном характере и социальной природе исторических источников, отражающих закономерности общественного развития⁴⁹⁶.

Интеграционный подход к проблемам работы с источниками исторического познания характерен для нового издания Болгарской Академии наук «Вспомогательные исторические дисциплины»⁴⁹⁷. В этом издании ученые рассматривают задачи современной исторической науки в органическом ее единстве с диалектическим и историческим материализмом, который, раскрывая наиболее общие законы развития природы, общества и мышления, дает методологическую базу для объективно-адекватной интерпретации фактов и событий социального развития. Редакционная статья этого болгарского издания «Вспомогательные исторические дисциплины» раскрывает значение диалектического и исторического материализма, марксистско-ленинской методологии в развитии современной исторической науки, показывает место и задачи исторической науки и развитие ее методов в условиях интеграции и дифференциации научного знания. Марксистско-ленинская методология, подчеркивается в редакционной статье, вооружает историка наиболее общими методологическими средствами, ориентирует его на главные направления познания, воспитывает умение оперировать научными категориями и понятиями, проникать в сущность явлений, находить методы истолкования эмпирического материала, творчески анализировать специфику объекта. Марксистско-ленинская методология дает основу принципа объективности, партийности в научном познании⁴⁹⁸.

⁴⁹⁶ См.: *Даскалова А. К.* Классификация и методика изучения источников в СССР и ее практическое значение в источниковедении Болгарии. Автореф. канд. дисс. М., 1980.

⁴⁹⁷ См.: *Помощни исторически дисциплини.* София, 1979–1981, т. 1–3.

⁴⁹⁸ См.: *Някой теоретически проблеми на съвременната историческа наука.* – В кн.: *Помощни исторически дисциплини.* София, 1979, т. 1.

Болгарские ученые отмечают, что источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины развиваются и обогащаются в соответствии с достижениями современного научного познания. Это связано и с расширением источниковой базы, с совершенствованием исследовательских процессов изучения объектов исторической науки. Большое значение имеют исследования по совершенствованию логического инструментария, категориального и понятийного аппарата исторической науки, развивающегося и обогащающегося под воздействием процессов развития других наук. Перспективы развития современной исторической науки связываются с обогащением арсенала традиционных методов исторического исследования методами математики, системного подхода, кибернетики, теории коммуникаций, наукометрии, использованием в исследовательском процессе электронно-вычислительной техники. Это оказывает свое влияние на развитие профессионального аппарата исторической науки, ее источников и методов исследования, назначение и профиль источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Теоретические и методологические проблемы источниковедения анализирует К. Георгиев⁴⁹⁹. Статья Георгиева примечательна тем, что в ней автор в сжатой форме охватывает широкий круг вопросов источниковедения и задач его дальнейшего развития в НРБ. Ряд положений этой статьи важен для понимания общих актуальных проблем развития источниковедения и в других социалистических странах. Касаясь задач источниковедения, автор пишет, что эта дисциплина условно подразделяется на теоретическое источниковедение и прикладное, конкретное источниковедение, непосредственно связанное с практической работой над источниками в процессе установления научных фактов⁵⁰⁰.

⁴⁹⁹ См.: *Георгиев К.* Историята и нейните извори. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1979, т. 1, с. 77.

⁵⁰⁰ См. об этом также: *Георгиев К.* Източниковедението – занемарен клон от наука. – Известия на държавните архиви, 1963, кн. 9.

Рассматривая методы исторической науки, Георгиев показывает важное значение для истории интеграционных процессов, взаимодействия исторической науки с другими науками, общественными и естественными. Это прежде всего взаимодействие истории и философии, оказывающее большое влияние на методы исследования источников. Взаимодействие истории и философии особенно благоприятно отражается на решении сложных проблем, неизбежно возникающих при использовании материала источников как носителей ретроспективной информации. Велика роль философии при анализе истинной природы исторического источника как формы отражения объективной реальности, а также для осмысления гносеологических аспектов работы с источниками.

Отмечается, что внимание ученого-историка в настоящее время привлекают аспекты соотношения истории и психологии, а также истории и логики, взаимодействие исторической науки с эстетикой и искусством; происходит математизация науки, возрастают возможности использования вычислительной техники и технических методов датировки исторических памятников.

Интеграция исторической науки с другими областями знания в то же время имеет в известном смысле частичный характер, поскольку каждая из этих наук имеет свой предмет, понятийный аппарат, свои методы. Здесь существует взаимодействие наук, их взаимопомощь, но не взаимозависимость. Иначе обстоит дело со вспомогательными историческими дисциплинами, задачи которых непосредственно связаны с решением вопросов о месте и роли исторических источников в Историко-познавательном процессе. Именно поэтому их можно назвать науками-спутниками, или вспомогательными дисциплинами.

Автор отмечает, что степень развития вспомогательных дисциплин определяется задачами исторической науки. Вопросы, которые решают эти дисциплины, само их возникновение, профиль обусловлены проблемами исторической науки. Таковы палеография – одна из наиболее ранних вспомогательных

исторических дисциплин – и дипломатика, вызванные к жизни необходимостью осуществлять критику источников. Историческая география, возникшая еще в XV–XVI вв. как результат тесного сотрудничества истории и географии, играет важную роль в правильном использовании и оценке материала источников. Автор обращает внимание на значение исторической хронологии, методы которой подчинены цели определения точного времени и способа датирования исторических памятников, времени событий и фактов, вплоть до изучения современных календарных систем. Большую помощь историку оказывает геральдика, в том числе и при работе с источниками новейшего времени, и сфрагистика, позволяющая правильно установить подлинность источника, его происхождение, степень оригинальности, юридическое значение.

Существует ряд дисциплин, имеющих свой особый, самостоятельный профиль научной деятельности (археология, нумизматика, этнография, архивистика, текстология), но доказавших свое значение как ближайших помощников историка. Высоко оценивает автор роль генеалогии, изучающей родословные исторических деятелей, и метрологии, изучающей систему мер в различные периоды времени, археографии, которая разрабатывает научные принципы публикации исторических источников, и эпиграфики, изучающей надписи на твердом материале.

Автор останавливается на филигранологии, разработавшей свой метод по определению техники создания источников, их подлинности и места производства, что важно для осмысления различных социальных, экономических и политических фактов; на филателистике, возникшей как результат определенных культурных интересов человека и вносящей свой вклад в определение датировки и места происхождения различных исторических документов. Значение методологии и ее связь с методикой конкретного анализа источников хорошо прослеживается в обстоятельной статье К. Георгиева, посвященной вопросам историко-партийного источниковедения. Общие положения теории, определяющие подход к пониманию природы исторического

источника, его классового характера, классификации и методики источниковедческого анализа, в целом приложимы и к историко-партийным документам, глубокое изучение которых является актуальной задачей болгарской исторической науки⁵⁰¹.

Рассмотренные исследования ученых ГДР и НРБ по проблемам методологической базы источниковедения наиболее полно и рельефно характеризуют направления, по которым ведется разработка данной проблемы в социалистических странах. Разработка данной проблемы определяет научный подход к источнику как историческому явлению.

2.2. Проблема источника как исторического явления

Марксистское источниковедение рассматривает источник как историческое явление, возникающее в определенных конкретно-исторических условиях и вне их необъяснимое. Содержание источника может быть с должной глубиной познано лишь в том случае, если он рассматривается не только как продукт психической деятельности его непосредственного составителя, но в конечном счете как следствие и результат определенных общественных условий и потребностей, удовлетворению которых он предназначен служить. Наиболее подробно на этой проблеме останавливается немецкий историк-архивист профессор Г. Лётцке. В первом издании коллективного труда «Введение в изучение истории» он отмечает, что «марксистское понятие источника включает в себя всю сферу жизни и деятельности людей. Таким образом, цельная фиксация человеческой деятельности, поскольку она свидетельствует об историческом развитии, составляет источниковедческую базу марксистской исторической науки»⁵⁰².

С точки зрения фиксации человеческой деятельности Лётцке рассматривает вещественные и изобразительные, устные и письменные источники, из числа которых последние занимают

⁵⁰¹ Об этом см. также: *Георгиев К.* Някои теоретически проблема на партийно-историческото изворознание. – В кн.: Известия на института на история БКП. София, 1974, т. 31.

⁵⁰² Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966, S. 266.

наиболее важное место. В этом смысле исторические исследования также являются источниками, а «различие между источником и литературой обусловлено аспектом исследования». Г. Лёттке ставит вопрос о типологии источниковой базы исторической науки – соотношении источников, исходящих от угнетенных и господствующих классов, которое не остается неизменным (количественно и качественно) на различных этапах развития классового общества, а имеет свою динамику. Надо заметить, что вопрос о представительности источников, и в частности о соотношении объема и характера сохранившихся источников и значимости отраженных в них исторических явлений, еще очень мало исследован. Между тем значение этого вопроса трудно переоценить, в частности при решении проблем экспертизы ценности документальных материалов и других сторон архивной исследовательской практики.

Лёттке подчеркивает принципиальное значение вопросов авторства и происхождения источников, без широкого социологического анализа которых не могут быть решены проблемы достоверности и оценки содержания исторического источника. В этой связи им рассматриваются классовый характер источника; установление времени и места его создания; авторство (автор как отдельное лицо, коллектив, государственный орган, хозяйственная организация); практико-техническое происхождение источника (например, канцелярия); цель создания источника.

В ряде других разделов книги в связи с изложением методов источниковедения, архивоведения и документоведения отмечается принципиальное значение генетического анализа, прослеживающего различные ступени образования источника, взаимосвязь его происхождения и цели создания. В частности, в связи с вопросом организации работы архива отмечается значение для архивоведения и источниковедческого исследования принципа происхождения как в практическом, так и в научном отношении⁵⁰³.

В источниковедении заслуживает внимания исследование как взаимосвязь «исторический процесс – источник», так и отношения «источник – историк». То ценное, что сделано

⁵⁰³ См.: Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966, S. 158.

домарксистским источниковедением, относится главным образом к исследованию отношения «источник – историк». Исследователи-источниковеды социалистических стран стремятся к исследованию зависимости источника от исторического процесса, в условиях которого источник возникает, иначе говоря, к анализу взаимосвязи «исторический процесс – источник». Исходным моментом становится выяснение закономерностей общественного развития, которые в конечном счете определяют общие свойства формы и содержания источника. Тенденция социологического подхода к источнику прослеживается уже в работах советских источниковедов 20-х – начала 30-х годов. В научном источниковедении было развито и обосновано понимание источника как исторического явления, возникающего в определенных условиях общественного развития.

В обобщенном виде методологические принципы и другие проблемы источниковедения освещены в статье Г. Летцке «Архивоведение, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины»⁵⁰⁴, которая была помещена в специальном томе, подготовленном в связи с международным конгрессом историков в Москве 1970 г., и в которой подводятся итоги развития исторической науки ГДР за 1960–1970 гг.

Источники и источниковедение трактуется Летцке как средства познания исторического развития общества. Конституруется единство методологической базы исторического исследования, источниковедения и исторического изложения. Для классификации источников методов логическое значение имеют положения марксистско-ленинской теории об общественном развитии, развитии производительных сил и производственных отношений, соотношении базиса и надстройки. Экономическое, политическое и культурное развитие, хозяйственная деятельность, деятельность государственного аппарата и общественных организаций создают соответственные типы источников. При классификации источников применяются также критерии спо-

⁵⁰⁴ См.: *Lötze H. Archivwissenschaft, Quellenkunde und der historischer Hilfswissenschaften.* – In.: *Historische Forschungen in der DDR 1960–1970; Zum XIII Internationalen Historikerkongress in Moskau.* Berlin, 1970, S. 815.

соба воспроизведения источников (письменные, устные) и их значения.

Классовый подход к источнику пронизывает все источниковедческие процессы и находит свое выражение в классификации источников и критической оценке свидетельств. При работе с источниками различных социально-экономических формаций этот методологический принцип реализуется учеными социалистических стран в соответствии с конкретным материалом. Так, для социалистической эпохи источниковая база имеет свои особенности, так как в социалистических странах исчезают классовые противоречия. В то же время в рамках источниковедческой базы социалистической формации возрастает значение источников, отражающих деятельность партии и рабочего класса.

Вспомогательные исторические дисциплины рассматриваются Г. Лётцке в неразрывной связи с задачами источниковедческой критики.

Необходимо отметить, что характерным для историков ГДР является тяготение к разработке проблем взаимосвязей источниковедения и архивоведения. Рассматривая марксистско-ленинское архивоведение как информационную науку, Г. Лётцке, например, считает общей задачей архивоведения и источниковедения оптимизацию функционирования системы: исследование – источниковедческая база.

Другой немецкий ученый Б. Рюдигер, автор статьи «О месте и задачах источниковедения в марксистско-ленинской исторической науке»⁵⁰⁵, исходит из концепции источниковедения, которая сложилась в более ранних работах историков и архивистов ГДР, и стремится к ее развитию и уточнению. Ставя своей задачей уточнение понятия источниковедения, он сосредоточивает внимание на двух вопросах. Прежде всего он анализирует соотношение источника с теми общественными событиями, которые в нем отразились, расценивая это соотношение как

⁵⁰⁵ Rüdiger B. Über Platz und Aufgaben der Quellenkunde in der Marxistischen-Leninistischen Geschichtswissenschaft. – In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1973, n. 6.

принципиально важное в источниковедении. В свете решения этого вопроса он раскрывает содержание и задачи критики источников.

Источниковедение определяется Рюдигером как частная дисциплина исторической науки и в то же время неотъемлемая часть методики исторического исследования. Эта дисциплина, основываясь на методологической базе диалектического и исторического материализма, разрабатывает принципы и методы добывания знания, используя для этого взаимосвязь исторических событий с возникновением источника. Эта главная для источниковедения взаимосвязь состоит в следующем: создание источника как реально существующего объекта есть существенный элемент исторического события. Поэтому, подчеркивает автор, источник не есть только средство познания, а прежде всего – объективно существующий элемент исторического процесса. Познание общественных процессов потому и возможно, что в ходе социальной деятельности людей их представления и наблюдения, цели и лозунги, задачи и пути их осуществления реализуются в источниках. Возникновение свидетельств есть неотъемлемая часть событий, необходимое условие общественной жизни вообще. Этот факт имеет методологическое значение, представляя собой залог объективности исторического познания, а это важно, в частности, в связи с критикой исторического релятивизма.

Расценивая далее критику источников как «ядро» источниковедческой работы, автор раскрывает свое понимание ее задач. В критике источников он различает два этапа – исторический и логический анализ. Исторический анализ в трактовке Рюдигера близок к тому, что обычно понимается под изучением происхождения и авторства источника. Исторический анализ включает установление условий, времени и места, в которых источник возник, установление авторства, его познавательного базиса и классовых позиций, функций источника в общественной практике. Исторический анализ предполагает также выяснение связи данного источника с другими и создает предпосылку для последующего этапа – логического анализа.

Логический анализ имеет целью извлечение из источника фактических данных. На этом этапе выясняется, какие именно свидетельства и о каких именно событиях в источнике содержатся, какие установлены отклонения от исторической действительности (пропуски, преувеличения, неверный комментарий к правильному изложению фактов, неверное их связывание, отбор одних деталей с пропуском других и др.). Если факты наличия тех или иных отклонений установлены, то выясняется их связь с теми факторами, которые обусловили слабые стороны отражения действительности в данном источнике. Извлечение фактических данных и их проверка осуществляется в сопоставлении с другими источниками того же времени.

Важно выяснить, подчеркивает Рюдигер, каким образом свидетельства источников о событиях связаны с обстоятельствами времени, как эти события были восприняты и отразились в источниках различного типа. Источниковедческая критика опирается на привлечение различных типов и видов источников, требующих различной методики изучения, в связи с чем возникает необходимость разработки всего арсенала средств вспомогательных исторических дисциплин. Для источников новейшего времени характерно изобилие свидетельств, отражающих историческое событие с различных сторон. Это ставит с особой остротой проблему критериев научного отбора и методов оценки источников.

Область изучения социальной природы и социальных функций источника имеет принципиальное значение в марксистско-ленинском источниковедении. Не случайно эта проблематика занимает столь видное место в советской историографии источниковедения. Поэтому в своей статье Б. Рюдигер высказал мысль о том, что в связи с интенсификацией источниковедческих работ в ГДР следует энергичнее учитывать результаты советских исследований. Ускорение процесса обмена идеями в этой области науки действительно важно и будет способствовать дальнейшему развитию теории и методики анализа исторических источников. Историк должен знать взаимосвязи марксистско-ленинского архивоведения с источниковыми исследованиями и применять их в своей работе. В этом

смысле историки ГДР рассматривают архивоведение как вспомогательную историческую дисциплину⁵⁰⁶.

Принципиальное значение понимания источника как исторического факта своего времени для решения проблем классификации, для развития всего комплекса вспомогательных исторических дисциплин отмечалось авторами польского ежегодника «Источниковедческие исследования»⁵⁰⁷. Понимание источника как исторического явления своего времени дает им основу для критики идеалистической классификации источников на исторические остатки и историческую традицию. Идеалистическая классификация определяется ими как формальная, абсолютизирующая либо материально-физические, либо психические свойства источников, между тем как эти свойства неразрывно связаны. Важно строить схему классификации, подчеркивается в ежегоднике, на основе понимания источника как исторического явления, связанного с теми условиями, в которых он возникает, и в то же время отражающего эти условия. Источник одновременно и продукт деятельности человека, и ее отражение; он средство познания, дающее возможность воспроизвести процесс общественного развития в его различных проявлениях. Такой вывод показывает значение понимания источника «как исторического факта», как части исторической реальности.

Рассмотрение источника в связи с теми социальными условиями, которые в конечном счете обусловили его возникновение, является одним из коренных принципов марксистско-ленинского источниковедения, открывающим возможности подлинно научного решения вопросов авторства источника, интерпретации и критики его содержания, постановки проблем классификации.

В связи с раскрытием методологической природы перемен в статусе вспомогательных исторических дисциплин, которые наблюдаются в настоящее время, первостепенное значение

⁵⁰⁶ См.: *Lötzke H.* Die Archive. – In: Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin. 1979, S. 501.

⁵⁰⁷ Подробнее об этом см.: *Медушевская О. М.* Польский источниковедческий ежегодник (1957–1971). – Вопросы истории, 1972, № 2.

имеет подход к источнику как отражению эпохи в целом, трактовка источника как исторического факта⁵⁰⁸ с вытекающим отсюда следствием — применением к источникам методов исследования всех других категорий исторических фактов. Именно такой подход, в оценке историков ПНР определил выход вспомогательных исторических дисциплин на главную сцену исторической науки. Для развития ряда дисциплин, особенно тех, которые имеют большие источниковедческие и историографические традиции и в силу этого, казалось бы, трудно поддаются переменам, именно этот подход оказался весьма плодотворным⁵⁰⁹. Методологические вопросы исторической науки как предмет специального исследования не рассматривались польскими историками со времени появления «Историки» М. Хандельсмана (1921 г.)⁵¹⁰, что определило большую актуальность монографии историка ПНР В. Мошёнцкой⁵¹¹. Предметом анализа она взяла процесс исторического исследования. В связи с характеристикой основных этапов исследовательского процесса Мошёнцкая рассматривает понятие источниковой базы, вопросы классификации источников, проведения критики авторства и происхождения, содержание внутренней критики достоверности свидетельств. Автором прослеживается процесс разработки историком эмпирических данных, исторического анализа и синтеза. В ее книге поставлен также вопрос о задачах методологии истории в свете перспектив развития науки. Ею рассматриваются основные этапы работы историка. Познавательный процесс в работе историка имеет свою специфику, которая определяется теми возможностями, которыми располагает историк в получении своего фактического материала. Исторический факт, отмечает автор, становится

⁵⁰⁸ См.: *Терешко М. Н.* Понятие исторического факта и его соотношение с историческим источником. — В кн.: Проблемы социальных исследований. Томск, 1973, вып. 3.

⁵⁰⁹ Подробнее об этом см.: *Медушевская О. М.* Вспомогательные исторические дисциплины новой и новейшей истории Польши. — Вопросы истории, 1965, № 5; *Ее же.* Польский источниковедческий ежегодник. (1957–1971 гг.). — Вопросы истории, 1972, № 2.

⁵¹⁰ См.: *Handelsman M.* Historyka. 2-e ed. Warszawa, 1927.

⁵¹¹ См.: *Moszczeńska W.* Metodologu historii zarys krytyczny. Warszawa, 1968.

доступным историком в том единственном случае, когда наука располагает источниками, могущими стать основой для проведения исследований. Обращаясь к проблеме классификации источников, В. Моценская отмечает трудности, возникающие в том случае, когда классифицируются не сами источники, а отдельные стороны информации источников. Это относится прежде всего к известному традиционному делению источников на остатки и историческую традицию, но эти же трудности встают и при попытке выделить группы источников по содержанию (как, например, группы источников, дающих материал для истории общественных отношений, политики внутренней и внешней, истории общественной мысли). Системы классификации, которые основаны на делении источниковой информации по содержанию, по мнению автора, не могут преодолеть трудностей, с которыми встречались и традиционные системы источниковедения XIX в. – в ходе исследовательского процесса не дается полной систематизации источников, она носит вспомогательный характер.

Проследив основные этапы познавательного процесса, Моценская рассматривает ряд теоретических вопросов. Среди них такие, как понятие источника (под которым понимается памятник, используемый в качестве источника), значение исследования источников в познавательном процессе. Это значение определяется тем, что исследование источников, научная источниковедческая работа являются фундаментом исторической науки. Первый, предварительный этап изучения источника включает эвристику, обзор источниковой базы, внешнюю критику, выяснение места и времени создания источника, критику его подлинности, установление фальсификатов, установление однородности источника (выявление позднейших вставок) и его состояния (сохранности) в том виде, в каком он дошел до исследователя.

Далее В. Моценская рассматривает второй этап – внутреннюю критику источника. Главная задача на этом этапе – проверка достоверности источника. При ее решении следует выяснять историческую компетентность источника. Традиционное понимание внутренней критики источника включало

решение двух вопросов: мог ли автор документа знать истину и хотел ли о ней поведать. Но такой подход подвергается критике: прежде всего, отмечает В. Мощеньская, неправильно говорить об авторе источника, ибо создание источника – дело не одного человека. Более правильно ставить вопрос иначе: мог ли данный источник отразить реальную действительность, хотел ли о ней поведать? Иначе говоря, задача сводится к установлению места и функции, в которой источник использовался в практике. Достоверность источника не зависит от той истины, которую его составители знали и хотели поведать. Далее важно выяснить, какую роль играл письменный источник в развитии исторической науки.

Автор отмечает, что проблема достоверности была и остается предметом большого внимания историков. На теоретическом уровне, при общей формулировке проблемы, ее суть состоит в том, что совсем недостоверных источников нет и не может быть. Общая компетентность источника связана с его функцией: функция письменных источников может быть информационной, пропагандистская, нормативная, научная, каждый источник обладает относительной степенью компетенции.

Два этапа критики источника отражают два аспекта его изучения. Критика источника имеет своей предпосылкой, с одной стороны, его наблюдение как памятника, и с другой – наблюдение источника как части исторической жизни. Низшая, «эрудитская» критика раскрывает качества источника как вещи, данной и наблюдаемой непосредственно, а высшая критика – установление исторической компетентности источника как части прошедшей действительности, доступной лишь опосредованному наблюдению. Здесь, на этом этапе, высшая критика сближается с получением из источника эмпирических данных. Источник выступает, таким образом, в исследовательском процессе в двух аспектах – как памятник и как часть прошлой действительности. Единство двух этапов критики источника дает представление об источнике как таковом. Лишь теперь можно получить из него данные о фактах.

Последующие этапы познавательного процесса историка освещаются Мощеньской в главах, характеризующих исторический анализ и синтез, а также научно-исследовательский аппарат

историка, и в частности его методы исследования, к которым автор относит дедуктивный, генеалогический, географический, индуктивный, ономастический, сравнительный, прогрессивный, ретроспективный, статистический, топонимический.

Таким образом, одним из центральных в труде Мощеньской явился вопрос о работе с историческим источником. Разработка оптимальных методов получения возможно более полной и достоверной информации из источников – одна из важнейших проблем методологии истории. Ключевые вопросы источниковедения – внешняя и внутренняя критика источников, проверка достоверности свидетельств – органически входят в число основных проблем методологии истории. В. Мощеньская вносит в освещение этих вопросов ряд корректив. В частности, она вводит новое понятие, которое называет наблюдением исторической базы, включающее предварительное наблюдение (критику источника) и истинное наблюдение (рассмотрение источников информации с учетом общего состояния источниковедческой базы).

В книге речь идет о гармоническом сочетании всех сторон методологической и профессиональной подготовки, позволяющем извлечь из источников новые данные, имеющие познавательное значение, и оценить их. Появление монографий, рассматривающих вопросы методологии истории в целом, имеет важное значение для подготовки молодых историков. Одной из важных задач является создание пособий по методологии истории для высшей школы.

В исследованиях специалистов социалистических стран проделана большая работа по обоснованию научного понимания источников как исторического явления своего времени, по выявлению их видовых свойств. Все это создает основу для дальнейшего совершенствования их научной классификации и методик анализа.

2.3. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины

Место источниковедения среди других областей знания хорошо прослеживается в монографиях широкого плана, где история представлена в ее связях с другими смежными науками.

Здесь интерес представляют комплексные учебные издания, ставящие целью подготовку к работе в различных областях исторической науки и охватывающие широкий круг проблем – от методологии и теории до различных сфер практической деятельности исследователя, преподавателя, музейного работника, архивиста, – монографии широкого плана, ставящие своей задачей охватить систему исторической науки во взаимосвязи всех ее отраслей. Одной из них явился уже упомянутый коллективный труд ученых ГДР «Введение в изучение истории», вышедший первым изданием в 1966 г.⁵¹² Именно в работах такого плана наиболее рельефно выступает источниковедение с точки зрения его места в системе исторической науки. Этот вопрос может быть прослежен и в динамике: труд историков ГДР в настоящее время вышел в свет третьим изданием, представляя собой, по существу, новую книгу – столь велики изменения в его структуре и содержании⁵¹³. В подготовке труда под руководством В. Эккермана и Г. Мора приняло участие более пятидесяти историков и философов, архивистов, специалистов вспомогательных исторических дисциплин, музееведов, историков искусства. Книга представляет собой первый опыт подобного издания в социалистических странах.

В первом издании «Введения в изучение истории» рассматриваются предпосылки для работы в области исторической науки в ГДР, прежде всего – общественно-политические условия развития истории и ее преподавания в ГДР, а также формы организации системы учебных и исследовательских учреждений в стране; рассмотрены программы изучения истории, формы обучения (лекции, семинары, экзамены, практика, формы самостоятельной работы).

В теоретико-методологическом плане в книге анализируется предмет, задачи и основы марксистской исторической науки.

⁵¹² О первом издании См.: *Сахаров А. Ж.* Полезный опыт историков ГДР. – Вопросы истории, 1968, № 3; *Медушевская О. М.* Новый труд историков ГДР и вопросы источниковедения. – Советские архивы, 1968, № 4.

⁵¹³ О новом издании См.: *Орлов А. С.* Введение в изучение истории. – Вопросы истории, 1981, № 12; *Beinsing M.* Einführung in das Studium der Geschichte. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1967, N 5.

Всесторонне прослеживается значение для истории смежных с нею общественных наук: выявлены аспекты связи исторической науки с государственно-правовыми науками, языкознанием, литературоведением, журналистикой, экономической географией, физической географией, антропологией, археологией, этнографией, историей искусства, статистикой.

В качестве особой проблемы рассматривается «Рабочее место историков», при этом на первый план выдвинут комплекс архивоведческих вопросов. Раскрывается понятие архивных материалов, положение и задачи архивов, организация и использование архивных фондов, постановка архивного дела в ГДР. Далее рассказывается о музеях, их истории, развитии музейного дела и задачах музеев ГДР, хранящихся в них источниках, а также о библиотеках.

В книге отмечено, что традиционные сферы приложения профессиональных знаний историка – архив, библиотека, музей – не исчерпывают его современных возможностей: в качестве нового рабочего места историка указываются социалистические предприятия промышленности и сельского хозяйства. Детально характеризуются рабочие средства историка: учебные руководства, библиографии (общие и частные), обобщающие труды по истории отдельных стран, энциклопедические и справочные издания, исторические карты и атласы.

Методике исторического исследования в первом издании книги посвящен раздел «Изучение исторической литературы». Система исследовательских методов исторической науки прослеживается в двух направлениях. Первое направление – проблемы логики научного исследования, выявление и формулирование исторических закономерностей, изучение исторических явлений и процессов. Другое направление – анализ общих принципов источниковедения и источниковедческой критики (историческое источниковедение, источниковедческий анализ и критика источников).

Особое внимание авторами уделяется письменным источникам и принципам их источниковедческой критики по социально-экономическим формациям. Показана специфика

принципов критики письменных источников в соответствии с типологией и состоянием источниковой базы периода феодализма, абсолютизма и буржуазных революций, периода капитализма, империализма и пролетарских революций и истории новейшего времени. Характеризуются вещественные и устные источники, в том числе рассматривается вопрос о звукозаписи воспоминаний по истории рабочего движения как историческом источнике. В связи с характеристикой лингвистических источников подняты вопросы о значении сравнительного языкознания, географии языков, данных топонимики и ономастики для исторического исследования. Характеризуются различные источники, объединяемые в группы этнографических, а также новый вид источников – документальное кино; выясняется вопрос о производстве документальных фильмов, специфике немых, звуковых и цветных фильмов как источника. При всей специфике первостепенное значение в методике их изучения, подчеркивается в книге, имеют классовый анализ, общие принципы установления достоверности и анализа их содержания.

Большое место в книге уделено специальным вспомогательным историческим дисциплинам. Книга также содержит положения о методике написания исторических работ различного назначения – исследовательских, учебных, литературно-критических, популярных. В этой связи даются рекомендации по выбору темы, составлению плана, систематизации источников, корректированию текста, рассматриваются роль и задачи историков-исследователей и учителей истории.

Книга, таким образом, охватывает различные стороны исторического исследования и позволяет явственно ощутить связь и взаимодействие каждой специальной отрасли с цельным и многосложным организмом исторической науки. Источниковедческая направленность, стремление раскрыть различные аспекты работы с источниками, и прежде всего архивными, определяют общий строй и характер этого коллективного труда. Перед читателем возникает ряд исторических источников во всем многообразии их социальных, видовых и индивидуальных свойств, вырисовывается специфика исследовательских приемов. В то

же время очевидно единство принципов решения кардинальных вопросов критики и оценки исторических свидетельств.

Повышение роли общественных наук поставило новые задачи по совершенствованию методов исследования социальных явлений и процессов, по изучению источников. Система методов исторической науки и место в ней источниковедения не остается неизменным. Все это хорошо прослеживается при сравнении первого издания «Введения в изучение истории» с его последним переизданием. Новое издание отразило создание обобщающих трудов по истории немецкого народа и истории Социалистической единой партии Германии⁵¹⁴, развернувшую работу над методологическими и историографическими исследованиями. В предисловии отмечено, что целью последнего издания было более полное освещение теоретико-методологических источниковедческих и историографических проблем⁵¹⁵.

В первом издании, как мы видели, характеризовались смежные с историей науки. Теперь интеграция исторической науки со смежными областями получила более глубокую трактовку: взаимодействие наук показано через характеристику тех источников, в исследовании которых особенно важна связь методов источниковедения, истории и других, смежных наук. Эта новая, интересная трактовка интеграционных процессов современной науки хорошо выявляет значение источниковедческих аспектов интеграции, взаимного обогащения исследовательских методов современной науки.

Более четко связано с методикой источниковедения в новом издании и понимание вспомогательных исторических дисциплин: их характеристика дается в связи с теми видами источников, для изучения которых служат эти дисциплины. Так, например, в разделе «Письменные источники» рассматриваются методы таких вспомогательных дисциплин, как шрифтоведение, дипломатика, гербоведение, сфрагистика, генеалогия, ис-

⁵¹⁴ См.: *Klassenkampf-Tradition-Sozialismus*. Berlin, 1975; *Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands*. Abriss. Berlin, 1978.

⁵¹⁵ См.: *Eckermann M., Mohr H.* Vorwort. – In: *Einführung in das Studium der Geschichte*. Berlin, 1979, S. 16.

торическая статистика и историческая хронология. Что касается группировки источников, то наряду с их классификацией по историческим периодам обращают на себя внимание обзоры источников по отдельным важнейшим аспектам общественного развития, экономической истории, истории науки и истории техники, истории педагогики, военной истории, истории литературы; характеризуются историко-правовые источники, публицистические, Историко-философские, лингвистические как особые комплексы источников.

Исторические источники рассматриваются как предмет специального изучения и объект, в изучении которого методы исторического и источниковедческого изучения обогащаются методикой других отраслей науки.

Интегральный подход к проблемам работы с источниками отличает историков и философов НРБ. Особенно характерна в этом отношении концепция исторической науки и ее источников, которая нашла свое отражение в выступлениях на первой национальной теоретической конференции «История и ее источники»⁵¹⁶ (ноябрь 1979 г.). Программа конференции и доклады участников (среди которых были и представители других социалистических стран) хорошо отражают концепцию современных задач и методов исторической науки и значение источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин для ее развития. Четыре основных доклада определили широкий спектр проблем.

Это прежде всего методологические проблемы исторической науки и их связь с собиранием, сохранением, исследованием, опубликованием и использованием источников. В этой связи были рассмотрены теоретические вопросы историко-партийного источниковедения, военно-исторического знания, исследовательская и археографическая специфики античных, средневековых и осман-турецких источников по истории Болгарии, отечественных и ряда иностранных источников по истории Болгарии.

⁵¹⁶ См.: *Тодорова А.* Национална конференция, посветена на проблемите на помощните исторически дисциплини. – В кн.: *Помощни исторически дисциплини.* София, 1981, т. 3, с. 313.

Вторая крупная проблема связана с раскрытием значения национального архивного фонда, архивных богатств страны как носителя ретроспективной информации, необходимой для познания общественных процессов и управленческой практики. Были обсуждены возможности оптимизации социальных функций архивных учреждений, пути усовершенствования печатной источниковой базы по болгарской истории, координационно-методические задачи публикации источников, комплектования и использования иностранных источников по болгарской истории, деятельность архивов страны. Отмечалось большое значение источниковедческого анализа в научно-исследовательской работе Болгарского исторического архива и Архива Института истории.

Третья крупная проблема связана с раскрытием единства эмпирического и теоретического в историческом познании и его гносеологическая функция. В центре внимания находились проблема документа как источника познания, вопросы его поливариантного истолкования, цели источниковедческого анализа и критерии истинности. Анализировались задачи комплексного изучения прошлого, коммуникативный и структурно-функциональный подход в исследовании, значение сравнительного исторического метода при воспроизведении и реконструкции исторического факта, соотношение субъективного и объективного фактора при создании исторического источника, гносеологические основы критики источников; рассматривались вопросы расширения источниковой базы и новые подходы к интерпретации документов.

Четвертая крупная проблема касалась перспектив и задач развития вспомогательных исторических дисциплин. Анализировались гносеологические функции и значение источниковедения, палеографии, археографии, неографии, метрологии, генеалогии, сфрагистики, предмет и метод источниковедения, современные задачи ономастики, метрологии, славянской палеографии, исторической картографии; рассматривались специфические методики изучения эпиграфических памятников, археологических и этнопсихологических исследований, литературных произведений как историко-социологического источ-

ника. В общем историко-познавательном процессе отмечались вспомогательные функции таких наук, как психология, социология, математика, химия и других; характеризовалась типология исторической науки.

Анализируя итоги конференции, болгарские ученые справедливо отметили широкий тематический и хронологический охват проблем, показывающий, что стремление к усовершенствованию методологических и теоретических исследований в соответствии с нуждами общественной практики находит свое отражение в исторической мысли, повышает интерес к сложным проблемам исторического познания и вспомогательных исторических дисциплин.

Теоретико-методологические проблемы источниковедения находятся в центре внимания книги К. Георгиева «История и ее источники»⁵¹⁷. Автор обстоятельно рассматривает вопрос об источниках исторического познания и отношение к этой проблеме на различных этапах развития исторической мысли. Рассматривая взаимодействие истории с другими науками, автор уделяет главное внимание философским проблемам исторической науки, специфике исторического познания.

В недооценке достижений философской мысли при изучении прошлого автор видит один из признаков кризиса современной буржуазной исторической науки. Вместе с тем он подчеркивает, что объективная потребность во взаимодействии между историками и философами еще недостаточно реализуется, отчего страдают и конкретные исторические исследования, а это, в свою очередь, остро ощущается при создании обобщающих трудов по национальной истории. Среди наук, с которыми история имеет много точек соприкосновения, автор называет социологические исследования. Он подчеркивает, что исторический материализм как единая методологическая основа и общность объекта дает реальную основу органической интеграции исторических и социологических исследований. Особенно полезной К. Георгиев считает взаимопомощь в научной разработке таких источников, как анкеты, интервью и других

⁵¹⁷ См.: *Георгиев К.* Историята и нейните извори. София, 1981.

социологических источников, дополняющих мемуары, дневники и эпистолярные источники. В системе исторических дисциплин автор выделяет наиболее рано обособившиеся палеографию, дипломатику, изучающую акты и акты с юридическим нормативным содержанием, историческую географию. В новейшее время он отмечает появление новой дисциплины, которая «набирает скорость», это – архивная эвристика. В условиях нарастания объемов архивно-документальных источников эта вспомогательная дисциплина ставит задачей решение проблем, встающих в связи с необходимостью приведения в известность источниковой информации, содержащейся в документальных материалах архивов и других хранилищ. Развитие архивной эвристики автор считает особенно актуальной и не терпящей отлагательства задачей.

Источниковедение рассматривается как важнейшая вспомогательная историческая дисциплина. Призванное оказывать помощь историку в его исследовательской работе источниковедение ставит задачу осмыслить основные вопросы, которые могут возникнуть при использовании исторических источников, дать их критику. Георгиев считает, что предметом этой специальной дисциплины являются прежде всего вопросы классификации различных видов исторических источников, их отбор.

В связи с рассмотрением теоретико-методологических проблем источниковедения следует остановиться на публикациях специального ежегодника источниковедческих исследований ПНИР «Источниковедческие исследования». Ежегодник печатает материалы по вспомогательным историческим дисциплинам, конкретному и теоретическому источниковедению, рецензии на отечественную и зарубежную литературу по вопросам источниковедения и других вспомогательных исторических дисциплин. На материале ежегодника прослеживаются изменения концепции источниковедения.

Первоначально, стремясь выявить область источниковедения из исторических исследований, польские ученые относили к источниковедению лишь традиционную методику критики

источников⁵¹⁸. В действительности источниковедение не исчерпывается его традиционным пониманием. Определяя специфику современного источниковедческого исследования, необходимо учитывать его цель и направление, его отличие от исследования чисто исторического плана. В центре внимания историка – определенная проблема, одна из сторон общественного процесса, рассмотреть которую в ее связях и опосредствованиях с возможной полнотой он ставит своей задачей. Для этого привлекается и используется вся возможная информация, в том числе исторические источники. Источник как целое, во всем богатстве его содержания не интересует в данном случае исследователя. Он выступает лишь в той мере и в том качестве, в каком позволяет решить проблему, интересующую историка как предмет его изучения. Иное дело – постановка исследования в источниковедческом плане (акты, мемуары, переписка и т. п. – «как исторический источник»). В этом случае в центре внимания – источник (или комплекс однородных источников) и в задачу исследования входит выявление всей содержащейся в нем информации с последующей оценкой ее полноты, достоверности, специфичности и неповторимости, а следовательно, и научной ценности по сравнению с информацией, содержащейся в других источниках. Раскрытие всех возможностей источника, выявление многообразных аспектов имеющихся в нем сведений, пригодных для освещения многих исторических, социально-психологических и иных проблем, – такова здесь задача исследователя. Он анализирует вопросы авторства, происхождения и историю создания источника, осуществляет текстологическую и смысловую интерпретацию, выясняя смысл, который вложил в содержание источника его составитель, раскрывает полноту свидетельств данного источника и оценивает достоверность его сообщений о том отрезке исторического времени, к которому он относится. Каждый из этих этапов источниковедческого исследования имеет свои специфические трудности, требует все новых специальных знаний.

⁵¹⁸ Подробнее см.: Польский источниковедческий ежегодник (1957–1971). – Вопросы истории, 1972, № 2.

Концепция источниковедения, лежащая в основе трудов «Источниковедческих исследований» ПНР, со времени основания этого издания не осталась неизменной. Процесс интеграции, характерный для современной науки в целом, оказал свое влияние и на ее развитие. Все более очевидной становится масштабность проблем теоретического источниковедения, их значимость для методологии истории и других общественных наук. Коренные проблемы теоретического источниковедения (источниковое и внеисточниковое знание, критика источников, проблема достоверности) органически вливаются в проблематику методологии истории и гуманитарных наук в целом и лишь на этом уровне могут найти свое решение.

Работы историков ряда социалистических стран позволяют судить о том, как складываются связи источниковедения с другими вспомогательными историческими дисциплинами. В некоторых работах эта тема является предметом анализа; в других она затрагивается в ходе решения конкретных задач данных научных дисциплин. Для современной исторической науки характерен процесс переосмысления методики и задач ряда вспомогательных исторических дисциплин, расширяется понимание их целей и назначения. Некоторые из них можно считать специальными историческими дисциплинами, имеющими свои методы и особые самостоятельные цели исследования. К числу таких дисциплин относится дипломатика.

Так, например, исследуется значение сотрудничества исторической и филологической наук для их взаимного обогащения и развития. Несомненно, знания в области филологии расширяют границы источниковедческого анализа и интерпретации источников. В то же время новые работы филологов дают возможность говорить об обогащении историками проблематики классической филологии, об анализе литературных произведений древности в связи с изучением социальных, политических и культурных условий античной цивилизации, подходя к литературному произведению прошлого как к источнику познания исторических фактов.

Аналогично обосновывается роль фольклора как исторического источника и ставится проблема классификации этого ро-

да источников. Они могут быть правильно поняты и истолкованы лишь в том случае, если учтены связи исторического фольклора с временем, которое его породило.

Историки ЧССР, ГДР и других социалистических стран отмечают расширение понятия «дипломатика» и прогресс в исследовательских методах этой дисциплины. Этот процесс они связывают с общим ходом интеграции общественных наук, развитием исследований правовых институтов, соответственно обогащающим методiku исследований по дипломатике, а также с внедрением некоторых новых приемов изучения документов (с помощью фототехники и др.). Задачи современной дипломатики и ее перспективы видятся в более полном изучении деловой документации феодальных канцелярий, ограниченной определенными локальными и временными рамками и исследуемой в динамике⁵¹⁹. С научным пониманием правового значения документов связана критика традиционного в старой дипломатике деления актов на публично-правовые и частно-правовые. Исследователи актовой и делопроизводственной документации в настоящее время исходят из принципиального положения об ее изучении в связи с конкретными условиями происхождения и подчеркивают, что лишь с учетом этого этапа изучения возможна правильная интерпретация фактических данных источника. Это, несомненно, показывает тесную взаимосвязь дипломатики и источниковедения, выявляет действенность применительно к конкретному материалу актовых источников общего источниковедческого принципа – изучения источника в конкретных социально-исторических условиях, вызвавших его появление.

В Чехословакии одно из главных направлений исследований источников связано с дипломатикой. Под дипломатикой ученые ЧССР понимают научную дисциплину, изучающую не только собственно акты, но значительно более широкий круг документальных источников. Это направление исследований в ЧССР имеет длительные традиции и представлено рядом ценных исследовательских трудов, учебных пособий и публикаций

⁵¹⁹ См.: Польский источниковедческий ежегодник, – Вопросы истории, 1972, № 2.

источников⁵²⁰. Чехословацкая дипломатика включает в сферу изучения происхождение, условия возникновения, формуляр документа, рассматривает его социальные функции. Документы изучаются в связи с историей учреждений и делопроизводством, анализ источников тесно связывается с практикой архивных учреждений страны. Большое значение придается циклу вспомогательных исторических дисциплин в деле подготовки специалистов-историков к архивной работе. Предметом дипломатики в ЧССР являются документы всех веков письменной истории страны. Основной ее базой являются документы средневековой дипломатики, а одной из актуальных задач является расширение хронологических рамок исследуемых документов, развитие дипломатики нового времени⁵²¹.

Расширяя хронологические рамки методик исследования документов, исследователи изучают делопроизводственные документы, акты, грамоты, копийные и регистрационные книги как предмет дипломатики. При их изучении важное значение придается истории учреждений, знанию делопроизводства, внешних особенностей грамот, знаков удостоверения (палеография, сфрагистика).

Характеризуя вспомогательные исторические дисциплины, известный чешский специалист Й. Шебанек отмечал, что по значению для исторической науки они заслуживают названия «главных»⁵²². По этим дисциплинам подготовлен ряд учебников и учебных пособий. Учебник «Основы вспомогательных исторических дисциплин»⁵²³ включает характеристики палеогра-

⁵²⁰ См.: *Hlavaček I.* Diplomatiek, Paläographie und Epigraphik in der Tschechoslowakischen Republik. – In: Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung, 1956, S. 64; *Fiala Z.* Pomoční vědy historické v ČSR 1960–1969. AČ, 1970; *Kašpar J.* Úvod do novověké latinska paleografie se zvláštním zřetelom k českým zemím. Praha, 1975.

⁵²¹ См.: *Кауштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Королев Г. И.* Современные исследования по дипломатике в Чехословакии. – В кн.: Актовое источниковедение. Сб. статей. М., 1979.

⁵²² *Šebanek J.* Základy pomocných věd historických. Latinská paleografie. Praha, 1961, s. 7.

⁵²³ См.: *Hlavaček I., Kašpar J., Nový R.* Základy pomocných věd historických pro historiky. Praha, 1967.

фии, дипломатики, кодикологии, а также сведения о сфрагистике, геральдике, генеалогии, хронологии, метрологии, нумизматике и папирологии. Он содержит освещение основных понятий и истории этих дисциплин, а также большую библиографию по этим вопросам. Особое внимание уделяется дипломатике как дисциплине, изучающей документы, составляющие основной материал современных архивов. Дипломатике посвящен ряд учебных изданий. Учебник коллектива авторов под редакцией Й. Шебанека, З. Фиалы и З. Гледиковой характеризует ее предмет, задачи и методы, уделяет внимание терминам и понятиям делопроизводственных документов, рассматривая источники чешской дипломатики до 1848 г.⁵²⁴ Учебное пособие Я. Каšпара⁵²⁵, посвященное палеографии, содержит разбор особенностей латинской графики по периодам, начиная с конца XV в., с формирования нового типа письма, и до настоящего времени. Пособие снабжено таблицами типов письма (учебными текстами) для обучения студентов-историков архивной специализации особенностям латинского письма нового времени.

Специфика решения конкретных исследовательских задач велика для отдельных исторических эпох. В отличие от средневековой дипломатика нового времени изучает происхождение и особенности документов массового характера. Потребность в анализе структуры, компетенции и положения учреждения этого времени в их системе возрастает⁵²⁶. Ученые ЧССР стремятся к расширению хронологических рамок и проблематики источниковедческих исследований. Изучению периодической печати посвящена монография Т. Пасака⁵²⁷. В ней дан обзор и характеристика легальной печати Чехии и Моравии 1939–1945 гг. Автор рассматривает анализ периодической печати как одну из

⁵²⁴ См.: *Česká diplomatika do r. 1848. Kolektiv autoru pod redakci: J. Šebánka, Z. Fialy, Z. Hledíkové.* Praha, 1971.

⁵²⁵ См.: *Kašpar J.* Uvod do novoveké latinské paleografie se zvláštím zretelem k českým zemím. Praha, 1975.

⁵²⁶ См.: *Hlaváček / Kašpar J., Nový R.* Základy pomocných věd historických pro historiky. Praha, 1967, s. 47.

⁵²⁷ См.: *Pasák T.* Soupis legalnych novin, časopisů a urědních věstinku v českých zemích z let 1939–1945. Praha, 1980.

проблем теоретического и практического источниковедения, отмечая необходимость изучения политических условий, в которых она издавалась, роли цензуры, подчеркивая, что работа с таким сложным источником требует тщательной не только внешней, но и внутренней критики.

Возможности расширения хронологических рамок исследования источников и соотношение дипломатики, архивоведения и других дисциплин явились предметом дискуссии начала 60-х годов⁵²⁸. Создание кафедры вспомогательных исторических дисциплин и архивного дела в Карловом университете в Праге много дало в разработке и преподавании этих дисциплин⁵²⁹. Кафедра ведет большую работу в этой области, для нее характерен комплексный подход к изучению документов, включающий методы палеографии, сфрагистики, кодикологии (при изучении копийных, делопроизводственных книг и сборников), истории права, истории учреждений и их делопроизводственной канцелярской практики, истории города, культуры.

Одним из главных направлений в исследовании актовых источников в ЧССР является разработка исторических условий их создания, социальных функций определенных типов и групп документации, их социальной и правовой среды, канцелярских традиций, приемов нотариата, оказывавших воздействие на форму и содержание документов⁵³⁰.

Крепнут связи источниковедения с архивоведением. Работы историков и архивистов социалистических стран хорошо отражают наличие ряда общих проблем и взаимовлияние источниковедения и архивоведения.⁵³¹ Среди письменных источников,

⁵²⁸ См.: *Fiala Z.* Diplomatika, jedna nebo dvě. Archivní časopis, 1960.

⁵²⁹ См.: *Hledíkova Z., Šisler S.* 10 let katedry pomocných ved historických a archivního studia filozofce faculty universitu Karlovy (1964–1974). In: Acta universitu Karlovy.

⁵³⁰ См.: *Šebanek J.* Möglichkeiten und der Weitere Entwicklung der Diplomatik in Ramen der historischen Mediävistik. – In: XII Congrès international des sciences historiques. Rapports, IV, Vienne, 1965; об этом см. также: *Каушанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 49–50.

⁵³¹ См.: *Брлостовская Н. В.* Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней. М., 1979.

которые представляют особый интерес для исторической науки, архивные документы и по количеству и по значению занимают ведущее место. Знание функций и задач архивной службы, их профиля, методов научной обработки архивных документов и возможностей их использования принадлежат к числу необходимых основных знаний для историка-исследователя, помогают ему проводить источниковедческие исследования квалифицированно, отмечают историки ГДР.

Ученые социалистических стран вносят большой вклад в изучение палеографии и дипломатики стран Востока. Несмотря на то что интерес европейской науки к восточным источникам пробудился давно, палеография и дипломатика их была мало изучена. Посмертное издание обобщающего труда известного востоковеда профессора Л. Фекете «Введение в персидскую палеографию»⁵³² имеет поэтому важное значение. Фекете изучил комплекс документов из архивов Ватикана, Венеции, других хранилищ. Им переданы графические особенности почерков, анализируется структура документов, особенности персидской палеографии и дипломатики. В издании характеризуется время и место создания источников, особенности их формы, стиля, связанные с канцелярской практикой их создания, виды, особенности почерка, даны прекрасные воспроизведения самих текстов с немецким переводом. Книга представляет интерес не только для иранистов, но и для значительно более широкого круга специалистов по палеографии и дипломатике, прежде всего с точки зрения использованных в ней методов палеографии, дипломатики и техники воспроизведения документов.

Изучение османотурецких архивных документов показывает тесную связь палеографии и дипломатики в их изучении⁵³³. Османотурецкие источники о гайдуцком движении XV–XVIII вв. рассматривает Б. Цветкова⁵³⁴. Она показывает классовую

⁵³² См.: *Fekete L.* Einführung in die persische Paläographie (101 persische Dokumente). – Aus dem Nachlass der Verfassers. Herausgegeben von G. Hazai. Budapest, 1977.

⁵³³ См.: *Недков Б.* Осман отурска дипломатика и палеография. София, 1966–1972, т. I–II.

⁵³⁴ См.: *Цветкова Б.* Османотурските извори за хайдутското движение през XV–XVIII вв. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1981, т. 3.

ограниченность и тенденциозность документов, исходящих от учреждений османской власти, и показывает необходимость изучения таких моментов содержания источников, которые отражают антифеодалную направленность гайдуцкого движения и ряд проявлений народноосвободительной направленности.

Тесную связь методов палеографии и дипломатики в изучении османотурецких архивных документов (по архивным материалам хранящимся в Восточном отделе Народной библиотеки НРБ им. Кирила и Мефодия, показывает А. Белков)⁵³⁵.

Все большее внимание ученых социалистических стран привлекают историко-географические аспекты исторического процесса. Ряд исследователей отмечает большое значение исторической географии и пишут о необходимости ее дальнейшего развития. Болгарский ученый П. Коледаров⁵³⁶ отмечает, что исследования взаимодействия общества с географической средой и правильный учет ее влияния на производство содействуют выяснению конкретных природных условий и их истинной роли в общественном развитии.

Задачи исторической географии историки социалистических стран тесно связывают с основными закономерностями общественного развития. Под задачами исторической географии они понимают исследование основных черт и характерных особенностей местности и населения в их взаимодействии в ходе исторического процесса в целом и в определенном районе в конкретную историческую эпоху. Результаты историко-географических исследований воспроизводятся не только словесно (описания), но и графически (картографические изображения). Результаты историко-географических исследований отображают физико-географические условия, географию населения, экономику и экономические взаимоотношения, политическую и социальную географию и географию культуры.

⁵³⁵ См.: *Белков А.* За дипломатико-палеографското проучване на османотурските архивни документи. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1981, т. 3.

⁵³⁶ См.: *Коледаров П.* Историческата география и нейните задачи в България. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1979, т. 1, с. 201.

В настоящее время особо явственно проявляется большое практическое значение исторической географии. Она важна прежде всего для активизации обучения в преподавании истории на различных уровнях общеобразовательной системы, где развиваются пространственные представления и изучение роли природных условий для совершенствования материального производства. Историческая география используется для обогащения информации в различных отраслях управления и экономики в связи с демографическим фактором, миграционными процессами, урбанизацией, охраной окружающей среды, требующими комплексной разработки, когда историческая география обогащает знанием пространственно-исторических аспектов явлений, важных для понимания их структуры и тенденций развития. Особое значение имеют пространственно-исторические аспекты для практики социалистического строительства и усовершенствования системы территориального управления, в решении вопросов о традиционных промыслах, изучении географической номенклатуры. Историко-географические сведения необходимы в краеведении, при создании справочной литературы, туристических справочников и путеводителей. Историческая география и картография играют определенную роль в патриотическом и интернациональном воспитании, для совершенствования методов работы по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи и другими важными проблемами прошлого и настоящего.

Источники для изучения исторической географии имеют свою специфику. Широкий круг задач исторической географии определяет их междисциплинарный характер. Проблема источников этой дисциплины привлекает внимание историков и географов ряда социалистических стран. Изучая источниковую базу исторической географии, исследователи называют в числе ее важнейших источников прежде всего разнообразный круг письменных источников различных жанров, в их числе литературные произведения, географические описания, записки путешественников, летописи, документальные материалы – международные договоры, акты, инвентари и реестры, торговые

книги, надписи, старые географические карты, чертежи и планы, эскизы и рисунки, а также вещественные устные источники, относя к последним данные топонимики и ономастики, фольклорные материалы, предания. Наряду с историческими источниками в методике работы с которыми историческая география использует методы источниковедения и других исторических дисциплин, она имеет естественнонаучные источники информации – данные геологии, геофизики, геоботаники, зоологии и антропологии, пользуясь при их изучении методами естественнонаучных и технических дисциплин (палеонтология, палеоботаника, палеозоология, палеоантропология и др.).

Заслуживает специального внимания проблема соотношения исторической географии с исторической наукой и географией, ее место среди других наук и дисциплин. Болгарские ученые четко отличают использование историко-картографического метода (при составлении историко-географических карт) от использования старых географических карт как источника по исторической географии. Независимо от значительных по важности, обобщающих функций и использования методов других наук, болгарские ученые трактуют историческую географию как вспомогательную историческую дисциплину. В этих рамках наука имеет свой объект, занимаясь разработкой пространственно-географических условий развития человеческого общества и его взаимодействия с окружающей средой.

В отношении особого положения исторической географии как исторической дисциплины автор проводит аналогию с исторической хронологией, связанной с вопросами философской категории времени. Как две главные вспомогательные исторические дисциплины, историческая география и историческая хронология конкретизируют представления – временные и связанные с определенной территорией. Источниковая база исторической географии имеет свою специфику, состоящую в том, что в нее входят как исторические (письменные, устные и вещественные источники), содержащие историко-географические сведения, так и естественнонаучные – геологические данные, геофизические, ботанические, зоологические, антропологиче-

ские и другие, что требует использования для нужд исторической географии ряда особых дисциплин – палеонтологии, палеоботаники, палеозоологии, палеоантропологии и других естественнонаучных дисциплин и методов⁵³⁷.

Современное источниковедение характеризуется расширением своей базы за счет источников не только отдаленного прошлого, но и новейшего времени. Задачи марксистско-ленинской исторической науки по изучению современного развития общества требуют разработки методов анализа новых видов исторических источников, развития вспомогательных исторических дисциплин нового и новейшего времени. Большую работу в этом направлении проводят историки и архивисты социалистических стран. В их работах придается важное значение направлению исследований, разрабатываемых историками и архивистами, оценивается состояние и перспективы дальнейшего развития вспомогательных исторических дисциплин.

Поворот к проблематике источниковедческих исследований новейшего времени ученые социалистических стран непосредственно связывают с реальными задачами современной исторической науки, с необходимостью изучения новых категорий источников. Говоря о методологических принципах современного источниковедения, авторы придают важное значение изучению источника как исторического факта, его интерпретации в свете социально-исторических условий, вызвавших его возникновение. Основными направлениями исследований в области источниковедения современности являются собирание и приведение в известность исторических источников и их научная критика. Источниковедческая эвристика, несомненно, имеет для периода новой и новейшей истории особое значение, поскольку здесь общее количество источников, как никогда ранее, возрастает и вопросы их отыскания и отбора встают с особой остротой. Тем важнее в этом случае связь исторической науки с архивоведением, объединение усилий историков и архивистов в решении общих задач по отысканию источников, их

⁵³⁷ См.: *Каледаров П.* Някои въпроси на историческата география и картография в България. Исторически преглед, год XXI, 1965, кн. 2.

введению в научный оборот с помощью путеводителей, тематических обзоров, публикаций.

Обращается внимание также на важность научной постановки исторической библиографии и других форм информации об источниках, хранящихся в библиотечных фондах, и о вещественных памятниках, которые не утрачивают и для новейшей истории своего значения источников; характеризуются также вопросы методики источниковедческого исследования применительно к документам современности.

В целом общие методологические принципы классификации, научной критики и интерпретации применимы и к источникам данного периода; в то же время есть новые возможности, которые специфика источников современности дает для использования при их анализе приемов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Вопросам изучения источников нового и новейшего времени немало внимания уделяется в источниковедческой историографии социалистических стран. Специфика источников, относящихся к современности, несомненна, и она изучена еще недостаточно. Характерным для современной источниковедческой базы является возрастание количества неписьменных источников (имеется в виду документация, зафиксированная механическими способами – фотокинозвукозапись), что оказывает определенное влияние на методы классификации и научной критики. В письменных источниках информация о явлениях социальной действительности передается по большей части опосредованно, через восприятие создателя источника (информатора, по терминологии автора) и потому требует проверки достоверности. Механическая же документация фиксирует явления с помощью техники. Механическая документация требует новых методов анализа и определенных специальных знаний. Однако задача изучения авторства и установления достоверности не снимается и применительно к новым видам документации. Ведь при любой форме механической записи инициатива все равно принадлежит человеку, который располагает определенными возможностями влиять на содержание в

смысле выбора объекта (например, с точки зрения его типичности), характера монтажа готовых записей, их комментирования, использования инсценировки, нередко применяемой, скажем, при подготовке документального фильма. Установление характера и пределов такого влияния как раз и входит в задачу источниковедческого анализа механической документации.

В ПНР изменения в структуре источниковедческой базы новейшей истории связаны также с утратой многих документов периода второй мировой войны⁵³⁸; недооценкой значения и плохой сохранностью личных архивов (в том числе архивов торговой и промышленной буржуазии, ремесленников, технической интеллигенции, врачей и журналистов при сравнительно лучшей сохранности архивов политических деятелей, военных и ученых); уменьшением объема частной и отчасти официальной переписки в связи с появлением новых технических средств коммуникации; влиянием множительной техники на рост числа некоторых видов документов, которые в этой связи превращаются из архивных в библиотечные материалы. В связи с этим с особой остротой встает вопрос о разработке новых методов введения документальной информации в научный оборот.

Пробелы, имеющиеся в источниковедческой базе новейшей истории в ПНР, связаны не только с утратой некоторых категорий источников, но и с тем, что ряд социальных процессов вообще не поддается документированию и может быть восстановлен лишь ретроспективно, в значительной степени по воспоминаниям участников. В то же время в отличие от историков более ранних эпох историк современности имеет возможность активно воздействовать на состояние своей источниковедческой базы, участвовать в ее пополнении. Историками и социологами накоплен некоторый опыт собирания и публикации массовых мемуарных (автобиографических) материалов, создаваемых по методам конкретно-социологических исследований. Публикуются, например, автобиографические

⁵³⁸ Подробнее см.: *Медушевская О. М.* Источниковедение новейшей истории. – Вопросы истории, 1973, № 11.

свидетельства, полученные в результате массовых опросов и специально организуемых конкурсов. Массовые мемуары представляют ценность как источники информации о процессах, происходящих в сфере социального сознания, они дают материал для изучения механизма формирования мнений, точек зрения, стремлений, системы личностных ценностей и мотивации поведения.

Учеными социалистических стран анализируются те проблемы изучения массовых мемуаров, которые сближают историка и социолога, являются для них общими. Эти проблемы по своему характеру источниковедческие. Главная из них – специфика отражения действительности в источниках данного вида и вопрос о достоверности содержащейся в них информации. Существенное значение имеет вопрос о репрезентативности массового мемуарного материала и снятия односторонности, связанной, в частности, с неравномерностью социального состава мемуаристов. Актуальной является также задача разработки количественных методов анализа содержания массовых мемуарных источников с помощью вычислительной техники, дающих перспективу более эффективного использования этого ценного историко-социологического источника, расширяющего и дополняющего источниковедческую базу истории современного общества.

Одно из перспективных направлений в исследовании источниковедческой базы истории новейшего времени – разработка новых методов получения информации о социальных явлениях с помощью организации специальных конкретно-социальных исследований. Это ставит вопрос о тех общих аспектах, которые имеют источниковедение и методы конкретных социальных исследований, о возможности использования и взаимного обогащения исследовательского метода исторической науки и конкретной социологии⁵³⁹.

Изучение сложных проблем истории новейшего времени требует дальнейшего совершенствования профессиональных

⁵³⁹ Подробнее см.: *Медушевская О. М.* Историк и источники. – Вопросы истории, 1972, № 4.

методов работы историка. Традиционный комплекс исследовательских приемов разрабатывался на протяжении веков применительно к такой источниковедческой базе, которая создавалась без участия историка, в более или менее отдаленном прошлом. Обращаясь к изучению истории новейшего времени, исследователь получает то преимущество, что может активно воздействовать на процесс складывания своей источниковедческой базы. Участники и очевидцы изучаемых историком событий являются его современниками. Он может организовать собрание различного рода воспоминаний, опросы участников событий с помощью специально разработанных анкет. В этом смысле можно говорить о том, что историк сам участвует в создании источников для своих будущих исследований. Историк не должен упускать возможности пополнить свою источниковедческую базу и обязан активно вмешиваться в процесс накопления источников.

Главная проблема, стоящая перед историком нового и новейшего времени, – проблема достоверности. Существует реальная опасность вольно или невольно подчинить источники заданной схеме. Между тем важно получить не подбор иллюстраций к предварительным тезисам историка, а данные, имеющие объективную познавательную ценность. Различие с традиционной постановкой вопроса состоит в том, что система критериев проверки достоверности применяется не к существующим еще источникам. Она должна помочь избежать искажения фактов в самом процессе их создания. Для этого формулируется тот круг вопросов, которыми рекомендуется руководствоваться историку. Ему необходимо знать, какова современная оценка событий, охватываемых воспоминаниями или анкетами; каково ее отношение к тому, что сообщают очевидцы; как создавалась доминирующая в том или ином случае оценка событий; в каком направлении шло формирование общественного мнения и какова была его эффективность; какую роль играл участник событий; каково соотношение между взглядами участника событий и исследователя.

Методы решения проблемы достоверности разрабатываются с учетом исследовательской методики источниковедения,

конкретной социологии, социальной психологии и психологии памяти. Это отражает рост интереса к методике конкретно-социологического анализа при решении проблем истории современности. Эти контакты представляются перспективными при условии использования профессионального аппарата исторической науки в области научной критики источников на общей методологической базе марксизма-ленинизма.

Расширение источниковой базы и новые задачи исторической науки социалистических стран повлекли за собой существенные сдвиги в системе традиционных вспомогательных исторических дисциплин. Один из аспектов этой проблемы – перспективы и возможности вспомогательных исторических дисциплин в изучении источников новой и новейшей истории. Проблема требовала теоретического осмысления познавательных возможностей исторических дисциплин и их места в составе профессионального аппарата исторических исследований.

Характеризуя состояние и задачи дальнейшего развития вспомогательных исторических дисциплин, исследователи отмечали, что дискуссии по методологическим проблемам исторической науки не миновали данной отрасли, выразившись в том, что специальные изыскания по преимуществу становятся основой исследований теоретико-познавательного характера⁵⁴⁰. В связи с раскрытием методологической природы тех перемен в статусе вспомогательных дисциплин, которые наблюдаются в исторической науке, представляет несомненный интерес оценка современного направления их развития: подход к источнику как к отражению эпохи в целом, трактовка источника как исторического факта с вытекающим отсюда применением к источникам методов исследования всех других категорий исторических фактов. Именно такой подход, как отмечал ряд польских историков, определяет появление вспомогательных исторических дисциплин на главной сцене исторической науки в важный момент действия. Для развития дисциплин, имеющих большие историографические и источниковедческие традиции и в силу

⁵⁴⁰ Подробнее см.: Вспомогательные исторические дисциплины в новой и новейшей истории Польши. – Вопросы истории, 1965, № 5.

этого, казалось бы, неподатливых к переменам, этот подход оказался весьма плодотворным⁵⁴¹.

Обогащение проблематики исторической науки привело к возникновению особых связей между дисциплинами – дипломатикой и историей учреждений, палеографией и публикацией источников, новых отраслей архивистики, связанных с изменением задач архивов и использования архивных источников. Задачи изучения кино- и фотодокументов, хозяйственной документации привели к разработке специальных методов. Значение печати для истории новейшего времени определило появление специальной дисциплины изучения печати как исторического источника (пока еще развивающейся более в фактографическом, чем в методическом плане). Несколько позднее были сделаны попытки приложения методов, ранее далеких от истории, – семиотики, кибернетики, аксиологии. Первые опыты желаемых результатов не дали. Очевидно, здесь (по аналогии с исторической статистикой) необходимы особые методы, учитывающие специфику источников и задач исторического исследования.

Изменения в статусе вспомогательных дисциплин ставят вопрос об определяющем их термине: в современной науке это скорее «основные», или «источниковедческие», дисциплины. Много нерешенных проблем связано с преподаванием в высшей школе, публикацией научной и учебной литературы, рабочим оборудованием, подготовкой кадров. Задачи дальнейшего развития важны в таких направлениях, как то: увеличение публикации источников и совершенствования их методов; расширение хронологических рамок и применения современных методов анализа источников, в том числе иконографических и картографических, периодической печати; развитие эпиграфики, нумизматики, геральдики и сфрагистики нового времени; продолжение начатых исследований в области неографии, изучения форм современной документации, фото- и фонодокументов, анкет и интервью; дальнейшее изучение возможностей

⁵⁴¹ Подробнее см.: *Медушевская О. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в польской историографии. – Вопросы истории, 1974, № 2.

математических, кибернетических и социологических методов для критики и интерпретации источников; интеграция дисциплин и большая синтетичность выводов.

Очевидна необходимость дальнейшего развития теоретико-познавательного направления исследований, особенно в источниковедении. Много проблем стоит в отношении подготовки кадров, создания учебных пособий, уточнения места дисциплин в системе высшей школы и их программ, написания диссертаций, организации стажировки внутри страны и за рубежом, улучшения постановки источниковедческой информации.

В системе исторического познания отрасль вспомогательных исторических дисциплин не остается неизменной. Она непрерывно усложняется, отражая процесс развития исследовательских методов исторической науки. Связь профессионального уровня историографии с состоянием научной работы и подготовки историков в области вспомогательных исторических дисциплин в настоящее время очевидна, чем и объясняется возрастающее внимание к их проблематике.

2.4. Источниковедческие аспекты интеграции научных дисциплин

Источниковедческие аспекты интеграции научных дисциплин привлекают внимание ряда исследователей социалистических стран. Они высоко оценивают перспективы, которые открываются для интеграционных исследований на общей методологической базе диалектического и исторического материализма.

Междисциплинарные связи исторической науки с другими науками обогащают ее методику и расширяют круг источников информации. Однако в настоящее время они находятся в процессе становления и разработаны неравномерно. Более полное освещение получили в литературе источниковедческие аспекты истории и социологии, экономики и статистики, методы устных источников и источников личного происхождения, педагогики.

Насущной потребностью является дальнейшее исследование проблем интеграции исторической науки и социологии⁵⁴².

⁵⁴² См.: Дробизева А. М. История и социология. М., 1971.

Источники составляют общее звено истории и социологии, поэтому проблемы источниковедения имеют важное методологическое и практическое значение в реализации интеграционного механизма, осуществлении сотрудничества между историками и социологами. Теоретические и источниковедческие аспекты интеграции исторических и социологических исследований рассматривает болгарский историк А. Патеринский⁵⁴³. Исторические и социологические исследования, отмечает автор, имеют общий объект и частично совпадающий предмет исследования, поскольку историческая наука изучает генезис, формирование и изменение общества как системы в целом или же отдельных социально-экономических формаций, исторических эпох, истории отдельных народов, а социологические исследования направлены на изучение структуры, функционирования и развития социальной системы. Плодотворность взаимопроникновения обоих наук на общей методологической базе диалектического и исторического материализма выявляется на различных уровнях исторических и социологических обобщений. Одним из результатов их интеграции является пополнение традиционной источниковой базы исторической науки материалами социологических исследований. Включение материалов социологических исследований в качестве исторических источников автор оценивает как перспективное – использование этих материалов расширяет источниковую базу историка, обогащает круг вопросов, которые он изучает, способствует более полному отражению действительности. В ряде случаев материалы социологических исследований дают возможность восстановить недостающее звено в причинно-следственной связи явлений исторического процесса. Особенно это важно для исследования проблем нового и новейшего времени.

Формирование новых методов исследования в исторической науке неотделимо от ее новой проблематики, научного подхода к исследованию общественных явлений. Подчеркивая тесную связь проблематики и методов изучения экономической истории,

⁵⁴³ См.: *Патерински А.* История и социология (теоретични и извороведски аспекти на интеграцията). – В кн.: Помощни исторически дисциплина, София, 1979, т. 1.

историк ПНР В. Куля в своем фундаментальном труде «Проблемы и методы экономической истории»⁵⁴⁴ выделил ряд важнейших тенденций ее развития. Это – осмысление глобальных категорий общественного хозяйства в отличие от его изучения в контексте отдельных институтов; статистический анализ для ориентирования в масштабах и пропорциях изучаемых явлений; тенденция к научному открытию механизмов функционирования экономических систем; тенденция к максимальному использованию других общественных наук – экономики, этнологии (социальной антропологии), демографии, статистики и др., к использованию более широких научных исследований разнородных общественно-экономических систем, использованию методов исторической демографии, статистики, метрологии, связей человека и природной среды.

Рассматривая типологию и основные виды источников экономической истории, Куля предостерегал против прямого противопоставления источников политической истории как индивидуальных экономическим источникам как массовым. Такое противопоставление возникает в том случае, когда политическая история рассматривается лишь как история властителей, их приближенных и история войн. Но если рассматривать политическую историю как историю общественных классов, государственного аппарата, то типы источников для изучения ее будут иными. Новые концепции политической истории требуют иных, а не только узко-индивидуальных источников для их изучения. Куля обращал также внимание на различную обеспеченность источниками различных классов, специфику сохранности источников эпохи капитализма. В XIX в., в связи с иными критериями подхода к ценности документов, были отбракованы и не сохранены такие документы, которые для современного историка дали бы важнейшие данные.

На стыке общественных и естественнонаучных дисциплин развивается ныне генеалогия. Важен и архивоведческий аспект генеалогических исследований. Собственно генеалогические проблемы связываются с источниковедческими, поскольку за-

⁵⁴⁴ См.: *Kula W. Problemy i metody historii gospodarczej*. Warszawa, 1965.

дача сводится к отбору источников и выбору методов анализа, новому подходу к оценке и сохранности источников, отражающих, казалось, частные и единичные факты «семейного характера», но в целом, в результате обработки их с помощью картографических и статистических методов, дающих важную информацию о динамике явлений. Разработка методики обследований больших групп источников с устойчивым формуляром (акты и т. п.) важна и в связи с перспективами постановки коллективных исследований. Перед историками, обращающимися к проблемам генеалогии, встает комплекс проблем репрезентативности, достоверности, качественной однородности источников. Эти проблемы могут быть успешно разработаны именно в сфере взаимодействия методик источниковедения конкретной социологии и социальной психологии⁵⁴⁵. На стыке гуманитарных и естественных наук может рассматриваться, например, проблема о состоянии здоровья отдельных социальных групп населения в прошлом.

Буржуазное источниковедение абсолютизирует этап анализа отдельных сторон источника и трактует его синтез лишь на уровне интуитивного понимания источника историком. Труды историков социалистических стран показывают, что талант исследователя в сочетании с научным анализом специфических свойств источника позволяет достигнуть нового качественного уровня источниковедческого синтеза. Особенно важно подчеркнуть значение этого этапа исследования в изучении уникальных памятников истории и культуры, обладающих большим творческим своеобразием. Большой интерес представляет в этом отношении интеграционное по существу исследовательских методов изучение выдающегося памятника болгарской духовной культуры прошлого Четвероевангелия царя Ивана Александра 1356 года⁵⁴⁶. Известный болгарский историк и деятель культуры Л. Живкова анализирует памятник и его художественные миниатюры в связи с историческими

⁵⁴⁵ Подробнее см.: *Медушевская О. М.* Генеалогические исследования польских историков. – В кн.: *История и генеалогия*. М., 1977.

⁵⁴⁶ См.: *Живкова Л.* Лондонското четвроевангелие на цар Иван Александр от 1356. В кн.: *Помощни исторически дисциплини*, т. 1; *ее же*. Четвроевангелие царя Ивана Александра. София, 1981.

условиями, экономической стабилизацией и политической консолидацией эпохи, в связи с культурным и духовным подъемом в стране, в свете общих тенденций развития науки, философской и религиозной мысли и выявляет, как новые тенденции развития отразились в сфере художественной культуры. Художественная миниатюра и техника миниатюры памятника рассматриваются как своеобразный синтез литературы и искусства. Все это позволило раскрыть значение источника не только как памятника, демонстрирующего зрелое художественное мастерство, но и отразившего философско-религиозные концепции эпохи, ее духовной климат.

В исследовании социально-экономических процессов болгарские исследователи придают важное значение проблемам имущественной дифференциации в эпоху феодализма и капитализма. Опираясь на методологическую базу трудов основоположников марксизма-ленинизма и в особенности изучая ленинские методы анализа классового расслоения русского крестьянства в эпоху капитализма, они придают большое значение творческому изучению ленинского наследия в области методов статистического анализа процессов социально-экономического развития. Экономическое состояние и социальная структура болгарского общества составляют актуальную проблему изучения. Они позволяют изучить процессы зарождения капиталистических отношений и классового расслоения, аграрных отношений периода Возрождения⁵⁴⁷.

Источники о социальной дифференциации в различных регионах НРБ изучает С. Драганова⁵⁴⁸. А. Патерински рассматривает теоретико-методические аспекты использования статистических методов при исследовании проблемы имущественной дифференциации⁵⁴⁹.

⁵⁴⁷ См.: *Димитров С.* За классово разслоение сред селяните в Североизточна България през 70 година на XIX в. – Известия на Института за история, 1960, т. 8.

⁵⁴⁸ См.: *Драганова С.* Имущественна и социална структура на населениет в Русенска.

⁵⁴⁹ См.: *Патерински А.* Някой теоретични аспекти на приложението на статистическите методи при изследованя на имущесивената дифференциация. – Помощни исторически дисциплини. София, 1981, т. 3.

Изучение проблем социальной и классовой структуры болгарского села XIX в., развития производительных сил имеет большое значение для раскрытия характера болгарского национально-освободительного движения и экономического развития. Массовые однотипные документы-переписи (дефтеры) имущества и налогообложения сельского населения 50–70-х годов XIX в. стали предметом изучения Драгановой⁵⁵⁰. Описания села, проводившиеся турецкой администрацией, представляют собой массовые однотипные документы, и при их статистической разработке они, как показал автор, являются ценными источниками, раскрывающими структуру населения, социальную дифференциацию и экономическое развитие болгарского села середины XIX в. Изучение документальных источников в странах социализма в настоящее время связано также с проведением большой публикаторской работы⁵⁵¹.

Традиционные исторические источники не дают достаточно полной картины для изучения сферы общественного сознания, настроений и взглядов различных общественных групп, их системы ценностей.

Социолог, изучая современное состояние общественного мнения, получает информацию, которая может иметь значение и для исторических исследований, которая может быть использована в различных областях исторической науки и на различных этапах исследования. Материалы социологических исследований болгарский историк А. Патеринский рассматривает как исторические источники, условно разделяя их на два типа: первичные, к которым относятся анкеты, интервью, и вторичные – обработанные материалы в форме статистических таблиц, разработанных на основе информации, содержащейся в первичных источниках.

⁵⁵⁰ См.: *Драганова С.* Османотурските регистри за селото от средата на XIX в. като исторически извор. – В кн.: *Помощни исторически дисциплини.* София, 1980 т. 2.

⁵⁵¹ См.: *Королев Г. П.* Археографическая деятельность в Польше, Чехославии, Румынии и Югославии. М., 1975; *его же.* Археографическая деятельность в ГДР, Венгрии и Болгарии. М., 1978.

Рассматривая различные формы использования социологических данных в исторических исследованиях советских и болгарских исследователей, автор приходит к выводу о том, что изучение проблем и перспектив интеграции методов истории и социологии составляет насущную потребность современной науки⁵⁵².

Как уже было отмечено, в источниковедческой базе новейшего времени имеются определенные проблемы, вызванные не только утратой некоторых источников, но и тем, что некоторые социальные процессы не поддаются документированию и могут быть восстановлены в значительной мере по воспоминаниям участников событий. Возможность историка современности не только активно воздействовать на состояние своей источниковой базы, но и участвовать в ее пополнении определяет огромный интерес к устным источникам, а также массовым автобиографическим свидетельствам, получаемым в результате социологических анкет-интервью.

Записи устных воспоминаний представляют большую ценность как источники о процессах, происходящих в сфере общественных настроений; они дают ценный фактический материал для анализа механизмов формирования мнений, системы ценностей, мотивации поведения. В ГДР, например, эти источники изучаются историками ГДР при исследовании истории рабочего движения; они активно также изучаются историками ПНР, ЧССР и других социалистических стран. В изучении этих источников общие проблемы, стоящие перед историками и социологами, по своему существу являются источниковедческими. Главная из них – специфика отражения действительности в источниках, проблема их достоверности. Существенное значение имеют вопросы о репрезентативности массового мемуарного материала, связанной, в частности, с неравномерностью социального состава мемуаристов, вопросы психологии памяти и социальной психологии. Польскими историками и социологами накоплен

⁵⁵² См.: *Патерински А.* История и социология. Теоретични и извороведски аспекти на интеграцията. – В кн.: *Помощни исторически дисциплини*, т. 1, с. 106.

некоторый опыт собирания и публикации массовых мемуарных (автобиографических) материалов, создаваемых по методикам конкретных социальных исследований⁵⁵³.

В сфере общественного сознания, системе ценностей различных социальных групп традиционные источники не могут дать достаточно полной картины. Социолог, исследующий в современности состояние общественного мнения, располагает материалом, полезным и для историка. Это дает возможность пополнения имеющейся источниковой базы. Важное значение имеют эти источники в анализе развития социалистического общества как системы. Источники, которые имеют социологическое происхождение, могут использоваться в различных областях новейшей истории – при исследовании рабочего класса как объекта историко-социальной, психологической и культурной характеристики, внутриклассовых различий, морального и духовного облика участников движения за коммунистический труд и т. д. Социологические исследования имеют прямое отношение к организации и эффективности музейного дела⁵⁵⁴. Исследование массовых исторических источников с помощью социолого-статистических методов показало, что социологические материалы представляют информацию, которая имеет вспомогательное значение в исследовательском процессе, но может найти применение в различных областях исторического знания и на различных этапах исследовательского процесса.

Статистическое изучение биографических источников дают болгарским историкам ценные данные о социальной картине болгарского общества в 70-х годах XIX в.⁵⁵⁵

А. Тодорова, анализируя методологические вопросы исторической науки, особенно актуальные в связи с задачами оптимизации научных исследований и их связи с социальной практикой наряду с теоретическими, историографическими, координационными и другими направлениями исследований,

⁵⁵³ См.: Историк и источники. – Вопросы истории, 1972, № 4.

⁵⁵⁴ См.: Социологичне наследования и музеите. София, 1969.

⁵⁵⁵ См.: Понков Х. Социален и классов състав на революционните комитети; *Ошавков Ж.* Социологията като наука. София, 1970.

называет и задачи «оптимизации традиционных и нетрадиционных методов исторического исследования»⁵⁵⁶.

Интерес к проблеме человека и стремление расширить возможности изучения тех сторон исторического процесса, которые в меньшей степени находят отражение в традиционных видах исторических источников, определяет усиление внимания к методам социологических исследований, и к таким видам источников, как устная традиция.

Роль данных языка как исторических остатков и ценность устных свидетельств были в свое время высоко оценены традиционным источниковедением, они выделялись в особую группу в классификационных схемах и обзорах источниковедческих изданий. В «Учебнике исторического метода» Э. Бернгейма в эту группу включались легенды, саги, анекдоты, пословицы и поговорки, исторические песни⁵⁵⁷. «Устные источники» занимают определенное место и в последующих источниковедческих обзорах и классификациях. Нетрудно, однако, заметить неоднородность видов источников, которые в них бывают названы, отсутствие четко выработанных методик их источниковедческого анализа. С появлением средств технической звукозаписи стала быстро расти группа аудиовизуальных источников. Появились новые возможности пополнения источниковой базы исторических исследований. Соответственно выявилась необходимость разработки специализированных методик исследования этих источников. Данным проблемам посвящена работа болгарского историка А. Патерински «Язык, устная традиция и устные источники в историческом познании»⁵⁵⁸.

А. Патерински различает три вида устных источников: язык, устная традиция, анкеты и интервью. В изучении языка пока отсутствует метод, который показал бы изменения в языке в связи с изменениями, происходящими в историческом процессе.

⁵⁵⁶ См.: Исторический преглед, 1977, № 1.

⁵⁵⁷ См.: *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908.

⁵⁵⁸ См.: *Патерински А.* Езикът, устната традиция и устните извори в историческото познание. – В кн.: Помощни исторически дисциплини, т. 2.

Современная наука проявляет большой интерес к языку, и это начало пути открытия ценности языка как исторического источника.

Существуют два направления познания языка: первое, связанное с методом классической филологии, базируется на анализе терминологической значимости содержания документов, дает топонимический и ономастический материал и позволяет установить заселение территории в древности по названиям мест. Но этот материал не отражает непосредственно человеческих отношений, а лишь воздействие результатов человеческой деятельности на заселение, хозяйственную деятельность в данном регионе.

Второе направление связано с методом изучения, которое осуществляется в рамках современного языкознания. Это метод изучения языка как средства коммуникации в обществе – результат коллективного творчества, обладающего структурной целостностью. Язык выступает здесь как индикатор общественных явлений, их признак и знак благодаря количественному методу. Социально-психическое отношение, выраженное в языковом высказывании, его интеллектуальная наполненность используется здесь как признак определенного состояния общественного сознания, или же производится количественный анализ текста (контент-анализ). А. Патерински различает устную традицию (источник, не имеющий определенного адресата) и устные сообщения, имеющие определенную адресность, в известном смысле организованные историком (вечера воспоминаний, сообщения, полученные в свободной беседе, анкеты и интервью). Интервью и историческая анкета выступают как метод получения новых источниковых материалов.

Новые методы получения устных сообщений повышают роль этих источников. Эти источники важны и для тех периодов, от которых не дошло до нас письменных свидетельств, и для тех аспектов современной истории, которые не находят отражения в письменных источниках. Запись фольклорных произведений и устных воспоминаний с исторической тематикой позволяет расширить круг сведений в области истории новейшего времени.

Интересный опыт по изучению воспоминаний с исторической тематикой накоплен в Чехословакии⁵⁵⁹.

Стремясь расширить источниковую базу истории страны за те периоды, по которым сохранилось недостаточно оригинальных источников, ряд исследователей обращается к запискам иностранных авторов – путешественников, дипломатов, купцов.

Записки путешественников, путевые заметки и другие документы, возникающие во время путешествия или позднее, являются ценным источником по истории быта, культуры народов в их историческом прошлом. В то же время они требуют применения к ним методов анализа и критики источников. Путевые записки XVI в., относящиеся к Болгарии, представляют собой целый комплекс источников, написанный на различных европейских языках. Они разбросаны по различным хранилищам Европы и частью не опубликованы. Выявление этих источников, их атрибутирование, последовательный обзор источников составляет первый этап их источниковедческого изучения. Второй этап связан с систематическим разбором всех записок путешественников об отдельных явлениях болгарского быта и культуры⁵⁶⁰.

Неопубликованные путевые заметки Якоба фон Бетцека, курьера Габсбургского двора в Вене, являются, как показала чешский историк Х. Хинкова, источником по Болгарии XVI в., содержащим богатую информацию Историко-географического, социально-психологического, хозяйственного и этнографического характера⁵⁶¹.

Среди источников по истории болгарского народа внимание историков привлекают записки путешественников. Этому вопросу посвящена серия публикаций источников – греческих и латинских – по истории Болгарии. Особенности записок путешественников как особого вида источников посвящен ряд

⁵⁵⁹ См.: *Michálek J.* Spomienkove rozpravanie s historickou tematikou. Bratislava, 1971.

⁵⁶⁰ См.: *Хинкова Х.* (ЧССР). Неопубликувани пътеписни дневници на Якоб фон Бетцек за България от XVI в. – В кн.: Помощни исторически дисциплини, т. 2.

⁵⁶¹ См.: *Хинкова Н.* Stare české čestopisy jako prameny pro etnografii, folkloristiku a toponomastiku Bulgarska. – Český lid, 55. Praha, 1968.

работ болгарских историков. М. Йонов⁵⁶² в своей работе выявляет характерные черты и особенности записок иностранных путешественников как источников о прошлом болгарского народа. Отмечая недостатки этого вида источников, связанные с беглостью и поверхностностью впечатлений, неточностью, односторонностью и субъективностью отношения к обрисовываемым явлениям и использованием ненадежных источников, автор, однако, в целом оценивает его положительно. Обилие непосредственных наблюдений, рассказы и свидетельства очевидцев превращают записки путешественников в оригинальный, ценный источник, освещающий прошлое болгарского народа, раскрытое десятками и сотнями действительных случаев и житейских ситуаций. Ценность записок возрастает, когда их авторами являются наблюдательные и просвещенные люди, а в отдельных случаях и выдающиеся представители своей эпохи, сознающие необходимость достоверности своих описаний. Записки путешественников автор расценивает как источник, говорящий об экономической жизни, окружающей среде, материальной и духовной культуре; он подчеркивает его эвристическую ценность.

Органическую часть исторической науки составляют научно-историческая информация и ее документация. Соотношение этих понятий с источниковедческими трактуется в том смысле, что понятие информационных источников в широком смысле входит в понятие исторических источников: все материалы, которые могут служить средством информации, могут рассматриваться как информационные источники. Под последними понимаются литературные, вещественные, аудио-визуальные информационные источники, значение которых усилилось. Одновременно они рассматриваются и как информационные средства.

В развитии источниковедения и исторической науки социалистических стран видное значение придается организации

⁵⁶² См.: *Йонов М.* Зарубежные записки путешественников. Чуждите пътеписи като извор за историята на българските земи. – Помощни исторически дисциплини, т. 1, с. 307.

научной информации по общественным наукам⁵⁶³. Методологические проблемы исторической науки и источниковедения связаны с анализом процессов развития науки. Этим объясняется усиление интереса к проблемам науковедения и историографии в современной науке. Сделана попытка рассмотреть типы источников историографического исследования⁵⁶⁴.

Возрастание значения источниковедения в науке и общественной практике требует усиления внимания к его преподаванию, определяет необходимость более полного его использования в подготовке историков. Болгарские историки связывают повышение роли вспомогательных дисциплин в историческом образовании с такими факторами, как увеличение объема источниковой базы исторической науки, изменения в задачах исторической науки социалистических стран, что связано с изучением источников новейшей истории, новыми объектами исследований с ориентацией на структурно-функциональный анализ и массовые социальные явления и процессы; обогащение научной методологии и методики исследования, когда традиционные методы связывают с изучением математики, статистики, общей теории систем, теории информации; расширение средств научной коммуникации между специалистами через специальные научные издания по проблемам вспомогательных исторических дисциплин, уделение им достаточного внимания на научных форумах и конференциях; утверждение учебных программ вспомогательных дисциплин на исторических факультетах.

В учебных программах вузов, считают болгарские ученые, общий курс источниковедения должен занять свое определенное место, причем теоретическое источниковедение введет студентов в систему знания природы исторических источников и работы с ними, прикладное источниковедение ознакомит с конкретными методиками изучения и использования различных

⁵⁶³ См.: *Бояджиева Е.* Проблеми на съвременната научно-информационна дейност в историческата наука. – Исторически преглед, 1976, № 2; *Манолова А.* Научната информация в помощ на изследванията по истории на България при социализма. – Помощни исторически дисциплини, т. 3.

⁵⁶⁴ См.: *Тодорова А.* За типологията на изворити за историографското изследване. – Помощни исторически дисциплини, т. 1.

видов источников по болгарской и всеобщей истории. Этот курс должен также ввести студентов в сложную лабораторию критики буржуазной историографии и источниковедения⁵⁶⁵.

Большое значение проблем преподавания, образования в социалистическом обществе привлекает внимание к истории педагогики. Источниковедческие аспекты истории педагогики рассмотрены историками ГДР⁵⁶⁶. Ими обращается внимание на различие понятий теории и практики педагогики, каждая из которых имеет свои специфические источники, и в то же время диалектическую связь теории и практики. История педагогики имеет дело как с историческим процессом, так и с педагогической работой. Это наука, в которой логическое и историческое своеобразно взаимодействуют, и закономерности каждой науки своеобразно проявляются в единстве логического и исторического. Поэтому источники эти имеют две функции: во-первых они являются основой для описания исторического процесса в сфере воспитания как общественного явления в те или иные периоды истории человечества. Во-вторых, это основа той объективной закономерности, в соответствии с которой протекает процесс развития общества. Специфика источников истории педагогики состоит в том, что в ней используются все их виды. Здесь находятся письменные источники, школьные программы, дневники, школьные работы, протоколы экзаменов, учебники, биографии, автобиографии, произведения педагогов-теоретиков и практиков, педагогические статьи, книги, романы, периодика и др. Устные источники особенно ценны для изложения истории педагогики и народного образования в ГДР. Вещественные источники имеют важное значение для изучения практики преподавания. Они изучаются вместе с письменными – классными журналами, работами школьников. Это приборы, школьные задания, школьная форма, медали. Учебные

⁵⁶⁵ См.: *Тодорова А., Генчев Н.* Помощните исторически дисциплини и виспето образование по история. – Помощни исторически дисциплини, т. 1, с. 346.

⁵⁶⁶ См.: *König H.* Schule und Erziehung – Geschichte der Erziehung. – In: *Einführung in das Studium der Geschichte*, 1979.

тексты – одновременно этнографические и лингвистические источники, фильмы и тондокументы, изобразительные, в том числе отражающие практику педагогики.

Историография социалистических стран, обращаясь в последние годы к проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин все более активно, отражает сдвиги в системе исследовательских методов современной исторической науки. Можно, однако, констатировать, что при богатом многообразии творческих подходов к решению проблем исследовательских методов исторической науки четко прослеживается общность методологических принципов, обуславливающая главное направление этих исследований. На первое место следует здесь поставить главное – диалектико-материалистическую основу понимания исторического источника прежде всего как явления социального, как части социальной действительности своего времени. Материалистическая концепция обуславливает раскрытие объективных свойств исторического источника, а следовательно, и последующую возможность его использования как средства познания исторического процесса.

Глава 3. Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения

3.1. Буржуазная историография конца XIX – начала XX в. и вопросы источниковедения

В настоящее время можно констатировать, что с общими тенденциями современного общественного развития и развития буржуазной науки связаны гносеологические истоки кризиса буржуазной историографии. Кризис буржуазной исторической науки проявляется в отдельных ее областях, в том числе и в источниковедении. Предпринимаются попытки на уровне лучших достижений науки прошлого найти новые пути исторического синтеза, пересмотреть профессиональный аппарат методик исследования источников. В этом смысле представляет интерес то переосмысление вопросов о природе исторической науки, о характере исторического знания и методов его достижения, кото-

рое предпринималось в буржуазной историографии и философии истории в конце XIX – начале XX в.

Историки долгое время мало интересовались теорией своей науки и общими принципами, методами и критериями достоверности исторического знания. Позитивизм, оказывавший на них большое влияние, вырос из детерминистских, механистических представлений естественных наук XIX в. и в качестве такового признавал за подлинной наукой как цель: на первом этапе – установление проверенных и достоверных фактов, доступных непосредственному эмпирическому наблюдению, и на втором – выведение индуктивным путем из серии или ряда фактов определенных зависимостей или законов.

Поскольку историческая наука имеет дело с фактами, обладающими неповторимыми особенностями, позитивистская историография останавливалась на первом этапе изучения, видя свою задачу прежде всего в установлении точных фактов, проверенных критическим изучением документов – исторических источников. «История создается по документам – их нет, нет и истории» – таково было кредо историков-позитивистов, причем первый этап изучения реализовался эмпирически.

Профессиональные специальные методики, сформировавшиеся в XVIII–XIX вв. на основе текстологической критики источников, главным образом нарративных (повествовательных) текстов и документов типа средневековых дипломов и хартий, несомненно, немало способствовали развитию вспомогательных дисциплин истории как ее частных методик. Наибольшие успехи были достигнуты в греческой и латинской эпиграфике, латинской средневековой палеографии, которые необходимы для подготовительной публикаторской работы с оригинальными источниками древней и средневековой истории, в филологии, а также в дипломатике, которая вместе с хронологией и сфрагстикой облегчала критику официальных документов – дипломов и хартий.

Методика и практика филологической критики источников обогащала и расширяла круг сведений, относящихся к особенностям языка, графики, внешних особенностей памятников

письменности, их формуляров и способов удостоверения, отдельных видов и разновидностей нарративных и государственно-правовых документов. Ученые того времени наращивали свод наблюдений, доктрин и выводов, установленных при работе с документами, что облегчало критику других, ранее еще не изучавшихся источников. Постепенно расширявшийся круг вспомогательных наук истории включал и фиксировал разнообразные сведения и методики, относящиеся к форме или структуре источников (палеография, дипломатика, хронология), специфическим формам документов (геральдика), способам их удостоверения (сфрагистика). Это был набор вспомогательных, даже технических знаний, и в подготовке молодого историка-эрудита характер и выбор методик и сведений зависел от того, документами какой эпохи он собирался заниматься.

Однако, хотя эти дисциплины имели большую специфику, приспособлялись к конкретным задачам исторических изысканий, они имели важное общее значение для обогащения опыта работы с источниками. Ученые Сорбонны, оценивая значение этих дисциплин в повышении профессионального уровня историка, писали в 1898 г.: «Преподавание «вспомогательных наук» и технических приемов исследования было введено лишь для средневековой (французской) истории и только в специальной Школе хартий. Это простое обстоятельство обеспечило на целые 50 лет за Школой хартий заметное преимущество перед всеми другими учебными заведениями, не только французскими, но и заграничными»⁵⁶⁷.

К концу XIX в. вспомогательные исторические науки преподавались во всех высших учебных заведениях Европы с большей или меньшей степенью полноты. Польский историк И. Лелевель нашел удачную формулу названия вспомогательных дисциплин, отражавшую их общую источниковедческую направленность, смысл их существования. Свою книжку, в которой рассказывалось о целях, задачах и приемах этих дисциплин, он назвал «Науки, дающие познать исторические

⁵⁶⁷ *Ланглюа III. В., Сеньобос III.* Введение в изучение истории. СПб., 1898, с. 44.

источники»⁵⁶⁸. Для последующего обобщения методов работы с источниками практический опыт историка в деле выбора надежного текста, установления времени, места и автора документа, выявления неподлинных текстов и интерполяций (позднейших вставок) для подготовки текстов к публикации, т. е. опыт, который фиксировали, обобщали и передавали вспомогательные дисциплины, имел огромное значение⁵⁶⁹.

В Австрии, Германии, Франции, Италии и других странах Западной Европы в XIX в. был накоплен большой материал по методике изучения письменных памятников, преимущественно западного средневековья. В развитии исторической критики источников большая роль принадлежала дипломатике как дисциплине, изучающей акты и более широко – документальные архивные источники⁵⁷⁰. В отличие от нарративных произведений, имеющих целью информировать и представлять в определенном свете прошедшие исторические события, правовые архивные документы, акты, документы учреждений, которые создавались в первую очередь в практических целях, представляли ценность в качестве исторических источников, созданных непосредственно в ходе тех событий, о которых они свидетельствуют.

Особенно много в XIX в. было внесено в создание дипломатики и ее методов специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин немецким историком Т. Зиккелем и позднее другим немецким ученым Ю. Фиккером⁵⁷¹. Т. Зиккель заложил основы дипломатики западноевропейских средневековых актов, разумея под актами письменное, облеченное в соответствующую форму изъяснение о предметах правового характера. Главное внимание обращалось им на развитие форм актов применительно к императорским и королевским дипломам и папским буллам. Ю. Фиккер с 70-х годов XIX в. также

⁵⁶⁸ См.: *Lelevel J.* Naiki dajace posnawac zrodia historiczne. Poznan, 1863.

⁵⁶⁹ См.: *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; ее же. Латинская палеография. М., 1975.

⁵⁷⁰ См. об этом: *Tessier G.* Diplomatie. – In: *L'Histoire et ses Methodes.* Paris, 1967.

⁵⁷¹ См.: *Sickel T.* Beiträge zur Diplomatik. Wien, 1861–1882; *Ficker J.* Beiträge zur Urkundenlehre. Innsbruck, 1877–1878.

ввел в сферу изучения дипломатики частные акты, подчеркнул Историко-правовое значение содержания этих грамот. Углубленное изучение частных актов заставило обратиться к вопросу о специфике частных и публичных актов, что выдвигало на первый план вопросы изучения не только формы, но и содержания этих источников⁵⁷². Крупный архивист, палеограф и дипломатист Италии Дж. Виттани, разработав подробный курс латинской дипломатики, предложил классификацию актового материала, хранящегося в итальянских архивах. Обсуждение проблем классификации западноевропейского частного акта, поиск точного определения частного акта, признаков формы и содержания разнообразных групп архивных документов дал очень много для развития западноевропейской дипломатики и методов анализа актовых источников⁵⁷³.

В конце XIX в. французский историк, профессор Школы Хартий А. Жири создал обобщающий труд по дипломатике, который представлял собой ценное руководство по этой дисциплине.⁵⁷⁴ Концепция А. Жири оказала немалое влияние на последующие работы по вопросам методики источниковедения. Этому способствовало то, что Жири довольно широко определил объект исследований в области дипломатики, отнес к ее компетенции такие виды источников, как дипломы, грамоты, акты, правовые документы, а в методике их исследования выделил такие существенные вопросы, как установление принадлежности публично-правовых актов к определенным канцеляриям, выявление признаков гарантированности частных актов нотариумами, определение особенностей различных разновидно-

⁵⁷² См.: *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1889, t. 1–2; Leipzig, 1912–1931; Berlin, 1958; *Boüard A., de.* Manuel de diplomatique française et pontificale. Diplomatie generale. L'Actes prive, vol. 2. Paris, 1929 et 1948, О дипломатике нового времени См.: *Meisner H.-O.* Urkunden und Aktenlehre der Neuzeit. 2-ed. Leipzig, 1952; *Brandt A., von.* Werkzeug des Historikers. Stuttgart, 1963, S. 97–120.

⁵⁷³ См. об этом: *Колоненко А. М.* Проблема классификации западноевропейского частного акта. – В кн.: Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979.

⁵⁷⁴ См.: *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1893. Nouveau tirage, sans aucune modification. Paris, 1924.

стей документов. Жири логично и обоснованно выделены этапы исторической критики актов документов: выявление времени их создания, формы и способов удостоверения, рассмотрена методика установления подлинности документов. Выходя за рамки конкретно анализируемого материала, Жири высказал чрезвычайно интересную мысль об общей теоретической дисциплине, объектом которой (Жири считал, что эта могла бы быть дипломатика) явились бы письменные документы «всех стран и времен». По сути, эта идея общей методики изучения исторических документов очень важна для последующих опытов становления источниковедения.

Накапливаемый в рамках дипломатики практический опыт исследования актов источников создавал, таким образом, базу для последующего обобщения методов источниковедения, и прежде всего по таким вопросам, как последовательность основных этапов анализа источников, содержание и задачи каждого из этих этапов, приемы, с помощью которых эти задачи могут быть решены. Опыт дипломатики ценен в особенности еще и тем, что предметом ее изучения являются акты документы, которые создавались в практических целях повседневности, и их ценность как источников, отражающих в правовой, юридической форме социально-экономические отношения, весьма высока. В отличие от нарративных источников акты документы фиксируют факты отношений собственности, правового положения отдельных социальных слоев, внешней и внутренней политики более непосредственно. Богатое конкретно-историческое содержание документов, являющихся объектом исследования дипломатики, определили большую роль этой вспомогательной исторической дисциплины в формировании общих методов исследования формы и содержания исторических источников.

Однако, вводя в научный оборот все новые, выверенные и тщательно разработанные исторической критикой документы, накапливая большой эмпирический опыт, историки долгое время не осознавали необходимости его теоретического обобщения. Первые попытки рассмотреть методы исторического

изучения представлялись им делом совершенно ненужным и бесперспективным. Именно такая точка зрения была высказана в отношении работы известного немецкого историка И. Г. Дройзена об основах «историки», т. е. методов исторического следования⁵⁷⁵. А между тем и мысль Дройзена об «историке» как особой дисциплине, и его идея о классификации исторических источников как ненамеренных остатков и намеренных свидетельств своей эпохи были важны и впоследствии оказали большое влияние на источниковедческую литературу.

Негативное отношение к самому замыслу подобных работ было высказано и по поводу выхода в свет книги английского историка Э. Фримена о методике исторического исследования⁵⁷⁶. Между тем это была одна из первых попыток обобщения опыта преподавания подобного университетского курса. В книге давалась классификация и обзор важнейших исторических источников, ставился вопрос о специфике изучения научных фактов в исторической науке в отличие от наук естественных. Преимущества исторического метода автор видел в том, что историк ближе подходит к изучению причин интересующего его факта. Позднее, когда в 1897 г. французские ученые Ланглау и Сеньобос на основе своего опыта преподавания в Сорбонне поставили перед собой задачу написать работу о методике исторического исследования, им пришлось немало внимания уделить доказательствам в пользу необходимости подобных работ⁵⁷⁷.

Традиционные вспомогательные исторические дисциплины не были направлены на обобщение методики исследования исторических источников. Каждая из них в отдельности занималась различными особенностями формы или содержания

⁵⁷⁵ См.: *Droysen J. G. Grundriss der Historik*. In: *Droysen J. G. Historik. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte*. München, 1958; об отношении к подобным работам См.: *Ланглау III.-В., Сеньобос III*. Указ. соч., с. 3–5.

⁵⁷⁶ См.: *Freeman E. The Methods of historical Study*. London, 1886.

⁵⁷⁷ См.: *Ланглау III.-В., Сеньобос III*. Введение в изучение истории. СПб., 1898, с. 4–5; см. об этом также: *Ланто-Данилевский А. С. Методология истории*. СПб., 1913, вып. 2, с. 347.

источника, дифференциация дисциплин и методик росла, общности подхода к источнику не складывалось. Однако в конце XIX – начале XX в. положение стало меняться. В ходе философских дискуссий по поводу наук о природе и наук о духе выявилась необходимость более глубокого анализа специфичности исторического знания в сравнении с науками о природе. Возник интерес к теории исторической науки, пришлось задуматься над проблемой: если история не наблюдает непосредственно объект своего исследования, то как возможно историческое познание? В свете этой проблемы исторические документы как свидетельства о фактах прошлого нуждались в систематическом осмыслении, а методы получения фактов из источников должны были стать предметом специального изучения.

Профессор Грейсвильского университета немецкий историк Э. Бернгейм издал в 1889 г. «Учебник исторического метода», который выдержал затем за короткое время шесть изданий⁵⁷⁸. В 1898 г. «Введение в изучение истории» опубликовали Ланглуа и Сеньобос⁵⁷⁹, которое незамедлительно появилось в переводах (прежде всего на русском языке). С этого времени обе книги выдержали ряд переизданий, получили много критических откликов, – без ссылок на них не обходится ни одно последующее издание по методологии источниковедения. Они стали своего рода эталоном позитивистской методологии истории и ее позиций, особенно в отношении исторических фактов и их использования в историческом исследовании.

Книга Э. Бернгейма открывается характеристикой понятий исторической науки и ее связей с другими областями – филологией, политикой, государствоведением, социологией, философией, антропологией, этнографией, естественными науками и

⁵⁷⁸ См.: *Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode*. 1-e ed., Leipzig 1889; 6-e ed., Leipzig, 1908; Neüdruck, New York, 1960; на рус. языке сокращенное; *Бернгейм Э. Введение в историческую науку*. СПб., 1908; см. также: *Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи*. М., 1910.

⁵⁷⁹ См.: *Langlois Ch. V. et Seignobos Ch. Introduction aux études historiques*. Paris, 1897; *Ланглуа III.-В., Сеньобос III. Введение в изучение истории*. СПб, 1898.

искусством. Методологию автор определяет как изложение понятий и знаний о методах науки и ее задачах. В разделах книги рассматриваются четыре аспекта исторической науки – методология, методика, понимание, изложение, взаимосвязанные, как отмечает автор, в исследовательском процессе.

В состав методики Бернгейм включает источниковедение (эвристику), которое собирает сведения о материалах-источниках, и критику источников, в задачу которой входит сортировка материалов и определение их фактической ценности. От методики работы с источниками историк переходит к пониманию (осмыслению) и изложению результатов своего исследования. Вопросы методики освещены обстоятельно, с большим историографическим и библиографическим оснащением. В разделе, посвященном источниковедению, рассматриваются классификация исторических источников и вспомогательные дисциплины истории (в состав которых включены филология, палеография, дипломатика, изучение марок и монет, хронология и генеалогия); даны сведения о хранилищах и собраниях исторических источников с библиографией к ним. Критика источников включает критику внешнюю и внутреннюю, а также интерпретацию источников.

В книге Бернгейма примечательна, с точки зрения последовательного развития источниковедческих концепций, классификация источников. Классификация, т. е. деление множества объектов на четкие логические классы, имеет важное значение в науке не только для упорядочения исследуемых объектов, но и как познавательное средство выявления их особенных черт и свойств. Анализ классификационных схем в источниковедении служит важным познавательным средством изучения различных типов и видов источников, специфики отражения в них исторической действительности⁵⁸⁰. С этой точки зрения несомненный интерес имеет их классификация по степени близости к

⁵⁸⁰ См. об этом также: *Пушкарев А. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; *Медушевская О. М.* О проблемах классификации исторических источников. – Советские архивы, 1978, № 5.

фактам, которую часто связывают с книгой Э. Бернгейма, хотя он, в свою очередь, использовал некоторые положения, высказанные значительно ранее И. Г. Дройзен⁵⁸¹.

В основу классификации источников Дройзен кладет различия в отношении источника и факта: одни исторические факты дошли до нас непосредственно (остатки), другие – в соответствии с намерениями людей сообщить о них, третьи – смешанные (например, вещественный памятник с поясняющей надписью). Таким образом, Дройзен различает три класса источников. Классификация у Дройзена не включала всех видов источников, он и не ставил перед собой подобной цели. Его интересовала возможность показать различные формы отражения факта в источнике.

Э. Бернгейм построил свою классификацию, по его словам, «по степени близости источника к фактам»⁵⁸². В соответствии с этим критерием он выделил результаты непосредственного наблюдения фактов историком и два класса источников: исторические остатки и историческая традиция. Исторические остатки, по Бернгейму, включают: «остатки в собственном смысле» (антропологические и «кухонные остатки» – кьеккенмеддинги) и «другие», к которым отнесены данные языка, жилые строения, все продукты материальной и духовной жизни людей, игры, культы, общественные институты, произведения техники, науки и искусства, акты, реляции, письма. К исторической традиции Бернгейм отнес все, что в той или иной степени содержит сведения о прошлом, является историческим материалом – изобразительным, устным и письменным, а именно саги, анекдоты, пословицы, исторические песни, документы исторического содержания, календари, анналы, хроники, мемуары, биографии, исторические сочинения, а также исторические скульптуры, топографические описания.

Классификация по степени близости источника к фактам играет важную роль в концепции достоверности источника у Бернгейма: для исторических остатков достаточно применения

⁵⁸¹См.: *Droysen J. G.* Op. cit.

⁵⁸² *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. СПб., 1908.

приемов установления подлинности, т. е. если подлинность установлена (вещественный предмет или документ не представляет собой подделки), то он может использоваться для изучения того факта, остатком которого данный источник является. Для исторической традиции, напротив, проверка достоверности признается необходимой: изучаемый историком факт передан не непосредственно, а с помощью свидетельства другого лица (хрониста, мемуариста), и степень достоверности этого свидетельства нуждается в проверке.

Это деление источников на остатки и историческую традицию стало в дальнейшем часто использоваться в источниковедческой литературе. В одних случаях оно использовалось для классификации источников, в других – для критического анализа связанной с этим делением проблемы отношения источника и факта.

Книга Ланглау и Сеньобоса «Введение в изучение истории» приобрела, как уже было отмечено, в последующей историографии большую известность, хотя задумана она была лишь как учебное пособие. Название этой книги и имена ее авторов стали нарицательными для обозначения (чаще всего полемического) позитивистской концепции методологии истории, характерной для буржуазной историографии конца XIX – начала XX в.

Обосновав и аргументировав свою точку зрения на необходимость рассматривать методы исторического исследования как особую тему, авторы поставили ряд вопросов. Как удастся познать прошлое? Что такое документ? Как следует пользоваться документами для исторического сочинения? Что такое исторические факты, как их следует группировать в историческом сочинении? Таковы были те вопросы, к которым они стремились привлечь внимание молодых историков.

Их целью было изложение и логическое обоснование теории действительно рациональных приемов, уже теперь вполне надежной в некоторых ее частях, хотя и не законченной во многих пунктах капитальной важности. Незавершенность отдельных проблем методологии истории, о которой писали авторы, отражала реальное состояние буржуазной историографии того

периода. Когда авторы попытались создать общую концепцию – позитивистскую модель методологии истории, – ее принципиальные недостатки выявились с большой рельефностью.

Книга состоит из трех разделов, в которых соответственно рассматривались: предварительные сведения, аналитические процессы, синтетические процессы. Под общим названием «предварительные сведения» был изложен справочный материал об эвристике, собраниях и коллекциях документов, указателях и каталогах, библиографии, а также приводились сведения о «вспомогательных науках истории». В их числе сведения о эпиграфике, палеографии, дипломатике с дополняющими ее хронологией и сфрагистикой, а в связи с вещественными источниками характеризовалась археология с дополняющими ее нумизматикой и геральдикой.

Среди вспомогательных наук истории различались науки, вполне сложившиеся (как, например, дипломатика и литературная история), и другие – представляющие собой «свод фактов, установленных критикой и облегчающих критику новых документов».

В разделе «Аналитические процессы» рассматривалась методика работы с документами. Значимость этого раздела велика, потому что в авторской концепции документам принадлежит центральное место. «Документ – единственный источник исторического знания. История пишется по документам. Их нет – нет и истории» – таков один из основных тезисов книги⁵⁸³. Документы определяются как следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей⁵⁸⁴. Более конкретно авторы имели в виду письменные источники, главным образом нарративные, с которыми, как им представлялось, чаще всего приходится иметь дело историку; для них они и разработали свою методику.

Авторы считали, что, поскольку факты в истории не поддаются эмпирическому наблюдению, одну из главных частей

⁵⁸³ *Ланглюа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории, с. 13, 174 и др.

⁵⁸⁴ Неопределенность понятия «след» ввиду его многозначности послужила поводом критических замечаний последующих авторов, начиная с А. С. Лаппо-Данилевского.

исторической методологии составляет детальный анализ умозаключений, ведущих от отыскания документов к установлению фактов. В отличие от вещественных документов след, оставленный событием в письменном документе, – это еще не сам факт, а лишь «условное отражение того впечатления, которое произведено событием на ум очевидца». Поэтому главным признается выявление того отношения, которое существует между документом и фактом, о котором документ сообщает. Основное в выявлении этого отношения – установление причин, в силу которых возник документ. Существуют два этапа изучения источника. Первый этап – внешняя критика, в задачи которой входит восстановительная критика (выбор надежного текста) и критика происхождения (выяснение, откуда документ происходит, кто его автор, к какому времени документ относится). Второй этап – внутренняя критика, в задачи которой входит критика толкования (т. е. выяснение истинного смысла, вложенного в документ его автором) и отрицательная внутренняя критика достоверности (отрицательная потому, что она должна отбросить недостоверные сведения).

Критика происхождения документа имеет целью выяснить сведения об условиях, в которых действовал автор документа. Главное внимание уделяется проверке достоверности, во время которой определяется искренность автора и точность передачи им фактов. Внутренняя критика должна руководствоваться двумя главными правилами: первое – необходимо исследовать каждое свидетельство с целью удостовериться, можно ли ему верить, и второе – каждое свидетельство документа нужно рассматривать отдельно (например, в акте о продаже отдельно проверяются данные, сообщающие время, место, сведения о продавце, покупателе, предмете, цене, условия договора). Что касается проверки искренности автора, то в книге рассматриваются условия, которые могли повлиять на автора, например стремление к практической выгоде, стремление следовать литературным этикетам и др., и выявляется, был ли автор точен в передаче фактов (например, автор не имел возможности наблюдать факт и т. п.).

Проверка достоверности дополняется на следующем этапе сопоставлением установленных фактов. Она имеет целью выявить, в какой мере факты, о которых свидетельствуют источники, согласуются друг с другом и не вступают ли они между собой в противоречия, ставящие под сомнение их достоверность. В итоге проведенного источниковедческого анализа, по мысли авторов, должна быть выявлена определенная сумма единичных, вполне достоверных исторических фактов.

Следующий этап исторического изучения характеризуется в книге под названием «синтетические процессы». Он имеет целью показать, каким образом историк может связать разрозненные факты в общую картину. Раздел этот с особой ясностью выявляет несостоятельность позитивистской методологии, которая может предложить на этапе исторического синтеза лишь элементарную группировку фактов, например по хронологическому, географическому, логическому и т. п. признакам в определенные ряды или серии. Ничего общего с выявлением реальных связей одних исторических явлений с другими, необходимым для подлинного исторического синтеза, подобная систематизация, конечно, не имеет.

Рассмотренные нами книги привлекли в свое время внимание ученых именно к общим вопросам методов работы историка с источниками, с историческими фактами, заставили задуматься над тем, какое место в профессиональном аппарате историка должны занимать источниковедческие аспекты, какие ему нужны сведения и знания по вспомогательным историческим дисциплинам. Эти книги, написанные университетскими профессорами, шире вводили в оборот понятия «источник», «документ», «источниковедение», «критика источников», сведения об исторических хранилищах (в том числе архивных документов), различных видах письменных, устных и вещественных источников.

Буржуазная историография конца XIX – начала XX в., базировавшаяся на позитивистской и неокантианской методологии, получила в работах Бернгейма, Ланглау и Сеньобоса определенную модель методов исторического изучения, разумеется,

упрощенную, но в то же время достаточно общую, чтобы стали рельефнее ее главные черты. Эти авторы подвели определенные итоги, обобщили методику изучения источников, получения исторических фактов, насколько это позволял им сделать их опыт как профессиональных историков и университетских профессоров, обучавших методике исторического исследования. Но они не могли предложить новых идей и стремились дополнить и модифицировать свою концепцию то богатым библиографическим и справочным материалом по историографии и источникам, то психологическими и конкретно социологическими тестами проверки достоверности свидетельств источников.

Появление этих работ стало историографическим фактом в развитии источниковедения: профессиональная методика явилась предметом специального изучения и размышления, что само по себе было новым. Количественное соотношение общих и конкретных работ по источниковедению в то время хорошо отражено в библиографическом указателе «Источниковедение всеобщей истории»⁵⁸⁵: он содержит тысячи названий самых разнообразных конкретных источниковедческих работ и едва только десятков работ по общей проблематике.

Полезность обобщающих трудов о методах исторического изучения, а для нужд университетского образования даже их необходимость, стали осознаваться все глубже. Об этом, например, говорит факт появления ряда работ, главным образом задуманных как учебные пособия, в университетах ряда стран. «Когда я начал свои занятия в Копенгагенском университете, – вспоминал впоследствии в своей книге «Историческая техника» датский историк К. Эрслев, – было очень мало указаний для тех, кто хотел стать историком, и нам, молодым, приходилось действовать, чтобы стать им, самостоятельно, на свой страх и риск...»⁵⁸⁶. Эрслев отмечал впоследствии большое влия-

⁵⁸⁵ См.: *Herre P. Quellenkunde zur Weltgeschichte. Ein Handbuch. Leipzig, 1910.*

⁵⁸⁶ См.: *Erslev K. Historische Technik. Die historische Untersuchung in ihren Dar gestellt. München und Berlin, 1928, S. 2.*

ние на него работ по исторической критике источников, проводившихся в Берлинском университете.

Высоко оценивая полезность и библиографическую оснащенность книги Э. Бернгейма, Эрслев отметил в то же время ее недостатки концепционного характера. Он высказал, в частности, свои возражения против классификации источников на два класса – исторические остатки и историческую традицию. Он верно отметил, что традиция не составляет особого класса источников, поскольку каждый источник прежде всего является остатком культуры своего времени. Не составляют в этом смысле исключения и те источники, которые по классификации Бернгейма должны быть отнесены к исторической традиции. Так, например, исторические хроники – это прежде всего остаток культуры того времени, когда эти хроники создавались. Отказавшись таким образом от бернгеймовской классификации, автор предлагает иную: остатки людей и природные; изделия (продукты всех видов, которые производились людьми прошлого); факты современной жизни в той мере, в какой они позволяют получить сведения о событиях прошлого.

Выступая против абсолютизации деления источников на остатки и традицию, Эрслев писал: «Короче говоря, в XIX веке об исторических источниках учили, что вся историческая традиция несет отпечаток субъективного восприятия ее авторов, в то время как, напротив, все, что дошло до нас из старины (остатки)... более достоверно. Эта мысль была естественна потому, что и сами источники делились на две группы – традицию и остатки»⁵⁸⁷. Но разве не ясно, продолжает Эрслев, что каждое свидетельство само представляет собой остаток. Саксонские хроники свидетельствуют об истории сражений, но сама Хроника – остаток времени Вальдемара. Это историк использует ее свидетельства.

Несколько иначе рассматривалась проблема отражения в источниках исторических фактов в работах известного румынского историка А. Ксенополя⁵⁸⁸. Ксенополь считал, что в отличие

⁵⁸⁷ См.: *Erslev K.* Op. cit., 1928, S. 6.

⁵⁸⁸ См.: *Xenopol A. D.* La théorie de l'histoire. Paris, 1908; см также *Zub Al.* Xenopol A. D. Bibliographie. Bucuresti, 1973.

от исторических материалов (материальных остатков), документы, независимо от цели их создания, всегда являются осознанными (намеренными) свидетельствами. Они требуют поэтому не только проверки подлинности, но, для правильного понимания переданных ими фактов, и проверки достоверности. В соответствии с позитивистской методологией исторического познания он придавал особое значение индивидуальным специфическим особенностям исторических фактов и потому считал важным и перспективным сближение истории и психологии.

В работах по методологии исторического изучения рассматриваемого периода были, таким образом, выявлены некоторые стороны сложной источниковедческой проблемы отражения фактов действительности в источниках и степень влияния автора источника на достоверность их передачи в источнике. Poleмика по проблеме классификации источников интересна именно с этой точки зрения. Авторы классификационных схем слишком жестко связывали свойства отражения фактов лишь с определенными типами источников, не учитывая сложности проблемы и ее связи с природой исторического источника в целом. Обогащаясь новыми данными, источниковедение еще не складывалось в единую систему знаний об источниках.

Таким образом, обобщение работы по методологии истории конца XIX – начала XX в. выявило существенные недостатки и пробелы позитивистской методологии исторического изучения. Обобщенная модель этапов исследовательского процесса (этапы критики источников, выявление частных фактов и их синтез) оказалась особенно уязвимой с позиций методологии и теории как исторического факта, так и исторического процесса в целом. Отсутствовали конструктивные идеи исторического синтеза, проявлялись разрыв между выявлением частных фактов и их обобщением и ряд других факторов, которые отражали несостоятельность идеалистической методологии истории. Детальный анализ всей имеющейся литературы по проблеме методов исторического изучения, проведенный русским

историком-источниковедом А. С. Лаппо-Данилевским⁵⁸⁹, привел его к вполне обоснованному выводу о том, что методология источниковедения до сих пор не представляет цельного и систематического учения.

Источниковедение исторической науки требовало более специального, более систематического изучения. Новое, что внес А. С. Лаппо-Данилевский в развитие источниковедения, заключалось прежде всего в разработке концепции методологии источниковедения как цельного и систематического учения. Методология источниковедения Лаппо-Данилевского является в теоретико-познавательном отношении наиболее цельной, логически завершенной концепцией, которая была предложена в буржуазной историографии. Методологию истории он рассматривал как состоящую из двух составных частей: методологии источниковедения и методологии исторического построения. Много сделав для того, чтобы методология источниковедения предстала как цельное и систематизированное учение, автор определил ее задачу как установление тех критериев, на основе которых историк может считать себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно существовал.

В концепции автора логически определена и согласована система понятий источниковедения – природа исторического источника, классификация (главнейшие виды, деление источников на классы по степени пригодности для изучения данного рода фактов), историческая интерпретация, историческая критика; им показано значение исторических источников. Концепция Лаппо-Данилевского теоретически охватывала все источники прошлого и настоящего. Он рассматривал восприятие историком знаковых (обозначающих) и изображающих факты действительности источников, значение источника как факта и значение свидетельств источника о фактах.

Теоретик и систематик по природе, Лаппо-Данилевский логически точно определил свои позиции, обосновывал

⁵⁸⁹ См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1911–1913, вып. 1–2.

собственную стройную и продуманную методологию истории и источниковедения. Но в рамках его гносеологической теоретико-познавательной концепции не нашлось места для генетического подхода к источнику, зависящему от условий и форм общественной жизни. В его книге, богатой примерами из практики историографии, археологии, искусствоведения, литературоведения, истории психологии и криминалистики, он ни разу не обратился к дипломатике, а ведь именно в его семинарах по дипломатике изучали генезис и формы актовых источников его студенты, которым читался и курс методологии истории. Казалось бы, было логично подкрепить примерами из дипломатики изложение теоретических положений методологии источниковедения, но этого не произошло.

Идеалистическая концепция источниковедения Лаппо-Данилевского цельна и последовательна, и тем яснее выразилась в ней методологическая природа присущих ей противоречий. Методология источниковедения Лаппо-Данилевского не раскрывает социальной природы источника, в ней не находится места вопросам формирования его формы и содержания, а именно такой подход открывает возможность обогащения теории практикой исследования.

Лаппо-Данилевский строил свою концепцию методологии источниковедения в гносеологических рамках познавательного процесса, в центре которого находится познающий субъект – историк. Но эта строго продуманная, логическая и отточенная во всех определениях концепция тем яснее отразила невозможность создать научную методологию источниковедения на идеалистической базе. Методология источниковедения в рамках гносеологии с позиции познающего субъекта – историка – не раскрывает истинной природы исторического источника. Она не может установить, как соотносится источник с той объективной реальностью, в которой он возник. В действительности же, содержание источника неразрывно связано с условиями и обстоятельствами его возникновения – временем, местом, социальными отношениями, идеологией и психологией его автора, и вне этих условий не может быть понято и интерпретировано. В то же время надо отметить, что связь источника с обстоятель-

ствами его возникновения в практике исторического исследования уже давно была замечена и в определенной мере использовалась. Примером может служить дипломатика, которая опирается на форму и структуру акта, изучает их особенности в их развитии.

Работы по методике исторического изучения ярко отразили типологию источниковой базы западноевропейской историографии рассматриваемого периода и такие ее особенности, как недостаточная изученность источников нового и новейшего времени, избирательный интерес лишь к определенному кругу проблем преимущественно политической истории, ограниченных хронологическими и региональными рамками, неразработанность методики исследования новых видов исторических источников.

Обзор источников по истории нового времени представлен в книге Г. Вольфа «Введение в изучение новой истории»⁵⁹⁰. Здесь даны характеристики источников по видам, даны сведения о публикациях и библиография источников. Отмечая новизну этой работы, современники подчеркивали в то же время неразработанность таких направлений, как дипломатика актов нового времени, эпистолярных и некоторых других видов источников.

В последующих специальных изданиях нашло отражение дальнейшее расширение источниковой базы истории. Значительное место вопросам характеристики источников уделялось в «Введении в изучение истории» В. Бауэра⁵⁹¹. Обзор источников занял три главы; в нем нашли отражение вопросы изучения публицистических источников, переписки. Более полно характеризовались и вспомогательные дисциплины, в особенности — прифтоведение, палеография, эпиграфика, книговедение, языкознание и историческая география. Основные вопросы методики работы с источниками были даны в традиционном плане: рассматривалось содержание подготовительной и внутренней критики источников.

⁵⁹⁰ См.: *Wolf G.* Einführung in das Studium der neueren Geschichte. Berlin, 1910.

⁵⁹¹ См.: *Bauer W.* Einführung in das Studium der Geschichte. Tübingen, 1921. Neudruck, 1960.

Бурное развитие социально-экономической жизни общества меняло состав документов: увеличилось число машинописных документов; в западноевропейские архивы стали поступать специфические документы, незнакомые архивисту-палеографу, – бланки телеграмм, радиogramм, фотодокументы; создаются крупные экономические архивы. Все это меняло традиционную типологию источниковой базы в начале XX в. и требовало разработки новых приемов исследования⁵⁹².

3.2. Буржуазная историография в период с 1917 г. до начала 60-х годов и переоценка концепций традиционного источниковедения

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, углубился кризис буржуазной историографии. Осознание несостоятельности старой позитивистской методологии истории, потребность в новых конструктивных идеях, обновлении методов и расширении кругозора историка становятся все более заметными⁵⁹³. Живой интерес, острую полемику вызывают взгляды молодых буржуазных историков, которые стремятся обогатить проблематику, методы подхода к источникам, выдвинуть новые идеи в историографии.

Стремление превратить буржуазную историографию, занимавшуюся ранее по преимуществу событиями политической и военной истории и психологической мотивацией действий выдающихся исторических личностей, в подлинную науку, способную охватить полностью социальные явления действительности, нашло яркое выражение в работах Л. Февра и М. Блока – основателей школы Анналов, получившей свое название от журнала «Анналы экономической и социальной истории».

⁵⁹² Об этом см.: *Старостин Е. В.* Архивное дело в странах Западной Европы к началу XX века и зарождение международного сотрудничества. – Советские архивы, 1982, № 3, с. 67.

⁵⁹³ См.: *Тарле Е. В.* Во Франции. Беглые впечатления. – В кн.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле / Сост. В. А. Дунаевский, В. И. Дурновцев, Е. И. Чапкевич. М., 1981, с. 72–73.

Пересмотр методологических концепций буржуазной исторической науки в работах 20–30-х годов касался познавательных функций истории, ее принципов и методов исследования. Но прежде всего этот пересмотр затронул те проблемы, которые в позитивистской историографии были наиболее слабо представлены, – тематику, представления об объекте исследования в исторической науке.

Новые представления об истории как всеохватывающей науке, изучающей в единстве все эпохи в истории человечества, выявляющей связи экономики, политики, общественных настроений, стремящейся показать их влияние друг на друга, требовали новой тематики и предъявляли иные требования к источниковой базе. Цельный, синтезирующий подход, о котором мечтали Февр и Блок, предполагалось осуществить с помощью использования методов ряда других наук: географии – для выявления материальных условий и влияния окружающей среды на образ жизни и хозяйственную деятельность; психологии – для изучения умонастроений, верований, чувств и эмоций людей прошлого; экономики; статистики.

Новые задачи исторической науки связывались в условиях буржуазной методологии с тем, чтобы с помощью методов ряда наук подойти к восприятию взаимосвязанных, между собой разных сторон человеческого бытия, к целостному охвату объекта исследования. Прогресс исторического познания в буржуазной историографии стал ассоциироваться с интеграцией методов исследований и быстрым расширением состава используемых для познания прошлого исторических источников.

Пересмотр исторических концепций в выступлениях Л. Февра прежде всего касался ее проблематики, объекта исследований. Идея его состояла в том, чтобы рассматривать историю человечества более комплексно, более полно, беря объект исторического исследования в его целостности, в его связи с материальными условиями существования людей. Уже в книге «Земля и эволюция человечества»⁵⁹⁴ он обратился к вопросам, связанным с влиянием материальной географической среды на

⁵⁹⁴ См.: *Febvre L. La terre et l'Evolution humain. Introduction géographique a l'Histoire.* Paris, 1922.

образ жизни людей и характер их труда, на то, как географические условия формируют определенные типы путей сообщения, землепользования, образования и размещения городов. В свою очередь М. Блок, исследуя аграрную историю французского феодализма, стремился проводить анализ общественных структур в связи с экономикой, производительными силами, географическими условиями, влиявшими на образ жизни и характер труда.

Для буржуазной историографии это был новый подход, требовавший соответственного изменения источниковой базы. Февр и Блок утверждали свои взгляды в полемике, остро высмеивая историков старых школ, в псевдонаучных концепциях которых отсутствовали живые люди, действовавшие в реальных материальных условиях. «Я имел основания писать в 1932 году, – вспоминал Февр в предисловии к переизданию книги М. Блока, – что их крестьяне обрабатывают только картулляри, и притом хартиями вместо плугов»⁵⁹⁵.

Более полно, нежели позитивная программа нового подхода к истории, в работах историков школы Анналов отражена критическая, негативная: это была критика, направленная против установок позитивистской методологии истории. Критике подверглись такие аспекты позитивистской историографии, как упрощенное представление о единичных, «неделимых» фактах, узость ее источниковой базы, представленной главным образом письменными источниками ранних исторических эпох; ограниченный европоцентризм концепции мировой истории. Формулируя новые требования к историческим исследованиям, историки школы Анналов отмечали необходимость соответственно расширить и обогатить подготовку историка к его профессиональной работе. Позднее, публикуя сборник своих работ 20–30-х годов, Февр определил их главное направление как «битвы за историю», дав сборнику статей именно такое название⁵⁹⁶.

⁵⁹⁵ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957, с. 25.

⁵⁹⁶ См.: *Febvre L. Combats pour l'Histoire*. Paris, 1953; 2 ed., Paris, 1965.

Слабость теоретического мышления, узость проблематики, сведение задач исследования исторического процесса к описательному фактографированию, ограничение кругозора историка лишь теми эпохами в истории человечества, которые оставили о себе письменные свидетельства, – вот что видели Л. Февр и М. Блок за знаменитой формулировкой Ланглау и Сеньобоса «история создается по документам».

В глазах Февра последователи Сеньобоса тормозили развитие исторической науки. Снова и снова Февр обращается к критике формулы «история создается по документам», отмечая, что, хотя она и донныне не исчерпала своих достоинств (в том смысле, что в ней заключена законная гордость честного труженика и эрудита и его право бороться против лживых и легковесных работ⁵⁹⁷), буквальное ее понимание приводит к отбрасыванию дописьменной, «самой длинной главы в истории человечества», к неправомерному сужению круга источников, могущих служить историку. Возражая Сеньобосу, утверждавшему, например, что ранний период истории России не может быть изучен «за отсутствием» документов и событий, Февр возмущенно писал: «Восседая на огромном ворохе грамот из бычьей кожи, которые вы называете своими документами, вы провозглашаете: история десяти веков непознаваема? Извините! Она именно познаваема. Все, что выработано учеными, занятыми не только транскрибированием текстов, но и восстановлением прошлого при помощи конвергентных дисциплин, историк обязан использовать и написать эту историю, а не лепетать испуганно, что ничего нельзя поделать»⁵⁹⁸.

Л. Февр давал весьма широкое определение понятия исторического источника, считая, что историк должен использовать «все, что было у человека, зависело от человека, изобретено или обработано им, а также отмечает присутствие, вкусы и формы бытия человека». Февр соответственно расширял круг вспомогательных дисциплин, дающих возможность извлечь из источника необходимые сведения. Задача историка, отмечал он, – заставить

⁵⁹⁷ См.: *Febvre L. Combats pour l'Histoire*, 2 ed., p. 4–5.

⁵⁹⁸ См. *ibid.*, p. 75.

немые вещи рассказать о человеке, обществе, воссоздать при помощи ряда специальных дисциплин сведения, восполняющие пробелы в письменных документах. Историк должен уметь «использовать все: слова, знаки, пейзаж и черепицу, формы полеводства и сорняки, экспертизу камня геологом и анализ металла сабли химиком». Но расширение круга исторических источников, по мысли Февра, диктуется не только необходимостью изучения дописьменных эпох в истории человечества. Не менее важным является введение в научный оборот источников, связанных с изучением новых аспектов исторического прошлого, прежде всего экономической истории, которую нельзя понять «только по документам, написанным на пергаменте или бумаге, не зная техники». Исследователь должен овладеть приемами анализа данных статистики, демографии, психологии и т. д. Столь же широко толковал понятие исторического источника М. Блок. «Все, что человек написал, создал, все, чего он касался, может и должно сообщить о нем»⁵⁹⁹, — писал он.

Выдвижение на первый план новых значительных проблем, в первую очередь социально-экономической истории, и в связи с этим постановка по-новому вопроса о круге исторических источников, о системе вспомогательных исторических дисциплин, отвечающих новым задачам исторической науки, является бесспорной заслугой Л. Февра. Свообразие мировоззрения Февра, испытавшего на себе определенное влияние марксизма, и в то же время идеалистическая основа понимания им вопросов методологии истории, приводившая к релятивизму, определили позиции, с которых этот ученый вел борьбу против обветшавших догм теории исторического знания. Однако и эта борьба против узкого профессионализма, боязни теоретических обобщений, против кабинетной подготовки молодого историка для работы «при закрытых дверях и завешанных гардинах» сыграла большую роль.

Под воздействием диалектико-материалистического понимания истории и развития социальной действительности уже

⁵⁹⁹ Bloch M. Apologie pour l'Histoire ou le métier d'historien, 6 ed. Paris, 1967, p. 27.

многие западные историки 20-х годов XX в. ощутили несостоятельность позитивистской историографии. В дальнейшем в западной историографии усилилась критика позитивистской концепции исторического факта с субъективистских позиций. Субъективистская философия истории выступает против представлений о реальности исторического факта «событийной истории», абсолютизирует зависимость исследуемого факта от изучающего его историка.

Абсолютизация субъекта в процессе исторического познания вообще и в работе с источниками в частности проявилась в произведениях английского философа и историка Р. Дж. Коллингвуда. Главный труд Коллингвуда «Идея истории», опубликованный в 1946 г., вызвал большой интерес и внимание к поставленным проблемам⁶⁰⁰. Позитивизм, историю компилятивного типа Коллингвуд высмеивает как «историю ножниц и клея», где готовые выдержки из источников связываются поверхностной, прежде всего хронологической, последовательностью изложения. Акцент на познавательной активности субъекта, подчеркивание логической природы метода исторической науки – важный момент в его критике позитивистской историографии.

Для научной истории, подчеркивал Коллингвуд, не существует готовых источников, а есть лишь фактические данные, которые историк интерпретирует, умело применяя логику постановки вопроса и отыскания ответа. Историк должен вмешиваться в повествование источника тремя способами: он выбирает одни данные, опуская остальные, он интерполирует то, о чем они не говорят прямо, и, наконец, он подвергает источник критике, отбрасывая дезинформацию и ложь. На всех этих этапах познавательной деятельности реализуется автономия мысли историка – отбирая, он упрощает, систематизирует, оставляет то, что считает существенным. Он отбрасывает недостоверное, руководствуясь собственными критериями достоверности. Таким образом, историк признает себя главным авторитетом: история обретает соответствующий ей метод, когда историк

⁶⁰⁰ См.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

помещает свои источники как бы на место свидетеля и затем, путем перекрестного допроса, получает из них информацию, которую исходные свидетельства скрывают либо потому, что не желают ее дать, либо потому, что не располагают ею⁶⁰¹.

Коллингвуд высоко оценивает значение неписменных источников. Что же касается письменных источников, то им сделан акцент лишь на их логическом анализе, т. е. фактические данные выступают только в качестве исходных для окончательного логического вывода. Автор по-своему ставит вопрос об основании для выводов историка о событиях прошлого. По Коллингвуду, таким основанием является все, что позволяет историку ответить на интересующий его вопрос. Чтобы сделать понятной свою главную мысль, Коллингвуд проводит аналогию с детективом, выясняющим «кто убил Джона Доу». Если вопрос поставлен правильно, для детектива в качестве доказательства могут служить самые различные факты, предметы, следы или их отсутствие и т. п. – весьма разнородная совокупность вещественных доказательств.

Важно подчеркнуть, что, проводя подобную аналогию, Коллингвуд не ставит вопроса о том, что же представляют собой источники, на основании которых делаются научные выводы: речь идет о фактических данных, а они, в свою очередь, являются собирательным понятием для тех вещей, которые по отдельности называются документами.

Одной из главных идей книги Коллингвуда является утверждение научности исторического изучения, он стремится подчеркнуть активную роль историка в ходе исследования⁶⁰². Историк в той мере заслуживает звание ученого, в какой стремится мыслить логически, осмысливая фактические данные, формулируя проблему и добиваясь ответа на поставленный вопрос. Коллингвуд дает острую негативную критику «истории ножниц и клея», имея в виду исторические сочинения, представляющие собою некритическую сводку фактов и цитат из

⁶⁰¹ См.: Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч., с. 226.

⁶⁰² См.: Кисель М. А. Р. Дж. Коллингвуд – историк и философ. – В кн.: Коллингвуд, Идея истории. Автобиография, с. 454.

исторических документов. Однако абсолютизация логических возможностей историка в процессе исследования составляет в то же время наиболее уязвимую сторону его концепции. По его мнению, критерий истины познания историк несет в себе самом. Вне его концепции оказались такие проблемы, как объективная реальность социальной действительности, специфика отражения ее в историческом источнике, методы и критерии познания общественных явлений.

В 40–50-х годах в западной историографии в центре внимания оказались вопросы не столько истолкования исторического процесса, сколько методологии исторического познания. Многие представители западной историографии констатировали, что «сегодня история повернулась к философии». Ученые, пользующиеся методом логической структуры, которого они не знают, заслужили сравнение с ремесленником, не умеющим починить или усовершенствовать свой станок. «Здоровье научной дисциплины, – писал французский историк Марру, – требует со стороны ученых беспокойства о методологии, заботы о теории того знания, которое применяется ими»⁶⁰³.

Обращение историков к методологии и философии истории являлось необходимым этапом и определялось потребностями исторической науки, оно было связано с расширением ее проблематики и того круга источников, с которыми необходимо было работать.

Позитивистская концепция приходила во все более очевидное противоречие с практикой историка. Позитивизм долго держал историков и их собратьев из точных наук в уверенности, что их дело – возделывать свой участок. Наше ремесло – тяжеловесное, оснащенное техникой вспомогательных знаний. Оно долго развивалось в русле узкоспециальной мысли. И вместо того чтобы помочь бороться с этой односторонностью, позитивизм давал ей свое обоснование. Долго удерживал свои позиции и позитивизм во французской историографии: «Когда я прибыл в Сорбонну, – вспоминал Марру, – я был встречен

⁶⁰³ См.: *Marrou H. I. De la connaissance historique*. Paris, 1959, p. 11.

ослабевшим уже, но по-прежнему убежденным голосом старого Сеньбоса. Позитивизм оставался во Франции официальной философией ученых»⁶⁰⁴.

Критика позитивистских концепций велась представителями «критической философии истории» с субъективистских позиций. Большое влияние на буржуазную историческую мысль оказала идеалистическая концепция немецкого философа В. Дильтея, сущность которой состояла в противопоставлении наук о природе и наук о духе и соответственно из двух методов: рационального анализа объекта и иррационального его толкования. Задача историка, по Дильтею, сводилась к воспроизведению чужого переживания. В то же время немецкие философы Виндельбанд и Риккерт с позиций неокантианства развивали идею генерализирующих и индивидуализирующих методов.

Эти субъективно-идеалистические концепции оказали большое влияние на школу «критической философии истории». Ее критика позитивизма была направлена не только против узкой односторонности позитивистской методологии истории, но и против убеждения историка в возможности с ее помощью добиться позитивных результатов, реального знания. Как ни узка была концепция внешней и внутренней критики источников, она основывалась на той посылке, что знание о прошлом в принципе достижимо и следует лишь совершенствовать методику исследования. Именно эта убежденность вызывала со стороны критической философии истории особенно горькую иронию. Французский ученый Э. Дардель в своей книге «История – наука о конкретном»⁶⁰⁵ писал, что причина возрастающего недоверия к позитивизму – «трагические противоречия нашего времени, времени чрезмерного напряжения». Глубокому пересмотру подвергся вопрос о месте исторической науки, самого историка перед лицом общественных противоречий. «Наше поколение, – писал Дардель, – увидело Событие вышедшим за пределы исторических книг. Август

⁶⁰⁴ См. *ibid.*, p. 13.

⁶⁰⁵ См.: *Dardel E. Histoire, science du concret.* Paris, 1964.

1914-го, сентябрь 1939 года – за эту четверть века Событие возобновило свою агрессию против человека. Настоящее оказалось одиноким, без корней, пред лицом пустоты. Тогда-то и начались для каждого мучительные поиски путей в ночи». В свою очередь, Марру с насмешкой вспоминает об историках прошлого века, которые чувствовали себя, как короли: они «все знали» – и как читать Илиаду, и многое другое. Но XX век пришел «в грохоте и пламени. Иллюзии сторели в огне реальности», – сетует Э. Дардель.

Специфику объекта исторического исследования сторонники критической философии истории пытались выявить, апеллируя к тому факту, что объект этот принадлежит прошлому. Реальная методологическая проблема познания прошлого сводилась к абсолютизации отношения сознания историка и того сознания, «которого уже нет». В работе французского философа П. Рикера «Объективность и субъективность в истории»⁶⁰⁶ этот вопрос рассматривался на примере определения исторического источника как следа прошлых событий, а исторического знания как знания через его посредство. Определение источника как следа мыслей и чувств людей прошлого было дано еще в работе Лангтуа и Сеньобоса. Оно затем использовалось в западной историографии для определения понятия исторического источника, причем само понимание следа не конкретизировалось. Бельгийский историк П. Арсен, например, рассматривал источники как следы, которые остаются от исторического факта⁶⁰⁷. Использование термина «след» для определения исторического источника находим и в ряде других трудов по методологии истории.

Рикер дал субъективистскую трактовку этого понятия. Работа с источником сводится им к реконструированию сознания, выраженного в документе; причем главную роль играют при этом субъективные возможности историка. Реконструкция в процессе исследования сводится к тому, что историк, выдвигая

⁶⁰⁶ См.: *Ricoeur P. Histoire et verite.* Paris, 1955.

⁶⁰⁷ См.: *Harsin P. Comment on écrit l'histoire.* Ziège, 1933, p., 13. *Histoire et ses Méthods.* Paris, 1966, p. 1247.

рабочие гипотезы, ставит вопрос, как бы заставляющий документ свидетельствовать. Этот процесс исследования возводит след в ранг значащего документа и придает прошлому значение исторического факта. Рикер считал, что документ становится таковым лишь тогда, когда историк поставит перед ним свой вопрос. Историк, если можно так выразиться, учреждает документ со времени своего наблюдения. Тем самым он институирует и исторический факт. Рикер считает, что не только в историческом изучении, но и в других науках под фактом понимается лишь то, чего достиг исследователь в его изучении.

Подчеркивая специфические трудности исследовательской работы историка, Рикер останавливается на тех качествах, которых требует его профессия. Историк должен обладать особым родом воображения, редким даром приближать нас к историческому прошлому, все время сохраняя историческую дистанцию, точнее, все время создавая в уме читателя представление об удаленности, временную глубину. Временное перенесение есть одновременно, как отмечает автор, перенесение в другую индивидуальность, принятую как центр перспективы. Как видим, определение понятия источника, документа играет в концепции Рикера важную роль. Релятивистские выводы его концепции связаны с определением исторического источника как следа, а точнее, лишь как средства познания прошлого.

Необходимо напомнить, что в основе понимания исторического источника в марксистском источниковедении лежит объективный характер природы исторического источника. Исторический источник – это прежде всего результат целенаправленной человеческой деятельности, и в качестве такового он возникает (а затем и функционирует) объективно, т. е. независимо от сознания, намерений и представлений будущего историка. Разумеется, только историк может выявить отраженные в источнике реальные социальные факты. Здесь вступают в действие такие факторы, как мировоззрение историка, его профессиональная подготовка: здесь важно состояние данной области науки и та совокупность фактов, которой она располагает. Но это не может служить основанием для абсолю-

тизации возможностей историка. Он реализует в своем исследовательском труде те реальные возможности познания прошлого, которые заложены в объективной природе исторического источника.

Абсолютизация специфических особенностей исследовательского процесса работы с историческим источником становится в концепции Рикера звеном в его движении к релятивистским выводам. Начав свою работу «Объективность и субъективность в истории» с положения о том, что мы ждем от истории объективности в изображении прошлого, он шаг за шагом подходит к мысли о невозможности ее достижения средствами исторической науки. Рикер отмечает невыполнимость позитивистского требования копирования, фактографического фотографирования объекта изучения и достигает убедительности в своей негативной критике.

По его мнению, задача историка состоит во внесении интерпретирующей схемы в факты прошлого. Таким образом, писал французский историк Шатле, критикуя концепцию Рикера, «объект истории исчезает. Нет более событий, героев, развития, причинности и даже самих периодов. Остается в целом нечто аморфное и таинственное, что, конечно, было чем-то, но теперь представляет собой лишь повод для изящных конструкций, в которых каждый историк находит возможность утверждать себя и выявлять свои личные качества»⁶⁰⁸.

Взгляды Рикера показывают, что в рассматриваемый период в субъективистской концепции истории и социологии наметилась определенная тенденция к пересмотру традиционной теории буржуазного источниковедения в сторону отрицания самой возможности разработки научных методов критики источника. Если марксистское источниковедение критически оценивает и использует все то прогрессивное, что сумела достичь историческая наука и практика исторического исследования в течение веков, то совершенно иным является отношение к положениям традиционного источниковедения со стороны представителей

⁶⁰⁸ *Chatelet F.* Non, l'histoire n'est pas insaisissable. *Nouvelle critique*, 1955, p. 59.

критической философии истории. Это субъективистско-идеалистическое направление проповедует агностицизм, непознаваемость законов истории и иррационализм.

Наиболее законченное выражение отрицания познаваемости объективных законов нашло в книге А. Марру «Об историческом познании»⁶⁰⁹ и других его работах. Избрав в качестве объекта критики ряд реально существующих слабых сторон теории позитивистского источниковедения, автор пытался поставить под сомнение саму возможность постижения исторической наукой объективного, достоверного знания. Как правильно отметил Ф. Шатле, «для начала Марру берет в качестве противников позитивистских эрудитов с их рабским преклонением перед фактом, с их частой методологической наивностью и, удовлетворившись этим бесславным триумфом, отбрасывает разом все усилия по созданию научной истории»⁶¹⁰.

В книге Марру много иронических замечаний высказано в адрес позитивистских методик анализа источников, и особенно «теории методического недоверия», как он называет методику проверки достоверности свидетельств Ланглау и Сеньобоса. Ее несовершенство, частая неприменимость на практике служит для автора аргументом для доказательства невозможности установления реальности факта, поводом для высказывания против любой концепции, в которой исторические изыскания концентрируются на установлении реальности факта, т. е. человеческих действий, констатируемых объективно⁶¹¹. Он иронизирует по поводу того, что позитивисты считают главным критическую мысль, а методическое недоверие – отправной точкой науки.

Если традиционное источниковедение останавливалось на анализе, т. е. установлении отдельных частных фактов – свидетельств источника, то в концепции Марру главное внимание уделяется интуитивному пониманию существа источ-

⁶⁰⁹ *Marron H. I. De la connaissance historique. Paris, 1959.*

⁶¹⁰ *Chatelet F. Op. cit., pp. 59–60.*

⁶¹¹ *Marron H. I. Op. cit., p. 107.*

ника как целого – существа, толкуемого им с субъективно-идеалистических позиций. Вся проблема критики, пишет он, это сумма операций (которым историк подвергает документ, перед тем как его использовать в работе познания прошлого), сводящихся в окончательном виде к определению природы, существа этого документа. Вместо негативной анкеты критики (установить, чем документ не является, не обманывается ли автор, не лжет ли и т. п.) ему кажется более полезным определить понимание документа.

Однако это понимание у Марру имеет идеалистический смысл; для его достижения нет нужды прибегать к научным приемам исследования. Если научное источниковедение приходит к оценке содержания, значения источника и его места среди других источников в результате изучения конкретно-исторических условий, в которых возник документ, сочетая при этом критические приемы проверки достоверности и происхождения с обобщающей оценкой полноты и значения содержащихся в нем сведений, то Марру предполагает достичь понимания документа интуитивно: поскольку документ существует, он обладает неким бытием, которое постигают определением через понимание и благодаря симпатии.

Марру в качестве альтернативы исторической критики свидетельств выдвигает свою теорию иррационального интуитивного понимания источника. Идеи о «симпатии», о «понимании» как методе исследования источников настолько усиливает субъективно-идеалистический характер его теории исторического знания, что Марру не остается в конце концов ничего другого, как признать, что процесс изучения прошлого основывается в конечном счете на «акте веры». С тех же позиций критикует Марру теорию Сеньобоса о методе проверки достоверности путем сопоставления свидетельств, согласования источников и согласования фактов внутри них. Изложив суть данного метода, он пишет: против этих принципов ничего нельзя возразить, кроме того, что они почти всегда неприменимы на практике. Марру подчеркивает относительность всякой возможности достижения достоверных знаний: «Независимость свидетелей? Но

как же мы можем утверждать, что они независимы? Согласование нескольких свидетельств? Но как мы можем быть уверенными, что свидетели говорят об одном и том же событии? Даже если свидетель занимал удобное место для наблюдения, я не могу быть уверенным, что он не пропустил момент события, о котором он рассказывает». Для Марру признание относительности человеческих знаний на определенном этапе развития науки влечет за собой релятивистский вывод о том, что историческая наука неспособна постичь объективную истину. История – «акт веры», утверждает Марру, ничего нельзя противопоставить «гиперкритикам», если они станут оспаривать факт существования Наполеона или Декарта. «Собственно говоря, мы не можем, – пишет он, – ни обнаружить у наших гиперкритиков действительно ложных заключений, ни опровергнуть их реальными, обязательными очевидностями»⁶¹². Таков печальный итог его «теории исторического знания».

Хотя в буржуазной печати можно встретить весьма положительные отзывы о работах Марру⁶¹³, характерно, что среди большинства историков его взгляды не встретили сочувствия. Такая реакция вполне естественна, ибо трудно представить себе настоящего историка, который мог бы согласиться с теорией, отвергающей историю как науку, и отказаться от самой мысли критического исследования источников.

Французский историк Ж. Лефевр, например, полемизируя с Марру, утверждал ту мысль, что история есть знание; что она стремится к истине; что историка нельзя приравнять к поэту, интуитивно схватывающему неповторимые черты человеческой индивидуальности. Историк препарирует материалы при помощи эрудиции, технических приемов и методов анализа; нельзя согласиться с тем, что историческое знание улавливает только единичное, что исторический факт невосстановим, объективность – химера, а история субъективна⁶¹⁴. Возражал Лефевр и против теории понимания между объектом исследования и историком как главным методе работы послед-

⁶¹² *Marrou H. I. Op. cit., pp. 137–138.*

⁶¹³ См., напр.: *La nouvelle revue française. 1956, Juin, pp. 1063, 1072.*

⁶¹⁴ См.: *Revue historique. T. CCXVII. 1957, Juil. – Sept., p. 228.*

него. Такое понимание, определяемое лишь вкусом и желаниями историка, легко перерастает в тенденциозность, давая возможность отбирать и комбинировать факты любым образом, подчеркивал Лефевр.

С критикой взглядов Марру выступил и историк-позитивист А. Пиганьоль. Как и Лефевр, Пиганьоль не принял положения о «вере» как необходимом условии познания прошлого, о том, что историческое знание – в конечном счете не наука, а «акт веры»⁶¹⁵. Характерен и отзыв французского историка Ш.-Э. Перрена. В рецензии на издание «История и ее методы» он уделяет внимание критике взглядов Марру на методы работы историка, подчеркивая, что для исследователя они не могут быть приемлемыми. Перрен не соглашается прежде всего с тем, что Марру, по существу, подменяет изложение вопросов методики анализа источников и их источниковедческой критики перечислением тех индивидуальных качеств, которыми должен обладать историк. Марру утверждает, пишет автор, что эти качества состоят в даре симпатии и критическом уме (причем Марру явно подчиняет критический ум симпатии), не раскрывая понятия первой и не объясняя, как примирить необходимость научного анализа с этим иррациональным порывом симпатии. Перрен же считает, что подобное понимание сущности исследовательской работы доводит субъективизм Марру до предела, и подчеркивает, что все эти вопросы порождают сдержанность со стороны историков и они остаются верными заветам Ланглюа и Сеньобоса⁶¹⁶.

Последовательная критика методологических основ субъективно-идеалистических концепций буржуазной философии истории осуществлялась в рассматриваемый период историками-марксистами. В 1961 г. Научный центр марксистских исследований во Франции впервые провел ставшую теперь ежегодной «Неделю марксистской мысли». Один из диспутов был посвящен проблеме «Историк и эпоха» и проходил под названием «Историк перед лицом своего времени»⁶¹⁷. На диспуте обсуждались

⁶¹⁵ См.: *Piganiol A. Qu'est-ce que l'Histoire?* – *Revue de Méthaphysique et de Morale*. Paris, 1955, Juil.-Sept., p. 149.

⁶¹⁶ См.: *Perrin Ch.-E. L'histoire et ses méthodes*. – In.: *Journal des savantes*. 1962, Juil. – Sept., p. 149.

⁶¹⁷ См.: Вопросы истории, 1962, № 10, с. 189–190.

возможности и задачи научного подхода к явлениям современной социальной жизни. Французский философ-марксист Жорж Коньо уделил большое внимание проблеме раскрытия научного значения марксистского диалектического метода для познания объективных законов истории, а также критике буржуазной философии истории. Он отметил, что возражения против необходимости для историка изучать современную эпоху имеют своей методологической основой агностицизм, отрицание познаваемости исторических процессов. Он подчеркнул, что историки-марксисты полностью заинтересованы в истине, в познании объективных законов истории.

Пересмотр основ классического буржуазного источниковедения с позиций агностицизма и отрицание возможности постичь объективную истину средствами и методами исторической науки являются одним из проявлений кризиса буржуазной исторической науки, проявляющегося и в сфере специальных исторических дисциплин. Бесперспективность подобных построений, ведущих к ликвидации истории как науки, очевидна и для многих ученых-немарксистов, стремящихся к дальнейшему развитию теоретического и особенно практического источниковедения. Определенные достижения современного буржуазного источниковедения, приведшие к значительному расширению круга исторических источников различных видов, вводимых в научный оборот, к совершенствованию приемов и методов источниковедческой работы, основывающихся на богатейшем многовековом опыте развития исторической науки в области специальных исторических дисциплин, бесспорны. Критическое использование этого опыта может и должно послужить дальнейшему развитию научной теории источниковедения.

Современная историческая наука с ее разнообразным кругом источников, четко выраженным стремлением к более глубокому пониманию взаимосвязи различных сторон общественной жизни не может удовлетвориться теми приемами исторической методики, которые были разработаны на уровне позитивистской историографии прошлого века. Современная буржуазная историография дает большой материал для критики старой методики, отражая ряд попыток преодоления ее узких рамок. Ар-

гументация этой критики разнообразна, наблюдения часто тонки и остроумны, обобщают широкий источниковедчески-историографический материал. Однако блестящая по форме критика носит, по существу, лишь негативный характер. Общий ее смысл отражает неверие в возможность создать теперь, при усложнившихся методах работы историка, современную, научную теорию источниковедения.

В том, что создать «нового Ланглау и Сеньобоса» невозможно, были согласны бельгийские историки Ж. Дондт и Р. ван Кенгем и философ Ш. Перельман, выступавшие в ходе организованной Социологическим институтом в Брюсселе дискуссии под общим названием «Размышления и выступления историка»⁶¹⁸. В ходе той же дискуссии бельгийский историк Ж. Стенжер посвятил этому вопросу выступление «Единство или различие исторической критики»⁶¹⁹.

Сформулированная им проблема может быть названа одной из центральных в теоретическом источниковедении. Действительно, обсуждение вопроса о диалектическом единстве метода исторической критики, с одной стороны, и многообразия его практического применения к различным видам источников – с другой, было бы полезным делом. Автор не входит, однако, в рассмотрение методологического аспекта проблемы. Он сосредоточивает внимание на применении требований исторической критики в практике современной буржуазной историографии. Ж. Стенжер определяет критику как сумму приемов, которые историк применяет к своим источникам, как письменным, так и другим, с целью дать оценку элементам, при помощи которых реконструируется прошлое. Правила исторической критики, строго кодифицированные в соответствующих пособиях и

⁶¹⁸ См.: *Dhondt I. Histoire et reconstitution du passé.* – *Revue de l'Institut de sociologie.* Bruxelles, 1963, № 4; *Caenegem van, R. C. Méthodes et problèmes de la recherche historique, particulièrement dans la domaine de l'histoire de moyen âge.* – In: *ibid.*; *Perelman Ch. Objectivité et intelligibilité dans la connaissance historique.* – In: *ibid.*

⁶¹⁹ См.: *J. Stengers. Unité ou diversité de la critique historique.* – In: *Raisonnement et démarches de l'historien.* *Revue de l'Institut de sociologie.* Bruxelles, 1963, № 4.

«никогда не меняющиеся», указывают историку пути, которыми он должен следовать в своей работе, формулируют вопросы, которые он должен поставить при изучении источника. Констатируя, что существует мнение об идентичности правил исторической критики для историков всех школ и направлений, Стенжер выступает с противоположным тезисом, доказывая, что «в реальности сегодняшнего дня» требования критики различны в зависимости от сфер ее приложения. Конечно, оговаривается он, во всех случаях остаются основные фазы: критика происхождения, интерпретация, критика достоверности и т. п., но содержание этих этапов работы, включая способы трактовки источника, и обобщения, и построение гипотез, – все это в различных секторах историографии меняется и понимается по-разному.

От чего же зависит, по мнению автора, это разнообразие в практике применения источниковедческой критики? Главным он считает состояние источниковедческой базы, ее полноту и сохранность. Историки нового времени отбрасывают, как сомнительные, десятки источников, как они это делают, например, с мемуарами при изучении взглядов Дантона. Историки, работающие в кругу проблем, богатых источниками, говорит автор, могут себе это позволить. Но если подобные суровые требования критики будут применены исследователями по истории античности, средних веков, то своим коллегам они покажутся Атиллою, оставляющим за собой пустыню.

Вся серия предварительных операций – восстановление текста, датирование, установление подлинности, интерпретация – осуществляются по проблемам истории ранних эпох с глубиной и тщательностью, часто отсутствующей у историков, исследующих более поздние периоды. И однако, решая вопрос о достоверности, о возможности использования показаний источника, они вынуждены снижать свои критические требования. Проблема уникального источника – вот что заставляет их выдавать «широкие индульгенции» своим материалам. В качестве примера приводится использование апологетических данных Эйнгардта о личности Карла Великого, а также другие примеры, не выходящие, впрочем, за пределы проблематики

политической истории и деятельности выдающихся исторических личностей.

Стремясь далее распространить свои выводы на область более широкой проблематики, Стенжер обращается к критике приемов использования законодательных источников исследователями по истории ранних эпох, которые пользуются ими, не пытаясь выяснить, применялось ли это законодательное положение на практике.

Сложнейшая проблема критериев проверки достоверности и приемов научной критики сведена у Ж. Стенжера лишь к изучению состояния источниковедческой базы. Не раскрывая проблемы научной критики источников по существу, он придал проблеме историографический, а не методологический характер. Речь идет не о том, возможно ли в принципе единство методов научной критики, – отвечая на этот вопрос отрицательно, автор не приводит аргументов по существу проблемы. Его аргументация состоит в том, что, как показывает опыт буржуазной историографии, такого единства не существует на практике. Однако при взятом историографическом аспекте проблемы нельзя было уклониться от анализа методов современной историографии в работе с историческим источником. Такой аспект проблемы чрезвычайно интересен. Ведь, например, отмеченная автором тенденция к преимущественному использованию законодательных и вообще нормативных источников в ущерб данным о реальном ходе исторического процесса заслуживает изучения, выяснения ее причин.

Далее Стенжер считает, что различие в уровне требований к достоверности источника может быть объяснено, например, психологическим состоянием историка, который располагает единичными источниками. Кроме того, истощив свои силы критикой древнего текста, труднее отбросить его, нежели свидетельство, не требующее усилий интерпретации. Перечитывая бесчисленное число раз древний текст, историк проникается его концепцией и, наконец, начинает верить каждому слову. Главная причина различной требовательности к источнику – «боязнь пустоты», стремление создать связанное историческое повествование. Отсюда – снижение требований к источникам

уникального характера, без которых эта задача окажется невыполнимой. Выработка единых требований исторической критики кажется Стенжеру поэтому утопической мечтой; вопрос, на какой основе можно прийти к единству требований, остается для него неразрешимым.

Так же построена аргументация и других историков, считающих невыполнимой задачу создания единой теории и достижения единства практики источниковедения на современном уровне развития буржуазной исторической науки, Ж. Дондта, Р. ван Кенгема и др. В их работах отмечается ряд реально существующих недостатков историографической практики, когда историк, стремясь создать связное и цельное повествование, не ставит читателя в известность о состоянии источниковедческой базы, не раскрывает документальную обоснованность приводимых фактов, когда историк гипнотизирует читателя фразой об использовании «всех имеющихся источников», не задумываясь над тем, какая часть документации в целом сохранилась, доступна исследованию и т. п.

Таким образом, к началу 60-х годов были подняты серьезные вопросы об источниковедческом уровне исторических исследований, их документальной базе. Специфика работы историка состоит, в частности, в его зависимости от наличия источников, которые время и случай сохранили, уничтожив другие, возможно, более ценные. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что различные стороны жизни общества и деятельность различных его социальных групп с неодинаковой полнотой отражаются в письменных источниках. Существует ряд проблем в истории человечества, которые в связи с состоянием источниковедческой базы пока не могут быть выведены за пределы более или менее спорных гипотез. Одна из важных задач историка состоит в раскрытии перед читателем состояния источниковедческой базы своей проблемы, показа документальной аргументированности данных. Критика Стенжера в адрес современной буржуазной историографической практики в этом плане своевременна и необходима, поскольку она способствует повышению источниковедческого научного уровня исследований.

Однако такая критика не является достаточной для доказательства принципиальной невозможности выработки единой теории источниковедения, единых требований ее осуществления на практике. Сущность проблемы единства теории источниковедения в буржуазной историографии не раскрыта. Решение этой проблемы неразрывно связано с необходимостью анализа природы исторического источника, а как раз этот вопрос буржуазными источниковедами в данной связи не рассматривался. Цельная теория источниковедения возможна лишь при условии внутреннего единства метода, обусловленного материалистическим пониманием и исторического процесса, и природы исторического источника.

Ж. Стенжер, развивая свою идею о повышении критических требований к достоверности источника, провозглашает принцип «все или ничего» – либо источник достоверен и может быть использован, либо нет, и тогда его следует выкинуть в корзину для бумаг. Но если подходить к источнику не только как к свидетельству о ряде фактов, свидетельству, возможно, и недостоверному, но как к материальному результату человеческой деятельности, средству достижения практической цели, то можно увидеть в нем характерные черты времени, которые этот источник в себя вобрал. При таком подходе и подложная иммунитетная грамота монастырю может послужить источником, содержащим достоверные сведения о времени, в которое она возникла.

О специфических трудностях восстановления исторической картины посредством источников пишет Дондт⁶²⁰. Он останавливается на реально существующих трудностях работы историка, изучающего прошлое, недоступное непосредственному наблюдению, при помощи неполных, неточных, а иногда и заведомо неверных свидетельств. Широко аргументированная идея автора сводится к следующему: современники событий – создатели исторических источников – располагают неполной информацией, они захвачены потоком событий, среди которых

⁶²⁰ См.: *Dhondt J. Histoire et reconstitution du passé. – Revue de l'Institut de sociologie. Bruxelles, 1964, N. 3.*

трудно отделить истинно важное от второстепенного; оценки их субъективны. Напрасно поэтому искать в источниках отражения объективных связей между событиями и явлениями. Историк может брать из источников только факты, констатацию, но отнюдь не объяснения, мотивацию и отражение зависимостей и связей между событиями. Об истинной важности тех или иных явлений может судить только историк, располагающий более полной и всесторонней информацией, а главное, находящийся в иной точке исторической перспективы, откуда может наблюдать не только причины, но и следствия.

Оценка степени важности исторических фактов поэтому является, по мнению Дондта, «функцией последующей эволюции». Отсюда следует вывод, что исследователь, лишенный исторической перспективы, относительно событий своего времени столь же беспомощен в ее оценке, как и любой другой его современник. Знание прошлого никакой теоретической базы ему не дает.

Дондат затрагивает, таким образом, комплекс сложнейших вопросов исторического познания, связывая их непосредственно с вопросом о роли исторического источника. Он высказывает много верного о трудностях исторического познания, однако, будучи абсолютизированными, представления об этих трудностях приводят автора к явно неверным выводам.

Можно согласиться с Дондтом, подчеркивающим роль историка и определяющее значение его мировоззрения в процессе синтезирования разрозненных фактических данных при воссоздании реальной картины прошлого. Нельзя, однако, видеть характер представлений современников об обществе статически, одинаковым для всех исторических периодов. Расширение и углубление знаний и представлений о движущих силах общественной жизни является поступательным процессом, вступающим в качественно новый этап в период открытия марксистско-ленинской наукой подлинных законов общественного развития, когда становится возможным научное исследование жизни общества в его прошлом, настоящем и будущем. Без историка, без философа нет истории как науки. Но каково

же место источников в воссоздании прошлого, в изучении жизни общества? Действительно ли они дают историку лишь россыпь фактов и ни малейшего намека на реальные связи между ними?

Ж. Дондт говорит о роли источников, так же как М. Стенжер о единстве научной критики, обходя главную проблему, в обоих случаях общую, — о природе исторического источника. Вопрос о роли источника рассматривается им только в плоскости исторического познания. Но как справедливо считают ученые-марксисты, источник создается не в процессе познания, а в процессе целенаправленной деятельности людей, в ходе исторического процесса, и то, что становится для историка источником информации, в свое время служило достижению реальных практических целей. Ограниченные исторической перспективой своего времени, располагающие неполной и даже дезориентирующей информацией современники, однако же, знают не так уж мало о своем времени, в котором они живут и действуют. Источник отражает поэтому меру понимания его создателем условий и взаимосвязей реальной жизни общества, и постоянную корректировку этого понимания практикой жизни, и процесс его непрерывного обогащения.

Все это для историка не менее важно, чем констатация внешней, событийной стороны истории. Весь вопрос в том, в чем видеть значение источника, как отобрать среди источников те, которые с наибольшей полнотой освещают интересующие исследователя стороны жизни прошлого. Исторические источники, взятые в их совокупности, во всем их богатстве и многообразии, с пониманием многогранности отразившихся в них сторон жизни, дают исследователю, вооруженному научным мировоззрением, реальные предпосылки для изучения исторических явлений в их объективно существующих диалектических взаимосвязях.

Внимание современной буржуазной историографии привлекла проблема соотношения аналитической и синтетической стадий в работе с историческим источником. В старом буржуазном источниковедении вопрос о синтезе, как известно, не стоял — источниковедческий и аналитический этапы работы

историка понимались как синонимы. Разложив содержание источника на составные части, зафиксировав отдельный факт, источниковед-позитивист уже более не возвращался к источнику в целом.

В действительности же работа не может остановиться на этой стадии. Существует этап синтеза источника. Понимание источника в целом, достигаемое предшествующим анализом отдельных его частей, его оценка, более глубокое понимание источника как историографического, идеологического, психологического явлений своего времени, выявление его связей с другими источниками – вот содержание этого этапа работы. Работа источниковеда идет от общего ознакомления с источником, его текстом, происхождением, авторством, историей создания к детальному анализу содержания и затем, на более высоком уровне, вновь к оценке содержания и значения источника в целом.

Главное не в том, нужен ли этап синтеза, а в том, каково должно быть его содержание и методы его достижения. Понимание источника как целого требует подхода к нему не только как к индивидуально-психологическому явлению, но прежде всего как к явлению социологическому.

Французский историк П. Вилар отмечал, что социологическая критика познания, в отличие от «внутренней критики» старых историков, не представляет образ мыслей автора источника как нечто неизменно абсолютное, зависящее только от данного индивидуума, не сводит образ мыслей к непосредственному выражению тех или иных материальных интересов (как иногда думают), а ищет первопричину в социальной среде и обстановке данного исторического момента. Это и позволяет не упустить ни философского, ни текстологического аспекта анализа⁶²¹. Такой подход к источнику как к историческому явлению дает возможность понять его содержание как совокупность действующих факторов, обеспечивает конкретный анализ конкретного источника.

⁶²¹ См.: *Vilar P. Histoire sociale et philosophie de l'histoire*, In. *La Pensee*. Т. 118, 1964, déc.

Источниковедческие вопросы рассматриваются в современной буржуазной историографии не изолированно, а как одна из проблем методологии истории. Поэтому тенденции развития буржуазного источниковедения могут быть поняты лишь в связи с теми процессами, которые происходят в методологии истории в целом. Английский историк А. Коббен в работе «Размышления об историческом методе»⁶²² убедительно говорит о необходимости отказа от эмпиризма и описательства, о значении в историческом исследовании социологической теории, дающей теоретическую базу конкретно-историческим исследованиям. Становится очевидным, констатирует автор, что научное решение проблемы объяснения истории не может быть найдено вне связи с общей концепцией исторического процесса, в отрыве от социологической теории. В буржуазной науке сильной и «несомненно возрастающей» является тенденция к объяснению исторического процесса путем апелляции к социологическим законам; Коббен же, не являясь ее сторонником, пытается найти третий путь. Он призывает историков покинуть «обе позиции» и искать выход из методологических противоречий в разработке новых исторических понятий, совершенствовании терминологической интерпретации источников.

Тенденция к отказу от понимания исторических явлений как специфических и единичных находит в историографии начала 60-х годов все больше сторонников; повысился интерес к поискам таких методов работы, которые могут привести к открытию «значущих закономерностей». Мы отказываемся понимать историю как науку единичного, писал бельгийский историк П. Лебрэн⁶²³. Его коллега М. Кребек считал, что индивидуальное явление, единственное в своем роде и неповторимое, по существу, не имеет и причины, ибо оно не может быть поставлено в связь с другими однородными явлениями. Именно поэтому, считал он, история, чтобы стать наукой, должна сосредоточить свое внимание на повторяющихся фактах. Кребек критикует ограниченность историографического определения исторического

⁶²² См. об этом: Вопросы истории, 1965, № 8.

⁶²³ См.: *Lebrun P.* Structure et quantification. – In: *Raisonnement et démarches de l'historien.* Revue de l'Institut de Sociologie. Bruxelles, 1963, N 4.

факта как данного априорно, без малейшей попытки доказать его специфичность сравнением с другими фактами⁶²⁴.

Дондт, сравнивая историков «старых школ» со сторонниками «концепций более новых», констатирует, что различие между ними состоит в том, что для первых всякая эволюция представляется частной и специфической, в то время как последние видят в каждой эволюции, помимо специфического, нечто существенно общее и сосредоточивают внимание на анализе этого общего, стремясь достигнуть более глубокого понимания реальности прошлого.

Дондт отмечает, что возрастание роли теории является тенденцией современной науки. Происходит все усиливающееся проникновение методов смежных дисциплин в новые отрасли исследования; встает задача исследования структуры общественного организма, его взаимодействия как целого. Обойти полностью вопрос о движущих силах развития общества, о «главном моторе социальных изменений» историк не может, поэтому Дондт признает, что главная мечта историков наших дней – открыть пружины, определяющие движение общества, и определить важность реальных событий в их реальном контексте.

Дондт отмечает, что стала более очевидной методологическая ограниченность буржуазной историографии, изучающей различные стороны деятельности общества изолированно. Отсутствие исследования взаимных связей и зависимостей различных сфер человеческой деятельности в процессе развития общества признается им камнем преткновения буржуазной историографии. От буржуазных историков настойчиво требуют решения вопросов: как подойти к установлению существенных закономерностей; как от простого описания событий, разыгрывающихся на поверхности, перейти к исследованию глубинных связей и фактов, определяющих развитие социальных процессов.

Стремясь к более глубокому познанию прошлого, к выявлению объективных критериев оценки исторических явлений, буржуазный историк наталкивается на противоречия, нераз-

⁶²⁴ См.: *Craebeckx M. I.* La notion «importance» à la lumière de l'histoire moderne. – In: *ibid.*

решимые в рамках идеалистической методологии истории. Разнообразные формы осознания этого противоречия, многочисленные попытки преодолеть эмпиризм четко прослеживаются в современной буржуазной историографии. Один из путей преодоления ограниченности буржуазной историографии ряд ее представителей видит в сближении с социологией, в применении «социологического подхода» к изучению прошлого. За такое сближение высказывается бельгийский историк Ж. Крюитоф⁶²⁵.

Однако едва подойдя к вопросу о применении социологического подхода, историк наталкивается на противоречия и трудности, возникающие в связи с состоянием буржуазной социологии как науки. Он убеждается, что содержание, предмет и задачи социологии самими ее представителями толкуются различно. Крюитоф различает историческую науку и социологию по предмету исследования, считая, что история изучает прошлое «во всем его объеме», а социология – настоящее и совсем недавнее прошлое. Неопределенность такой грани очевидна. Возражая Крюитофу, другой бельгийский историк, А. Симон, полагает, что история изучает факты не только прошлого – ибо событие, происшедшее вчера, является объектом истории так же, как событие XII в.⁶²⁶

Ж. Крюитоф противопоставляет далее историю и социологию по методу исследования. По его словам, история придерживается временной рамок изучаемых событий, ограничиваясь (не всегда, но во многих случаях) «описанием последовательности фактов», в то время как социология выходит из хронологических рамок, чтобы сравнить, например, такие исторические события, как революции, с тем, чтобы найти общее объяснение этим явлениям. Впрочем, суждение о буржуазной социологии как генерализующей науке затем снимается самим автором, который констатирует, что социология изучает факты статически, упуская продолжительную временную перспективу; одновременно он отмечает и ограниченность буржуазной историографии, изучающей движение фактов во времени, но при этом

⁶²⁵ См.: *Kruijthof J.* Qu'est-ce que importent dans l'histoire?

⁶²⁶ См.: *Simon A.* L'objectivité en l'histoire. In: *ibid.*

удовлетворяясь лишь поверхностным слоем явлений. Крюитоф выражает надежду, что взаимное сближение истории и социологии обратит внимание исследователей на более широкий круг проблем прошлого, в частности на изучение структур, систем и социальных процессов. Признавая, что для историка главным остается вопрос о движущих силах исторического процесса, Крюитоф в то же время не видит возможности найти определяющий фактор в жизни общества и не питает также иллюзий относительно того, что «социологический подход» сможет оказать в этом отношении историку существенную помощь.

Другой путь преодоления ограниченности буржуазной историографии ученые видели в сокращении зоны единичного и увеличении зоны количественного в исследовании исторических явлений.

П. Лебрен и М. Ж. Кребек, например, стремятся раскрыть перед историками возможности метода количественного анализа. М. Ж. Кребек противопоставляет методы количественного анализа «импрессионистским методам» работы историка, подчеркивает необходимость выявления закономерностей в ходе исторического процесса, выступает против замыкания историка в узких временных рамках. Он считает, что закономерности могут быть выявлены при наблюдении продолжительных хронологических периодов. Выявляя то, что поддается количественному анализу, используя статистико-математические обобщения, историк, по его мысли, сможет проникнуть в понимание причинности, подойти к изучению причинно-следственных связей.

П. Лебрен и М. Ж. Кребек, как и другие сторонники количественного метода, обращают внимание на его большие возможности в таких областях, как экономика, демография, исследование зависимостей различных сфер человеческой деятельности (экономическая конъюнктура и результаты выборов, голод и социальные и религиозные движения и т. п.). Они считают, что количественному анализу могут подвергаться данные не только собственно статистических, но и ряда других массовых источников.

Стремление к расширению зоны количественного анализа, к применению в историческом исследовании статистико-математических методов, к построению моделей зависимостей является важной тенденцией современной науки. Но буржуазная историография, видящая возможности движения по этому пути только в сближении с буржуазной социологией, в применении «социологического подхода», оказывается перед большими трудностями, поскольку последняя не дает для этого теоретической базы. Обширное поле социальной науки разбито на отдельные участки, и разобщенность исследований, их дифференциация растет. Ограничиваясь рассмотрением частных случаев, буржуазная социология не занимается исследованием процесса общественного развития в целом, раскрытием его законов и движущих сил. Буржуазный историк, взявший за основу «социологический подход», также обращается к эмпирике, регистрации явлений. Между тем научный подход начинается не с эмпирического описания отдельных оказавшихся в поле зрения явлений, а с теоретического осознания целого, в данном случае всего общественного организма. Отсутствие подлинно научной философско-методологической базы препятствует и развитию научных методов работы с массовым источником, составляющим базу количественного анализа общественных явлений.

Вопрос о количественном методе анализа исторических явлений – это прежде всего вопрос методологии, вопрос о принципах и методах использования массовых источников. Прежде чем начать подсчеты, необходимо решить вопрос о предмете изучения, выявить качественную однородность данных, сопоставимость, достоверность и полноту источниковедческой базы. При правильном методологическом и источниковедческом решении метод статистической обработки данных массовых источников судит большие возможности. Он широко используется советскими экономистами и историками, которые разрабатывают пути, методы анализа статистических материалов, приемы анализа и обработки данных массовых источников с устойчивым формуляром. В то же время произвольное манипулирование цифровыми показателями (которое имеет место в

буржуазной исторической науке), без учета их происхождения, сопоставимости, достоверности и полноты, может повести не к открытию новых закономерностей, а к прямой фальсификации исторических фактов и зависимостей.

В буржуазной историографии не может не привлечь внимание та оценка, которую дают ей сами буржуазные историки. Представляет интерес обзор литературы по методологии истории, опубликованный уже упоминавшимся автором книги «Об историческом познании» А. И. Марру под названием «Теория и практика истории»⁶²⁷. Рассматривая работы довольно широкого профиля, автор, однако, сознательно не затрагивает публикаций специального журнала «История и теория», так как сосредоточение методологических статей в специальных журналах представляется ему нежелательным явлением, приводящим к дроблению единой исторической науки и снижению ее влияния на развитие современной культуры. Главное внимание Марру уделил обзору французских, английских, немецких и итальянских статей и монографий по историографии.

Марру отмечает возросший интерес к проблеме исторического метода со стороны философов, констатируя в то же время большой разноречивостью в определении соотношения исторической науки и философии истории и их взаимных границ. Он отмечает разобщенность различных направлений исторической науки, изучающих изолированно экономику, политическую историю, историю искусств вместо исследования связей, влияний и противоречий между различными сторонами деятельности общества.

Выделяя основные проблемы, автор считает главными из них две: эволюцию «критической философии истории» (история неотделима от историка – напоминает автор ее основной тезис) и определение места исторической науки в ряду возникших новых социальных наук. Для характеристики современной историографии представляет интерес позиция самого автора, в работах которого критическая философия истории нашла по-

⁶²⁷ См.: *Marrou H. I. La théorie et la pratique de l'histoire.* – *Revue historique*, 1965, Janv.-Mars.

следовательное выражение. Он стремится отграничить критическую философию истории от «скептических следствий», т. е., иначе говоря, смягчить релятивистские выводы, которые с непреложностью вытекают из ее методологических посылок. Марру отмежевывается от «крайностей экзистенциализма», трактуя соотношение субъекта и объекта в исторической науке как подчинение изучаемому объекту исследователя, от которого требуется лишь «слияние» и «сопереживание» с изучаемой эпохой. Марру выражает надежду, что расширение сферы анализа количественных данных и совершенствование статистических методов исследования источников дадут критической философии истории новую почву. Что будет с экзистенциалистами, пишет Марру, если излюбленные ими моральные категории начнут изучаться историками-демографами с помощью статистических методов, которые наилучшим образом покажут эволюцию морали?

Марру отдает дань и критике эмпиризма в подходе к историческим явлениям. Буржуазные историки, как он не без основания отмечает, в трудах по методологии истории до сих пор используют описательные характеристики событий (таких, например, как Гастингс, Ватерлоо, Марафон и др.), как будто историческая наука до сих пор не сдвинулась с уровня «истории битв». Марру подчеркивает значение исторических источников в процессе исторического познания, важность совершенствования методов их изучения. Во многом справедливая критика слабых сторон современных буржуазных работ по методологии истории остается, однако, у А. И. Марру только негативной.

Крайности субъективистской историографии не встретили поддержки специалистов. Известный английский ученый Э. Карр (профессор истории в Кембридже) в книге «Что такое история»⁶²⁸ отмечал, что XIX век был веком факта в том смысле, что провозглашал примат и автономию факта, позитивистское его понимание. В дальнейшем ряд философов подчеркнули субъективизм историка в его отношении к историческому факту, который как бы не существует вне сознания историка. Таким

⁶²⁸ См.: Carr E. What is History? London, 1962.

образом, пишет Карр, выявились две исключаяющие друг друга точки зрения – либо факт, либо интерпретация его, либо история «ножниц и клея», либо история как «исторический роман».

Сам Карр считает эти аспекты не взаимоисключающими, а наоборот – взаимодействующими друг с другом: факт и интерпретация взаимосвязаны, историк – не раб факта, но и не его господин, для интерпретации нужна оценка фактов, факты без историка лишены значения. Эта последняя мысль Карра неверна – задача историка не в том, чтобы наделять факт значением, а в том, чтобы выявлять реальное содержание и значение явлений и процессов. Вместе с тем аргументация Карра направлена на акцентирование сложности взаимодействия между фактами и историком. История, отвечает он на свой риторический вопрос, – это прежде всего процесс взаимодействия между историком и его фактами, диалог между современностью и прошлым.

Карр обращается к реальной истории, он подчеркивает, что горизонты современного историка расширяются: позитивистский культ единичного факта не имеет значения для современных задач исторической науки. В его понятие истории входят: политика как действия миллионов людей (история масс); политические, экономические и идеологические аспекты; соотношение общества и личности. Подобные проблемы создают совершенно иной подход к историческим социальным фактам, к задачам их интерпретации.

Теоретические споры о возможностях истории как науки, в особенности в их субъективистской интерпретации, вызывают необходимость более полно рассмотреть специфику истории как дисциплины, тесно связанной с практикой.

Огромное значение для исторической науки имеет связь с практикой преподавания. На некоторые аспекты этой проблемы обращает внимание английский историк Г. Элтон⁶²⁹. Он характеризует роль практики в выборе цели исследования, в самом его процессе и в преподавании истории. Философские дискуссии, отмечает Элтон, не рассматривают практику исторической науки, а между тем история – наука практическая, где многое зависит от историка. Практика преподавания заставляет каждый

⁶²⁹ См.: *Elton G. The Practice of History. London, 1967.*

раз по-новому решать проблему выбора различных аспектов истории (например, при работе с различными категориями учащихся). Исторический метод нужен всем историкам, отмечает автор, но в практике исследования нужна и различная специальная подготовка – от палеографии до статистики, от знания средневековых обычаев и нравов до современной технологии, необходимо также знание дипломатики и латыни, форм административного управления и норм международного права. Автор прослеживает значение практики на этапах исследования и написания исторического произведения и обучения истории. Он подчеркивает, что на всех этапах важна и сама практическая цель и те формы и способы, при помощи которых она решается.

Рассмотренная нами критика позитивистских взглядов на методiku исторического исследования в буржуазной историографии имела своей главной мишенью ряд методологических недостатков и противоречий (в понимании исторического факта, исторической интерпретации, объяснения узости источниковой базы). Эта критика в то же время способствовала тому, что и сами методы исторического изучения, и прежде всего критики источников, методики вспомогательных исторических дисциплин, стали рассматриваться как нечто устаревшее. Эта тенденция нашла свое отражение в ряде учебных пособий, в которых иногда дается прямая трактовка вспомогательных дисциплин как технических. Так, Сальмон пишет: чтобы достигнуть в изучении истории надежды на успех, знание вспомогательных дисциплин необходимо. Но речь идет, однако, о техническом обучении, а не об энциклопедическом знании⁶³⁰.

Ряд учебных изданий объединяет стремление рассматривать методы работы с источником не в русле методологии истории, а в контексте сведений о подборе литературы, указаний о хранилищах и коллекциях документов, путеводителях, рекомендациях по изложению, цитированию, оформлению справочных сведений. Утилитарный жанр практических руководств для возможно быстрого написания исторических сочинений получает

⁶³⁰ См.: *Salmon P. Histoire et Critique. Sociologie générale et philosophie sociale – Editions de l'Institut de Sociologie. Université Libre de Bruxelles. Bruxelles, 1969, p. 72.*

довольно широкое распространение. В учебном пособии американского ученого В. Грея «Ключ к изучению и написанию истории»⁶³¹ (выдержавшем ряд переизданий), в главе «Критика», внешняя и внутренняя критика прямо относится к техническим терминам истории: внешнее и внутреннее свидетельства – технический жаргон, возникший в Германии под влиянием средневековой схоластики и распространившийся на историю как научную дисциплину. Такое пояснение, сопровождающееся лишь ссылкой на Ланглау и Сеньобоса (в английском издании 1912 г.) и некоторые позднейшие издания, вряд ли обогатит читателя представлением о методике внешней и внутренней критики исторических свидетельств.

В изданиях такого рода не находит отражения проблема отношения источника и факта. Мы видели ранее, какое большое внимание уделяли ей авторы теоретических работ, стремясь передать ее в различных модификациях классификации источников на остатки и традицию (степень близости источника к фактам; намеренные и ненамеренные, осознанные и неосознанные свидетельства; свидетельства источника как факта и его свидетельство о факте и т. п.). В изданиях, подобных учебному пособию Грея, классификация не используется как средство выражения специфики отражения фактов в источнике. Все обстоит как нельзя более «просто»: все материалы делятся на два класса – первичные и вторичные источники, – первые содержат первичную информацию о фактах, вторые передают ее из вторых рук; источники бывают первичные и вторичные (непосредственные и косвенные), или уж совсем некорректно – источники первичные, вторичные и журнальные статьи⁶³².

Ряд изданий выдержала книга профессора истории университета, Огайо, Х. Хокетта⁶³³ «Введение в исследование амери-

⁶³¹ См.: *Gray W.* *Historians Handbook. A Key to the Study and Writing of History.* Boston, 1964.

⁶³² См.: *Crumph C. G.* *History and historical Research.* London, 1928; Reprinted from the original edition in the University of Minnesota, 1974; *Marrwick A.* *The Nature of History.* New York, 1971; *Gauronsky D. V.* *History: Meaning and Method.* Valley community college. Jova, 1967.

⁶³³ См.: *Hockett H.* *Introduction to Research in american history.* New York, 1938.

канской истории», ориентированная на студентов, изучающих историю Америки. Первый раздел посвящен характеристикам библиографий, каталогов, книг, содержащих сведения об исторических данных, указателей периодических изданий и т. п. Большой раздел посвящен критике свидетельств. В этом разделе отмечается, что исторический метод требует наблюдения, выдвижения гипотез, проведения эксперимента. Поскольку историк, в отличие от представителей других наук, лишен возможности непосредственно наблюдать объект своего изучения, ему необходимо критическое изучение свидетельств. Основные этапы критики свидетельств и используемая автором терминология даны традиционно, восходя к руководствам конца XIX – начала XX в. Эти основные положения критики источников разъясняются и иллюстрируются примерами из источников по истории Америки. Рассматривается два этапа критического изучения свидетельств – внешняя, или низшая, критика, изучающая документы, и внутренняя, или высшая, критика, определяющая значение и смысл свидетельств, их доказательность и надежность.

После краткого пояснения, что под документами понимаются рукописи, книги, памфлеты, карты и т. п., Хокеттом даются весьма общие сведения о том, например, что внешняя критика проводит анализ происхождения документов, времени и места их создания, изучает сведения об авторе. Читателю сообщается, что внутренняя критика разделяется на позитивную и негативную. Заканчиваются внешняя и внутренняя критики установлением фактов. В следующем разделе – «Историческое произведение» – рассматриваются в основном вопросы составления предварительного плана, способов цитирования, ссылок и указаний на источники, снова даются справочные данные библиографии.

Книга Хокетта выдержала ряд изданий, и в 1955 г. была автором дополнена и получила новое название «Критический метод исторического изучения и написания»⁶³⁴. Как видим, критический метод дал книге общее название. В каком же направлении

⁶³⁴ См.: *Hockett H. C. The Critical Method in Historical Research and Writing.* New York, 1955.

она дополнена? Глава первая – «Принципы исторической критики» – не изменена по сравнению с прежними изданиями. Вторая глава посвящена практике написания исторической работы и третья – историографии и публикации документов по американской истории. Книга имеет библиографию по вопросам исторического метода и полнее – по американской истории.

Деление источников на первичные и вторичные (непосредственные и косвенные) без всяких пояснений, указывающих на его относительность, дается и в других учебных пособиях по изучению истории. В практике учебных заведений США и других стран весьма частым является факсимильное переиздание старых изданий по методике исторического изучения, предпринимаемое без всяких предисловий, которые позволили бы воспринимать эти работы как историографические факты того времени, когда они создавались. Эта установка также связана с представлениями о методике изучения и написания истории как исторической технике⁶³⁵.

В этих изданиях упрощенно дается классификация источников. Например, «исторические информационные материалы» различаются лишь как первичные (оригинальные источники – дневники, письма, официальные документы, фотодокументы и фильмы) и вторичные (все учебники и монографии как вторичные произведения), и журнальные статьи. Выделение в отдельную рубрику журнальных статей запутывает и без того неточную классификацию источников на первичные и вторичные (учебник и монография при изучении творчества ученого, например, явится именно первичным источником).

Профессор новой истории в Оксфорде Гэллбрайт «Введение в изучение истории»⁶³⁶ излагает по трем направлениям: природа истории и исторические данные; историк и его произведение; исследование в действии (положения первых двух разделов иллюстрируются конкретным примером – исследованием сведений о жизни короля Альфреда). В начале работы автором

⁶³⁵ См.: *Cope E. E.* How to decipher study old Documents. London, 1903; Re-published Detroit, 1974.

⁶³⁶ См.: *Galbraith V. H.* An Introduction to the Study of History. London, 1964.

дается понятие о технических и вспомогательных науках (знаниях) – палеографии, дипломатике, хронологии, географии, генеалогии и геральдике. Затем характеризуются типы материалов. Логически единая классификация типов материалов отсутствует; рассматриваются последовательно документы локальной истории, официальной истории (деятельность королей и правительств). Далее характеризуются такие типы материалов, как архитектура и строения, печати, монеты, газеты, журналы и брошюры, завещания, живопись и портреты, памятники. Затем характеризуются источники информации – справочные сведения о собраниях и хранилищах документов и книг, архивах, музеях, публикациях, об архивной службе Англии.

Рассматривая вопрос о значении источников в работе историка, автор характеризует не только письменные, но и другие типы исторических источников, приводит библиографические данные об источниках английской истории. Гэллбрайт подчеркивает, что историку нужны и непосредственные впечатления, например от наблюдения тех городов и мест, где происходили события, что позволяет понять изучаемое по источникам.

По вопросам критики источников даны основные позиции. Классификация источников изложена, например, в следующем виде: письменные источники традиционно делятся на литературные источники, хроники, т. е. произведения, по отношению к событиям более поздние, и прямые сообщения – документы административные и деловые. Автор при этом отмечает, что все литературные источники испытывают влияние их авторов. Показана и подтверждена рядом примеров необходимость исторической критики источников нового времени. Для этого периода дана и своя классификация источников, включающая государственные документы, официальную документацию, письма, газеты, мемуары. Раздел о технике и вспомогательных науках рассказывает о методах палеографии, дополняемых микрофотокопированием, дипломатике, подкрепляемой примерами о различии грамот по их формулярам.

В работе Гэллбрайт показано значение исторической географии (автор предлагает историку заняться вопросом «в какой

мере история страны определяется ее природными условиями»), прослеживается интерес к новым техническим методам в археологии, картографии, микрофотокопировании.

Во многих отношениях интересна книга директора Любекского архива профессора А. Брандта «Инструментарий историка»⁶³⁷. Автор не ставил перед собой цели разработать новые проблемы научного познания, а стремился создать руководство по вспомогательным историческим дисциплинам для молодых поколений историков. В книге темы сгруппированы по объектам исторического изучения: пространство (историческая география, время (хронология) и человек (генеалогия).

Основное внимание в книге уделено источникам. Здесь интересно прежде всего четкое деление общего источниковедения и специальных источниковедений. Общее источниковедение трактуется как учение об источниках, содержание которого определяется методологическими принципами, а не вспомогательными дисциплинами. Для всех источников действительны правила и требования исторической критики, среди них – и общие филологические методы, выработанные первоначально применительно к литературным источникам. Для периода средних веков и новой истории особенно важны шрифтоведение (палеография), дипломатика и документоведение, а также такие группы источников, как гербы, печати и монеты, публицистика, иконография.

Положения автора об общем и специальных источниковедениях интересны прежде всего признанием связи общих принципов критики источников в методологии. Однако содержания этих принципов в книге не дано. Значение общих принципов источниковедения, их связь с вспомогательными дисциплинами, т. е. проблемы взаимосвязи общего и особенно в методах работы с источниками (а они составляют одну из наиболее важных проблем теории), в книге не раскрываются.

Из теоретических аспектов общего источниковедения наиболее подробно автор останавливается на принципах клас-

⁶³⁷ См.: *Brandt A., von. Werkzeug des Historikers. Eine Einführung in die historischen Hilfswissenschaften.* Stuttgart, 1963.

сификации источников. Он приводит здесь большой историографический материал, разбирая классификации источников, начиная с Дройзена и Бернгейма. Всю полноту источников, пишет автор, стремятся классифицировать, и по этим вопросам в историко-теоретической литературе возникают дискуссии. Главная мысль автора – всякая классификация источников – будь то классификация по материалу (металл, камень, пергамент, бумага), по их смыслу или значению – имеет относительный (релятивный) характер. Иногда теряют из виду, пишет он, что все эти классификации – только средства для целей практики исторического исследования. Поэтому все эти принципы деления относительны и зависят от целей исследования и абсолютной, т. е. философско-логической, классификации исторических материалов дать невозможно.

Основное внимание автор уделяет классификации источников на остатки и традицию (первичные и вторичные), причем акцент сделан на показе относительности этого деления. Так, например, то, что мы принимаем за первичные источники, ими не являются (фото и фильм соответственно – в случаях убийства в Сараево и убийства югославского короля Александра). В свою очередь, первичные и вторичные сведения имеются в любом источнике и различаются лишь по цели исследования.

Вторичные методики в свою очередь могут быть более полными в освещении причин факта или его связей с другими.

Этот акцент на относительности классификационных признаков в определенном отношении весьма полезен: он заставляет читателя задуматься над сложностью проблемы источника и факта. Но нельзя не увидеть в этой концепции принципиальный недостаток: рассмотрение источника лишь как познавательного средства исторического исследования. В этой сфере источник как объективное явление своего времени не рассматривается и потому не может быть правильно и полно изучен. В разделах книги, особенно посвященных дипломатике, связь источника с реальной исторической действительностью выявляется лучше, поскольку там идет речь о видах актовых источников и об учреждениях, в которых документы создавались, и о принципах архивоведения, которые (как принцип

происхождения) связаны не только с источником как познавательным средством, но прежде всего как документом учреждения и архива.

Как и другие работы подобного типа, прежде всего предназначенные для обобщения и передачи определенной суммы знаний новым поколениям историков, книга Брандта, именно в силу своей практической нацеленности и связанной с нею большой обобщенности, а также ограниченности объемом сведений, хорошо отражает концептуальные стороны подхода к проблемам общего и специального источниковедения. Хотя автор не отрицает общих принципов источниковедения, необходимых для всех источников, он не раскрывает этих принципов и их связи с методологией. По существу, профессиональный инструментарий буржуазного историка оторван от его методологии исторического познания.

3.3. Проблемы источниковедения в буржуазной историографии с середины 60-х годов до настоящего времени

Таким образом, в условиях все усиливающегося влияния марксистско-ленинской методологии и в результате исторической практики народов происходит процесс необыкновенной актуализации проблем исторического метода. В современной буржуазной историографии можно найти много свидетельств сдвигов, происходящих в этих условиях в мировоззрении и в психологии буржуазного историка. Становится более очевидным, что существует неразрешимое противоречие между стремлением достигнуть объективного знания о прошлом средствами исторической науки и идеалистической методологией истории. Это противоречие составляет тот фон, на котором предпринимаются поиски буржуазных историков в области исторической методологии.

В практике современной историографии исчезает старое представление о «технике» работы с источником, которая якобы может совершенствоваться вне связи с философией истории, независимо от представлений историка об историческом процессе. Все более осязаемыми становятся взаимосвязанность спе-

циальных источниковедческих вопросов с методологическими проблемами исторической науки. Таков объективный смысл суждений буржуазных историков по поводу отсутствия единства методов анализа источников в современной практике. В связи с усиливающейся тенденцией к изучению взаимодействия различных сторон общественной жизни усложняется и углубляется представление об историческом источнике, становится все более очевидной сложность этого понятия.

Однако вопросы исторического знания, в том числе специально источниковедческие, рассматриваются в отрыве от теории исторического процесса. Так эти вопросы исследовались в старом буржуазном источниковедении, и современные его представители не вносят принципиально нового в представление о природе исторического источника.

В качестве средства выхода из тупика релятивизма в последние два десятилетия в буржуазной историографии получила широкое распространение идея использования междисциплинарных подходов и обогащения методики исследования с помощью технических средств.

Наибольший интерес представляет специальное издание «История и ее методы»⁶³⁸, в котором отразилась современная концепция методов исторического исследования в целом. «История и ее методы» – коллективный труд, в написании различных разделов которого приняли участие видные французские ученые. Этот труд особенно интересен тем, что в нем представлена историческая наука в системе ее профессиональных методов. Книга издана под руководством академика Ш. Самарана, который пишет в предисловии, что «данное произведение, точных эквивалентов которому нет ни в нашей науке, ни на других языках, стремится к обсуждению и уточнению исторических понятий и их объединению, по возможности, в стройную доктрину»⁶³⁹. Рецензент «American historical review», оценивая это

⁶³⁸ См.: L'Histoire et ses Méthodes. Volume publié sous la direction de Charles Samaran, de l'Institut. Encyclopedie de la Pleiade. Paris, 1961.

⁶³⁹ О работах Ш. Самарана См.: *Водов В.* Старейший палеограф мира. В кн.: Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1980.

издание, считает, что оно «с успехом заменит старого Ланглау и Сеньбоса в качестве фундаментального руководства, изучение которого послужит отправным пунктом для превращения одаренного студента в историка»⁶⁴⁰.

В книге представлены приемы и методы, используемые современной наукой в отношении не только письменных, но и вещественных источников, а также фотофонокинодокументов. Книга распадается на ряд больших разделов, в свою очередь состоящих из глав и подглав. Каждая глава имеет библиографию, включающую, как правило, общие работы и новейшую литературу, что придает рассматриваемому изданию ценность справочного пособия по разным вопросам методики исторической науки.

Первый раздел книги – «Время и место» – включает главы о специальных дисциплинах, связанных с проблемами места и времени создания источника: «Времяисчисление, хронология, календари» – о хронологии астрономической и технической, категориях времени, периодах и эрах, «Геоистория» – об идентификации места событий, отношений между географией и историей, геоисторией и исторической географией, а также о проблеме границ, содержании исторической географии и исторической картографии, о картографическом методе в истории.

Далее следует небольшой раздел «Способы информации и великие открытия», состоящий из глав «Информация и передача новостей» (о скорости передачи информации «в век лошади» и «в век машин»), «Развитие исторических изысканий» и некоторых других.

В большом разделе «Методика изыскания свидетельств» характеризуются вспомогательные исторические дисциплины, причем первая часть раздела посвящена «традиционным вспомогательным дисциплинам, изучающим вещественные свидетельства», а вторая – «традиционным вспомогательным дисциплинам, изучающим письменные свидетельства». В первой части рассматриваются современные методы археологии, этнографии, нумизматики, сигиллографии (сфрагистики) и филателии.

⁶⁴⁰ American historical review, 1962, vol. 67, № 3, p. 687.

Вторая часть включает главы «Письменные источники и филология», «Эпиграфика», «Папирология», «Введение в палеографию», «Греческая палеография», «Римская палеография», «Криптография», «Дипломатика», «Ономастика», «Генеалогия» и «Геральдика».

В следующем разделе рассматриваются проблемы, содержание которых не укладывается в понятие «традиционных вспомогательных дисциплин». В главах этого раздела речь идет об источниках, записанных на пленку: фотокинофонодокументах, а также о микрофильмах. Следующий раздел – «Некоторые новые ориентации» – содержит главы: «Лингвистика и история», «Изучение экономики и общества до «эры статистики», «История общественных настроений», а также главу о демографических и статистических данных и их значении для истории нового и новейшего времени.

Раздел «Сохранение и подача экспозиции свидетельств» включает главы об археологических памятниках, музеях, крупных хранилищах книг и архивах, о современных задачах архивов. В разделе даются краткие сведения по их истории, говорится о хранилищах фотокинодокументов, фильмофонофототеках.

Раздел «Критическое использование свидетельств» включает главы о методике исследования вещественных памятников, используемых современной археологией и нумизматикой, о критике текстов, о методике исследований фотокинофонодокументов Ж. Тевено, о подделках памятников письменности и приемах их обнаружения.

Раздел «Некоторые руководящие нити» содержит главы об исторической библиографии (библиография общая и национальная, библиография газет и журналов, развитие исторической библиографии и др.) и главу «Коллективная организация исторических исследований». Заключает книгу глава «О профессии историка».

Как видно, труд «История и ее методы» охватывает весьма широкий круг вопросов, связанных с самыми различными отраслями и аспектами исторической науки. Исходя из задач, поставленных авторами, эту работу можно рассматривать как

определенный результат и обобщение современных теоретико-методических положений и методических приемов, которые считает основными французская буржуазная историческая наука. Книга показывает современное состояние буржуазной исторической науки как результат той эволюции, которую она претерпела со времен Сеньбоса и Ланглау.

Тревога за судьбы развития исторической науки явственно ощущается в предисловии. Не случайно автор начинает его со слов Поля Валери: «История – опаснейший продукт химии интеллекта», противопоставляя ей мысль о том, что «историю следует поставить в число наиболее высоких призваний, которым может посвятить себя человек».

Авторы стремятся утвердить изучение прошлого человечества как знание научное, показать, что историческое познание, имеющее за собой многие века развития, опирается на стройную систему научных приемов исследования. Именно этот подтекст звучит в принципах, которые, по утверждению Ш. Самарана, составляют современный исторический метод. Автор предисловия считает, что история – познание человеческого прошлого, основанное на свидетельствах, – есть дисциплина научная, богатая долгими веками опыта, что история развивается и совершенствуется, как и другие науки; цель и оправдание ее существования заключаются в поисках истины, однако известно, что истина относительна. Несовершенство, присущее приемам работы историка для достижения истины, не должно обескураживать его. Напротив, это является стимулом для того, чтобы постоянно стремиться приблизиться к ней.

Это отправное методологическое положение говорит о многом, однако в нем очевиден релятивистский характер понимания процесса познания человеческого прошлого. Авторы стремятся утвердить историю как науку, но не развертывают убедительной аргументации этого положения.

Методологическим проблемам посвящены две главы, написанные А. И. Марру, – «Что такое история» и «О профессии историка», тесно связанные между собой по содержанию. В первой из этих глав излагается субъективистско-идеалистическая трак-

товка вопросов методологии истории. Другая начинается с критики традиционных методик, представленных в упрощенном виде: «Нет ничего наивнее, чем представлять себе деятельность историка в виде механического процесса непогрешимой производительности, чем-то вроде усовершенствованного станка, в который можно вложить первичные материалы – документы, перерабатывающего их с помощью критического анализа и усилий «интерпретации» и выдающего «исторические факты» с установленным коэффициентом достоверности. Это – карикатурная схема. Труд историка куда более сложен, он содержит на каждом из своих этапов активное вторжение мысли работающего, он говорит о том, что историку необходимы критический ум и дар симпатии. По его словам, «истина в истории всегда основывается в конечном счете на этой связи, очень тонкой, которая устанавливается между структурой прошлого и мыслью, умом, которые ее реконструируют, на этой гармонии взаимности, где все – нюанс, тонкость, сложность». Истина, добытая столь интуитивным путем, не поддается никакой проверке извне, поэтому историк – сам себе судья, а ценность исторической истины основана на внутреннем богатстве историка, его «страсти к истине». Называя историю «наукой единичного», Марру отрицает существование объективных критериев истинности исторического познания.

Для того чтобы установить, каковы взгляды авторов по важнейшим вопросам источниковедения, необходимо проанализировать содержание ряда глав издания, в особенности главу «Критика текстов», написанную Р. Маришальем. Известно, что Ш. В. Ланглау и Ш. Сеньобос ввели в употребление термин «документ», понимая под ним следы, оставленные мыслями и действиями людей прошлого. В том же значении употребляет термин «документ» Р. Маришаль, хотя и отмечает расширение круга документов со времен Ланглау и Сеньобоса, распространение этого термина на «неписьменные следы». В широком смысле употребляет этот термин и Ш. Самаран: нет истории без документов, беря слово «документ» в самом широком смысле (документы письменные, вещественные, переданные посредством звука, изображения или другим способом).

Маришаль подчеркивает, что историк овладевает своей профессией не читая методических трактатов, а изучая труды больших мастеров, активно участвуя в семинарах, где мэтр и студент вместе работают над одним произведением. «Историками становятся, как кузнецами, работая вместе с патроном» (с. 1249).

Первой задачей историка, берущего в руки документ, Маришаль считает восстановление текста. Очень подробно останавливается он на вопросах соотношения текстов оригинала, копий, интерполяций, ошибок копиистов и их причин. В критике происхождения одной из первостепенных операций он считает определение и проверку даты, приводит в качестве примеров ряд документов, имеющих неточную или неполную дату. Задача датировки подлинного документа, пишет автор, – простая задача, если использовать внешние особенности источника (графика, материал для письма, филиграни, расположение листов) и иметь «историка, знающего свое дело». Понятие места автор трактует не только в географическом, но в известной степени в социальном смысле (по среде, в которой создан источник: монастырь, род войска и т. д.). Определение места создания источника автор считает особенно важным для политической и социальной истории. Для этого он полагает необходимым учитывать и данные языка. Основные примеры методики определения авторства даются применительно к литературным произведениям (Рабле, Вергилий). Показано значение в этих случаях анализа языка и стиля автора.

Следующий этап – установление источников информации автора. Подчеркивая, что в традиционном смысле (по Ланглуа и Сеньобосу) вопрос этот понимается узко – был ли автор прямым свидетелем события или описывает его «из вторых рук», – Маришаль называет такой подход недостаточным. В этом случае, по Сеньобосу, говорит он, возможны два варианта: если первичный источник сохранился, то такое свидетельство из вторых рук отбрасывается, если же он утрачен, то свидетельство используется, хотя и с меньшим доверием, нежели сообщение очевидца. Практически же, утверждает Маришаль, подобным

рекомендациям невозможно следовать, ибо не существует такого текста, кроме разве сухих хроник, который воспроизводил бы свой источник совершенно точно, без изменений. Между тем именно в этих изменениях, в особенности передачи, историк и находит много ценных сведений – о самом авторе, среде, которая его окружала, времени создания источника. Источник ценен, даже если это не прямое свидетельство. Как бы ни обстояло дело с правдивостью, источник сам по себе – прямое свидетельство, замечает Маришаль. Если понимать это замечание в том смысле, что источник ценен свидетельством о тех фактах и событиях, которые вызвали его появление, то с автором вполне можно согласиться.

Верны и замечания Маришалья об анализе ошибок. Общие ошибки в описании могут стать признаком установления общих источников информации. При этом следует, однако, учитывать и совпадения, которые могут иметь другую причину – определенный автоматизм мышления, использование привычных стереотипов, например установленных формул в актах, протоколах и других источниках.

От вопросов критики происхождения Маришаль переходит, в соответствии с принятой им схемой, идущей еще от Сеньбоса и Лангтуа, к «критике толкования» (герменевтике). С большой убежденностью он доказывает необходимость свободного владения языком и глубокого понимания смысла текста, учета языковых особенностей среды, к которой принадлежал автор источника, круга читателей, на который он ориентировался, создавая свое произведение. Необходимо также понимать образ мышления, способы выражения, «манеру чувствовать», которая скрывается за той или иной литературной формой. Автор приводит примеры, показывающие необходимость учитывать стереотипы мышления, существовавшие в изучаемое время, принятые литературные формы и формы поведения.

Критика внешняя и критика толкования, пишет далее Маришаль, позволяют понять текст, установить его подлинность, выявить личность автора. Бывает, что критика на этом и заканчивается – в тех случаях, когда исследуется конкретный источник

как таковой (фрески Помпеи, «Диалоги» Платона, «Геометрия» Евклида). Если текст восстановлен, выяснены его источники, преодолены трудности интерпретации, то дальнейшее познание источника имеет границей лишь «одаренность историка». Но чаще критика должна идти дальше, имея целью проверку достоверности или, по Сеньобосу, «критику искренности и точности, определение частных фактов». С этими словами Маришаль приступает к изложению теории «методического недоверия» Сеньобоса, суть которой он передает довольно подробно, хотя и с некоторой долей иронии. «Весь секрет», оказывается, заключается в определенном числе вопросов, которые вскрывают причины погрешности источника против достоверности.

Изагая установившиеся положения источниковедения о необходимости сопоставления источников и согласования фактов как необходимого условия признания их достоверности, Маришаль в отдельных случаях по ходу изложения делает свои критические замечания. Так, возражая против мнения о том, что историк не может основываться на свидетельствах одного источника, он замечает, что в этом случае в истории оказалось бы слишком много белых пятен. «Да и что осталось бы при выполнении этого правила от работ самого Сеньобоса?», – замечает он.

Критика приемов анализа источников, разработанных Сеньобосом, дана в общем виде. Так же как и Марру, Маришаль считает, что она пригодна лишь для изучения нарративных источников, для написания «событийной истории», довольствующейся простейшими фактами. Кратко касается он оценки Сеньобоса в последующей французской историографии, которой он казался «непостижимо поверхностным и устарелым».

Маришаль заявляет, что современное поколение, обогащенное опытом, стало «менее суровым», оно вновь открыло у Сеньобоса «больше разумного, чем принято думать», но тут же солидаризуется с Марру, приводя его формулу из книги «Об историческом познании»: «Ничего нельзя порицать из этих принципов, кроме того, что они почти никогда не применимы на практике».

Маришаль специально не рассматривает вопросы классификации источников. Интересно, однако, отметить его мысли в отношении деления источников на свидетельства «намеренные» и «ненамеренные». Необходимо иметь в виду, поясняет он, стремился ли автор этих свидетельств информировать последующие поколения или не имел такого намерения. «Намеренным» свидетельством считает Маришаль все письменные документы. «Адресуется ли свидетельство к потомкам или к современникам – разница ничтожная. Критерии достоверности будут различными в зависимости от этого обстоятельства, но это второстепенно». Критика им традиционного деления источников на исторические «остатки» и «предания» во многом примечательна.

Маришаль не забывает предостеречь от подхода к изучению источников с предвзятой, заранее намеченной схемой, когда историк ищет в источниках только иллюстрации своих готовых положений и проходит мимо всего того нового или противоречивого, что не укладывается в намеченную схему.

Изложив много ценных наблюдений, тонких замечаний, свидетельствующих о глубоком знании источников, главным образом античности и западного средневековья, Маришаль не формулирует, однако, новых положений в области теории источниковедения. Напротив, в его главе вновь звучат ноты, свидетельствующие о желании уйти в область узкоспециальных исследований. «Мы переполнены синтезом. Толстые книги наводнены идеями. Нам не хватает почти полностью, почти всюду хороших справочников, скромных, научных, удобных для пользования... Дайте нам перечень консулов, министров, свадеб государей, пути следования королей и т. п., но не из вторых рук, а по источникам подлинным и проверенным, пожалуйста! Нам не нужны компиляции, мы хотим критических работ. Это не будет история? Как хотите... Это будут, во всяком случае, книги, очень трудные и более полезные, чем обширные рассуждения».

Жорж Садуль – известный критик и историк кино – в содержательной и интересной, богатой разнообразными примерами главе ставит вопрос о приемах анализа кино- и

фото документов и их значения как исторических источников. Анализируя ценности фотосвидетельств, он показывает, что фотография – не просто свидетельство, воспроизводящее действительность, а источник, который может ее интерпретировать, а подчас даже фальсифицировать. Садуль отмечает возможности фото, которые могут быть использованы для создания фальсифицированных свидетельств: фотомонтаж, ретушь и, наконец, инсценировка. Кроме того, отмечает он, выбор момента, способ фотографирования, масштаб и другие технические средства могут сильно изменять изображение.

Садуль убедительными примерами доказывает свое положение о том, что фотодокумент, как и всякий другой источник, требует проверки достоверности.

Ж. Садуль останавливается также на вопросе о приемах анализа кино документов как исторических источников, причем подчеркивает значение кинохроники, документальных и инсценированных фильмов. Даже кинохроника не должна привлекаться в качестве достоверного свидетельства без критической проверки. Монтаж фрагментов кино пленки уже предполагает отбор, а следовательно, и интерпретацию. Автор указывает на то, что «нужно определить хронику, контролирующую прямо или непрямо правительством, как воспроизводящую официальную точку зрения эпохи, в которую она появилась». Инсценированный фильм может служить историческим источником, если он основан на достоверных свидетельствах. Автор считает, что фото– и кино документы, «подвергнутые критике со всей строгостью... станут в будущем основными источниками для историков нашего XX века», и ставит вопрос о государственном контроле над их сохранностью и учетом.

В небольшой главе, написанной Жаном Тевено, говорится о материалах звукозаписи, некоторых приемах их датировки и необходимости строгой критики достоверности.

Современная историческая наука настоятельно ставит перед вспомогательными историческими дисциплинами задачи расширения круга исследуемых ими источников и хронологических

рамок за счет документов нового и новейшего времени. Было бы неверно сказать, что издание «История и ее методы» совершенно проходит мимо этой задачи, но она ставится весьма робко. Авторы соответствующих глав не выходят за пределы размышлений о перспективах дальнейшего развития вспомогательных исторических дисциплин. Так, А. Дэн ставит некоторые вопросы перспектив и задач этой дисциплины. В частности, он считает, что границы палеографии «должны изменяться, приближаясь, по возможности, к эпохе, в которой мы живем».

В главе о дипломатике, написанной академиком Ж. Тессье, высказаны интересные мысли о содержании, предмете и задачах этой дисциплины. Использование методов дипломатики только для средневековых документов автор определяет как ограничение ее возможностей.

Рассмотренное нами издание «История и ее методы», в котором приняли участие наиболее видные французские специалисты, в обобщенном виде представляет систему профессиональных методов современной буржуазной исторической науки. Анализ ее концептуальных положений был дан в ряде работ и рецензий⁶⁴¹.

Новые подходы предполагают взаимодействие истории с другими науками о человеке. Это означает значительное расширение источниковой базы – источников как новой и новейшей истории, так и ранних исторических обществ, а также источников, необходимых для изучения проблем, касающихся больших человеческих коллективов, истории масс.

Одним из новых видов источников, которые в настоящее время привлекают к себе внимание своими возможностями, являются устные источники – и для изучения ранних обществ истории человечества, и для изучения современной истории путем анкет-интервью, в которых фиксируются и становятся доступными для исторического изучения воспоминания, настроения, общественное мнение широких слоев населения.

⁶⁴¹ См., например: *Perrin Ch.-E. L'histoire et ses méthodes*. In: *Journal des savantes*. Paris, 1962, Juil. – Sept.

В настоящее время история рассматривается большинством буржуазных ученых как наука социальная и всеобъемлющая, глобальная по своим масштабам. Соответственно этим масштабам должна расширяться ее источниковая база. Вопросы эвристики, разработка аппарата вспомогательных дисциплин являются одной из наиболее актуальных проблем. Усложнение задач исторического изучения на современном этапе, быстрое развитие междисциплинарных связей привлекли внимание к проблеме вспомогательных исторических дисциплин как важной и актуальной теме. Уже на X Международном конгрессе историков (1955) изучение вопросов методологии и общих проблем вспомогательных дисциплин истории были выделены в специальную секцию. Известный дипломатист Л. Сантифаллер на этом конгрессе сделал главной темой своего доклада значение вспомогательных дисциплин как основы всякого научного исследования. Говоря о значении вспомогательных дисциплин, к которым он, «как и все», относит источниковедение, дипломатику, палеографию, хронологию, критику источников и их публикацию, Сантифаллер предложил отныне называть их «основными» историческими дисциплинами, поскольку они суть основы всякого научного исследования. Этот новый термин «основные исторические дисциплины» он вынес в название своего доклада. Сантифаллер поставил также вопрос об использовании современных технических средств, в том числе микрофильмов, для облегчения трудоемких процессов работы с источниками, основанной на широком интерпретационном базисе⁶⁴².

Одним из крупных начинаний, дающих возможность поставить эвристику на новый уровень, является составление современного каталога датированных латинских рукописей (V–XV вв.), который охватывает помимо французских хранилищ

⁶⁴² См.: *Santifaller L.* Gedanken und Enregungen über technische probleme der historischen Grundwissenschaften. In: *Relazioni del Congresso Internazionale di Scienzo Storiche*. Vol. 1. Metodologia. Problemi generali Scienze auxiliarie della Storia. Firenze, 1955, p. 445–446; *Santifaller L.* Urkundenforschung. Köln-Graz, 1968.

хранилища Австрии, Бельгии, Голландии, Италии, Швейцарии и Швеции⁶⁴³. Число таких рукописей, сохранившихся в Западной Европе, составляет свыше миллиона. Несмотря на наличие каталогов и описей, подготовленных в ряде хранилищ, назрела необходимость их единого описания с использованием ЭВМ. В Институте исследования и истории текстов в Париже создана служба информации, проведена разработка инструкции по описанию рукописей со специальными сведениями, пригодными для обработки на ЭВМ. К 1977 г. инструкция была подготовлена. Характерен всесторонний подход к рукописям как к явлению общекультурного значения. Инструкция может использоваться для описания других, в том числе и славянских, рукописей и в других странах⁶⁴⁴.

Важное значение имеет работа по составлению каталога мирового фонда греческих рукописей. Необходим учет всех существующих греческих рукописных текстов, выявление состояния рукописей, разбросанных по странам и континентам. Работа над каталогом греческих рукописей ведется с участием филологов, лингвистов, историков; причем важное значение в трудах эллинистов имеет кодикология⁶⁴⁵.

Исследование актовых источников историками ряда стран ведется с помощью такой научной организации, как международная комиссия по дипломатике. Возникла она по инициативе чехословацкого ученого И. Шебанека как рабочая группа по дипломатике и преобразована в 1970 г. как Международная комиссия по дипломатике⁶⁴⁶.

⁶⁴³ См.: *Vezin J.* Le Catalogue des Manuscrits dates. Etat des volumes parues. Scriptorium, 1978, V. XXXII, p. 287–290; *Водов В.* Старейший палеограф мира. – В кн.: Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981.

⁶⁴⁴ Об этом см.: *Киселева А. И.* Перспективы работы над описанием средневековых латинских рукописей. – В кн.: Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981, с. 298–300.

⁶⁴⁵ *Гранстрем Е. Э., Лебедева И. Н.* Мировой фонд греческих рукописей. – В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974.

⁶⁴⁶ См.: *Кашианов С. М.* IV Международный конгресс по дипломатике. – В кн.: Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974; *его же.* Доклад о чешском дипломатари. – В кн.: Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981.

В работе по учету, выявлению и публикации рукописных памятников интересный опыт накоплен СИБАЛ (Интернациональный центр информации об источниках балканской истории), который был создан по предложению Народной Республики Болгарии. В СИБАЛ кроме представителей балканских стран вошли эксперты из СССР, Австрии, Польши, Великобритании, Франции и других стран. Одной из задач этой организации является изучение документальных материалов в хранилищах разных стран по истории балканских народов, развитию международных связей ученых, организация семинаров по палеографии, археографии, архивоведению, дипломатике.

На конференции в Софии (1978) председатель Комиссии рукописей СИБАЛ С. О. Шмидт (СССР) сделал доклад об опыте Археографической комиссии по составлению сводного каталога рукописей⁶⁴⁷. Методика советской археографии принята за основу работы по составлению международного каталога рукописей по истории и культуре балканских народов.

Интеграционные процессы оказали свое влияние и на традиционные вспомогательные исторические дисциплины, применяющие в своей методике новые технические средства. Трудami французского палеографа Ж. Маллона создана новая методика палеографического исследования, уделяющая основное внимание технике письма, заточке пера, измерениям расстояний между строками⁶⁴⁸. Связь палеографии и дипломатики в изучении актовых источников характерна как проявление интеграции этих дисциплин на современном уровне⁶⁴⁹. В интегра-

⁶⁴⁷ См.: Шмидт С. О. В Международном информационном центре балканистики. – *Общественные науки*, 1980, № 1.

⁶⁴⁸ См.: Киселева Л. П., Люблинская А. Д. О современном состоянии зарубежной латинской палеографии. – В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*. М., 1970, вып. III. См. также: Публикация источников и источниковедческие исследования. Западноевропейское средневековье и Византия. Библиографический указатель. – В кн.: *Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья*. М., 1979; *Malion J. Paléographie romaine*. In: *L'Histoire et ses Méthodes*. Paris, 1967.

⁶⁴⁹ См.: Капитанов С. М. Письмо французских королевских актов XII – первой четверти XIII в. О книге Ф. Гаспарри. – В кн.: *Проблемы палеографии и кодикологии в СССР*. М., 1974.

ционные процессы включена и текстология, помогающая изучению источников. А. Дэн⁶⁵⁰ хорошо показал связь палеографии, кодикологии, истории и критики текстов. Особенно интересны такие моменты, как проблема копирования рукописей палеографии и кодикологии (в связи с историей памятников, в составе которого текст сохранился), истории текста и тесно связанные с их решением проблемы издания, публикации текстов, изучение истории текста, его автора, копистов как часть исторической критики. Автор учебного пособия «Введение во вспомогательные дисциплины» К. Делор (Сорбонна)⁶⁵¹, представляя междисциплинарные связи исторической науки, пишет, что история, если она претендует быть всеобъемлющей, должна находить помощь в других науках: социологии, исторической демографии, политической экономии, этнографии, антропологии, математике и космической физике. Ее дополняют, считает Делор, философия, история права, статистика и экономика и данные об их закономерностях, фактические сведения об обмене веществ, солнечных пятнах и изменениях климата. Понятие вспомогательных дисциплин включает, с одной стороны, дисциплины, вполне самостоятельные, располагающие собственными методами исследования (археология, генеалогия) и имеющие дело с различными типами материалов (печати, гербы, монеты), с именами людей (антропонимия), письмом (палеография), формами актов (дипломатика), дат (хронология). С другой стороны, все они «впадают» в историю, находя в ней цель своего существования.

На базе одной или ряда наук, считает Делор, возникают новые ответвления, жанры исследований или вспомогательные отрасли, но было бы неразумно выделять их. Более четко определяются лишь историческая география, а также историческая

⁶⁵⁰ См.: *Dain A. Les Manuscrits. Paris, 1949; Dain A. Témoignage écrit et Philologie. – In: L'Histoire et ses Méthodes. Paris, 1967; Dain A. Introduction à la paléographie. – In: Ibid.*

⁶⁵¹ См.: *Delor K. Introduction aux sciences auxiliares. Paris, 1969; см. также: Люблинская А. Д. Тезисы доклада. – В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Новороссийск, 1979.*

картография и фотоинтерпретация (аэрофотосъемка). Фундаментальное изучение текстовых источников способствовало выделению исторической лингвистики, необходимой также и для топонимических, антропонимических исследований. Проблемы интерпретации текстовых документов, символики, печатей, гербов требуют использования данных мифологии и фольклора.

К. Делор рассматривает и характеризует вспомогательные дисциплины по объекту исследований – так, чтобы в центре внимания оказывались объекты исторического изучения, а не отдельные дисциплины: письменные документы (литературные тексты и исторические документы, в связи с которыми характеризуются дисциплины, позволяющие читать и изучать их особенности); время и пространство, а с ними и соответствующие дисциплины (геоистория, ее источники и методы) и др.

Необходимо особо отметить, что историческая география в последнее время привлекает внимание историков и географов ряда стран. К ней проявляется значительное внимание в США, Англии, ФРГ. В современном понимании историческая география включает географию природы и географию хозяйства, рассматриваемые в историческом прошлом и в современности. В ней используются различные методы – географические, исторические, находят применение самые различные источники, в их числе – полевые исследования, рассмотрение географических, культурно-географических и картографических реликтов, изобразительных и письменных документов, названий мест, а также мифов и легенд⁶⁵².

Современные исследователи отмечают разнообразие видов источников, которые используются в настоящее время для исследований в области исторической географии. Это различные виды письменных, вещественных и других исторических источников и непосредственные полевые исследования, наблюдения географических объектов методами естественнонаучных

⁶⁵² См., напр.: *Jäger H. Historische Geographie. Braunschweig, 1969, S. 11 u. a.*

дисциплин⁶⁵³. Изменился характер междисциплинарных связей истории и географии, усилилась интеграция этих наук⁶⁵⁴. Появляется ряд исследований, посвященных исторической географии ряда отдельных стран и целевых регионов⁶⁵⁵. Одним из направлений, связывающих географию не только с историей, но и с лингвистикой, является изучение географических названий⁶⁵⁶. В качестве новых технических средств в междисциплинарных исторических исследованиях используются данные аэрофотосъемки. Снимки изучаемых местностей выявляют цветовые контрасты, свидетельствующие о расположении под землей линий рвов, окружающих старые поселения, следы построек, очертания больших земельных владений, сети дорог. Ученые высоко оценивают возможности аэрофотосъемки, дающей свежие, важные и красноречивые данные: так создается фонд совершенно новых источников⁶⁵⁷.

Историческая география, имеющая давние связи с историей, развивалась длительное время в русле событийной истории как география политических границ государств. Именно такова, например, «Историческая география Европы» Фримана⁶⁵⁸. Она содержит географию политических границ от древней Греции и Рима до нового времени, целый том карт, фиксирующих эти изменения. Новые подходы к изучению исторической жизни в связи с природными условиями, культурой, образом жизни людей прошлого расширили содержание исторической географии.

В настоящее время выявились новые возможности междисциплинарных связей истории и географии: использование географами таких видов источников, как агрономические трактаты,

⁶⁵³ См.: *Jäger H.* Op. cit; *Higounet Ch.* La géohistoire. In: *L'Histoire et ses Méthodes.* Paris, 1967.

⁶⁵⁴ См.: *Febvre L.* Pour une Histoire a part entière. Paris, 1962.

⁶⁵⁵ См.: *Asgracha C.* La region des Rodopes aux XIII et XIV siecles. Etude de geographie historique. Athen, 1976.

⁶⁵⁶ См.: *Matthews C.-M.* Place Names of the English speaking World. London, 1972.

⁶⁵⁷ См.: *Avion et la decription du passe.* Paris, 1964.

⁶⁵⁸ См.: *Freeman E.* The Historical Geography of Europe. London, 2 ed., 1882.

записки и труды агрономических обществ; использование историком данных географии о почвах для объяснения особенностей типа землепользования; анализ сведений об изменениях климата Европы по архивным историческим источникам и использование данных исторической картографии⁶⁵⁹ и др.

Появились и новые методы – использование фотосъемки для изучения проблем прошлого, прежде всего – агрикультуры, истории городов.

Большое внимание уделяется топонимике и ее методам: форме топонимов, их языку, трансформации названий, их конкретному содержанию (обозначению естественногеографических объектов или объектов, созданных человеком), новому осмыслению топонимов и др.

Ценный материал дает приложение фотосъемок к изучению проблем аграрной истории. Р. Шевалье и другие специалисты выработали метод изучения прошлого с помощью фотосъемок. Полезна и карта, важно изучение картографического метода: он дает возможность понять, например, город в его географическом окружении. Историческая картография рассматривается как метод исследования.

Интеграционные процессы исторической науки не находят еще должного отражения в профессиональной подготовке историка. Французский ученый А. Нуши⁶⁶⁰ в своем пособии, сосредоточивая внимание на тех проблемах, в которых он видит недостатки преподавания истории в высшей школе, выделяет такие аспекты, как история и демография, история и социология, история и политика, история и культура и цивилизация, а также методы работы («как работать»).

Новые направления развития исторической науки выдвинули сейчас на первый план изучение истории экономической и социальной, исторической демографии, социологии. Возникает стремление охватить явления, связанные с проблемами масс, коллективов, общественных групп. Оценивая новейшие дости-

⁶⁵⁹ См.: *Аеруа Аадюри Э.* История климата начиная с 1000 года. М., 1971.

⁶⁶⁰ См.: *Nouschi A.* Initiation aux science historique. Paris, 1967.

жения в области исторического метода, бельгийский историк, автор известной книги об исторической критике Л. Алькен отмечает и выделяет два направления – изучение общественных умонастроений и развитие статистического метода в истории⁶⁶¹. Знание психологии важно при изучении текстов, свидетельств и для понимания их содержания⁶⁶². Ориентация на статистические методы, количественные критерии исторических явлений, построение таблиц и графиков вызвало большой интерес к возможностям ЭВМ. Однако раздаются голоса о том, что историк рискует упустить из своего наблюдения всю неповторимость и специфику явлений. Главная возникающая трудность – определение возможности сопоставления комплексов явлений как однозначных, поддающихся количественному анализу. Сравнивать в количественных данных Францию 1700 и 1960 гг. невозможно, ибо это различные образы жизни, труда, полностью не совпадающие. Поэтому квантификация дает возможность изучения экономики в ее ретроспективе, но целое, объект, синтез явлений эпохи остаются недостижимыми⁶⁶³.

Применение вычислительной техники в исторических исследованиях открывает новые возможности исследования процессов, обобщения данных массовых источников, изучения источников по исторической демографии⁶⁶⁴. Одним из новых примеров является изучение однотипных видов источников массового характера. Состоялась международная конференция (1980) в Нидерландах, посвященная проблеме изучения описей

⁶⁶¹ См.: *Halkin L.* Initiation a la critique historique. Paris, 1951; *Halkin L.* Initiation de la critique historique. Paris, 1973.

⁶⁶² См.: *Duby G.* Histoire de Mentalités. – In: Histoire et ses Méthodes. Paris, 1967; *Brunner O.* Neue Wege der Sozialgeschichte. Göttingen, 1965; *Renouvin P., Deressol J. B.* Introduction à l'histoire des relation international. Paris, 1964, p. 284.

⁶⁶³ См.: *Vilar P.* Pour une meilleure comprehension entre économistes et historiens: «Histoire quantitative» ou économie retrospective? – In: Revue historique, CCXXXIII. Paris, 1965.

⁶⁶⁴ См.: Историк и информационная вычислительная машина. Предварительный опыт исследования. Коллективный доклад, представленный Центром исторических исследований Высшей практической школы (Ж. П. Петер, М. Кутюрье, Э. Леруа Ладюри и др.). М., 1970.

имущества в завещаниях. Французские, английские, голландские ученые рассматривают их как новый источник для изучения таких проблем, как имущественное положение, материальная культура, развитие агрикультуры. В этой связи проведена работа по опубликованию архивных источников, их описанию, составлению каталогов, кодированию для использования вычислительной техники, поиску корреляций данных (например, в имущественных и других данных по городу и деревне). Актовый источник единичного и частного характера при подобном подходе становится источником массовой информации по социально-экономическим вопросам, экономике и культуре⁶⁶⁵.

Комплексный подход к изучению явлений прошлого и современности, новые возможности, открывающиеся при использовании технических средств и методик конкретно-социологических исследований, существенно меняют подход к оценке значения отдельных категорий исторических источников. Это отчетливо видно на примере оценки значения устных источников – устной исторической традиции. Интерес к ним связан с неравномерностью освещения отдельных периодов и отдельных сторон исторической действительности письменными источниками, существующими большими пробелами источниковой базы. В настоящее время внимание привлекают два аспекта проблемы устной традиции: устная историческая традиция как источник о явлениях отдаленного прошлого, не нашедших отражения в письменных источниках, и устные свидетельства, собираемые в настоящее время о тех сторонах действительности, которые недостаточно отражаются в традиционных видах исторических источников (социально-психологические проблемы, изучение общественных настроений с помощью анкет-интервью и т. п.).

На XV Международном конгрессе исторических наук проблемы и методы устной истории обсуждались в качестве специальной темы в секции методологии. О значении устной

⁶⁶⁵ См.: Probate inventories. A new source for the historical study of Wealth, material culture and agricultural development. Edited by A. Wander Woude and A. Schurman. Wageningen, 1980.

традиции говорили представители африканских народов, ранее не обладавших собственной письменностью (Сенегала, Камеруна, Нигерии), занятые в настоящее время реконструкцией доколониальной истории своих стран по устным источникам. С другой стороны, методика собирания свидетельств современников и участников событий освещалась в выступлениях на конгрессе советских ученых и ученых ряда стран Западной Европы и США⁶⁶⁶.

В настоящее время настала необходимость более широкого проведения исследований устных источников, более тесного сотрудничества в этой области историков, филологов и этнографов. Важное значение имеет разработка теоретических и методических положений источниковедения устных источников. Изучение устных источников не является особой темой, изолированной от источниковедения письменных источников: достаточно отметить, что ряд источников истории средних веков, античности, памятников культуры вообще, относимых по способу воспроизведения к письменным источникам, заслуживает глубокого анализа с точки зрения взаимодействия лежащих в их основе устных и документированных свидетельств.

Теоретические и методические проблемы устных источников рассматриваются на конкретном материале в работе исследователя-этнографа Центральной Африки Дж. Вансина⁶⁶⁷. Под устной традицией он понимает все устные свидетельства, передающиеся из уст в уста и относящиеся к прошлому. Обращение к положениям общего источниковедения позволяет ему более точно вычленить объект своего исследования и дать понятие устной традиции. В традиционном западном источниковедении (Бернгейм, Федер, Вольф), отмечает Вансина, обращалось определенное внимание на категорию устных источников, но состав входящих в нее видов был неоднороден. Бернгейм, например, включал в устную традицию устную передачу лично

⁶⁶⁶ Об этом: *Тухвинский С. А., Тишков В. А.* XV Международный конгресс исторических наук. – Вопросы истории, 1980, № 12, с. 15–16.

⁶⁶⁷ См.: *Vansina J.* La tradition oral. Essai de Méthode historique. Tervuren, Belgique annales, 1961.

пережитых событий и событий, пережитых другими (песнь и рассказ, исторические саги, легенду, анекдот, пословицу, крылатые слова). Здесь важно отличать источники, содержащие исторические свидетельства (именно они являются предметом исследования автора, о прошлом, от других, которые сведений о прошлом не содержат).

Вансина обращает внимание и на то, как Бернгейм оценивал исторические сообщения саг, видя в них источники, в которых исторические факты при передаче из уст в уста сильно искажаются. Бернгейм считал даже, что устные источники мало пригодны для изучения исторических фактов, они скорее ценны как остатки, свидетельства народного творчества: историк узнает из них не столько о событиях минувшего, сколько о том, какое впечатление они производят на последующие поколения, как люди представляют себе давно минувшие события и лица, как связывают прошлое и настоящее.

Методы исследования устной исторической традиции в традиционном источниковедении, таким образом, мало разработаны. Поставив проблему как теоретическую и определив свою задачу как научное исследование устных источников, Вансина отмечает, что соотношение между фактом, его очевидцем и устным свидетельством об этом факте является сложной, тонкой проблемой. Он анализирует ряд ее сторон, в том числе наличие вариантов свидетельств и его текстов, способы свидетельствования и наличия противоречий свидетельств, особенности коллективного свидетельства и др. Последовательно должны анализироваться этапы, при посредстве которых свидетельство очевидца факта, передаваясь из уст в уста, становится известным исследователю. Основные моменты, которые имеют главное значение в анализе источника, таковы: изучение языка и культуры народа, прошлого которого хотят установить; общее изучение феномена традиции в его среде; различные типы устной традиции и характеристики способов их передачи; систематическое собирание всех источников; применение вспомогательных методик анализа свидетельств; публикация текстов, оригиналов источника с указанием вариантов интерпретации символики; публикация текстов источника должна

быть научной, т. е. обеспечивать читателю возможность контролировать публикатора-исследователя. Как показывает работа Вансина, основные критерии источниковедческого изучения при анализе специфических и сложных источников полностью сохраняют свое значение.

Другой аспект изучения устной традиции связан с пополнением источниковой базы новейшей истории с помощью сбора воспоминаний участников событий. Методика собирания и записи таких воспоминаний разрабатывается в ряде стран Западной Европы и США⁶⁶⁸ по типу конкретных социальных исследований, где приемы этой работы довольно разнообразны и используются специалистами. Создаются коллекции устных воспоминаний, созданных по единой программе, записываются жизнеописания, биографические и автобиографические материалы. Исследователи оценивают эти материалы как ценный источник по региональной истории, отмечают, что в них слышится голос не промышленных или земельных магнатов, а рядовых людей, выступающих в обычных источниках по истории США лишь как объект, а не субъект исторического анализа.

Английских историков интересует такой тип устных источников, как материалы для биографии людей труда; он отражает общественную активность отдельных слоев населения, позволяет анализировать социально-психологические аспекты истории рабочего движения, работу среди молодежи, женщин, отражает динамику и особенности различных форм социальной борьбы в странах капитала. Так, например, известная забастовка в Англии 1926 г. отражена в ряде материалов периодической печати, документальных источниках. И тем не менее запись устных воспоминаний участников и очевидцев этого события позволяет лучше понять процессы формирования нового социально-психологического климата в этот период, отражение событий на судьбах участников, показывает

⁶⁶⁸ См.: *Starr L. M.* Oral History in den USA. Probleme und Perspektiven. In: *Lebensführung und Kollektiven Gedächtniss. Die Praxis der «Oral History»*. Frankfurt am Main, 1980; *Samuel R.* Oral History in Grossbritannien. In: *Ibid.*; *Ortu G.* In: *Ibid.*; *Montell W. G.* Der «Oral historian» als Volkskundler. In: *Ibid.*; *Passerini L.* *Storia Orale*. Torino, 1978.

процесс консолидации противоборствующих классовых сил, обострение классовой борьбы. Автобиографии, другие устные источники являются ценными материалами для изучения региональной истории.

Устным источником и методике работы с ними посвящена книга английского ученого П. Томпсона «Голос прошлого. Устная история»⁶⁶⁹. Автор рассматривает устные свидетельства современников, значение которых он видит в том, что они позволяют шире показать жизнь, трудовую деятельность рядовых людей, расширяя тем самым источниковую базу современной истории. Автор полемизирует с авторами известного положения традиционного западного источниковедения о том, что «история пишется по документам – их нет, нет и истории». Если прежде это положение критиковалось с той точки зрения, что для исторической науки большую ценность представляют не только письменные документы, но и вещественные памятники – данные археологии, то Томпсон выдвигает в своей критике другой аргумент. Письменные источники, документы мало освещают деятельность рядовых людей эпохи, общественные настроения. В отличие от официальных документов, устные воспоминания он высоко оценивает в качестве исторического источника. В книге прослеживается использование устных источников подобного рода в прошлом. Интересно обращение Томпсона к известному труду Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» как к образцу использования непосредственных наблюдений о положении английского пролетариата⁶⁷⁰. Автор останавливается на вопросе о методике организации работы с устными воспоминаниями, приводит подробный вопросник, позволяющий получить необходимую информацию по тематике, интересующей исследователя при сборе устных воспоминаний.

В связи с изучением источников устной традиции Томпсон

⁶⁶⁹ См.: *Thompson P. The Voice of the Past. Oral history.* Oxford Univ. Press. London, 1978.

⁶⁷⁰ Более полно на этом вопросе останавливались советские историки. См.: *Косминский Е. А. Об источниках книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».* – В кн.: Чартизм. М., 1961.

подчеркивает важность более тесного сотрудничества историков, социологов, этнографов, представителей других наук. Это связано с существенными сдвигами в методике исторического исследования, методике вспомогательных исторических дисциплин. На месте традиционных, прикладных дисциплин складываются новые отрасли знания, гибко взаимодействующие с исторической и другими науками и позволяющие более глубоко изучать общественные явления. Эти процессы отражает развитие такой, казалось бы, традиционной исторической дисциплины, как генеалогия, долгое время ассоциировавшейся в представлении историка с фиксацией родственных связей титулованной феодальной знати. Однако все более выясняется интеграционный характер исследований в области генеалогии, интерес их для Историко-социальных, социально-психологических, демографических исследований.

Французский историк М. Перонне в работе «Генеалогия и история. Методические аспекты»⁶⁷¹ определил генеалогию как технику исследования родственных связей, проследил применимость методики генеалогии к решению новых проблем и актуальных задач исторической науки. Новые задачи исследований значительно расширяют представления об источниковой базе генеалогических изысканий, в особенности архивных. Такие виды источников, как, например, акты гражданского состояния, брачные контракты, завещания, различные имущественные распоряжения, актовые и вообще правовые документы, изученные в динамике на протяжении смены ряда поколений, позволяют раскрыть сложные социальные процессы. Генеалогические источники раскрывают существенные аспекты исторической демографии, географическую и социальную мобильность различных социальных слоев. Изменения в имущественном положении, характер семейных связей, выбор профессии наряду с данными о социально-психологической мотивации происходящих изменений дают богатый материал для социолога и историка. Важен и архивоведческий аспект проблемы, состоящий

⁶⁷¹ См.: *Revue historique*. Paris, 1968, Janv.-Mars. Peronnet M. *Généalogie et l'histoire. Approches methodiques*.

в подходе к оценке источников, отражающих, казалось бы, частные и единичные семейные факты, но в целом, в результате обработки данных статистически, дающих ценную информацию о динамике социальных явлений. Разработка методов исследования больших групп источников с устойчивым формуляром (акты, указы) важна и в связи с перспективами использования количественных методов исследования. Таким образом, генеалогические проблемы смыкаются с источниковедческими, которые позволяют использовать генеалогические данные в исторической науке, конкретной социологии, демографии и социальной психологии.

За последние десятилетия в буржуазной историографии все чаще употребляют термин «социальная история». Основная масса наиболее интересных исследований по социальной истории, считает профессор экономической и социальной истории, английский ученый Э. Дж. Хобсбоум, сосредоточена вокруг следующих комплексных проблем: историческая демография и системы родственных связей; урбанистика в той мере, в какой она относится к исторической науке; классы и социальные группы; история коллективного сознания или же «культур» в антропологическом смысле слова; трансформации общества; социальные движения или явления социального протеста⁶⁷². Наиболее выделилась быстро развивающаяся и результативная историческая демография, где новые методы дали возможность получить интересные результаты. Хобсбоум отмечает, что теоретические трудности, связанные с новой проблематикой и с поиском новых источников и методов их исследования, усиливают интерес западных ученых-обществоведов к марксизму, поскольку, как отмечает Хобсбоум, за пределами марксизма имеется мало плодотворных теорий, особенно в социологии⁶⁷³.

Французский историк А. Собуль отмечал в ходе colloquium «Социальная история. Источники и методы», что социальная

⁶⁷² См.: *Хобсбоум Э. Дж.* От социальной истории к истории общества. – В кн.: *Философия и методология истории.* М., 1977.

⁶⁷³ Об этом см.: *Коп И. С.* История в системе общественных наук. – В кн.: *Философия и методология истории,* с. 28.

история требует привлечения более широкого круга источников, привлечения новых источников, использования ЭВМ⁶⁷⁴. Новые аспекты исследования – история и экономика, общество и социальные структуры, количественные методы, в том числе в демографии, – требуют использования методов статистики. Кроме того, взаимоотношение личности и общества – это проблема, которая может исследоваться в биографическом плане и методами социальной психологии. В ходе обсуждения была высказана мысль о том, что глобальные подходы и проблемы не исключают монографических исследований определенного круга источников, подвергнутых «старой доброй критике, весьма суровой». Разрыв с традиционными формами историографии был связан с рядом новых идей и подходов.

Ф. Бродель (профессор Сорбонны, один из виднейших представителей школы «Анналов»), активно выступая за расширение теоретической базы историографии и сближение истории с другими науками, писал: «Между Шарлем Ланглау и Шарлем Сеньобосом, с одной стороны, и Марком Блоком, с другой, лежит громадное расстояние, но и после Марка Блока колесо истории не перестало вращаться. Для меня история – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения – прошлых, настоящих и будущих»⁶⁷⁵. Первоочередной задачей Бродель считал сближение социальных наук, подчеркивая тот специфический аспект, который лучше всего изучается историей, – это социальное время, специфически человеческое время. Многофакторность исторического объяснения, эклектика, расплывчатость методологического подхода в современной историографии выявляются с тем большей определенностью, чем активнее стремится она к охвату новых проблем и освоению междисциплинарных методов. «История нового типа внимательно следит за всеми науками о человеке.

⁶⁷⁴ См.: *L'Histoire sociale. Sources et méthodes*. Paris, 1967.

⁶⁷⁵ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. – В кн.: *Философия и методология истории*; см. также: *Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики*. М., 1981.

Именно это и делает границы истории такими расплывчатыми, а интересы историка такими широкими»⁶⁷⁶, – считал Бродель.

Заметное расширение междисциплинарных связей, выдвижение новых проблем и объектов исторического изучения не могли не внести существенных изменений в проблематику источниковедения, методов работы с источниками. В разнородности плюралистических идей и подходов не наблюдается ясности. Буржуазные историки чаще признают отрицательное влияние на исторические исследования методологического эклектизма, находящего свое выражение в некритическом использовании методов других наук, одним из признаков которого является « беззастенчивое и неразборчивое заимствование терминов и инструментария у других дисциплин»⁶⁷⁷.

Отсутствие принципиально новых идей ощущается в буржуазных изданиях, ставящих целью изложить методы анализа исторических источников. Это положение отражается прежде всего в учебных изданиях, поскольку для нужд преподавания они вынуждены давать обобщение методов исследования, формулировать систематический общий подход к вопросам методики исторического исследования. К числу таких работ относится «История и критика» П. Сальмона⁶⁷⁸, который посвятил свою работу современным познавательным принципам и методам работы историка. Дав во введении исторический очерк развития методов критического подхода к историческим источникам и историческим фактам, он отмечает, что современные работы отличает стремление передать чувство динамизма в развитии исторической науки, показать не только ее прогресс, но и ее трудности.

Как и другие западные историки, новые тенденции в исторической науке Сальмон связывает с социальной и экономической историей, исторической демографией, развитием конкретных

⁶⁷⁶ Бродель Ф. Указ. соч., с. 128.

⁶⁷⁷ Об этом см.: Салов В. II. Кризисные явления в современной буржуазной методологии истории. – Вопросы истории, 1981, № 4, с. 95.

⁶⁷⁸ См.: Salmon P. Histoire et Critique. Sociologie generale et philosophie sociale Edition de l'Institut de Sociologie. Bruxelles, 1969.

социальных исследований и количественных методов. Теоретическая база его концепции методов исторической критики не отличается, однако, новизной: в понятии исторической истины он подчеркивает ее относительность, в понятии исторического факта – роль историка в его реконструировании. Природа исторического источника не раскрывается, мы узнаем лишь, что под историческим документом чаще всего понимаются письменные, аудиовизуальные и вещественные документы.

Классификация источников рассматривается Сальмоном как средство различать источники двух типов: документы ненамеренные, в которых факты прошлого отразились независимо от намерений людей (например, греческая керамика), и намеренные. Историк должен применить ко всем источникам методы внешней критики и только к намеренным – методы внутренней критики.

Несколько менее традиционен раздел книги об эвристике – он хорошо отражает расширение источниковой базы современной исторической науки, новые возможности использования технических средств для микрофильмирования документов, для экспертизы подлинности текстовых и других источников, современных методов археологии.

Одна из центральных проблем книги – методы исторической критики (давшие название всей работе) и исторический синтез. Методы исторической критики изложены по двум ее этапам: внешняя критика, или критика подлинности источника, и внутренняя критика, или критика достоверности. При решении вопросов о критике подлинности и достоверности сохранена традиционная терминология и последовательность этапов. Дополнения и модификация, по Сальмону, касаются новых видов источников, к которым также должны применяться методы критики источников (звуковые, кинофотодокументы), и использования технических средств. Исторический синтез (группировка фактов, интерпретация фактов, объяснение, изложение фактов и единство истории) ясно показывает, что связь критики источников с историческим процессом и его закономерностями

осталась вне авторской модели исторического синтеза, равно как несостоятельной оказалась и попытка объяснения причинности на некоторых исторических фактах новейшей истории⁶⁷⁹.

Представляет интерес работа западногерманского историка Генца, дающая концепцию методологических принципов общего источниковедения⁶⁸⁰. Попытка методологического анализа принципов общего источниковедения важна тем, что она сосредоточивает внимание на свойствах источников как предмете специального анализа. Автор делает попытку рассмотреть источник не только в сфере познавательной деятельности, но и выявить его связи с прошлой действительностью, подойти к источнику как к единству реальности прошлого, в котором источник создан, и настоящего, когда он изучается историком. Но последовательно провести эту идею ему не удастся, что, в частности, отражает противопоставление общего источниковедения многим специальным областям конкретного источниковедения.

Историки прошлого занимались историей политической, дипломатической и военной, в поле их зрения находились короли, полководцы, высшая аристократия, что отражалось в направленности вспомогательных дисциплин — дипломатики (долгое время занимавшейся высшими государственными документами), генеалогии, геральдики. Выход на историческую арену широких масс трудящихся, социальные и экономические сдвиги, грандиозные политические и военные события XX в. заставили буржуазных историков по-новому подойти к вопросам своей науки.

Историческая наука обнаружила тенденцию к всеобъемлющему расширению исторических эпох, которыми она должна была заниматься, типов обществ, регионов. Более того, стало ясно, что политические, экономические, культурные процессы не могут рассматриваться вне связи их друг с другом. Историогра-

⁶⁷⁹ Критика концепции Сальмона дана в рецензии: *Иванов Г. М.* — Вопросы истории, 1971, № 10.

⁶⁸⁰ См.: *Henz G.* Elemente einer allgemeinen historischen Quellenkunde. In: *Archiv für Kulturgeschichte*. Köln-Wien, 1974, Bd. 56, Heft. 1, S. 1.

фия отражает различные аспекты и различные степени осознания историками-профессионалами этих реально существующих явлений и процессов.

В области источниковедения прежде всего отразился процесс расширения источниковой базы исторической науки в ее современном понимании: от тщательно и полно изученных источников западной средневековой истории – к новым категориям источников нового и новейшего времени, от источниковой базы ранних исторических эпох – к новым видам источников века научно-технической революции. А это, в свою очередь, вело к переосмыслению всего профессионального аппарата методов исторического изучения, к новому содержанию самого понятия документ – исторический источник.

Науки о человеке, пишет французский историк Ф. Бродель, поставленные перед необходимостью аккумуляции новых знаний и взаимного сотрудничества (разумная организация которого еще неясна), испытывают трудности, вытекающие из их же собственного прогресса. Успехи наиболее динамичных из них оказывают прямое или косвенное влияние на все остальные, независимо от того, высказывают они в этом потребность или нет. Современные науки о человеке ставят сегодня один и тот же вопрос: каково место каждой из них в той огромной по своему объему совокупности старых и новых исследований, необходимость сведения которых в одно целое уже назрела⁶⁸¹.

Современные западные историки много пишут о расширении проблематики исторической науки. Они отдают себе отчет в необходимости анализа глобальных проблем экономической и социальной истории, острой актуальности выявления тех параметров, с помощью которых можно было бы изучать формирование общественных настроений, стремлений и запросов различных социальных слоев. Однако идеалистическая методология не дает основы для научного анализа реальных проблем социально-экономического развития и социальной борьбы, выявления специфики их отражения в исторических источниках.

⁶⁸¹ См.: Бродель Ф. Указ. соч., с. 115.

Наиболее перспективными для изучения этих проблем западная историческая наука считала два направления: изучение процессов, поддающихся количественному анализу (прежде всего в экономике и исторической демографии), и попытку найти критерии для анализа общественных настроений с помощью методов социальной психологии и методик конкретно-социологических исследований при максимальном использовании современных технических средств.

Целостный анализ глубинных процессов остается при таком подходе недостижимым, а итоги конкретных исследований источников остаются локальными, не давая нового качества – взаимосвязанной картины процесса общественного развития. Констатация этого факта находит свое отражение в высказываниях современных буржуазных историков. Президент Американской исторической ассоциации профессор Гарвардского университета Б. Бейлин на 96 съезде ассоциации в декабре 1981 г. сетовал на то, что «исторические исследования разбегаются одновременно по сотне различных направлений при отсутствии какой-либо их координации»⁶⁸².

Теоретические и методические проблемы источниковедения в современной буржуазной историографии отличаются рядом новых модификаций, особенно в связи с расширением интеграционных процессов современного социального познания и развития междисциплинарных связей.

Современный историк стремится идти от теоретической проблемы изучения общества, которую он исследует на своем материале. Это – не описательная история периода или региона, а взаимосвязь и эволюция социально-экономических и социально-психологических структур, процессов и отношений. Новые проблемы исследования предполагают более тесные междисциплинарные связи. Новые проблемы требуют новых методов, среди них – количественный анализ, структурные методы, семиотика; развивается историческая демография, историческая психология, ориентация на конкретные социальные исследования. Новые направления исследований не снимают

⁶⁸² Цит. по статье: *Сивачев Н. В.* На 96 съезде Американской исторической ассоциации. – Вопросы истории, 1982, № 5, с. 153.

теоретических трудностей, в их числе проблемы источника и методов работы с ним.

Заключение

Анализ современного зарубежного источниковедения позволяет выявить существенные черты развития его теории и методики. Складыванию источниковедения как особой научной дисциплины предшествовал длительный период накопления практического опыта работы с источниками главным образом документальными и нарративными письменными источниками. Это были источники по истории западноевропейского феодализма, что соответственным образом повлияло на специфику профессионального аппарата исторической науки и особенности подготовки историка-специалиста, на практику преподавания. Во второй половине XIX в. значительное развитие в университетских научных центрах Франции, Германии и других стран получила дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина, изучающая акты и, более широко, документальные правовые источники. В русле средневековой дипломатики развивалась методика анализа отдельных сторон формы и содержания письменных источников, разрабатывавшаяся палеографией, сфрагистикой и другими вспомогательными историческими дисциплинами. Конкретный опыт работы с источниками накапливался и передавался новым поколениям историков эмпирически. Однако постепенно, главным образом с развитием дипломатики, охватывающей в связи с расширением тематики исследований все новые комплексы источников, становилась яснее необходимость разработки основ классификации и типологии источников и формирования более общих критериев оценки документов для их использования в качестве исторических источников.

Эта необходимость рассмотрения проблем исторического метода в качестве предмета специального исследования осознана была не сразу. Лишь в конце XIX – начале XX в. в ряде университетов Европы были созданы учебники исторического метода. Наибольшая известность выпала на долю «Учебника

исторического метода» Э. Бернгейма (Лейпциг, 1889 г.) и «Введения в изучение истории» Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса (Париж, 1898 г.), за которыми последовал ряд изданий по методике исторического исследования и методологии истории и источниковедения. Появление этих книг имело важное значение для становления источниковедения как особой исторической дисциплины, новой по сравнению с традиционными вспомогательными историческими дисциплинами и отличавшейся от них по своему предмету и задачам.

Важно отметить, что в этих изданиях методы работы историка с источниками и историческими фактами рассматривались как особая область деятельности историка, как проблема, требующая к себе внимания. В книге Э. Бернгейма использовалось понятие «источниковедение» для обозначения основ классификации источников и методов их выявления (эвристики), в отличие от понятия критики (анализа) источников. В книге Ланглау и Сеньобоса термин «источниковедение» не применялся, использовалось понятие «аналитические процессы» в смысле анализа источников, который рассматривался по двум его этапам – внешней и внутренней критики (критики происхождения и критики достоверности) источников, в отличие от «синтетических процессов», где речь шла о работе историка с историческими фактами, установленными в ходе критики свидетельств источника.

Констатируя специфичность предмета исторической науки (эта специфичность понималась как отсутствие непосредственного наблюдения изучаемых явлений), авторы в то же время не сомневались в возможности установления (при посредстве исторических источников) достоверных научных фактов. В духе идеалистической философии позитивизма истинное (позитивное) знание о прошлом представлялось достижимым при условии проведения определения системы исследовательских методик. Прогресс исторического познания непосредственно связывался с совершенствованием методов исследования, в первую очередь – методов проверки достоверности свидетельств источника об исторических фактах.

Методике изучения источников и установлению исторических фактов уделялось поэтому много внимания. В методике источниковедческого анализа, содержании и последовательности исследовательских приемов многое было взято из опыта, накопленного исторической наукой, и прошло проверку в практике исследовательской работы многих поколений историков. Особое внимание уделялось методике установления датировки, авторства и происхождения источников. Удалось наметить такой подход к классификации источников, который служил не только целям упорядочения их множества, но содержал и определенный критерий для оценки достоверности свидетельств источника. В этом отношении заслуживает внимания попытка связать достоверность с прямым или, напротив, опосредствованным воспроизведением в источниках фактов действительности (классификация источников на исторические остатки, для которых достаточно установления их подлинности, и историческую традицию, требующую проверки достоверности, у Э. Бернгейма). Интересна методика установления зависимости достоверности источника от возможностей его автора наблюдать и точно воспроизвести факты действительности («отрицательная внутренняя критика достоверности» у Ланглау и Сеньобоса).

Однако источниковедение не выступало еще в этих работах в качестве обладающей внутренним единством и цельностью области знания: проблемы классификации и методики анализа источников были разобщены, связь между ними не выявлена. Отыскание источников трактовалось как сумма сведений о публикациях и хранилищах документов. Теоретическое обобщение методологии источниковедения как системы методов, направленных на установление истинности фактов, известных историку из источников, в буржуазной историографии было дано лишь в «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского. В западноевропейской историографии теоретический уровень идеалистического источниковедения не был достигнут. В свою очередь, теоретико-познавательная концепция методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского в силу своей

цельности и четкости понятийного аппарата ясно отразила невозможность создания науки об источниках на базе идеалистической методологии истории.

Новый этап кризиса буржуазной исторической науки охватывает период от 1917 г. до 50-х годов XX в. В этот период позитивистская методология обнаружила свою несостоятельность перед лицом новых задач, вставших перед исторической наукой. Критике в буржуазной историографии подверглись такие ее стороны, как узость проблематики, слабость теоретического мышления, сведение задач исследования к фактографизму и описательству, искусственное ограничение круга источников. Подверглись критике упрощенные представления о соотношении источника и исторического факта. В основе старого источниковедения в его позитивистской интерпретации лежал опыт изучения по преимуществу единичных фактов событийной истории. Постановка новых задач исследования сложных социально-экономических явлений и процессов требовала более глубокого анализа соотношения исторического источника и исторического факта, осмысления диалектической связи исторического источника и его изучения историком. Соответственно должны были расширяться и круг источников, и методика их исследования, модифицироваться профессиональная подготовка историка, на что обращали внимание в своих работах французские историки Л. Февр и М. Блок. В ряде работ этого периода нашло отражение стремление расширить круг традиционных письменных источников, ввести в научный оборот вещественные памятники, показать актуальную роль историка в ходе исследования, в отборе источников и анализе фактов. Справедливо критикуя позитивистскую историографию за недооценку концептуального подхода к отбору и оценке источников и анализу исторических свидетельств, буржуазные историки в то же время абсолютизируют роль личности историка в процессе познания (Р. Коллингвуд). Разрыв методологии и методики исторического исследования находит в этот период свое выражение в трактовке источниковедческих методов как суммы технических приемов, «исторической техники». Этот узкопраг-

матический подход особенно характерен для ряда учебных пособий университетов США.

Кризис буржуазной методологии истории находит свое яркое проявление в концепциях «критической философии истории». Абсолютизация историка в процессе исторического познания перерастает в ней в отрицание самой возможности получения объективных знаний о прошлом с помощью методов анализа и критики источников. Представители этих концепций с иронией отзываются о профессиональных методах анализа источников, формулировавшихся в работах по методологии истории конца XIX – начала XX в., противопоставляя методам исследования понимание существа изучаемых документов в духе идеалистического учения В. Дильтея об интуитивном постижении духовной целостности личности и культуры (А. И. Марру). Однако выводы критической философии истории, подвергающие сомнению объективную значимость исторического познания, не встречают поддержки в среде историков.

Развитие исторической науки на современном этапе тесно связано с общими тенденциями интеграции научного знания и использованием возможностей века НТР. В 60–70-е годы буржуазная историческая наука характеризуется более широким использованием научно-технических средств и попытками расширить познавательные возможности исторического изучения с помощью методов смежных наук. Значительно шире стал круг исторических источников, используемых в исторических исследованиях, разнообразнее конкретные методики. С расширением интеграционных процессов связан ряд модификаций конкретных методик исследований, развитие междисциплинарных связей исторической науки с конкретно-социологическими, социально-психологическими, этнографическими исследованиями.

В условиях динамического развития исторического познания с особой остротой встает вопрос о теоретико-методологической основе источниковедения. Проблемы теории и методики источниковедения разрабатываются в качестве

предмета специальных исследований в исторической науке социалистических стран. Историческими источниками являются материальные объекты, созданные в процессе целенаправленной человеческой деятельности. Наука об источниках опирается на научную методологию процессов общественного развития, изучая закономерности отражения социальной действительности в источниках и разрабатывая способы познания социальной действительности посредством их.

Возрастание роли общественных наук, большой общественный резонанс, который вызывают проблемы исторической науки и судьбы документального наследия прошлого, ставят перед историками социалистических стран новые ответственные задачи. На стыках ряда наук возникают новые направления исследований; усиливаются интеграционные процессы, расширяется обмен опытом социалистических стран в области архивоведения, источниковедения, документоведения, информатики. Новые задачи встают перед источниковедением, в том числе в связи с разработкой существенных проблем – интенсификации методов ориентирования в источниковедческой базе прошлого и современности, введения в научный оборот новых видов источников, совершенствования критериев оценки и методики исследования, более эффективного использования источниковедческих данных для нужд науки и общественной практики. Теоретическое направление исследования, а следовательно, совершенствование подготовки специалистов играет в решении этих задач существенную роль.

Как уже отмечалось, в советской историографии в связи с анализом современного состояния и актуальных задач источниковедческих и других исторических дисциплин теоретические проблемы приобретают все большее значение в источниковедческих исследованиях. Умение ориентироваться в теоретико-методической проблематике современной исторической науки, источниковедения, архивоведения, критический анализ методологических положений буржуазной историографии, систематическое изучение конкретного опыта историков социалистических стран над новыми видами исторических

источников – необходимые стороны профессиональной подготовки современного специалиста. Они отвечают актуальным задачам повышения качества и эффективности, интенсификации методов использования документальной базы для решения научных и практических проблем, стоящих перед исторической наукой на современном этапе.

Теоретическая и эмпирическая стороны научного познания являются в равной мере необходимыми и взаимообусловленными компонентами, диалектическое взаимодействие которых составляет важнейшую особенность науки об источниках.

Зарубежные источники

1. *Amour, mariage, parenté*. In: *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*. Paris, 1981, Nov.–Déc.

2. *Bayer W.* Einführung in das Studium der Geschichte. Tübingen, 1921. Neudruck, 1960.

3. *Bensing M.* Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966. In: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1967, N 5.

4. *Behrendt L.* Laskowski S. Ruckik K. Neue sowjetische Arbeiten über Lenin als Historiker. In: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1970. N 3.

5. *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 5–6 Aufl. 1908.

6. *Berthold W., Küttier IV., Lozek G., Meier H., Schleier H.* Forschungen zu Theorie, Methodologie und Geschichte der Geschichtswissenschaft. In: *Historische Forschungen in der DDR*. 1970–1980. Berlin, 1980.

7. *Bloch M.* Apologie pour l'Histoire ou le Métier d'historien. 6-e ed. Paris, 1967.

8. *Brand von, A.* Werkzeug des historikers. Einführung in die historischen Hilfswissenschaften. 7 Aufl., Stuttgart, 1973.

9. *Carr E.H.* What is History? London, 1962.

10. *Chatelet F.* Non, l'Histoire n'est pas insaisissable. In: *La Nouvelle Critique*. 1955, Mai.

11. *Clausen H. P.* Aviser som historisk kilde. Arhus, 1972.

12. *Collingwood R.* The Idea of History. New York, 1956.

13. *Cope E.* How to decipher study old Documents. London, 1903; republished Detroit, 1974.

14. *Crubeller M.* Sens de l'Histoire et religion. Bruges, 1957.
15. *Crumph C. G.* History and historical Research. London, 1928; reprinted from the original edition in the University of Minnesota, 1974.
16. *Dain A.* Les manuskrits. Paris, 1949.
17. *Dardel E.* L'Histoire, science du concret. Paris, 1946.
18. *Delor K.* Introduction aux sciences auxiliaires de l'Histoire. Paris, 1969.
19. *Droysen J. G.* Historik. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte. München, 1958.
20. *Dupront A.* Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective. In: Annales. Economies, Sociétés, Civilisation. 1961, N 1.
21. *Duby J.* Medieval Marriage. Baltimore, 1978.
22. *Durye P.* La généalogie. Paris, 1961.
23. Einführung in das Studium der Geschichte. Hrsg. von W. Eckermann und H. Mohr. Berlin, 1966.
24. Einführung in das Studium der Geschichte. Hrsg.; W. Eckermann et al. 3., völlig neu erarbeitete Auflage. Berlin, 1979.
25. *Elton G. R.* The Practice of History. London, 1967.
26. *Erslev K.* Historische Technik. Berlin, 1928.
27. Etudes historiques Hongroises. Budapest, 1975.
28. *Febvre L.* La terre et l'évolution humaine. Introduction géographique à l'histoire. Paris, 1922.
29. *Febvre L.* Combats pour l'Histoire. 2-me ed., Paris, 1965.
30. *Febvre L.* Pour une histoire à part entière. Paris, 1962.
31. *Fekete L.* Einführung in die persische Paläographie. (101 persische Dokumente). Auf dem Nachlass des Verfassers. Hrsg. von G. Hazai. Budapest, 1977.
32. *Fiala Z.* Diplomatika jedna – nebo dvě? Několik úvah. In: Archwni časopis. Praha. T. 1. 1960.
33. *Fiala Z.* Pomocné vědy historické v ČSR 1960–1969. In: Archwni časopis, 1970. N 3.
34. *Freeman E.* The historical Geography of Europe. London, 1982.
35. *Freeman E.* The Methods of historical Study. London, 1886.
36. *Gallbraith V. H.* An Introduction to the Study of History. London, 1964.
37. *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris. 1893; nouveau tirage 1924.
38. *Gray W.* Historians Handbook. A Key to the Study and Writing of History. Boston, 1964.

39. *Guenée B.* La généalogie entre l'histoire et politique. La fierté d'être Capétien en France du Moyen Age. In: *Annales. Economie, Sociétés, Civilisation.* Paris, 1978, N 3.

40. *Handelsman M.* Historyka. Zasady metodologii i teorii poznania historycznego. Podrecznik dla szkół wyższych. Warszawa, 1928.

41. *Halkin L.* Initiation de la critique historique. Paris, 1973.

42. *Halkin L.* Initiation à la critique historique. Paris, 1951.

43. *Harsin P.* Comment on écrit l'histoire. Liege, 1933.

44. *Henz G. J.* Elemente einer allgemeinen historischen Quellenkunde. In: *Archiv für Kulturgeschichte.* Köln–Wien, 1974, N 1.

45. *Herre P.* Quellenkunde zur Weltgeschichte. Leipzig, 1910.

46. L'Histoire et ses méthodes. Ed. et préface de Charles Samaran. Paris, 1961; Paris, 1966 (*Encyclopedie de la Pléiade*, vol. 11).

47. L'Histoire sociale. Sources et methodes. Paris, 1967.

48. Historische Forschungen in der DDR. 1970–1980. Berlin, 1980.

49. *Hlavaček I., Kašpar Nový R.* Žaklady pomočnick ved historickich pro historiky. Praha 1967.

50. *Hledikova Z., Šisler S.* 10 let katedry pomočnick ved historickich a archivního studia. Akta universitatis Karolinæ. Z pomocnick ved historickich. III. Praha, 1975.

51. *Hockett H. C.* Introduction to Research in american history. New York, 1938.

52. *Hockett H. C.* The Critical Method in historical Research and Writting. New York, 1955.

53. *Jäger H.* Historische Geographie. Braunschweig, 1969.

54. Klassenkampf. Tradition. Sozialismus. Berlin, 1974.

55. *Kirn P.* Einführung in die Geschichtswissenschaft. 4 durchges. Aufl. Berlin, 1968.

56. *Fiala Z.* Diplomafika jedna – nebo dvě? Několik úvah. In: *Archwni časopis.* Praha. T. 1. 1960.

57. *Fiala Z.* Pomocné vědy historické v ČSR 1960–1969. In: *Archwni časopis,* 1970. N 3.

58. *Freeman E.* The historical Geography of Europe. London, 1982.

59. *Freeman F.* The Methods of historical Study. London, 1886.

60. *Gallbraith V. H.* An Introduction to the Study of History. London, 1964.

61. *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris. 1893; nouveau tirage 1924.

62. *Gray W.* Historians Handbook. A Key to the Study and Writting of History. Boston, 1964.

63. *Guenée B.* La généalogie entre l'histoire et politique. La fierté d'être Capétien en France du Moyen Age. In: *Annales. Economie, Sociétés, Civilisation.* Paris, 1978, N 3.
64. *Handelsman M.* Historyka. Zasady metodologii i teorii poznania historycznego. Podrecznik dla szkół wyższych. Warszawa, 1928.
65. *Halkin L.* Initiation de la critique historique. Paris, 1973.
66. *Halkin L.* Initiation à la critique historique. Paris, 1951.
67. *Harsin P.* Comment on écrit l'histoire. Liege, 1933.
68. *Henz G. J.* Elemente einer allgemeinen historischen Quellenkunde. In: *Archiv für Kulturgeschichte.* Köln – Wien, 1974, N 1.
69. *Herre P.* Quellenkunde zur Weltgeschichte. Leipzig, 1910.
70. L'Histoire et ses méthodes. Ed. et préface de Charles Samaran. Paris, 1961; Paris, 1966 (*Encyclopedie de la Pléiade*, vol. 11).
71. L'Histoire sociale. Sources et methodes. Paris, 1967.
72. Historische Forschungen in der DDR. 1970–1980. Berlin, 1980.
73. *Hlavaček I., Kašpar J., Nový R.* Základy pomočnických ved historických pro historiky. Praha 1967.
74. *Hledikova Z., Šisler S.* 10 let katedry pomočnických ved historických a archivního studia. Akta universitatis Karolinae. Z pomocních ved historických. III. Praha, 1975.
75. *Hockett H. C.* Introduction to Research in american history. New York, 1938.
76. *Hockett H. C.* The Critical Method in historical Research and Writing. New York, 1955.
77. *Jäger H.* Historische Geographie. Braunschweig, 1969.
78. Klassenkampf. Tradition. Sozialismus. Berlin, 1974.
79. *Kirn P.* Einführung in die Geschichtswissenschaft. 4 durchges. Aufl. Berlin, 1968.
80. *Kula W.* Miary i ludzie. Warszawa, 1970.
81. *Kula W.* Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963.
82. *Langlois Ch.-V., Seignobos Ch.* Introduction aux études historiques. Paris, 1898; Introduction to the Study of history. London, 1966, Lebens-fahrung und Kollektiven Gedänkniss. Die Praxis der Oral History, 1980.
83. *Le Roy Ladurie E.* La territoire de l'historien. Paris, 1973.
84. *Lötzke H.* Archivwissenschaft, Quellenkunde und der historische Hilfswissenschaften. In: *Historische Forschungen in der DDR.* 1960–1970. Berlin, 1970.
85. *Lötzke H.* Historische Quellenkunde und Hilfswissenschaften, Archivwissenschaft. In: *Historische Forschungen in der DDR.* 1970–1980. Berlin, 1980.

86. *Marrou H. J.* De la connaissance historique. 3-me ed. Paris, 1959.
87. *Marrou H. J.* Lettre a m. André Piganiol. In: *Revue de Methaphysique et de Morale*. 1955, Juill.–Sept.
88. *Marrou H. J.* Theorie et pratique de l'histoire. In: *Revue historique*. 1965, № 1.
89. *Marnick F.* The Natur of History. New York, 1971.
90. *Matthews G.* Plas Names of the English speaking World. London, 1972.
91. *Meisner H. O.* Urkunden und Aktenlehre der Neuezeit. 2-ed., 1952.
92. *Michalek J.* Spomienkove rospravanie s historickou tematikou. Bratislava, 1971.
93. *Namier L., Brooke J.* The history of Parlament. The House of Commons s 1754–1790. Members. T. I–III. London, 1964.
94. *Nouschi A.* Initiation aux science historique. Paris, 1967.
95. *Nugent W.* Creative History. An introduction to historical Study. Indiana university. Philadelphia – New York, 1966.
96. *Ozyf J.* Mesure et demesure. L'étude de l'opinion. In: *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*. 1966, Mars.–Avril.
97. Papers of the Mongolian delegates to the XIV International Congress of historical sciences. Ulan Bator, 1975.
98. *Pasák T.* Soupis legálnich novín, časopisú a úřednich véstinkou v českých zemích z let 1939–1945. Praha, 1980.
99. *Perrin Ch.-E.* L'histoire et ses méthodes. In: *Journal des savants*. Paris, 1962, Juill.–Sept.
100. *Peronnet M.* Généalogie et histoire. Approches méthodiques. *Revue historique*. Paris. T. 1.1968, Jant. – Mars.
101. *Piganiol A.* Que-est ce que l'histoire? In: *Revue de Methaphysique et de Morale*. Paris, 1955, Juill. – Sépt.
102. Probate inventories. A new source for the historical study of Wealth, material culture and agricultural development. Edited by A. Wander Woude and A. Schuman. Wageningen, 1980.
103. Probleme der Geschichtswissenschaftliche Erkenntnis. Hrsg. E. Engelberg, W. Kuttler. Berlin, 1977.
104. Probleme der Methodologie. Hrsg. E. Engelberg. Berlin, 1973.
105. Quellenkunde der deutschen Geschichte. 8–Aufl. Leipzig, 1912 (Dahlmann – F., Waitz G.).
106. *Raabe P.* Quellenkunde zur neueren deutschen Literaturgeschichte. Stuttgart, 1962.

107. *Radant H.* Betriebsgeschichtsarbeit erfordert planmäßige Quellenforschung. In: Archivmitteilungen, 1981, №. 4.
108. Raisonement et démarches de l'historien. In: Revue de l'Institut de sociologie. T. 4. Bruxelles, 1963.
109. *Renouvin P.* L'histoire contemporaine des relations internationales. Orientation de recherches. In: Revue historique. T. 221. 1954.
110. *Ricoeur P.* Histoire et vérité. Paris, 1955.
111. *Rüdiger B.* Über Platz und Aufgaben der Quellenkunde in der marxistisch – leninistischen Geschichtswissenschaft. In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1973, N 6.
112. *Salmon P.* Histoire et Critique. 2-ed. Bruxelles, 1981.
113. *Santifaller L.* Gedanken und Anregungen über technische Probleme der historischen Grundwissenschaften. In: Relazioni del Congresso Internazionale di Scienze storiche. Vol. 1; Metodologia, Problemi generali. Scienze ausiliarie della Storia. Firenze, 1955.
114. *Santifaller L.* Urkundenforschung. Köln-Graz. 1968.
115. *Šebanek J.* Möglichkeiten und der weitere Entwicklung der Diplomatik in Rahmen der historischen Mediävistik. In: XII Congress International des sciences historiques. Rapports 1 Y. Wienne, 1965 Seignobos Chs. La méthode historique appliqué aux sciences sociales. Paris, 1901.
116. *Šouša J.* Konference o uloze diplomatiky v historickich vedach (K 300 vyrodci dila Jeana Mabilliona) In: Archivni časopis, Praha, 1981, N 1.
117. *Stengers J.* Unité et diversité de la critique historique. In: Revue de l'Institut de sociologie. Bruxelles, 1963, N 4.
118. *Studia źródłoznawcze.* Warszawa–Poznań. Tt. I–XXVI. 1959–1981.
119. *Trapp E.* Prosopographische Lexicon der Palaiologenzeit. Wien. 1976–1980.
120. *Thompson P.* The voice of the Past. Oral history. Oxford Univ. Press. London, 1978.
121. *Vansina J.* De la tradition oral. Essai de Methode historique. Tervuren. Belgique annales, 1961.
122. *Vilar P.* Histoire sociale et philosophie de l'histoire. In: La Pensée. T. 118, Paris, 1964, Dec.
123. *Vilar P.* Pour une meilleure compréhension entre économistes et historiens. In: Revue historique. T. 233, Paris, 1965.
124. *Wilson A.* Biography as history. Moscou, 1970.
125. *Xenopol A.* La theorie de l'histoire. Paris, 1908; *Žub Al.* Xenopol A. D. Bibliographie. Bucaresti, 1973.

126. *Антолоак Ст.* Помощни историски науки. Учебник. Издание на универзитот во Скопје. Скопје, 1966.
127. *Бояджиева Е.* Проблеми на съвременната научно-информационна дейност в историческата наука. – Исторически преглед, 1976, № 2.
128. *Василев К.* Ленин и някои методологически проблеми на историческата наука. – Известия на Института по история на БКП. Т. 23. София, 1970.
129. *Василев К.* Концепцията на Едуард Халет Кар за исторически-те факта. – Методологически и историографски проблеми на историческата наука. Т. I. София, 1973.
130. *Георгиев К.* Историята и нейните извори. София, 1981.
131. *Георгиев К.* Някои теоретични проблеми на партийно-историческото изворознание. – Известия на Института по история на БКП. Т. 31. София, 1974.
132. *Живкова А.* Лондонското четвроевангелие на дар Иван Александър от 1356 г. – Помощни исторически дисциплини. Т. I. София, 1979.
133. *Живкова А.* Четвроевангелие царя Ивана Александра. София, 1981.
134. Закон о заштита културних добара. Архивски преглед. Београд, 1978, № 1–2.
135. *Прибаджакос Н.* Клно перед съда на буржуазната философия. Към критиката на съвременната идеалистическа философия на историята. София, 1972.
136. *Коледаров П.* Някои въпроси на историческата география и картография в България. – Исторически преглед. Кн. 2. 1965.
137. *Косев Д.* – Интервю с акад. Д. Косев. (В творческата лаборатория на изследователя) – Помощни исторически дисциплини. Т. I. София, 1979.
138. *Магаева А.* Мемоарите като исторически извор и техни извороведски анализ. – Архивен преглед, 1981, № 3.
139. *Петрова Е.* Международен информационен център по балканистика. Помощни исторически дисциплини. Т. I. София, 1979.
140. Методологически и историографски проблеми на историческата наука. Т. 1–3. София, 1973–1979.
141. *Патерински А.* История и социология: теоретични и извороведски аспекти на интеграцията. – Помощни исторически дисциплини. Т. 1. София, 1979.

142. Помощни исторически дисциплини. Т. 1–3. София, 1979–1981.

143. *Тодорова А.* Някои методологически проблеми на историята. Исторически преглед. Кн. 1. 1977.

144. *Стефанов Н., Качаунов С., Симеонова К.* Структура и методология на историческото познание. София, 1971.

145. *Трайков В.* Научно дело на д-р Никола Михов. – Помощни исторически дисциплини. Т. 2. София, 1980.

146. *Христов Хр.* – Интервю с акад. Хр. Христов. (В творческата лаборатория на изследователя). – Помощни исторически дисциплини. Т. 2. София, 1980.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН⁶⁸³

Введение

Источниковедение социалистических стран развивается в настоящее время в условиях ускорения научно-технического прогресса, дальнейшего совершенствования социалистических производственных отношений, развития культуры, образования. Особая роль в обогащении духовного потенциала общества, активизации человеческого фактора, в тех переменах, которые совершаются на современном этапе развития социализма, принадлежит науке. «Гуманистическая природа социализма, марксистско-ленинское мировоззрение и методология позволяют нам занять лидирующие позиции не только в практике формирования нового человека, но и в научных исследованиях, интегрирующих сложную систему специальных – общественных – естественных наук»⁶⁸⁴. Человеческий фактор

⁶⁸³ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение социалистических стран: учеб. пособие. Отв. ред. А. Т. Николаева. – М.: МГИАИ, 1985. 103 с. Данное пособие было написано в условиях интеграции советской школы теоретического источниковедения с соответствующими направлениями в исторической науке социалистических стран. Понятно, что она в тот период могла осуществляться только на базе философии марксизма (исторического материализма) и требуемого классового подхода к историческим явлениям. Однако подлинной целью автора являлось обоснование объективности (т.е. доказательности) исторического познания и понимания источника как вполне «реального» элемента исторического процесса. Это позволяло противопоставить идеалистическому (в том числе – идеологическому) взгляду на историю методы доказательной реконструкции исторического прошлого. С этих позиций в пособии решаются проблемы интеграции и дифференциации в источниковедении, классификации исторических источников, обосновываются методы их научной критики, представлено переосмысление педагогических стратегий подготовки студентов и аспирантов разных стран. Это была именно та область практической деятельности, в которой О. М. Медушевская сыграла выдающуюся роль, сформировав интернациональную школу теоретического источниковедения.

⁶⁸⁴ *Фролов И. Т.* Время решающих перемен. Коренной поворот в ускорении научно-технического прогресса: социально-философские и гуманистические проблемы. – Вопросы философии, 1985, № 8, с. П.

является решающим во всех переменных, которые совершаются на современном этапе развития социализма, ускорения научно-технического прогресса. Истории в этих условиях принадлежит особая роль. Все это ставит перед исторической наукой задачи совершенствования ее профессиональных методов исследования социальных явлений прошлого, значительно расширяет функции использования ретроспективной информации документов – исторических источников.

Современное источниковедение развивается в условиях интеграции научного знания. Интенсивно происходят процессы взаимодействия и интеграции различных наук и их методов, формирования междисциплинарных, комплексных исследований на стыке наук. Источниковедение как историческая дисциплина, изучающая источники и методы получения из них информации о социальных явлениях и процессах, приобретает в этих условиях особую значимость. Важно подчеркнуть характерные черты этой научной дисциплины: изучая источники как результаты целенаправленной человеческой деятельности, источниковедение является одной из наук о человеке. В то же время, включая в свой предмет все многообразие источников, оно изначально нацелено на взаимодействие с другими науками, отраслями научно-практической деятельности. В настоящее время оно в особенности открыто для интеграционных процессов взаимодействия, для развития междисциплинарных комплексных исследований на стыке различных наук.

Источниковедение имеет богатый опыт развития в ряде социалистических стран, большую литературу по теории, истории своей дисциплины, методике. Все большее число специалистов общественных и естественно-научных дисциплин, истории науки и техники, ученых и практиков, работающих с документом как источником социальной информации, проявляет интерес к источниковедению как науке об источниках, к его методам.

В этой книжке рассматриваются актуальные проблемы источниковедения социалистических стран: понятие об историческом источнике и источниковедении как области

научно-практической деятельности (глава I), проблемы теории и методов источниковедения (главы II и III) и новые направления источниковедения в условиях развития научно-технического прогресса (глава IV). Как показывает изучение практики исследования и преподавания источниковедения, эти проблемы важны в условиях интеграции и дифференциации научного знания, возрастания роли и значения наук о человеке и обществе.

Глава 1. Источник и наука об источниках

Источниковедение – историческая дисциплина, изучающая исторические источники и методы работы с ними. Источниковедение как особая дисциплина, имеющая свой предмет, задачи и приемы изучения, сложилось в конце XIX – начале XX вв., когда появился сам термин «источниковедение» и стали создаваться специальные учебные и научные труды по источниковедению как части методологии истории. В странах социализма источниковедение развивается на базе методологии диалектического и исторического материализма.

Оно стало подлинно научным, и в настоящее время может быть определено как особая область научно-практической деятельности, как наука об источниках⁶⁸⁵. «Задачи марксистско-ленинского источниковедения как частной дисциплины марксистско-ленинской исторической науки состоят в том, чтобы, создав теоретически единое и исторически мотивированное описание и систематическую классификацию источников, дать информационную основу исследования источников», – отмечают историки ГДР⁶⁸⁶. В странах социализма предмет, задачи и методы источниковедения рассматриваются (при определенных различиях подхода и аспектов исследования) с единых позиций научного анализа закономерностей общественного развития и понимания источника как исторического (социально обусловленного) явления.

⁶⁸⁵ Источниковедение истории СССР. 2-е изд. – М., 1981.

⁶⁸⁶ Einführung in das Studium der Geschichte, – Berlin, 1966, s. 266.

1.1. Исторический источник

Предметом источниковедения являются исторические источники. Слово «источник» многозначно и употребляется в различных смыслах. Так, источники это – естественные выходы подземных вод (родники, ключи) на поверхность. Аналогичный смысл имеют слова, обозначающие «источник» в других языках, в которых оно вошло в понятие «источниковедение» или «критика источников».

Источники в первоначальном смысле – это то, что содержит необходимое для удовлетворения определенной потребности – в воде (как родник, ключ, ручей), либо в энергии («источники света» – естественные как солнце или луна и искусственные) или «источники тока» (преобразующие энергию в электрическую). Отсюда произошло, по аналогии, понятие источника – для удовлетворения духовной потребности (в знании, в информации) летописное – «книги суть реки, вселенную напоющие», или современное «книги – источник знания», «достоверные источники информации» и т. п. Все эти словоупотребления имеют то общее, что, в прямом или переносном смысле, они выражают отношение к объекту: источник это то, что может удовлетворить потребность в материальной или духовной «кажде» – воде, свете, другом виде энергии, в информации. Историк испытывает постоянную потребность в информации, созданной в прошлом, информации о прошлом (ретроспективной). Ее и дают источники.

От слова «источник» в исторической науке и было произведено понятие «источниковедение», которое утвердилось в конце XIX – начале XX вв. в русской и немецкой историографии, а затем распространилось как научный термин в ряде других стран (сравни понятие «джерелознавство» на украинском, «изворознание» – болгарском, «źródloznawstwo» в польском, «Quellenkunde» в немецком и т. п.). В ряде западно-европейских стран более употребительно понятие «критика источников», образованное от того же слова «источник» (Sours). Отсюда, напр., в

настоящее время понятие «Sursologie» в румынском, *Estudios de los fuentes*» в испанском и т. д.⁶⁸⁷

Источниковедение, по буквальному смыслу слова – «ведение», изучение, знание источников. Что же такое источник? Рассмотрим его определение.

Источник – продукт (результат) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о социальных явлениях или процессах. В первой части этого определения важно подчеркнуть два момента. Источник – продукт *человеческой* деятельности. Это позволяет нам разграничить то, что создано человеком (и историческим источником является) от того, что возникло в природе без участия человека (и источником не является). Если мы, напр., видим причудливые по форме камень, скалу, дерево, или же – подобие рисунка, знаков или букв на твердых материалах, то ключевым вопросом для нас является: произведение ли это, созданное сознательно и целенаправленно человеком, или же – игра случайных природных сил (выветривание, воздействие морских волн и т. п.). В зависимости от ответа на этот ключевой вопрос, в зависимости от своего происхождения, данный материальный объект либо является источником информации о человеке (обществе), либо им не является. Конечно, любой природный объект, будучи исследован геологом, представителем естественных наук, может стать источником ценных научных сведений о природных явлениях, о характерных земных условиях в их историческом развитии. В свою очередь, эти сведения могут быть полезны и для историка, для исследователя истории человеческого общества. Но в таком случае речь идет именно об использовании научных данных, полученных методами других наук. Методы источниковедения здесь не эффективны. Источниковедение – гуманитарная дисциплина в самом полном смысле этого слова: ее предметом, ее источниками являются все те (и только те) материальные объекты, к созданию или преобразованию которых,

⁶⁸⁷ См.: Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. – М., 1982, вып. I, с. 97.

человек приложил свой труд, свою сознательную, целенаправленную деятельность. Подчеркнем в определении источника этот, второй момент: источник – продукт целенаправленной человеческой деятельности.

Таким образом, определение источника очерчивает (теоретически) круг материальных объектов, созданных человеком в ходе социально обусловленной, направленной к достижению определенных, различных практических целей, деятельности. Все эти материальные объекты (продукты целенаправленной человеческой деятельности) – здания, обработанные пашни и сады, орудия и машины, и, в особенности для нас ценные, документы (рукописи, чертежи, книги) созданы в определенных конкретно-исторических условиях и отражают эти условия. В них реализованы в материальной форме (на материальном носителе) чувства и мысли людей, их создавших.

Источники не есть, в большинстве своем, какие-то особые, специально предназначенные для передачи исторических сведений, предметы или документы. Они становятся таковыми, если мы обращаемся к их изучению с целью получить определенную социальную информацию. Представьте, что вы пришли в музей П. И. Чайковского в Клину. Вас окружают предметы быта, рукописи, вы видите дом и сад. Но прямое назначение всех этих объектов, созданных в свое время для каких-то практических целей, вас не занимает. Важно другое: все они интересуют вас в каком-то новом своем качестве: они – источник информации о жизни, деятельности, о «системе ценностей», вкусах и занятиях композитора. Говоря обобщенно, они интересуют вас как источники социальной информации, информации о человеке и обществе, частью которого он был. Об этой нацеленности нашего интереса и говорит вторая часть определения: источник – продукт (результат) целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о процессах общественного развития.

Вещественные и письменные источники. Опираясь на это общее положение, мы можем далее различать источники различных типов, и в первую очередь – различного назначе-

ния, созданные для разных целей. И тогда можно выделить в качестве особой категории письменные, и – шире, – знаковые источники-*документы*. Человеческая деятельность по природе своей коммуникативна, – это значит, что люди в ходе этой деятельности обязательно общаются, обмениваются информацией: Это, прежде всего, личные контакты между людьми, для которых используется речь и другие системы общения, напр., язык жестов, морская сигнализация, подача звуковых сигналов в транспорте и т. п., воспринимаемая непосредственно в процессе такого общения, возможности которого могут быть расширены с помощью технических средств (труба герольда, рупор, телефонная связь), усиливающих возможности восприятия звуковых или других сигналов. Чем на более высоком уровне развития находится человеческая личность и общество в целом, тем более возрастает потребность в получении информации не только с помощью личных контактов и средствами непосредственного наблюдения. Возникает необходимость записи, документирования информации для того, чтобы она могла быть передана вне личного контакта – через посредство документа, записанного сообщения. Возникает письмо – знаковая система, позволяющая закреплять речь во времени и передавать ее на расстояние. Появляется документ – материальный носитель записи с зафиксированной на нем информации, предназначенный для ее сохранения и передачи во времени и пространстве. Назначение документа – служить для фиксации информации и ее передачи. Это назначение документа в определенном смысле совпадает с назначением источника. Документы – особая насыщенная информацией категория источников. Однако «документ» и «источник» понятия не вполне совпадающие и имеющие свою определенную специфику. Понятие «источник» значительно шире, оно включает как документы, несущие сознательно зафиксированную для передачи информацию, так и другие материальные объекты, созданные в процессе человеческой деятельности для других целей. Поскольку документы созданы в процессе человеческой целенаправленной деятельности, они могут служить источником, но в принципе понятия

источник и документ не совпадают. Понятие источник охватывает кроме документов и другие материальные объекты, созданные людьми для других целей, не для целей передачи информации, но для удовлетворения материальных потребностей (средства труда, машины, орудия, мебель, одежда и пр.).

Исторический источник – это источник, используемый для целей изучения исторических событий и фактов, т. е. событий прошлого. Это понятие сложилось в процессе развития исторической науки, складывавшейся веками для изучения событий прошлого. История как общественная наука изучает прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии. Для изучения прошлого необходимо получение информации источников о жизни человечества в прошлом – исторических источников. Исторические источники – это источники ретроспективной информации, информации об истории человечества во всей ее конкретности и многообразии. В принципе, подходя с научных позиций к проблеме соотношения прошлого, настоящего и будущего, мы знаем, что развитие человечества – единый естественно-исторический, развивающийся в соответствии с определенными закономерностями, процесс, в ходе которого настоящее, прошедшее и будущее взаимосвязаны. Настоящее становится прошлым, мгновение настоящего и его предпосылки находятся во взаимосвязи, прошлое и современность осмысливаются в историческом познании в их диалектической взаимосвязи.

Термин исторический источник не указывает на какие-либо особые, только ему присущие, свойства источника: он уточняет не столько специфику источника, сколько специфику той области знания, которая (в данном случае – историческая наука) привлекает источники для своих исследовательских целей – познания прошлого, познания истории человечества. Точно так же термин «историческое источниковедение» указывает на происхождение данной дисциплины, на то, что она возникла и развивалась долгое время в связи с задачами исторической науки, в ходе работы с источниками прежде всего историков. В настоящее время сфера приложения методов, выработанных источни-

коведением, расширилась. Расширив сферу применения своих методов, источниковедение, однако, в полной мере сохраняет свою исторически сложившуюся связь с фундаментальной наукой с человеком – исторической наукой.

Исторический источник и памятник прошлого. В литературе можно встретить понятие памятника прошлого как синонима исторического источника («исторический источник – всякий памятник прошлого»⁶⁸⁸). В наше время в законодательствах и правовой язык вошло понятие «памятник истории и культуры». В этом смысле памятник – материальный объект, составлявший часть культурного достояния страны, народа, человечества. В нашей стране действует Закон об охране памятников истории и культуры, а в Конституции СССР записано, что охрана памятников истории и культуры является долгом каждого гражданина СССР⁶⁸⁹. Вопросам истории культуры и охраны памятников старины уделяется большое внимание в странах социализма. Как же соотносятся понятия: «памятник истории» и «исторический источник»?

В начале этой главы мы уже выяснили, что в ходе целенаправленной человеческой деятельности создаются материальные объекты, служащие в практической деятельности разным целям. Эти материальные объекты создаются для удовлетворения практических потребностей повседневной практики, жизни. В этом своем первичном качестве они прежде всего и используются. На определенном уровне общественного сознания, включающего как одну из составляющих его – историзм, интерес к прошлому, к истории культуры, возникает осознание того, что, помимо прямого практического назначения, эти материальные объекты имеют и другую, вторичную ценность: они смогут стать источниками, напомнить о прошлом, рассказать о нем.

⁶⁸⁸ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. 2-е изд. – М. 1962, с. 1.

⁶⁸⁹ Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры. – Ведомости Верховного Совета СССР, 1976, № 44, ст. 628.

Тогда возникает, а в наше время законодательно закрепляется понятие «памятника истории и культуры». Это – напоминание о том, что созданное людьми в прошлом не утрачивает своей общечеловеческой, культурной ценности, должно быть сохранено, чтобы потом служить историческим источником – источником по истории культуры, истории техники, истории страны, народа. Понятие «памятник истории и культуры» в этом отношении очень важно, оно обращено не только профессиональным историкам, но ко всем гражданам страны, оно напоминает о том, что нужно сохранить, уберечь. Охрана памятников – необходимое условие для возможного использования их в качестве источников исторической информации.

Таким образом, ряд таких понятий, как: 1) материальный продукт (целенаправленной человеческой деятельности), 2) памятник истории и культуры, 3) исторический источник – не исключают друг друга и не обозначают чего-то взаимоисключающего и разнородного. В этих понятиях подчеркиваются различные свойства, различные потенциальные возможности объектов: 1) их практическое назначение в современной действительности; 2) существование заключенной в них ретроспективной информации, о чем следует помнить; 3) возможность использования этой ретроспективной информации для изучения социальных явлений.

Правовой статус памятника истории и культуры, его защита законодательным порядком есть важное завоевание культуры социалистического общества, один из ярких признаков историзма общественного сознания, общественного строя социалистических стран.

1.2. Источниковедение, его цели и области применения

Цели и задачи источниковедения

Источниковедение изучает исторические источники и разрабатывает методы получения через них ретроспективной информации о процессах и явлениях общественного развития. Цель данной дисциплины состоит в том, чтобы изучение источников проводилось надежными методами, которые обеспечивали бы получение из источников достоверной и достаточно

исчерпывающей информации. Именно ради этой цели в исторической науке и возникла специальная историческая дисциплина, охватывающая вопросы отыскания источников и «критики» содержащихся в них свидетельств о прошлом. Ради этой цели историческая наука создает и совершенствует свой профессиональный аппарат, свой «инструментарий» историка. Когда источниковедение сформировалось как особая дисциплина и как предмет преподавания в высшей школе (конец XIX – начало XX вв.), оно стало разрабатывать эти вопросы в двух направлениях: 1) обзор и характеристика основных источников исторического исследования и 2) «критика» содержания источника, т. е. разработка методов проверки достоверности исторических свидетельств. В отечественном источниковедении решались обе эти задачи. Так, напр., курс источниковедения, разработанный В. О. Ключевским⁶⁹⁰, содержал обзор основных источников отечественной истории (летописи, акты и др.), а курс методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского главное внимание уделял вопросам критического анализа методов их исследования⁶⁹¹.

Возникнув первоначально как практическая (опирающаяся на конкретные наблюдения историков в ходе их работы с источниками), вспомогательная дисциплина истории, источниковедение на основе научного понимания закономерностей общественного развития сформировалось в подлинно научную дисциплину. На основе диалектического и исторического материализма была раскрыта природа источника как исторического явления, возникающего в определенных исторических условиях, в ходе общественной борьбы и отражающего эти условия.

В настоящее время источниковедение ставит перед собой две взаимосвязанные задачи: изучение и характеристика источниковой базы исторической науки и разработка методов источниковедческого анализа. Теория, общая методика и основные

⁶⁹⁰ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. VI. Специальные курсы.

⁶⁹¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. – СПб., 1913, ч. II. В работах по методике исторического исследования конца XIX – начала XX вв. под «источниковедением» понимались обзор и характеристика источников, методы же источниковедческого анализа определялись как «критика источников».

задачи источниковедения определяют сложившуюся структуру этой дисциплины. Общие принципы и методы работы с источниками рассматриваются в начале курса (раздел теории и общей методике). Обобщены, как бы вынесены за большие скобки, принципы и методы, относящиеся ко всем видам и категориям источников и опирающиеся на общие свойства источников. На основе теоретических представлений о природе и общих свойствах источников разрабатываются принципы их классификации. Далее, в последующих разделах, источники рассматриваются по социально-экономическим формациям, историческим эпохам. Применяется классификация и характеристика источников по видам, что позволяет лучше раскрыть видовые особенности источников и соответствующие им видовые методики источниковедческого анализа. Так, в программе курса «Источниковедение истории СССР» МГИАИ эта структура курса отражена в разделах: теория и методика, источники периода феодализма, капитализма и источники истории СССР советского периода⁶⁹².

Источниковедение среди других областей знания

Определив объект источниковедения – исторический источник, мы можем теперь соотнести источниковедение с другими областями знания по объекту и по предмету каждой из них. Отметим здесь, что понятия объект к предмет науки не всегда в литературе достаточно четко различаются, а иногда употребляются даже как синонимы. Однако для того чтобы провести эту работу – соотнесение источниковедения с другими областями знания, необходимо четко различать эти два понятия. Объект как философская категория противопоставляется субъекту в его практической и познавательной деятельности, это – объектив-

⁶⁹² Источниковедение истории СССР. Программа курса. – М.: МГИАИ, 1983. В источниковедении ГДР рассматриваются общие принципы марксистско-ленинского источниковедения и даются обзоры и характеристики источников по историческим периодам. Дается также характеристика источников по различным типам и видам. См.: Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966.

ная реальность, существующая независимо от человека и его сознания. Объект науки – это те материальные объективные реальности, которые входят в сферу ее изучения. Объектом источниковедения являются источники (материальные, реальные объекты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности – документы, орудия, машины и др.).

Тот факт, что наука изучает реальные объекты, возникшие независимо от представлений исследователя, от его сознания, создает принципиальную возможность познания: источники возникают в реальной, объективно существующей действительности, вне зависимости от историка, который с той или иной целью обращается к их изучению. Через источники может быть познана та реальная действительность, в которой эти источники возникли, может быть познана история общественного развития.

Для определения науки и ее места среди других областей знания недостаточно указать на объект изучения. Науки могут изучать один и тот же, реально существующий объект, но различаться по своим целям, по своему подходу к этому объекту, иначе говоря, могут иметь различный предмет изучения. Можно привести такой пример: реально существующие люди, человек является общим объектом, который изучается психологом, историком, модельером и т. д. Но каждого из них интересуют разные вопросы, каждый подходит под своим углом зрения, обращает главное внимание на те или иные свойства. Так и к источнику можно подходить с разных точек зрения. Предмет, цель изучения определяет подход к объекту, задачи, методы науки.

Каковы же соотношения источниковедения с другими науками?

Источниковедение и историческая наука. История – общественная наука, изучающая прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии. Изучая прошлое в качестве своего предмета, историческая наука ограничена в своих возможностях непосредственно наблюдать интересующие ее общественные явления, поскольку они совершились в прошлом. Историческая наука привлекает документы, свидетельства,

материальные остатки прошлых эпох, используя их в качестве исторических источников. Источниковедение, в свою очередь, изучает эти же реальные объекты – исторические источники. В этом отношении можно сказать, что объект наблюдения, объект изучения источниковедения и истории совпадает. Но при этом различаются их цели и задачи, не совпадает предмет исследований. В отличие от историка, который черпает в источниках информацию о прошлом, о процессах общественного развития, источниковед имеет в качестве предмета своего изучения сами источники. Его интересуют их свойства отражать социальную действительность, закономерности возникновения источников, особенности преломления в их содержании социальной информации. Соответственно его интересуют возможные методы получения социальной информации с помощью источников, пути совершенствования этих методов, повышения их эффективности. Предмет научно-практической работы историка и источниковеда не совпадает, он различен⁶⁹³. Для исторической науки источниковедение важно потому, что оно создает возможности для историка ориентироваться в разнообразии исторических источников, отбирать наиболее важные для изучения той или иной эпохи или проблемы, относиться к свидетельствам источников критически. Развитие исторической науки всегда связано с введением в научный оборот новых исторических источников. Вначале ограничиваясь по преимуществу письменными документами по истории феодальной Европы, источниковедение в XX веке осваивает все новые типы и виды исторических источников – по истории нового и новейшего времени, по истории все новых стран и народов, по истории науки и техники, расширяя источниковую базу и обогащая методы их исследования.

Источниковедение и архивоведение. Архивоведение – комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теоретиче-

⁶⁹³ Разумеется, это разграничение историка и источниковеда – логическое. В практике исследователь должен владеть методами исторической науки и источниковедения, поскольку они взаимно помогают друг другу. Но все же задачи и методы их решения при этом различаются.

ские, правовые и методические вопросы архивного дела. В свою очередь, архивное дело – отрасль деятельности, охватывающая политические, научные, правовые и практические вопросы хранения, организации и использования архивных документов. Архивоведение и источниковедение имеют различный предмет и не совпадающий объект исследования, но при этом находятся между собой во взаимообогащающих и весьма важных интеграционных взаимосвязях. Это определяется, прежде всего, объектом данных научных дисциплин. Объект источниковедения это – (теоретически) все письменные источники (и не только они), в том числе и архивные документы. Архивоведение, в свою очередь, имеет своим объектом архивные документы (документы, хранящиеся в архиве), а своим предметом теоретические, правовые и методические вопросы хранения, организации, использования архивных документов. Ряд аспектов соотношения источниковедения и архивоведения, источника и документа стали темой специальных теоретических исследований⁶⁹⁴.

Взаимосвязи источниковедения и архивоведения развиваются по ряду научно-практических направлений. Отметим здесь два из них:

1. Архивные документы могут служить источниками информации о прошлом (ретроспективной информации). Поэтому к ним могут и должны применяться методы источниковедения и, прежде всего, источниковедческого анализа. Цель источниковедческого анализа, как известно, – изучение происхождения и содержания источника с целью раскрыть полноту и достоверность информации источника. В соответствии с выводами источниковедческого анализа определяется значение данного источника, его ценность и высказываются практические рекомендации по его использованию. Метод источниковедческого анализа, источниковедческий подход составляет необходимый компонент работы с архивными документами: для отбора для хранения, введения в научный

⁶⁹⁴ *Автократов В. Н.* Архивоведение в кругу других областей знания. – Советские архивы, 1973, № 2; *Илизаров Б. С.* Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. – М., 1984.

оборот путем публикации или в других формах, составления научно-справочного аппарата и др. Архивоведение имеет в своем распоряжении ряд методов и использует их в комплексе. Однако следует подчеркнуть – методы источниковедения и опирающаяся на источниковедческий анализ оценка документа (или вида документов, комплекса взаимосвязанных документов) имеет для принятия решений архивистом принципиальное значение. Именно поэтому в подготовке историка-архивиста источниковедение – его теоретические проблемы и методы – занимает важное место. В настоящее время потребность в ретроспективной информации в жизни общества возрастает. Она необходима при решении крупных политических, народнохозяйственных, культурных и научных проблем⁶⁹⁵. В архивных документах содержится ценнейшая информация об историческом опыте прошлого.

Тесная связь источниковедческих исследований и работы государственной архивной службы характерна для ряда социалистических стран. Так, напр., ученые ГДР подчеркивают, что историк должен знать взаимосвязи марксистско-ленинского архивоведения с источниковедческими исследованиями и применять их в своей работе. В этом смысле историки ГДР рассматривают архивоведение как историческую вспомогательную дисциплину⁶⁹⁶.

Возрастание общественно-политической роли государственной архивной службы определяет необходимость дальнейшего совершенствования подготовки специалистов.

2. Архивное дело как отрасль деятельности общества, охватывающая политические, научные, правовые и практические аспекты хранения и организации использования архивных документов, имеет свою историю развития. Для более эффективного ее научного изучения имеются свои источники. Это –

⁶⁹⁵ Ваганов Ф. М. Возрастание общественно-политической роли государственных архивов в условиях развитого социализма. – Советские архивы, 1985, № 4, с. 20–22.

⁶⁹⁶ Lötjke H., Die Archive. In.: Einführung in das Studium der Geschichte, – Berlin, 1979, s. 501.

документы ряда государственных учреждений, фонды выдающихся деятелей архивного дела, документы по истории архивного образования, многие другие. Актуальной задачей является поэтому специальная разработка проблем источниковедения истории архивного дела. Обе основные задачи источниковедения находят здесь свое применение: это выявление и разработка важнейших видов источников, источниковой базы и проведение исследования источников по конкретным проблемам истории архивного дела в его историческом развитии. Разработка источниковедческих проблем истории архивного дела – одна из актуальных проблем, сфера взаимодействия, интеграции современного источниковедения и архивоведения.

Источниковедение и документоведение. Документоведение – научная дисциплина, изучающая закономерности образования документов и разрабатывающая способы создания документов, принципы организации документооборота и построения систем документации.

Документоведение имеет своим объектом – документы и документные системы. Они для источниковедения являются также (наряду с другими типами и видами источников) объектом изучения. Есть общие аспекты и в определении предмета обеих дисциплин, что создает реальные возможности для более многопланового взаимодействия методов источниковедения и документоведения, чем это имеет место в настоящее время, по ряду направлений. Отметим здесь следующие из них:

1. В работе с документами (при разработке способов их создания, совершенствования организации документооборота и систем документации) документоведческие методы ориентированы, главным образом, на анализ тех свойств формы и содержания документов, которые определяются их функционированием в управленческой практике. Это научно-практический подход выступает в качестве главного в документоведении. В то же время, он не охватывает полностью тех критериев, которые определяют возможности документа как источника ретроспективной информации. Источниковедческие критерии анализа (в данном случае документов управленческой практики) обогащают специалиста возможностями исторического, фундаментального,

более многоаспектного подхода к анализу формы и содержания документов, оценке их значения.

2. Источниковедческий подход, с позиций которого делопроизводственная документация представляет один из компонентов источниковой базы данной исторической эпохи, дает возможность оценки этой документации с учетом состояния источниковой базы эпохи в целом (периодическая печать и другие средства массовой документации, фото-, фоно-, кинодокументы, эпистолярные и другие источники личного происхождения, и др.), с точки зрения характерной для данной эпохи структуры источниковой базы, ее сохранности и др. Создается возможность соотнесения критериев документоведения и источниковедения применительно к анализу, конкретных документоведческих проблем.

3. Документоведение как научная дисциплина, и как отрасль научно-практической управленческой деятельности имеет свою историю. Для правильной постановки ее изучения необходима разработка источниковедения истории – данной отрасли и последующего изучения источников (законодательство, нормативные и инструктивные документы, научные труды и разработки учреждений, ученых и практиков, учебные пособия, мемуары и др.).

Источниковедение и музееведение. Музееведение – научная дисциплина, изучающая историю музеев, их общественные функции, теорию и методику музейного дела. Музеи как научно-исследовательские учреждения осуществляют комплектование, хранение, изучение и популяризацию памятников естественной истории, материальной и духовной культуры. Музеи хранят письменные документы, вещественные памятники, являющиеся историческими источниками. Поэтому изучение музейных памятников предполагает использование методов источниковедения. Активизация музейной работы в странах социализма делает необходимой более широкое использование источниковедческих исследовательских методов в работе о историческими свидетельствами, хранящимися в музеях. Этим проблемам посвящен ряд трудов советских историков, историков ГДР, других социалистических стран.

Особое значение взаимосвязь источниковедческих и музееведческих методов приобретает в настоящее время, когда активно решается общегосударственная задача охраны историко-культурного наследия, изучения народной культуры, воспитания общественно-исторического сознания, расширения источниковой базы наук (истории, языкознания, литературоведения, искусствоведения и других)⁶⁹⁷. Актуальны проблемы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников общественных музеев⁶⁹⁸. Бурно развивается массовое движение, направленное на собирание памятников истории и культуры, и прежде всего это касается документальных памятников, собираемых в музеях, работающих на общественных началах. Ценный свод в форме каталогов, вводящий в научный оборот памятники письменности, хранящиеся в местных музеях Вологодской области, – ценные исторические источники – хорошо показывает эффективность применения источниковедческих методов к памятникам письменности, хранящимся в музеях⁶⁹⁹.

В работе «О постановке источниковедческих исследований в ГДР и возможностях взаимодействия между музеологией и источниковедением» историк ГДР Б. Рюдигер отмечает, что сотрудничество этих научных дисциплин является одним из значительных факторов повышения эффективности в исследовательской работе: свой инструментарий исследовательских методов музеология может расширить применением источниковедения, так как обе дисциплины разрабатывают тот же самый объект под различными, но затрагивающими друг друга аспектами. В свою очередь, большее внимание к музейным памятникам может принести пользу и источниковедению.

⁶⁹⁷ Шмидт С. О. Ред. статья в кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. – М., 1982, ч. 10. Памятники нового времени и советской эпохи, с. 3.

⁶⁹⁸ Об этом см. статьи П. А. Колесникова, А. А. Курносова, Н. И. Решетникова и других авторов. – В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры, ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи.

⁶⁹⁹ Памятники письменности в музеях Вологодской области. – Вологда, 1984, ч. 5.

Источниковедение, таким образом, взаимосвязано с теми областями научно-практической деятельности, в которых используется социальная информация этих источников. Это постоянно обогащает источниковедение знаниями о вновь возникающих или вводимых в научный оборот источниках. В свою очередь, применение методов источниковедческого анализа обогащает те области научно-практической деятельности, которые работают с документами или другими историческими источниками и используют ту социальную информацию, которую источники в себе несут. Взаимодействие (интеграция) методов источниковедения и других областей науки и практики уже осуществляется и имеет перспективы дальнейшего развития.⁷⁰⁰

Глава 2. Проблемы теории

В данной главе рассматриваются проблемы теории источниковедения и те принципы общей методик, которые опираются на теоретические положения о природе источников и их свойствах. Теория – система основных идей в той или иной отрасли знания. Это форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Теория источниковедения представляет собой систему достоверного научного знания о совокупности объектов (исторических источников), рассматриваемых в их существенно общих свойствах. Теория источниковедения есть форма научного мышления, позволяющая получить из источников достоверную информацию о социальных явлениях и процессах. Это – система знания об общих свойствах источников, о закономерностях возникновения источников, их существенных связях с реальной действительностью и о закономерностях их познания.

⁷⁰⁰ *Rudiger B.* Zum Stand der quellenkundlichen Forschung in der DDR und zu den Möglichkeiten einer Zusammenarbeit zwischen Museologie und Quellenkunde. In.: *Neue Museumkunde*. Berlin, 1979, n. 4.

2.1. Природа исторического источника

Источник – объективная реальность

Научное источниковедение имеет своей методологической основой материалистическую теорию познания: все наши знания есть отражение объективного мира, его связей и закономерностей, познаваемых в процессе общественно-исторической практики.

Объект есть философская категория, выражающая то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. В источниковедении объектом является совокупность исторических источников, которые возникли в процессе целенаправленной человеческой деятельности (в ходе исторического развития общества). Они возникли и создавались в соответствии с целями и задачами людей своего времени; они существуют независимо, объективно по отношению к познающему субъекту – будущему историку, источниковеду. Лишь в ходе последующего изучения, в ходе познавательного процесса они станут использоваться в качестве исторических источников – источников информации о прошлом, о том обществе и о тех людях, которые в свое время их создали.

Это положение – об объективном характере исторических источников по отношению к познающему субъекту – историку имеет важное методологическое значение⁷⁰¹. В идеалистической философии и историографии вопрос об отношении историка к источнику не находит чёткого научного объяснения. В ней можно встретить тезис о том, что «источник создается историком», что историк имеет дело собственно не с источником, а с тем представлением (познавательным образом), которые он себе о нем создает. Изучение источника историком – действительно сложный познавательный процесс, и историк далеко не

⁷⁰¹ О соотношении субъекта и объекта в историческом познании см.: *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. – М., 1981; *Стоянов Ж.* Философски проблеми на историческото познание. – София, 1982.

всегда может правильно оценить информацию источника: оставаясь в кругу собственных представлений, принимая на веру версию автора источника и т. п. Но это уже трудности другого порядка – трудности исследовательского познавательного процесса (ступеней и форм процесса познания, условий и критериев его достоверности и истинности). В принципе же объективное знание об историческом процессе возможно именно потому, что источник по отношению к познающему субъекту – историку представляет собой объективную реальность, он создается и существует вне познавательной деятельности историка, независимо от нее. Именно потому и возможно истинное, достоверное знание о прошлом. Истина – правильное адекватное отражение явлений действительности познающим субъектом, воспроизводящее явления, существующие вне и независимо от сознания. Независимое от сознания историка возникновение тех объектов, которые затем станут историческими источниками – предпосылка и условие возможности достоверного знания о прошлом.

Источник – историческое явление

Для научной теории источниковедения важное значение имеет положение об источнике как историческом явлении, возникающем в определенных конкретно-исторических условиях и отражающем эти условия⁷⁰². Исследовать источник, возникающий как продукт целенаправленной человеческой деятельности, возможно лишь исходя из того, какими причинами было вызвано появление в определенных конкретно-исторических условиях этого источника, какое место он занимал, какой цели служил в ходе данного исторического времени: Манифесты Е. И. Пугачева, Соборное Уложение 1649 года, остроподемическая переписка И. Грозного с А. Курбским – исторические источники, но прежде всего это документы своего времени. Чтобы использовать их информацию в этом качестве, необходимо

⁷⁰² Документы Ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. – М., 1975; Переписка И. Грозного с А. Курбским. – М., 1979.

установить, в какое время, в каких условиях общественной борьбы и для каких целей они созданы⁷⁰³.

Уложение 1649 года – правовой кодекс, созданный феодальным государством для правового закрепления сложившихся социально-экономических классовых отношений, и прежде всего для закрепления феодального права, власти феодалов над крестьянами². Манифесты Пугачева – публицистические воззвания, формулирующие требования и лозунги восставших в ходе Крестьянской войны под водительством Е. И. Пугачева. Публицистика Грозного и Курбского – публицистические произведения, в которых борющиеся группировки феодального класса выражают свою программу и полемически оценивают позиции противной стороны. Писцовые книги XVI–XVII вв. – документы феодального учета земельных владений, создаваемые в практических (фискальных) целях феодального централизованного государства. Каждый источник – историческое явление, возникающее в определенных условиях и создаваемое в определенных практических целях. Они возникли независимо от того, обратится ли к ним историк в поисках исторической информации – о классовой борьбе, правовой, общественной структуре и политическом строе страны XVI–XVII вв. Они возникли независимо от того, каким явится этот познающий субъект – историк; по отношению к процессу его познания эти документы существуют независимо как реальности своего времени.

Положение теории источниковедения о том, что каждый источник есть прежде всего историческое явление своего времени и только в качестве такого может быть правильно понят и истолкован, явилось важным теоретическим достижением научного источниковедения. Это положение опирается на научную методологическую основу и имеет важные следствия для теории источниковедения.

Концепция источника как исторического явления, разработанная в советской исторической науке, основывается на методологических критериях историзма, научного анализа

⁷⁰³ Памятники истории русского права. – М., 1957. вып. 6.

закономерностей общественного развития. Она находит свое развитие в исторической науке других стран социализма.

Развитие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в ГДР связано с достижениями марксистско-ленинской исторической науки⁷⁰⁴. Опыт ученых ГДР в разработке проблем источниковедения представляет несомненный интерес. Ими исследуются вопросы методологии истории, теоретические проблемы архивоведения, археографии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин.

В коллективном труде историков ГДР «Введение в изучение истории»⁷⁰⁵ исследовательские методы историков и работа с историческими источниками составляют центральную проблему, детально разработанную и наиболее обширную по объему. Здесь рассматриваются понятие проблемы как исходного пункта научно-исторического исследования и соотношение теоретического и эмпирического в исследовательском процессе. Особый интерес представляет проблема «Принципы марксистско-ленинской критики источников», которая рассматривается по трем аспектам: 1) принципы познания исторических фактов, 2) историческое источниковедение, 3) принципы критики источников. Историческое источниковедение рассматривается как часть марксистско-ленинской исторической науки, которая изучает исторические источники. Созданные в процессе общественного развития продукты, следы человеческой деятельности используются впоследствии в качестве исторических источников, составляя источниковую базу исторических исследований. Значение источниковедения рассматривается в свете методологического положения В. И. Ленина о фундаменте точных и бесспорных фактов, взятых в их совокупности, «без единого исключения», который и является основой всякого научного исследования⁷⁰⁶. Только основательное изучение источников

⁷⁰⁴ *Lötjke H.* Archivwissenschaft, Quellenkunde und der historischer Hilfswissenschaften. In.: Historische Forschung in der DDR. – Berlin, 1970.

⁷⁰⁵ Einführung in des Studium der Geschichte. – Berlin, 1979.

⁷⁰⁶ *Ленин В. И.* Статистика и социология. – Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.

может обеспечить исследователя таким фактическим материалом. Источниковедение как составная часть марксистско-ленинской исторической науки имеет своей задачей выработку теоретических принципов отыскания, выявления и систематизации источников, обзор исторических свидетельств и детальное их освещение по эпохам, периодам или тематике. Метод классового анализа обеспечивает научный подход к источникам на всех этапах работы с ними. Систематизация источников должна строиться в соответствии с принципами историзма и классового анализа, с учетом объективного отражения в них различных сторон общественного развития. На научной основе может использоваться видовой признак систематизации источников (акты, официальные документы, дневники, письма и т. п.).

Профессор Г. Летцке (ГДР) отмечает, что «марксистское понятие источника включает в себя всю сферу жизни и деятельности людей. Таким образом, цельная фиксация человеческой деятельности, поскольку она свидетельствует об историческом развитии, составляет источниковедческую базу марксистской исторической науки»⁷⁰⁷.

С точки зрения фиксации человеческой деятельности им рассматриваются вещественные и изобразительные, устные и письменные источники, из числа которых последние занимают наиболее важное место. В этом смысле исторические исследования также являются источниками, «различие между источником и литературой обусловлено аспектом исследования».⁷⁰⁸

Г. Летцке ставит вопрос о соотношении источников, исходящих от угнетенных и господствующих классов, которое не остается неизменным (количественно и качественно) на различных этапах развития классового общества, а имеет свою динамику. Надо, заметить, что вопрос о репрезентативности источников и, в частности, о соотношении объема и характера сохранившихся источников и значимости отраженных в них исторических явлений недостаточно исследован. Между тем его значение трудно переоценить, особенно при решении проблем

⁷⁰⁷ Einführung in das Studium der Geschichte. – Berlin, 1-e Ed., 1966, s. 266.

⁷⁰⁸ Einführung... s. 266.

экспертизы ценности документальных материалов и других вопросов архивной исследовательской теории и практики. Подчеркивается принципиальное значение вопросов авторства и происхождения источников, без широкого социологического анализа которых не могут быть решены проблемы достоверности и оценки содержания исторического источника. Здесь рассматриваются такие стороны проблемы, как: классовый характер источника, установление времени и места его создания; авторство (автор как отдельное лицо, коллектив, государственный орган, хозяйственная организация); практико-техническое происхождение источника (канцелярия, например); цель создания источника. Принципиальное значение генетического анализа, прослеживающего по вертикали различные ступени образования источника, взаимосвязь его происхождения и цели создания, отмечаются в ряде разделов книги в связи с изложением методов источниковедения, архивоведения и документоведения. В частности, в связи с вопросом организации работы архива отмечается значение для архивоведения и источниковедческого исследования принципа происхождения источника как в практическом, так и в научном отношении.

В статье «Архивоведение, источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины»⁷⁰⁹ автор формулирует методологические положения этих исторических дисциплин, в задачу его входит освещение тех теоретических проблем исторического источниковедения, которые связаны с его постановкой как частной дисциплины исторической науки на базе исторического материализма.

Источники и источниковедение трактуются как средства познания исторического развития общества. Отмечено единство методологической базы исторического исследования, источниковедения и исторического изложения. Для классификации источников методологическое значение имеют положения марксистско-ленинской теории об общественном развитии, развитии производительных сил и производственных отноше-

⁷⁰⁹ Lötzkе H., Archivwissenschaft, Quellenkuade und der historischer Hilfswissenschaften. In.: Historische Forschungen in der DDR. 1960–1970. – Berlin, 1970.

ний, соотношения базиса и надстройки. Экономическое, политическое и культурное развитие, хозяйственная деятельность, деятельность государственного аппарата и общественных организаций создают соответствующие типы источников. При классификации источников применяются также критерии способа воспроизведения источников (письменные, устные) и их значения.

Классовый подход к источнику пронизывает все источниковедческие процессы и находит свое выражение в классификации источников и критической оценке свидетельств. При работе с источниками различных социально-экономических формаций этот методологический принцип реализуется в соответствии с конкретным материалом.

Вспомогательные исторические дисциплины рассматриваются в неразрывной связи с задачами источниковедческого анализа.

Характерной является взаимосвязь источниковедения и архивоведения. Рассматривая марксистско-ленинское архивоведение как информационную науку, Г. Летцке считает общей задачей архивоведения и источниковедения оптимизацию функционирования системы «исследование – источниковедческая база».

Автор статьи «О месте и задачах источниковедения в марксистско-ленинской исторической науке» Б. Рюдигер исходит из концепции источниковедения, которая сложилась в более ранних работах историков и архивистов ГДР, стремясь к ее развитию и уточнению⁷¹⁰. Ставя своей задачей уточнение понятия источниковедения, он сосредоточивает внимание на двух вопросах. Прежде всего, он подчеркивает отношение источника к тем общественным событиям, которые в нем отразились, расценивая это соотношение как принципиально важное в источниковедении. Источниковедение определяется как частная дисциплина исторической науки и в то же время неотъемлемая часть методики исторического исследования. Эта дисциплина,

⁷¹⁰ Rüdiger B. Über Platz und Aufgaben der Quellenkunde in der marxistisch-leninistischen Geschichtswissenschaft. In.: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1973, N 6.

основываясь на методологической базе диалектического и исторического материализма, разрабатывает принципы и методы добывания знания, используя для этого взаимосвязь исторических событий с возникновением источника. Эта главная для источниковедения взаимосвязь: создание источника как реально существующего объекта есть существенный элемент исторического события. Поэтому, подчеркивает автор, источник не есть только средство познания, но, прежде всего, – это объективно существующий элемент исторического процесса. Познание общественных процессов потому и возможно, что в ходе социальной деятельности людей их представления и наблюдения, цели и лозунги, задачи и пути их осуществления реализуются в источнике. Возникновение свидетельств есть неотъемлемая часть событий, необходимое условие общественной жизни вообще.

Этот факт имеет методологическое значение, представляя собою залог объективности исторического познания.

Расценивал далее критику источников как «ядро» источниковедческой работы, автор раскрывает свое понимание ее задач. В критике источников он различает два этапа – исторический и логический анализ. Исторический анализ Рюдигера близок к тому, что обычно понимается под изучением происхождения и авторства источника. Исторический анализ включает установление условий, в которых источник возник, его авторства, познавательного базиса, классовых позиций, времени и места создания, функций источника в общественной практике. Исторический анализ предполагает также выяснение связи данного источника с другими и создает предпосылку для последующего этапа – логического анализа. Логический анализ имеет целью извлечение из источника фактических данных. На этом этапе выясняется, какие именно свидетельства и о каких именно событиях в источнике содержатся, каковы установлены отклонения от исторической действительности (пропуски, преувеличения, неверный комментарий к правильному изложению фактов, неверное их связывание, отбор одних деталей с пропуском других и др.). Если факты наличия тех или иных отклонений установлены, выясняется их связь с теми факторами, которые их обу-

словили. Извлечение фактических данных и их проверка осуществляются в сопоставлении с другими источниками того же времени. Важно выяснить, каким образом свидетельства источника о событии связаны с обстоятельствами времени, как эти события были восприняты и отразились в источниках различного типа. Методологическую основу анализа логической структуры источника дает марксистско-ленинская теория. Она дает метод научного познания процессов отражения действительности в источниках и распознавания возможных при этом искажений.

Источниковедческая критика невозможна без привлечения различных типов и видов источников, требующих различной методики изучения, в связи с чем возникает необходимость разработки всего арсенала средств вспомогательных исторических дисциплин. Для источников новейшего времени характерно изобилие свидетельств, отражающих историческое событие с различных сторон. Это ставит с особой остротой проблему критериев научного отбора и методов оценки источников.

Область изучения социальной природы и социальных функций источника имеет принципиальное значение в марксистско-ленинском источниковедении. В своей статье Б. Рюдигер высказал мысль о том, что в связи с интенсификацией источниковедческих работ в ГДР следует полнее учитывать результаты советских исследований. Ускорение процесса обмена идеями в этой области науки действительно важно и будет способствовать дальнейшему развитию теории и методики анализа исторических источников.

Мировоззренческие категории, система воззрений на исторический процесс, система критериев оценки исторических явлений, – методология, – определяют последующий, конкретный анализ формы и содержания источника и реализуются в процессе исследования. Методология в ходе диалектического процесса познания многократно проверяется и обогащается практикой обращения к реальности материального объекта, созданного в ходе целенаправленной человеческой деятельности, – исторического источника.

2.2. Идеалистическая методология истории и исторический источник

Объективные свойства формы и содержания источника формируются под влиянием закономерностей общественного развития.

Источники, как уже отмечалось, возникают в ходе целенаправленной человеческой деятельности. Эта деятельность социально обусловлена: люди действуют в условиях своего времени, они ставят перед собой цели, связанные с реальностями эпохи и действуют в условиях, характерных для данного этапа общественного развития.

В конечном счете, при всей своей индивидуальности и особенностях, объективные свойства формы и содержания источников складываются под воздействием закономерностей общественного развития. Этот момент отметим как принципиально важный в теории источниковедения. Познавание объективных свойств источника возможно лишь с позиций научного анализа закономерностей общественного развития той эпохи, когда источник возник.

Теперь становится понятным, почему идеалистическая методология истории не становится основой цельного, систематического учения об источнике. История исторической науки дает нам возможность наблюдать характерные подходы идеалистического источниковедения к этой проблеме: 1 – позитивистское и 2 – «критической философии истории».

Формирование источниковедения как особой дисциплины

Формированию источниковедения как особой дисциплины предшествовал длительный период накопления практического опыта работы с источниками, документальными и нарративными. Это были источники по истории европейского феодализма, что соответственным образом повлияло на специфику профессионального аппарата исторической науки и особенности подготовки историка-специалиста, на практику преподавания. Особое место в накоплении методов источниковедческой критики принадлежало дипломатике, изучающей акты и более широко – документальные архивные источники, используя для

этого методы палеографии, сфрагистики, геральдики и данные ряда смежных с историей дисциплин: истории учреждений, истории права, архивоведения. Традиционные «вспомогательные науки истории», огромный опыт которых был накоплен в изучении отдельных сторон и свойств источников, не рассматривали источника в его целом. Положение начало меняться лишь в конце XIX – начале XX вв., когда стало очевидным, что исторические документы как свидетельства о фактах прошлого нуждаются в специальном анализе, философские дискуссии по поводу наук о природе и наук о духе (наук номотетических и идиографических) выдвинули тезис о специфичности исторического знания в сравнении с науками о природе. Возник интерес к исторической науке, пришлось задуматься над проблемой: если история не наблюдает непосредственно объект своего исследования, то как возможно историческое познание? В свете этой проблемы исторические документы как свидетельства о фактах прошлого нуждались в систематическом осмыслении, а методы изучения фактов и источников стали предметом специального изучения.

Постепенно, с расширением тематики исследований и введением в научный оборот новых источников, становилась более очевидной необходимость разработки общих основ их классификации и формирования критериев использования исторических свидетельств. В конце XIX в. профессор Школы хартий А. Жири в своем труде по дипломатике, выходя за рамки конкретно анализируемого материала, мечтал о будущей теоретической дисциплине, объектом которой явятся письменные документы «всех стран и времен»⁷¹¹. В ряде университетов были созданы учебники исторического метода. Наибольшая известность выпала на долю «Учебника исторического метода» Э. Бернгейма (Лейпциг, 1889 г.) и «Введения в изучение истории» Ш. Ланглау и Ш. Сеньбоса (Париж, 1898 г.)⁷¹².

⁷¹¹ *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1893. Nouveau ed. 1924.

⁷¹² *Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode, und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1908; *Langlois Ch. Seignobos Ch.*, Introduction aux études historiques, Paris, 1898; *Langlois C. Seignobos C.* Introduction a los estudios historicos. – La Habana, Ed. Universitaria, 1965.

В этих изданиях главное внимание было уделено характеристике профессиональной методики работы историка с источниками, свидетельствами источников и историческими фактами. Была зафиксирована определенная профессиональная терминология, в дальнейшем широко использовавшаяся. В книге Э. Бернгейма различались понятия: «источниковедение» (под которым понималось отыскание источников – источниковедческая эвристика – и классификация источников) и «критика источников» (источниковедческий анализ). В книге Ланглау и Сеньбоса рассматривались «аналитические процессы» (работа историка по анализу источников) и «синтетические процессы» (его работа по обобщению и упорядочению установленных частных фактов). Термин «источниковедение» не применялся, а анализ источника рассматривался в его последовательности по двум этапам – внешней критики (критики происхождения источника) и внутренней критики (установления достоверности свидетельств).

Книга Э. Бернгейма открывается характеристикой исторической науки и ее связей с другими областями – филологией, политикой, государствоведением, социологией, философией, антропологией, этнографией, естественными науками и искусством. Методологию он определяет как изложение понятий и знаний о методах науки и ее задачах. В разделах книги рассматриваются методология, методика, понимание, изложение – четыре аспекта исторической науки, взаимосвязанные, как отмечает автор, в исследовательском процессе.

В состав методики Бернгейм включает: источниковедение (эвристику), которое собирает сведения о материалах-источниках, и критику источников, в задачу которой входит сортировка, материалов и определение их фактической ценности. От методики работы с источниками историк переходит к пониманию (осмыслению) и изложению результатов своего исследования. Вопросы методики (источниковедения и критики источников) освещены обстоятельно, с большим историографическим и библиографическим оснащением. В разделе, посвященном источниковедению, рассматриваются: классификация исторических источников, вспомогательные дисциплины исто-

рии, в состав которых включены филология, палеография, дипломатика, изучение марок и монет, хронология и генеалогия. Даны сведения о хранилищах и собраниях исторических источников с библиографией к ним. Критика источников включает критику внешнюю, внутреннюю и интерпретацию источников. В книге Бернгейма примечательна, с точки зрения последующего развития источниковедческих концепций, классификация источников. Классификация, то есть деление множества объектов на четкие логические классы, имеет важное значение в науке не только для упорядочения исследуемых объектов, но и как познавательное средство выявления особенных черт и свойств этих объектов. Анализ классификационных схем в источниковедении служит важным познавательным средством изучения различных типов и видов источников, специфики отражения в них исторической действительности. С этой точки зрения несомненный интерес имеет классификация источников по степени близости источника к фактам, которую часто связывают с книгой Э. Бернгейма, хотя он, в свою очередь, использовал некоторые положения, высказанные значительно ранее Г. Дройзеном⁷¹³.

В схеме классификации источников Дройзена различаются три типа источников: ненамеренные, или остатки; намеренные, или свидетельства; смешанные, или памятники. Иначе говоря, в основу он кладет различия в отношении источника и факта: одни исторические факты дошли до нас непосредственно (остатки), другие – в соответствии с намерениями людей сообщить о них, есть и третий тип – смешанные (например, вещественный памятник с поясняющей надписью). Он различает три класса источников: ненамеренные, или остатки; намеренные, или свидетельства; смешанные, или памятники. В основу деления он кладет отношение источника и того факта, о котором историк узнает из источника. Ненамеренные источники сами являются остатком того факта, о котором историк из них узнает. Намеренные представляют собой чьи-то свидетельства,

⁷¹³ *Droysen J. Historik. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte.* – München, 1958.

рассказ о факте – в этом случае факт доходит до историка не непосредственно. И наконец, смешанные представляют оба варианта. Исторические сочинения, – казалось бы, именно намеренные свидетельства, – Дройзен, напротив, отнес к ненамеренным – они выступают у него в этом качестве «как остатки своей эпохи».

Э. Бернгейм построил свою классификацию «по степени близости источника к фактам»⁷¹⁴. В соответствии с этим критерием он выделил результаты непосредственного наблюдения фактов историком на два класса источников: исторические остатки и историческая традиция. Исторические остатки включают: «остатки в собственном смысле» (антропологические и «кухонные остатки» – кьеккенмеддинги) и «другие»: данные языка, жилища, все продукты материальной и духовной жизни людей, игры, культы, институты, произведения техники, науки и искусства, акты, реляции, письма. К традиции отнесено все, что в той или иной степени содержит сведения о прошлом, является историческим материалом – изобразительным, устным и письменным: саги, анекдоты, пословицы, исторические песни, документы исторического содержания, календари, анналы и хроники, мемуары, биографии и исторические сочинения, а также исторические скульптуры, топографические описания. Деление источников на две основные группы в дальнейшем прочно закрепилось. Классификация источников у Бернгейма по степени близости источника к фактам играет важную роль в его критике источников. Для исторических остатков достаточно применения методов внешней критики: если подлинность установлена (вещественный предает или документ не представляет собой подделки), он может использоваться историком для изучения того факта, остатком которого источник является. Для традиции необходима проверка достоверности, внутренняя критика, так как факт дан не непосредственно, а передан другим лицом (хронистом, мемуаристом), и в проверке нуждается его свидетельство.

⁷¹⁴ Бернгейм Э. Введение в историческую науку. – Спб., 1908.

Деление источников на остатки и традицию часто упоминается или используется в последующей источниковедческой литературе. Оно либо некритически применяется для классификации источников на два указанных класса, либо служит отправной точкой для критики подобного деления, для анализа связанной с ним проблемы, проблемы отношения источника и факта.

Книга Ш. В. Ланглау и Ш. Соньобоса «Введение в изучение истории» приобрела в последующей историографии известность, которой вряд ли ожидали авторы, написавшие ее на основе лекционных курсов, прочитанных в Сорбонне. Название книги и имена ее авторов стали нарицательными для обозначения (а часто и критики) определенной позитивистской концепции методологии истории, характерной для буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. Обосновав и аргументировав необходимость рассмотрения методологии истории как предмета исследования, авторы предполагали рассмотреть условия и приемы исторического изучения в исторической науке: как удастся узнать о прошлом тс, что возможно и важно узнать? Что такое документ? Как следует пользоваться документами для исторического сочинения? Что такое исторические факты, как их следует группировать в историческом сочинении? – таковы были те проблемы, к которым они стремились привлечь внимание молодых историков. Их целью было изложить и логически обосновать «теорию действительно рациональных приемов, уже теперь вполне надежную в некоторых ее частях, хотя и не законченную во многих пунктах капитальной важности». Неравноценность разработки различных этапов исторического исследования, о которой писали авторы, была реальным фактом состояния буржуазной исторической науки. При попытке создания общей концепции – позитивистской модели методологии истории – она выявилась с полной рельефностью и очевидностью.

Книга состоит из трех разделов, в которых рассматривались: 1) предварительные сведения, 2) аналитические процессы,

3) синтетические процессы. В разделе «Предварительные сведения» дан справочный материал об отыскании документов (эвристике), собраниях и коллекциях документов, указателях и каталогах, библиографии, а также содержатся сведения о вспомогательных науках истории. В их числе эпиграфика, палеография, дипломатика с ее добавочными отраслями – хронологией и сфрагистикой, а для критики вещественных документов – археология с ее отраслями – нумизматикой и геральдикой. Среди вспомогательных наук истории различаются науки вполне сложившиеся, а также такие, как, например, дипломатика и литературная история, представляющие собой «свод фактов, установленных критикой и облегчающих критику еще не критикованных документов». Раздел «Аналитические процессы» содержит четко изложенные методики работы историка с документами. Значимость этого раздела в общей концепции авторов очень велика: «Документ – единственный источник исторического знания. История пишется по документам. Их нет – нет и истории»⁷¹⁵ – таков один из основных тезисов книги. Документы определяются как «следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей». Более конкретно авторы имели в виду письменные источники, главным образом нарративные, с которыми, как им представлялось, «чаще всего приходится историку иметь дело». Поскольку факты в истории не поддаются эмпирическому наблюдению, одну из главных, частей исторической методологии составляет детальный анализ умозаключений, ведущих от отыскания документов к установлению фактов. В отличие от вещественных документов (памятник или какой-либо вещественный предмет) след, оставленный событием в письменном документе, – это ещё не сам факт, но лишь «условное отражение того впечатления, которое произведено событием на ум очевидца». Поэтому главным признается выявление отношения, существующего между документом и фактом, о котором документ сообщает. Основное

⁷¹⁵ Ланглюа III. В., Сеньобос III. Введение в изучение истории. – СПб., 1898, с. 174.

в выявлении этого отношения – установление причин, породивших документ, изучение его генезиса. В соответствии с этими установками различаются два этапа изучения источника и установления фактов. Первый этап – внешняя (подготовительная) критика, в задачи которой входят: восстановительная критика (выбор надежного текста) и критика происхождения (откуда документ происходит, кто его автор, к какому времени документ относится). Второй этап – внутренняя критика, в задачи которой входят: критика толкования (понять истинный смысл, вложенный в документ его автором) и отрицательная внутренняя критика достоверности (отрицательная потому, что она должна отбросить недостоверные сведения). Критика происхождения документа должна дать сведения об общих условиях, в которых действовал автор документа. Главное внимание Ланглюа и Сеньобос уделяют проверке достоверности (отрицательной внутренней критике искренности и точности автора), в результате которой недостоверные данные отбрасываются и остаются только выдержавшие проверку надежные факты: с ними-то историк и будет далее иметь дело. Внутренняя критика руководствуется двумя главными правилами: 1) нужно принять за правило исследовать каждое свидетельство с целью удостовериться, можно ли ему верить; 2) каждое свидетельство документа нужно рассматривать отдельно (например, в акте о продаже отдельно проверяются данные, сообщающие время, место, продавца, покупателя, предмет, цену, каждое из условий договора). В главе «Отрицательная внутренняя критика искренности и точности» дается методика проверки: был ли автор документа искренен и был ли он точен в передаче фактов. Последний этап аналитического процесса – определение частных фактов их сопоставление, установление согласованности между ними.

Третий раздел книги «Синтетические процессы» излагает методику группировки выявленных и прошедших проверку критикой фактов и методику «построения общих формул». Этот раздел наиболее слаб и поверхностен. В нем речь идет о распределении фактического материала по хронологическим, географическим, логическим и т. п. рядам или сериям.

Неравноценность разделов книги понятна: «аналитические процессы» обобщали методiku работы с документами, разработанную многими вспомогательными дисциплинами, прежде всего дипломатикой.

Что же касается синтеза, «синтетических процессов», то позитивистская методология не давала для него необходимой базы: установка на выявление единичных изолированных фактов и их последующую «группировку» не могла служить выявлению реально существующих связей исторической действительности. Рассматриваемые нами книги привлекали внимание именно к общим вопросам методов работы историка с источниками, с историческими фактами, заставляли задуматься над тем, какое место в профессиональном аппарате истории должны занимать источниковедческие аспекты, какие нужны ему знания. Являясь учебными пособиями, написанными университетскими профессорами, эти книги шире вводили в оборот понятия источника, документа, источниковедения, критики источников, сведения о хранилищах исторических, в том числе архивных документов, о различных видах письменных, устных и вещественных источников. Буржуазная историография конца XIX – начала XX вв., базировавшаяся на позитивистской и неокантианской методологии, получила в работах Бернгейма, Ланглюа и Сеньбоса определенную модель методов исторического изучения, разумеется, упрощенную, но в то же время достаточно общую, чтобы стали достаточно рельефными ее главные черты. Авторы подвели определенные итоги, обобщили методiku изучения источников, получения исторических фактов, их группировки в той мере, как это позволял сделать их опыт профессиональных историков и университетских профессоров, обучавших методике исторического исследования. Но они не могли предложить новых идей.

Появление этих работ стало историографическим фактом в развитии источниковедения: профессиональная методика явилась предметом специального изучения и размышления, что само по себе было новым; об этом говорит даже простое коли-

чественное соотношение общих и конкретных работ по источниковедению в то время: библиографический указатель «Источниковедение всеобщей истории», появившийся в эти годы, содержит тысячи названий самых разнообразных конкретных источниковедческих работ и едва только десяток, работ общей проблематики⁷¹⁶.

Полезность обобщающих трудов о методах исторического изучения стала осознаваться шире. «Когда я начал свои занятия в Копенгагенском университете, – вспоминал впоследствии датский историк К. Эрслев, – было очень мало указаний для тех, кто хотел стать историками, и нам, молодым, приходилось действовать, чтобы стать ими самостоятельно, на свой страх и риск»⁷¹⁷. Одно из таких пособий Эрслев впоследствии и создал.

Известный румынский историк Ксенополь создал большой труд по теории исторической науки⁷¹⁸, где, в частности, более углубленно, нежели это сделано в книге Ланглау и Сеньбоса, остановился на проблеме классификации источников в связи с анализом специфики отражения в них осознанных и неосознанных (ненамеренных) свидетельств об исторических фактах.

Ксенополь рассматривает два класса источников материалов и документов, связывая методы изучения документов с анализом осознанных и неосознанных свидетельств, которые могут использоваться историками для изучения фактов прошлого.

Больше внимания стало уделяться источниковой базе (эвристике) нового времени. Во «Введении в изучение истории» Г. Вольфа⁷¹⁹ источниковедение представлено полно, главным образом, в плане эвристическом – обзоры, сведения об отыскании, публикациях, библиографии источников. Вольф применил классификацию источников на остатки и традицию, но характеристику источников дал по их видовым группам. Историография конца XIX – начала XX вв., базировавшаяся на

⁷¹⁶ *Herre P.* Quellenkunde zur Weltgeschichte. Leipzig, 1910.

⁷¹⁷ *Erslev K.* Historische Technik. – Berlin, 1928.

⁷¹⁸ *Xenopol A.* La theorie de l'histoire. – Paris, 1908; *Zub Al.* Xenopol A. D. Bibliographie. – Bucuresti, 1963.

⁷¹⁹ *Wolf G.* Einführung in das Studium der Geschichte. – Berlin, 1910.

позитивистской и неокантианской методологии, отразила в этих работах свое понимание методов исторического изучения.

Появление обобщающих работ по методологии истории конца XIX – начала XX вв. и их последующее использование в практике исследования и преподавания выявило существенные недостатки позитивистской методологии исторического изучения. Обобщенная модель этапов исследовательского процесса (этапы критики источников, выявление частных фактов и их синтез) выявляла отсутствие конструктивных идей исторического синтеза, разрыв между выявлением частных фактов и их обобщением, подчеркнула узость источниковой базы, ограниченной хронологическими, региональными и тематическими рамками. Источниковедение исторической науки требовало более специального, более систематического изучения. «Методология источниковедения» А. С. Лаппо-Данилевского является в теоретико-познавательном отношении наиболее цельным, логически законченным произведением, которое когда-либо было создано на базе идеалистической философии истории⁷²⁰. Задачу методологии источниковедения он видел в установлении тех критериев, на основе которых историк может считать себя вправе утверждать, что факт, известный ему из источников, действительно существовал. Логически определена и согласована система понятий – исторического источника, классификации (главнейшие виды, деление источников на классы по степени пригодности для изучения данного рода фактов), исторической интерпретации, исторической критики, значения исторических источников. Концепция Лаппо-Данилевского теоретически охватывает все источники – и прошлого, и современности; он учитывает диалектическую природу отношения источника и познания, восприятия историком различных форм информации о прошлом (источники обозначающие и изображающие), диалектику источника как факта к показаний источника о фактах.

⁷²⁰ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – СПб., 1911–1913, вып. 1–2.*

Позитивистская методология истории обнаружила свою несостоятельность перед лицом новых задач, вставших перед исторической наукой. Критике подверглись такие ее стороны, как узость проблематики, слабость теоретического мышления, сведение задач исследования к фактографизму и описательству, искусственное ограничение круга источников, упрощенные представления о соотношении источника и исторического факта. В основе старого источниковедения в его позитивистской интерпретации лежал опыт изучения по преимуществу единичных фактов событийной истории. Исследование сложных социально-экономических явлений и процессов требовало более глубокого анализа соотношения исторического источника и исторического факта, осмысления диалектической связи исторического источника и его изучения историком. Соответственно должен был расширяться и круг источников, и методика их исследования, модифицироваться профессиональная подготовка историка, на что обращали внимание в своих работах французские историки Л. Февр и М. Блок. В ряде работ этого периода нашло отражение стремление расширить круг традиционных письменных источников, ввести в научный оборот вещественные памятники, показать активную роль историка в ходе исследования, в отборе источников и анализе фактов.

Пересмотр методологических концепций касался познавательных функций истории, принципов и методов исследования, но, прежде всего, той проблемы, которая в позитивистской историографии была наиболее слабо освещена, а именно – объекта исторического исследования. Новый подход к истории как всеобъемлющей науке, охватывающей все эпохи в жизни человечества, раскрывающей связь экономики, политики, общественных настроений, стремящейся показать их взаимосвязь, нуждался в новой источниковой базе, новых методах исследования. Именно в этом смысле критиковал Л. Февр формулу Ланглуа и Сеньобоса «История создается по документам – их нет, нет и истории»⁷²¹.

⁷²¹ Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Указ. соч., с. 12.

Восприятие объекта исследования историка мыслилось им как синтетический подход, который может быть осуществлен с помощью методов ряда наук – географии (при выявлении географических условий и влияния среды на образ жизни и деятельности человеческих обществ), психологии (путем изучения умонастроений, верований, чувств людей), экономики, истории как социальной науки. Предполагалось, что охват взаимосвязанных, нераздельных сторон человеческого бытия сможет подвести к синтетическому, целостному восприятию объекта исследования. Новые концепции требовали, разумеется, и новых методов познания, иного круга источниковой базы, чем это было прежде.

Обращалось внимание на упрощенность представления позитивистов о факте, как некоей частице, несущей информацию о событии. Ведь как только историк отказывается от событийной, поверхностной канвы политической истории, понятой как «история битв», и ставит своею задачей охват более сложных проблем – анализа социальных структур, умонастроений больших общественных групп и т. д., он встает перед необходимостью анализировать более сложные факты. В этом смысле Л. Февр писал в 30-х гг. даже о «конструировании» фактов историком.

Абсолютизация роли историка в процессе исторического познания вообще и в работе с источниками в частности заняла видное место в произведениях английского философа и историка Р. Дж. Коллингвуда. Историю позитивистски-компилятивного типа Коллингвуд высмеивает как «историю ножниц и клея»,⁷²² где готовые выдержки из источников связываются поверхностной, прежде всего, хронологической последовательностью изложения. Акцент на познавательной активности субъекта, подчеркивание логической природы метода исторической науки – важный момент в его критике позитивистской историографии. Английский историк Э. Карр, в свою очередь, отметил крайность двух исключаящих друг дру-

⁷²² Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография.* – М., 1980.

га точек зрения: либо факт, либо интерпретация его, либо история «ножниц и клея», либо история как «исторический роман»; дихтомия либо факта, либо интерпретации, дихтомия особенного или общего, объективного или субъективного, эмпирии либо теории. Карр подчеркнул, что эти позиции не взаимоисключающие, они взаимодействуют друг с другом: факт и интерпретация взаимосвязаны, историк не раб факта, но и не его господин, для интерпретации нужна оценка фактов. История – прежде всего процесс взаимодействия между историком и фактами, диалог между сочиненностью и прошлым⁷²³.

В концепциях «критической философии истории» абсолютизация роли историка в процессе исторического познания перерастает в отрицание самой возможности получения объективных данных с помощью анализа источников. Представители этих концепций с иронией отзывались о профессиональных методах анализа источников, формулировавшихся в работах по методологии истории конца XIX – начала XX вв., противопоставляя методам исследований понимание существа изучаемых историком документов в духе идеалистического учения В. Дильтея об интуитивном постижении духовной цельности личности и культуры⁷²⁴. Однако выводы критической философии истории, подвергшие сомнению объективную значимость исторического познания, не встретили поддержки в среде историков-профессионалов⁷²⁵. Возникает необходимость вновь подчеркнуть значение профессиональных методов в работе историка. На X Международном конгрессе историков вспомогательные исторические науки (к ним были отнесены источниковедение, дипломатика, палеография, хронология, критика источников и их публикация) были оценены как «основные» исторические дисциплины, как основа всякого исторического исследования». Встал вопрос о более широком использовании современных технических средств (прежде всего микрофильмирования) для облегчения трудоемких процессов

⁷²³ Carr E. What is history? – London, 1962.

⁷²⁴ Marrou H. De la connaissance historique. – Paris, 1959.

⁷²⁵ L'histoire et ses méthodes. – Paris, 1961.

работы с источниками, основанной на широкой интерпретационной базе⁷²⁶.

Развитие исторической науки на современном этапе связано с тенденциями интеграция научного знания века НТР. В 60-х – 70-х гг. историческая наука характеризуется стремлением к более широкому использованию научно-технических средств и расширению познавательных возможностей с помощью методов смежных наук. Значительно шире стал круг исторических источников, используемых в исторических исследованиях, разнообразнее конкретные методики. С развитием интеграционных процессов связан ряд новых методик исследований, междисциплинарных связей исторической науки о конкретно-социологическими, социально-психологическими, этнографическими исследованиями⁷²⁷.

Историческая география характеризуется разнообразием видов источников, которые используются в настоящее время. В их числе – различные виды письменных, вещественных и других источников и непосредственные полевые исследования, наблюдения географических объектов методами естественно-научных дисциплин.⁷²⁸

Недостатки преподавания истории в высшей школе видятся теперь в игнорировании таких важных аспектов изучения, как: история и демография, история и социология, история и политика, история и культура, история и цивилизация, а также метода работы («как работать»)⁷²⁹. В числе перспективных направлений развития исторического метода выделяется изучение общественного мнения и применение статистического метода в истории⁷³⁰.

История рассматривается как наука социальная и всеобъемлющая, глобальная по своим масштабам; соответственно

⁷²⁶ Metodologia. Problemi generali. Scienze auxillarie della Storia. In. Ralazioni del congresso internazionale di scienze storiche. Firenze, 1956, vol. 1.

⁷²⁷ Delor K. Introduction aux sciences auxilliaires. – Paris, 1969.

⁷²⁸ Jäger H. Historische Geographie. – Braunschweig, 1969.

⁷²⁹ Nonschi A. Initiation aux science historique. – Paris, 1967.

⁷³⁰ Halkin L. Initiation de la critique historique. Paris, 1973.

этим масштабам должна расширяться ее источниковая база и междисциплинарные связи – та система дисциплин, с которой она связана в методике изучения свидетельств. Эта концепция исторической науки нашла свое отражение в известном коллективном труде «История и ее методы», где наряду с традиционными вспомогательными историческими дисциплинами представлен и ряд новых ее связей и ориентаций⁷³¹. Взаимодействие истории с другими науками о человеке необходимо для того, чтобы вместо внешней событийности охватить, воссоздать неповторимую, оригинальную, всеобъемлющую целостность человеческой истории.

Это должно быть нечто иное, нежели изучение отдельных, оторванных друг от друга аспектов политической или экономической истории, истории институтов, «всеобъемлющая история» – синтез политической, экономической, социальной истории, культуры, религии, исторической психологии⁷³². «История должна быть всеобъемлющей. Ничто в человеческом прошлом ей не чуждо. Все – объект истории, нет фактов «исторических» и «неисторических»⁷³³. Эта установка означает значительное расширение источниковой базы вширь – как источников, касающихся новой и современной истории, так и тех источников, которые касаются ранних исторических обществ. Многофакторность исторического объяснения, эклектика, расплывчатость методологического подхода в современной историографии выявляются с тем большей определенностью, чем активнее стремится она к охвату новых проблем и освоению междисциплинарных методов. «История нового типа внимательно следит за всеми науками о человеке. Именно это и делает границы истории такими расплывчатыми, а интересы историка такими широкими»⁷³⁴, – считал Бродель.

⁷³¹ L'histoire et ses méthodes. Préface de Ch. Samaran. – Paris, 1961.

⁷³² Febvre L. Pour une histoire à part entière. – Paris, 1962.

⁷³³ Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris, 2-e ed., 1965.

⁷³⁴ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность – В кн.: Философия и методология истории. Сборник статей. М., 1977, с. 128.

Заметное расширение междисциплинарных связей, выдвижение новых проблем и объектов исторического изучения не могли не внести существенных изменений в проблематику источниковедения, методов работы с источниками. В разнотолице плюралистических идей и подходов в постановке этих вопросов не наблюдается ясности. Буржуазные историки вынуждены все чаще признавать недостатки методологического плюрализма, связанного с некритическим использованием методов других наук.

Исходя из принципов «Глобальной» истории в духе Л. Февра и Ф. Броделя, П. Сальмон (Институт социологии Свободного университета в Брюсселе) посвятил свою работу «История и Критика» современным познавательным принципам и методам работы историка. Во введении дается краткий очерк развития критического подхода к изучению исторических фактов и источников. Современные работы, пишет он, отличаются стремлением передать студентам и широким читателям чувство динамизма истории и подчеркнуть не только ее прогресс, но и трудности. Новые тенденции исторических исследований автор связывает с историей экономической и социальной, исторической демографией, социологическими исследованиями, стремлением охватить коллективные факторы, проблему масс, развитием количественных методов. В понятии исторической истины он подчеркивает ее относительность, а в понятии исторического факта – роль историка в его реконструировании. Исторический документ не расшифровывается им как понятие, но объясняется через перечисление: исторический документ – это чаще всего письменные документы, аудио-визуальные, вещественные. Историк также является прямым наблюдателем некоторых фактов. Классификация источников в целях исторической критики различает документы ненамеренные – следы, оставленные фактами независимо от желания людей (греческая керамика), и намеренные. Историк применяет ко всем документам правила внешней критики и только к намеренным – правила внутренней критики. Раздел эвристики – отыскания документов – отражает

расширение- современной источниковой базы сточниковой базы глобальной истории, новые возможности использования технических средств для нужд источниковедческой эвристики. Расширился круг вспомогательных исторических дисциплин и возможности использования для их нужд технических средств – и для микрофотокопирования, и для анализа текстов и других источников, методов археологии.

Основные вопросы книги – это методы критики (давшие название всей работе) и исторический синтез.

Критика разделяется на этапы: внешняя, или критика подлинности, и внутренняя, или критика достоверности. При решении вопросов о критике подлинности и достоверности сохранена традиционная терминология и последовательность этапов. Дополнения касаются новых видов источников (звуковые, кино и фотодокументы). Исторический синтез (группировка фактов, интерпретация фактов, объяснение, изложение фактов и единство истории) ясно показывают, что связь критики источников с историческим процессом и его закономерностями осталась вне этой модели исторического синтеза, равно как несостоятельной оказалась и попытка объяснения причинности на некоторых исторических фактах новейшей истории⁷³⁵.

Представляет интерес работа западногерманского историка Генца, излагающая концепцию методологических принципов общего источниковедения. Попытка методологического анализа принципов общего источниковедения важна тем, что она сосредоточивает внимание на свойствах источников, делает их предметом специального анализа. Автор делает попытку рассмотреть источник не только в сфере познавательной деятельности, но и выявить его связи с прошлой действительностью, подойти к источнику как единству реальности прошлого, в котором источник создан, и настоящего, когда он изучается историком. Но

⁷³⁵ Критика концепции Сальмона см.: *Иванов Г. М.* – Вопросы истории, 1970, № 5. *Salmon P.* Histoire et Critique. – Bruxelles, 1981, Ed. 2-e.

последовательно провести эту идею не удается, что, в частности, отражает противопоставление в его работе общего источниковедения многим специальным источниковедения⁷³⁶. Историки прошлого занимались историей политической, дипломатической и военной, (в поле ее зрения находились короли, полководцы, высшая аристократия) что хорошо отражала направленность ряда вспомогательных дисциплин – дипломатики, долгое время занимавшейся высшими государственными документами, генеалогии, геральдики. Выход на историческую арену широких масс трудящихся, социальные и экономические сдвиги, грандиозные политические события XX в. заставили буржуазных историков по-новому подойти к вопросам своей науки. Старого типа «событийная история» не смогла предложить никаких путей для понимания тех событий, которые совершались на их глазах, дать им научное объяснение, ни тем более прогнозировать их. Историки не удовлетворялись больше событийным рассказом, они стремились к объясняющей науке. Несомненной стала необходимость обращения к проблемам экономической истории, что связано было с развитием статистических методов, необходимых для анализа явлений экономики, торговли, обмена. С другой стороны, необходимость принять во внимание умонастроения больших общественных групп, отношения общества и индивида влекли к изучению проблем социальной психологии, общественных настроений. История XX в. стала глобальной. Более того, стало ясно, что политические, экономические, культурные процессы не могут рассматриваться вне связи их друг с другом. Влияние марксизма и исторической практики народов, истории современности оказывают все более сильное влияние на состояние истории как науки. Историография отражает различные аспекты и различные степени осознания историками-профессионалами этих реально существующих явлений и процессов.

⁷³⁶ Henz G. Elemente einer allgemeinen historischen Quellenkunde. In.: Archiv für Kulturgeschichte. Köln-Wien, 1974, № 1.

В области источниковедения прежде всего отразился процесс расширения источниковой базы исторической науки в ее современном понимании – от тщательно и полно изученных источников западной средневековой истории к новым категориям источников нового и новейшего времени, источниковой базе ранних исторических эпох – к новым видам источников века научно-технической революции. А это, в свою очередь, вело к переосмыслению всего профессионального аппарата методов исторического изучения, новому содержанию самого понятия документ – исторический источник.

Науки о человеке, пишет французский историк Ф. Бродель, поставленные перед необходимостью аккумуляции новых знаний и взаимного сотрудничества (разумная организация которого еще не ясна); все они испытывают трудности, вытекающие из их же собственного прогресса. Успехи наиболее динамичных из них оказывают прямое или косвенное влияние на все остальные, независимо от того, осознают они в этом потребность или нет. Современные науки о человеке ставят сегодня один и тот же вопрос: «каково место каждой из них в той огромной по своему объему совокупности старых и новых исследований, необходимость сведения которых в одно целое уже назрела»⁷³⁷.

Перед лицом тех новых задач, которые стоят перед исторической наукой в условиях интеграции и дифференциации научного знания на современном этапе, с особой остротой встает вопрос о теоретико-методологической основе источниковедения. Источниковедение не сформировалось в цельное и систематическое учение в буржуазной историографии, о чем справедливо писал в свое время А. С. Лаппо-Данилевский. Сосредоточив в дальнейшем внимание на ряде таких проблем, как понятие исторического факта и его сложность, роль историка в процессе исторического познания, целостность прошлого человечества как объекта познания, западная историческая, наука

⁷³⁷ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. – В кн.: Философия и методология истории. Сборник статей. 1977, с. 115.

не занималась специально вопросами источниковедения как системы знания об источниках. В современных исследованиях вопросы метода встают, главным образом, в связи со способами и перспективами использования в исторической науке методов других наук (использование устных источников, социальная психология, методы изучения коллективных биографий – просопография и т. д.)⁷³⁸.

Таким образом, позитивистское источниковедение конца XIX – начала XX вв. обобщало эмпирические (идущие от опыта) приемы внешней и внутренней критики источника, не ставя целью анализировать природу исторического источника. Представители традиционного источниковедения конца XIX – начала XX вв. не сомневались в том, что критика источников возможна при соблюдении определенных приемов: если подвергнуть свидетельства источников внешней и внутренней критике, то это поможет отличить истинные свидетельства от недостоверных⁷³⁹. Такова была позиция источниковедов-позитивистов, опиравшихся на практику работы историка с источниками. Во многом она была верна (так, например, требование обращаться прежде всего к изучению времени и места, обстоятельств создания источника). Из практики (эмпирически) они знали, что применение определенных общих приемов, успешных в одном случае, может быть эффективно и в отношении других источников. Но они никогда не задумывались, почему же это возможно? Есть ли у источников общие, повторяющиеся свойства, на чем основывается предположение, что вообще возможно применение к разнородным по форме и содержанию источников общих приемов? Теоретического основания для такого предположения у историков-идеалистов нет. Более того, оно находится в логическом противоречии с философскими воззрениями позитивизма на исторические явления как на идиографические (индивидуальные), неповторяющиеся.

⁷³⁸ *Vansina J.* De la tradition Oral. Essai de la Methode historique. Tervuren. Bel-giques annales, 1961; *Thompson P.* The voice of the past. Oral history. Oxford univ. press, – London, 1978.

⁷³⁹ *Ланглюа III., Сельвобс III.* Введение в изучение истории. – СПб., 1899.

В середине XX в. идеалистическая, так называемая «критическая философия истории» попыталась дать теоретический анализ познавательных средств исторической науки. Оставаясь на позициях отрицания закономерностей общественного развития, индивидуальной неповторимости исторических (социальных) фактов, она не нашла оснований считать свойства источников общими, однородными. Доводя эту мысль до логического завершения, «критическая философия истории» пришла к выводу, что нет и не может быть общих приемов подхода к источникам; каждый источник неповторим и индивидуален и его изучение – индивидуальный, неповторимый акт «сопереживания» с помощью интуитивных способностей историка. Отсюда последовал вывод о том, что история не имеет научных методов исследования⁷⁴⁰. Историки-профессионалы активно возразили против такого пессимистического вывода, отрицавшего историю как науку⁷⁴¹. Но эти возражения не сопровождались теоретическим, мировоззренческим анализом тех посылок, на основании которых они «оставались верными идеям Ланглюа и Сеньобоса».

Ведь если история – сцепление случайностей, то о какой ее принципиальной познаваемости может идти речь.

Таким образом, вопрос о том, возможно ли источниковедение как система методов, встает как вопрос мировоззренческий, а ответ на него придет, если мы поставим другой, более общий вопрос: что есть исторический процесс, закономерно ли он развивается, существует ли повторяемость социальных явлений, в какой мере она проявляется в действиях людей, в конкретных обстоятельствах преследующих свои практические цели? Ответ на этот фундаментальный вопрос дает, как известно, учение диалектического и исторического материализма. Возникновение его стало переворотом в развитии философии и общественнознания, т. к. означало преодоление господствовавшего во

⁷⁴⁰ *Marron H.* De la connaissance historique. – Paris, 1959.

⁷⁴¹ *Piganiol A.* Qu'est-ce que l'histoire? In.: *Revue de metaphisique et de morale.* – Paris, 1955, juill.-sept.; *Perrin Ch.* L'histoire et ses méthodes. In.: *Journal des savants.* – Paris, 1962.

взглядах на общество идеалистических представлений. Общество изучается им как целостная и развивающаяся социальная система, раскрыты общие законы общественного развития, смены социально-экономических формаций. Закономерность, в определенном смысле повторяемость, социальных явлений дает теоретическое основание (подтверждаемое практикой) закономерности тех целей и задач, которые общество в целом или отдельные его классы и социальные слои перед собой ставят, а следовательно, проявления закономерности и в определенном смысле повторяемости ряда сторон человеческой деятельности. В ходе ее создаются материальные объекты (исторические источники), имеющие не только индивидуальные, неповторимые, но и существенно-общие черты и свойства. Общие свойства исторических источников связаны с закономерностями их возникновения в ходе социальной практики, в ходе общественного развития. Именно общие свойства исторических источников (или определенных видов исторических источников), возникающих в процессе целенаправленной социальной деятельности, находят свое выражение в форме и содержании источников. Эти общие свойства могут в принципе быть познаны. На этой объективной основе развиваются методы источниковедения и строится объективная наука об источниках, имеющая свой реально существующий и в принципе познаваемый объект.

2.3. Классификация источников

Теория источника или теория источниковедения?

Итак, в центре теории источниковедения – природа исторического источника: ее объективный, независимый от познающего субъекта (историка) характер; ее социальный, «человеческий» характер – источник это то, что создано людьми, преследующими свои конкретные, практические цели; закономерности исторического развития, общественная борьба формирует общественности потребности, цели, а с ними и как средства достижения – документы, материальные предметы (будущие исторические источники): назначение этих документов, этих вещей

формирует их форму, содержание, влияет на отбор социальной информации, отпечатлевая общие свойства этих документов, вещей. Природа исторического источника определяет методы исследования. Более того – объективный характер и общие свойства источников дают реальную, объективную основу существования науки об источниках. Многообразие и постоянное пополнение источниковой базы истории человечества все новыми источниками раскрывает безграничные возможности совершенствования методов познания прошлого, вообще непосредственно не наблюдаемой действительности через посредство источника. Природа исторического источника – ключевая проблема теории источниковедения. Тогда, может быть, правильнее говорить о теории исторического источника? И все-таки, на наш взгляд, неправомерно говорить о теории исторического источника, а правильнее о теории источниковедения. Почему? Источники – все, что создано человеком в процессе целенаправленной деятельности, в ходе исторического развития, – вещи, документы могут служить историческими источниками. В разном своем качестве они входят составным элементом в различные системы вещей и человеческих отношений, могут изучаться и использоваться в разных своих качествах, ими могут заниматься разные отрасли знания, науки, практики, – под различным углом зрения, с точки зрения отражения в них различных закономерностей развития. Все эти вещи, документы объединяет в целостную совокупность то, что они созданы в процессе целенаправленной человеческой деятельности и могут поэтому дать социальную информацию о ней. Теория источниковедения есть та форма научного знания, которая дает целостное представление о закономерностях возникновения источников и существенно-значимых их связях с реальной социальной действительностью. При этом каждый отдельный источник выступает как элемент этой целостной совокупности источников, как ее часть. Каждый отдельный источник рассматривается как проявление (конкретное выражение) общих свойств источников, через него постигаются общие свойства источников, закономерности познания социальной действительности. Такой системный подход возможен (и необходим)

на уровне совокупности источников. Это – подход теории источниковедения, а не теории отдельного элемента системы – не теория источника. Если мы говорим о теории источника то выпадает, принципиальный момент системного подхода к источнику. Он возможен лишь в рамках источниковедения как науки об источниках (всей их совокупности), ориентированного на раскрытие целостности своего объекта. Системный подход в источниковедении рассматривает совокупность источников как целостный объект, стремится к выявлению связей в нем и сведению их в единую теоретическую картину. Именно поэтому теория источника выступает как часть более общей теории источниковедения.

Классификация исторических источников

Классификация – разделение всего множества исторических источников на классы (группы) на основании общности признаков, присущих всем объединяемым в каждый их класс источников.

К числу теоретических проблем источниковедения относится разработка теоретических оснований классификации источников. Классификация множества объектов на классы (группы) используется в ряде наук как средство выявить существенные, общие признаки объектов, установить связи между этими группами объектов и соответственно уточнить понятия, которыми данная наука оперирует. На определенном этапе развития науки, когда возрастает множество исследованных, и описанных ею объектов, становится необходимой разработка научной классификации (напр., классификация растительного и животного мира естествоиспытателя К. Линнея; наиболее ярким примером естественной классификации служит классификация химических элементов, разработанная Д. И. Менделеевым на основе периодического закона и играющая важную роль в изучении всего многообразия химических веществ).

Классификация в источниковедении, как и в других отраслях науки и практики, используется для выявления объективных свойств больших групп исторических источников. А эти их

свойства, в свою очередь, важно выявить для того, чтобы совершенствовать методы исследования исторических источников. В историографии источниковедения существует большая литература по вопросам классификации источников. Однако наибольшее научно-практическое значение имеют два подхода: классификация источников по их происхождению в рамках социально-экономических формаций и по видам.

Классификация по социально-экономическим формациям

Классификация источников по социально-экономическим формациям (напр., первобытно-общинный строй, для истории СССР – период феодализма, капитализма и советского периода) позволяет изучать источники в соответствии с социально-экономическими условиями возникновения, в соответствии с принципом историзма. В поле наблюдения исследователя находятся при этом не отдельный источник или группа источников, но вся совокупность источников, возникающая в процессе развития и функционирования общества, развивающегося в соответствии с закономерностями данной социально-экономической формации. Общественно-экономическая формация есть тип общества, находящееся на определенной ступени развития. Категория общественно-экономической формации охватывает все стороны общественной жизни в их органической взаимосвязи, – в основе ее лежит определенный способ производства, определенные производственные отношения определяют ее сущность. Она охватывает и соответствующие надстроечные явления – совокупность идеологических отношений и взглядов – политика, право, мораль, религия, философия, искусство и соответствующие им организации и учреждения. Теория общественно-экономических формаций занимает центральное место в историческом материализме. Она позволяет применить к изучению истории общенаучный критерий повторяемости и выявить благодаря этому закономерности общественных явлений, дать их научный анализ. В источниковедении теория общественно-экономических формаций дает методологическую основу наиболее общей

научной классификации источников. При этом источники рассматриваются как материальные объекты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, развивающейся в конкретных общественно-экономических условиях, когда история общества представляет собой процесс развития сменяющих друг друга в результате социальной революции первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций, каждая из которых имеет специфические законы возникновения и развития. Эти законы являются общими для всех стран, в которых существует определенная формация (не исключая специфики исторического и национального характера). Это позволяет объяснить появление однотипных источников в определенных условиях.

Категория общественно-экономической формации дает научную основу для рассмотрения общества как целостной системы, ориентирует на анализ закономерностей и противоречий развития, на выявление многообразных типов связей и взаимодействия общественного развития, общества. Система источников рассматривается при таком подходе как целостная совокупность, и каждый отдельный источник – как ее элемент. Это важно и необходимо для реализации подхода к источнику как историческому (социальному) явлению своего времени.

Классификация источников по видам

Вид – группа источников, имеющих общие свойства формы и содержания, возникшие и закрепившиеся вследствие того, что эти источники созданы для аналогичных практических целей. Примером подобной классификации источников может служить программа по источниковедению истории СССР Московского историко-архивного института. Здесь, например, для периода феодализма мы находим такие виды источников, как летописи, писцовые книги, акты, публицистические произведения, мемуары и др.⁷⁴²

⁷⁴² Источниковедение истории СССР. Программа курса. – М.: МГИАИ, 1983.

Практическое назначение (цель создания) источника «управляет» его формой и отбором информации: если создается эпистолярный документ, то предполагается обращение, указание адресата; если – юридический акт, то необходимо указание на характер юридической сделки, обозначение сторон; если – периодическое издание (газета) – то для нее характерны различные формы размещения и подачи информации и т. д. Назначение, практическая цель определяет отбор информации в таможенной книге (сведения о торговце, предмета торговли, пошлинах); воззвание включает существенное, главное – лозунги, призывы, краткую аргументацию. Билет транспортный, билет театральный, пригласительный, афиша – все эти виды документов имеют характерную форму, в них прослеживается четкий отбор информации, обусловленной целью составления.

Эта связь цели (назначения) документа с его формой и отбором информации в содержании является главной при формировании вида. В источниковедении видовые особенности дают основание видовой методике анализа источников. Классификация источников по видам (а внутри видовых групп – по разновидностям) находит применение при характеристике источниковой базы, при разработке методов анализа источников, имеющих четко выраженные видовые свойства.

Глава 3. Методы источниковедческого исследования

При всем многообразии видовых и других особенностей, происхождения, обстоятельств возникновения источники имеют общие черты, общие свойства формы и содержания. Объективно существующее принципиальное единство этих свойств исторических источников создает возможность единого научного подхода к ним – разработки методов источниковедческого анализа. Теоретические принципы и методы источниковедческого анализа постоянно обогащаются и развиваются в процессе научно-практической работы с историческими источниками.

Цель источниковедческого анализа состоит в том, чтобы:

- 1) установить информационные возможности источника (или

ряда однородных источников) для получения фактических данных о процессах общественного развития (полнота, достоверность и новизна этих данных); 2) дать аргументированную оценку значения источника (или ряда однородных источников); 3) высказать практические рекомендации о перспективах его использования в научно-практической деятельности.

В соответствии с этой целью источниковедческий анализ складывается из ряда этапов изучения источника, каждый из которых имеет свои исследовательские задачи и приемы их решения. Рассмотрим их в логической последовательности: в ходе практической работы с источником возможен неоднократный переход от одного этапа к другому в различном порядке, возвращение к решенным, казалось бы, вопросам на новом уровне. Но здесь рассматривается логика завершенного исследования, которая находит свое выражение в структуре изложения материала источниковедческого исследования.

3.1. Основные этапы источниковедческого анализа

Исторические условия возникновения источника

На этом этапе рассматривается та историческая эпоха, в которую источник возник. Изучение исторических условий осуществляется на основе научных представлений о закономерностях общественного развития, о производственных отношениях и производительных силах, характерных для изучаемой социально-экономической формации, их связи с идеологией, правом, классовой борьбой, о важнейших противоречиях эпохи. Источник как материальный результат (продукт) целенаправленной человеческой деятельности, как историческое явление вызван к жизни определенными условиями, и важно понять – какими именно. Возьмем для примера правовой памятник – Уложение 1649 г. Чем вызвано появление этого источника? XVII век – период складывания всероссийского рынка, борьбы феодалов и крестьян как антагонистических классов феодальной формации. Уложение возникло в эпоху больших социальных потрясений, подавления народных вос-

станий и явилось непосредственным результатом московского восстания 1648 г. Изучение исторических условий середины XVII в. позволяет поставить в закономерную связь с ними факт появления Уложения – кодекса феодального права, законодательно закрепившего закрепощение крестьян⁷⁴³.

Изучение исторических условий XVI в. – периода складывания абсолютизма позволяет понять причины появления и проблематику публицистических произведений этого времени (сочинений И. Пересветова)⁷⁴⁴, политических сочинений XVIII в. и т. д. На данном этапе изучения источника в полной мере используются исторические исследования, необходимые для того, чтобы составить ясное представление об исторических условиях, в которых возник исследуемый источник.

***От изучения исторических условий необходимо
далее перейти к вопросу об авторе источника***

Цель этого этапа изучения источника состоит не в том, чтобы определить автора, который по тем или иным причинам неизвестен (например, вопрос типа: «кто автор «Слова о полку Игореве», кем написана прокламация «К барским крестьянам» и т. п.). Это – особая исследовательская задача, и методика такого исследования строится применительно к цели – установление личности автора источника – по стилю, содержанию, косвенным источникам и т. д. В ходе источниковедческого анализа цель состоит не в том, чтобы установить КТО был автор источника, а КЕМ он был, что собой представлял. Это необходимо для того, чтобы лучше понять и глубже проанализировать содержание источника – всю ту информацию, которую автор источника в него мог и хотел включить. Принципиальное значение имеет выяснение мировоззрения и социальной позиции автора источника для того, чтобы понять: взгляды, намерения и чаяния какого класса, какого социального слоя этот автор,

⁷⁴³ Памятники русского права. – М., 1962, вып. 6; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права. – Л., 1980.

⁷⁴⁴ Сочинения И. Пересветова. Подготовил А. А. Зимин. / Под ред. Д. С. Лихачева. – М.–Л., 1956.

эта личность выражает. Так, например, автор памфлета «О повреждении нравов в России» – князь М. М. Щербатов (1733–1790) – русский историк, публицист, идеолог родовитого дворянства, ярый противник отмены крепостного права⁷⁴⁵. А. Н. Радищев (1749–1803) – автор «Путешествия из Петербурга в Москву» – русский революционный мыслитель, писатель, выступавший за уничтожение крепостного права. И. Т. Посошков (1632–1726) – русский экономист и публицист, выступавший за развитие торговли и промышленности в эпоху петровских преобразований⁷⁴⁶. Е. И. Пугачев (1740–1775) – предводитель Крестьянской войны, в непосредственном окружении которого создавались манифесты от имени императора Петра III – воззвания, призывы восставших⁷⁴⁷. Классовые, социальные позиции авторов источника находят реальное отражение в созданных ими произведениях, документах.

При изучении личности автора важно также знать факты его биографии, определить сферу практической деятельности, профессию, род занятий; эти данные позволяют узнать: степень осведомленности авторов о тех фактах и событиях, в которых они принимали непосредственное участие; степень компетентности их суждений; характер информации, которая могла быть для автора доступна; специфику профессиональных интересов, которая могла оказать влияние на характер наблюдений и на отбор фактов при создании автором источника. Так, например, исследователь, изучающий записки иностранных путешественников о России XVI–XVIII вв., учитывает, что автор «Записок о московитских делах» С. Герберштейн⁷⁴⁸ (1486–1566) немецкий дипломат, прибывший в Россию для выполнения важных дипломатических переговоров. Автор записок – Патрик Гордон (1635–1699) – шотландец по происхождению, – русский генерал и контрадмирал; А. Т. Болотов (1738–1833), автор мемуа-

⁷⁴⁵ О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и Путешествие А.Радищева. Факсимильное издание 1858 г. – М., 1983.

⁷⁴⁶ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. – М., 1950.

⁷⁴⁷ Документы Ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. – М., 1975.

⁷⁴⁸ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. – СПб., 1908.

ров⁷⁴⁹ – писатель, естествоиспытатель, один из основателей отечественной агрономической науки, профессиональный военный, участник Семилетней войны, дворянин и владелец поместья в Тульской губернии: профессиональная компетентность и точность повышает ценность его свидетельств о событиях Семилетней войны, об экономике помещичьего хозяйства, образе жизни провинциального дворянства и ряда других сторон жизни русского общества его времени.

Важны факты биографии, жизненного пути автора и особенно те из них, которые относятся ко времени создания изучаемого источника. Важен, в частности, даже возраст автора в момент тех событий, о которых он пишет. Так, например, воспоминания детства в мемуарах могут быть очень яркими, запечатлевшимися в деталях, и в то же время, вполне возможно, не вполне понятными: в мемуары могут попасть более поздние интерпретации некогда наблюдавшихся фактов. Глубокие, вдумчивые мемуаристы сами стремятся разделить давние впечатления и позднейшее их объяснение⁷⁵⁰. Биографические данные также важны для понимания отношений между людьми, которые накладывают свой отпечаток на отбор и освещение событий. Так, например, в записках Е. Р. Дашковой (1744–1811), написанных ею в поздние годы жизни, ярким, эмоционально выразительным является ее рассказ о годах юности⁷⁵¹.

Итак, мировоззрение, социальные позиции, практическая деятельность автора источника являются для исследователя предметом изучения, т.к. они дают материал для последующего анализа содержания и проверки достоверности источника.

Главное внимание изучению автора источника как личности уделяется при анализе дневников и мемуаров, записок путешественников, публицистических произведений, произведений искусства. Во многих случаях вопрос об авторстве источника еще более сложен, поскольку в его создании участвовал не один, а

⁷⁴⁹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения А. Болотова. – М., 1930.

⁷⁵⁰ Об этом пишет С. Т. Аксаков в своих записках: Детские годы Багрова – внука, служащие продолжением семейной хроники. – В кн.: Аксаков С. Т. Избранное. М., 1975.

⁷⁵¹ Дашкова Е. Р. Записки кн. Е. Р. Дашковой. – СПб., 1907.

многие авторы. Так, например, сложен состав корреспондентов – создателей огромной, ценной по своему содержанию семейной переписки дворянского рода Чичериных – источника по истории общественной мысли и культуры России второй половины XIX – начала XX вв. В числе авторов писем были такие выдающиеся личности, как будущий народный комиссар иностранных дел Советской республики Г. В. Чичерин, представитель государственной школы русской историографии Б. Н. Чичерин и другие. Исследователь переписки устанавливает не только данные о каждом из авторов писем, но анализирует генеалогические связи, личные и семейные отношения. Это необходимо для понимания эпистолярного комплекса (переписки) как целостного текста, для последующего анализа содержания источника⁷⁵².

Среди источников, особенно нового и новейшего времени, значительное место занимают произведения коллективного авторства: законодательство, делопроизводственные, дипломатические документы, периодическая печать. Изучение авторства проводится в этих случаях поэтапно, с учетом прежде всего классовых, социальных целей авторов. Проводя источниковедческий анализ периодической печати, исследователь прежде всего стремится установить, чьим органом данное издание является. Так, например, анализируя значение периодической печати как историко-партийного источника, М. А. Варшавчик отмечает прежде всего принципиальный факт: «Гон партийной и советской печати, как всегда, задает ее флагман – орган Центрального Комитета КПСС – газета «Правда»⁷⁵³. Такой подход позволяет исследователю рассматривать периодическую печать не только как носителя информации об отдельных фактах, событиях, но «как отражение политических отношений, идеологической и организационной деятельности партии, как мощный инструмент партийного воздействия на общественную жизнь»⁷⁵⁴.

⁷⁵² *Наумов Е. Ю.* Переписка Чичериных как источник по истории общественной мысли и культуры России второй половины XIX – начала XX вв. Задачи и принципы научной критики. – М., 1985, с. 19–23.

⁷⁵³ *Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение. Теория, методология, методика. – М., 1985, с. 220.

⁷⁵⁴ Там же.

Вопросы авторства рассматриваются на уровне состава редакции органа периодической печати; при этом определяется направление издания, связанные с ним изменения состава сотрудничавших в издании журналистов, авторов отдельных статей. Известно, например, какое значение имело участие в издании журнала «Современник» в 40–50-х гг. XIX в. Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, сотрудничество в нем А. И. Герцена, И. С. Тургенева, А. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова⁷⁵⁵. Важным источником изучения вопросов авторства периодической печати является также анализ писем читателей.

Изучение архива редакции и других источников позволило выявить социальный и профессиональный состав более тысячи авторов журнала «Морской сборник» (1848–1905), среди которых были крупные ученые, морские специалисты, инженеры, педагоги, врачи, писатели, и еще более широкий состав читателей, нашедший отражение в редакционной переписке. Изучение авторского состава играло важную роль в установлении степени достоверности и значения журнала как исторического источника⁷⁵⁶.

Комплексное изучение вопроса об авторстве является важным этапом источниковедческого анализа периодической печати, давая возможность полнее определить достоверность и полноту освещения в ней фактов социальной действительности. Комплексный анализ авторского состава необходим при изучении всех документов коллективного авторства.

Обстоятельства создания источника

Этот этап источниковедческого изучения не должен отождествляться с этапом изучения исторических условий возникновения источника. Изучение исторических условий предполагало выявление общественных потребностей, борьбы социальных сил – объективных предпосылок возникновения

⁷⁵⁵ Русская периодическая печать (1702–1894). Справочник. – М., 1959.

⁷⁵⁶ Лагутина А. И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота. – Советские архивы, 1981, № 2.

соответствующих источников. Об этом шла речь ранее. Теперь же задача состоит в выяснении конкретных обстоятельств, в которых находились автор (или авторы) источника и которые в той или иной мере могли повлиять на полноту и достоверность его содержания.

Спокойная, размеренная жизнь мемуариста А. Т. Болотова в его имении Дворянинове обуславливает мирное, неторопливое течение повествования. Каким же контрастом с ним являются простые, но выразительные, созданные в пылу острейшей классовой борьбы, документы повстанческих властей и учреждений Крестьянской войны, сподвижников Е. И. Пугачева! Характерным примером могут служить и судебные-следственные материалы декабристов (1826 г.)⁷⁵⁷. Отвечая на «вопросные пункты» Следственного комитета о том, кто принял их в тайное общество, откуда явились у них «вольнодумческие мысли», декабристы давали свои письменные показания. Но ясно, что эти обстоятельства создания источников не могли не оказать влияния на достоверность, полноту освещения ими фактов.

М. В. Печкиной проведено специальное исследование следственного дела А. С. Грибоедова. Анализ обстоятельств, в которых этот источник создавался и поведения в них писателя занял видное место в выяснении степени участия Грибоедова в движении декабристов⁷⁵⁸.

Учет конкретных обстоятельств возникновения источника представляет собой один из необходимых этапов источниковедческого анализа. Он дает ценную информацию для последующего суждения о достоверности изучаемого источника.

История текста источника как этап источниковедческого анализа

История текста источника как этап источниковедческого анализа имеет целью получить информацию, дополняющую наши сведения о процессе создания источника и его последую-

⁷⁵⁷ Восстание декабристов. – М., 1925–1980. т. I–XVIII.

⁷⁵⁸ Печкина М. В. Следственное дело Грибоедова, 2-е изд. – М., 1980; Миронова И. А. Судебно-следственные материалы первой половины XIX в. – М., 1958.

ющей судьбе. Важно выяснить, имеется ли автограф источника, что он собой представляет, как соотносятся между собой черновые и белые, первоначальные и окончательные тексты источника. «В процессе творческой работы отлагаются разнообразные автографы, отражающие различные моменты творческой обработки текста писателем», отмечает в своей работе «Литературное источниковедение» Н. Ф. Бельчиков⁷⁵⁹.

Особый вопрос – о языке источника к последующих его переводах, которые имеют важное значение при работе с такими источниками, как записки иностранных путешественников: так, например, записки С. Герберштейна (XVI в.), написанные автором по латыни, позднее им самим переведены на немецкий язык. Сложна история текста записок Е. Р. Дашковой.

История рукописи, ее последующих списков и редакций также не может не учитываться в ходе источниковедческого анализа. Наличие списков и редакций указывает на то, как относились к произведению последующие читатели, как использовался, функционировал в читательской среде текст источника. Ярким примером является история переписки И. Грозного с А. М. Курбским, сохранившаяся в нескольких редакциях и ряде списков XVII в.⁷⁶⁰

В ряде списков дошло до нас сочинение публициста первой четверти XVIII в. И. Т. Посошкова, один из них был сделан для М. В. Ломоносова⁷⁶¹.

История рукописи проливает свет на то, как к имеющейся в ней информации относились и сами авторы, и их современники, представители различных общественных классов. Характерна история записок Екатерины II, которые сын ее Павел стремился держать в тайне⁷⁶², история записок С. Ю. Витте (1849–1915), которые автор хранил в швейцарском банке, где они были недоступны для российских царских властей⁷⁶³.

⁷⁵⁹ Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение, – М., 1983, с. 133.

⁷⁶⁰ Переписка И. В. Грозного с А. М. Курбским. – М., 1979.

⁷⁶¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. – М., 1950.

⁷⁶² Екатерина II. Записки. – М., 1909.

⁷⁶³ Витте С. Ю. Воспоминания. – М., 1960, т. 1–3.

История публикации источника

На этом этапе необходимо выяснить ряд вопросов: предназначался ли источник для публикации самим автором, или же он был написан не для этой цели; кем и когда, с какой целью изучаемый источник был опубликован. Ответ на первый вопрос дает определенное представление о цели и намерениях автора относительно интересующего нас источника и должен учитываться при анализе достоверности и полноты сведений источника. Так, например, памфлет М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» был написан «для себя», для узкого круга читателей, и лишь долгое время спустя найден в его бумагах. Это оказало влияние на содержание публицистического произведения Щербатова, способствовало большей свободе и остроте критических суждений о личности императрицы и ее придворном окружении.

Не должен далее быть обойден вопрос о том, когда изучаемый источник опубликован (если это имело место). Этот вопрос интересен тем, что он отражает историю использования источника в общественной практике, его функционирование в читательской среде, а тем самым позволяет понять степень его значимости и ценности. Каждое новое издание источника есть свидетельство того, что он в какой-то мере отвечает определенным потребностям, используется в социальной практике.

Сочинения М. М. Щербатова и А. Н. Радищева – ценные источники по истории России второй половины XVIII в., а их издание Вольной русской типографией А. И. Герцена и Н. И. Огарева в 1858 г. – яркий факт из истории русской освободительной мысли XIX в.⁷⁶⁴

Важно отметить и такие факты, как перевод источника на другие языки, его издание в другой стране и т. п.

В истории исторической науки публикация источников – по своей тематике, отбору и интерпретации фактов является характерным историографическим фактом – свидетельством интереса к определенной проблематике. Так, обращаясь к истории

⁷⁶⁴ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радищева. Факсимильное издание, – М., 1983, с. 13–14.

советской исторической науки, можно отметить характерное для нее внимание к публикации источников по истории освободительного движения, к истории борьбы угнетенных классов за свое освобождение. Уже в первое десятилетие советской власти начата была публикация документов по истории крестьянских войн в России, истории движения декабристов. В настоящее время подготовлена ценная публикация документов, созданных в ходе Крестьянской войны под водительством Е. И. Пугачева ее участниками⁷⁶⁵.

Интерпретация источника как этап источниковедческого анализа

Слово «интерпретация» («истолкование») имеет много значений. В данном случае важно определить, что означает интерпретация как один из этапов источниковедческого анализа. Интерпретация источника это такой этап работы с ним, когда устанавливается, что хотел сказать составитель (автор) источника, какой смысл вкладывал он в свое произведение. Рассмотрим две стороны этого вопроса: 1) что же это означает – какой смысл вкладывал составитель в свое произведение и 2) для чего нужно это установить, какую роль играет этот этап в источниковедческом анализе.

Обратимся к первому из этих вопросов. Даже когда мы имеем дело с высказыванием нашего современника, – знакомого человека, и то мы часто бываем вынуждены задать вопрос: «что ты хотел этим сказать» или «что ты имеешь в виду». Мы часто говорим: «поймите меня правильно» или «вы меня не так поняли» и т. п. Оказывается, даже при непосредственном общении людей одного и того же времени, одного поколения, одной профессии приходится приложить определенные усилия к тому, чтобы смысл высказанного суждения был адекватно воспринят собеседником, понят, правильно истолкован. Можно представить себе, как эта задача правильного понимания смысла высказанного усложняется, когда историк обращается к тексту исторического источника – созданного в другое время, в другой

⁷⁶⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. – М., 1975.

социальной среде. Трудность истолкования текста источника значительно усложняется. Истолкование (интерпретация) того, что хотел сказать автор источника, является необходимым этапом работы с источником в ходе источникововедческого анализа. Это, прежде всего, интерпретация смысла слов и выражений. В делопроизводственном документе XVIII в. читаем требование «и о том чинить против государева указу». В языке XVIII в. такое выражение означает, что следует действовать соответственно государеву указу, и слово «против» в данном контексте имеет не тот смысл, который придается этому слову в современном языке, а как раз наоборот – по указу, в соответствии с указом. В Поучении Владимира Мономаха своим детям автор высказывает пожелание, чтобы будущий читатель Поучения не посмеялся над его сочинением, если оно ему не понравится, а отнесся бы к нему снисходительно, сказав: ведь писал его человек «на санех сидя». Что же значит это выражение, что хотел сказать Владимир Мономах? Если мы воспримем слово «на санех» буквально, то весь настрой Поучения станет нам недоступен. Мономах хотел сказать, что писал это Поучение человек преклонного возраста, в конце своего жизненного пути. Точное истолкование смысла слов и выражений в контексте необходимо для того, чтобы понять, что хотел сказать автор источника⁷⁶⁶.

Важно правильное понимание иносказаний, матафор, сравнений, а также прямого или иносказательного смысла произведения, его реального содержания. Таковы, например, стереотипная формула вежливого обращения «готовый к услугам» в конце письма XIX в. или «примите уверения в совершеннейшем к вам почтении», столь стереотипная, что ее вполне заменяет обозначение формулы в виде: «примите и пр.»

Истолкование (интерпретация) того, какой смысл вкладывал в свое произведение его автор, необходимо для правильного понимания и составляет необходимый этап источникововедческого анализа.

⁷⁶⁶ Об этом пишет Д. С. Лихачев в кн.: Памятники литературы древней Руси. – М., 1979; подробнее по этой проблеме: *Лихачев Д. С. Текстология. На материале X–XVII вв.* – М., 1983.

Анализ содержания источника

На этом этапе источниковедческого анализа задачей является – раскрыть, «что дает источник» – иными словами, показать, какая фактическая информация содержится в данном источнике, раскрыть богатство (полноту) этой информации, достоверность (соответствие фактов, переданных в источнике реальному положению) и оценить значение и степень новизны этой информации. Анализ источника – сложный и трудоемкий процесс. Раскрывая богатство содержания (полноту информации источника), исследователь как бы развертывает информацию источника, богатство его фактического содержания. Мысль при этом движется от явления к сущности, от непосредственного изложения фактов в тексте источника к все более сложным отражениям в нем реальной действительности прошлого, – того времени, когда источник возник. Так, напр., при анализе содержания мемуарного источника о событиях Отечественной войны предстает вначале более внешний, событийный рассказ – свидетельства о ходе событий военной истории – даты, описание хода сражений, их результата, параметров, характеризующих силы сторон, действий участников, имен и лиц. Далее – более глубокий слой информации, в мемуарах несомненно содержащейся, но прямо, словесно не выраженной, а требующей для ее выявления логического анализа: перед нами выступают такие категории фактов, как отношение фронта и тыла в ходе войны, психология человека на войне, отношения солдата и командира... Продолжая анализ содержания источника, мы находим в нем данные для того, чтобы воссоздать личность автора мемуаров (даже если он совсем о себе не говорит), – масштаб личности, его система ценностей, мировоззрение, отношение к излагаемым фактам. Исследователь как бы поворачивает источник различными его гранями, все более полно раскрывая богатство фактического содержания источника, его информационные возможности: 1) факты, непосредственно изложенные в источнике (напр.: даты, имена участников событий, ход событий); 2) факты, которые отражены в источнике опосредствованно – через восприятие автора источника (напр., приведенные им

свидетельства о фактах, которые сам автор не мог наблюдать); 3) факты, которые выражены в источнике независимо от намерений его автора (напр., об авторской позиции говорит отбор им фактов в изложении, их авторская оценка, выведение на первый план рассказа одних и отнесение в тень других фактов или рядов фактов). Это, в свою очередь, отражает позицию автора, отражает его целевую установку при создании источника.

Задача исследователя-источниковеда – раскрыть различные грани содержания источника, показать – для изучения каких вопросов данный источник содержит ту или иную фактическую информацию.

Раскрытие всей полноты фактического содержания источника – задача непростая, она требует от источниковеда творческого, аналитического подхода, а также хорошего знания актуальных проблем исторической науки, актуальных для общества проблем – для того, чтобы не пропустить важную информацию источника, представляющую определенный общественный научный интерес.

Другая не менее сложная задача – оценка достоверности информации источника. Исследователь, оценивая, содержащуюся в источнике информацию, должен отдавать себе отчет в том, в какой мере источник достоверен, соответствуют ли приводимые в нем факты действительности, иначе говоря – провести проверку и оценку достоверности источника. Это – одна из трудных, но необходимо важных задач, решаемых в ходе источниковедческого анализа. Достоверность – форма существования истины, обоснованной каким-либо – способом для познающего субъекта. Достоверность в источниковедении является частным случаем достоверности как формы существования истины обоснованной каким-либо способом (экспериментом, логическим доказательством) для познающего субъекта. Основой и критерием истины является общественная практика. Этот методологический критерий имеет решающее значение для проверки достоверности социальной информации, которую несет исторический источник. Достоверность источника неоднозначна, – один и тот же источник, созданный человеком, может нести в себе и вполне достоверную, и отчасти достоверную, и недостоверную информацию.

Истина всегда конкретна, и потому изучение достоверности источника есть конкретный многосторонний анализ его содержания. Отметим принципиальные моменты, характерные для этого этапа источниковедческого анализа.

I. Источник – историческое явление. Он возникает в определенных, конкретно-исторических условиях и отражает эти условия.

В этом смысле каждый источник есть достоверное отражение тех условий, тех общественных потребностей, которые вызвали его к жизни. Через понятие источника как исторического явления проявляется методологический критерий общественной практики, которая вызывает к жизни определенный источник – материальный результат целенаправленной человеческой деятельности. Человеческая деятельность, общественная потребность – созданная для удовлетворения этих потребностей вещь, или рукопись – таков логический ряд, позволяющий сделать вывод о том, что источник как факт – достоверен. В этом смысле, напр., трактат средневекового алхимика (независимо от баснословности или фантастичности, наивности содержащихся в нем сведений) достоверно отражает уровень существующих в его время понятий о веществе и приемах его изучения.

II. Рассмотренный нами аспект достоверности связан с самим фактом возникновения необходимого по каким-то причинам источника, и здесь достоверность присутствует вне зависимости от намерений создателя источника. Достоверно здесь то, что объективные социальные условия требовали создания данного (или подобного) источника и факт его возникновения эти условия отразил. Рассмотрим теперь те аспекты достоверности, которые связаны с целями и намерениями его создателя и определяют меру достоверности той информации, которую создатель источника в него ввел. Здесь нам особенно важна зависимость между целью составления источника (его практическим назначением) и достоверностью фактических данных, которые в источник, в соответствии с его назначением, введены. Так, железнодорожный билет, в соответствии с его назначением в общественной практике, достоверно передаст нам сведения о существующих в данный исторический

момент транспортных маршрутах, времени, затрачиваемом на перемещение из одного географического пункта в другой, стоимости и др. При анализе зависимости достоверности и цели создания источника важно четко выяснить, какова была реальная цель его создания (она может совпадать, а может и не совпадать с той, которую сам источник называет или декларирует в качестве цели). Если реальная практическая цель (назначение) источника в социальной практике его времени выявлено источниковедом правильно, то тогда источниковед получает дополнительную возможность соотносить достоверность источника с этой социальной практикой. Так, напр.: сводные описания хозяйства – писцовые описания земельных владений в XVII в. в русском централизованном государстве проводились для каких целей? Оказывается, для целей податного земельного обложения; следовательно, государство пристально следило, чтобы отдельные двory не были пропущены, не были показаны как «пустые». За точность описания (в той его мере, которая непосредственно связана с налоговым обложением, наблюдает сам аппарат феодального государства⁷⁶⁷.

III. Достоверность источника (в той ее мере, как она зависит от его автора) может искажаться не по вине его, а потому, что автор не располагает достоверной информацией. Эта ситуация также часто находит отражение в источниках. Так, напр., изучая картографические источники XVII–XVIII вв., можно убедиться в том, что на западно-европейских картах неточно или совсем неверно, фантастически изображаются побережье северо-востока Азии и северо-запада Америки, в то время уже обследованные русскими мореплавателями. Такая картографическая информация, будучи недостоверной в отношении реальных географических параметров региона, в то же время в определенной мере достоверна – она отражает уровень знаний о данном регионе западно-европейской картографии XVIII в.⁷⁶⁸

IV. Наконец, в источнике мы можем иметь дело с сознательно недостоверно переданной информацией. В этом случае

⁷⁶⁷ Акты писцового дела. – М., 1980.

⁷⁶⁸ Атлас русских географических открытий XVII–XVIII вв. – М., 1964.

задача источниковеда разобраться в причинах этого положения и соответственно провести проверку достоверности. Важное значение имеет в этой работе метод сопоставления источников. Установление новизны и ценности информации источника составляет завершающий, итоговый этап источниковедческого анализа. Его цель – определение степени полноты информации источника, ее достоверности, степень ее новизны (какая информация источника не повторяется в других источниках, является новой) для изучения социальных явлений и процессов.

Проведенный анализ полноты информации, ее достоверности, степени новизны для освещения существенных сторон исторического процесса дает основание источниковеду дать оценку значения изучаемого исторического источника и обосновать ее. Эта обобщающая оценка от изучения отдельных сторон возвращает исследователя к обобщающей, оценке источника в целом и потому может быть названа источниковедческим синтезом. Аргументированная оценка значения источника дает обоснование для практических рекомендаций о возможностях его научно-практического использования. Это могут быть рекомендации по собиранию соответствующих источников, экспертизы ценности источников, по их использованию в научно-исследовательской и другой работе, о формах и путях такого использования информации источников, об отборе для публикации и другие.

3.2. Изложение результатов исследования

Таковы основные этапы и задачи источниковедческого исследования. Наиболее убедительными становятся практические рекомендации источниковеда, если каждый из этапов источниковедческого анализа не только тщательно проведен, но логически обоснован и четко изложен. Источниковедческое исследование имеет свою определенную логическую последовательность изложения. Примерная схема изложения результатов источниковедческого исследования такова:

Введение. Здесь дается обоснование темы исследования, характеризуется методологическая база, историография (степень изученности данной темы в литературе), формулируются задачи исследования.

Глава первая – «Характеристика источника». Эта глава соответствует первому этапу источниковедческого анализа – изучению вопросов происхождения и авторства источников. Она поэтому может иметь соответствующие разделы, в которых характеризуются: исторические условия возникновения источника, автор (создатель) источника, история текста, история публикаций источника.

В связи с характеристикой автора и обстоятельств создания источника освещается вопрос об интерпретации источника (что имел в виду автор текста источника).

Глава вторая «Анализ содержания источника». Здесь основное внимание уделяется полноте сведений и их достоверности. Выявленная фактическая информация группируется тематически и анализируется последовательно в разделах главы.

Заключение содержит оценку значения данного источника и практические рекомендации по его использованию.

Разумеется, данная схема источниковедческого исследования весьма обобщенная, типовая, она должна быть наполнена конкретным содержанием. В зависимости от того, какие стороны источника представляют наибольшие сложности для изучения, последовательность его источниковедческого анализа будет несколько меняться применительно к теме исследования. Так, если в ходе источниковедческого анализа содержания источника выявляется наибольшая ценность его информации для изучения определенных сторон исторического процесса, тогда этим именно вопросам и уделяется основное внимание в главе второй. Может вырасти в специальное исследование история текста источника (его предварительные и окончательные варианты, редакторская правка текста, смысл и направление изменений текста при доработке и т. п.), или история публикаций источника (история его переводов и публикаций на других языках и их особенности).

В то же время, основная структура источниковедческого исследования сохраняется: на первом этапе рассматриваются вопросы авторства и происхождения источника, на втором – анализа его содержания. При этом работа над первым этапом выступает как определенная и необходимая ступень для последующего анализа содержания источника и его оценки в целом.

Глава 4. Интеграция и дифференциация в источниковедении

4.1. Новые направления исследований

В современных условиях ускорения научно-технического прогресса исторической науке принадлежит особая роль, и это ставит перед историческими дисциплинами новые, еще более важные задачи. Это прежде всего относится к источниковедению, поскольку оно нацелено на совершенствование методов получения ретроспективной социальной информации из исторических источников⁷⁶⁹. Ведь источниковедение изучает исторические источники и методы получения из них (через их посредство) полной, достоверной информации о социальных явлениях и процессах. Из этого следует, что, во-первых, это – научная дисциплина, имеющая свой, особый, не повторяющийся в других науках предмет изучения. Во-вторых, этот предмет изучения весьма актуален и важен: информация исторических источников необходима для общества, для науки и практики, и в совершенствовании методов ее получения все заинтересованы.

В советской исторической науке, источниковедении стран социалистической системы ведется широкая разработка проблем теории, истории и общей методике источниковедения⁷⁷⁰.

⁷⁶⁹ Об этом: *Черепнин А. В.* О методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. – В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1; *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения. – В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; *Николаева А. Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XX вв. – М., 1975; *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975; *Кроштинейн А. П.* Методика исторического источниковедения. – Ростов-н/Д, 1976.

⁷⁷⁰ *Буганов В. И., Трухан Г. А.* Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. – Вопросы истории, 1977, № 3; Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. – Днепропетровск, 1983; *Буганов В. И., Трухан Г. А.* Источниковедение отечественной истории на современном этапе, – Вопросы истории, 1983, № 3; *Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение. Теория, методология, методика. – М., 1984; см. также: *Беленький П. А.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.). – М., 1985.

Источниковедение исторически сложилось как научная дисциплина, имеющая две (взаимосвязанные) задачи: изучение источников и разработка методов их анализа. Традиционное для источниковедения служение исторической науке реализовалось соответственно в двух направлениях: эвристическом (ориентирование в многообразии исторических источников, их классификация и характеристика источников, составляющих источниковую базу для изучения отдельных периодов исторического развития, стран и регионов, или же источниковую базу изучения отдельных сторон исторической действительности) и методико-аналитическом (методы анализа исторических источников). Вместе с исторической наукой оно долго ограничивалось по преимуществу письменными памятниками феодальной Европы, формируя соответственно систему традиционных вспомогательных исторических дисциплин. Развитие истории как науки сопровождалось введением в сферу специального источниковедческого изучения все новых категорий источников. Диалектический материализм создал методологическую базу научного познания исторических источников⁷⁷¹, введения в научный оборот источников, отвечающих принципиально новым исследовательским задачам. Источниковедение развивается, вбирая в сферу своего специального изучения новые совокупности и виды исторических источников, обогащая исследовательскую методiku. Анализ историографии источниковедения показывает, что ведущее значение имеет введение в научный оборот информации источников, отражающих закономерности общественного развития, функционирования и смены социально-экономических формаций, социального прогресса, ведущих тенденций общественного развития на современном этапе.

⁷⁷¹ *Черепнин А. В.* К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. – В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; *Яцунский В. К.* Вопросы источниковедения в трудах В. И. Ленина по социально-экономической истории. – Проблемы источниковедения. М., 1960; *Литвак Б. Г.* О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина. – В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1964, вып. I; *Буганов В. И.* Советская литература о приемах работы В. И. Ленина над источниками. – Вопросы истории, 1970, № 9; *Приймак Н. И.* Советское источниковедение ленинского наследия. – Л., 1981.

Развитие теории и методики источниковедения находится в тесной связи с последовательным введением в сферу специального источниковедческого изучения новых совокупностей исторических источников. Систематические обозрения, характеристики взаимосвязанных совокупностей источников, опыты классификации источников – все это дает материал для наблюдения, для выявления общего и особенного в природе источников, специфики их формы и содержания.

Особое значение имеет введение в научный оборот и совершенствование методов анализа источников нового и новейшего времени, истории советского общества, истории народов в их историческом развитии. Важное значение имеют специальные источниковедческие работы, посвященные проблемам классификации и характеристики источников, показывающие источники определенного исторического периода, их классовую природу, специфику происхождения, видовых особенностей и содержания⁷⁷². По преимуществу на материале источников отечественной истории разрабатываются новые направления и методы исследований информации исторических источников⁷⁷³.

Особенности развития источниковедения, как и любой вообще науки, нельзя понять вне связи с условиями общественно-го развития на данном историческом этапе. На современное

⁷⁷² Николаева А. Т. Теория и методика источниковедения истории СССР. – М., 1975; Миронова И. А. Источниковедение истории СССР XIX – нач. XX вв. – М., 1975; Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. 2-е изд. – М., 1976; Млукита Р. В. Источниковедение истории нового и новейшего времени. – М., 1970; Источниковедение истории СССР. / Под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд., – М., 1981; Григорьева И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. – М., 1984.

⁷⁷³ Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации. К постановке проблемы. – История СССР, 1982, № 3; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. – М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. – М., 1979; Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. – М., 1979; см. также: Лубский А. В., Пронштейн А. Л. Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников. – В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982.

источниковедение несомненное влияние оказывают возрастные историзма мышления в общественной практике, комплексный подход к проблеме личности, интеграционные процессы в изучении феномена культуры и человеческой деятельности.

Новые задачи исторической науки в условиях интеграции гуманитарного и естественно-научного знания как никогда ранее расширяют, во-первых, круг исторических источников различных видов, исторических эпох и уровней социальных культур и, во-вторых, круг проблем общественной практики и науки, для которых применение методов источниковедения оказывается необходимым.

Это расширение круга источников и проблематики современного источниковедения в странах социалистической системы хорошо прослеживается на материале ряда направлений исследований.

Ведущим направлением является источниковедение отечественной истории⁷⁷⁴.

Размах интеграционных процессов, связанных с гуманитаризацией знания, не оставляет сомнений в том, что источники по истории науки, техники, других отраслей будут и впредь разрабатываться. Источниковедение уже вступило во взаимодействие с рядом таких отраслей, входя со своей методикой в междисциплинарные комплексы, формируя на стыке гуманитарных, естественно-научных технических знаний новые типы специалистов. Сложные интеграционные процессы развития современного знания отражают взаимосвязи источниковедения и архивного дела.⁷⁷⁵

⁷⁷⁴ Буганов В. П., Трухан Г. А. Источниковедение отечественной истории на современном этапе. – Вопросы истории, 1983. № 3; Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. – М., 1973–1980, вып. 1–4; Источниковедение истории советского общества. – М., 1964–1978, вып. 1–3; Источниковедение истории Великого Октября. – М., 1977; Вопросы источниковедения первой русской революции. – М., 1977.

⁷⁷⁵ Рудельсон К. П. Современные документные классификации – М., 1973; Автократов В. Н. Архивоведение в кругу других областей знания. – Советские архивы, 1973, № 2; Автократов В. Н., Елпатьевский А. В. Проблемы комплектования архивов современными документами. Источниковедческий аспект. – В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976.

В процессе совершенствования развитого социалистического общества потребность в ретроспективной информации возрастает, поскольку она необходима при решении крупных политических, народно-хозяйственных, культурных и научных проблем. В связи с этим возрастает общественно-политическая роль государственных архивов, документы которых содержат богатейшую информацию об историческом опыте прошлого⁷⁷⁶.

В этих условиях взаимодействие источниковедения и архивоведения приобретает еще большее значение. Видное место эти вопросы занимают в работах В. Н. Автокротова, внимательно анализировавшего связи архивоведения с другими областями науки и практики, что нашло теоретическое завершение в его обобщающем исследовании теоретических проблем архивоведения⁷⁷⁷. Свой подход нашел анализ этого взаимодействия в работах Б. С. Илизарова. Им раскрыта особая роль памятников истории, несущих в себе социокультурный опыт предшествующих поколений, для формирования общественного сознания в свете представлений о социальной памяти общества⁷⁷⁸.

За последние годы наблюдается все больший интерес к использованию в исторических исследованиях интеграционных методик работы как с письменными, так и вещественными памятниками⁷⁷⁹.

⁷⁷⁶ Ваганов Ф. М. Возрастание общественно-политической роли государственных архивов в условиях развитого социализма. – Советские архивы, 1985, № 4, с. 20–21.

⁷⁷⁷ Автокротов В. Н. Теоретические проблемы советского архивоведения. 60–70-е гг. Автореф. дисс. д-ра ист. наук. – М., 1982.

⁷⁷⁸ Илизаров Б. С. Источниковедческие проблемы архивоведения. (Методы измерения объемов письменной информации). – М., 1981; *его же*. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания. – Вопросы философии, 1985, № 8.

⁷⁷⁹ Янин В. А. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья. – История СССР, 1973, № 3; Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. – В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975; *его же*. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. – В кн.: Развитие советской исторической науки. 1975–1979. М., 1980.

Видное значение в этом отношении имеет начавшийся процесс более тесного проникновения и взаимного обогащения методик источниковедения и музееведения, поскольку в практике музейной работы комплексное использование вещественных и письменных памятников имеет особое значение. Одним из новых направлений этих исследований является опыт изучения письменных источников, хранящихся в музеях. По результатам программы обследования и описания районных музеев Вологодской области издается ценный «Каталог-путеводитель», содержащий обзоры, документальных памятников⁷⁸⁰.

Ряд фактов свидетельствует о том, как развиваются процессы интеграции, т. е. взаимодействия источниковедения со все новыми областями гуманитарного и естественно-научного знания⁷⁸¹.

Одновременно развиваются и процессы дифференциации – когда от источниковедения отпочковываются новые его разделы. Таковы, например, исследования источников по истории отдельных стран, народов, крупных географических регионов.

Возникают новые разделы источниковедения. В свое время, например, труды по источниковедению Сибири были одними из первых, положивших начало региональным источниковедческим направлениям отечественной истории. Сейчас это чрезвычайно важное направление стало быстро пополняться новыми трудами⁷⁸². Об этом свидетельствует, в частности, специфика

⁷⁸⁰ См., напр.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. / Под общ. ред. проф. П. А. Колесникова. – Вологда, 1982–1984.

⁷⁸¹ Источниковедение и история тюрских языков. – Казань, 1978; Источниковедческие проблемы истории библиотечного дела в СССР. – М., 1977.

⁷⁸² Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. – М.–Л., 1960–1965, – вып. 1–2; Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. – М., 1973; Усманов М. А. Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972; Иванов В. Ф. Письменные источники по истории Якутии. – Новосибирск, 1979; Источниковедческие разыскания. 1979. – Тбилиси, 1984; Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. – Днепрпетровск, 1985.

вводимых в научный оборот источников, тематика новых работ по источниковедению и смежным проблемам историографии, издающихся в ряде научных центров РСФСР и других союзных республик – Свердловска, Тамбова, Казани, Владивостока, Томска, Вологды, Киева, Минска, Кишинева, Ростова-на-Дону, Днепрпетровска и многих других.

Детально, с использованием архивных источников, разрабатывается в настоящее время источниковедение истории Украины XVII в.⁷⁸³ Успехи достигнуты в разработке проблем изучения и издания письменных источников по истории Грузии⁷⁸⁴. Большая работа проводится в области изучения источниковедения истории Молдавии советского периода⁷⁸⁵.

Таковы лишь некоторые направления развития современного источниковедения, связанные с возникновением новых его разделов, с введением в научный оборот все новых видов исторических источников, с использованием методов источниковедческого анализа в ряде научных исследований.

Налицо тенденция к дальнейшему расширению социальных функций историко-источниковедческих методов в современной науке и общественной практике и происходящие под влиянием этой тенденций сдвиги в структуре источниковедения как научной дисциплины: его дифференциация (возникновение новых частных разделов источниковедения) и интеграционные процессы (вхождение его в ряд междисциплинарных комплексов гуманитарного и естественно-научного знания). Все это с особой остротой ставит вопрос об оптимальной структуре современного источниковедения как научной дисциплины и месте в ней теоретических проблем.

⁷⁸³ Ковальский Н. П. Источники по социально-экономической истории Украины XVI – первой половины XVII в. Структура источниковой базы. – Днепрпетровск, 1982.

⁷⁸⁴ Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. – Тбилиси, 1985.

⁷⁸⁵ Лисовина А. П. Основные этапы и некоторые итоги изучения проблем источниковедения истории Молдавии советского периода. – В кн.: Историческая наука советской Молдавии. Кишинев, 1984.

Новые направления источниковедения связаны с развитием НТР. Это – возможности повышения информационной отдачи источников, использование совокупности информации массовых источников, а также использование в качестве исторических источников специфических форм отражения и воспроизведения действительности – кино, фото⁷⁸⁶, фоно документов, технической документации⁷⁸⁷, картографических источников.

Взаимосвязь естественно-научного и гуманитарного знания является одним из важнейших направлений интеграции наук. В связи с перспективами развития источниковедения важно подчеркнуть те линии интеграции, которые реализуются на базе дальнейшего развития историзма в сфере социального и естественно-научного знания в настоящее время. История науки и техники уже сейчас активно развивается и имеет большие перспективы. Роль истории науки в процессе гуманитаризации знания в век НТР существенна, являясь одним из проявлений синтеза естественно-научного и социально-исторического познания диалектического единства и разнообразия мира, его закономерностей. Но историк науки нуждается в своих источниках, а следовательно, и в источниковедении. Обе основные задачи, которые решает источниковедение для исторической науки, оказываются необходимыми и полезными и для ряда других отраслей знаний гуманитарного и естественно-научного цикла.

История исторической науки – историография раньше других поставила эту проблему и уже формирует свое источниковедение историографии⁷⁸⁸. Но очевидно, что ряд про-

⁷⁸⁶ *Магидов В. М.* Зримая память истории. – М., 1984; *Горяева Т. М.* Радиогазета 20-х – начала 30-х годов как исторический источник. – История СССР, 1984, № 1.

⁷⁸⁷ В институте истории естествознания и техники ведется подготовка к созданию сектора источниковедения истории науки и техники. Об этом см.: *Илизаров Б. С., Лежнева О. А.* Институт истории естествознания и техники. Краткий обзор. – М., 1981, с. 13.

⁷⁸⁸ *Нечкина М. В.* История истории. Некоторые методологические вопросы истории, исторической науки. В кн.: История и историки. Историография истории СССР. М., 1965; *Шмидт С. О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии. – В кн.: Проблемы истории общественной мысли и

блем, которые рассматривает историография как история исторической науки, специфична не только для нее, они являются общими для истории науки вообще. К числу таковых принадлежит и вопрос об источниковой базе истории науки, о ее источниковедении⁷⁸⁹ – здесь открывается большое поле деятельности. Источниковедение истории философии⁷⁹⁰, искусства⁷⁹¹, медицины⁷⁹² и других отраслей уже заявило о себе опытами разработки этих проблем.

Вопросы взаимодействия общества и природы, столь актуальные в настоящее время, заставляют обратиться к проблемам источниковедения с этой точки зрения. В сферу интересов исследователя все больше вовлекаются данные о географической среде, реальных природных условиях жизни людей каждого исторического периода. Историк использует данные географических наук о природных условиях, климате, почвах и т. п., а историк географии пользуется данными исторических источников: об изменениях климата Европы, отступлении и наступлении альпийских ледников и т. п. информации исторических источников⁷⁹³.

Реконструирование реальных природно-географических условий, в которых происходили исторические события (например, в практике музейной работы), делает необходимым обратиться к теоретическому анализу историко-географических

историографии. М., 1976; *Дурновцев В. П., Иллещицкий В. Е., Муравьев В. А.* Итоги и перспективы издания Всесоюзного историографического ежегодника. – Вопросы истории, 1978, № 3; *Сахаров А. М.* Методология истории и историография. Статьи и выступления. – М., 1981.

⁷⁸⁹ *Шмидт С. О.* О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки. Труды МГИИИ. – М., 1965, т. 22.

⁷⁹⁰ *Емельянов Б. В.* Теоретические проблемы источниковедения истории философии. Автореф. дисс. д-ра философ. наук, – Л., 1980.

⁷⁹¹ *Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русского театра. – Л., 1971; ее же. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX вв. – Л., 1983.

⁷⁹² *Грицкевич В. П.* Историко-медицинское источниковедение. – Советское здравоохранение, 1980, № 9.

⁷⁹³ *Люблинская А. Д.* Источники в смежных с историей науках. – В кн.: Проблемы источниковедения истории западно-европейского средневековья. М., 1979.

источников, к проблеме классификации источников и, более широко, к анализу источниковедческого аспекта изучения взаимодействия общества и природы⁷⁹⁴.

4.2. Междисциплинарные контакты источниковедения

Место источниковедения среди других областей знания хорошо прослеживается в монографиях широкого плана, где историческая наука представлена в ее связях с другими смежными науками. В этом отношении интерес представляют комплексные учебные издания, ставящие целью подготовку к работе в различных областях исторической науки и охватывающие широкий круг проблем, – от методологии и теории до различных сфер практической деятельности исследователя, преподавателя, музейного работника, архивиста, – монографии широкого плана, имеющие задачей охватить систему исторической науки во взаимосвязи всех ее отраслей. Одной из них явился коллективный труд ученых Германской Демократической Республики «Введение в изучение истории», вышедший первым изданием в 1966 г.⁷⁹⁵ Именно в работах такого плана наиболее рельефно выступает источниковедение с точки зрения его места в системе исторической науки. Этот вопрос может быть прослежен и в динамике: труд историков ГДР в настоящее время вышел в свет третьим изданием, представляя собою, по существу, новую книгу – столь велики изменения в его структуре и содержании⁷⁹⁶. В подготовке труда, осуществленного под руководством В. Эккермана и Г. Мора, приняло участие более пятидесяти историков и философов, архивистов, специалистов вспомогательных

⁷⁹⁴ Шмидт С. О. Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения. – В кн.: Общество и природа, М., 1981; *его же*. Источниковедение в кругу научных дисциплин и вопросы классификации источников. – в кн.: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983.

⁷⁹⁵ О первом издании см.: Сахаров А. М. Полезный опыт историков ГДР. – Вопросы истории, 1968, № 3; Медушевская О. М. Новый труд историков ГДР и вопросы источниковедения. – Советские архивы, 1968.

⁷⁹⁶ Новое издание «Введения в изучение истории» нашло развернутую оценку в рецензии А. С. Орлова. – Вопросы истории, 1981, № 2.

исторических дисциплин, музееведов, историков искусства. Книга представляет собой первый опыт подобного издания в социалистических странах⁷⁹⁷. В ней рассматривались предпосылки для работы в области исторической науки в ГДР, прежде всего, общественно-политические условия развития науки и преподавания истории в ГДР, а также формы организации системы учебных и исследовательских учреждений в стране; рассмотрены программы изучения истории, формы обучения (лекции, семинары, экзамены, практика, формы самостоятельной работы). В теоретико-методологическом плане анализируются предмет, задачи и основы марксистской исторической науки. Всесторонне прослеживается значение для истории смежных с нею общественных наук: выявлены аспекты связи исторической науки с государственно-правовыми науками, языкознанием, литературоведением, журналистиковедением, экономической географией, физической географией, антропологией, археологией, этнографией, историей искусства, статистикой. В качестве особой проблемы рассматривается «Рабочее место историков». Здесь на первый план выдвинут комплекс архивоведческих вопросов: раскрываются понятие архивных материалов, положение и задачи архивов, организация и использование архивных фондов, постановка архивного дела в ГДР. Далее рассказывается о музеях, их истории, развитии музейного дела к задачам музеев ГДР, хранящихся в них источниках; о библиотеках. Традиционные сферы приложения профессиональных знаний историка – архив, библиотека, музей – не исчерпывают его современных возможностей: в качестве рабочего места историка указаны социалистические предприятия промышленности и сельского хозяйства в связи с изучением современности и актуализацией научных исследований. Детально характеризуются рабочие средства историка, под которыми имеются в виду учебные руководства, библиографии, общие и частные, обобщающие труды по истории отдельных стран, энциклопедические и справочные издания, исторические карты и атласы.

⁷⁹⁷ Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966; 3-e Auflage. Berlin, 1979.

Методике исторического исследования посвящен раздел «Изучение исторической литературы». Система исследовательских методов исторической науки в книге прослеживается в двух направлениях. Это – проблемы логики научного исследования, выявления и формулирования закономерностей, изучение исторических явлений и процессов. Другое направление – анализ общих принципов источниковедения и источниковедческой критики, когда источник выступает как средство познания исторического процесса, это историческое источниковедение, источниковедческий анализ и критика источников. Особое внимание уделяется письменным источникам и принципам их источниковедческой критики по социально-экономическим формациям. Показана специфика принципов критики письменных источников в соответствии с типологией и состоянием источниковой базы периода феодализма, абсолютизма и буржуазных революций (1500–1789 гг.), периода капитализма, империализма и пролетарских революций (1789–1917 гг.), истории новейшего времени. Характеризуются вещественные и устные источники, в том числе рассматривается вопрос о звукозаписи и воспоминаниях по истории рабочего движения как историческом источнике. В связи с характеристикой такого типа источников, как лингвистические, подняты вопросы о значении сравнительного языкознания, географии языков, данных топонимики и ономастики для исторического исследования. Характеризуются различные источники, объединяемые в группу этнографических. Новый вид источников – документальное кино; в разделе, посвященном методике их изучения, выясняется вопрос о производстве документальных фильмов, специфике немых, звуковых и цветных фильмов как источнике. При всей специфике этого вида источников первостепенное значение в методике их изучения имеет классовый анализ, общие принципы установления достоверности и анализа содержания.

Большая глава посвящена специальным вспомогательным историческим дисциплинам: палеографии, документоведению, дипломатике, эпиграфике, метрологии, нумизматике, истории оружия и костюма. Книга содержит положения о методике

написания исторических работ различного назначения – исследовательских, учебных, литературно-критических, популярных.

Книга, таким образом, охватывает различные стороны исторического исследования и позволяет явственно ощутить связь и взаимодействие каждой специальной отрасли с цельным и многогранным организмом исторической науки. Стремление раскрыть различные аспекты работы историка с источниками и фактами определяет характер этого коллективного труда.

Перед читателем возникает ряд исторических источников во всем многообразии их социальных, видовых и индивидуальных свойств, вырисовывается специфика исследовательских приемов. В то же время очевидно единство принципов решения кардинальных вопросов критики и оценки исторических свидетельств.

Повышение роли общественных наук на современном этапе общественного развития поставило новые задачи совершенствования методов исследования общественных явлений и процессов, изучения источников. Система методов исторической науки и место в ней источниковедческого комплекса дисциплин не остается неизменным в связи с развитием интеграции и дифференциации научного знания.

Эти явления хорошо прослеживаются при сравнении рассмотренного труда историков ГДР с новым его переизданием. Новое издание этого труда значительно дополнено и усовершенствовано в свете тех новых задач, которые стоят перед исторической наукой на современном этапе, перед высшей школой ГДР.

В предисловии⁷⁹⁸ отмечено, что новое издание дает более полное освещение теоретико-методологических проблем источниковедения и историографии. В группировке источников, наряду с их классификацией по историческим периодам (античности, средних веков, нового и новейшего времени), даны обзоры источников по отдельным аспектам общественного развития: источники экономической истории, истории науки и истории

⁷⁹⁸ Einführung in das Studium der Geschichte. – Berlin, 1979. Новое издание рассматривается в рецензии А. С. Орлова. – Вопросы истории, 1981, № 2.

техники; источники по истории педагогики, военной истории, истории литературы; характеризуются историко-правовые источники, публицистические, историко-философские, лингвистические как особые комплексы источников. Взаимодействие наук показано через характеристику источников, в исследовании которых особенно важна связь методов источниковедения, исторической науки и других смежных наук. Эта трактовка интеграционных процессов современной науки хорошо выявляет значение источниковедческих аспектов интеграции, взаимного обогащения исследовательских методов современной науки.

Проблемы методологии марксистско-ленинской основы исторической науки освещены по ряду направлений: марксизм-ленинизм как мировоззренческая, познавательная и методологическая основа исторической науки; марксизм-ленинизм к исторической науке; исторический материализм и его значение в едином мировоззрении рабочего класса; его значение как методологической основы исторической науки; предмет и задачи марксистско-ленинской исторической науки, ее место в системе общественных наук (историческая картина как составная часть марксистско-ленинской картины мира)⁷⁹⁹; задачи и роль исторической науки в познании процесса общественного развития, ее значение для развития социалистического общества, для выработки социалистического сознания; роль исторического образования и революционных традиций. Показано значение объективной общественной структуры для определения предмета исторической науки, ее деления на экономическую, политическую и историю культуры. Показан ряд важных аспектов произведений основоположников марксизма-ленинизма как методологической основы исторической науки, необходимой для понимания направлений ее развития и задач. Анализируются проблемы методологии исторического познания. Значение трудов основоположников марксизма-ленинизма показано в связи с такими направлениями исследований, как: историзм познания

⁷⁹⁹ *Brendler G. Der Marxismus-Leninismus der Weltanschauliche, erkenntnistheoretische und methodologische Grundlage der Geschichtswissenschaft. – In.: Einführung in das Studium der Geschichte. – Berlin, 1979.*

общественных явлений, раскрытие всемирно-исторической роли пролетариата, изучение военной истории. Методы работы К. Маркса и Ф. Энгельса рассматриваются как образцы применения методологического критерия классового анализа, точного, основательного изучения действительности. Особое внимание посвящено проблеме: В. И. Ленин как историк, его исследовательские методы⁸⁰⁰. Здесь рассматривается значение истории и исторического метода в произведениях В. И. Ленина – диалектика, историзм, партийность. Главное внимание уделено значению трудов В. И. Ленина в изучении истории современности, русского исторического процесса, истории рабочего класса и революционного движения, ленинских методов исследования. В изучении трудов В. И. Ленина как историка ученые ГДР широко используют труды советских исследователей этой проблемы⁸⁰¹. Отмечено значение ленинских методов анализа источников, методов анализа их достоверности и ценности, изучения истории современности; исследования, таких видов источников, как периодическая печать, официальная статистика⁸⁰², эпистолярные источники; характеризуется ленинский анализ прямых, непосредственных источников, какими, например, являются протоколы партийных съездов, а также и косвенных источниковых материалов, какими являются научно-исследовательская, социально-экономическая литература.

Проблемы методологии, истории исторической науки и ее методов исследования источников составляют в коллективном труде историков ГДР «Введение в изучение истории» центральную проблему, детально разработанную и наиболее обширную по объему. Здесь рассматриваются: понятие проблемы как исходного пункта научно-исторического исследования и соотношение теоретического и эмпирического в исследовательском

⁸⁰⁰ *Küttler W.* Lenin als Historiker. In: Einführung in das Studium der Geschichte. – Berlin, 1979.

⁸⁰¹ *Berendt L.* Neue sowjetische Arbeiten über Lenin als Historiker. In.: Beitschrift für Geschichtswissenschaft, 1970, n 2.

⁸⁰² О методах работы В. И. Ленина с фабрично-заводской статистикой, см.: *Forberger R.* Lenin und die Industriestatistik. In.: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1970, bd. 4.

процессе. Особый интерес представляет проблема «Принципы марксистско-ленинской критики источников», которая рассматривается по трем аспектам: 1) принципы познания исторических фактов, 2) историческое источниковедение, 3) принципы критики источников. Историческое источниковедение рассматривается как часть марксистско-ленинской исторической науки, которая изучает исторические источники. Созданные в процессе общественного развития продукты, следы человеческой деятельности, используются впоследствии в качестве исторических источников, составляя источниковую базу исторических исследований. Значение источниковедения рассматривается в свете методологического положения В. И. Ленина о фундаменте точных и бесспорных фактов, взятых в их совокупности, «без единого исключения», который и является основой всякого научного исследования⁸⁰³. Только основательное изучение источников может обеспечить исследователя таким фактическим материалом. Источниковедение как составная часть марксистско-ленинской исторической науки имеет своей задачей выработку теоретических принципов отыскания, выявления и систематизации источников, обзор исторических свидетельств и детальное их освещение по эпохам, периодам или тематике. Метод массового анализа обеспечивает научный подход к источникам на всех этапах работы с ним. Систематизация источников должна строиться в соответствии с принципами историзма и классового анализа, с учетом объективного отражения в них различных сторон общественного развития. На научной основе может использоваться видовой признак систематизации источников (акты, официальные документы, дневники, письма и т. п.).

Активная разработка ряда проблем диалектического и исторического материализма в органической связи с философскими проблемами социального развития, управления социальными процессами, другими насущными проблемами социальной действительности ведется в Народной Республике Болгарии⁸⁰⁴. Это

⁸⁰³ Ленин В. И. Статистика и социология. – Полн. собр. соч., т. 30. с. 351.

⁸⁰⁴ См.: Краткая история болгарской философской мысли. – М., 1977; Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. – М., 1976.

оказывает влияние на характер разработки проблем методологии истории и методов исторического познания. Прослеживается связь методологии исторической науки и идеологии в историческом познании. Методология социальной науки содержит компоненты, которые имеют идеологический характер. Предметами анализа являются место и значение исторических фактов в структуре исторического познания на эмпирическом и теоретическом уровнях⁸⁰⁵. Роль исторического источника в процессе познания определяется тем, что для исследования явлений историк должен провести источниковедческий анализ, и лишь затем начать исследование фактов, изучаемых на эмпирическом и теоретическом уровне.

Вопрос о понятии исторического источника трактуется в связи с исследованием исторического познания как системы с науковедческой точки зрения. При этом работа с источниками связывается с изучением процесса функционирования входной информационной подсистемы исторического познания (рассматривается далее подсистема, генерирующая знание, и подсистема выхода – публикация научных результатов). При этом авторы исходят из понимания исторического источника как реально существующего объекта и носителя социальной информации⁸⁰⁶.

Интегральный подход к проблемам работы с источниками отличает историков и философов Народной Республики Болгарии. Особенно характерна в этом отношении концепция исторической науки и ее источников, которая нашла свое отражение в работе первой национальной теоретической конференции «История и ее источники» (1979 г.)⁸⁰⁷, как представительный научный форум, в котором приняло участие более

⁸⁰⁵ *Василев К.* Ленин и някои методологически проблеми на историческата наука. – Известия на института по истории на БКП, 1970, т. 23; *Стоянов Ж.*, Фактофиксиращите знания, в структурата на историческите изследвания. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1981, т. 3.

⁸⁰⁶ *Стефанов Н., Качаунов С., Симеонова Е.* Структура и методология на историческото познание. – София, 1971.

⁸⁰⁷ *Тодорова А.* Национална конференция, посветена на проблемите на помощните исторически дисциплини. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1981, т. 3, с. 313.

сорока болгарских, ученых и представителей других социалистических стран. Программа конференции и доклады участников хорошо отражают концепцию современных задач и методов исторической науки и значение источниковедческих проблем для ее развития. Спектр поставленных вопросов был очень широк и охватывал методологические, теоретические, научно-исследовательские и научно-практические проблемы исторических дисциплин. На конференции рассматривались методологические проблемы исторической науки и их связь с собиранием, сохранением, исследованием, опубликованием и использованием источников познания прошлого, что определяет необходимость дальнейшего расширения исследований в области теории и методологии историк, вспомогательных исторических дисциплин (доклад директора Института истории БАН академика Хр. Христова). Были рассмотрены проблемы историко-партийного источниковедения, военно-исторического познания, исследовательская и археографическая специфика античных, средневековых и османотурецких источников истории Болгарин, отечественных и иностранных источников по истории Болгарии.

Вторая проблема конференции была связана с раскрытием значения национального архивного фонда, архивных богатств страны как носителя ретроспективной информации, необходимой для познания общественных процессов и управленческой практики (доклад начальника Главного управления архивами Мл. Костова). Были обсуждены возможности социальных функций архивных учреждений, пути усовершенствования издательской базы, координационно-методические задачи публикации источников, комплектования и использования иностранных источников. Отмечалось большое значение источниковедческого анализа в научно-исследовательской работе Болгарского исторического архива, Архива истории.

Обсуждались философские проблемы исторического познания: проблема документа как источника познания, вопросы его истолкования, цели источниковедческого анализа и критерии истинности. Анализировались проблемы комплексного изучения прошлого как коммуникативный и структурно-

функциональный подход, значение сравнительного исторического метода при воспроизведении и реконструкции исторического факта, соотношение субъективного и объективного фактора при создании исторического источника, гносеологические основы критики источников. Рассматривались также такие проблемы, как расширение источниковой базы и новые подходы к интерпретации документов.

Анализировались перспективы развития вспомогательных исторических дисциплин (доклад руководителя сектора «Вспомогательные исторические дисциплины» Болгарской Академии наук К. Георгиева): гносеологические функции и значение источниковедения, палеографии, археографии, неографии, метрологии, генеалогии, сфрагистики; предмет и метод, современные задачи ономастики, метрологии, славянской палеографии, исторической картографии; специфические методики изучения эпиграфических памятников, археологических и этнопсихологических исследований, литературных произведений как историко-социологического источника.

Проблемы источниковедения находятся в центре внимания⁸⁰⁸. К. Георгиев рассматривает вопрос об источниках исторического познания и отношение к этой проблеме на различных этапах развития исторической мысли. Рассматривая взаимодействие исторической науки с другими науками, автор уделяет главное внимание специфике исторического познания.

В недооценке достижений философской мысли при изучении прошлого автор видит один из признаков кризиса современной буржуазной исторической науки. Вместе с тем он подчеркивает, что объективная потребность во взаимодействии между историками и философами еще недостаточно реализуется, что ощущается при создании обобщающих трудов по национальной истории. Среди наук, с которыми история имеет много точек соприкосновения, автор называет социологические исследования. Автор показывает, что единая методологическая основа и общность объекта дают реальную основу интеграции.

⁸⁰⁸ Георгиев К. Историята и нейните извори. – В кн.: Помощки исторически дисциплини. София, 1978, т. 1.

Давая критику идеалистических концепций исторического факта, болгарские историки и философы опираются на марксистско-ленинское учение об истории человеческого общества как закономерном естественно-историческом процессе, обуславливающим существование объективных критериев интерпретации, отбора и оценки исторических фактов. Проблему исторического факта они непосредственно связывают с вопросом об исторических источниках, в которых сохраняются исторические факты. Исторические источники непосредственно отражают исторический процесс и дают возможность изучения прошлого, т. е. всего, что создано в прошлом человеческом обществе и дошло до нас в виде предметов материальной культуры, памятников письменности и нравов, обычаев и языка⁸⁰⁹. Интеграционный подход к проблемам работы с источниками исторического познания характерен для нового издания «Вспомогательные исторические дисциплины»⁸¹⁰. Болгарские ученые рассматривают задачи современной исторической науки в органическом ее единстве с диалектическим и историческим материализмом, который, раскрывая наиболее общие законы развития природы, общества и мышления, дает методологическую базу для объективно-адекватной интерпретации фактов и событий социального развития. Редакционная статья издания⁸¹¹ раскрывает значение диалектического и исторического материализма в развитии исторической науки, показывает ее задачи в условиях интеграции и дифференциации научного знания. Марксистско-ленинская методология ориентирует на главные направления познания, воспитывает умение оперировать научными категориями и понятиями, проникать в сущность явлений, находить методы истолкования эмпирического материала, творчески анализировать специфику объекта. Источниковеде-

⁸⁰⁹ *Василев К.* Концепцията на Едуард Халет Кар за историческите факта: Методологически и историографически проблеми на историческата наука, – София, 1973, т. 1, с. 126.

⁸¹⁰ Помощни исторически дисциплини. – София, 1979–1981, т. 1–3.

⁸¹¹ Някои теоретически проблеми на съвременната исторически наука. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1979, т. 1.

ние и вспомогательные исторические дисциплины – традиционные отрасли исторической науки, имеющие свои специфические проблемы, но они продолжают развиваться и обогащаться в соответствии с достижениями современного научного познания. Это связано с расширением источниковой базы, с совершенствованием исследовательских процессов. Большое значение имеют исследования по совершенствованию логического инструментария, категориального и понятийного аппарата исторической науки, развивающегося и обогащающегося под воздействием других наук.

Современная историческая наука обогащает арсенал своих традиционных методов методами математики, системного подхода, кибернетики, теории коммуникаций, наукометрии, использует в исследовательском процессе электронно-вычислительную технику.

Теоретические и методологические проблемы основной вспомогательной исторической дисциплины – источниковедения – анализирует К. Георгиев в книге «История и ее источники». Эту дисциплину называют теорией и методикой добывания исторических фактов. Приемы изучения источника, выработанные источниковедением, лежат в основе остальных вспомогательных исторических дисциплин. Источниковедение имеет задачей разработку предметно-теоретических аспектов тех процессов, которые охватывают весь комплекс работы над историческими источниками. Поэтому эта дисциплина условно подразделяется на теоретическое источниковедение и прикладное, конкретное источниковедение, непосредственно связанное с практической работой над источниками в процессе установления научных фактов. Рассматривая методы исторической науки в связи с ее задачами изучения источников, болгарские историки показывают важное значение для истории интеграционных процессов, взаимодействия исторической науки с другими науками, общественными и естественнонаучными⁸¹².

Интеграция исторической науки с другими областями знания имеет в известном смысле частичный характер, поскольку

⁸¹² Георгиев К. Историята и нейните извори. – София, 1981.

каждая из этих наук имеет свой предмет, понятийный аппарат, свои методы. Здесь существует взаимодействие наук, их взаимопомощь, но не взаимозависимость. Иначе обстоит дело со вспомогательными историческими дисциплинами, задачи которых непосредственно связаны с решением вопросов о месте и роли исторических источников в историко-познавательном процессе. Именно поэтому их можно назвать науками-спутниками, или вспомогательными науками. Степень развития этих дисциплин определяют задачи исторической науки; вопросы, которые они решают, само их возникновение, их профиль, обусловлены проблемами исторической науки. Таковы палеография – одна из наиболее ранних вспомогательных исторических дисциплин и дипломатика, вызванные к жизни необходимостью осуществлять критику источников. Возникшая еще в XV–XVI вв. как результат тесного сотрудничества истории и географии, историческая география играет важную роль в правильном использовании и оценке материала источников. Обращается внимание на значение исторической хронологии, методы которой подчинены цели определения точного времени и способа датирования исторических памятников, времени событий и фактов, вплоть до изучения современных календарных систем. Большую помощь историку оказывает геральдика, в том числе и при работе с источниками новейшего времени, и сфрагистика, позволяющая правильно установить подлинность источника, его происхождение, степень оригинальности, юридическое значение. Есть ряд дисциплин, имеющих свой особый, самостоятельный профиль научной деятельности (археология, нумизматика, этнография, архивистика, текстология), но доказавших свое значение как ближайших помощников историка. Высоко оценивает автор роль таких дисциплин, как: генеалогия, изучающая родословные исторических деятелей, и метрология, изучающая систему мер в различные периоды времени: археография, которая разрабатывает научные принципы публикации исторических источников, и эпиграфика, изучающая надписи на твердом материале. Филигранология разработала свой метод по определению техники происхождения

источников, их подлинности и места производства, что важно для осмысления различных социальных, экономических и политических фактов. Филателистика, возникшая как результат определенных культурных интересов человека, представляет собой дисциплину, вносящую свой вклад в изучение различных исторических документов – их датировки и места происхождения.

Источниковедческие аспекты интеграции научных дисциплин привлекают внимание ряда исследователей социалистических стран. Они высоко оценивают перспективы, которые открываются для интеграционных исследований на общей методологической базе диалектического и исторического материализма.

Междисциплинарные связи исторической науки с другими науками обогащают ее методiku и расширяют круг источников информации⁸¹³. Насущной потребностью является исследование проблем интеграции исторической науки и социологии. Источники составляют общее звено истории и социологии, поэтому проблемы источниковедения имеют важное методологическое и практическое значение в реализации интеграционного механизма, осуществлении сотрудничества между историками и социологами. Болгарский историк А. Патеринский рассматривает теоретические и источниковедческие аспекты интеграции исторических и социологических исследований⁸¹⁴. Исторические и социологические исследования имеют общий объект и частично совпадающий предмет исследования, поскольку историческая наука изучает генезис, формирование и изменение общества как системы в целом или же отдельных социально-экономических формаций, исторических эпох, истории отдельных народов, а социологические исследования направлены

⁸¹³ См., например, рецензию Ж. Нешевой на третий том «Помощни исторически дисциплини». – Исторически преглед, 1984, № 2, с. 114–116.

⁸¹⁴ *Патерински А.* История и социология (теоретични и извороведски аспекти на интеграцията). – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1979, т. 1.

на изучение структуры, функционирования и развития социальной системы. Плодотворность взаимопроникновения обеих наук на общей методологической базе диалектического и исторического материализма выявляется на различных уровнях исторических и социологических обобщений.

Одним из результатов их интеграции является пополнение традиционной источниковой базы исторической науки материалами социологических исследований. Включение материалов социологических исследований в качестве исторических источников автор оценивает как перспективное: использование этих материалов расширяет источниковую базу историка, обогащает круг вопросов, которые он изучает, способствует более полному отражению действительности. В ряде случаев материалы социологических исследований дают возможность восстановить недостающее звено в причинно-следственной связи явлений исторического процесса. Особенно это важно для исследования проблем нового и новейшего времени, что прослеживается в исторической науке ряда социалистических стран.

На стыке общественных и естественно-научных дисциплин развивается генеалогия. Важен и архивоведческий аспект генеалогических исследований. Собственно генеалогические проблемы связываются с источниковедческими, поскольку задача сводится к отбору источников и выбору методов анализа, новому подходу к оценке и сохранности источников, отражающих, казалось, частные и единичные факты «семейного характера», но в целом, в результате обработки их с помощью картографических и статистических методов, дающих важную информацию о динамике явлений. Разработка методики обследований больших групп источников с устойчивым формуляром (акты и т. п.) важна и в связи с перспективами постановки коллективных исследований. Перед историками, обращающимися к проблемам генеалогии, встает комплекс проблем репрезентативности, достоверности, качественной однородности источников. Эти проблемы могут быть успешно разработаны именно в сфере взаимодействия методик источниковедения конкретной социоло-

логии и социальной психологии⁸¹⁵. На стыке гуманитарных и естественных наук может рассматриваться, например, проблема о состоянии здоровья отдельных социальных групп населения в прошлом.

Разносторонний подход к исследованию выдающихся памятников культуры требует своеобразной методики – исторического, источниковедческого и искусствоведческих методов исследования.

Художественная миниатюра выдающегося памятника болгарской духовной культуры – четвероевангелия царя Ивана – Александра 1356 г. всесторонне анализируется в исследовании известного болгарского историка и деятеля культуры Л. Живковой, посвященного этому историческому памятнику⁸¹⁶. Выдающийся памятник культуры анализируется в связи с историческими условиями экономической стабилизации и политической консолидации в эпоху Ивана-Александра, в связи с культурным и духовным подъемом в стране, с общими тенденциями развития науки, философской и религиозной мысли, что позволило показать, как новые тенденции отразились в сфере художественной культуры. Художественная миниатюра и техника миниатюры памятника, рассматриваемые исследователем как своеобразный синтез литературы и искусства, позволили показать значение памятника как ценнейшего источника, отразившего подъем в развитии болгарской духовной культуры этого периода.

В исследовании социально-экономических процессов болгарские исследователи придают важное значение проблемам имущественной дифференциации в эпоху феодализма и капитализма. Опираясь на методологическую базу трудов основоположников марксизма-ленинизма, и в особенности, изучая ленинские методы анализа классового расслоения русского крестьянства в эпоху капитализма, они придают большое значение творческому изучению ленинского наследия в области методов

⁸¹⁵ Подробнее об этом: *Медушевская О. М.* Генеалогические исследования польских историков. – В кн.: История и генеалогия. М.: Наука, 1977.

⁸¹⁶ *Живкова Л.* Четвероевангелие царя Ивана-Александра. – София, 1981.

статистического анализа процессов социально-экономического развития. Экономическое состояние и социальная структура болгарского общества составляют актуальную проблему изучения. Они позволяют изучить процессы зарождения капиталистических отношений и классового расслоения, аграрных отношений⁸¹⁷.

Теоретико-методические аспекты использования статистических методов при исследовании проблемы имущественной дифференциации рассматривает А. Патерински⁸¹⁸.

Изучение проблем социальной и классовой структуры болгарского села XIX в., развития производительных сил имеет большое значение для раскрытия характера болгарского национально-освободительного движения и экономического развития. Массовые однотипные документы-переписи имущества и налогообложения сельского населения XIX в. стали предметом изучения С. Драгановой⁸¹⁹. Описания сел, проводившиеся турецкой администрацией, представляют собой массовые однотипные документы, и при их статистической разработке они, как показал автор, являются ценными источниками по структуре населения, социальной дифференциации и экономическому развитию болгарского села середины XIX в.

Традиционные исторические источники не дают достаточно полной картины для изучения сферы общественного сознания, настроений и взглядов различных общественных групп, их системы ценностей. Социолог, изучая современное состояние общественного мнения, получает информацию, имеющую значение для исторических исследований, которая может быть использована в различных областях исторической науки и на

⁸¹⁷ *Димитров С.* За классово разслоение сред селяните в Северо-източна България през 70-те години на XIX в. – Известия на Института за история, 1960, т. 8.

⁸¹⁸ *Патерински А.* Някои теоретични аспекти на приложението на статистическите методи при изследване на имуществената дифференциация. – Помощни исторически дисциплини. София, 1981, т. 3.

⁸¹⁹ *Драганова С.* Османотурски регистри за селото от средата на XIX в. като исторически извор. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1980, т. 2.

различных этапах исследования. Материалы социологических исследований автор рассматривает как исторические источники, условно разделяя их на два типа: первичные, к которым относятся анкеты, интервью, и вторичные – обработанные материалы в форме статистических таблиц, разработанных на основе информации, содержащейся в первичных источниках. Рассматривая различные формы использования социологических данных в исторических исследованиях советских и болгарских исследователей, автор приходит к выводу о том, что изучение проблем и перспектив интеграции методов истории и социологии составляет насущную потребность современной науки.

В источниковедческой базе новейшего времени имеются определенные проблемы, связанные не только с утратой некоторых источников, но и с тем, что ряд социальных процессов не поддается документированию и может быть восстановлен лишь ретроспективно, в значительной мере по воспоминаниям участников событий. В то же время, в отличие от историков, изучающих более ранние эпохи, истории современности имеет возможность активно воздействовать на состояние своей источниковой базы, участвовать в ее пополнении. Это определяет огромный интерес к устным источникам, а также массовым автобиографическим свидетельствам, получаемым в результате социологических анкет-интервью. Записи устных воспоминаний представляют большую ценность как источники о процессах, происходящих в сфере общественных настроений, они дают ценный фактический материал для анализа механизмов формирования мнений, системы ценностей, мотивации поведения. Эти источники изучаются историками ГДР при исследовании истории рабочего движения, они изучаются историками ПНР, ЧССР и других социалистических стран. В изучении этих источников общие проблемы, стоящие перед историками и социологами, по своему существу являются источниковедческими. Главная из них – специфика отражения действительности в источниках, проблема их достоверности. Существенное значение имеют вопросы о репрезентативности массового мемуарного материала, связанной, в частности, с неравномерностью социального состава мемуаристов, вопросы психологии памяти и социальной психологии. Историками и социологами накоплен

опыт собирания и публикации массовых мемуарных (автобиографических) материалов, создаваемых по методикам конкретных социальных, исследований⁸²⁰. В сфере общественного сознания, в системе ценностей различных социальных групп традиционные источники не могут дать достаточно полной картины. Социолог, исследующий в современности состояние общественного мнения, располагает материалом, полезным и для историка. Это дает возможность пополнения имеющейся источниковой базы. Важное значение имеют эти источники в анализе развития социалистического общества как системы. Источники, которые имеют социологическое происхождение, могут использоваться в различных областях новейшей истории – при исследовании проблем рабочего класса, как объект историко-социальной, психологической и культурной характеристики, внутриклассовых различий, морального и духовного облика участников движения за коммунистический труд и т. д. Социологические исследования имеют прямое отношение к организации и эффективности музейного дела⁸²¹. Второй аспект – исследование массовых исторических источников с помощью социолого-статистических методов. Социологические материалы представляют информацию, которая имеет вспомогательное значение в исследовательском процессе, но может найти применение в различных областях исторического знания и на различных этапах исследовательского процесса.

Статистическое изучение биографических источников дает болгарским историкам ценные данные о социальной картине болгарского общества.

Стремление расширить возможности изучения тех сторон исторического процесса, которые в меньшей степени находят отражение в традиционных видах исторических источников, определяют усиление внимания к методам социологических исследований и к таким видам источников, как устная традиция.

Данные языка как исторические остатки и устные свидетельства были в свое время высоко оценены традиционным источниковедением, они выделялись в особую группу в клас-

⁸²⁰ См. об этом: Историк и источники. – Вопросы истории, 1972, № 4.

⁸²¹ Социологичне наследования и музеите. – София, 1969.

сификационных схемах и обзорах источниковедческих изданий. В «Учебнике исторического метода» Бернгейма в эту группу включались легенды, саги, анекдоты, пословицы и поговорки, исторические песни⁸²². «Устные источники» занимают определенное место и в последующих источниковедческих обзорах и классификациях. Нетрудно, однако, заметить неоднородность видов источников, которые в них бывают названы, отсутствие четко выработанных методик их источниковедческого анализа. С появлением средств технической звукозаписи стала быстро расти группа аудиовизуальных источников. Появились новые возможности пополнения источниковой базы исторических исследований. Соответственно выявилась необходимость разработки специализированных методик исследования этих источников. Данным проблемам посвящена работа болгарского историка А. Патеринского «Язык, устная традиция и устные источники в историческом познании»⁸²³. Он различает три вида устных источников: язык; устная традиция; анкеты и интервью. В изучении языка пока отсутствует метод, который показал бы изменения в языке в связи с изменениями, происходящими в историческом процессе.

Современная наука проявляет большой интерес к языку, в познании которого как исторического источника наметились два направления. Первое, связанное с методом классической филологии, базируется на анализе терминологической значимости содержания документа, дает топонимический и ономастический материал и позволяет установить заселение территории в древности по названиям мест; но этот материал не отражает непосредственно человеческих отношений, а лишь воздействие результатов человеческой деятельности на заселение, хозяйственную деятельность в данном регионе. Второй метод изучения может осуществляться в рамках современного языкознания; это метод изучения языка как средства коммуникации в обществе, результат коллективного творчества, обладающего структурной целостностью. Язык выступает здесь как

⁸²² *Bernheim B.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. – Leipzig, 1908.

⁸²³ *Патеринский А.* Езикът, устната традиция и устните извори в историческото познание. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1980, т. 2.

индикатор общественных явлений и может изучаться комплексно с помощью количественных методов. Социально-психическое отношение, выраженное в языковом высказывании, его интеллектуальная наполненность используются здесь как признаки определенного состояния общественного сознания, или же производится количественный анализ текста (контент-анализ). А. Патеринский различает устную традицию (источник, не имеющий определенного адресата) и устные сообщения, имеющие определенную адресность, в известном смысле вызванные, организованные историком (вечера воспоминаний, сообщения, полученные в свободной беседе, анкеты и интервью). Интервью и историческая анкета выступают как метод получения новых источниковых материалов.

Новые методы получения устных сообщений повышают роль этих источников. Они важны не только в тех случаях, когда еще вообще отсутствует письменность (и здесь звукозапись расширяет возможности сбора устных сообщений), но и для современной истории. Запись фольклорных произведений и устных воспоминаний с исторической тематикой позволяет расширить круг сведений в области истории новейшего времени.

Для современного источниковедения характерны связи с такими отраслями, как архивоведение. Опыт историков и архивистов, их труды хорошо отражают эти взаимосвязи и взаимовлияние источниковедения и архивоведения. Среди письменных источников, которые представляют особый интерес для исторического исследования, архивные материалы и по их количеству и по значению занимают ведущее место.

Знаний функций и задач архивов, их профиля, возможности использования и обработки документов в архивах принадлежат к числу необходимых основных знаний историка-исследователя. Стремясь расширить источниковую базу истории страны за те периоды, по которым сохранилось недостаточно оригинальных источников, ряд исследователей обращается к запискам иностранных авторов – путешественников, дипломатов, купцов.

Записки путешественников, путевые заметки и другие документы, возникающие во время путешествия или позднее, явля-

ются ценными источниками по истории быта, культуры народов в их историческом прошлом. В то же время, они требуют применения к ним методов анализа и критики источников. Путевые записки XVI в., относящиеся к Болгарии, представляют собой целый комплекс источников, написанных на различных европейских языках. Они разбросаны по различным хранилищам Европы и в значительной части не опубликованы. Выявление этих источников, их атрибутирование, последовательный обзор составляют первый этап их источниковедческого изучения. Второй этап связан с систематическим разбором всех записок путешественников об отдельных явлениях болгарского быта и культуры.

Неопубликованные путевые заметки Якоба фон Бетцем, курьера Габсбургского двора в Вене, являются, как показала чешский историк Х. Хинкова, источником по Болгарии XVI в., содержащим богатую информацию историко-географического, социально-психологического, хозяйственного и этнографического характера⁸²⁴.

Среди источников по истории болгарского народа внимание историков привлекают записки путешественников. Этому вопросу посвящена серия публикаций иностранных источников по истории Болгарии.

Особенностям записок путешественников как особого вида источников посвящен ряд работ болгарских историков. Выявляются характерные черты и особенности записок иностранных путешественников как источников о прошлом болгарского народа⁸²⁵. Отмечая ряд недостатков этого вида источников, связанных с беглостью и поверхностностью впечатлений, неточностью, односторонностью, субъективностью отношения, использованием ненадежных сведений, автор, однако, в целом положительно оценивает этот источник. Обилие непосредственных

⁸²⁴ Хинкова Х. (ЧССР). Неопубликованы пътеписни дневници на Якоб фон Бетцем за България от XVI в. – В кн.: Помощни исторически дисциплини. София, 1980, т. 2.

⁸²⁵ Ѓонов М. Зарубежные записки путешественников. Чуждите пътеписи като извор за историята на българските земи. – Там же, София, 1979, т. 1, с. 307.

наблюдений, рассказы и свидетельства очевидцев превращают записки путешественников в оригинальный, ценный источник, освещающий прошлое болгарского народа, раскрытое десятками и сотнями действительных случаев и житейских ситуаций. Ценность, записок возрастает, когда их авторами являются наблюдательные и просвещенные люди, а в отдельных случаях и выдающиеся представители своей эпохи, сознающие необходимость достоверности своих описаний. Записки путешественников автор расценивает как источник по экономической жизни, окружающей среде, по материальной и духовной культуре, подчеркивает эвристическую ценность источника.

Органическую часть исторической науки составляет научно-историческая информация и ее документация. Соотношение этих понятий с источниковедческими трактуется таким образом, что понятие информационных источников в широком смысле входит в понятие исторических источников: все материалы, которые могут служить средством информации, могут рассматриваться как информационные источники. Под последними понимаются литературные, вещественные, аудиовизуальные информационные источники, значение которых в настоящее время усилилось. Одновременно они рассматриваются и как информационные средства. В развитии источниковедения и исторической науки социалистических стран видное значение придается организации научной информации по общественным наукам.⁸²⁶ Методологические проблемы исторической науки и источниковедения связаны с анализом процессов развития науки. Этим объясняется усиление интереса к проблемам науковедения и истории исторической науки в современной науке.

Возрастание значения источниковедения в науке и общественной практике требует усиления внимания к его преподаванию, определяет необходимость его использования в

⁸²⁶ *Бояджиева Е.* Проблемы на съвременната научно-информационна дейност в историческата наука. – Исторически преглед, 1976, № 2; *Манолова А.* Научната информация в помощ на изследванията по истории на България при социализма. – Помощни исторически дисциплини, София, 1981, т. 3.

подготовке историков. Болгарские историки связывают повышение роли вспомогательных дисциплин в историческом образовании с такими факторами, как: увеличение объема источниковой базы исторической науки, изменения в задачах исторической науки социалистических стран, что связано с изучением источников новейшей истории, новыми объектами исследований, с ориентацией на структурно-функциональный анализ и массовые социальные явления и процессы; обогащение научной методологии и методики исследования, когда традиционные методы связывают с изучением математики, статистики, общей теории систем, теорией информации; расширение средств научной коммуникации между специалистами через специальные научные издания по проблемам вспомогательных исторических дисциплин; обсуждение их на научных форумах, конференциях и симпозиумах; разработка учебных программ вспомогательных дисциплин на исторических факультетах.

В учебных программах вузов общий курс источниковедения должен занять свое определенное место, причем теоретическое источниковедение введет студентов в систему знания природы исторических источников и работы с ними, прикладное источниковедение ознакомит с конкретными методиками изучения и использования различных видов источников по болгарской и всеобщей истории. Этот курс должен также ввести студентов в сложную лабораторию критики буржуазной историографии и источниковедения⁸²⁷.

Несомненный интерес представляет анализ историографии источниковедения социалистических стран по конкретным проблемам теории и методики источниковедения. Следует отметить исследование болгарского историка А. К. Даскаловой, разработавшей теоретические и историографические проблемы классификации исторических источников.

Это направление исследований важно и для постановки преподавания источниковедения в высшей школе. Ценно, что

⁸²⁷ Генчев Н., Тодорова А. Помощните исторически дисциплини и висшето образование по история. – Помощни исторически дисциплини, София, 1979, т. 1.

болгарские историки успешно сочетают разработку теоретических и историографических проблем с анализом конкретных видов источников и методов их анализа⁸²⁸.

В настоящее время изучение окружающей среды привлекает особенно внимание исследователей. Источники для изучения исторической географии страны имеют определенную специфику. Ряд исследователей отмечает большое значение исторической географии и пишет о необходимости ее дальнейшего развития. Болгарский ученый П. Коледаров отмечает, что исследование взаимодействия общества с географической средой и правильный учет ее влияния на производство содействуют выяснению конкретных природных условий и их роли в общественном развитии. Задачи исторической географии историки социалистических стран тесно связывают с основными закономерностями общественного развития. Историческая география имеет своей задачей исследование основных черт и характерных, особенностей местности и населения в их взаимодействии в ходе исторического процесса в целом, а также в конкретном районе и в конкретную эпоху. Результаты историко-географических исследований воспроизводятся не только словесно, но и графически. Результаты историко-географических исследований (описания и картографические изображения) содержат такие элементы, как: физико-географические условия, география населения, экономика и экономические взаимоотношения, политическая и социальная география и география культуры.

В ряде социалистических стран воспринята и используется та концепция исторической географии, ее истории, источников и задач, которая разработана советскими историками и географами. В настоящее время яснее становится большое практическое значение исторической географии: 1) для активизации обучения исторической географии в преподавании истории на различных уровнях общеобразовательной системы, где развиваются пространственные представления и изучение роли

⁸²⁸ *Магаева А. К.* Мемоарите като исторически извор и технии извороведски анализ. – Архивен преглед, 1981, № 3; *ее же (Даскалова А. К.)*. Классификация и методика изучения источников. Автореф. канд. дисс. – М., 1980.

природных условий для совершенствования материального производства; 2) по использованию исторической географии для обогащения информации в различных отраслях управления и экономики в связи с демографическим фактором, миграционными процессами, урбанизацией, проблемами охраны окружающей среды, требующими комплексной разработки. Историческая география обогащает значения пространственно-исторических аспектов явлений, важных для понимания их структуры и тенденций развития. Особое значение имеют пространственно-исторические аспекты для: практики социалистического строительства и усовершенствования системы территориального управления в решении вопросов о традиционных промыслах, изучении географической номенклатуры; 3) историко-географические сведения необходимы в краеведении, при создании справочной литературы, туристических справочников и путеводителей, способствуя развитию туризма и краеведения; 4) историческая география и картография играют определенную роль в совершенствовании методов работы по интернациональному – и патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи; в ряде других проблем изучения прошлого и настоящего.

Предмет исторической географии определяет междисциплинарный характер ее источников, методов и ее положения среди других наук. Эта проблема привлекает внимание историков и географов ряда социалистических стран. Изучая источниковую базу этой дисциплины, исследователи называют в числе важнейших разнообразный круг письменных источников различных жанров, в их числе: литературные произведения, географические описания, записки путешественников, летописи, документальные материалы – международные договоры, акты, инвентаря и реестры, торговые книги, надписи, старые географические карты, чертежи и планы, эскизы и рисунки, а также вещественные устные источники; относя к последним данные топонимики и ономастики, фольклорные материалы, предания. Наряду с историческими источникам, в методике работы с которыми историческая география использует методы

источниковедения и других исторических дисциплин, она имеет естественно-научные источники информации – данные геологии, геофизики, геоботаники, зоологии и антропологии, пользуясь при их изучении методами естественно-научных и технических дисциплин (палеонтология, палеоботаника, палеозоология, палеоантропология и другие).

Заслуживает специального внимания проблема соотношения исторической географии с исторической наукой и географией, ее место среди других наук и дисциплин. Ряд аспектов, связанных с этой проблемой, имеет историческая картография. Болгарские ученые четко различают использование историко-картографического метода (при составлении историко-географических карт) от использования старых географических карт (как источника по исторической географии). Независимо от значительных по важности задач исторической географии и широкого использования методов других наук, болгарские ученые все же трактуют историческую географию как вспомогательную историческую дисциплину. Они исходят при этом из того, что историческая география помогает исторической науке, занимаясь разработкой пространственно-географических условий развития человеческого общества и его взаимодействия с окружающей средой⁸²⁹.

В отношении особого положения исторической географии как исторической дисциплины проводят аналогию с исторической хронологией, связанной с вопросами философской категории времени. Как две вспомогательные исторические дисциплины историческая география и историческая хронология конкретизируют представления историка. Источниковая база исторической географии имеет специфику, состоящую в том, что в нее входят как исторические (письменные, устные и вещественные) источники, содержащие историко-географические сведения, так и естественно-научные – геологические данные, геофизические, ботанические, зоологические, антропологиче-

⁸²⁹ *Каледаров П.* Историческата география и нейните задачи в България. – Помощни исторически дисциплини, София, 1979, т. 1.

ские и другие, что требует использования для нужд исторической географии ряда особых дисциплин – палеонтологии, палеоботаники, палеозоологии, палеоантропологии и других естественно-научных дисциплин и методов.

Таким образом, вопросы источниковедения и его связи с другими областями науки и практики находят все более полное освещение в странах социализма. Как справедливо отмечает болгарский ученый К. Стоянов, «характерная черта исторического познания в наше время – нарастание интереса к вопросам теории и практики источниковедения»⁸³⁰. Это ставит перед историками социалистических стран новые задачи – расширения круга источников, развития теории и совершенствования методов исследования. Одна из актуальных задач – разработка проблем преподавания теории и общей методики источниковедения в системе высшего гуманитарного образования.

Заключение

Гуманитаризация знания, роль человеческого фактора, который является решающим во всех переменных, которые совершаются на современном этапе развития социализма, с необычайной силой поднимает значение исторической науки, как одной из фундаментальных, комплексных наук о человеке, обществе в его развитии, в условиях ускорения научно-технического прогресса. Это определяет значение источниковедения как исторической дисциплины, сформировавшейся в составе профессионального аппарата исследований гуманитарного, исторического профиля. В то же время, его методы имеют важное значение для ряда отраслей научно-практической деятельности, для повышения эффективности исследования социальной информации в целом. Перед источниковедением встают новые задачи повышения эффективности методов исследования источников для получения необходимой информации о социальных явлениях и процессах.

⁸³⁰ Исторически преглед, 1985, № 2, с. 88.

В условиях интеграции научного знания, характерного для современной эпохи, особенно важно, чтобы каждая из научных дисциплин более активно, теоретически осмысливала, обобщала свои представления о предмете данной науки, ее задачах, характерных для нее исследовательских методов. Тогда, вступая в интеграционные взаимодействия, специалисты, представляющие данную дисциплину, предлагают для использования в новых отраслях знания теоретически проанализированные, обобщенные и практически выверенные приемы исследования, выработанные данной дисциплиной.

Анализ современных тенденций развития источниковедения показывает, что теория выступает как необходимый элемент процесса интеграции научного знания. Взаимосвязь: интеграция – дифференциация – теория объясняется самой природой интеграционных связей в науке. Эффективное использование методов одной науки для нужд другой (интеграция) имеют своей исходной позицией обособление отдельных отраслей знания как имеющих свой предмет, свой специфический метод познания (дифференциация). Этот предмет, метод, условия и границы его применения необходимо должны быть обобщены в данной науке на ее теоретическом уровне. Теория выступает как необходимая ступень для последующего творческого расширения границ применения данного специфического метода познания – на другие объекты, для других научных целей. Без теории нет научной дифференциации и интеграции знания. Это подтверждает и науковедческая практика: примеры эффективного использования интеграционных процессов можно наблюдать именно в отраслях, имеющих четкую теоретическую основу, теоретически обоснованную, проверенную длительной практикой методов исследования. Напротив, можно отметить, что отрасли знания, недавно ответвившиеся от основного древа познания, направлены более на дифференциацию, отграничение своей сферы и менее к завязыванию интеграционных связей. В таких отраслях центробежные процессы преобладают над центростремительными.

С развитием общества потребность в исторических источниках и совершенствовании методов анализа социальной информации возрастает. Источниковедение рассматривает исторические источники и методы получения из них информации о социальных явлениях и процессах как предмет специального изучения. Внутренняя структура источниковедения, разрабатывающего столь специфические (не являющиеся предметом других наук) и в то же время общезначимые (для наук, использующих информацию источников) проблемы и его место в системе социальных знаний не остаются при этом неизменными.

Интеграция источниковедения с другими областями знания тесно связана с развитием теории. Взаимодействие теоретического и эмпирического аспектов в современном источниковедении развивается в соответствии с общими закономерностями диалектики теоретического и эмпирического в научном познании.

Междисциплинарные связи, характерные для современного социального познания, эффективны при условии их развития на научной основе. Источниковедение осуществляет такие контакты с отраслями, использующими ретроспективную информацию исторических источников, что делает его интеграционные связи все более разнообразными и широкими. В этих условиях значение теории в структуре источниковедения возрастает, а необходимость теоретического обобщения практики исторического исследования и преподавания остается актуальной задачей науки об источниках.

Список литературы

1. Ленин В. И. Карл Маркс. – Полн. собр. соч., т. 26.
2. Ленин В. И. Статистика и социология. – Полн. собр. соч., т. 30.
3. Буганов В. И. Трухан Г. А. Источниковедение отечественной истории на современном этапе. – Вопросы истории, 1985, № 3.
4. Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации. – История СССР, 1982, № 3.
5. Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977.

6. *Николаева А. Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения – М., 1976.

7. *Черетин А. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. – В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973.

8. *Шмидт С. О.* Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины. – В кн.: Развитие советской исторической науки (1970–1974). М., 1975; (1975–1979). М., 1980.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ XX В.: НАУЧНАЯ МЫСЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ⁸³¹

Культура России начала века обладала цельностью и богатством идеей общечеловеческой значимости, делающими ее достижения современными в лучшем смысле слова. Обращение к идеям, высказанным наиболее яркими ее представителями, происходило и происходит перманентно, но в силу ряда причин в центре внимания оказывались сначала литература, позже – философия, а сравнительно недавно – историко-правовая, социологическая мысль. По мере того как то или другое направление выходит из тени, становится ясно, что каждое из них – ветвь одного дерева, часть целого, суть которого – единые методологические принципы представителей естественнонаучного и гуманитарного знания, искусства, философии, истории, права. Важно понять эти принципы в целом, чтобы раскрыть частности, выявить их глубинную взаимосвязь.

Источниковедение в России XX в. основано на характерном для русской культуры принципе подхода к социальным явлениям. Самое главное в нем – ориентация на изучение произведений, созданных человеком в процессе его целенаправленной,

⁸³¹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. Под общей ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. С. 42–77.

Обобщающая статья О. М. Медушевской «Источниковедение в России XX в.» (1996 г.), подводит итоги соотношения научной мысли и социальной реальности за истекшее столетие. В ней показана смена основных концепций, этических и профессиональных представлений, влияние их на такую специальную область знаний как источниковедение. В этой статье Ольга Михайловна не пишет, однако, о своем фундаментальном вкладе, состоявшем во введении и утверждении понятия теоретического источниковедения, разработке его методов, структурных основ лекционных курсов и создании российской школы теоретического источниковедения. Этот вклад хорошо известен и отражен в многочисленных публикациях. В то же время, статья, несомненно, имеет определенный автобиографический характер, стремится не только излагать факты, но предложить их оценку с позиций как личного опыта, так и социологии науки. – *Прим. ред.*

осознанной деятельности. Эти произведения интерпретируются как социальные явления, реально существующие элементы культуры общества, и еще более широко – мирового целого. Цель их изучения состоит в том, чтобы узнать о людях, создавших эти произведения, и о том обществе, в котором они могли реализоваться именно таким образом. В данном качестве произведения выступают как источники социальной информации, а сам подход – как источниковедческий. Свое теоретическое обоснование, логическое изложение и практическое применение к конкретным видам источников методология источниковедения находит в трудах основателя особой научной школы, рассматривавшей метод исследования источников социального познания академика А. С. Лаппо-Данилевского – «Методология истории» и «Очерк русской дипломатики частных актов»⁸³². Второй (и последний) том «Методологии истории» посвящен изложению принципов методологии источниковедения. Эти же принципы, идеи и теоретикопознавательные методы получили глубокую и разностороннюю интерпретацию и развитие и в трудах ряда его ближайших единомышленников – С. Ф. Ольденбурга, И. М. Гревса, А. Е. Преснякова, Б. А. Романова, С. Н. Валка, Г. В. Вернадского и ряда других ученых.

В центре философской парадигмы Лаппо-Данилевского – целенаправленная, осознанная человеческая деятельность как главный предмет исследования. «Главный предмет исторической науки – историческое целое или история человечества»⁸³³. Исходный философский принцип – признание чужой одушевленности, органическая связь личности и мирового целого. «В первых редакциях курса методологии истории, – вспоминает А. Е. Пресняков, – он говорил о космическом смысле социального развития, о “реорганизации вселенной” как предельном моменте развития исторического процесса,

⁸³² *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910. Т. 1; 1913. Т. 2; *Он же.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

⁸³³ *Пресняков А. Е.* Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 110.

реорганизации мирового целого взаимодействием на него “великой индивидуальности человечества”⁸³⁴. Пресняков отмечает «своеобразие и неожиданно-родственность его идей идеям Н. Ф. Федорова, его философии истории».

Хотелось бы отметить также общность подхода Лаппо-Данилевского с идеями В. И. Вернадского. Несомненно, позиции обоих ученых сближало представление о тесной связи науки и жизни, о цели, состоящей в «работе для культурного роста личности и народа»⁸³⁵. Идея созидательной активной человеческой деятельности, изменяющей мировое целое, была им очень близка. О научном общении этих ученых, о влиянии Лаппо-Данилевского на философские взгляды Вернадского имеются прямые свидетельства⁸³⁶. Начатые еще в молодые годы, научные контакты были, вероятно, продолжены на новом уровне – когда сын В. И. Вернадского, Г. В. Вернадский, будущий известный историк, стал учеником и последователем А. С. Лаппо-Данилевского⁸³⁷. Без понимания общности идей двух светил научного мира парадигма Вернадского о человеческой деятельности, преобразующей мировое целое, остается хотя и достаточно известной, но не вполне точно интерпретированной.

Один из наиболее близких коллег А. С. Лаппо-Данилевского, медиевист, культуролог И. М. Гревс писал, что ученый «был убежденным представителем такой концепции истории, которая творческую силу исторического процесса видит в человеческих сознаниях и, стало быть, активным носителем в

⁸³⁴ Пресняков А. Е. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Там же. С. 90.

⁸³⁵ Вернадский В. И. Высшая школа в России. СПб., 1913, С. 322.

⁸³⁶ См.: Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993.

⁸³⁷ В 1919 г. состоялось объединенное заседание Таврической ученой архивной комиссии и Общества философии, истории и социологии, посвященное памяти А. С. Лаппо-Данилевского. Г. В. Вернадский вспоминал об ученом как историке России, Б. Д. Греков – о его научной и преподавательской деятельности. См.: Филимонов С. Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники: 1917–1929. М., 1991. С. 170.

нем движения определяет человеческую личность – индивидуальную и коллективную, в ее разуме и свободе»⁸³⁸. Личность находится в органической взаимосвязи со всем мировым целым. Именно поэтому столь важное значение имеет в методологии Лаппо-Данилевского признание чужой одушевленности.

Существует еще один принципиально важный момент: если личное общение людей ограничено временем и пространством, то произведения, целенаправленно и осознанно созданные людьми, несут информацию о своем создателе и, следовательно, дают реальную возможность культурного общения с человечеством, с мировым целым. Произведения – продукт человеческой созидательной деятельности, явление культуры. Система методов его познания и есть предмет методологии источниковедения как цельного и систематического учения об источниках. «Всякий источник – реализованный продукт человеческой психики, – считает Лаппо-Данилевский. – Он потому и обладает характерными особенностями, отличающими его от произведений природы, что он оказывается результатом целенаправленной деятельности человека, его намеренным продуктом»⁸³⁹. Именно исторический источник дает науке возможность связывать конкретные явления с целостностью социального развития. Л. П. Карсавин по-своему формулирует взаимосвязь источника и мирового целого в «Теории истории». Он пишет: «В истории всякое, даже самое частное исследование, даже исследование отношений между несколькими рукописями единого источника, – само по себе будет исследованием общен исторического характера и возможно только на почве его связи с познанием целокупности социального развития»⁸⁴⁰. Источники, по мысли Карсавина, обеспечивают реальную основу объективного социального познания: «При достаточном понимании и правильной оценке источников как частей прошлого сами собой бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по

⁸³⁸ Гревс П. М. А. С. Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 80–81.

⁸³⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории... Т. 2.

⁸⁴⁰ Карсавин А. П. Введение в историю: Теория истории. Пг., 1920.

сравнению с методами естественных наук метода исторического, столь характерные для французских методологов».

Методология источниковедения в данном, широком понимании не могла формироваться в рамках одной науки, даже если эта наука – история. Поставив в центр мирового целого человеческую деятельность, методология Лаппо-Данилевского сама стала для ученых разных профессий центром интеллектуального обмена идеями. Он читал лекции молодым коллегам по университету: И. М. Гревсу, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургам, А. А. Кауфману, М. А. Полиевктову, И. И. Лапшину. В этот круг входили разные поколения ученых, в числе которых были А. Е. Пресняков, П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, С. Н. Валк, А. И. Андреев, Б. А. Романов, Т. И. Райнов, Г. В. Вернадский, Ш. А. Элиава⁸⁴¹. Людей талантливых, оставивших свое имя в науке и общественной деятельности, привлекали личность и идеи А. С. Лаппо-Данилевского, несмотря на разные профессиональные интересы (С. Ф. Ольденбург – санскритолог, востоковед, А. А. Кауфман – экономист и статистик, И. И. Лапшин – философ, исследователь законов мышления и форм познания, И. М. Гревс – медиевист, П. А. Сорокин – политик и социолог, Н. Д. Кондратьев – экономист, исследователь хозяйственных изменений в жизни общества).

Если попытаться определить общие, характерные для ученых черты, то прежде всего следует назвать стремление к целостному рассмотрению определенных аспектов гуманитарной культуры, интерес к продукту интеллектуальной деятельности человека как к явлению культуры. Соединение гуманитарного и естественнонаучного знания было им органически присуще, широко и полно реализовалось в их трудах⁸⁴². Философская, мировоззренческая основа четко прослеживается в методологии

⁸⁴¹ См.: *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

⁸⁴² Взаимопроникновение гуманитарного и точного знания прослеживается в личных судьбах ученых. Лаппо-Данилевский – историк, археолог, правовед, математик. Его сын И. А. Лаппо-Данилевский – известный математик. Сын В. И. Вернадского Г. В. Вернадский – историк.

истории данного направления. О «естественном союзе философии и эмпирической науки» в исследовательской и педагогической деятельности Лаппо-Данилевского писал известный историк науки Т. И. Райнов⁸⁴³. «Кажется, – свидетельствовал Н. В. Болдырев, – никого нет среди философов молодых поколений Петербурга, кто не прошел бы его школу»⁸⁴⁴. Но методология источниковедения – не только философская парадигма, а вполне конкретный метод исследования исторических источников, основа профессионализма, ремесла историка. Эта сторона источниковедения в течение ряда лет разрабатывалась в семинаре Лаппо-Данилевского, посвященном изучению особого раздела источниковедения русской истории – частноправовых актов. Данный круг источников, имеющий важное значение в истории становления основ гражданского общества и правового государства, был выдвинут как первоочередной для осуществления широкой поисковой, исследовательской, публикаторской деятельности русских источниковедов. Частные акты, к которым академик привлек внимание своих учеников, отражали один из наиболее острых, существенно значимых вопросов современности – становление прав личности, имущественных прав, гарантии которых составляют необходимое условие развития гражданского общества. Вот почему правовая наука в России конца XIX – начала XX в. уделяет им особое внимание. Близки были эти вопросы Лаппо-Данилевскому и его школе. Ученый именно по правовым вопросам (о смертной казни и ее отмене) выступал в Государственном совете (членом которого он был от Академии наук), а в 1917 г. работал в комиссии Ф. Ф. Кокошкина по подготовке правовых актов Учредительного собрания⁸⁴⁵. Обращение к частноправовым актам как предмету специального источниковедческого исследования можно рассматривать и в

⁸⁴³ См.: Райнов Т. И. О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. С. 49.

⁸⁴⁴ Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 1922. С. 152.

⁸⁴⁵ См.: Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 144.

более широком контексте борьбы за правовое сознание, за становление политической культуры в России.

Концепция методологии источниковедения находит завершение в новом труде ученого – «Очерк русской дипломатики частных актов». Частноправовые документы, фиксирующие договорные отношения между людьми, рассматриваются здесь прежде всего «как исторические явления в жизни народов, как продукты их культуры». Исследователь выясняет, проводя источниковедческий анализ, функции частноправового акта в данном обществе, состав документа, его формуляр, интерпретирует правовые нормы, соотносит норму и действительность. Не ограничиваясь разделением акта на ряд отдельных суждений и свидетельств, историк обращается к его синтезу (Лаппо-Данилевский предпочитает термин «историческое построение» документа).

Завершить исследование частноправового акта означает, как отмечал, разъясняя данную идею, ученик Лаппо-Данилевского С. Н. Валк, «включить его в историческое целое», в конечном же счете – «в целое культурь». На этой основной идее своего учителя Валк останавливается подробно: культурологический подход, характерный для методологии источниковедения, составляет ее главную сущность. «С мыслью об охране культуры и ее необходимой основы начат “Очерк” и ею же он заканчивается»⁸⁴⁶, – подытоживает Валк свой точный и глубокий разбор «Очерка русской дипломатики частных актов». На наш взгляд, эта работа Валка представляет ту интерпретацию методологии источниковедения, которая наиболее близка к замыслу ее создателя.

Талантливый последователь Лаппо-Данилевского оказался прав и в предвидении трудной судьбы его концепции: причину Валк видел, во-первых, в том, что концепция была далека от профессиональных представлений многих историков о роли источника в историческом исследовании; во-вторых, он считал, что широкому признанию концепции в историческом сознании эпохи долго будет препятствовать исключительно высокий

⁸⁴⁶ Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 244, 258.

интеллектуальный, по существу, философский уровень «Методологии истории».

В работах С. Н. Валка, А. Е. Преснякова, И. М. Гревса начала 20-х гг. идеи А. С. Лаппо-Данилевского были разносторонне интерпретированы и творчески развиты. Одновременно в них содержались вполне обоснованные опасения относительно того, что традиционно мыслящие специалисты, далекие в принципе от философских трактовок ремесла историка, не воспримут эти идеи. Аналогичные мотивы, как известно, прозвучали чуть позже в выступлениях ученых новой исторической школы на Западе, где развернулись «бои за историю», за новые подходы к проблемам социального познания. В статье «Воспоминания ученика» С. Н. Валк представил сущность ситуации на конкретном примере семинара А. С. Лаппо-Данилевского по изучению актовых источников. Вспоминая многолетнюю работу семинара, Валк отмечал, что среди его участников выявилось три психологических типа исследователей, по существу, три разных менталитета: одни сосредоточились на библиографическом описании актов (создании «банка данных»); другие – на традиционной критике актов как источников фактических сведений; и только немногие восприняли как приоритетную для себя главную идею учителя – подход к частноправовым актам как к явлениям, реально составляющим целостность культуры.

Ту же проблему менталитета историка-позитивиста с несколько иной стороны рассмотрел А. Е. Пресняков, давший в статье о В. О. Ключевском обобщенный образ историка, озабоченного лишь тем, как добыть из источника искомые факты, и оставляющего без внимания своеобразие самого источника как особого культурного объекта. В книге о Лаппо-Данилевском Пресняков отнюдь не делает секрета из того, что идеи его учителя разделялись далеко не всеми историками в Петербургском университете, где признанным лидером исторической школы был С. Ф. Платонов, а уж тем более – историками московской школы.

Подход к источнику как к целостному произведению, явлению культуры своего времени, по существу, определяет суть новой методологии источниковедения. В трудах Лаппо-

Данилевского он нашел свое теоретическое обоснование, а затем конкретное применение к актовому источниковедению. В трудах последователей Лаппо-Данилевского эта мысль находит свое развитие. Но данный подход в то же время нашел свое подтверждение на ином материале, в трудах другого гениального русского ученого рассматриваемой эпохи, а именно – в трудах А. А. Шахматова, посвященных русскому летописанию. Шахматов в отличие от Лаппо-Данилевского не дает теоретического обоснования нового подхода, но реализует его в практике исследования русских летописей.

Эта общность методологии, ее новизна и результативность не укрылись от внимания наиболее тонких и наблюдательных методологов исторического исследования в те годы. На общность понимания источника прежде всего как произведения своей эпохи в трудах двух ученых обратил внимание С. Н. Валк⁸⁴⁷, ее отмечает А. Е. Пресняков⁸⁴⁸. С. Ф. Платонов, в целом представляющий другое направление в историческом исследовании, обращается к той же проблеме, сопоставляя подход к летописям К. Н. Бестужева-Рюмина с бесспорно новаторским подходом А. А. Шахматова⁸⁴⁹.

Бестужев-Рюмин трактует летописи только как исторический источник, не рассматривая их как особый вид древнерусской письменности. Н. А. Рубинштейн напишет позднее, что «каждый элемент летописного свода Шахматов рассматривает как продукт определенных исторических условий, как конкретное историческое явление, продукт и отражение определенной исторической среды... Тем самым решение источниковедческой проблемы выносится Шахматовым за рамки самого источника и его текстового изучения и переносится на общеисторическую почву». Именно это дает совершенно новые возможности самой критики текста, заключает он⁸⁵⁰. Историк переносит акцент с

⁸⁴⁷ См.: Дела и дни: Исторический журнал. 1921. Кн. 3. С. 172.

⁸⁴⁸ См.: Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский: Очерк дипломатики частных актов // Дела и дни: Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 450.

⁸⁴⁹ См.: Пресняков А. Е. А. А. Шахматов // Дела и дни: Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 613; Платонов Е. Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 227–228.

⁸⁵⁰ Рубинштейн Н. А. Русская историография. М., 1941. С. 495.

критики отдельных свидетельств путем их сравнения на интерпретационные методы – сказали бы мы сегодня. Не случайно проблемы интерпретации (индивидуальной, общей, технической и психологической) занимают столь видное место в методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского.

Культурологическая триада (мировое целое культуры – человеческая одушевленность – источник как явление культуры), теоретически обоснованная в методологии источниковедения Лаппо-Данилевского, отнюдь не была оторванной от практики концепцией, находящей выражение в академических трудах. Напротив, одной из главных характерных черт для ученых, сторонников этой мировоззренческой парадигмы, было стремление реализовать ее в конкретной работе. Такие задачи требовали от русского ученого начала XX в. активной научно-организационной и научно-педагогической деятельности. С. Ф. Ольденбург вспоминал о том, что для своего выступления перед учеными в Англии в 1916 г. Лаппо-Данилевский выбрал тему – история русской науки. Ученый предполагал говорить о том, что для русской науки особенно характерна такая ее черта, как тесная связь с жизнью: «для русского ученого нет науки вне жизни и без жизни»⁸⁵¹. Ольденбург отмечал также, что будучи избран академиком (1898 г.), Лаппо-Данилевский оставил часть преподавательской работы, чтобы больше внимания уделять научно-организационной академической деятельности. В чем же он и его единомышленники видели ее главное направление тогда? В укреплении международных связей русской исторической науки; в новой постановке фундаментальных публикационных программ, работе по изучению источников; и в первую очередь – в наиболее актуальной для России того времени работе по изучению и изданию законов. Благодаря организационной работе Лаппо-Данилевского были не только разработаны план и принципы издания, но и создан авторский коллектив. Издание правовых памятников взяли на себя крупнейшие специалисты – академик М. А. Дьяконов (Уложение 1649 года), В. Н. Бенешев

⁸⁵¹ *Ольденбург С. Ф.* Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 180.

вич (Кормчая книга), О. И. Остроградский (Новоторговый устав), Н. Д. Чечулин (Наказ Екатерины II), М. М. Богословский (Воеводческие инструкции Петра Великого), П. В. Верховский (Духовный регламент), А. А. Кизеветтер (Городовое положение Екатерины II), А. А. Жижиленко и А. В. Бородин (Артикул воинский), сам А. С. Лаппо-Данилевский (Положение о губерниях 1775 г.). Он также вел фундаментальное издание писем и бумаг императора Петра Великого, возглавлял особую комиссию по изданию писем и бумаг М. М. Сперанского. Под его руководством проводились специальные разыскания документов по русской истории в архивах Швеции, Италии и др.

На Берлинском международном конгрессе историков (1908 г.) Лаппо-Данилевский стал активным участником секции проблем методологии истории. На Лондонском конгрессе (1913 г.) по поручению Академии наук он предложил Петербург для проведения Международного конгресса исторических наук, намечавшегося на 1918 г., и возглавил организационный комитет по его подготовке⁸⁵². Нет сомнений, что концепция методологии источниковедения нашла бы на нем свое выражение. Лаппо-Данилевский был членом Международного социологического института, Международной ассоциации академий, деятельным участником разработки ее организационных статуты. От ассоциации он ожидал ряда крупных международных мероприятий в области библиографических, публикаторских и исследовательских трудов с соответствующей полнотой планов, объединенностью научных сил и средств.

Частью этой деятельности были и труды академика по исследованию и публикации источников. Он был сторонником планомерных, масштабных действий в этом направлении. Изучая постановку публикаторской работы в других странах, Лаппо-Данилевский посетил Австрийский институт исторических изысканий, Берлинскую и Мюнхенскую археографические комиссии по изданию источников, Итальянский исторический институт. Он подготовил для Академии наук план издания документов XVI–XVIII вв. (1900 г.) и издания государственных и

⁸⁵² Там же. С. 178–179.

частных актов (1901 г.). В своем обосновании он противопоставлял планомерность издания документов в Германии его случайному ходу в России. Был разработан «Свод правил издания грамот коллегии экономии» как эталон нового подхода к изданию источников. В Отделение исторических наук академии был представлен план издания памятников старинного русского права и законодательства XVII–XVIII вв. По словам С. Ф. Ольденбурга, «критическое издание важнейших памятников старинного русского законодательства» А. С. Лаппо-Данилевский считал одной из самых существенных задач русской историко-правовой науки.

События 1917–1918 гг. изменили общественно-политическую ситуацию в стране, потребовали от ученых реализации своих культурологических концепций в новых условиях. Вопросы о Международном съезде историков в Петрограде, университетских семинарах исследовательского уровня, планах фундаментальных изданий правовых источников надолго потеряли свою актуальность. В центре внимания оказались другие проблемы. Деятельность ученых сконцентрировалась на следующих основных направлениях: спасение государственных архивов, которые после ликвидации старой системы учреждений оказались под угрозой гибели; подготовка научных изданий, которые в условиях информационного вакуума стали особенно необходимы; приобщение к науке и культуре новых групп населения, стремящихся и в тоже время способных к самостоятельному творческому обучению в области истории.

Эти три направления представлены в 1917–1921 гг. необычайно яркими и талантливыми, хотя подчас и не вполне завершенными не по вине авторов произведениями. Исходная парадигма определяла то же стратегическое направление: целостность мировой культуры, признание чужой одушевленности, историческое источниковедение. В изданиях первых послереволюционных лет постоянно встречаются имена крупных ученых, а также их более молодых последователей и учеников, которые необычайно активно вели научно-исследовательскую работу, печатали статьи, книги, учебные пособия. И все – несмотря на то, что положение ученых-гуманитариев было особенно трудным.

Лишенные каких-либо стабильных средств к существованию, воспринимавшие распад высшей школы как личную драму, многие из них, в том числе академики А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский, Б. А. Тураев, М. А. Дьяконов погибали в расцвете своего творчества. Но и в этих условиях ученые продолжали работать, создавая культурные ценности, обращаясь к тем, кто мог их понять и услышать.

Итак, новые условия работы ученых были экстремальны, далеки от традиционных форм и потому сфера приложения их научных усилий особенно заслуживает внимания. Какова же она? Прежде всего подготовка и издание особого типа литературы. Ее можно назвать учебной, она рассчитана на нового читателя, которого историки старой школы хотели бы увлечь серьезной исследовательской, но самостоятельной работой. Книги эти были адресованы «неискушенному», но «желающему и способному изучать историю научно» читателю (О. А. Добиаш-Рождественская)⁸⁵³. Другим новым направлением, которому ученые отдавали много сил и надежд, было архивное дело, участие в сохранении документальных богатств России, оказавшихся после ликвидации старой системы учреждений перед опасностью уничтожения. Третьим направлением стало издание научных журналов.

Наступление того, что современники называли «великим кризисом всей мировой и русской национальной жизни» (как писал А. Е. Пресняков)⁸⁵⁴, побуждало представителей русской науки полнее выявить и запечатлеть тот образ культуры, к которому они принадлежали. Особенно плодотворен с данной точки зрения краткий отрезок времени 1917–1921 гг., когда стал очевиден масштаб начавшихся сдвигов в структурах мировой цивилизации, когда предощущавшиеся и ранее конец эволюционного этапа и вхождение в эпоху катастрофических изменений стали уже реальностью, когда возможность выражать свои идеи в печатных трудах еще существовала. Первое послеоктябрьское пятилетие представляет собой неисследованный,

⁸⁵³ Добиаш-Рождественская О. А. Западная Европа в средние века. Пг., 1920. С. 1.

⁸⁵⁴ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С. 94.

по существу, период развития русской науки и источниковедения. Очевидна внешняя, событийная сторона того времени: распад привычной университетской среды (отмена ученых степеней и званий, прием в университеты пролетарской молодежи без свидетельства о среднем образовании), информационный вакуум, невозполнимые потери, в том числе и представителей крупнейших научных направлений – М. А. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевского, Б. А. Тураева, А. А. Шахматова. О многом говорят даже названия глав воспоминаний П. А. Сорокина, относящиеся к этим годам: «Катастрофа», «Из бездны» и т. д.

Тем не менее содержательная сторона научной деятельности того времени еще нуждается в осмыслении. Именно она определяет логику развития русской гуманитарной культуры – и той ее части, которая продолжала свое существование непосредственно в России, и той, которая в силу обстоятельств оказалась вынужденной влиться в иную культурную среду, дав, в свою очередь, начало новым оригинальным направлениям и школам. Запечатлеть целостный образ уходящей культуры стало осознанной задачей лучших ее представителей в первые послереволюционные годы. «Можно с уверенностью сказать, – пишет С. Н. Валк, – что душевное настроение, созданное октябрьским переворотом, подорвало творческую энергию А. С. [Лаппо-Данилевского], заставило А. С. задуматься о реализации своего накопленного исследовательского достояния»⁸⁵⁵. «Сегодня ты жив, а завтра нет», – сказал себе П. А. Сорокин, решив в 1920 г. написать «Систему социологии», хотя все подготовительные материалы пропали⁸⁵⁶. О. А. Добиап-Рождественская так охарактеризовала эту проблему в предисловии к книге «Западная Европа в средние века»: «Для русского ученого и преподавателя-историка должны быть слишком понятны мотивы, заставляющие нас торопиться, регистрировать наш опыт, делиться им с младшими товарищами и учениками. Спешить перекинуть мост этого, пусть несовершенного, опыта в неизвестное будущее».

⁸⁵⁵ Валк С. Н. А. С. Лаппо-Данилевский... // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 8.

⁸⁵⁶ Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1991. С. 128.

Имена ученых, деятелей культуры, которые не только разделяли, но и развивали основные идеи методологии источниковедения, сложившиеся в начале XX в., мы встречаем в тот период постоянно. Из разнообразия журнальных статей, монографий, брошюр, учебных пособий можно четко выделить несколько ведущих направлений, по которым они работали.

Накануне 1917 г. группа крупнейших ученых выступила с инициативой издания нового исторического журнала. Инициаторами были академики А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, Н. М. Никольский, византинист В. Н. Бенешевич, В. И. Срезневский, А. Е. Пресняков, А. П. Карсавин. В редакционной статье излагалась программа нового издания, которая предполагала реализацию широкого культурологического подхода к русской истории как части мирового целого. В программу также входило изучение истории славянства, Византии, Востока, Западной Европы «в их отношении к русскому историческому прошлому» а также история населяющих Россию народностей⁸⁵⁷. Довольно скоро определился теоретико-познавательный и в то же время конкретный облик журнала, его направленность на методологию исторического познания. На его страницах решались проблемы истории права, генеалогии, хронологии, дипломатики, архивов. Среди авторов «Русского исторического журнала» были экономист А. Кауфман, историк права М. А. Дьяконов, А. М. Андрияшев и другие.

С. Б. Веселовский представил источники Соборного уложения 1649 г. А. С. Лаппо-Данилевский выступил с большим исследованием записок иностранцев Родеса и Кильбургера, он писал о проблемах перевода и издания этого вида источников. О новых методах работы А. А. Шахматова по изучению русских летописей сообщил А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов выступил с подробным анализом метода изучения исторической географии славянства в связи с работой С. М. Середонина «Историческая география». Постоянная тема журнала – вклад русских

⁸⁵⁷ Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1. С. 6.

историков-методологов в науку и культуру в целом. В 1917–1922 гг. вышло восемь книг «Русского исторического журнала». Несмотря на все трудности, и не только технического характера («бури конца 1917 года развеяли не только готовые наборы, но и всю типографию, где печатался журнал», – сообщают издатели в 1918 г.⁸⁵⁸), журнал продолжал выходить.

Другое издание – журнал «Дела и дни» издавался в 1918–1920 гг.⁸⁵⁹ Он ставил своей целью заполнить информационный вакуум, извещать о деятельности академических научных учреждений, происходивших в них реорганизациях, научных дискуссиях. Один из наиболее последовательных русских источниковедов – А. И. Андреев – пытается документировать новые возможности изучения источников, ранее бывших запретными (по истории общественных и революционных движений в России), публиковать исторические исследования, а также сами источники. Определенный вклад в разработку русской исторической науки тех лет внес журнал «Исторический архив», посвященный в основном проблемам архивного дела⁸⁶⁰.

Обращает на себя внимание широтой замысла и составом научных сил, которые, как предполагалось, примут участие в его реализации, начатая в 1920 г. научно-педагогическая серия изданий под общим названием «Введение в историю». Вряд ли случайно это название напоминает слегка перефразированное заглавие западных работ по данной тематике, в частности знаменитой книги Ш. Ланглау и Ш. Сеньобоса. Российские ученые хотели создать современный, отвечающий новым представлениям об историческом процессе и историческом методе, коллективный труд, рассчитанный на самостоятельно работающего и мыслящего читателя. В качестве главной цели издания выдвигалось «ознакомление с методом и духом истории, усвоение исторического мышления». Авторами серии должны были стать крупнейшие ученые, академики, главы научных направлений и школ в области мировой истории и культуры, в том числе ака-

⁸⁵⁸ Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 1.

⁸⁵⁹ Дела и дни: Исторический журнал. 1920–1921. Т. 1–2.

⁸⁶⁰ Исторический архив. 1919. Т. 1.

демик Б. А. Тураев, профессора А. П. Карсавин, С. А. Жебелев, О. А. Добиаш-Рождественская, Е. В. Тарле, академики В. В. Бартольд и С. Ф. Ольденбург, профессора В. М. Алексеев, С. Е. Елисеев, Б. Я. Владимирцов, академик Н. Я. Марр, профессор М. Д. Приселков. Инициаторы издания – С. А. Жебелев, А. П. Карсавин и М. Д. Приселков – считали, что для тех, кто хотел бы серьезно заняться историей, «необходим цельный научный труд, передающий методы и дух исторического познания, необходимо усвоение исторического мышления». Замысел «Введения в историю» был широк. Предполагалось издать 20 томов, охватывающих такие проблемы, как первобытная культура, классический Восток (Египет и Передняя Азия), Греция и Рим, Западная Европа в средние века, Западная Европа в новое время, XIX век, Византия, славяне, мусульманский мир, Иран, Индия, Китай, Япония, Средняя Азия, христианский Восток, Кавказ, Америка и колонии, Россия. Нет сомнения, что реализация этого замысла в его полном виде стала бы значительным вкладом в мировую науку.

Даже то немногое, что удалось осуществить за отпущенный изданию короткий срок, оказалось весьма ценным. «Введение в историю» открыла книга А. П. Карсавина «Теория истории»⁸⁶¹. Ученый посвятил ее проблеме исторического метода, считая, что «только таким путем, а не путем несистематического чтения исторических книг, особенно общих обзоров и так называемых “всеобщих историй”, можно познакомиться с историей, понять ее методы и дух, усвоить историческое мышление». «Теория истории» Карсавина поднимала фундаментальные вопросы методологии истории: что такое история? каковы ее цели и методы изучения исторического материала? каково значение исторического мышления? Ответы на них, писал ученый, историк находит после долгой специальной работы, изучения исторических трудов, главным же образом – исторических источников. Сам Карсавин считал, что эта его книга предназначена «для начинающих историков».

⁸⁶¹ Карсавин А. П. Введение в историю...

Для «Теории истории» характерен широкий культурологический подход, охватывающий исторический процесс в его целостности. Прослеживается сильное влияние парадигмы исторического целого, свойственной методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Вернадского. «Предельное понятие о целом... есть понятие о мировом целом: оно представляется нам целостной действительностью, части которой мы можем, в свою очередь, назвать относительным целым. Историк может изучать все культурное человечество как единственное в своем роде целое»⁸⁶². В духе данной философской концепции Карсавин определяет предмет истории: это «человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материальном) и духовно-культурном развитии». Субъект развития – социально-деятельное человечество – обладает всевременным, всепространственным единством исторического процесса от его начала до конца. «Ни горизонтально, ни вертикально исторический процесс не может быть разрезан». Очень близки методологии источникововедения Лаппо-Данилевского идеи Карсавина о социальной деятельности, рассматриваемой в ее психологическом аспекте: социальная деятельность есть социально-психологическая деятельность. Для нас очень важно, что «Теория истории» является частью общего коллективного замысла – рассмотреть историю человечества с единой позиции, выявить крупные стороны исторического опыта человечества.

Одним из важных направлений деятельности российских ученых после 1917 г. стало архивное дело. Впервые в мировой истории подобная проблема появилась после Французской революции, когда рухнули учреждения старого режима. Именно тогда стало очевидным, что архивы, архивное дело – проблема не только научная, практическая, но и общегосударственная, проблема национальной культуры. В итоге был сформирован особый тип исторического образования (Школа Хартий). Архивное дело в России с начала XX в. постоянно находилось в центре общественного внимания, в нем самое серьезное участие принимали деятели академической науки, и, в первую очередь,

⁸⁶² Карсавин А. П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922. С. 4.

по поручению Академии наук А. С. Лапшо-Данилевский. Русское историческое общество видело в архивном деле одно из важных направлений культурной деятельности. После Октябрьской революции перед русской культурой встал вопрос о судьбах архивов. Опыт постановки архивного дела и системы образования во Франции выступал при этом в качестве международного эталона. Ученые представляли, по свидетельству А. Е. Преснякова, принявшего в этом деле самое активное участие, Союз архивных деятелей как общественную организацию с государственными полномочиями по заведованию архивным делом с целью его коренного преобразования.

Одним из наиболее активных организаторов дела был А. С. Лапшо-Данилевский; ему помогали А. Е. Пресняков, А. И. Андреев, С. Н. Валк и другие ученики академика, образовавшие центр, вокруг которого стали группироваться культурные силы. «Естественно, – писал Пресняков, – что в годину революционной разрухи, отразившейся так грозно на судьбе наших архивов, все, кому дороги были исторические материалы, потянулись к Александру Сергеевичу и объединились вокруг него в Союзе архивных деятелей». Вопрос, однако, был разрешен иначе: созданием Главного управления архивным делом и Единого государственного архивного фонда. Лапшо-Данилевский вместе со своими молодыми коллегами вошел в его состав и активно занялся разработкой проблем архивной реформы. Однако, пишет далее Пресняков, «вскоре он отошел от этого дела, по мере его все большей бюрократизации, и сосредоточил внимание на Союзе как ученом обществе для разработки вопросов научного архивоведения»⁸⁶³. Отрыв архивов от культуры и все большая бюрократизация этой деятельности тяжело переживались А. Е. Пресняковым и другими учеными, которые постепенно теряли возможность влиять на развитие событий в данной отрасли исторической науки. Но в 1917 – начале 1918 г. помощь ученых была бесценна, поскольку документы упраздненных учреждений просто оказались под угрозой

⁸⁶³ Пресняков А. Е. Памяти А. С. Лапшо-Данилевского // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 522–523.

уничтожения. В апреле–мае 1918 г. Главное управление архивами обратилось за помощью в университеты и научные центры Москвы и Петрограда. Отклик был немедленный и действенный. В обеих столицах стали организовываться группы «разборщиков», создаваться деловые центры, координировавшие их работу, которые возглавили в Петрограде – С. Ф. Платонов, в Москве – М. К. Любавский. Одновременно встал вопрос о подготовке специалистов для работы с архивными документами.

Архивные курсы, открывшиеся осенью 1918 г. в Петрограде и Москве, – еще одна яркая страница, запечатлевшая научный потенциал русской гуманитарной культуры⁸⁶⁴. Состав лекторов, тематика лекций отражали главную идею – изучать и понимать архивные документы как явление культуры, как составную часть мировой культуры. Заметна характерная для русской исторической науки взаимосвязь истории и права, проявляющаяся в особом внимании к правовым источникам. Среди лекторов в Петрограде – историк права академик М. А. Дьяконов, А. С. Лапшо-Данилевский (его лекции по дипломатике частного акта составили вышедшую в 1920 г. книгу). Лекторы широко освещали состояние архивного дела в других странах – О. А. Добиняш-Рождественская (архивы Западной Европы), Е. В. Тарле, И. И. Любименко (архивы Франции), М. А. Полиевктов (архивы Германии, Австрии, Италии), академик В. В. Бартольд (архивы мусульманского Востока), Г. Ф. Церетели (архивы классической древности). На Московских архивных курсах особенное внимание уделялось правовым памятникам⁸⁶⁵ – памятникам русского права в связи с их терминологией (А. Н. Филиппов и П. А. Беляев), повествовательным источникам (С. В. Бахрушин), актам и дипломатике (Е. А. Косминский, Н. А. Ардашев, Н. П. Лихачев), актовому языку и палеографии (А. И. Соболевский), нумизматике

⁸⁶⁴ См.: Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 г. Пг., 1920; История архивного дела в классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920.

⁸⁶⁵ См.: Николаев А. С. Реформа архивного дела в России // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 55–56.

(А. В. Орешников), русским и зарубежным архивам (А. Н. Савин, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев). На этой широкой культурологической основе, при высочайшем профессионализме преподавателей возможно было воспитывать мыслящих, свободных от узковедомственного подхода работников для введения в научный оборот, в национальную и мировую культуру документальных архивных богатств. При открытии Архивных курсов в Петрограде С. Ф. Платонов особо остановился на том, что стоящая перед ними задача «не только ведомственная или научная, но и крупная национальная задача». Он подчеркнул при этом, как важно в сложившейся ситуации возродить в общественной среде «чувство ценности документа». А. Е. Пресняков, также выступивший на открытии курсов, посвятил свою речь теме «Исторические источники и подлинные документы в научной работе». Он призвал слушателей видеть в источнике явление культуры, оценивать и его знаковую, и его материальную, вещественную стороны. Ведь документ в то же самое время «и вещественный след старой жизни, старой культуры, старой техники, старого быта»⁸⁶⁶. Определение источника как явления культуры в методологии источниковедения данного направления важно еще и тем, что предполагает единый, интегрированный подход к материальной и духовной, знаковой и вещественной (а в терминологии Лаппо-Данилевского – изображающей и обозначающей) сторонам источника.

Свое развитие этот подход находит в работах И. М. Гревса, одна из главных идей которого – комплексное восприятие двух граней культуры: внешней (материальной) и внутренней (духовной) в единой психологической интерпретации. Ученый считал, что восприятие произведения в его естественном окружении, в природе важно для культурного образования личности. В 20-х гг. в новых условиях и на ином конкретном материале Гревс развивает свою идею в книге «Экскурсии в

⁸⁶⁶ Платонов С. Ф. Речь на Архивных курсах // Архивные курсы... С. 4–5; Пресняков А. Е. Исторические источники и подлинные документы в архивной работе: Речь при открытии Архивных курсов // Там же. С. 12.

культуру», применяя для данного способа познания произведений культуры особый термин «психология путешественности». Важным событием стало бы переиздание «Методологии истории» Лапшо-Данилевского в 1923 г. Но главный, второй том, посвященный методологии источниковедения, так и не был издан.

Таким образом, в 1917–1922 гг. русские ученые завершили создание концепции методологии истории, которую по цели можно назвать культурологической, а по методу – источниковедческой. Тогда же вышла книга «Очерки дипломатики частных актов», в которой А. С. Лапшо-Данилевский на конкретном материале источниковедения частных актов реализовал теоретические понятия источника как явления культуры своего времени, показал пути применения к данному виду источников методов научной критики, интерпретации отдельных свидетельств, совершенно по-новому сформулировал принцип не только анализа, но и синтеза в исследовании источника.

В свою очередь, С. Н. Валк, А. Е. Пресняков и другие ученые рассматривали принципы методологии истории и источниковедения в их новом понимании. Они обращали главное внимание на проблемы исторического познания, изучение важнейших видов источников – правовых памятников, документов личного происхождения, делопроизводственной экономической документации (писцовые книги).

Глубокий теоретический и конкретный анализ проблем методологии гуманитарного исследования, поиски новых ответов на поставленные жизнью вопросы определяли общую проблематику трудов, которые в 1917–1922 гг. удалось завершить и опубликовать А. С. Лапшо-Данилевскому, А. А. Шахматову, С. А. Дьяконову, А. А. Кауфману, С. Ф. Ольденбургу, И. М. Гревсу, С. Ф. Платонову, а также Л. П. Карсавину, А. Е. Преснякову, С. Н. Валку, Б. А. Романову, О. А. Добиаш-Рожественской, Т. И. Райнову, А. И. Андрееву, П. А. Сорокину, Г. В. Вернадскому. Многие из этих работ составляют классику русской методологии источниковедения послеоктябрьского периода. Положение полностью изменилось после 1923 г.

Все прежние направления исторических изысканий оказались закрытыми. Идеологизация и политизация науки и образования приводит к ликвидации журналов, оттеснению ученых от архивной и преподавательской работы, а пришедшее в университеты пополнение активно приступает к реализации совершенно других идеологических и культурных задач. В создавшихся условиях значительные усилия представителей старой школы были направлены на просветительские цели, на сохранение памятников истории и культуры; они пытаются противостоять катастрофическому падению общекультурного уровня массового сознания. С данной точки зрения активное участие таких ученых, как С. Ф. Ольденбург, А. И. Андреев, С. Н. Валк, И. М. Гревс, П. Г. Любомиров, А. В. Орешников, В. И. и Г. В. Вернадские, других русских интеллигентов в краеведческом движении вполне объяснимо. Важно подчеркнуть, однако, что мозаичность, нарочитость, узость тематики, отказ от обобщений и выводов, характерные для работ того времени, отнюдь не составляют позитивистского желания «обрабатывать свой маленький участок», как это может показаться на первый взгляд. Напротив, представители данной методологической школы испытывали мучительное чувство утраты своей интеллектуальной среды, в которой каждое отдельное суждение, каждый социальный факт выступали как часть единой концепции мирового целого.

Фундаментальные проблемы социального познания, вставшие перед общественными науками к началу 20-х гг., были в принципе общими как в России, так и на Западе. Над ними гуманитарная мысль работала повсюду, поскольку они были поставлены самим ходом социального развития. Анализ исторических условий формирования идей «новой исторической школы» показал, что «идеи холизма (философской целостности), системности, единства пространственно-временной реальности входят в сознание общества в ходе осмысления социальной реальности, важнейших открытий в области естествознания, физики, математики»⁸⁶⁷. Русская наука в конце XIX – начале

⁸⁶⁷ *Афанасьев Ю. Н.* Вчера и сегодня французской «Новой исторической науки» // Вопросы истории. 1984. № 8.

XX в. искала свои ответы, создавая концепцию исторического процесса, в котором личность вписана в систему мировых отношений и может быть понята лишь как элемент целого. Сторонники концепции придавали принципиальное значение тому пониманию исторического источника и тому методу, которые позволяют интерпретировать исторический источник как средство человеческого общения. Русская и западная историческая наука начала XX в. находилась на этапе взаимного сближения, интеграции. Уже была определена дата реальной, организационно-научной встречи, диалога историков: очередной Международной конгресс исторической науки, назначенный на 1918 г. в Петрограде. Символично, что на этом форуме должен был обсуждаться вопрос о признании русского языка как международного. Возможно, что обмен идеями русской и западной науки на этом конгрессе дал бы новые импульсы развитию гуманитаристики⁸⁶⁸. Даже начавшаяся первая мировая война не сразу прекратила это взаимное сближение. В 1916 г. ряд выдающихся деятелей русской культуры (среди них П. Н. Миллюков, А. С. Лапшо-Данилевский) выступили в Англии⁸⁶⁹.

Дальнейшие события на долгое время изолировали Россию от общемирового интеграционного процесса. Первая мировая война и ее последствия изменили представления о мире и, естественно, не оставили неизменными суждения историков о предмете своих исследований. Идеи единства мирового исторического процесса и влияния событий в нем на судьбу личности проникали в общественное сознание не через университетские аудитории, но из непосредственных жизненных впечатлений и судеб. Это сильно подорвало престиж академической науки в глазах общества. Разочарование в исторической науке, падение ее престижа создало особый неблагоприятный фон деятельности гуманитариев на всем протяжении первой половины XX в. Период 20–50-х гг. мог стать для русского источниковедения временем полного разрыва преемственности научных идей.

⁸⁶⁸ См.: *Ольденбург С. Ф.* Работа А. С. Лапшо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 179.

⁸⁶⁹ См.: *Duff J. P.* Russian Realities and Problems. London, 1917.

Идеологизация и политизация исторических исследований деформировала общественные науки, приведя их в кризисное, по общим оценкам, состояние. В этих условиях не могло не меняться и содержание источниковедения как части исторической науки.

Закрытое общество порождает особые условия функционирования науки и деятельности ученых. Оно препятствует свободному обмену социальной информацией, необходимой для развития сравнительных исследований в гуманитарной сфере. Русское источниковедение по мере возрастания идеологического прессинга 20-х гг. попадало во все большую зависимость от этих условий. Осознавая себя в принципе продолжателями методологических концепций русской гуманитарной мысли, ученые лишались возможности объективного анализа ее идей и достижений. Рассматривая проблемы русской науки как глобальные, они в то же время утратили возможность систематического обмена идеями с западной наукой. Эти обстоятельства оказывали существенное влияние на выбор тематики исследований, способы реализации исследовательских инициатив, способствовали возникновению феномена самоцензуры, ставшего отличительной чертой представителей российской науки. В таких условиях можно было использовать лишь внутренние резервы, изучать ограниченный круг проблем. Другими словами, выбор находился в соотношении с тематикой, которая в силу идеологических установок приобретала некую «актуальность», т. е. оказывалась допустимой или даже поощряемой партийными структурами.

В то же время появилась возможность обращения к ранее малодоступным документальным источникам преимущественно по истории новейшего времени, по историко-революционной тематике XIX–XX вв. Единый культурологический подход к источникам разных эпох, характерный для русского источниковедения позволял представителям данного научного направления весьма успешно осваивать новые для них источники по историко-революционной тематике (см., например, работы С. Н. Валка, А. Е. Преснякова), истории народов России (в этом

отношении представляет интерес работа А. И. Андреева по источниковедению народов Севера и Сибири), а также по новейшей истории.

Для оценки ситуации в целом важно напомнить, что формирование качественно нового отношения исторической науки к проблематике новейшего времени являлось центральной задачей для общественных наук XX в. Представители традиционных исторических школ были профессионально ориентированы на понимание истории как науки о прошлом. Для них «историческая дистанция» – необходимое условие свободы ученого от политической ангажированности. Временная дистанция действительно создавала дополнительные возможности оценки явления в ретроспективе. Соответственно строилась и подготовка историков. Борьба с устаревшим самоограничением историков была длительной. Эмоциональный накал этих «боев за историю» сам по себе свидетельствует о трудностях преодоления позитивистских стереотипов⁸⁷⁰. Лишь к середине XX в., пройдя через опыт второй мировой войны, историки и социологи осознали общность стоящих перед ними трудностей и в прямом диалоге принялись обсуждать пути их преодоления (пределы «прошлого» и «настоящего»: единство и многообразие приемов научной критики источников ранних и новейших эпох)⁸⁷¹.

В русском источниковедении сложилось иное положение. Заботы о судьбах архивов учреждений, оставшихся без государственного контроля после Октября, возможность изучения ранее закрытых дипломатических договоров и документов политической элиты царизма, интерес к деятельности политических партий и движений, желание понять сущность социальных кризисов современности – все это способствовало росту интереса русских ученых к изучению источников нового и новейшего времени. Однако их ожидали другие «бои за историю».

Дело было в том, что методологический подход, основанный на признании общности свойств источников разных эпох

⁸⁷⁰ См.: *Febvre L. Combats pour l'histoire*. Paris, 1953.

⁸⁷¹ См.: *Raisonnement et demarches de l'historien // Revue de l'Institut de sociologie*. Bruxelles, 1963. № 4.

(как произведений общечеловеческой культуры), имеет свое логическое следствие: он предполагает принципиальное единство научно-критических методов анализа документов, оценки их достоверности, точности интерпретации, – вне зависимости от того, являются ли они фрагментом далекого прошлого или явлением современной политической жизни. В связи с активной разработкой новой социально-политической проблематики (первая половина 20-х гг.) в печати появляется немало работ, в которых отстаиваются позиции научного, критического подхода к источникам новейшего времени⁸⁷². С. Н. Валк особо подчеркивал «щепетильную изощренность критических приемов, которая составляет теперь уже элементарное требование какой бы то ни было работы, раз только она претендует на научность, в том числе и работы историко-революционной, что еще недостаточно осознано»⁸⁷³.

Ученые апеллировали к авторитету старых методологов – Э. Бернгейма (Н. Н. Авдеев), Ш. Ланглау и Ш. Сеньбоса (А. И. Тюменев)⁸⁷⁴, даже «старика Шлецера» (Н. А. Рожков). Они пытались охарактеризовать и новые методологические работы (С. Н. Валк), в поисках убедительной аргументации обращались к лучшим примерам использования источников К. Марксом и Ф. Энгельсом⁸⁷⁵. Методы современного исторического исследования С. Н. Быковский и Г. П. Саар⁸⁷⁶ иллюстрировали примерами анализа источников новейшего времени. Ученые рекомендовали использовать документы по истории революционных событий даже в средней школе

⁸⁷² См.: *Рожков Н. А.* К методологии истории революционного движения // Красная летопись. 1923. № 7; *Авдеев Н. Н.* О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1925. № 1, 2.

⁸⁷³ Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 55–56.

⁸⁷⁴ См.: *Историк-марксист.* 1929. № 12.

⁸⁷⁵ См.: *Косминский Е. А.* Об источниках «Положения рабочего класса в Англии» // *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. М.; Л., 1928.

⁸⁷⁶ См.: *Саар Г. П.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930; *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931.

(Ю. Н. Бочаров)⁸⁷⁷. Однако эти призывы не встретили ни малейшего отклика и к концу 20-х гг. их бесперспективность становится вполне очевидной. Возведение документов новейшего времени в статус исторических источников в тот период не состоялось⁸⁷⁸.

Возможности научной деятельности в данной области в 20–50-х гг. были жестко ограничены: оставались лишь частные, отдельные сюжеты, конкретные работы «к вопросу», очерки, в лучшем случае – публикации источников. Альтернативы для ученого не предоставлялось, и условия были приняты. Сами историки-источниковеды готовы были поддержать складывавшийся образ вспомогательных исторических методов, исторической «техники» (которая, как известно, нейтральна по отношению к идеологии) и т. п. Но на самом деле в науке не существует вспомогательных и мелких сюжетов. Они становятся таковыми, конечно, при отсутствии общих плодотворных идей, при отсутствии перспективы движения науки. В нашем же случае культурологическая парадигма методологии источниковедения уже оформилась в главных чертах, была интерпретирована в ряде печатных трудов. В перспективе общего конкретное исследование выступает не как фрагмент разрушенной храмины российской истории, но как новый, пусть небольшой, шаг на пути освоения еще одного социального факта, элемента культурного целого мировой истории. При таком подходе можно работать и воспитывать творческих работников в любых обстоятельствах.

История источниковедения и его современное состояние свидетельствуют, что из безвременья 20 – начала 50-х гг. оно вышло способным к возрождению и динамичному развитию. При первой возможности, уже в 50-х и особенно 60-х гг., источниковедение – его теория, преподавание, методы исследова-

⁸⁷⁷ См.: *Бочаров Ю. Н.* Источники по истории Октябрьской революции и методы их проработки в школе // Историк-марксист. 1927. № 5.

⁸⁷⁸ См.: *Быковский С. Н.* Авторецензия на книгу «Методика исторического исследования» // Сообщения ГАИМК. 1931. № 11–12. С. 77; см. также: *Тамсинский С. Г.* За марксистско-ленинское источниковедение // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Вып. 1.

ния становится одним из наиболее заметных направлений развития отечественного гуманитарного знания. Именно в это время все чаще его начинают называть наукой об источниках. В русле данного направления анализируются такие фундаментальные для исторической науки проблемы, как природа исторического источника, его место и значение в историческом познании. Источниковедение входит составной частью в междисциплинарные области истории науки, разрабатывает общие принципы подхода к источникам различных эпох, созданных в процессе социальной деятельности человеческих сообществ, развивает методы, охватывающие вещественно-материальную и знаковую, символическую стороны источника как явления культуры. Оно является необходимой основой для современного гуманитарного образования и культуры. Все это заставляет более внимательно отнестись к истории развития источниковедения 20–50-х гг., когда оно вместе со всей русской культурой и наукой переживало трудный этап своего развития, когда «бои за историю» в русской и западной науке велись раздельно.

Битвы за новую историю, новую историческую науку в принципе шли по главным направлениям: преодоление европоцентризма в сознании историков; преодоление разрыва гуманитарного и естественно-научного знания и методов исследования; распространение научных исследований на ранее неизведанные древнейшие и особенно новейшие эпохи в истории человечества; разработка новых методов освоения бесконечного многообразия видов, типов и форм исторических источников, введение их в научный оборот. В истории науки XX в. хорошо известно теперь, как это происходило на Западе, как развивалось начиная с 20-х гг. преодоление старых стереотипов исторического мышления в трудах Л. Февра, М. Блока, как формировалось новое историческое видение в середине XX в. На Западе «битвы за историю» 20–30-х гг. проходили открыто и гласно. В России борьба за профессионализм, за достоинство ученого и педагога велась молчаливо. Но зная действующих лиц, воспринимая методологию источниковедения как особый элемент профессионального ремесла историка,

мы можем теперь полнее интерпретировать те немногие события, которые находились на виду. Известно, что автором учебника по источниковедению, выпущенного в 30-х гг. в Грузии, был М. А. Полиевктов. И если мы вспомним, что именно он был среди слушателей Лаппо-Данилевского, которым тот читал свой первый вариант «Методологии истории», связь между этими двумя фактами как раз и даст нам возможность более полного понимания судеб методологии источниковедения в рассматриваемый период. Яснее для нас станет и связь между отдельными, казалось бы, совсем непохожими темами, которыми занимался Т. И. Райнов⁸⁷⁹, если мы вспомним, что в молодые годы он уже писал о методологических трудах Лаппо-Данилевского, исследовал взаимосвязь искусства, науки и познания на философской основе. Трудно представить во всей полноте творчество С. Н. Валка⁸⁸⁰, смысл его обращения, как бы неожиданного, к вопросам происхождения русского частного акта в 30-х гг., если не поставить в этот ряд его блестящие «воспоминания ученика», достойного своего учителя; или Б. А. Романова без его речи, обращенной к учителю; или А. Д. Люблинской⁸⁸¹ и ее «Источниковедения истории средних веков» без связи с ранней статьей в сборнике в честь И. М. Гревса («Средневековый быт»)⁸⁸².

В молчаливом сражении за профессионализм историка, за передачу опыта новым поколениям решающее значение имели два обстоятельства: наличие концептуального видения проблемы и возможность ее реализации в преподавании. Нам известно

⁸⁷⁹ См.: Райнов Т. И. Наука в России XI–XVII вв. М.; Л., 1940.

⁸⁸⁰ См.: Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. Валк писал об «источниковедческом направлении», возникшем «после Соловьева» и относил к нему, в частности, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, С. М. Середонина, Е. Ф. Шмурло, Н. Д. Чечулина, Н. П. Лихачева. Последним трудом Валка была книга о Лаппо-Данилевском (см.: Копанев А. И. Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9).

⁸⁸¹ См.: Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. М., 1955.

⁸⁸² См.: Средневековый быт: Сб. ст. М., 1925.

значение методологии источниковедения как концепции, которую ее основатели развивали и интерпретировали, пока имели такую возможность, в печати. Для них весьма характерна и связь с высшей школой, стремление к преподавательской деятельности. Дело не только в передаче знаний, в необходимости формировать ту интеллектуальную среду, которая была бы способна, в свою очередь, генерировать новые идеи. Именно университетское преподавание в классическом российском варианте давало возможность охватывать процесс развития науки в целом, обосновывать и соотносить теоретические поиски и исследовательскую практику, улавливать перспективы движения научной мысли. Именно поэтому методология источниковедения и ее преподавание в высшей школе составляют нечто единое. Судьбы университетского образования в России едва не привели к разрыву этого единства.

В 1930 г. произошло важное с данной точки зрения событие – открытие Историко-архивного института. Его возникновение никоим образом не выводится логически из потребностей исторической науки. Положение ее в то время исключает подобные соображения, тем более, что подчинению науки идеологическим стереотипам источниковедение с его ригористическими постулатами достоверности и критики всегда препятствует. Историко-архивный институт фактом своего появления обязан объективной потребности государственных административных служб в документальном обеспечении управления. Для функционирования политической системы администрации необходимо документационное обеспечение, а для него, в свою очередь, подлинный, а не мнимый профессионализм. Поэтому в самый разгар идеологической борьбы с инакомыслием небольшая группа истинных профессионалов – историков и методологов – была привлечена к преподавательской деятельности в высшем учебном заведении. П. Г. Любомиров (последователь А. С. Лапшова-Данилевского) сумел включить в складывавшиеся планы преподавания полный курс источниковедения⁸⁸³. Когда в 1936–1940 гг. курс читал М. Н. Тихомиров, он привнес в него свое видение

⁸⁸³ См.: *Простоволосова А. Н., Станиславский А. А.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.

проблемы, создав наряду с С. А. Никитиным⁸⁸⁴ фундаментальный курс источниковедения отечественной истории. И Тихомиров, и Никитин рассматривали все важнейшие виды источников с древнейших времен до конца XIX в. На этой основе были созданы известные учебники, соединившие в себе традиции русского источниковедения и новые идеи.

Ученые исходили из положения, что сначала исследователю необходимо создать ясное представление об «источниковедческой ситуации» проблемы в целом и лишь потом – углубляться в частности. Типологический курс источников русской истории читал в Московском университете сам В. О. Ключевский⁸⁸⁵. Именно знание общей картины источников русской истории позволяло создавать источниковедческие исследования по видовому принципу. Необходимость изучения источников во всей их совокупности обосновывал еще в 80-х гг. прошлого века К. Н. Бестужев-Рюмин.⁸⁸⁶ М. Н. Тихомиров и С. А. Никитин вполне в традиции русской источниковедческой методологии создали целостную картину, обозначили «источниковедческую ситуацию» русской истории. Данный подход ценен еще и тем, что позволяет установить, как представляет себе историческая наука в тот или иной период совокупность своих источников. Учебник Тихомирова с этой точки зрения стал важным шагом вперед: в нем дается необычайно широкая источниковедческая основа отечественной истории, в научный оборот введены целые комплексы источников по истории народов СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Перед нами одно из важных достижений отечественного источниковедения данного периода – активное освоение новых групп источников.

С. А. Никитин в своем учебнике показал совокупность источников по истории России XIX в. Он теоретически обосновал типологический принцип рассмотрения источников,

⁸⁸⁴ См.: *Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940; *Никитин С. А.* Источниковедение истории СССР: XIX в. М., 1940.

⁸⁸⁵ См.: *Ключевский В. О.* Курс лекций по источниковедению // *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957. Т. 6.

⁸⁸⁶ См.: *Бестужев-Рюмин К. Н.* О методах исторических занятий // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1887, февраль.

справедливо отметив, что именно такой подход дает возможность раскрыть условия формирования видовых свойств источников в длительной исторической перспективе.

Теоретическая разработка концепционных положений источниковедения особенно усилилась, когда в Историко-архивном институте (1943 г.) появился А. И. Андреев, вскоре возглавивший кафедру по данному направлению (кафедра вспомогательных исторических дисциплин). Еще в 1940 г. вышел в свет его выдающийся источниковедческий труд – монография «Очерки по источниковедению Сибири»⁸⁸⁷. В этом труде реализованы принципиальные положения методологии источниковедения петербургской школы: подход к историческим источникам как явлениям культуры, охват вещественной и знаковой сторон источников, разработка видовых методов тончайшего критического исследования русских картографических, письменных, изобразительных и других источников в сравнительной перспективе. А. И. Андрееву удалось привлечь к разработке проблем методологии источниковедения и концепции курса значительные творческие научные силы, создать оптимальную структуру общего курса источниковедения. Вместе с В. К. Яцунским⁸⁸⁸ он занялся проблемой взаимодействия естественнонаучных и гуманитарных аспектов в исследовании и преподавании источниковедения и исторической географии. Особенно важное значение имела разработка курса источниковедения отечественной истории новейшего времени, начатая по инициативе А. И. Андреева и при поддержке М. Н. Черноморского, а также курсов и семинаров по дипломатике (актовому источниковедению), проведенная А. А. Зиминим, и курса А. В. Черепнина по источниковедению.

В это время (середина XX в.) происходит смена сложившихся стереотипов ориентации массового сознания. Технократические перспективы прогресса мировой цивилизации воспринимаются более критично, нежели ранее, яснее вырисовываются опасные

⁸⁸⁷ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1940; 2-е изд., М., 1960. Вып. 1; М., 1965. Вып. 2.

⁸⁸⁸ См.: Яцунский В. К. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII вв. М., 1955.

тенденции дегуманизации науки и развития общества в целом. Накопление нового социального опыта, введение в научный оборот источников, ранее не привлекавших к себе внимания профессиональных историков, изменившиеся представления о роли исторического знания и роли историка в процессе исследования – все эти новые проблемы настоятельно требовали теоретического обобщения, широкого обсуждения. Методологические дискуссии, развернувшиеся на Западе после выхода в свет трудов М. Блока – «Апология истории» и Р. Дж. Коллингвуда – «Идея истории», огромный общественный интерес к работам А. И. Марру об историческом познании, к новаторским трудам историков школы «Анналов» – свидетельства возрастания историзма общественного сознания.

Окончание второй мировой войны изменило общую политическую и культурную ситуацию в мире, дало историкам возможность качественно иного осмысления предмета и методов своей науки. В центре методологических дискуссий конца 40 – начала 50-х гг. оказались вопросы исследования современной цивилизации. Сравнительный анализ различных подходов, приемов исследования, возможностей междисциплинарных контактов осознавался как результативный путь формирования новой социальной науки. Ясно, что в этих обстоятельствах жизнь за «железным занавесом» в искусственной изоляции от мировой культуры прошлого и современности воспринималась русским источниковедением особенно остро. Ученые всячески стремились преодолеть эту изоляцию. Например, А. И. Андреев в бытность заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (1944–1949), знакомя слушателей с работами А. С. Лаппо-Данилевского, открыто утверждал, что наука неделима и изучение новых достижений западных ученых необходимо.

В условиях нарастающего идеологического давления А. И. Андреев отстаивал свои научные убеждения, боролся против изоляции отечественной науки. Он публиковал труды, в которых рассматривал традиционные научные связи России и Запада, использовал новые данные об этом в педагогической

работе. По его предложению кафедра включила в свои планы серию докладов о трудах западноевропейских и американских ученых, представляющих интерес для изучения источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Кафедра даже решила просить дирекцию об установлении контактов с соответствующими по профилю западноевропейскими и американскими научными учреждениями. Все эти действия ставились А. И. Андрееву в вину в ходе развернувшейся идеологической кампании 1949 г. За отказ выступить с идеологической критикой методологии своего учителя Лаппо-Данилевского ученый был выведен из состава совета института и лишен кафедры.

Во время той же кампании борьбы с «низкопоклонством перед иностранщиной» другой историк, В. К. Яцунский, подвергся критике за использование иностранных трудов по исторической географии. Не избежал гонений и Л. В. Черепнин, который был вынужден опубликовать статью с идеологической критикой концепций А. С. Лаппо-Данилевского. Без ведома автора в статье появились также негативные суждения об ученых, принадлежавших к данной научной школе, в частности об А. И. Андрееве.

Андреев оставался тверд в отстаивании своих научных и нравственных приоритетов. Позднее вполне справедливо его борьба за свободу научной мысли сравнивалась в современной историографии «с борьбой, которую в те же годы в области естествознания, биологии, генетики самоотверженно вели В. И. Вернадский, Н. И. Вавилов, Н. В. Тимофеев-Ресовский»⁸⁸⁹. Лишенный возможности работать на кафедре, А. И. Андреев (который и жил в помещении института) был вынужден уехать из Москвы. Вслед за ним кафедру оставил Л. В. Черепнин, а позднее В. К. Яцунский.

Обсуждение методологических проблем в России конца 40-х гг. носило, по понятным причинам, односторонний, идеологизированный характер. Но он не должен полностью закрыть от нас существо обсуждаемых проблем и достигнутые результаты.

⁸⁸⁹ *Афанасьев Ю. Н.* [Предисловие] // *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. А.* История кафедры... С. 3–4.

Теоретические проблемы источниковедения в конце 40 – начале 50-х гг. подробно рассмотрены в ряде трудов Л. В. Черепнина⁸⁹⁰. Чтение курсов источниковедения в Историко-архивном институте, разработка концепции источниковедения и программы курса, создание учебных пособий по палеографии и другим историческим дисциплинам позволили ученому обратиться к проблемам теории. Для русского источниковедения традиционным был сравнительный подход к проблемам теории и методологии исторического исследования. Как уже указывалось выше, еще на заре его становления К. Н. Бестужев-Рюмин изложил свою точку зрения на необходимость цельного подхода к изучению источников в полемике с английским историком Э. Фрименом. А. С. Лаппо-Данилевский противопоставил концепцию методологии источниковедения «как цельного систематического учения» идеям Ш. Ланглау и Ш. Сеньобоса, Э. Фримена, Э. Бернгейма. Он фактически вовлек в научный спор всю методологическую философскую литературу по проблемам исторического познания.

Л. В. Черепнин развивал свои представления об источниковедении и особенно историческом источнике в полемике с идеями А. С. Лаппо-Данилевского. Черепнин, по существу, как и его предшественник, исходит из концепции источниковедения как целостного и систематического учения. Он принимает и основные идеи общего метода критики, интерпретации, источниковедческого синтеза. Основные возражения высказываются им по вопросу о природе исторического источника, который основатель данной методологии определял как «реализованный продукт человеческой психики». Черепнин принимает и здесь главную идею об источнике как явлении культуры. Но ему более чем кому-либо известно, как произведение, продукт человеческой психики, в процессе своего рождения деформируется под влиянием объективных условий. Черепнин существенно дополняет представление о природе источника, определяя его как историческое явление, как продукт общественной борьбы и

⁸⁹⁰ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М., 1948–1950. Т. 1–2.

социальных противоречий эпохи. Источник появляется на свет не таким, каким человеческая психика его замыслила, но таким, каким он реализовался, т. е. несущим на себе отпечаток среды его возникновения. «Русские феодальные архивы» Черепнина основаны на том корпусе источников, которые ему вслед за автором «Очерка дипломатики частных актов» тоже представлялись наиболее перспективными как источники, а именно государственно-правовых и частноправовых актах XIV–XVI вв. Видовые методы их исследования разработаны им в соответствии с теоретико-методологическими представлениями, созданными русским источниковедением.

Бесспорным свидетельством развития источниковедения не прекращавшегося в 20–50-х гг., является тот факт, что в это время появились учебные пособия, создававшие обобщенную картину источников целых исторических эпох. Учебники М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина стали своего рода образцом издания, совмещавшего высокий профессионализм и четкость критериев отбора источников, ясность изложения. Данное направление нашло и находит в настоящее время свое продолжение. А. Д. Люблинская написала учебник «Источниковедение истории средних веков» (1955 г.). При А. И. Андрееве был задуман в Историко-архивном институте и позже реализован смелый и сложный проект – учебник по источниковедению истории советского периода, изменивший само отношение к преподаванию данного курса. Освоение источников нового и новейшего времени началось в 20-х гг. с источников революционного движения, политического процесса в России и на Западе.

Одной из главных задач А. И. Андреева в его работе на кафедре было создание источниковедения истории советского общества как особого направления и соответствующего лекционного курса, в котором можно было бы широко использовать документы современности. Он также пригласил на кафедру специалиста в области советской статистики М. Н. Черноморского.

Заложенное в новой концепции единство подхода к источникам ранних эпох и современности открыло возможности

обращения к нетрадиционной проблематике. Тем самым преодолевалась привычная для менталитета историков временная дистанция, якобы необходимая для изучения событий современности, а с нею представление об истории как науке о прошлом. Документы, еще не вышедшие из политической, социальной, культурной жизни и практики, уже могли интерпретироваться как источники, требующие критического анализа и верификации. Для идеологизированного общества 30–50-х гг. сам факт обращения к руководящим политическим документам как историческим источникам был открытием. В нем логически содержалась идея возможности критического отношения к этим документам, вокруг них исчезал ореол вневременности и абсолютности⁸⁹¹.

С началом «оттепели» в середине 50-х гг. вопросы источниковедения новейшего времени стали достоянием научной общественности. Первой ласточкой было научное совещание в Историко-архивном институте по вопросам критики исторических источников (1957 г.)⁸⁹². В центре внимания оказался, как и следовало предполагать, прежде всего принципиальный вопрос — о правомерности применения к источникам советского периода всего объема методов научной критики и интерпретации. Вызвавшая поначалу психологический шок у идеологизированной аудитории, привыкшей к апологетической, вневременной, абсолютизированной трактовке любого советского документа, новая постановка вопроса в условиях ослабления идеологических запретов постепенно осваивалась общественным сознанием. Большой интерес в этой связи вызвала работа В. П. Данилова и С. И. Якубовской⁸⁹³.

В последующие годы происходит уже более конкретное обсуждение предмета, задач источниковедения нового и новейшего времени, специфики источников (например, можно ли

⁸⁹¹ См.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969.

⁸⁹² См.: Николаева А. Т. Научное совещание по вопросу критики исторических источников // Вопросы истории. 1957. № 5.

⁸⁹³ См.: Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории. 1961. № 5.

считать мемуары историческим источником⁸⁹⁴). Проблемам преподавания источниковедения новейшего времени посвящались дискуссии в ведущих исторических изданиях начала 60-х гг.

Накапливался богатейший материал о содержании источниковедческого анализа новейших документов, о принципах их научной критики, об основах их классификации. Русские источниковеды долгое время были лишены возможности свободного использования традиций источниковедческой мысли, открытых дискуссий по проблемам своей науки. Между тем известно, как сопоставление позиций возбуждает мысль, позволяет яснее высказать то новое, что видит ученый, под иным углом рассматривая проблемы своей профессиональной деятельности. В блестящей полемике с классиками позитивизма, создателями позитивистской методологии истории утверждал свое новое видение исторического метода Л. Февр. В свою очередь, и его позиция, и суждения Ланглау и Сеньобоса стали предметом размышлений следующего поколения, открывшего у Ланглау и Сеньобоса немало ценного⁸⁹⁵. В споре с позитивистскими методами «плохого детектива» утвердил Марру свое представление о месте историка в процессе познания. И в прямом диалоге с А. Пиганьолем он же уточнил свою позицию, развил концепцию научной критики источников⁸⁹⁶. Долгое время такой подход был закрыт для русских источниковедов.

Сравнительный подход к изучению теоретико-методологических проблем источниковедения стал быстро развиваться с начала 60-х гг., когда появилась возможность обсуждения идей и положений русских методологов прошлого и современных западных ученых. Разумеется, идеологические запреты

⁸⁹⁴ См.: Губенко М. П., Литвак Б. Г. Конкретное источниковедение истории советского общества // Вопросы истории. 1965. № 1; Галуцкий В. С. К вопросу о научных принципах переиздания мемуарной литературы // Источниковедение истории советского общества. М., 1969. Вып. 2.

⁸⁹⁵ См.: Histoire et ses Methodes. Paris, 1961.

⁸⁹⁶ См.: Marron A. I. De la connaissance historique. Paris, 1954. Revue de Methaphisique et de Moral. 1955. № 3; Histoire...

диктовали специфические формы критического изложения: закрытое общество всегда имеет свои, отличные от открытого общества формы введения социальной информации в научный оборот.

В 60–70-х гг. сформировалось особое направление, в центре внимания которого находятся теоретические проблемы источниковедения. В настоящее время оно представлено широким кругом монографических исследований, материалов научных конференций, публикаций в научной периодике. Это направление отличает междисциплинарный подход (природа исторического источника рассматривается в трудах историков, исследователей истории науки и техники, философов, социологов, исследователей материальной культуры и др.)⁸⁹⁷. Весьма характерно также применение сравнительного подхода при анализе проблем теории, истории и методов источниковедения (труды Г. М. Иванова, Б. Г. Литвака, О. М. Медушевской, А. П. Пронштейна, Л. Н. Пушкарева, А. Т. Николаевой, В. И. Стрельского, С. О. Шмидта и других ученых). В центре внимания – методы исторического исследования в их сравнительно-историческом развитии и современном состоянии, природа исторического источника, соотношение источника и социальной реальности, диалектика субъективного и объективного в процессе социального познания.

В последующие десятилетия сопоставительный анализ все шире использовался учеными для разработки проблем истории источниковедения XVIII–XIX вв., развития перспектив современного источниковедения, классификации исторических источников, развития метода источниковедческого анализа и синтеза. Современное исследование теоретических проблем источниковедения опирается на метод сравнительного анализа подходов к проблемам соотношения субъекта и объекта в историческом познании, анализа западной новой исторической школы в контексте реалий социального развития и гуманитар-

⁸⁹⁷ См.: *Беленький И. А.* Разработка проблем теоретического источниковедения советской исторической науки (1960–1984 гг.). М., 1985.

ной мысли XX в.⁸⁹⁸. Долгое время развивавшиеся в условиях изоляции и противостояния, русская и западная мысль обрели к концу XX в. новые возможности интеграции. Тем важнее поэтому определить сущность методологии русского источниковедения XX в.

Научное познание в принципе имеет целью решение актуальных для общества проблем, а гуманитарные науки, в свою очередь, предлагают для достижения этой цели воспользоваться методом сравнительного анализа социального опыта человечества как культурного целого. При таком подходе становится очевидным приоритетное значение источников – продуктов целенаправленной человеческой деятельности, которые, во-первых, фиксируют социальный опыт и, во-вторых, обеспечивают возможность неоднократного обращения к нему последующих поколений. Природа источника и многообразие исследовательских ситуаций, казалось бы, должны быть предметом фундаментальных исследований. Однако сами проблемы долгое время интерпретировались как прикладные, второстепенные, едва ли не технические. Русская наука начала XX в. впервые обосновала методологию источниковедения как особую проблему социального познания. В XX в. источниковедение прошло жесткую проверку надежности своих теоретических постулатов, оно обогатилось практикой изучения все новых видов источников, творчески использовало сравнительный анализ интерпретаций теоретических проблем изучения источников в русской и западной науке. Современное источниковедение в России исследует природу исторического источника системно, рассматривая как онтологические, так и гносеологические его аспекты: соотношение источника и социальной реальности, в которой он создается, источника и познающего субъекта, воспринимающего источник в реальности своей культуры.

⁸⁹⁸ См.: *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; *Афанасьев Ю. Н.* Эволюция теоретических основ школы «Анналов» // Вопросы истории. 1981. № 9. *Он же.* Историзм против эклектики. М., 1981; *Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.

Особенность же источниковедения мы видим прежде всего в гуманитарной направленности – его концепции. В ней изначально было три важнейших компонента: идея мирового целого и представления о любом обществе, государстве или народе как части целого; идея признания одушевленности другого как принципа гуманитарного познания; идея исторического источника и его роли в человеческом общении. Этой идее русские ученые придавали особое значение. Они с тревогой замечали такую тенденцию общественного сознания начала XX в., как утрата интереса науки к человеческой личности, перемещение центра внимания общественных наук на изучение обезличенных масс. Анализируя соотношение личного и общественного, возможности достижения их синтеза, П. И. Новгородцев в 1925 г. писал: «Центром и целью нравственного мира является человек, живая человеческая душа, и это особенно важно подчеркивать, теперь когда с разных сторон и совершенно справедливо упрекают современную культуру в том, что она человека забыла, душу человеческую забыла»⁸⁹⁹. Тревога ученого была не напрасна: в общественном сознании сдвиг в сторону дегуманизации становился все более заметен.

Наверное, поэтому в концепции источниковедения столь активно проводилась идея общечеловеческого начала и идея исторического источника как средства не просто познания фактов, но расширения возможностей общения личности с мировой культурой. Предмет источниковедения изучает систему «человек – произведение – человек». Произведение, созданное человеком целенаправленно и осознанно, изучаемое для того, чтобы получить сведения о его авторе, становится историческим источником. В основе данной концепции источниковедения лежит фундаментальная человеческая потребность в преодолении рамок пространства и времени и взаимодействия с людьми, с культурой других эпох при посредничестве исторических источников, выступающих как явления культуры. В тради-

⁸⁹⁹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 109.

ционном обществе соприкосновение с великим произведением мысли, мастерства культивировалось как особое искусство и интеллектуальное наслаждение. Современные технологические средства открывают для такого общения новые неограниченные возможности. Неизмеримо возрастает значение источниковедения в современном гуманитарном познании и культуре.

Таким образом, становление русского источниковедения тесно связано с развитием гуманитарной мысли нашей эпохи. Социальные конфликты начала XX в., столь остро ощущавшиеся в России, были глобальными, а их осмысление выступало как неотложная задача науки. Именно история человечества, единая во времени («эволюционное целое») и пространстве («коэзистенциальное целое»), определялась как главный объект исторического познания («Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского). Российские гуманитарии разных поколений, которые в конце XIX – начале XX в. систематически собирались для обсуждения проблем общечеловеческой истории и методов ее познания, после революции 1917 г. оказались разобщены, а их судьбы – трагичны.

Влияние изначально общих идей и подходов прослеживается не только в становлении отечественных научных школ, но и в деятельности ученых, которые в силу сложившихся условий оказались вынужденными влиться в иную профессиональную среду (например, П. А. Сорокин, Г. В. Вернадский, А. П. Карсавин). Источниковедение как особое направление сложилось и продолжало развиваться в России, где были сохранены традиции его теоретического исследования, университетского преподавания. В современных условиях стала более очевидной жизненность данного направления. Оно сформировалось и развивается теперь как поиск ясного ответа на вопрос гуманитарной науки XX в. – если целостная история человечества есть цель исторического познания, то какова совокупность объективных источников познания (исторических источников), адекватных данной познавательной цели, и каковы пути и методы ее достижения? Источниковедение созвучно времени своей

направленностью на сравнительный анализ источников. Оно утверждает самодостаточность источниковедческого исследования культуры, источников ее познания. Подобно тому, как исследования конкретных явлений природы обогащают научное видение мира природы, каждое источниковедческое исследование дополняет картину мира культуры.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ КАК СТРОГОЙ НАУКИ (О КОНЦЕПЦИИ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО)⁹⁰⁰

1. Единство науки и различие методов исследования

Новое издание классического труда, в данном случае – «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, правомерно тогда, когда оно активизирует рефлексию научного сообщества над актуальными проблемами гуманитарного познания. Целесообразно поэтому обозначить основные направления подобных дискуссий.

В начале XX в. сообщество ученых оказалось перед очевидным фактом, что их общий объект – мир природы и мир человека – неизмеримо более сложен, нежели это представлялось ранее, и, соответственно, традиционные методы неэффективны для его постижения. Критическое переосмысление традиционной позитивистской методологии стало необходимым для дальнейшего развития. Преодоление позитивистской методологии, становящейся тормозом для постижения бесконечной сложности мира природы и мира культуры, и выработка новых познавательных стратегий оказались в центре внимания научного сообщества и, в конечном счете, раскололи его. Преодоление этого раскола, в свою очередь, оказалось главной проблемой методологических и науковедческих дискуссий нашего времени. Позитивистская парадигма, развивавшаяся под

⁹⁰⁰ Публикуется по изданию: Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2-х т. – М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 23–84.

Статья О. М. Медушевской – «Методология истории как строгой науки» – может рассматриваться как отражение переходного этапа ее творчества от проблем источниковедения к проблемам исторического построения – методологии истории. Хотя она посвящена методологии А. С. Лаппо-Данилевского (ибо задумывалась как предисловие к предполагавшейся, но не реализованной в тот момент публикации его основного труда в 1998 г.), фактически – представляет новую реконструкцию его идей, осуществленную на основе того междисциплинарного синтеза, который был осуществлен О. М. Медушевской в конце XX в. – *Прим. ред.*

влиянием успехов естественнонаучного знания, сформировала определенную иерархию ценностей профессионализма ученого. В ней приоритетным было представление о точности знания, чистоте экспериментального опыта, исследовании эмпирического материала, верификации научного результата прежде всего путем его критического осмысления. К этому идеалу в меру возможностей стремилось и гуманитарное, в том числе и историческое, знание.

В новых условиях, когда потребовался выход за пределы ограниченных предметных областей, возникла дилемма: под вопросом оказывалась либо точность эмпирически выведенного результата, которая ограничивает возможности исследователя, либо возможность постижения более сложных, не выраженных эмпирически, феноменов мира культуры. «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского актуальна для нас тем, что в своей работе ученый ставит и решает эту проблему применительно к исторической науке, вернее, к гуманитарному знанию в целом.

Гуманитарное знание как строгое знание создает исследовательскую проблему. Строгое знание – это прежде всего знание верифицируемое, т. е. открытое для воспроизведения исследовательских процедур, сохраняющее возможность их повторного проведения, предполагающее контроль научного сообщества над его результатами.

Такое представление о строгом знании существовало в позитивистской парадигме методологии истории начала XX в. «Нет истории без текстов» (документов), – утверждали основоположники данной парадигмы, имея в виду текст документа в его материальном образе. На этом и строится этос научного сообщества данного типа. Изучение свойств материального образа объекта (внешняя критика, подлинность) является одним из важнейших его содержательных постулатов. Однако, образ объекта в его эмпирической реальности, в свою очередь, ограничивает интерпретационные возможности изучения того, что стоит «за текстом», за материальным образом. Данная проблема находится в центре методологической парадигмы неокантианства, возникшей на фоне кризиса позитивизма.

Данная парадигма акцентирует различие возможностей наук о природе и наук о культуре, ставя в центр интерпретацию взаимодействий объекта (в его эмпирической форме) и субъекта познания. Расширяя пространство интерпретаций текста, подтекста, контекста и стоящего «за текстом» содержания информации, эта парадигма определяет новое качество методологии наук о человеке. Но и она имеет свои ограничения, свои проблемные поля: информационный потенциал, будучи оторван от материального образа, оказывается недоступным для верификации, остается в сфере деятельности познающего субъекта, но не науки в целом. Мыслители XX в. предложили два различных выхода из сложившейся ситуации. Наряду с феноменологией, исходившей из представления о единстве мира и научного знания о нем, другая парадигма ставит в центр внимания специфику наук о культуре, в отличие от наук о природе. В рамках данной стратегии познания представители естественных и гуманитарных наук осуществляют поиск собственной идентичности раздельно (деление на науки о природе и науки о культуре и их методологий). Этот подход, как известно, нашел широкую поддержку среди профессионалов-гуманитариев и представителей исторического знания в частности. Данная парадигма, акцентируя высокую степень сложности гуманитарного познания, видела выход в активизации познающего субъекта, его способности к систематизации информационного хаоса разнородных культурных феноменов. В рамках данного подхода снижается роль «вечных значимостей»⁹⁰¹ науки, подвергаются сомнению ее возможности достижения строгого знания и роль научного сообщества в его создании. Естественным следствием усвоения данного подхода стала модификация образовательной модели профессионала историка (за счет снижения роли методологических дисциплин) и снижение статуса истории как науки, обеспечивающей надежность результатов исследования, в общественном сознании XX в.

⁹⁰¹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 172.

Став достоянием массового сознания и многократно воспроизводимая вновь под влиянием соответствующей образовательной модели гуманитария (историка), данная познавательная ситуация способствовала окончательному размыванию и без того проницаемой границы между гуманитарной наукой и искусством. Образ Клио как музы истории, возникнув из глубины веков, обрел свои новые воплощения.

Однако, ход мирового развития, усвоение массовым сознанием собственного социо-культурного опыта, небывалое ранее ускорение темпов передачи информации (благодаря современным средствам коммуникаций и информационным технологиям) – все эти составляющие существенно меняют социокультурную ситуацию. Необходимость привлечения исторического опыта человечества для принятия новых решений стала осознаваться не только узким кругом интеллектуальной элиты, но и более широкими слоями представителей гражданского общества. Характерно, что в структурах повседневности эта потребность стала теперь реализовываться не столько через обращение к академической науке, сколько через более близкие массовому сознанию формы культуры: среди них – интерес к семейным генеалогиям, региональной истории, этнически или конфессионально ориентированным реалиям прошлых эпох и традиций, коллекционированию бытовых вещей и т. п. Эту новую ориентацию возрастания историзма массового сознания широко используют журналистика, публицистика, литература, искусство. И уже затем происходит переориентация на исторический источник научно-исследовательской и публикаторской деятельности по всему спектру гуманитарных и социальных наук, что, в свою очередь, не остается незамеченным аналитиками науки. Таким образом научное сообщество постепенно меняет свое отношение к идее истории как строгой науки. Ряд господствующих в нем направлений ориентированы отнюдь не на строгость гуманитарного знания. Их сильная сторона состоит в том, что они сосредоточивают внимание на сложности гуманитарного познания – на непознаваемости внутреннего мира человека, на противоречиях психологической, биологической,

социальной составляющих его личности и их несводимости к целостности универсума. В результате стало возможным более ясно сформулировать наиболее трудные вопросы познания в науках о человеке. Современный гуманитарий, и прежде всего – историк, оказывается перед лицом этих трудных вопросов. Почему теория исторического процесса и теория исторического знания развиваются как два расходящихся исследовательских направления; почему исследования в области макро- и микроистории идут по разнонаправленным векторам, – в том смысле, что усилия исследователей не складываются в целостную картину, не находят точек встречи. Неясно также, существуют ли, в принципе, типологии и структуры культурных объектов, расширяющих возможности компаративистики. Действительно ли структурный метод, опирающийся на языковые структуры и потому владеющий компаративными возможностями сравнения языковых систем, составляет единственную возможность структурно-типологических исследований в гуманитарных науках?

Современный гуманитарий, знающий, как ставятся и дискутируются эти и подобные им вопросы в структуралистской и особенно постструктуралистской культурной реальности, с особым интересом отнесется к публикуемой здесь классической работе основателя иной, феноменологической концепции методологии истории, и, соответственно, к идеям и методам научно-педагогического направления, развивающего эту концепцию в настоящее время. Данное направление, оказываясь перед лицом общих для гуманитарного знания проблем и методологических трудностей, выдвигает для их решения оригинальный подход. Как увидим далее, в его основе системообразующее значение имеет понятие исторического источника. Данная источниковедческая парадигма методологии истории ставит в центр своего внимания достижение строгого, логически выверенного, последовательного продвижения исследователя от непосредственного данного эмпирического объекта к воссозданию культурного целого, частью которого этот объект является. Этот путь, эта система методов и составляют центральную проблему «Методологии истории».

Осознавая негативные результаты восходящей к неокантианству модели развития науки, акцентирующей внимание на специфике исторического знания как идиографического и на интерпретационных возможностях познающего субъекта, современные гуманитарии проявляют все возрастающий интерес к другим, более конструктивным парадигмам гуманитарного знания.

В условиях кризиса позитивистской методологии научного знания возникла и другая парадигма. Она акцентирует не разделение наук по их познавательным методам, но, напротив, подчеркивает системность мирового целого, единство познавательных целей и методов наук о природе и наук о культуре. Мировое целое выступает как системный общий объект – наук о природе, которые изучают природу, отнюдь не отвлекаясь от того факта, что именно в ней возникло и функционирует человеческое сознание, становясь, по мере развития «геологической силой», изменяющий природу (В. И. Вернадский); и, соответственно, наук о культуре, которые изучают историю человечества как особую часть мирового целого, одаренную сознанием, и в то же время его системную составляющую (А. С. Лаппо-Данилевский). Прогресс в науках связывается ими прежде всего с активизацией исследовательской логики, с формированием системной методологии наук в целом и ее отдельных предметных областей. В этих условиях, подчеркивают мыслители этого направления, раздельное развитие наук и методологическое их разобщение выступает лишь как признак критического состояния научного сообщества. Логика науки должна стать предметом особых теоретических рефлексий, формировать область знания о науке внутри науки, постоянно создавать преемственность и совершенствовать профессионализм через новую образовательную модель. Данный подход вызревает в среде профессионалов-мыслителей, причем некоторые из них делают первые попытки создать соответствующие труды в области точных и естественных наук («Начало геометрии» Э. Гуссерля и ряд работ В. И. Вернадского). Однако системная методология естественных наук не была ими выведена на уровень методов дисциплины высшей школы. Напротив, системная логика гума-

нитарного знания – в виде теории исторического знания и методологии истории – выходит на этот качественно новый уровень. Концепция Лаппо-Данилевского обосновывалась, аргументировалась и поверялась практикой исследования и преподавания в Петербургском университете с конца 90-х гг. XIX в., благодаря чему ученому удалось найти последователей, способных оценить возможности данной теоретико-методологической парадигмы, разъяснить и интерпретировать ее познавательные идеи и, в дальнейшем, реализовать их в рамках тех возможностей, которые открывала перед ними постреволюционная социальная реальность. Определенные условия для развития данной парадигмы, и прежде всего – ее методологии источниковедческого подхода, позднее сложились в Историко-архивном институте, начиная со времени его создания (1930 г.). Образовательная модель была ориентирована на эффективный поиск, выявление информационных возможностей, оценку исторических источников. Подготовка специалистов, способных эффективно ориентироваться в информационном пространстве культурных объектов – исторических источников любых эпох и регионов, значение которых было вполне очевидно для централизованной административной системы государства, стала той областью социально-педагогической практики, в которой данное направление прошло свое становление и развитие. В современных условиях общегуманитарного и вместе с тем междисциплинарного профиля Российского государственного гуманитарного университета это направление получило новые импульсы своего развития.

Науку надо рассматривать, писал Э. Гуссерль, «как создание коллективного труда исследующих поколений». Философ утверждал: «Наука <...> безлична. Ее работник нуждается не в мудрости, а в теоретической одаренности. Его вклад обогащает сокровищницу вечных значимостей, которая должна служить благополучию человечества»⁹⁰². Важно понять «вечные значимости», которые дает «Методология истории» Лаппо-Данилевского.

⁹⁰² Гуссерль Э. Указ соч. С. 171.

«Методология истории» Лаппо-Данилевского представляет собой цельную, глубоко продуманную и теоретически аргументированную концепцию. Это – теория исторического знания, которая рассматривает систему методов функционирования науки о человеке – исторической науки как именно науки, т. е. как строгого и достоверного знания. В настоящее время, когда методология истории как строгой науки осознается как одна из наиболее актуальных проблем гуманитарного знания и, соответственно, проблем соответствующей образовательной модели – труд Лаппо-Данилевского стал особенно актуален. Однако важно подчеркнуть, что данная концепция предполагает и достаточно глубокую интерпретацию ее читателем. Это хорошо понимали последователи ученого – его ученики первого поколения, посвятившие интерпретации концепции своего учителя собственные блестящие и глубоко продуманные труды. Прав был С. Н. Валк, когда он, предложив собственный очень интересный труд именно в развитие концептуальной идеи «Методологии истории», высказал следующее суждение о ее последующей судьбе в истории гуманитарной мысли: «...как все научное наследие А. С. [Лаппо-Данилевского. – О. М.] он [этот труд. – О. М.] в той же мере индивидуален и столь же вне сферы господствующих русских исторических направлений. Это последнее, и та высота научного уровня, которая требуется для того, чтобы приобщиться к трудам А. С., заставляет иногда с тревогой следить за судьбой идей А. С....»⁹⁰³. Валк писал об общем замысле «Методологии истории» и одном из его конкретных воплощений – «Очерке русской дипломатики частных актов». Однако последующая историография концепции Лаппо-Данилевского, по существу, отошла от ее цельного восприятия, сосредоточив внимание прежде всего на методологии источниковедения. Для того чтобы обратиться к целостной

⁹⁰³ Валк С. Н. [Рецензия] // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 258. Рец. на кн.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям «Архивных Курсов» при Петроград. археол. ин-те в 1918 г. Пг., 1918. 189 с. (См. переизд.: Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Науч. наследие. СПб., 2000. С. 576–593).

концепции, необходимо вначале остановиться на проблеме истории самого текста и его публикациях, которыми до сих пор пользовались исследователи.

2. Текст «Методологии истории» в свете ее общего замысла

Методология истории – проблема, над которой ученый работал на протяжении всей своей жизни. Важное значение для создания его концепции имел тот факт, что академик Лаппо-Данилевский, мыслитель и автор исследовательских трудов, ученый-историк, был в то же время выдающимся деятелем высшей школы, лектором, преподавателем, руководителем научного кружка, сформировавшего мировоззрение ряда будущих ученых. В Петербургском университете, на историко-филологическом факультете, начиная с 1906 г., был введен курс методологии истории с семинарскими занятиями к нему, который читал А. С. Лаппо-Данилевский. Впервые курс лекций под названием «Теоретическая методология истории» он опубликовал в 1907–1909 гг. Здесь уже прослеживается общий замысел, который позднее реализовался ученым в более полном и развернутом виде.

Курс состоит из трех частей. Первая задумана как систематическое изложение теорий исторического знания, представленных в мировой гуманитарной мысли. Эта часть представляет собой своеобразное теоретико-историографическое введение в концепцию исторического знания, которую разработал сам ученый. Он показал, что мыслители исходили из двух различных представлений об историческом процессе, ориентированных на выявление в нем двух различных типов информации. Одни были нацелены на поиск закономерностей, типических черт; другие – на выявление индивидуальных черт, но при этом интересовались их системными связями внутри данной индивидуальной целостности. Главная идея самого Лаппо-Данилевского состояла в том, что в историческом процессе надо выявлять и типологические, и индивидуальные черты (типологический и индивидуальный подход, в его терминологии). Лишь их использование по принципу дополнительности дает

искомый синтез, открывает возможности постижения целостного объекта. Данная идея проходит в его «Методологии истории» как ключевая, определяя архитектонику труда в целом.

По существу, можно считать труд Лаппо-Данилевского своего рода антитезисом по отношению к неокантианской альтернативе наук о природе (номотетических) и наук о культуре (идиографических). Речь идет, таким образом, о преодолении противопоставления двух способов постижения реальности: отыскания в ней либо повторяемости, либо различия, типического или индивидуального. В живой реальности присутствует и то и другое, и суть подхода Лаппо-Данилевского состоит в том, чтобы, проанализировав возможности обоих методов, достигнуть их соединения, их синтеза на более высоком уровне. В философской литературе его времени для различения индивидуального и типологического подходов стала использоваться терминология мыслителей баденской школы – Виндельбанда и Риккерта, – а именно различие номотетического и идиографического подходов. Эту терминологию использует и Лаппо-Данилевский. При поверхностном прочтении его труда возникает иллюзия того, что автор разделяет не только терминологию баденской школы, но и ее классификацию наук по их методам. Однако структура и содержание «Методологии истории» позволяет понять, что в своей концепции ученый никогда не строил методологию исторического знания односторонне. Его идея – синтез обоих подходов с целью достижения более полного охвата изучаемого объекта в его целостности.

В первой части своего труда Лаппо-Данилевский использовал данную терминологию для классификации теоретических взглядов предшествующей литературы. В ней рассматривается характер исторических явлений либо с номотетической (типизирующей), либо с идиографической (индивидуализирующей) точек зрения. Показав преимущества и критически рассматривая неполноту обоих подходов, ученый тем самым подготавливает читателя к восприятию собственной, оригинальной теории исторического знания. Он раскрывает проблему объекта науки и далее выстраивает системную методологию исследовательского процесса. В ней прослеживается два этапа: на первом фраг-

мент реальности изучается как историческое, культурное явление (методология источниковедения) и на втором – на основании того, что данное явление возникло, существовало в культурной реальности, становится возможным воссоздать самое культуру как целостное явление (методология исторического построения).

Наиболее глубокие интерпретаторы концепции Лаппо-Данилевского определяли ее как «феноменологию культуры».

Именно такое определение давал С. Н. Валк, но он же вполне обоснованно высказывал опасение относительно того, как и насколько полно идеи Лаппо-Данилевского будут освоены научным сообществом историков и гуманитариев вообще. Отчасти это опасение было связано с тем, как сложилась история текста «Методологии истории» в реальности и в представлениях историков научной мысли.

Первый вариант своего труда «Теоретическая методология истории» 1907–1909 г. сам ученый не принимал в качестве заверщенного и деятельно работал над совершенствованием текста. Наиболее завершенными являются две части его труда, опубликованные в 1910–1913 г. под общим названием «Методология истории». В 1915 г. сам автор писал, что вышедшие тома «пока» не охватывают всю концепцию в целом: «Первый – посвящен систематическому изложению теории исторического знания в двух главнейших его направлениях – номотетическом и идиографическом, а также учению об объекте исторического знания; второй – содержит рассмотрение методов исторического изучения, *пока* (курсив наш. – О. М.) лишь в той их части, которая касается методологии источниковедения, т. е. главным образом, учения об источниках, их интерпретации и критике»⁹⁰⁴. Поскольку общий замысел труда и структура методологии истории в целом изложены ученым во введении первого тома, читатели могли понять этот замысел и без обращения к еще не опубликованному («пока») завершающему тому. Именно так и поступил рецензент издания 1910–1913 г. молодой мыслитель Н. Д. Кондратьев, опубликовавший очень интересную

⁹⁰⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 408.

статью под названием «Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского» (1915 г.)⁹⁰⁵ К сожалению, сам Лаппо-Данилевский не успел подготовить для издания завершающий том «Методологии истории». Разумеется, наиболее глубокие интерпретаторы идей своего учителя, методологи, как прежде всего сам С. Н. Валк, хорошо понимали сложившуюся ситуацию. Воссозданию замысла в целом Валк посвятил специальную статью. Рассматривая значение последней книги Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов», Валк разъяснял, что эта работа много дает и для понимания методологии истории в целом. В ней представлено применение к целостному видовому корпусу источников, частных актов, общих принципов методологии источниковедения и методологии исторического построения⁹⁰⁶.

В историографии методологии истории последующего периода, на протяжении всего XX в. исследователи исходили из наличия двух томов издания. Попытка нового издания «Методологии истории», предпринятая учениками Лаппо-Данилевского, прежде всего А. И. Андреевым, привела к публикации первого тома (1923 г.), но далее была прервана как не отвечающая новому духу времени. В 1929 г. удалось опубликовать в академической серии «Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского», где приведена уже известная нам формула о двух томах «Методологии истории», первый из которых посвящен систематическому изложению теории исторического знания в двух главнейших его направлениях – номотетическом и идиографическом, а также учению об объекте исторического знания; второй содержит рассмотрение методов исторического изучения, пока лишь в той их части, которая касается методологии источниковедения.

За пределами внимания исследователей творчества Лаппо-Данилевского оставался до настоящего времени существенный факт: ученый издал в 1907–1909 гг. первый вариант своего труда, в котором, согласно авторскому замыслу, представлены все

⁹⁰⁵ Кондратьев Н. Д. Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского: К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Пг., 1915. Т. 20. С. 105–124.

⁹⁰⁶ Валк С. Н. Указ. соч. С. 244–258.

три составляющие: систематическое изложение теорий исторического знания, представленных в истории человеческой мысли; методология источниковедения; методология исторического построения⁹⁰⁷. Сопоставление этого издания 1907–1909 гг. с изданием 1910–1913 гг.⁹⁰⁸ показывает, что ученый существенно переработал текст первых двух томов. Однако, как уже говорилось, в этом издании третий том отсутствует.

Наша новая публикация представляет читателю все три части «Методологии истории», что позволяет яснее представить авторскую концепцию и соотношение в ней методологии источниковедения и методологии исторического построения. Первые две части публикуются по изданию 1910–1913 гг., где они представлены более полно, нежели в первоначальном варианте. Третья часть публикуется по изданию 1909 г.

Первоначальное издание 1907–1909 гг. носило другое название. Работа называлась «Теоретическая методология истории». Это название, вероятно, лучше отвечало замыслу самого автора. Имеется свидетельство (А. Е. Преснякова), что название курса, который в Университете читал Лаппо-Данилевский, – «Методология истории», ему не представлялось удачным и было дано не им самим, а администрацией факультета (историко-филологического факультета Петербургского университета, где курс и был поставлен). Однако, коль скоро это произошло, ученый читал курс «Методологии истории», то и название издания 1910–1913 гг. было им дано уже в соответствии с этим реальным фактом.

Разумеется, соединяя части из двух разных изданий, публикаторы отмечают, что возможны некоторые редакционные, стилистические, композиционные несогласования. Однако и преимущества такого объединения несомненны. Яснее становится замысел ученого и соотношение теории истории,

⁹⁰⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории, читанным студентам Петербургского университета в 1906/7 учебном году. СПб., 1907. Ч. 1: Теория исторического знания. 305 с.: ил.; СПб., 1908. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 1: Методология источниковедения. 295 с.; СПб., 1909. Ч. 2: Методы исторического изучения, отд. 2: Методология исторического построения. 251 с.

⁹⁰⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.

методологии источниковедения и исторического построения. Возможности более глубокой интерпретации концепции существенно возрастают.

Применительно к ситуации научного наследия ученого его коллеги выполнили образцово первый этап этой работы⁹⁰⁹. Они опубликовали полный список трудов ученого, а также обзор основных тематических групп материалов его огромного архива.

Они анализировали главные черты его философской концепции (А. Е. Пресняков⁹¹⁰, Н. Д. Кондратьев, Т. И. Райнов⁹¹¹), личности (И. М. Гревс)⁹¹², академической деятельности (С. Ф. Ольденбург)⁹¹³, педагогической работы (С. Н. Валк, Б. А. Романов, ранее – Райнов), использование методов социологии, права (Н. Д. Болдырев, Г. В. Вернадский, позже П. А. Сорокин), пытались переиздать его основной труд (А. И. Андреев). Ими было показано, что концепция методологии истории – главное достижение в творчестве ученого, и что она не только изложена в «Методологии истории», но последовательно применена на материале цельного корпуса источников – частноправовых актов, которые показаны методом источниковедения и методом исторического построения, т. е. как феномен функционирования частноправовых актов и, следовательно, отражение уровня правовой культуры русского общества. Заслуга данной интерпретации «Очерков русской дипломатики», образца применения системы методологии истории к конкретной исследовательской ситуации, принадлежит С. Н. Валку. Коллеги и ученики сделали все, что могли,

⁹⁰⁹ Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского / Ред. изд. А. И. Андреев. Л., 1929. 58 с.

⁹¹⁰ *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922. 94 с. (Биогр. б-ка).

⁹¹¹ *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 3. С. 44–57.

⁹¹² *Гревс И. М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 44–81.

⁹¹³ *Ольденбург С. Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 164–180.

для раскрытия теоретико-методологической концепции Лаппо-Данилевского. Для последующих поколений открылась возможность лучше понять тот тип научной культуры и научного сообщества, который сформировал концепцию Лаппо-Данилевского и сам испытал его культурное влияние.

3. Концептуальное единство деятельности ученого

Отметим здесь те аспекты научной деятельности ученого, которые позволяют лучше понять замысел и идею его основного труда по теории и методологии исторического знания.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (13/27 января 1863 – 7 февраля 1919 г.) – исследователь теории и методологии гуманитарного знания, мыслитель и историк, автор ряда трудов по истории государства и политической системы России, права и правового сознания, становления и развития научной мысли, причем не только гуманитарной, но и естественнонаучной. Он окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета (1886) и был оставлен при кафедре русской истории для приготовления к профессорскому званию. Магистерская диссертация была посвящена теме «Организация прямого обложения в Московском государстве», что сразу выявило преимущественный интерес ученого к проблематике системного подхода, к феномену власти, политической системы и организации управления. Лаппо-Данилевского интересует не только динамика исторического развития явления, но и его структурно-системная организация. Эта особая и для историка непривычная направленность исследовательского подхода не укрылась от внимательного рецензента труда, каким был П. Н. Милюков, и он в критической форме отразил это свое впечатление. Отметим сразу, что определенную настороженность, а подчас и прямое неприятие своеобразного подхода к историческим явлениям со стороны его коллег, можно проследить на всем протяжении творчества ученого.

Рано проявилась в научной деятельности Лаппо-Данилевского особая «теоретическая и методологическая ориентация всего его отношения к исторической науке», которую

справедливо отмечает такой аналитик его творчества как А. Е. Пресняков⁹¹⁴. Он сообщает, в частности (по личным впечатлениям слушателя семинаров и участника методологических дискуссий молодых коллег по факультету), что Лаппо-Данилевский с 1897–1898 гг. вел занятия – по методологии истории, «по теории обществоведения, вернее сказать», а с 1906 г. обязательный курс методологии истории. Лаппо-Данилевский на факультете читал лекционные курсы и вел семинарские занятия по проблематике истории сословий и другим проблемам истории России XVIII в., по историографии, по дипломатике русского частного акта. Курс «Методологии истории» он преподавал с 1906 г., причем, как вспоминает Пресняков, это название ученый не считал удачным, и был немало огорчен тем, что руководство факультета не согласовало с ним это название. Смысл этой неудовлетворенности Пресняков не объясняет, но, по-видимому, речь идет о том, что курс был посвящен теории исторического знания, – именно теория дает подлинное основание для разработки методологии – как пути достижения поставленной теорией цели познания. Таким образом, в качестве системообразующей черты личного творчества ученого выступает его устремленность к исследованию проблем теории исторического знания. Занятия конкретной проблематикой истории России в мировом историческом процессе, историей науки и проблемами дипломатики служили для него конкретным экспериментальным материалом. Они позволяли ему выявлять принципы системности и организации в ходе исторического процесса, российского прежде всего, интерпретировать который он считал возможным лишь в контексте мировой истории человечества в целом. Эта теоретико-методологическая устремленность далеко выходила за пределы менталитета научного сообщества историков его времени, и ставила идеи ученого (как точно заметил С. Н. Валк) «вне сферы господствующих русских исторических направлений» его эпохи⁹¹⁵.

⁹¹⁴ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 67.

⁹¹⁵ Валк С. Н. Указ. соч. С. 258.

Пространство, в котором функционировала творческая мысль ученого, это – метадисциплинарное пространство гуманитарного знания. Для того чтобы, по выражению Валка, «приобщиться к его идеям», нужна была особая «высота научного уровня». Этот метаяровень отличает как самого ученого, так и весь круг близких ему мыслителей. «Совокупность этих занятий [по методологии истории. – О. М.] создавала в университете особую школу по философии общественных наук, значительную и влиятельную по ее воздействию на молодые поколения, выходявшую при том за пределы историко-филологического факультета»⁹¹⁶. Есть, с другой стороны, свидетельства о влиянии ученого на Петербургских философов молодого поколения: «Кажется, никого нет среди философов молодых поколений в Петербурге, кто бы не прошел через его школу»⁹¹⁷.

Направленность на формирование строгой науки определила еще одну характерную особенность Лаппо-Данилевского как ученого. Он хорошо понимал, что наука не есть достижение одной, пусть и выдающейся личности, но, прежде всего, она характеризуется состоянием научного сообщества, особого этоса науки. Поэтому он не жалел усилий для научно-организационных мер по созданию такого научного сообщества. Эта направленность объясняет его кипучую и разнонаправленную деятельность в качестве академика. В 1899 г. ученый стал адъюнктом Академии наук, затем экстраординарным, а с февраля 1905 г. – ординарным академиком. Огромные усилия Лаппо-Данилевский предпринимал для укрепления связей русской науки с международной. Сам он являлся членом Международной ассоциации Академий, Международного социологического института, был активным участником всех Международных конгрессов историков, происходивших в его время. В докладе Академии наук о конгрессе историков в Берлине (1908) он особо выделил деятельность секции методологии истории, раскрыв направление дискуссий по проблематике

⁹¹⁶ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 31.

⁹¹⁷ Болдырев Н. В. А. С. Лаппо-Данилевский: [Некролог] // Мысль: Журн. Петербургского филос. о-ва / Под ред. Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского. Пб., 1922. № 1. С. 152.

классификации исторических источников и методов вспомогательных дисциплин истории. На Международном конгрессе в Лондоне (1913) он выступал с докладом о русской политической мысли, отношениях общества и государства в России. По его предложению Лондонский конгресс принял решение о проведении очередного конгресса историков в Петербурге. Ученый встал во главе научно-организационной деятельности по подготовке этого конгресса, намеченного на 1918 г. По свидетельству ученого секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга, Лаппо-Данилевский «хотел сделать этот конгресс образцовым»⁹¹⁸. На нем, в частности, должен был быть решен вопрос о признании русского языка языком международного общения. Начало Первой мировой войны нарушило планы проведения Международного конгресса, но научное общение прервалось не сразу. В 1916 г. Александр Сергеевич в составе группы русских ученых и общественных деятелей посетил Англию. Здесь он выступал в университетах, с докладом о русской науке⁹¹⁹. В Кембридже ему было присвоено звание почетного доктора права.

Лаппо-Данилевский был одним из членов-учредителей Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского, созданного в 1916 г. при активном участии П. А. Сорокина. Работу по институционализации русской социологии он пытался продолжать и в послеоктябрьский период. Лаппо-Данилевский возглавил проект создания в рамках Академии наук Института социологии (1918), цель которого видел в изучении важных проблем общественной жизни: экономики, статистики, юриспруденции, государствоведения. Однако, этому начинанию не суждено было осуществиться. Социалистическая академия М. Н. Покровского, рассмотрев проект, дала резко отрицательную оценку и отклонила его в августе 1918 г. Одним из важных аспектов деятельности ученого в послеоктябрьский период стало его активное участие в преподавании на Архивных курсах⁹²⁰. Результатом стал новый труд, продолживший и в известной мере завершивший многолетнюю работу над пробле-

⁹¹⁸ *Ольденбург С. Ф.* Указ. соч. С. 164.

⁹¹⁹ *Лаппо-Данилевский А. С.* The development of Science and Learning in Russia // Russian Realities and Problems / Ed. by J. D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.

⁹²⁰ См. об этом: *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 40–42, 88–90.

мами дипломатики частных актов, он был подготовлен к печати уже учениками академика и вышел в свет в 1920 г.⁹²¹

Формирование научного сообщества историков, социологов, архивистов (ученый был председателем Союза архивных деятелей) для Лаппо-Данилевского было одной из главных целей. Он понимал, что высокопрофессиональное, методологически ориентированное и этически единое научное сообщество является необходимым условием функционирования строгого гуманитарного знания. Эта идея вдохновляла и его уникальную по ее содержательной стороне и результатам педагогическую деятельность. В воспоминаниях современников и учеников эта сторона творчества Лаппо-Данилевского освещена с особой яркостью. Об этом писали С. Н. Валк, А. И. Андреев, Г. В. Вернадский, Б. А. Романов, Б. Д. Греков, Т. И. Райнов. Характерно, что его основной труд «Методология истории» известен нам не в виде ученого сочинения, но именно в виде учебного издания, курса лекций. В этом отражается, на наш взгляд, то особое внимание к формированию научного сообщества – и его профессионализма, и особого этоса общения.

Лаппо-Данилевский создал особый научный кружок, отличительной особенностью которого как раз и является, говоря словами Гуссерля, – функционирование «некоторого познавательного сообщества, живущего в единстве общей ответственности»⁹²². Каждый исследователь, если он удовлетворяет основным требованиям профессионализма и этоса общей ответственности, находит свое место в подобном сообществе. «Воспоминания ученика» С. Н. Валка⁹²³ хорошо передают эту атмосферу особого равенства в реализации собственных возможностей каждого из участников. Валк вспоминает, что в кружке, члены которого изучали единый корпус русских частных актов, были три различные категории молодых исследователей. Одни создавали,

⁹²¹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов: Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском Археологическом Институте в 1918 году / Предисл. А. И. Андреева (с. 1). Пг., 1920. [2], 189 с.

⁹²² *Гуссерль Э.* Начало геометрии // *Гуссерль Э.* Начало геометрии / Введ. Ж. Деррида. М., 1996. С. 223.

⁹²³ Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 189–200.

согласно своим склонностям, эвристическую модель объекта. Они формировали то, что можно назвать «банком данных», – отыскивая в архивах и фиксируя в едином формате частные акты. Другие представляли группу исследователей, стремящуюся использовать акты как средство познания, как источник для извлечения ценной информации из частных актов. И, наконец, третьи – склонные к теоретическому, обобщающему подходу, поднимались на уровень осмысления актов как феномена культуры своего времени – правового сознания русского общества в его структурах повседневной трудовой жизни. То, что Валк писал о кружковцах и их работе, составляет своего рода прообраз состава любого истинного научного сообщества. В свою очередь, каждый из его членов получает творческий импульс для самодостаточного творчества. Вот только один из кружковцев: «...тот, что постоянно смешал нас своими выходками», которого Валк по вполне понятным причинам не называет по имени, а только по прозвищу – «Грубка», – есть не кто иной, как П. А. Сорокин, выбравшийся из Советской России в 1920 г. и ставший, как известно, классиком американской социологии.

Итак, идеал Лаппо-Данилевского – сообщество ученых, истинное и разделяющее единство общей ответственности перед обществом, перед наукой. Именно эта ценностная ориентация заставляет его поступаться собственным временем для создания научных трудов, оставляя многое не окончательно завершенным.

4. Мегадисциплинарный уровень концепции и ее философская цельность

Проблематика научных занятий Лаппо-Данилевского на первый взгляд удивляет своим разнообразием. В этом исследовательском пространстве не прослеживается хронологических, региональных, тематических самоограничений: скифские древности, организация налоговой системы Московского государства, русская историческая мысль от нового до новейшего времени, формирование сословий в России, служилые кабалы позднейшего типа – таковы лишь некоторые проблемы, в исследование которых ученый вносит свой вклад. Обращает на себя внимание и широта диапазона исследовательских уровней:

от сугубой конкретики – публикации источников, исследования археологических, вещественных памятников и архивоведческих практических задач (например, деятельности архивных ученых комиссий) до философских обобщений по проблемам эпистемологии исторического познания.

Ученый преодолевает ограничения узкопредметной области, будь то историческая наука, социология или психология. И, вместе с тем, верно настойчивое утверждение наиболее вдумчивых интерпретаторов творчества Лаппо-Данилевского о его внутреннем единстве. По мере углубления в содержательную сторону его трудов возникает все более отчетливое впечатление, что все области научной, научно-практической и педагогической деятельности разнонаправленны лишь внешне, а на самом деле – они определенным образом целостны, будучи связанными между собою не столько на предметном, на хронологическом или региональном конкретном уровне, но на уровне метадисциплинарной, философской целостности. Свободное движение в едином информационном пространстве гуманитарного знания, пределы которого, с одной стороны, обозначены фрагментом эмпирической реальности археологического артефакта во всей его убедительной вещественности, и, с другой стороны – открыты для постижения бесконечности интерпретаций исторического, общечеловеческого целого.

Ученый действительно воспринимает фрагмент реальности, «исторический остаток» как часть единого целого, и его исследовательская цель в том и состоит, чтобы увидеть во фрагменте следы его принадлежности к целому своей культуры. Интересно, что этот подход угадывается уже в ранней работе ученого, посвященной скифским древностям⁹²⁴. В ней молодой историк рассматривает археологические данные, придерживаясь «строгой фактической почвы», но не ради их самих, но для воссоздания той самой культуры, частью которой они являлись. Вначале им

⁹²⁴ *Лаппо-Данилевский А. С.* Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1887. Т. 4. С. 352–543. (Отдельное изд.: *Лаппо-Данилевский А. С.* Скифские древности: Исследование А. Лаппо-Данилевского. СПб., 1887. 195 с.: ил.)

воссоздается бытовая последовательность древних скифов (занятия, пища, жилище, одежда, вооружение, утварь), за нею – выявляется более сложный уровень культуры – «обычай, семейные и общественные отношения скифов» и, далее, «умственное и религиозно-нравственное развитие древне-скифских племен», культурное развитие скифов, нашедшее отражение «во внешних проявлениях быта». Мы упоминаем здесь о работе молодого ученого, к тому же встреченной профессиональными археологами достаточно скептически, для того, чтобы показать смысл его подхода. Цель, которую он ставит перед собой, – выработать особую методологию движения от вещественности фрагмента к его осмыслению как феномена, явления культуры и далее – перейти к интерпретации самой культуры как некоей своеобразной целостности. «...Мы старались, – писал молодой ученый, – изобразить условия, среди которых жизнь эта развивалась, и те обстоятельства, которые способствовали ее развитию; затем пытались представить эту жизнь во всех ее проявлениях и, наконец, обрисовать духовные силы, ее оживлявшие, и степень развития, на которой они находились сравнительно с другими народами»⁹²⁵. В этой ранней работе уже выражена главная цель исследователя и будущего методолога: придерживаясь «строго фактической почвы», шаг за шагом наметить путь к воссозданию целого культуры.

Характерно, что первая по времени создания работа – о скифских древностях – и последняя работа, подготовленная к выходу в свет уже учениками Лаппо-Данилевского, связаны между собою общей идеей феноменологии культуры. Работа «Скифские древности» – не методологическая, но сугубо конкретная. Она посвящена проблеме воссоздания культуры скифов на основании фрагментарных, прежде всего археологических источников. Но сама идея – движения от фрагмента реальности к целому культуре явственно осознается молодым ученым, разъясняется им в тексте, реализуется в структуре и содержании работы.

Что же касается последней работы – «Очерки русской дипломатики частных актов», то она, как это хорошо показал

⁹²⁵ Там же. С. 352.

С. Н. Валк, представляет собой не что иное, как применение принципов методологии истории (исторического источниковедения и исторического построения) к корпусу русских частных актов. На этом конкретном материале русские частные акты воссоздаются как явление культуры, как правовой феномен своего времени. И затем наступает время для столь же логического, но направленного на воссоздание самой культуры исследовательского этапа – исторического построения.

Принимая идею целостности всего наследия Лаппо-Данилевского как реализации единых принципов теории, методологии и даже техники (говоря словами Преснякова) истории, необходимо прежде всего понять его философскую основу. В своем творческом развитии ученый испытал влияние позитивизма О. Конта, неокантианства Виндельбанда-Риккерта и затем, творчески осмысливая и преодолевая это влияние, создал оригинальную феноменологическую концепцию. В завершенном виде эта концепция обнаруживает определенные совпадения с идеями раннего Э. Гуссерля и, в тоже время, выступает как завершенная феноменологическая концепция философии истории как строгой науки.

Научное творчество А. С. Лаппо-Данилевского – философские, конкретно-исторические, методологические труды, его педагогическая практика в Петербургском университете и Историко-филологическом институте, его научно-организационная деятельность в Академии наук составляют единое целое, в котором ни одно произведение – монография, доклад на Международном конгрессе историков, академическая программа или проект – не могут быть адекватно интерпретированы вне этого целого. Анализируя философскую основу творчества ученого, – преодоление контовского позитивизма, отношение к риккерттианству, феноменологию, один из наиболее глубоких его интерпретаторов – А. Е. Пресняков – подчеркивал, что «основной задачей этого философствования всегда оставалось построение теории исторического знания»⁹²⁶. Феноменологическая концепция исторического знания была вполне сознательно и

⁹²⁶ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 65.

последовательно развернута как системная методология. Естественно, что теория исторического знания как главная цель, выраженная в многообразных по проблематике и по жанрам трудах, вызывает со стороны представителей гуманитарного знания особый интерес. Лаппо-Данилевский и его последователи вполне разделяли феноменологические представления о гуманитарном знании как знании, способном обеспечивать строгую научность. «Работа ученого должна быть насквозь сознательной и планомерной – таково основное требование методологии; для этого необходимо изучение этой работы в ее приемах, методах и задачах; необходима тщательная, детальная разработка ее техники», – отмечал А. Е. Пресняков⁹²⁷. Методологическая устремленность А. С. Лаппо-Данилевского глубоко отразилась и на его личной исследовательской работе и на его преподавании. Те, кто обращался к изучению «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, убедились в том, что текст этой книги обладает удивительным свойством пробуждать в читателе его собственный творческий импульс. Но познавательный потенциал этого классического труда до сих пор не раскрыт еще достаточно полно.

Создание целостной концепции теории исторического знания стало возможным на философском, междисциплинарном, уровне, на уровне обобщения трех типов социо-культурных практик мыслителя. Это – его собственный исследовательский опыт конкретного изучения культурных объектов (опыт историка, археолога, архивиста, источниковеда, публикатора, правоведа, искусствоведа); это, далее, опыт непосредственного взаимодействия с познавательным процессом других людей и рефлексия над этим опытом – психолога, педагога, лектора, администратора, активного участника научных сообществ. И, наконец, опыт рефлексии над теоретико-познавательными идеями, философскими направлениями, с различных позиций подходящими к ключевым проблемам эпистемологии гуманитарного познания. Все эти компоненты полно и разнообразно реализованы в деятельности Лаппо-Данилевского как мыслите-

⁹²⁷ Там же. С. 64.

ля, академика, педагога и ученого. Он – исследователь крупных проблем исторической науки, практик-источниковед и организатор культурных программ и исследовательских инициатив в области публикации исторических источников, архивного дела, письменных, изобразительных, вещественных источников, интерпретатор культурных объектов, созданных в ходе развития отечественной и мировой истории. Он, несомненно, выдающийся педагог, создатель уникальной по высоте научного и нравственного уровня школы. Полно представлена в его деятельности рефлексия над теоретико-методологическими идеями гуманитарного познания как прошлого, так и современности. Одно из постоянных направлений работы – систематический анализ развития методологии истории, ряда смежных областей науки и преподавания, новых исследований и учебных изданий, вышедших в России и на Западе.

От фрагмента реальности, «исторического остатка», даже археологического артефакта ученый вначале конкретно (как в работе о скифских древностях), а далее – все более и более философски продуманно – продвигается к воссозданию данного фрагмента как явления в его завершенности, в его первоначальном замысле, в его функциональных свойствах. И от явления движется к воссозданию целого культуры – культуры как части системы мирового целого, в котором человечество составляет, конечно, часть, но часть особую, специфическую, одаренную сознанием. Это, несомненно, подход феноменолога, историка-философа, умеющего мыслить в метадисциплинарном исследовательском пространстве.

На раннем этапе становления ученого можно говорить о влиянии на него позитивизма О. Конта. Он высоко ценит эмпирику конкретного объекта, методику и технику археолога, документоведа, архивиста, эмоционально переживает общение с памятником истории, архитектуры, различая, в частности, воздействие на наблюдателя источников изображающих и обозначающих. Становление собственной философской концепции связано в творчестве Лаппо-Данилевского с преодолением позитивизма Конта. Для него несомненный интерес всегда представляла идея фундаментальной общей основы наук, – определенного равенства

возможностей познания природы и общества. И, в то же время, вполне очевидна невозможность решения проблем гуманитарного познания путем перенесения в науки о человеке, обществе упрощенных, механистических трактовок. Преодолению контовского позитивизма посвящена специальная работа Лаппо-Данилевского «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», о которой его биограф А. Е. Пресняков писал, что в ней Лаппо-Данилевский осуществил «расчет свой с позитивизмом»⁹²⁸. Для ученого актуальна идея «великой индивидуальности человечества», но не как идеи, подавляющей индивида, личность. Для Лаппо-Данилевского, напротив, всегда важна идея личности, оказывающей решающее влияние на тот универсум, частью которого она является⁹²⁹. В этике ученого и всего его научного окружения прослеживается влияние социологических и особенно этических воззрений на личность в духе Н. К. Михайловского. «Воздействие индивидуальности на среду», именно результативное воздействие (выражающееся, в частности, в создании культурного объекта, интеллектуального продукта) – ключевая общая идея А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Вернадского. В качестве «индивидуальности» может выступать и «коллективное лицо», «поскольку оно в каком-либо отношении может быть представлено в виде индивидуальности». «Это может быть, – разъясняет Лаппо-Данилевский, – группа народов между собою родственных, или государств, или отдельный народ или союз, или, наконец, отдельное физическое лицо». В наиболее широком смысле, указывал Александр Сергеевич, под «индивидуальностью» можно разуметь и человечество, поскольку оно в качестве носителя сознания воздействует на окружающую его среду, и это воздействие можно, по его мысли, признавать «главным историческим фактом обни-

⁹²⁸ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 65.

⁹²⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П. И. Новгородцева. М., 1902. (Отд. изд.: М., 1902. 98 с.; переизд. в: Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П. И. Новгородцева. М., 2002. 894 с. (Исслед. по ист. рус. мысли; Т. 8).

мающим все остальные» (Т. 1. С. 354). Эта новая, в сравнении с природной, созидаящая деятельность, недоступная другим живым существам, формирует и новую реальность и, в то же время, сама служит способом самовыражения для человечества. В подобном, близком к идее Лаппо-Данилевского смысле, В. И. Вернадский говорит о творчестве разумного человечества как особой «геологической силе», преобразующей планету и ее окружающую среду.

В каком смысле Лаппо-Данилевский производит свой «расчет» с позитивизмом? Здесь мы находим ключ к своеобразию философской концепции Лаппо-Данилевского. Этот вопрос о том, каковы должны быть методы гуманитарных наук, чтобы охватить, познать новую реальность. Ответ на этот вопрос определил развитие главных теоретико-познавательных парадигм XX в.

Мировое научное сообщество рубежа XIX–XX вв. вплотную подошло (через данные своих предметных областей) к пониманию того, что традиционные познавательные методы позитивизма недостаточны для осмысления новой реальности. Для гуманитариев это реальность глобального, информационного мира человечества, индустриального, информационного общества.

Преодоление позитивизма Конта означало в этих условиях признание того факта, что методологии естественных наук не могут быть перенесены на познание гуманитарного пространства культуры. Об этом пишет и Лаппо-Данилевский в работе о социологической доктрине Конта. Человеческую жизнь, пишет ученый, Конт хотел «без остатка объяснить действием механических процессов». Но невозможно механически перенести методы изучения природы на область культуры. Конту не удалось построить ни «биологической психологии», ни «социальной физики»⁹³⁰. Именно поэтому Лаппо-Данилевский в

⁹³⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П. И. Новгородцева. М., 2002. С. 793. (Исслед. по ист. рус. мысли; Т. 8).

«Методологии истории» акцентирует принципиальное различие природы и культуры. Он подчеркивает, что «произведения природы» и «произведения человека» следует четко различать. Одни возникли под влиянием природных сил, другие же – созданы человеком целенаправленно и осознанно. Этот принципиальный момент выступает как обоснование возможности познания человека, его внутреннего мира, овеященного в интеллектуальном продукте, историческом источнике.

Но не менее важно для Лаппо-Данилевского подчеркнуть и другое. Различие существует, оно несомненно, но это различие системных качеств единого объекта – мирового целого. Единство и системность мирового целого есть то принципиально общее, что исключает абсолютизацию частей, абсолютизацию специфики природы и человечества, а следовательно, и абсолютизацию специфичности методологии исследования. В этом, системном, подходе к предельному понятию объекта – мирового целого Лаппо-Данилевский выступает как феноменолог. Именно феноменология, а не неокантианство составляют единство и целостность его концепции, его мировоззрения. Абсолютизация этого различия приведет, как известно, к идеям неокантианства, к альтернативе наук о природе и наук о культуре. В отдельных работах к этому направлению иногда относят и Лаппо-Данилевского. Важно, поэтому, рассмотреть этот вопрос внимательно. И не только потому, что следует правильно интерпретировать систему взглядов основателя методологии истории в ее феноменологической парадигме, каковым был Лаппо-Данилевский. Гораздо важнее понять, что, собственно, произошло в начале XX в. в научном сообществе, и какие следствия это имело для истории науки и общества.

Итак, было очевидно, что ни социальной физики, ни биологической психологии создать невозможно. Очевидно, что человечество и культура – явления принципиально более сложные, поскольку в отличие не только от «элементарных частиц», но и от «живого вещества» человечество одарено сознанием, волей, свободой выбора. А следовательно, степень разнообразия в мире культуры неизмеримо возрастает и не поддается, по-

видимому, прогнозированию. Неокантианская философия разрушила гордиев узел проблем, «разведя» науки о природе и науки о культуре. Первые – ориентируются преимущественно на изучение повторяемостей (номотетические науки), вторые – на изучение специфики (идиографические науки), с соответственным различением и их методологий. Каждая из предметных областей науки принялась решать собственные проблемы отдельно от других.

Научное сообщество позитивистского типа распалось, а образ других наук способствовал дальнейшему расколу. В отличие от «естественных» другие науки представляются «неестественными», – то есть нестрогими. В отличие от «человеческих» – гуманитарных другие оказались «нечеловеческими». Лаппо-Данилевский, Вернадский, несомненно, предвидели такой ход событий в научном сообществе как проявление кризиса (как «кризис европейского научного сознания», по Гуссерлю)⁹³¹. Опыт раздельного существования наук о природе и наук о культуре в XX в. подтвердил их опасения. Наше современное стремление к междисциплинарным контактам можно интерпретировать как осознание этого факта. Весь вопрос, однако, состоит в том, каковы философские основы междисциплинарного сближения. Они невозможны как сближение только лишь предметных областей. Невозможно «объединить» науки о природе и науки о жизни, науки о культуре как предметные области. Возможность существует одна – последовательный выход в метадисциплинарное пространство, осмысление универсалий и различий, повторяемости и специфичности как взаимодополняющих свойств единого предельного целого. Именно эта позиция выступает как общая у Лаппо-Данилевского и его школы, в философии естественных наук Вернадского, феноменологии Э. Гуссерля.

Одной из основных идей в концепции Лаппо-Данилевского является идея синтеза, идея применения к изучаемому объекту

⁹³¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию // Гуссерль Э. Философия как строгая наука... С. 49–100; См. также: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Там же. С. 101–126.

двух различных методов. Один из них направлен на выявление типических, общих черт явления («типизирующий метод»). Другой направлен на изучение его индивидуальных черт («индивидуализирующий» метод): в этом случае исследователь рассматривает прежде всего принципы связи, организации, механизма соотношения отдельных частей объекта. Данный подход сам ученый признает важнейшим, подчеркивая, что, вообще говоря, мир как целое единичен и системен: и потому изучение его частей, их соотношения и принципов действия для историка, для ученого является и единственно возможным. Однако применительно к отдельным историческим явлениям и проблемам он считает возможным именно соединение двух подходов – и типологического, и индивидуализирующего.

В первой, историографической, части своей «Методологии истории» ученый рассматривает представление в мировой гуманитаристике концепции исторического знания, разделяя их по принципу типизирующего, либо индивидуализирующего подходов. Лаппо-Данилевский применяет здесь для этого различения сложившийся в неокантианской философии понятийный аппарат. Он говорит о теории исторического знания, рассматриваемой им с «номотетической и идиографической» точек зрения. Использование данной терминологии свидетельствует о глубокой проработке им классических трудов Виндельбанда и Риккерта. Эта, легко идентифицируемая терминология становится подчас поводом для отождествления философии истории Лаппо-Данилевского с неокантианством.

Использование в «Методологии истории» Лаппо-Данилевского терминологии, введенной в научный оборот неокантианскими методологами, иногда вызывает впечатление, что сам ученый тоже разделяет противопоставление номотетических и идиографических наук. Именно такое впечатление передает Н. Д. Кондратьев в начале своего аналитического разбора теории Лаппо-Данилевского. Однако, по мере углубления в текст книги, в существо взглядов ученого, молодой исследователь более точно раскрывает принципиальное отличие двух философских подходов. Идиографический подход, как

обращение к структурным связям изучаемого феномена, и номотетический, как изучение его типических общих черт, не противопоставляются в «Методологии истории», но выступают как два дополняющих подхода к одному объекту, позволяя охватить его более полно. Как бы убеждаясь, что первое впечатление о принадлежности рассматриваемой концепции к риккертIANской критической школе не подтверждается, Кондратьев завершает разбор вопросом: «Что собственно скрывается за понятием “отнесение к ценности”?»⁹³² (оно, как известно, и составляет главный метод наук о культуре в неокантианской концепции). Разумеется, Лаппо-Данилевский оставляет за историком право выбора актуальной для него проблематики (выбора фактов с «историческим значением», по суждению исследователя), но это не изменяет строгой логики движения мысли ученого от эмпирики наблюдаемого объекта к сущности явления культуры.

В изучении объектов культуры Лаппо-Данилевский применяет два подхода: один позволяет поставить объект в сравнение с другими, выявить типологические, повторяющиеся его черты и свойства. Другой подход ориентирован на его индивидуальные, особенные черты и свойства. Ученый называет эти два подхода соответственно – типологизирующим и индивидуализирующим. Они дополняют друг друга, давая в целом своего рода синтез, – более полное представление об изучаемом объекте как явлении. Эта идея подробно раскрыта в «Методологии истории». Так он классифицировал свою историографию теории исторического знания, которой отведена первая часть «Методологии истории». А в последующих частях ученый излагает свою концепцию, в которой последовательно показано взаимодействие обоих подходов к объекту исторической науки, – эволюционному и коэксистенциальному целому человечества. На это обращает наше внимание биограф Лаппо-Данилевского А. Е. Пресняков. Он пишет, что теория исторического знания рассматривается на противопоставлении «номотетического» и

⁹³² Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 121, 123.

«идиографического» его построения: «...научное знание стремится либо к обобщению данных опыта, либо к их индивидуализированию характерными чертами для выяснения конкретных особенностей изучаемых явлений». Далее Пресняков поясняет: «Было бы, конечно, ошибкой сводить это различие у А. С. Лаппо-Данилевского к заимствованию у Риккерта или Виндельбанда: уже в речи перед магистерским диспутом (в 1890 г.) он говорил о тех же двух основных направлениях исторической мысли – широко обобщающем явления исторической жизни и вырабатывающем индивидуально-конкретные представления о них». Уже тогда было ясно, что речь идет о взаимодополняющих, а не взаимоисключающих способах изучения исторических явлений. «...Причем тогда он пытался установить соответствие этих направлений изучению либо «всеобщей истории», задача которой выяснить «нормы общественного развития, общие всему человечеству», либо «исторического развития отдельной народности, которое стремится к определению ее специфических признаков», – продолжал Пресняков⁹³³.

Итак, в теоретико-познавательном смысле ученый отнюдь не был сторонником альтернативного противопоставления наук о природе и наук о культуре по их методу. Напротив, он проводит весьма последовательную мысль о синтезе, о применении к феноменам культуры обоих типов методов, – в одном случае рассматривающих их типологию, а в другом – выявляющих их индивидуальные, идиографические черты. Понимание Лаппо-Данилевским единства человека и природы в «мировом целом» не оставляет возможности противопоставления целого и части в его феноменологии культуры. Данный подход имел своим важным следствием тот факт в истории мысли XX в., что в России нашли глубокое понимание и развитие идеи феноменологической философии Э. Гуссерля.

Данному научному сообществу были особенно близки идеи Гуссерля о единстве научной методологии, отом, что «метод с самого начала приобретает всеобщий смысл», хотя и имеет дело

⁹³³ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 65–66.

с тем, что «индивидуально и фактуально». Близки позиции Гуссерля и Лаппо-Данилевского о единстве системного объекта науки, которому и соответствует единство научного метода. Этой идеей проникнута «Методология истории», выведенная на уровень своего рода «наукоучения» (по терминологии Гуссерля), которое имеет цель «исследовать находящиеся в нашей власти условия, от которых зависит реализация правильных методов, и установить, с помощью каких методических ухищрений мы можем добиваться истины...»⁹³⁴.

Гуссерль расценил неокантианское разделение наук по их методам как кризис европейского мышления и сосредоточил внимание на выявлении того общего, что делает познание научным. Он подчеркнул свою главную идею характерным названием труда «Философия как строгая наука». В русском переводе этот труд появился в одном из лучших изданий «Логос» (М., 1911. Кн. 1. С. 1–56), на страницах которого мы встречаем имена ученых, при ближайшем участии которых этот Международный ежегодник по философии культуры был издан. Среди них назовем такие имена, как А. И. Введенский, В. И. Вернадский, И. М. Гревс, Б. А. Кистяковский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. О. Лосский, П. Б. Струве, С. Л. Франк, А. А. Чупров. В самом понятии «Логос» выражалось цельное знание, соединяющее понимание и объяснение, анализ и интуицию. Они разделяют идею гуманитарного знания как научного. При всей специфичности гуманитарного познания, феноменологический подход исходит из единства подлинной, синтезирующей, строгой «метанауки», которая должна отвечать критериям объективности, истинности познания, достоверности научных результатов.

В данной связи важно проведенное Гуссерлем различие между мирозерцанием познающего субъекта, его личной картиной мира и объективным научным знанием. Философ пишет: «И подобно тому, как и мирозерцание и наука имеют свои различные источники ценности, так имеют они и свои различные функции и свои различные способы действия и поучения».

⁹³⁴ Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука... С. 196.

Гуссерль считает, что «<...> мирозерцание нужно рассматривать как *habitus* и создание отдельной личности, науку же – как создание коллективного труда исследующих поколений». Русским сторонникам феноменологического подхода должно было быть особенно близко развиваемое Гуссерлем противопоставление ученого глубокомыслия («мудрости») теоретически ясной и четкой позиции подлинного ученого, стремящегося своим трудом уменьшить меру неопределенности и хаотичности в пространстве сложного и многозначного гуманитарного познания. «Глубокомыслие есть знак хаоса, – пишет Гуссерль, – который подлинная наука стремится превратить в космос, в простой, безусловно ясный порядок. Подлинная наука не знает глубокомыслия в пределах своего действительного учения. Каждая часть готовой науки есть некоторая целостная связь умственных поступков, из которых каждый непосредственно ясен и совсем не глубокомыслен. Глубокомыслие есть дело мудрости; отвлеченная понятность и ясность есть дело строгой теории»⁹³⁵.

Для обращения к множественным моделям всемирной истории нужны были новые теоретические подходы. Почти одновременно, в конце XIX – начале XX в., появились неокантианский и феноменологический подходы к проблемам гуманитарного познания.

Неокантианская парадигма связана с именами выдающихся философов Баденской школы – В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Неокантианская парадигма выбирает в качестве руководящего принципа исторического познания антитезу позитивизму. Она утверждает тезис о специфичности гуманитарных наук в отличие от наук естественных, и подчеркивает особую роль субъекта (исследователя) в эпистемологической ситуации познания.

В работах В. Виндельбанда – основателя и главы Баденской школы неокантианства, ректора Страсбургского (тогда – немецкого) университета была впервые обоснована идея принципиального различия предмета и метода наук о природе и наук о культуре: первые – изучают закономерности (это науки номотетические); вторые – изучают индивидуальные, своеобразно свя-

⁹³⁵ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука...* С. 172.

занные явления (это науки идиографические). Г. Риккерт развил и дополнил это противопоставление наук о природе и наук о культуре по их методу, отмечая, что истинная форма познания присуща именно последним. В ходе научной деятельности познающий субъект выделяет в идиографической реальности наиболее существенное, руководствуясь представлениями об истинных, временных, по сути – этических ценностях.

Методологическое обособление послужило стимулом для гуманитарных наук, поскольку оно высвобождало ученых от диктата механистических, упрощенных подходов к общественным явлениям. Акцентировались специфические трудности познания человеческой психологии, жизненного мира, скрытого от наблюдателя.

Обозначенная основателями неокантианства эпистемологическая проблема действительно была центральной. Для профессиональных историков, исследователей культуры она давала возможность преодолеть упрощенность эмпирически ориентированной методологии. Как отмечал позднее Р. Коллингвуд, «это было своего рода сепаратистским движением, движением историков от цивилизации, поработанной естественными науками»⁹³⁶. Конечно, намеченная неокантианским подходом грань между науками о природе и науками о культуре не была абсолютной в интерпретации ее основателей. Однако, по мере проникновения этой идеи в более широкие слои общественного сознания XX в., это разделение абсолютизируется, укореняясь в ходе развития интуитивистских течений, борьбы за преодоление позитивизма в сознании историков. Этому способствовало снижение престижности гуманитарного знания, ставшее явным после Первой мировой войны. Становление информационных наук, имеющее столь значительное влияние на культуру XX в., произошло под знаком технологических приоритетов и не сопровождалось соизмеримыми мощным технологиям гуманитарными идеями, прежде всего – в области фундаментальных понятий. В свою очередь, науки о культуре, по сути отказавшись от сравнительных исследований мира природы и мира

⁹³⁶ Коллингвуд Р.-Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 160.

культуры, искусственно ограничили возможности исследований системного подхода, природы информации, поведения. Стало общепринятым стереотипом представление о неприемлемости для гуманитарных наук общенаучных критериев объективности познания, верификации и общезначимости критериев научного сообщества, воспроизводимости результатов исследования.

Отношение типа «субъект – объект», какой бы из двух составляющих компонентов ни поставить на первое место, не охватывает целиком того познавательного пространства, которое характерно для гуманитарного познания. Необходимо его исследование с позиций феноменологии, когда рассматривается ситуация самодостаточных величин и в центре внимания оказывается сама логика процесса познания – движение познающего субъекта от предметной эмпирики наблюдаемого им объекта к пониманию сущностной природы стоящей за ним реальности. Познавательный импульс при этом должен исходить не столько от мировоззренческих установок и концепций исследователя, но «от вещей и проблем»⁹³⁷. Сам процесс движения мысли от эмпирики объекта к научным абстракциям выступает в качестве общего принципа научного знания вообще, но в гуманитарном познании имеет и свою специфику. Этот процесс движения от эмпирики объекта (произведения, исторического источника) к воссозданию исторической реальности прошлого проанализировал и представил в виде логической системы – методологии истории – А. С. Лапшо-Данилевский. Данный подход позволяет рассматривать процесс гуманитарного познания (познания внутреннего мира другого человека в дильтеевском смысле) как процесс логического исследования, а не интуитивного постижения. В рамках данной методологии базовое значение имеет принцип «признания чужой одушевленности», то есть признание «другого» не просто как иного (так называемая «инаковость»), но прежде всего как равновеликого и самодостаточного индивида, а следовательно, носителя социальной информации. Человек лучше всего выражен в сво-

⁹³⁷ Гуссерль Э. *Философия как строгая наука...* С. 173.

ем сознательно целенаправленном творчестве и создает произведения, служащие, в свою очередь, основным источником гуманитарного познания. Следовательно, в центре внимания оказывается не отношение субъект-объект, но триада: человек – произведение – человек. Этим и объясняется то значение, которое данная феноменологическая парадигма придает понятию произведения, исторического источника, а следовательно, и документа. Развивая данную философскую идею, В. И. Вернадский говорил о преобразовании земли, мира под влиянием целенаправленной осознанной деятельности человечества⁹³⁸. Познавательная ценность данного подхода становится в настоящее время вполне очевидной в свете развития ряда междисциплинарных направлений гуманитарного познания – исторической антропологии, этнологии, наук о языке, семиологии, социологии, исторической географии. Формируется исследовательская проблематика, охватывающая «всего», «тотального» человека. Социологически ориентированная мысль взаимодействует с философской антропологией, стремясь в постоянном диалоге с историей и философией изучать «общество как часть человеческого мира, как созданное людьми, ими населяемое, и в свою очередь создающее людей в непрерывном историческом процессе»⁹³⁹.

5. Системность мира и системная методология науки о человеке. Методология источниковедения и методология исторического построения

Идею целостности научного познания и единства естественнонаучного и гуманитарного познания разделял с Лаппо-Данилевским его единомышленник В. И. Вернадский. Взгляды обоих ученых объединяет идея целостности и единства науки и

⁹³⁸ Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 63–201.

⁹³⁹ Об этом см.: Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 302.

ее объекта – мирового целого, в котором человечество составляет особую, наделенную сознанием часть. Науки о природе изучают мировое целое, в свою очередь исходя из того, что в нем существует разумное человечество. Сознательная, разумная человеческая деятельность выступает как преобразующая природу сила. В этом состоит один из принципиальных постулатов естественнонаучной концепции Вернадского. Единство гуманитарного и естественнонаучного знания, противостоящее альтернативному обособлению наук о природе и наук о культуре, важно в равной мере как для ученого-гуманитария, так и для исследователя природных явлений. «Благодаря историческому ходу развития мысли натуралист нередко выключает человека из других явлений природы, привыкает противопоставлять природу и человека и благодаря этому в значительной степени искажает то представление о природе, которое лежит в основе его научной работы»⁹⁴⁰.

Значение идей Вернадского и Лаппо-Данилевского возможно более полно раскрыть при условии взаимосвязанного рассмотрения их общепhilosophической основы. В качестве ключевых выступают здесь идеи разумной творческой деятельности человечества, формирующей рукотворную окружающую среду. Человечество – не просто часть «живого вещества» вселенной, но и ее творческая, преобразующая, наделенная сознанием часть.

В процессе целенаправленной человеческой деятельности создаются произведения, они, в свою очередь, выступают как источники познания, реально существующие объекты, доступные для научного исследования. «А в первых [редакциях «Методологии истории». – О. М.], – писал один из интерпретаторов философских взглядов Лаппо-Данилевского, А. Е. Пресняков, – он <...> говорил “о космическом смысле социального развития”, о предельном моменте исторического процесса – “реорганизации вселенной”, т. е. мирового целого, сознательным воздействием “великой индивидуальности” человечества». Пресняков отмечал в этой связи созвучие идей ученого «подви-

⁹⁴⁰ Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М., 1994. С. 49.

гам мощного теоретического обобщения»⁹⁴¹. Еще более очевидно и подтверждено многими документальными свидетельствами научное общение и взаимное духовное влияние Лаппо-Данилевского и Вернадского. В данном культурном единстве философская парадигма Вернадского получает более полную и точную интерпретацию. Объединяет взгляды обоих ученых их представление о связи науки и жизни, о необходимости работать для культурного роста личности и народа, о чем неоднократно писал Вернадский. Историк и исследователь культуры И. М. Гревс в статье о Лаппо-Данилевском, которую он назвал «Опыт истолкования души», писал о том, что его друг был «убежденным представителем так называемого исторического идеализма, т. е. такой концепции истории, которая движущую, творческую силу ее процесса видит в человеческих сознаниях и, стало быть, активным носителем в нем движения определяет человеческую личность, индивидуальную и коллективную, в ее разуме и свободе»⁹⁴².

Методология истории (по существу являющаяся методологией любого гуманитарного исследования) Лаппо-Данилевского цельна и поэтому проста в общем ее изложении: действительно существуют фрагменты реальности («доступные чувственному восприятию»), изначальная системность мирового целого и человеческой деятельности в нем позволяют отыскать в этих фрагментах следы их системного качества, выявить их во всей возможной полноте (методология источниковедения); в результате эмпирические фрагменты выступают на свет как явления, феномены культуры. Тогда наступает время синтеза культуры: если в ней стал возможен подобный (данный) феномен, то возможно логически выстроить и самое целое культуры (методология исторического построения).

Каковы же главные компоненты концепции – ее феноменология и основанная на ней система исследовательских методов

⁹⁴¹ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский... С. 57, 93. А. Е. Пресняков говорил о «трудах Лобачевского и Чебышева, Менделеева, Гадолина и Серг. Трубецкого, а также представителей «материалистического монизма» Плеханова и Ленина».

⁹⁴² Гревс И. М. Указ. соч. С. 81.

гуманитарного познания? Фундаментальный постулат – представление о системном характере объекта научного исследования. Предельным является понятие о мировом целом. Действительность представляется «как бы в виде единого целого, которое вмещает в себя все ее части, связанные между собою, в котором каждая из них находит свое положение». «Понятие о мировом целом – предельное», подчеркивал ученый, историк же «рассуждает не о мире как о целом, и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно тою индивидуальной частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, воздействующая, в качестве таковой, на мировое целое и в зависимости от него действующая» (Т. 1. С. 361). Таким образом, для гуманитария возникает возможность рассматривать человечество как особую подсистему в масштабах мирового целого, а для представителя естественных наук – мыслить о природе, в которой возникает жизнь, «живое вещество», а потом и человечество, воздействующее на мировое целое создаваемой в сфере разума новой реальностью – ноосферой. Идеи В. И. Вернадского и А. С. Лаппо-Данилевского фундаментально родственны в своей основе, и интерпретировать эти идеи вне данной общности невозможно.

Человечество, таким образом, выступает как подсистема мирового целого. Оно обладает реальным единством состава («реальное единство состава этого целого – история человечества»). Оно обладает системообразующим признаком – сознанием. Человечество, в свою очередь, рассматривается как целое («коэксистенциальное» и «эволюционное целое»): «Развитие человечества представляется нам, однако, не разрозненными фактами, и даже не группами и сериями их, а единым непрерывным процессом, звенья которого связаны изнутри, т. е. образуются не в одной только зависимости от внешнего воздействия такой индивидуальности на окружающую среду, или от действия на нее среды; человечество является, конечно, индивидуальной частью, все более воздействующей на мировое целое, но, вместе с тем, взятое в одном из временных состояний своей культуры, оно же становится частью, образующей все с

большей сознательностью и то историческое целое, которое, по содержанию своему, оказывается историей человечества и получает приписываемое ему значение в его взаимодействии с мировым целым» (Т. 1. С. 363). Возрастающее воздействие человечества на мировое целое становится, в свою очередь, у Вернадского одним из главных направлений общемирового развития. Самодостаточность наук, в том числе и наук о человеке, о его сознательной деятельности, еще более отчетливо выступает, когда рассматривается их реальный, эмпирически данный объект. Человек реализует себя, свое сознание через творчество, он творец, создатель интеллектуального продукта. Через него он и может быть познан, понят другим человеком (постулат «признания чужой одушевленности»). Так ученый логически выводит ключевое понятие – исторического источника. «Источник есть реализованный продукт человеческой психики» – в том смысле, что это продукт целенаправленной, осознанной деятельности человека. Источник реально существует, он доступен «чувственному восприятию» и, следовательно, выступает как факт реальности.

Творчество рассматривается как системообразующее, специфическое свойство именно человека, и также является средством для его самовыражения и его идентификации, познания, существенное значение приобретает степень реализованности (завершенности) продукта творчества. Она, разумеется, может быть различна.

Высшей степенью целенаправленной, осознанной деятельности становится научное творчество, наука, а вместе с нею и личность ученого. Завершенный творческий продукт выступает как источник познания, как источник для идентификации индивидуальности любого типа, – будь то индивидуальная личность, или «коллективная индивидуальность». Это необычное понятие, несущее в себе, на первый взгляд, противоречие, на самом деле в рамках данной концепции вполне определено: источник может выражать особенности типа культуры и специфику личности. Эту черту концепции Лаппо-Данилевского одним из первых понял Н. Д. Кондратьев. Он подчеркивал

идею творчества: «...включенная в целое индивидуальность не теряет присущего ей своеобразия и незаменимости», при этом творчество выступает как ее самовыражение. В данном случае не менее важен для Кондратьева и принцип системности связи. Он применяет понятие «консенсус» как «понятие о взаимосвязанности элементов изучаемого исторического целого». Творчество является не только способом самовыражения личности, но и понимания другого, что в рамках данной концепции происходит через «признание чужой одушевленности». «Основным принципом интерпретации, – отмечал Кондратьев, – является единство чужого сознания», и именно поэтому «основным методом интерпретации является метод психологический»⁹⁴³. Особая роль сознания, отрефлексированного через науку, через научное творчество в рамках данной концепции также является ключевой. Это – важнейший принцип для самоидентификации личности, и для идентификации культурного типа – группы, государства, народа. На Международных конгрессах Лаппо-Данилевский избирал темы своих выступлений, связанные с историей научной мысли, историей науки. Ольденбург вспоминал, что перед поездкой в Англию в 1916 г.⁹⁴⁴ Лаппо-Данилевский объяснял другу, почему он выбрал темой своего выступления историю науки в России. Ее главная черта, – считал Лаппо-Данилевский – связь ученого с жизнью, реализация творчества в конкретных условиях жизни. Эту черту он считал характерной для личности русского ученого, – для него нет науки без жизни, вне жизни⁹⁴⁵. Проблематика науки и личности ученого нашла выражение и в творчестве В. И. Вернадского. Тема науки, научного творчества, влияния ученого на окружающую его среду находит видное место в работе Лаппо-Данилевского, Вернадского, Ольденбурга. Академик Лаппо-Данилевский был основателем и первым председателем Комиссии «Русская наука» (1915–1919), его на этом посту сменил

⁹⁴³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 111.

⁹⁴⁴ *Лаппо-Danilevsky A. S.* The development of Science and Learning in Russia...

⁹⁴⁵ Ольденбург С. Ф. Указ. соч. С. 179–180.

С. Ф. Ольденбург (1919–1921), а затем В. И. Вернадский (1921–1929)⁹⁴⁶. В «интегральной социологии» П. А. Сорокина, по праву считающегося одним из основателей такого направления как социология познания, социология науки, эти идеи также нашли свое развитие и продолжение⁹⁴⁷.

Отметим еще один принципиально важный момент: если личное общение людей ограничено временем и пространством, то произведения, целенаправленно и осознанно созданные людьми, несут информацию о своем создателе и, следовательно, дают реальную возможность культурного общения с человечеством, с мировым целым. Произведения – продукт человеческой созидательной деятельности, явление культуры. Система методов его познания и есть предмет методологии источниковедения как цельного и систематического учения об источниках. Лаппо-Данилевский писал: «всякий источник – реализованный продукт человеческой психики, ... он обладает характерными особенностями, отличающими его от произведений природы, вместе с тем оказывается результатом целенаправленной деятельности человека или намеренным его продуктом...» (Г. 2. С. 79). Именно исторический источник дает науке возможность связывать конкретные явления с целостностью социального развития. А. П. Карсавин по-своему формулировал взаимосвязь источника и мирового целого в «Теории истории»: «В истории всякое, даже самое частное исследование, даже исследование отношений между несколькими рукописями единого источника, – само по себе будет исследованием общепристорического характера и возможно только на почве его связи с познанием целокупности социального развития». Источники, по мысли Карсавина, обеспечивают реальную основу объективного социального познания: «При достаточном понимании и правильной оценке источников как частей прошлого сами

⁹⁴⁶ Об этом см.: *Илизаров С. С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники: Биобиблиогр. словарь. М., 1993. 189 с.

⁹⁴⁷ *Сорокин П. А.* Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992; 304 с. *Он же.* Система социологии. М., 1993. Т. 1–2.

собою бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по сравнению с методами естественных наук метода исторического, жалобы, столь характерные для французских методологов»⁹⁴⁸.

Обращаясь к проблеме феноменологии объекта в творческом наследии А. С. Лаппо-Данилевского, важно подчеркнуть, что ученый, на основе представления о человечестве как части мирового целого сумел логически выстроить системную методологию исторического, гуманитарного познания. В создании цельной методологии состоит его главное научное достижение, в этом и сам ученый видел свою главную, хотя и очень сложную задачу. Это хорошо понимали его коллеги, постаравшиеся донести основное содержание концепции до будущих поколений. Книга А. Е. Преснякова и ряд его статей неизменно обращены к тому, чтобы раскрыть цельность мировоззрения ученого, тесную связь и обусловленность его феноменологии, методологии исторического познания и практической реализации эпистемологических принципов в исследовательской и даже научно-организационной деятельности.

«Методологические» интересы брали как бы верх над «феноменологическими», – писал Пресняков. – Однако, не по существу, но в силу состояния данной науки с ее неразработанными методами, с ее необоснованными предпосылками, с роковой неполнотой ее разработки, с ее зависимостью от интуиции историка, заменяющей строго методический путь анализа и синтеза»⁹⁴⁹. Концепция Лаппо-Данилевского активно противостоит интуитивизму (в его труде есть и прямая полемика по этому вопросу). Она основана на представлении о единстве науки и соответствующих критериев научного сообщества, исключающих наивные интерпретации в духе противопоставления гуманитарных наук естественным по их методам. И в тех, и

⁹⁴⁸ Карсавин А. П. Введение в историю: (Теория истории). Пб., 1920. С. 38. (Введение в науку. История / Под ред. С. А. Жебелева, А. П. Карсавина, М. Д. Приселкова; Вып. I).

⁹⁴⁹ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 87.

в других исходным общим принципом является системность их общего – предельно общего объекта – мирового целого, системность его особенной части – коэксистенциального и эволюционного целого – человечества и реальность факта. «Слово *factum*, – писал ученый, – означает то, что сделано; но историк не может довольствоваться таким чисто механическим пониманием факта: для него *factum* означает то, что кем-либо сделано; под фактом Он преимущественно понимает воздействие индивидуальности на окружающую среду, мертвую и в особенности живую. В таком смысле, например, скребок, сделанный из кремня, есть факт; удар, нанесенный А его врагу И, есть факт, слово, сказанное А его другу С, есть факт и т. п.» (Г. 1. С. 353). Источник есть реальность, факт деятельности человека. То есть и здесь существует реальность факта, доступного чувственному восприятию, как и при изучении природных явлений. Данный постулат хорошо разъясняет в своей «Теории истории» Л. П. Карсавин. В его понимании исторического метода многое не совпадает с концепцией Лаппо-Данилевского: визионер Карсавин и строгий систематик Лаппо-Данилевский не были близки друг другу по духу. Однако суть общенаучного метода Карсавин вполне разделяет с его пониманием. Реальность факта – залог познаваемости в истории, ее научности. «Казалось бы, это невозможно, – разъясняет Карсавин, – ведь история изучает прошлое, а прошлое нам не дано непосредственно; то, что мы имеем, – это лишь реальные остатки, оторванные от того единства, в котором они находились»⁹⁵⁰. Подчеркнем главное – констатацию того единства, в котором они находились. Принцип системности, целого дает и возможность познания: «через источники, как часть минувшего, мы втягиваемся в единство этого минувшего, познав часть, познаем и целое». Грань, разделяющая субъективистский подход (при котором разрозненные фрагменты обретают связанность лишь в сознании историка, познающего субъекта) и методологию научного построения, обозначена Л. П. Карсавиным достаточно точно.

⁹⁵⁰ Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 38–39.

Феноменология системного подхода к явлениям природы и общества дает возможность создать целостную методологию гуманитарного (исторического) познания, которая охватывает все пространство деятельности практикующего исследователя, начиная от эмпирики фрагмента реальности до ее построения как целостности. Ключевая идея методологии состоит в своеобразной интерпретации объекта исторического познания, его свойств и в построении, в соответствии с этими свойствами, целостной логической системы методов его изучения. В труде А. С. Лаппо-Данилевского разработан теоретический подход к созданию глобальной истории. В отличие от субъективистского подхода, при котором единство исторического процесса мыслится как результат переживания прошлого опыта в сознании историка (познающего субъекта), и от позитивистского подхода к историческому синтезу как к сумме эмпирических данных, систематизированных субъектом, феноменологический подход обращен к сфере взаимодействия объекта и познающего субъекта. При этом принципиальное значение имеет вопрос о том, как определяется объект гуманитарного познания. Лаппо-Данилевский говорит об истории и о методологии истории, но постоянно подчеркивает широту этого понятия. По существу, речь идет о единой науке о Человеке, именно так понимает историю гуманитарная концепция Лаппо-Данилевского. Сам ученый часто раскрывает смысл этого понятия, говоря о взаимодополняющем взгляде на историю трех типов исследователей: историка, психолога, социолога. Синтез этих трех аспектов рассмотрения единого объекта и обеспечивает необходимую полноту освещения проблемы человека и человечества. Лаппо-Данилевский определяет в качестве объекта исторического исследования – человечество как часть мирового целого. Это особая, наделенная сознанием часть: она, в свою очередь, целостна. Объект исторического изучения – человечество во всей полноте своего развития (эволюционное целое), и в единстве системной взаимосвязи на каждый данный момент развития (коэксистенциальное целое). Соответственно мето-

дология истории трактуется им как методология познания человечества, познания культуры. Ученый постулирует в качестве необходимого эпистемологического принципа утверждение гуманитарного знания именно как знания строго научного, логически выведенного, «построенного» (в логико-математическом смысле данного слова). Он исходит из признания единства и целостности объекта в себе самом, и потому, соответственно, – единства и целостности познания каждого исторического явления. История отдельного народа, государства, личности возможна лишь как его интерпретация по отношению к целостности мира природы и человечества. Эта идея через П. А. Сорокина была воспринята А. Тойнби. Он позднее также будет писать об «умопостигаемом поле» историка, в котором Великобритания является частью. «Таким образом, английская история не прояснится до тех пор, пока она не будет рассмотрена в сопоставлении с историями других национальных государств <...> В каждом случае мы должны мыслить в терминах целого, а не части, видеть главы повести как события жизни общества, а не отдельного его члена, следить за судьбами его представителей – не за каждым в отдельности, а в общем потоке, – воспринимать их как голоса единого хора, которые имеют значение и смысл в общем строе гармонии, но теряют их, как только становятся набором отдельно звучащих нот»⁹⁵¹. В наши дни, когда идея глобальной (общемировой и многополюсной) истории стала достоянием историков и их конкретной задачей, еще яснее стала величайшая трудность ее реализации. Мы уже говорили о том, что европоцентристская модель исторического познания создавалась постепенно, эволюционным путем, когда источники изучались, публиковались веками, интерпретировались целыми поколениями ученых исследователей. В отношении многополюсной истории человечества в целом эта задача (в принципе, конечно, выполнимая) изучения источников, подготавливающая такое положение вещей, еще далека от реализации. Она потребует усилий многих ученых исследователей разных

⁹⁵¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 26.

стран и народов. Но уже сегодня ясна и главная трудность, которая встанет при обобщении этого материала, выведенного из неизвестности представителями разных исследовательских школ и методологий. Уже теперь ясно, что самая трудная проблема глобальной истории – не собирание фактических данных, и даже не их критический анализ, а полноценный исторический синтез.

Неокантианская модель решения задач исторического синтеза отдает приоритет в его достижении познающему субъекту. Он, по принципу «отнесения и ценности», отбирает главное, ставит проблему и, согласуясь со своими целями и возможностями, обеспечивает себя необходимыми и достаточными основаниями и доказательствами. Феноменология А. С. Лаппо-Данилевского предлагает принципиально единый и целостный теоретико-познавательный подход к ее решению.

Общую основу гуманитарного познания составляет реально существующая совокупность произведений (изделий), созданных людьми в процессе их целенаправленной, осознанной деятельности. Это – «реализованные продукты человеческой психики», исторические источники. В общей концепции методологии истории Лаппо-Данилевского различаются два этапа (уровня), каждый из которых в принципе самодостаточен; но наиболее результативен их синтез, открывающий возможность логического построения феноменологии общечеловеческой культуры. Первый этап «методологии источниковедения» имеет целью рассмотрение произведения, созданного человеком, как явления культуры определенного времени, социального и географического пространства. Принципиальное значение в рамках данной методологии имеет эпистемологический принцип «признания чужой одушевленности». Источниковедение рассматривает триаду «человек – произведение – человек», сосредоточивая главное внимание на анализе взаимодействий, которые в ней реализуются. Особое внимание ученый уделяет проблеме интерпретации смысловых значений, стоящих за эмпирической данностью произведения и текста (психологический и технический, типизирующий и индивидуализирующий методы интерпретации). Принципы и методы типизирующей и ин-

дивидуализирующей критики и интерпретации источников раскрыты Лаппо-Данилевским на материале произведений различных типов и видов – от памятников археологии до произведений современного искусства, правовых актов и законодательства, нарративных историко-философских текстов, на основе широкого компаративного подхода. Методология Лаппо-Данилевского раскрывает природу взаимодействия в труде исследователя эпистемологических принципов теоретико-познавательной и конкретно-практической деятельности. На эту черту научного творчества обращали внимание многие его последователи, говоря о «естественном союзе философии и эмпирической науки»⁹⁵² в его собственном научном творчестве и методологической рефлексии. Ученый реализовал поставленную им цель создания «цельного и систематического учения об источниках», поскольку произведения, созданные людьми (исторические источники), составляют в своей совокупности объект гуманитарного знания как научного. Итак, первый этап в рамках данной концепции составляет методология источниковедения, позволяющая рассматривать произведение (продукт целенаправленной человеческой деятельности) как явление культуры. Второй, высший этап, в свою очередь, составляет методология исторического построения. Целью данной методологии является достижение целостного знания о самой культуре, которая проявляет себя тем, что в ней создано данное произведение. Раскрывая более конкретно методологические принципы своей концепции, ученый на материале такого вида исторических источников, как частноправовые акты (русского права) показал как цели исследования на каждом из этих этапов, так и реальные приемы их достижения. Частные акты рассматриваются как явления культуры своего времени и, затем, на том основании, что они существовали в России и устанавливали определенные нормы правовых отношений, «выстраивается» типология правовой культуры и правовой менталитет русского общества в соответствующих временных, региональных и

⁹⁵² Райнов Т. И. Указ. соч. С. 49.

социальных условиях. При этом возникновение и степень распространенности частных актов в практике социального функционирования становятся фактами большого научного значения. Они выступают как датирующий признак, как убедительное свидетельство состояния правовой культуры соответствующего уровня и типологии. Исторический синтез становится достижимым, а выводы о состоянии культуры – научно доказательными и воспроизводимыми.

Источниковедческая парадигма гуманитарного познания ориентирует исследователя на изучение конкретных объектов – явлений культуры, произведений (изделий), которые дают возможность получить знание о человеке путем интерпретации эмпирических данностей – фрагментов изучаемой культуры. Данный подход, в свою очередь, создает возможность более углубленного, специализированного исследования видовых (жанровых) особенностей произведений, возникающих в процессе функционирования – в правоведении, истории искусств, истории науки⁹⁵³.

6. Источниковедческая парадигма гуманитарного знания

А. С. Лаппо-Данилевский создал свою научную школу, последователями которой стал ряд социальных мыслителей – историков, правоведов, филологов, социологов и историков науки в России и за ее пределами. Данную научную школу характеризует единство представлений об объекте гуманитарного познания и, в то же время, ярко выраженная междисциплинарность⁹⁵⁴. Среди наиболее близких по научным воззрениям исследователей, составлявших научное сообщество, в котором Лаппо-Данилевский излагал и обсуждал основные принципы своей концепции гуманитарного познания, были – философ И. И. Лапшин, экономист А. А. Кауфман, филолог С. Ф. Ольденбург, медиевист И. М. Гревс, историк науки Т. И. Райнов,

⁹⁵³ Подробнее см.: *Медушевская О. М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996. С. 42–77.

⁹⁵⁴ *Болдырев Н. В.* Указ. соч. С. 152.

историки А. Е. Пресняков, С. Н. Валк и А. И. Андреев, М. А. Полиевктов, в сфере влияния находились автор «Системы социологии» П. А. Сорокин и Н. Д. Кондратьев, ряд идей воспринял А. П. Карсавин.

Трудно теперь восстановить с достаточной полнотой тот ареал влияния, который оказывала целостная методология Лаппо-Данилевского на окружающее его научное сообщество, поскольку реализация его замыслов прервалась. Во всяком случае, некоторые данные об этом имеются. Безусловно, концептуальная общая идея создания коллективного научного труда по всеобщей, многополюсной истории человечества говорит о многом. Характерна масштабная идея создания крупного коллективного труда, который обобщил бы методологию глобальной истории. В качестве главной цели издания выдвигалось «ознакомление с методом и духом истории, усвоение исторического мышления». Инициаторы издания – С. А. Жебелев, А. П. Карсавин и М. Д. Приселков считали, что для серьезных занятий историей «необходим цельный научный труд, передающий методы и дух исторического познания, необходимо усвоение исторического мышления». Замысел «Введения в историю», а по существу концептуального обобщающего труда предполагал издание 20-ти томов, охватывающих такие проблемы, как: первобытная культура, классический Восток (Египет и Передняя Азия), Греция и Рим, Западная Европа в Средние века, Западная Европа в Новое время, XIX век, а также – Византия, Славяне, Мусульманский мир, Иран, Индия, Китай, Япония, Средняя Азия, христианский Восток, Кавказ, Америка и колонии, Россия. Авторами серии этой многополюсной истории должны были стать крупные ученые, специалисты в области мировой истории и культуры – Б. А. Тураев, А. П. Карсавин, С. А. Жебелев, О. А. Добиапш-Рождественская, Е. В. Тарле, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Б. Я. Владимирцов, Н. Я. Марр, М. Д. Приселков. Первым томом издания, посвященного методологии исторического исследования, и была работа А. П. Карсавина «Теория истории». Для этой книги характерен широкий культурологический подход, охват, по существу – философское видение исторического пространства и исторического процесса в

целом, развитое ранее в работах А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Вернадского. А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что предельное понятие о целом «...есть понятие о мировом целом: оно представляется нам целостной действительностью, части которой, однако, мы можем, в свою очередь, называть относительными целыми <...> С такой точки зрения историк, например, может изучать все (культурное) человечество как единственное в своем роде целое...» (Т. 1. С. 317–318). В духе данной концепции Карсавин определяет предмет истории: это – «человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материальном) и духовно-культурном развитии». Субъект развития – социальнодеятельное человечество – обладает всевременным, всепространственным единством исторического процесса от его начала до его конца: «ни горизонтально, ни вертикально исторический процесс не может быть разрезан». Одним из труднейших вопросов эпистемологии гуманитарного познания является вопрос о том, каким образом связывается в исследовательском процессе работа с эмпирически данным объектом, фрагментом реальности и построение абстрактного, идеального объекта. Позитивистская методология исходит из того, что анализ и синтез – два разнородных исследовательских процесса, и ими занимаются люди различного психологического типа. Неокантианская методология исходит из того, что это связывание происходит в сознании субъекта, создающего свой индивидуальный образ объекта. Феноменолог Гуссерль прослеживает целостный познавательный процесс на материале геометрии – движении мысли от наблюдения конкретного фрагмента реальности к абстрактному математическому понятию. Лаппо-Данилевский выстроил собственную оригинальную методологию движения от реальности объекта (исторического остатка, фрагмента) к его пониманию как явления культуры (источниковедение) и от него – к целому культуры. Именно поэтому ученый так детально разрабатывает логику системообразующего понятия – исторического источника – реализованного продукта человеческой психики. Через него является, объективируется человеческая одушевленность. Данное понятие – фундаментально, оно устойчиво. Беря за основу данную логику, гумани-

тарий может профессионально работать в любых условиях: он обращен к источнику, он возводит его в ранг явления, этот труд осмыслен и его результат непреходящ – будь то типология источников (как в учебниках М. Н. Тихомирова, С. А. Никитина, которые были первыми в этом ряду), или монографические теоретико-пространственные, страноведческие, региональные труды (А. И. Андреев), видовые и типологические комплексы (частных актов, начиная от семинаров Лаппо-Данилевского) и многое другое. Накопление эмпирических данных и их теоретическое обобщение открывает возможности компаративных исследований больших исторических длительностей, исторической географии, исторической антропологии.

Значение методологии гуманитарного познания А. С. Лаппо-Данилевского мы видим в том, что именно она рассматривает общую проблему объективированного в материальной форме продукта человеческой деятельности (сознательной, целенаправленной) как самодостаточную и фундаментальную и предлагает целостную философскую концепцию методологии исследования этой проблемы. Она дает метод, который обусловлен единством общего объекта гуманитарных наук. Фрагмент реальности («остаток культуры») воссоздается (методология источниковедения) в качестве явления культуры; на следующем, более высоком уровне (методология исторического построения) явление культуры становится тем источником, на основании которого можно выстроить данную культурную целостность. Этот метод Лаппо-Данилевский обосновал теоретически («Методология истории»), а затем показал и его применение на материале русских частных актов («Очерк русской дипломатики частных актов»): выявив произведения источники и рассмотрев их как явления культуры конкретного времени, возможно затем вывести логические достоверные заключения о самой культурной ситуации, в которой подобные явления культуры были возможны и создавались реально. Прежде всего – это представление о культурном пространстве эпохи и творческом потенциале, уровне индивидуального и коллективного сознания группы, о сознании общества и индивидов, человечества в целом.

И, наконец, еще одна сторона познавательного потенциала данного антропологически ориентированного метода: будучи ориентирован на изучение источников (в которых личность объективирует в материальной форме свой творческий потенциал), данный метод приближает к пониманию фундаментальной идеи человека: он выражает себя в культуре не тем, что он говорит, но тем, что он реально и творчески создает. В этом ярко выражается профессиональное, философски ориентированное значение данной феноменологии культуры.

Таким образом, если кратко определить системообразующий момент антропологически ориентированной парадигмы, в рамках которой работает школа, основанная Лаппо-Данилевским, то это – момент человеческого творчества, создания интеллектуального продукта, – в обычном профессиональном языке называемого историческим источником. В отличие (разумеется, отличии относительном, поскольку вернее говорить о взаимодополняемости двух парадигм) от феномена речевого общения семиологической парадигмы, источниковедческая парадигма схватывает человека в момент его наивысшего творческого подъема – в создании произведения. «Признание чужой одушевленности» имеет в своей основе именно данный подход к человеку и его познанию.

Это – главное, что один из наиболее ярких представителей данной школы первого поколения понял сразу, как только приступил к рефлексии над «Методологией истории» Лаппо-Данилевского (1913). Будущий классик философии экономики молодой Н. Д. Кондратьев написал тогда: «Но раз он [исторический источник. – О. М.] реализованный продукт психики, то, значит, он результат творчества (в широком смысле), значит, он есть и некоторое телеологическое единство, единство реализовавшегося в нем сознания творца»⁹⁵⁵. Точнее сказать невозможно. Важно лишь, чтобы знаменитые «циклы Кондратьева» – прообраз моделей исследования длящихся реальностей человеческой истории как части мирового целого, и другие прозрения методологов данной парадигмы интерпретировались более

⁹⁵⁵ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 114–115.

полно в связи с той целостной концепцией человечества как части мирового целого, о которой идет речь. В рамках данного подхода решаемы трудные вопросы современной гуманитаристики; применительно к цели создания вполне определимы и понятия автора, и понятия произведения, и, что самое главное – проблема достоверности и определения качества личности в рамках данной методологии и «здравого смысла» массового сознания полностью совпадает. Наука и человеческий опыт взаимодополняемы.

К данной феноменологической парадигме восходит научно-педагогическое направление, институционально представленное кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ранее, с 1939 г. – Московского государственного историко-архивного института)⁹⁵⁶. Это научно-педагогическое направление объединено единством теории, исследовательской методологии и образовательной модели историка и гуманитария других специальностей⁹⁵⁷. В основе теория имеет антропологически ориентированную источниковедческую парадигму, создающую возможность строгого (верифицированного) знания о человеке и обществе. Разрабатывает единые принципы методологии исследования: от эмпирики непосредственного объекта – (вспомогательные науки истории); к анализу и синтезу информационных возможностей исторического источника (методология источниковедения); и, далее – к воссозданию феномена культурной целостности (методология истории).

Теоретически и методологически целостная образовательная модель в то же время различно ориентирована на различные предметные области.

Источниковедческая парадигма представляет собой надежный метод получения новой верифицируемой информации в

⁹⁵⁶ Простоволосова А. Н., Станиславский А. А. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. 71 с.

⁹⁵⁷ Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 2004. 701 с.

науках о человеке. Важно подчеркнуть, что этот метод опирается на наличие реального объекта (исторического источника или их совокупности), и потому полученные результаты вполне могут быть воспроизведены, проверены, верифицированы. Это создает реальный путь к строгому знанию.

За последние годы успешно разрабатываются новые направления компаративного источниковедения.

Одно из них исходит из фундаментального постулата феноменологии – системного характера общего объекта естественных и гуманитарных наук – мирового целого, и междисциплинарного взаимодействия этих наук на общей основе: источник как реальный культурный объект, который рассматривают со своих предметных позиций естественные и гуманитарные науки. В этом случае источники, созданные людьми, выступают как объект, который содержит информационный потенциал для изучения природы (историческая география, историческая картография, история наук) и проблематики взаимодействия природных сил и человеческой деятельности.

Ряд аспектов взаимодействия специалистов в изучении информации источников рассматривается в рамках проблемы «Человек и пространство»⁹⁵⁸. Исторический источник в феноменологической парадигме интерпретируется как культурный объект, обладающий структурными свойствами, и на этой основе формируется ряд направлений компаративистики. Они рассматриваются в частности в рамках проблемы «Исторический источник и компаративистика»⁹⁵⁹.

Широкие возможности для структурно-функциональных исследований на основе источниковедческой парадигмы имеет историческая антропология⁹⁶⁰.

⁹⁵⁸ Исторический источник: Человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. М., 1997, 335 с.

⁹⁵⁹ Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. М., 1996. 448 с.

⁹⁶⁰ Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. М., 1998. 251 с.

7. Конфликт интерпретаций и возможности источниковедческой парадигмы

Глобальный социальный конфликт новейшего времени оказал существенное влияние на ситуацию как в исторической науке, так и в гуманитарном знании в целом, сформировав центробежные тенденции в их отношении к познанию прошлого. Новая социальная реальность вела к изменениям традиционно-го механизма политической и культурной организации общества. На протяжении жизни нескольких поколений распалось традиционное единство старого общества «с его естественными связями и с его, так сказать, органическим сцеплением. Пришествие демократии разрушило существовавшие рамки политического общества. Иерархия классов и их внутреннее соотношение были уничтожены, и традиционные социальные узы, соединявшие индивида с коллективом, порвались»⁹⁶¹. В новейшее время произошло и происходит нивелирование общества, разрушение прежних связей, изменение положения индивидов и групп по отношению к власти, государству, друг другу. Высвобождая индивида от традиционных отношений, новая реальность его изолирует, вызывая соответствующие умонастроения дегуманизации, деперсонализации культуры. Решающим фактором для формирования феноменологического направления и явилось это изменение общей ситуации в мире конца XIX – начала XX в. Новая ситуация отношения масс и власти, общества и государства, центра и периферии поставила ученых и политиков перед необходимостью выявлять закономерности и механизмы глобальных процессов в истории человечества – мировой экономики, единого информационного пространства, многополюсного политического процесса. Появилась необходимость преодолеть сложившиеся под влиянием позитивистской познавательной парадигмы методы исследования. «История пишется по документам: нет их – нет и истории», – в такой категоричной форме звучал методологический тезис «знаменитой формуль» позитивистской эмпирической

⁹⁶¹ *Острогорский М. Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 44.

историографии⁹⁶². Но о каких документах глобальной общечеловеческой истории могла теперь идти речь? Перед лицом новых исследовательских задач добротный профессионализм европоцентристской модели оказался неэффективным. Он формировался в ситуации, когда существовала изученная эмпирическая база источников, а методы их изучения были многократно реализованы, обобщены и воспроизведены в ясных и относительно простых исследовательских приемах. В новой ситуации о разработанной базе источников глобальной истории говорить не приходилось. Прорыв в непознанную еще область истории глобальных цивилизаций требовал нетрадиционных методологий. Это меняло сознание исследователей. Как вспоминал позднее один из основателей концепции новой глобальной истории Л. Февр, на глазах разрушилось «неоспоримое основание всякой позитивной науки, этот несокрушимый столп старой классической истории <...>. Познания наши внезапно превысили меру нашего разума. Конкретное вдребезги разбило рамки абстрактного. Попытка объяснения мира с помощью ньютоновской, или рациональной, механики, окончилась полным провалом. Старые теории необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия, на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение»⁹⁶³.

Итак, на протяжении XX в. произошли значительные сдвиги в отношении к проблематике гуманитарного знания и особенно – к его методологии. Научную и философскую мысль активизировала реальная необходимость выхода за пределы европоцентристского мировосприятия, обращения к новым моделям многополюсной глобальной истории человечества и его культуры. В мировом сообществе в первой половине XX в. была наиболее влиятельной модель субъективистского преодоления возникших исследовательских трудностей: переход от европоцентристской к глобальной исторической науке представлялся возможным путем небывалой интенсификации личных познава-

⁹⁶² *Ланглюа III.-В., Сеньобос III.* Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 1, 13.

⁹⁶³ *Февр Л.* Как жить историей // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 34.

тельных возможностей практикующего исследователя. В рамках данной парадигмы он, отринув традиционные формализованные («позитивистские») критерии исследовательской методик, осуществляет прорыв к новой проблематике, восполняя неизбежные при существовавшем состоянии науки в целом пробелы в информации о реальностях многополюсного мира интуитивным, почти иррациональным импульсом, своей способностью к сопереживанию, симпатии к миру прошлого. Он осуществляет подбор не столько источников, сколько «оснований», а затем осуществляет индивидуальный синтез рассмотренных очевидностей, переживая опыт прошлого в своем сознании.

Вызов XX в. состоял в необходимости осмыслить, отрефлексировать то совершенно новое и по-иному структурированное информационное пространство, которое возникло в новейшее время. Процессы глобализации, новые средства передачи информации, ее фиксации и воспроизведения обрушились на общество, индивида, оказавшегося в условиях утраты своих традиционных социальных, культурных, информационных связей и отношений. Отрефлексировать эту новую информационную реальность стремился еще Н. Винер, ее анализировал Р. Барт⁹⁶⁴. Для того, чтобы освоить, как-то приспособиться к информационному обществу, его необходимо структурировать. Очевидно, что это необходимо выполнить «совершенно иначе, нежели методами традиционной экзегезы или методами лингвистического формализма...», – писал М. Фуко⁹⁶⁵. Интеллектуальный успех работ Фуко не в последнюю очередь можно объяснить той точностью, с которой он выразил столь понятный человеку XX в. «страх» перед беспредельным размахом сказанных слов, высказываний, дискурса. Ученый характеризует цивилизацию, где дискурс «радикально освободили от принуждений и универсализировали». Словесный поток

⁹⁶⁴ Винер Н. Кибернетика и общество / Пер. Е. Г. Панфилова: Общ. ред. и предисл. Э. Я. Кальмана. М., 1958. 200 с.; *Он же*. Наука и общество // Вопросы философии. 1961. № 7. С. 117–122; Барт Р. Мифологии. М., 1996. 314 с.

⁹⁶⁵ Фуко М. Порядок дискурса: Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 91.

подавляет индивида, неспособного его упорядочить, систематизировать. «В нашем обществе, как впрочем, я полагаю, и во всех других, несомненно, существует, но только по-другому прочерченная и расчлененная, глубокая логофобия, своего рода смутный страх перед лицом всех этих событий, перед всей этой массой сказанных вещей, перед лицом внезапного появления всех этих высказываний, перед лицом всего, что тут может быть неудержимого, прерывистого, воинственного, а также беспорядочного и гибельного, перед лицом этого грандиозного, нескончаемого и необузданного бурления дискурса»⁹⁶⁶. Суть проблемы состоит в том, что индивид, оказывающийся перед лицом информационной избыточности, неопределенности, испытывает потребность в систематизации этого информационного пространства. Для этого, в принципе, у него есть две теоретические возможности. Он может систематизировать информацию по степени своего отношения к ней: это метод «отношения к ценности», как известно, в рамках неокантианской методологии примененный именно к наукам о культуре, прежде всего исторической науке, и декларированный как ее специфический способ познания. Но такая систематизация будет сугубо индивидуальной и может быть принята другими индивидами лишь на конвенциональной, согласительной основе. Эта ситуация, хорошо знакомая и часто используемая в постмодернистской культурной реальности, для научного познания менее продуктивна. Вторая теоретическая возможность систематизации информационного пространства состоит в поиске объективных, реальных свойств наблюдаемых объектов. Она труднее, но зато сулит возможность движения к истине. Весь вопрос в том — как это сделать, как выявить эти объективности, как их интерпретировать, систематизировать, создать надежный метод. Гуманитаристика XX в. трудами своих классиков настойчиво ищет ответа на этот главный вопрос. Возможно ли от высказывания, дискурса перейти к истине? «Новый век очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками одной национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллек-

⁹⁶⁶ Там же. С. 78.

туальным операциям более широкого масштаба» – писал Тойнби⁹⁶⁷. По мере освоения научным сообществом идеи безальтернативности такого изменения, проблематика компаративного метода все яснее выступает и в своей привлекательности, и в своей методологической противоречивости. Расширение личного знания историка и его способность к индивидуальному, миросозерцательному историческому синтезу не беспредельны. «Всеведение, – пишет Тойнби, – как обнаружил Фауст своим прозорливым умом, не может быть достигнуто через последовательное прибавление знания к знанию, искусства к искусству, науки к науке, образующих дурную бесконечность»⁹⁶⁸. Как мыслитель, как основатель цивилизационного подхода, А. Тойнби включает компаративный подход к интерпретации глобального исторического процесса в качестве имплицитного компонента своей парадигмы. Исторический процесс – умопостигаемое пространство человеческой истории независимо от априорных суждений историка, от особенностей его восприятия. Это пространство имеет свои типологии, свою динамику их развития, и цель историка состоит в том, чтобы постичь, выявить, прояснить эти типологические черты. Цивилизации как единые социальные целостности рассматриваются в динамике, модификациях, отделении от предшествующих и реакциях на мощные воздействия извне, из окружающей природной и социальнокультурной среды. Цивилизационный подход дает подвижную познавательную модель для возможных философских интерпретаций многополюсного мира в его движении и незавершенности. Игра ума, «побуждаемого к действию интуицией, уловившей связь между историческими фактами», определяющего параметры умопостигаемого пространства, очерченного Тойнби.

Теоретическая возможность систематизации информационного пространства культуры состоит в выявлении объективных, реальных свойств изучаемых феноменов: «...ухватить дискурс в его способности к утверждению <...>, способности

⁹⁶⁷ Тойнби А. Указ. соч. М., 1991. С. 20.

⁹⁶⁸ Там же. С. 627.

конституировать область объектов – таких, по поводу которых можно было бы утверждать или отрицать истинность или ложность высказывания»⁹⁶⁹, – так формулировал цель научного поиска М. Фуко. Культурная ситуация очерчена достаточно ясно. Лучшим из путей к знанию, к его определенности является путь отыскания структурных позитивностей. Структуралистский подход, в свою очередь, открывает возможности применения компаративистики – мощного инструмента точного и достоверного знания. Тогда становится возможным «разредить» туман дискурса, выйти из круга противоречивых конфликтов интерпретационных вариантов. «Разреженность и утверждение, разреженность, в конечном счете, утверждения, а вовсе не нескончаемые щедроты смысла, вовсе не монархия означающего», – определяет Фуко магистральный путь позитивного знания. И тут же снижает эффект сказанного иронической концовкой: «А теперь, пусть те, у кого пробелы в словаре, говорят – если петь эту песню им милее всего остального, – что вот это и есть структурализм»⁹⁷⁰.

Суть познавательной проблемы состоит в противоречии – между структуралистскими ожиданиями точного знания и неопределенностью самого понятия структуры. Без структуры нет и компаративистики.

Р. Барт в ключевой работе «От произведения к тексту»⁹⁷¹ подчеркнул необходимость сложных и тонких интерпретаций текста произведения. В принципе гуманитарии не отказались бы от традиционных методик исследования как литературных, так и исторических текстов, но при ближайшем рассмотрении те оказывались малоэффективными. Позитивистские классики убежденно говорили и об изучении автора, и произведения, и необходимости установления достоверности. Но теперь приходится думать о том, что необходимо «анализировать внутреннюю экономику дискурса совершенно иначе, нежели методами традиционной экзегезы или методами лингвистического фор-

⁹⁶⁹ Фуко М. Указ. соч. С. 90.

⁹⁷⁰ Там же. С. 90–91.

⁹⁷¹ Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413–423.

мализма»⁹⁷². В самом деле: «Что такое автор?» – рассуждает М. Фуко, – ведь «все дискурсы, наделенные функцией – автор, содержат эту множественность Эго»⁹⁷³. Иначе говоря, разве любой автор равен самому себе? А произведение? Как можно отделить то, что составляет произведение? Теории произведения не существует – к такому выводу приходит Фуко: «Слово «произведение» и единство, которое оно обозначает, являются, вероятно, столь же проблематичными, как и индивидуальность автора»⁹⁷⁴. Итак, главную трудность для данного направления гуманитарных методов составляет неопределенность, изменчивость, неустойчивость предмета изучения. П. Рикер пишет о «конфликте интерпретаций»⁹⁷⁵, Р. Барт предпринимает «попытку систематического размышления о некоторых мифах повседневной жизни»⁹⁷⁶. Эта критика сильна своей негативной стороной, но она не создает системной методологии. Особенно ярко подчеркивает сложность современной ситуации гуманитарного познания попытка перенести методы деконструкции художественного, литературного текста на текст исторического нарратива – тексты трудов профессиональных историков.

Обращение к феноменологической источниковедческой парадигме дает новые возможности исследования. Выявление общих свойств источников, прежде всего, видовых структур, проводится здесь с целью формирования исследовательских норм и соответствующих им методик для освоения в процессе преподавания дисциплины. Усваивая основные нормы и соответствующие им исследовательские приемы, возможно добиваться общепринятого для научного сообщества представления о профессионализме, выводя уже отрефлексированный и обоснованный метод на уровень «техники». «Где основная норма есть цель или может стать целью, – пишет Гуссерль, – там из нормативной дисциплины, путем легкого понятного расширения

⁹⁷² Фуко М. Указ. соч. С. 91.

⁹⁷³ *Он же*. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. С. 29.

⁹⁷⁴ Там же. С. 16.

⁹⁷⁵ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 2002. 623 с.

⁹⁷⁶ Барт Р. Мифологии... С. 55.

ее задачи, образуется техническое учение»⁹⁷⁷. Данный аспект развития нормативной дисциплины особенно важен для формирования общенаучных критериев, разделяемых научным сообществом. «Ибо задача технического учения предполагает решение более узкой задачи, состоящей в том, чтобы, вне всякого отношения к практическому достижению, установить нормы, сообразно которым определяется, соответствует ли реализуемая цель общему понятию, обладает ли она характеризующими данный класс действий признаками»⁹⁷⁸. При условиях, когда нормы и соответствующие им критерии отрефлексированы, репрезентированы на уровне технического учения, разделяются научным сообществом, вполне возможно реализовать, в частности, компаративные подходы, не обосновывая вновь и вновь саму возможность постановки данной цели и соответствие ей используемых приемов. Этот способ действий наблюдается и реализуется в развитых, продвинутых областях гуманитарного знания.

Источниковедение, накопив определенный опыт эмпирического типологизирования источников «по видам» и обогащая опыт исследования видовых структур в отдельных, наиболее изученных видах источников, на определенном этапе начинает испытывать возрастающую потребность в развитии теоретических оснований своей науки. Именно так обстояло дело с применением видового подхода к изучению корпуса источников отечественной истории. Используя интуицию и практический опыт, исследователь издавна различает типы и виды объектов культуры, исторических источников. Однако по мере расширения исследовательского пространства возникает вопрос о том, в какой мере правомерно распространение принятых норм на новую реальность? Именно этот вопрос возник, когда выяснилось, что видовая классификация источников была использована не только для структурирования источников российской истории средних веков и нового времени, но и распространена на такую специфическую реальность, как источники «советского периода». В принципе не возражая против такого подхода,

⁹⁷⁷ Гуссерль Э. Логические исследования... С. 197.

⁹⁷⁸ Там же. С. 209.

авторы проблемной статьи «Источниковедение и изучение истории советского общества» поставили вполне логичный вопрос: что, собственно, такое «вид» источника? В какой мере возможно применить эту классификацию как общезначимую? Почему она применена непоследовательно? И делали вывод о том, что «разработка общих принципов классификации исторических источников составляет в настоящее время одну из первоочередных задач теоретического источниковедения»⁹⁷⁹.

Вопрос об объективных критериях классификации источников имеет, как известно, огромную литературу. В зависимости от цели исторического исследования, историк может, разумеется, группировать источники любым приемлемым для него образом. Это и будет классификация «по содержанию». Понимая это, теоретики спорили не об этом, они стремились выявить свойства «вида» и природу видообразования, обращаясь и к форме, и к содержанию, и к происхождению и способу кодирования информации источника, «аналогичным приемам исторической критики» и даже «специфическим особенностям».

Важен, однако, прежде всего вопрос о системообразующем признаке. Вид – это структура источника, способ организации его элементов, а она определяется практической функцией, ради которой он создавался. Обосновав эту идею, можно было сразу констатировать потенциальные возможности компаративистики на основании изучения типологии видов источников. Тогда же удалось отметить и актуальность наблюдения процессов формирования видов как способа выявления специфики культурной ситуации или ее изменения. Структуралистский видовой подход позволяет вести компаративные исследования. Они только начаты, но сразу открывают большие возможности данной познавательной модели. В то же время, вопрос о видовой структуре и соответствующих возможностях компаративистики есть лишь один из аспектов более общей проблемы – теоретического обоснования феноменологии культуры. А эта проблема, в свою очередь, выходит далеко за пределы собственно источниковедения как нормирующей дисциплины,

⁹⁷⁹ Данилов В. П., Якубовская С. П. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 3–23.

выходя в общее пространство гуманитарного познания наук о человеке. Это общегуманитарное теоретическое содержание изначально выступает в методологии данного направления, которое объединяло в свое время наиболее ярких представителей разных наук, какими были С. Ф. Ольденбург, И. М. Гревс, А. Е. Пресняков, П. А. Сорокин, Н. Д. Кондратьев, С. Н. Валк, А. И. Андреев. Об этом соотношении нормативных и теоретических аспектов науки в ее связи с жизнью Э. Гуссерль написал: «... каждая нормативная дисциплина имеет свою собственную основную норму, которая в каждом данном случае является объединяющим принципом ее. В *теоретических* же дисциплинах, наоборот, отсутствует эта центральная связь всех исследований с основной мерой ценности, как источником преобладающего интереса нормирования. Единство их исследований и порядок их познаний определяется исключительно теоретическим интересом, направленным на исследование того, что связано по существу (т. е. теоретически, в силу внутренней закономерности вещей) и что поэтому должно быть исследовано совместно»⁹⁸⁰.

Развиваясь как нормативная дисциплина, источниковедение разрабатывает познавательные модели для выявления типологии культурных объектов. Произведение создается целенаправленно и осознанно. Единство цели создания формирует структуру произведения, выражает себя в ней. В определенном смысле оно есть реализованный продукт человеческой психики (как известно, именно таким образом определяет произведение – исторический источник Лаппо-Данилевский). Но произведение есть и явление культуры, часть системного целого, условия появления и функционирования в ней шлифуют его структуру, формируют видовые свойства, сходства и различия.

В динамике современного гуманитарного знания компаративный подход выступает как своего рода опознавательный признак, выявляющий моменты выхода на метадисциплинарный теоретикопознавательный уровень. В принципе компаративный подход устремлен к постижению системного единства человечества в его коэкзистенциальной и эволюционной це-

⁹⁸⁰ Гуссерль Э. Логические исследования... С. 208.

лостности. От эмпирики конкретных объектов, изучаемых отдельной дисциплиной, осуществляется переход к новому качественному уровню – пониманию универсалий, интерпретации структурных свойств объектов, через которые эти универсалии дают о себе знать. Так, антропологическая общность человека создала возможность компаративных исследований глобально-разнообразия условий человеческого существования и жизнедеятельности: здоровья, способов питания, спорта, структур родства и социокультурных общностей. В свою очередь, при переходе от наук о языках к науке о языке, основанной на общечеловеческой способности речи и ее понимания, сформировались компаративистские направления, охватывающие процессы эволюции человечества в глобальных рамках. Мы обозначили аналогичный процесс восхождения от эмпирики первичного объекта к пониманию общечеловеческих универсалий. В рамках исследовательских методик исторических наук, а затем все более целенаправленно примененного структурного подхода в источниковедении, – выявлялись типологические свойства культурных объектов – произведений человеческого творчества, исторических источников и их видовой специфики. Структурная модель на основании характерных видов источников имеет познавательное значение, она дает возможность идентификации культурной общности, важна и для ее самоидентификации. Возможность источниковедческой компаративистики на основе видовых структур источников основана, как мы стремились показать, на общечеловеческой универсалии фундаментального характера. А именно – способности к целенаправленному осознанному творчеству, созданию произведений, которые затем в процессе функционирования в социальной практике, повторяемости социокультурных ситуаций приобретают и закрепляют устойчивые общие структурные параметры. Таким образом, источниковедческая парадигма служит основанием для интерпретации видовых свойств культурных объектов (исторических источников) методом структурного анализа. Это создаст познавательную модель для более полного раскрытия меняющихся, динамических взаимодействий реальных свойств

культурных объектов и тех знаковых функций, в которых они выступают в процессе функционирования в различных культурных коммуникациях.

Соотношение между «телесностью вещи»⁹⁸¹ и ее знаковыми функциями – одна из самых сложных познавательных проблем гуманитаристики, на основе методологии источниковедческого видового подхода получает определенные возможности для типологизации. Одна из таких познавательных методологий положена, в частности, в основу концепции изучения вещи в культуре. Структурный анализ видовых свойств источников используется для типологизации системных связей отношения объекта и знака в конкретных культурных ситуациях. Это, в свою очередь, открывает возможности применения компаративных методов сопоставления самих культурных ситуаций и социо-культурных целостностей, проявляющих себя видовыми структурами своих культурных объектов.

Таким образом, идеи «Методологии истории» могут рассматриваться в двух основных аспектах: прежде всего, в связи с условиями их возникновения, когда традиционные методологии исторического изучения выявили свою несостоятельность перед лицом качественно новой познавательной ситуации глобального, массового информационного общества, и, далее, они открывают возможности компаративного подхода к тем проблемным ситуациям гуманитарного познания, которые яснее выявляются в междисциплинарных взаимодействиях гуманитарных и естественных наук XX в. Это позволяет более полно раскрыть познавательный потенциал «Методологии истории» и рецепции ее идей в метадисциплинарном пространстве современных наук о человеке.

Концепция «Методологии истории» представляет теорию, ориентированную на достижение знания о человеке и обществе как знания научного, т. е. строгого. Иначе говоря – знания логически выводимого, открытого для верификации достигнутых результатов, и отрефлексированного для его включения в обра-

⁹⁸¹ См., например: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука...

зовательную модель профессионала. Именно поэтому главный акцент «Методологии истории» сделан на последовательном, тщательно выстроенном изложении системы методов достижения такого знания (методологию).

Фундаментальным постулатом теории является вопрос об объекте гуманитарного знания. В качестве предельного понятия выступает понятие «мирового целого», в котором человечество (в свою очередь, эволюционное и коэксистенциальное целое) выступает как особая, наделенная сознанием часть. Здесь отметим соотношение части и целого, что предполагает утверждение о системности объекта. Именно системность открывает возможность научного познания – с использованием потенциалов системного подхода. Это выравнивает познавательные возможности естественных и гуманитарных наук, единство познавательной ситуации и научного метода.

Для научного познания необходимо наличие фиксированных в материальной форме реалий, что открывает возможности выявления повторяемостей и различий, типологий, компаративных подходов, верификации результатов совершенствования методологий. Данный вопрос потребовал глубокого теоретического обоснования. «Методология истории» не рассматривает специально феномен непосредственного наблюдения, устного общения, поскольку, являясь источником информации, такие феномены не достаточны для изучения. Главное внимание уделяется «реализованным продуктам человеческой психики», создающим такую потенциальную возможность. Системообразующим становится постулат «признания чужой одушевленности», что дает возможность получить информацию о человеке и обществе через созданный им целенаправленно и осознанно интеллектуальный продукт – произведение. Произведение и выступает как исторический источник. Лаппо-Данилевский проводит четкое различие «произведений природы» и «произведений человека». Способность к творчеству, выявлению своего внутреннего мира в материально фиксированной форме является свойством

человека. «Исторический остаток», фрагмент реальности, созданной человеком, в процессе исследования воссоздается как феномен, как «историческое явление» (методология источниковедения) и от явления возможно перейти к воссозданию целого той культуры, в которой это явление возникло (историческое построение). Данная теория и основанная на ней методология носит общегуманитарный характер, поскольку исходит из общечеловеческих универсалий.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ⁹⁸²

Источниковедение как наука об источниках постоянно стремится к теоретическому осмыслению своего предмета и методов, связей с общественной практикой. Особенно необходим такой анализ ситуации и перспектив развития источниковедения в настоящее время, в связи с теми задачами, которые стоят перед общественными науками. Расширение социальных функций источниковедения, возрастание интереса к его методам усиливается, и это социальное явление в той или иной мере ощущается в общественной практике, работе научно-исследовательских учреждений, деятельности в области гуманитарного образования, находит свое отражение в издательской деятельности, средствах массовой информации. Однако это явление нуждается в анализе его природы, перспектив и тех следствий, как позитивного, так и отчасти негативного характера, которые с ним связаны. Источниковедение как наука об источниках постоянно осуществляет такой анализ своих актуальных проблем. В ходе перестройки высшего гуманитарного образования особенно важно, чтобы каждая научная дисциплина достаточно четко осмысливала свой вклад в подготовку специалиста, была нацелена на те проблемы, которые ему придется решать в профессиональной деятельности. Важен такой анализ в связи с процессами дифференциации и интеграции научного знания и научно-практической деятельности, характерными для современного общества, и нашедшими, в частности, свое отражение в профиле историко-архивного института и вопросе о целостности этого профиля, его чертах, характерных для вуза в целом. Все это и определяет тему данной статьи.

Значение источниковедения определяется предметом и задачами данной дисциплины. Источниковедение изучает исторические источники, оно разрабатывает и совершенствует

⁹⁸² Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение в современной социальной практике // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Теория и методика. – М.: РГГУ, 1990. С. 3–14.

методы получения из них достоверной информации о социальных явлениях и процессах. Цели и задачи источниковедения сложились в течение его длительного развития – как исторической дисциплины, необходимой историку, который стремится к познанию социальных явлений, недоступных непосредственному наблюдению, через посредство материальных остатков человеческой деятельности, в той или иной форме отразивших это явление. Эти задачи не только сохранили свое значение в настоящее время, но стали еще более актуальными. В то же время эти задачи должны решаться источниковедением в новых условиях, а потому во многом по-новому. Возникла новая ситуация, требующая, в свою очередь, перестройки структуры источниковедения как науки об источниках и как учебной дисциплины. В чем же состоит эта новизна ситуации?

Характерной ее чертой является то, что источниковедение приобретает более широкие функции в социальной практике. Сложившись в свое время как историческая дисциплина, – и оставаясь ею, – сохраняя это свое значение, источниковедение оказалось перед необходимостью включить в свой объект исторические источники более широких хронологических рамок (от ранних эпох истории человечества до самой близкой современности), новых видов (включая источники, возникающие в условиях и под влиянием научно-технической революции), разных стран и народов, новых сторон всемирной истории. Небывало расширилась социальная сфера применения, точнее – потребности в применении научных методов работы с источниками. Сигналом расширения социальных функций источниковедения стало то, что эта дисциплина приобретает популярность, все большее число людей обращается к источникам. «Источниковедение», «источники» – в самых различных словосочетаниях представлено на титульном листе многочисленных сборников статей, документальных публикаций и других изданий, в чем легко убедиться, обратившись к каталогам научных библиотек. Расширение сфер социальной практики, требующей профессионального источниковедческого анализа, определяется рядом причин. Отметим здесь такие способствующие

щие этому процессу черты общественного сознания, как новый уровень историзма. Он проявляется в росте интереса к исторической проблематике – в искусстве, художественной литературе, создании общественных музеев, коллекционировании. Характерно обращение к истории ряда естественных и точных наук, когда уже достигнуто осознание того, что наука – это не только ее последний сегодняшний результат, но и история пройденного ею пути, драма идей, история людей, работавших в науке. История науки требует обращения к источникам, формирует источниковедение истории науки. Здесь проходит одна из важных линий интеграции, взаимодействия источниковедения – исторической дисциплины и ряда естественных, точных, общественных наук, а также науковедения. Другой характерной чертой общественного сознания стала возросшая потребность обращения именно к первоисточнику. Эта тяга к источнику питается двумя истоками – познавательным и нравственным. С одной стороны – это потребность получить информацию непосредственно, из первых рук. С другой – это потребность не просто получить информацию, но осмыслить ее источник как факт человеческой деятельности, соотнести содержание источника с социальной позицией, масштабом личности его создателя, попытаться самому интерпретировать и критически оценить информационное богатство источника. Наш современник жадно вглядывается в доподлинную вещь, историческому роману предпочитает мемуаристику и эпистолярный источник, а художественному фильму – документальную публицистику. И наконец, нельзя не учитывать возможности, расширяющие доступ к источнику с помощью его тиражирования, копирования и тем самым увеличивающие доступность первоисточника для более широкого круга потребителей его информации.

Суть проблемы, которую важно здесь подчеркнуть, состоит в том, что обращение к источнику и к его информации – еще не есть источниковедение. Можно провести аналогию, пользуясь первичным смыслом слова «источник»: источники подземных вод (родники, ключи), ресурсы природных богатств,

источники энергии, света и т. п. В названии нашей дисциплины – источниковедение, джерелознаство, изворознание – просвечивает этот первичный смысл слова. Так вот, кто же не обращался к источнику, не пил воды из родника, ключа, кто же не уверен поэтому, что он прекрасно знает, что это такое. Но только профессионал знает, как много надо знать, чтобы правильно обращаться с источниками (воды, энергии, других ресурсов природы). Изживая некомпетентность и дилетантизм в обращении с ресурсами природы, не следует забывать о том, что они недопустимы и при работе с источниками – носителями социальной информации. Источниковедение, объектом которого являются рукотворные источники – наука, а проведение источниковедческого анализа – трудоемкая профессиональная работа, требующая специальной подготовки. Источниковедение возникло в процессе совершенствования профессиональных методов исторической науки, оно важно для нее потому, что создает возможности для историка ориентироваться в разнообразии исторических источников, отбирать наиболее важные для изучения той или иной проблемы, учит методике критического анализа исторические свидетельства. Развитие исторической мысли всегда связано с введением в научный оборот новых источников.

Вначале ограничиваясь по преимуществу ранними памятниками, источниковедение в XX в. осваивает новые виды источников нового и новейшего времени, расширяя источниковую базу и обогащая методы исследования. Но важно подчеркнуть, что в отличие от историка, который черпает в источниках информацию о прошлом, о процессах общественного развития, источниковед изучает сами источники, формирует и совершенствует методы их исследования. Его интересуют их свойства отражать социальную действительность, он рассматривает закономерности возникновения источников, особенности преломления в их содержании социальной информации. Соответственно его интересуют возможные методы получения социальной информации с помощью источников, пути повышения эффективности этих методов, приемы проверки досто-

верности свидетельств. Предмет научно-практической работы историка и источниковеда не совпадает, он различен. Разумеется, это разграничение – логическое, на практике исследователь должен владеть методами исторической науки и источниковедения, но все же предмет (цель) и задачи их не совпадают. Этот момент важно подчеркнуть в связи с той проблемой, о которой идет речь – расширением круга потребителей информации источников, расширением социальных функций источниковедения. Традиционная ситуация состояла в том, что знание источниковедения и владение методами исторического исследования, прежде всего – работы с источниками, являлось необходимым компонентом исторического образования, профессионализма историка-исследователя. Соответственно, эта профессиональная подготовка входила в состав профессионального исторического высшего образования в университетах России и Западной Европы. Отечественное источниковедение насчитывает более чем 200-летние традиции⁹⁸³. Критически используя конкретный положительный опыт исследования источников и методов университетского преподавания в этой области, советские специалисты на научной основе материалистического учения об обществе разрабатывают теорию и методику источниковедения.

Уже в 20–30-е гг. были выдвинуты важные положения, послужившие для дальнейшего развития источниковедения, и прежде всего – подход к источнику как социально-историческому явлению. Для постановки университетского образования важное значение имел выход в свет в 1940 г. учебников М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина по источниковедению отечественной истории дооктябрьского периода. Много сделано в области теории, методов и истории источниковедения в трудах Л. В. Черепнина. В богатой современной литературе нашли отражение проблемы соотношения методологии и методики в работе с источниками, диалектика отражения действительности в

⁹⁸³ Буганов В. И. Основные итоги и перспективы развития источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. – М., 1979. – С. 75.

источнике и его роли в историческом познании, проблемы классификации и методы исследования источников отечественной истории периода феодализма, капитализма и истории советского общества, в том числе источников массового характера, статистики, мемуаров, делопроизводственных документов. Предметом специального исследования стали проблемы истории отечественного и современного зарубежного источниковедения. Необходимость специальной подготовки историка в области методов исторического исследования и прежде всего – источниковедения в настоящее время очевидна.

Достигнуты определенные успехи в подготовке студентов-историков в области отечественного источниковедения. Об этом свидетельствует ряд современных учебников и учебных пособий. Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «история», изданы учебные пособия по источниковедению истории советского общества, источниковедению новой и новейшей истории стран Европы и Америки, вторым изданием вышел учебник по источниковедению истории СССР для университетов и педагогических институтов⁹⁸⁴, многие другие. Широкий круг вопросов преподавания источниковедения рассматривается на Всесоюзных конференциях. Разумеется, в источниковедческой подготовке историков есть свои проблемы и нерешенные вопросы. Сложилась, в частности, определенная диспропорция в отношении источниковедения новой и новейшей истории. Однако в данном случае речь идет не о том. Социальные функции источниковедения в настоящее время далеко не исчерпываются работой историков-исследователей и преподаванием истории.

Источниковедение развивается в настоящее время в условиях развития культуры, обогащения духовного потенциала общества, активизации человеческого фактора. Интенсивно проходят процессы взаимодействия и интеграции различных областей науки и практики. Источниковедение как историческая дисциплина, изучающая источники и методы получения из них информа-

⁹⁸⁴ Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. – М., 1983.

ции о социальных явлениях и процессах, приобретает в этих условиях особое значение. Изучая источники как результаты целенаправленной человеческой деятельности, оно является одной из наук о человеке; в то же время, включая все многообразие источников, оно вносит свой вклад в развитие других наук и сфер практической деятельности. Так, например, по ряду новых научно-практических направлений развиваются взаимосвязи с архивоведением и архивным делом как отраслью, охватывающей политические, научные, правовые и практические вопросы хранения, организации, использования архивных документов. Архивоведение и источниковедение имеют различный предмет (цель), не совпадающий объект исследования, но при этом существуют важные теоретические и практические основы их взаимодействия. Это определяется прежде всего объектом исследования. Объект источниковедения это (теоретически) все письменные источники (и не только письменные), в том числе архивные документы. Архивоведение, в свою очередь, имеет своим объектом архивные документы, а в качестве предмета архивоведения выступают теоретические, правовые, методические аспекты хранения, организации, использования архивных документов, ретроспективной информации, запечатленной в них. Поскольку архивные документы могут служить источниками информации о прошлом (ретроспективной информации), к ним применимы методы источниковедения и прежде всего источниковедческого анализа.

Источниковедческий анализ имеет целью исследование совокупности источников с целью создания аргументированного компетентного заключения о ценности, богатстве и достоверности социальной информации, которую через ее посредство может получить общество, потенциальных возможностях использования в научно-практической деятельности. В различных сферах практической деятельности такое заключение должно использоваться как необходимый компонент данных для принятия решений. Применительно к архивной работе, источниковедческий анализ необходим, например, при решении вопросов отбора документов для хранения, введении в научный оборот его информации в виде публикаций источников, для

составления путеводителей и других видов научно-справочного аппарата и многих других решений. Архивная служба имеет в своем распоряжении для принятия ответственных решений о судьбах документов ряд методов и использует их в комплексе, и мы не утверждаем, что результат источниковедческого анализа и принятие решения в различных областях деятельности архивной службы соотносятся один к одному. Подчеркнем другое: метод источниковедческого анализа и опирающаяся на его результаты оценка документа (вида источника, комплекса и т. п.) имеет для принятия решения о судьбе документа принципиальное значение. Профессиональное владение этим методом является поэтому необходимой частью подготовки историка-архивиста.

Другой аспект взаимосвязи источниковедения и архивоведения – разработка источниковедения истории архивного дела. Архивное дело как отрасль деятельности общества, охватывающая политические, научные, правовые и практические аспекты хранения, организации и использования архивных документов, имеет свою историю. Она поучительна во многих отношениях, и для более эффективного ее изучения нужно охватить и осмыслить всю совокупность источниковой базы истории данной отрасли. Это – документы государственных учреждений, фонды выдающихся деятелей архивного дела, историков и архивистов, это – документы по истории архивного образования, многие другие, включая общественно-политическую и специальную периодическую печать, фотодокументы, вещественные предметы архивной техники. Актуальной задачей поэтому является специальная разработка проблем источниковедения истории архивного дела. Обе основные задачи источниковедения находят здесь свое применение: это и выявление и разработка важнейших источников, источниковой базы проблемы в целом, и – проведение анализа источников, содержащих ретроспективную информацию для освещения конкретных вопросов истории архивного дела.

Свою историю как научная дисциплина и отрасль научно-практической управленческой деятельности имеет и документоведение. Для ее изучения также необходима соответствующая разработка источниковедения истории данной отрасли и изу-

чение источников (среди них – законодательство, нормативные и инструктивные документы, научные труды ученых и специалистов, учебные пособия и методические материалы как источники истории преподавания и другие). Но это – лишь один аспект взаимосвязи источниковедения и документоведения. Более важным является в них то, что источниковедческий подход, с позиций которого делопроизводственная документация представляет часть, один из компонентов источниковой базы исторической эпохи, дает возможность подойти к оценке этой документации системно, т. е. в данном случае с учетом состояния источниковой базы эпохи в целом, – ее типологии, полноты и сохранности источников различных видов (делопроизводственные документы соотносительно с законодательными, периодической печатью, фото- фоно- кино- документами, источниками личного происхождения). Важно также и то, что источниковедческие критерии анализа документов управленческой практики обогащают специалиста-документоведа возможностями исторического, фундаментального, многоаспектного подхода к делопроизводственной документации. Ведь в работе с документами (разработке способов их создания, совершенствования организации документооборота, систем документации) документоведческие методы ориентированы в первую очередь на те свойства формы и содержания документа, которые определяются их функциями в управленческой практике. Этот научно-практический подход выступает в качестве главного в документоведении. Но в то же время ясно, что документоведение не охватывает полностью особенностей формы и содержания документа как источника ретроспективной информации; и в этом смысле источниковедческий подход важен для документоведа тем, что позволяет оперировать не только категориями места документа в системе государственного делопроизводства и управления, но рассматривает его с позиций исторического, непреходящего значения источников ретроспективной информации о процессах общественного развития.

Большое значение имеет источниковедение для работы таких научно-исследовательских учреждений, как музеи. Музееведение – научная дисциплина, изучающая историю музеев, их

общественные функции, теорию и методику музейного дела. Музеи как научно-исследовательские учреждения осуществляют комплектование, хранение, изучение и популяризацию памятников отечественной истории, материальной и духовной культуры. Музеи хранят письменные и изобразительные, вещественные исторические источники. Изучение музейных предметов предполагает в полной мере использование методов источниковедения. Активизация музейной работы делает широкое использование этих методов еще более важным и актуальным.

В работах, посвященных вопросам взаимодействия источниковедения и музееведения, отмечается, что сотрудничество этих научных дисциплин является значительным фактором повышения эффективности исследовательской работы в этой области: музееведение может расширить свой инструментарий исследовательских методов, применяя источниковедческие методы, так как обе дисциплины разрабатывают, по существу, один и тот же объект, – под различными, но в чем-то совпадающими углами зрения. В свою очередь, усиление внимания к музейным памятникам может принести пользу источниковедению. Особое значение взаимодействия источниковедческих и музееведческих методов приобретает в настоящее время, когда столь актуальны задачи охраны памятников истории и культуры, изучения народной культуры, общественного сознания. Если в прошлом письменные памятники и материальные предметы, памятники материальной культуры изучались большей частью по отдельности, то в настоящее время необходимо их комплексное исследование, при котором информационные возможности источников разных типов раскрываются значительно полнее. Широкий интеграционный подход к источникам самых различных типов характерен для современного общественного сознания. Так, в Народной республике Болгарии существует особая общественная организация «Народная память рассказывает», большое внимание ей придает архивная служба страны. Ее цель – приведение к известности, сохранение и широкое использование культурно-исторического наследия на широкой основе – исторических свидетельств, находящихся в государственных архивах, у отдельных лиц и

т. д. – фонды, грамоты, магнитофонные записи, изобразительные источники⁹⁸⁵.

Необходимость источниковедческой подготовки широкого круга работников общественных музеев показан в ряде исследований, в том числе на основании изучения общественных музеев Вологодской области. Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры, памятников нового времени и советской эпохи – широкая сфера общественной практики, деятельность которой ставит ряд проблем, требующих высокого уровня профессиональной компетентности в области источниковедения. Специфическим источником по истории современного общества являются средства массовой информации. Рассматривая, в частности документы радиовещания 20 – начала 30-х гг. как самостоятельный вид источника, специалисты отмечают, что объективную оценку радиосообщений как исторических источников можно дать только с учетом конкретных исторических условий, всего комплекса сопутствующих источников, оценки радиогазеты как системы целенаправленных действий, имевших огромный политический эффект⁹⁸⁶. Рассматривая вопрос о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике, исследователи отмечают, что смысловая структура произведения живописи рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего картину и думающего человека⁹⁸⁷. Применение методов научной критики и интерпретации расширяют возможности раскрытия идейных и художественно-эстетических основ предметных образов, своеобразного «символа веры» художника, а следовательно, понимания сущности общественно-экономических, культурных явлений. Специалисты истории театра говорят о формировании новой театроведческой дисциплины, основывающейся на теоретической базе исторического

⁹⁸⁵ *Калопчиева Е.* Архивы и движение «Народная память рассказывает» // Архивен преглед. – 1986. – № 1. – С. 60–88.

⁹⁸⁶ *Горлева Т. М.* Радиогазета 20 – начала 30-х гг. как исторический источник // История СССР. – 1984, – № 1.

⁹⁸⁷ *Стрельский В. П.* К вопросу о произведениях изобразительного искусства как исторического источника // Там же.

источниковедения, использующей его методологию и методикку⁹⁸⁸. Источниковедение истории культуры – новая широкая сфера социальной деятельности, в которой применение методов источниковедения способствует введению в научный оборот новых видов источников и раскрытию информационного богатства их содержания. Налицо, таким образом, расширение социальных функций источниковедения как науки об источниках и сферы применения методов изучения источников, раскрытия их информационного богатства для нужд не только исторической науки, но и других сфер научно-практической деятельности. Умение профессионально провести источниковедческий анализ, на его основании предложить аргументированную оценку источника, соответствующую его информационным возможностям и месту в системе источниковой базы, – такое умение необходимо современному специалисту, имеющему дело с источниками – материальным результатом целенаправленной человеческой деятельности. Профессиональная компетентность в области источниковедения, методов работы с источниками должна стать необходимым компонентом высшего гуманитарного образования, Необходимые предпосылки для этого имеются. В то же время повышение качества преподавания источниковедения в условиях перестройки деятельности высшей школы требует комплекса научно-исследовательских, учебно-педагогических и организационно-практических мер, усиления взаимодействия вузовской, отраслевой и академической науки.

⁹⁸⁸ *Большакова Ю. Б.* Новые аспекты в источниковедении истории театра и театрального дела // Теория и методы источниковедения.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ СИТУАЦИИ⁹⁸⁹

1. Источниковедение и архивоведение в условиях ориентации на строгое знание

Актуализация строгих исследовательских методологий становится заметной тенденцией в современных науках о человеке. Она выдвигает на первый план такие предметные области науки, такие дисциплины, в которых целенаправленно выявляются, теоретически рефлексированы и научно-практически реализуются именно установки на строгое гуманитарное знание. Эта новая тенденция существенно влияет на изменение ценностной профессиональной иерархии отдельных направлений. Такие предметные области, как архивистика с ее разветвленной системой строгих методик и технологий работы с документом и источниковедение, с его системной методологией, опирающейся на историко-антропологическое понимание источника как результата целенаправленной человеческой деятельности, приобретают новый статус в общей эпистемологии гуманитарного знания. Взаимодействие источниковедения и архивоведения, ставшее объединяющей тенденцией наших научных конференций, все более рельефно очерчивает особое пространство междисциплинарных контактов. В нем, в процессе столкновения суждений, гипотез и обобщения повседневных исследовательских и педагогических практик, формируется общий междисциплинарный уровень структуралистских подходов к видам и разновидностям документов, объектов культуры, открывающий широкие возможности документоведческой, архивоведческой, источниковедческой компаративистики. Яснее

⁹⁸⁹ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* Источниковедение и архивоведение в современной гуманитарной ситуации // *Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: докл. и тез. выступл. на третьей Всерос. конф.*, 25–26 февр. 1999 г. – М.: Федеральная архивная служба, ВНИИДАД, 1999. С. 20–25.

открывается смысл связи теоретических рефлексий и архивоведческих практик Федеральной архивной службы, ВНИИДАД, общегуманитарного и специального образования и его концепций.

Все эти процессы, происходящие внутри научного сообщества, происходят на фоне меняющихся общественных настроений по отношению к гуманитарному знанию и его методологиям. Постмодернистский культурный дискурс на темы истории и ее познавательных возможностей (конфликт альтернативных интерпретаций, принципиальная неразделенность объектно-субъектных познавательных взаимодействий, незащищенность текста от любых деконструктивистских истолкований) окончательно стирает умозрительные границы между наукой и искусством (образ Клио – музы истории, пережив века, обрел свои новые воплощения).

Однако, общество ждет от науки другого: оно всегда ждет нового, логически выведенного, приведенного в системное отношение знания.

Отличие современного состояния общества по отношению к истории, гуманитарному знанию вообще, от того же в первой половине века, существенно: осознана необходимость строгого точного знания о накопленном человеческом опыте, есть стремление, потребность осмысливать опыт проб и ошибок. Происходит (в тенденции) переориентация на строгую науку о человеке, науку, способную предоставить опыт прошедшего для принятия новых решений. В ответ на этот вызов перестраивается само пространство гуманитарных наук. Интересно, что аналитики-науковеды, рассматривая на материале тематических заявок ученых по Российскому гуманитарному научному фонду последних лет «смысл» новых тенденций, выявили расширение собственно источниковедческой проблематики по всему спектру гуманитарных и социальных наук⁹⁹⁰. Научное сообщество, под влиянием общественного интереса, преодолевает устойчивый стереотип «вторичности» таких направлений.

⁹⁹⁰ Семенов Е. В. Смысл происходящего с гуманитарными и социальными науками в современной России (взгляд через призму конкурсов РГНФ) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997 № 2.

Обозревая обширное пространство гуманитарного знания, можно найти отнюдь не много таких направлений, которые ориентированы на строгое знание. Эти направления дают себя опознать по важному, редко встречающемуся признаку: это всегда области, опирающиеся на фундаментальные общечеловеческие универсалии, и это области применения компаративных методов. Одни отмечены интеллектуальным успехом, высоким статусом, – структурная лингвистика, структурная антропология. Есть и другие, о которых мы и ведем речь. Структуральные исследования, ведущиеся на протяжении всего XX в. в историко-ведческой парадигме, в архивистике, еще должным образом не отрефлексированы эпистемологически. Это и должно явиться нашей общей задачей. Смысл происходящего с науками о человеке и научными сообществами в XX в. складывается в отчетливую последовательность: качественные изменения социальной и культурной реальности – обращение общества за объяснением к науке («вызов») – ее ответ. И, в зависимости от того, в какой мере эти диалоги отвечают общественным ожиданиям – происходит изменение (в ту или иную сторону) статуса науки. Естественно, что научное сообщество стремится осмыслить ситуацию в целом и само меняется по мере ее развития. Особенно интересно рассмотреть с данной точки зрения ситуацию начала XX в. Дело в том, что на общественный вызов было дано два ответа: они были различными и даже альтернативными. Важно отметить, что обе модели реализовались, и потому мы имеем возможность (теперь, в настоящее время) оценить позитивные и негативные аспекты обеих моделей.

2. Информационное пространство глобальной истории новейшего времени

В начале XX в. информационное пространство, в котором работали гуманитарные науки, качественно изменилось, – и вширь, и вглубь, и по способам передачи информации, ее технологии. Стал очевидным глобальный характер всех социокультурных процессов, не оставлявших перспективы европоцентристской ориентированности. Проблематика политической истории и мотивационно-психологических, личностных

подходов к истории стала также меняться, стремясь охватить структуры повседневности, поведенческие векторы массового сознания. И, наконец, стали набирать силу новые технологии средств массовой коммуникации. Это несло с собой качественно новые соотношения элитарной (книжной, эпистолярной) и повседневной (устной) культур, невиданные возможности манипуляции общественным сознанием, смешение традиционных границ авторства, произведения, текста. Неэффективность господствовавшей ранее позитивистской методологической парадигмы перед лицом новых проблем информационного общества становилась все более очевидной. В «боях» за преодоление традиционалистских позитивистских догм неоднократно подчеркивались такие его аспекты, как упрощенное понимание связи источника и факта, отказ от выхода за пределы эмпирической фактографии, изолированность отдельных предметных областей, предубеждение против попыток философского осмысления познавательной деятельности. Вопрос, однако, состоял в том, какая методологическая парадигма приходит ему на смену. В начале XX в. сложились и далее развивались две альтернативные модели гуманитарного знания.

3. Феноменологическая парадигма

Ее постулат – представление о мире как системной целостности («Мировое целое» у А. С. Лаппо-Данилевского)⁹⁹¹. Каждая его часть, поэтому, рассматривается прежде всего с точки зрения ее связи с целым, ее системного качества. Человечество – часть мирового целого, но его особая, наделенная сознанием часть. Человечество, в свою очередь, рассматривается как целое – эволюционное (во времени) и коэксистенциальное (в пространстве в каждый данный момент сосуществования). Человечество рассматривается не как некий организм в духе О. Конта, но как совокупность личностей («признание чужой одушевленности»), один из главных постулатов данной философии). Познание вполне достижимо благодаря тому, что человеку присуще умение объективировать свой внутренний мир во

⁹⁹¹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913. С. 331–335.

вне, в создание произведений. Они становятся источниками для познания человека, человечества в целом, источником информации. Данная философская парадигма (Лаппо-Данилевский и, со стороны естественных наук, В. И. Вернадский) выводит источниковедческое направление гуманитаристики на изучение реализованных продуктов человеческой осознанной деятельности. И, что весьма важно, на изучение их структур, типологий, сходств и различий. Структурные свойства произведений (документов и вещей) обладают высочайшей степенью информативности не только о самих себе, но и о системе, в которой они функционируют. Эти структурные свойства изучаются архивистикой, источниковедением, другими гуманитарными дисциплинами. Далеко не случаен глубокий интерес Лаппо-Данилевского и его школы (С. Н. Валк, А. И. Андреев, А. Е. Пресняков) к архивистике: здесь структуры превалируют над индивидуальной спецификой, открывая возможности формирования строгих эффективных методик, выхода на компаративистику, а в наше время – широкого использования информационных технологий.

В основе феноменологической модели – представление о единстве научных требований, о единстве в этом смысле естественнонаучного и гуманитарного знания. Эта идея подчеркнута Э. Гуссерлем в самом названии его классической работы – «Философия как строгая наука»⁹⁹². Соответствующим образом выстраивается и модель развивающегося образования гуманитария. В мировом научном сообществе гуманитарных наук XX в. возобладала, однако, другая модель: гуманитарное знание трактуется как принципиально нестрогое знание (противопоставление наук о природе и наук о культуре по их методам). Сегодня можно сказать, что, восприняв идею истории как нестрогой науки, научное сообщество сделало шаг к тому, что оно теперь иногда называет «кризисом», – именно так им воспринимается снижение статуса своей науки в иерархии общественных ожиданий.

Эта модель нашла достаточно широкую реализацию и свои теоретические основания: Историк систематизирует «фрагменты» реальности в своей картине мира, он отвергает логику, эрудицию вспомогательных и служебных методик, и признает

⁹⁹² Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

главным достоинством – умение вживаться в изучаемую эпоху. Соответственные изменения претерпела образовательная модель исторического и шире – общегуманитарного профессионализма.

4. Структурализм и постструктурализм

К середине XX в. негативные аспекты данного подхода стали ощущаться более явственно. Те области гуманитарных наук, которые ориентировались на реальные структуры, оказались в несравненно более выигрышном положении. Это были прежде всего структурная лингвистика и структурная антропология, опирающиеся на фундаментальные универсалии человеческой природы (антропология) и языка, последующие их структуры. Приходит понимание необходимости различать структуры, отыскивать типологии, выявлять возможности компаративистики не только в науках о природе, но и в науках о культуре.

В центре внимания гуманитарных наук находятся, на протяжении всего XX в., феномены информационного общества, «проблематика массовых коммуникаций», воздействие на общество новых информационных средств и технологий. Необходимость рационального осмысления нового информационного пространства человеческих высказываний (многократно усиленных современными технологиями) – центральная тема гуманитарной классики XX в. Эти высказывания («дискурс») выступают теперь оторванными от автора, от книги, произведения, выходят из под контроля. М. Фуко хорошо передал этот феномен: это – «своего рода логофобия, смутный страх перед лицом этого грандиозного, нескончаемого, и необузданного бурления дискурса»⁹⁹³. Чтобы «обуздать» эту множественность, необходимо отыскать ее структурные закономерности («решетки Фуко» и т. п.). Весь вопрос в том, есть ли они, существуют ли в реальности объективные структурные феномены, или структура это только инструментарий – «онтологическая реальность или оперативная модель» (У. Эко)⁹⁹⁴. Постструктурализм – это

⁹⁹³ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 78.

⁹⁹⁴ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. 1998.

состояние гуманитарных наук, убедившихся в необходимости изучать структуры и не находящих их. «Отсутствующая структура» Умберто Эко хорошо выражает эту проблему. В рамках семиотики и семиологии эта проблема оказывается неразрешимой. Поэтому есть смысл обратиться вновь к *феноменологической модели* гуманитарного знания, к понятиям источника, документа, их видов, разновидностей, вполне реальных архивоведческих системных «решеток», в которых можно вычислить любой документ. Структуры в парадигме источниковедения – онтологическая реальность, и их изучение ведется уже давно. Необходимо отрефлексировать этот опыт исследовательских практик на уровне эпистемологии. Это и происходит во взаимодействии источниковедения и архивоведения.

ОТ ЛОКАЛЬНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ К ИНВАРИАНТАМ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ⁹⁹⁵

Тема конференции очерчивает своеобразное исследовательское пространство – открытое, с одной стороны, для постижения целостной картины мира ученых, которым она посвящена, и, с другой стороны, ограниченное региональными и хронологическими рамками. Оказываясь между крайними полюсами, мы обнаруживаем, что это исследовательское пространство, подвижное и проникнутое противоречивыми взаимодействиями, и есть само по себе – проблема. Фундаментальный пересмотр взглядов на науку в новейшее время состоял в том, что в центре внимания оказалась не статика, но динамика незавершенных процессов, механизмы самоорганизации в системах разной природы. Но в самой философии науки, в истории науки как социального института этот подход недостаточно реализован. Проблемы философии научного знания и проблемы научного сообщества в социологии науки разрабатывались в условиях разобщения гуманитарного и естественнонаучного знания, что не могло не сказаться на том, как эти области знания обращались к истории науки и использовали историко-научные данные и возможности. Ключевые идеи в истории науки: смена парадигм в режиме научных революций, соотношение знания явного и неявного, знания личностного, понятие исследовательской программы как меры развития науки – все эти идеи рассматривались на материале классических открытий из области математики, физики, других завершенных научных достижений, чем и можно объяснить определенный схематизм представлений о научном сообществе, в рамках которого и происходит подспудное накопление и развитие знания в его пре-парадигмальный или постпарадигмальный периоды эво-

⁹⁹⁵ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М.* От локального источниковедения к инвариантам источниковедческой компаративистики // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. Ч. II. С. 223–227.

люционного развития⁹⁹⁶. Сама идея знания явного и неявного, передающегося при личных контактах, возникает как констатация ситуации, при которой книги и учебники охватывают лишь поверхностный, внешний слой научно-познавательной деятельности⁹⁹⁷. Между тем, именно в этих переходах, подвижных состояниях, принятиях подчас неожиданных решений выражает себя этос научного сообщества, функционируют скрытые механизмы его социального, психологического, технологического изменения.

В философской феноменологической традиции давно установлено, что истинная, зрелая наука отвечает новым вызовам (глобализации, информационного общества) тем, что обнаруживает способность к реорганизации структур знания: она направленно создает особую область логики – наукоучения, изучает свой исследовательский опыт как предмет, формирует новые методы и, что существенно, именно это обобщенное знание о методе передает в университетском образовании⁹⁹⁸. В настоящее время эта проблема – как способность формировать и транслировать обобщенное знание и обучать методу – отчетливо выступает для наук о человеке в конфликтном пространстве дискуссий о модернизации образования. Это связано с тем, что социальный институт образования (не менее, чем социальный институт науки) находится в состоянии кардинальных изменений. Чем шире становится университетская (и неуниверситетская) образовательная аудитория, – различных культур, стран, регионов, социальных групп, – чем разнообразнее и несводимее друг к другу социокультурный опыт этой аудитории, тем важнее выработать фундаментальный общий уровень теоретических оснований и соответствующих методологических профессиональных инвариантов, которые наука может и должна транслировать в новые образовательные модели. И, следовательно, сообществу

⁹⁹⁶ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

⁹⁹⁷ Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985.

⁹⁹⁸ Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 197.

необходим мониторинг процессов самоорганизации знания, процессов возникновения и обоснования теоретических постулатов, которые наука транслирует в создание образовательных концепций.

Идея о том, что традиционная модель исторического профессионализма, транслирующая готовое знание в виде нарративов, что эта модель, долгое время господствовавшая, себя полностью исчерпала, в настоящее время уже проникает в профессиональное сообщество. В данной ситуации вполне объяснимо обращение к проблематике теории и методологии истории. Одно из внешних проявлений этого вектора современного развития – новые переводы методологической классики, прежде всего «Историки» И. Г. Дройзена⁹⁹⁹, переиздания классических «Введений в историю»¹⁰⁰⁰, констатации успешного возвращения Ш. Сеньобоса¹⁰⁰¹ и т. п. Переосмысление традиционных исследовательских норм, выработанных в свое время в рамках линейной европоцентристской модели исторического процесса, и их соотнесение с новой реальностью глобальной истории само по себе открывает для аналитики методологии истории полезные возможности. Так, в качестве исходной позиции вполне приемлемо положение Дройзена о том, что история есть наука эмпирическая, поскольку она изучает «материаль» (нечто материальное)¹⁰⁰². В принципе, это не исключает возможности обращения к общенаучным критериям, дает возможность последующего анализа различий эмпирического объекта наук о природе и иного, но также эмпирического объекта наук о человеке и соответственно различий предмета исследования в этих науках.

«Вещи», которые окружали гуссерлевского «первого геометра», иначе говоря, первого человека, и прежде всего вещи в их полном смысле, т. е. целенаправленно созданные им самим, – это и есть та эмпирическая основа, которая должна постоянно находиться в поле наблюдения наук о человеке как фундамент

⁹⁹⁹ Дройзен И. Г. Историка. М., 2004.

¹⁰⁰⁰ Англау Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004.

¹⁰⁰¹ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 328.

¹⁰⁰² Дройзен И. Г. Историка. С. 84.

их научного профессионализма¹⁰⁰³. Центральная идея источниковедческого направления теории и методологии истории – идея о том, как эти «вещи» («мир вещей») соотносятся между собой, каковы их структуры и функции, как за ними выступают их системные качества и благодаря интерпретациям выходит из глубины новый информационный ресурс. Основной вектор развития источниковедения – от локальных источниковедческих обзоров и классификаций к инвариантам единого объекта. В образовательной модели, в процессе преподавания этот основной вектор сохраняет свое значение, но наполняется новым содержанием. Становится понятным, что именно привлекало ученых-исследователей к практической преподавательской деятельности в рамках именно данной образовательной концепции. Не только создание цельных лекционных курсов, но и преподавание частных, на первый взгляд, прикладных умений из инструментария практикующего гуманитария открывало здесь возможности для формирования творческой личности, для создания целостной картины мира культуры у обучающихся разного уровня и профессиональной специализации. Обращение к истории науки, к истории метода всегда составляло для источниковедческой концепции ее существенную часть.

Возникновение термина *Quellenkunde* связано с оригинальным исследовательским проектом 20-х годов XIX в. – началом знаменитой серии публикаций источников *Monumenta Germaniae Historica*: обществу был представлен не просто опыт исторического повествования, нового нарратива, но факт самих документов, «вещей», во всей их эмпирической данности. С источниковедением в данном контексте связывалось прежде всего приведение в известность, исследование, предоставление обществу самих исторических источников. В российской науке и культуре XIX в. этот термин был воспринят, но нашел иную интерпретацию. Здесь актуальна была не идея межгосударственного объединения; актуальна была другая идея – поиска универсального инварианта для российско-европейской компаративистики – в области философии, политической системы,

¹⁰⁰³ Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996. С. 240–241.

права, истории. Поэтому на первый план в исследовании видовых свойств источников сразу же вышли проблемы интерпретации глубинных слоев исторической информации: русское общество и государство в восприятии Другого (европейского) сознания – именно такова идея «Сказаний иностранцев о Московском государстве»¹⁰⁰⁴ – и русская народная жизнь в ее самопознании (исследование житий как исторического источника у того же автора)¹⁰⁰⁵.

Соотнося свою концепцию методологии истории с опытом английского историка (Э. Фримен и его «Методы исторического исследования». Лондон, 1886), К. Н. Бестужев-Рюмин подчеркнул главную идею: концепция должна быть системной и давать основания для сравнительного исследования и преподавания. В свою очередь, теоретическое обоснование единства объекта (исторического источника как инварианта) как продукта человеческого творчества дано в концепции А. С. Лаппо-Данилевского и поддержано Н. Д. Кондратьевым.

В источниковедческих проектах XX – начала XXI в. в центре внимания оказалась идея единства и многообразия метода источниковедческого анализа и синтеза и природы видовых свойств источника¹⁰⁰⁶.

Развитие источниковедческого направления в целом идет по пути конкретных исследований структурных свойств и видовых вариантов исторических источников как интеллектуального продукта целенаправленной человеческой деятельности. Локальные источниковедческие исследования обогащают науку о человеке как творце интеллектуального продукта, выражающего человеческую природу и сущность в ее эволюционном и глобальном единстве и многообразии.

¹⁰⁰⁴ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866.

¹⁰⁰⁵ *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

¹⁰⁰⁶ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М., 2004; Источниковедение: Учеб.-метод. модуль. Программы курсов и планы семинарских занятий. М., 2004.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА¹⁰⁰⁷

Взаимодействие отечественной гуманитарной культуры и мирового социокультурного процесса в целом реализуется в настоящее время на новом качественном уровне. Настало время сопоставлений, а в гуманитаристике это означает прежде всего – сравнительный анализ исторических источников, способов их интерпретации, интеграции методов социального исследования. В принципе всякое сравнение плодотворно и рождает новые идеи при наличии достаточно ясного и цельного представления о предмете сравнения. Это относится и к такому сложному, многоплановому явлению, как ремесло историка, его теоретико-познавательный исследовательский метод. В отечественной науке исторически сложилось так, что центральное место в концепции профессионализма исторического познания занимает источниковедение.

Ключевым моментом теоретико-познавательной концепции отечественной гуманитарной культуры в его современном понимании является обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе социальные, психологические, эколого-географические, коммуникационно-информационные, управленческие и другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения. Эта концепция, обращенная прежде всего к первоисточникам и творчески развивающая идеи междисциплинарного подхода к ним, дает основу целостного, системного изучения ряда специальных проблем исторических и политических наук, экономики и демографии, социальной психологии и менталитета в их специфических, всегда особенных, конкретных пространственно-временных условиях.

¹⁰⁰⁷ Публикуется по изданию: *Медушевская О. М. Источниковедение и современная гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 11–19.*

Мы исходим из того, что профессионал-гуманитарий (любой конкретной «узкой» специализации) в принципе должен владеть такой теоретико-познавательной и практической системой знаний, которая открывала бы ему путь непосредственного обращения к первоисточникам для изучения своей проблемы – к делопроизводственной документации, графическим, изобразительным, аудиовизуальным источникам, законодательству, литературно-публицистическим, философским и религиозным, нормативно-поучительным, учебно-пропедевтическим и другим произведениям эпохи. Единство взгляда на все это разнообразие произведений культуры определенной эпохи, на их изначальную генетическую и функциональную связь в данный момент исторического процесса дает целостная концепция источниковедения, знание его теории, метода источниковедческого анализа, представление об исторических дисциплинах как элементах общего метода познания источников. Ремесло гуманитария представляет собой систему, а в системе, как известно, нет мелочей – выход из строя любого элемента влияет на функционирование системы в целом. Так, например, незнание палеографии ограничивает возможности филолога состоянием издательской деятельности, а незнание истории учреждений и истории архивного дела лишает политолога возможности вычислить местонахождение интересующих его документов.

Источниковедение и вспомогательные науки истории изначально едины тем, что предмет их изучения – исторические источники – суть произведения культуры, общечеловеческой во всем многообразии ее проявлений. То есть они гуманитарны в буквальном своем содержании. Однако место их в современной гуманитарной культуре определилось не сразу. Обращение к истории науки позволяет лучше понять сложившуюся ситуацию.

В развитии гуманитарных наук, и прежде всего исторической науки XX в., прослеживаются несомненно общие, глобальные ритмы взлетов и падений, изменения их статуса в общественном сознании, характерные как для стран Запада, так и России. В то же время эти общие тенденции по-разному про-

являлись и приводили к следствиям, далеко не однозначным по своему характеру. Вторая половина XIX и начало XX в. были временем, когда исторической науке, наряду с историей права, придавалось огромное значение, а ее выдающиеся представители, часто университетские ученые и создатели научных школ, воспринимались в общественном сознании как учителя жизни, советники верховной власти, создатели мировоззренческих, философских интерпретирующих схем социального процесса. Этим общественным представлениям и чаяниям отвечали действительно обобщающие, имеющие непреходящее научное значение труды, например, «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева, которая интегрировала и представила в развернутом виде концепцию русского исторического процесса, до сих пор не исчерпавшую своего познавательного значения.

Масштабными, несшими в себе идеи государственности и национальной культуры, были фундаментальные серии изданий исторические источников, развернувшиеся в Германии, Франции, других странах Европы, а отчасти и в России. Признаком поступательного развития исторической науки стала и разработка теоретико-познавательных проблем исторического исследования, которые рассматривались как предмет специального исследования. В крупнейших университетах Европы создавались монографические учебные курсы исторического метода, изданы «Методы исторического изучения» английского историка Э. Фримена, «Учебник исторического метода и философии истории» немецкого историка Э. Бернгейма, «Введение в изучение истории» профессоров Сорбонны Ш. Ланглау и Ш. Сеньобоса¹⁰⁰⁸.

В российских университетах, прежде всего Петербургском и Московском, высокий профессионализм исследовательского и педагогического опыта дал основу формирования источниковедения как особого направления. В ряде специальных работ анализируются виды исторических источников, выявляются особенности передачи информации, жанровые специфические

¹⁰⁰⁸ Медушевская О. М. История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.

черты. Таковы работы В. О. Ключевского о записках иностранцев о России XV–XVII вв.¹⁰⁰⁹, житиях святых как историческом источнике, С. М. Середонина о записках английских путешественников по России¹⁰¹⁰, мемуарах как виде источников Н. Д. Чечулина¹⁰¹¹. В. О. Ключевский разработал монографический курс источниковедения, где характеризовал важнейшие виды источников русской истории¹⁰¹². В интересной теоретической статье, посвященной анализу книги Э. Фримена «Методы исторического изучения», К. Н. Бестужев-Рюмин обратил внимание на различие в подходе к этой проблеме русской и английской исторических школ¹⁰¹³. Он выдвинул более целостное представление об источниках и методах исторического исследования, чем то, которое формулировал Фримен, уделивший больше внимания конкретному опыту своей исследовательской практики. Дальнейшее развитие получил вопрос о методологии источниковедения «как целостного и систематического учения» в трудах А. С. Лаппо-Данилевского¹⁰¹⁴. Он сформулировал, аргументировал и изложил в четкой системе основные идеи и понятия учения об источниках – понятие об историческом источнике, принципах классификации источников по их познавательным свойствам, способам отражения исторической реальности, приемах критического анализа источников и проверки достоверности различных исторических свидетельств. Важно отметить, что теоретико-методологические проблемы классификации исторических источников обсуждались на одном из первых международных конгрессов историков в Берлине (1908 г.), о чем свидетельствует участвовавший в этих дискуссиях А. С. Лаппо-

¹⁰⁰⁹ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

¹⁰¹⁰ *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891.

¹⁰¹¹ Библиограф. 1891. № 7, 8.

¹⁰¹² *Ключевский В. О.* Соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 7.

¹⁰¹³ Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Февр. С. 1–29.

¹⁰¹⁴ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2.

Данилевский¹⁰¹⁵. Выдающийся русский историк и источниковед в своем курсе лекций и семинарах заложил основу концепции источниковедения как учения об источниках, нашедшую продолжение в трудах его учеников. Об этом свидетельствуют труды А. И. Андреева, С. Н. Валка, Б. А. Романова, А. Е. Преснякова¹⁰¹⁶.

После первой мировой войны общественный престиж исторической науки и социальный статус историка претерпели резкие изменения, что было связано с разочарованием в прогнозирующих возможностях исторической науки и социальных наук в целом. На этом фоне негативизма массового сознания по отношению к духовным ценностям прошлого историки-профессионалы обратились к критическому переосмыслению исторического метода традиционного типа, оказавшегося (так, по крайней мере, казалось тогда) неэффективным для адекватного восприятия исторического процесса с его ошеломляющими социальными сдвигами глобального масштаба. Переосмыслению и критической переоценке подверглись, в первую очередь, традиционные представления об историческом документе, путях достижения исторической истины, упрощенные суждения о соотношении исторического источника и факта социальной действительности. Борьба выдающихся французских историков, основателей школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока за расширение проблематики исследований, обновление понятийного аппарата исторической науки, против сухой описательности «историзирующей истории» сопровождалась, как известно, резкими выпадами против эрудитской историографии и ее весьма жестких и требовательных принципов изоциренной внутренней и внешней критики средневековых текстов. «Знаменитая формулировка» Ланглау и Сеньобоса: «история пишется по документам», подверглась пересмотру прежде всего с той точки зрения, что историк должен опираться на более широкую базу источников, отнюдь не

¹⁰¹⁵ Известия Академии наук. СПб., 1908. С. 1113–1116.

¹⁰¹⁶ См., напр.: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. М., 1965. Вып. 1–2.

только письменных текстов, соответственно использовать данные и других наук. Как писал Февр, нужно уметь использовать все, что было у человека, зависело от человека, было придумано или обработано им, свидетельствовало о его присутствии, страстях, образе жизни человека¹⁰¹⁷. Действительно, новые проблемы требовали и новых подходов, обращения к социальным фактам сложного состава. Если позитивистские приемы вырабатывались в ходе анализа фактов событийного характера, деятельности выдающихся исторических личностей, внешнего хода политической истории, то история нового типа требовала анализа и обобщения фактов, не находящихся непосредственного отражения в источниках, связанных с изменениями общественного сознания, крупными социальными конфликтами, глубинными мотивами человеческого поведения. «Исторический метод, филологический метод, критический метод – все это превосходные точные инструменты. Они делают честь как их создателям, так и тем поколениям тружеников, которые получили их от своих предшественников и сумели усовершенствовать в процессе труда», – писал Л. Февр много позднее, уже после окончания Второй мировой войны, призывая историков новых поколений идти дальше, – не только уметь пользоваться ими, но осознать общечеловеческую суть истории, проникать в сокровенный смысл человеческих судеб¹⁰¹⁸. В совершенстве владея этими точными инструментами, основатели школы «Анналов» в своих работах 20–30-х годов адресовали их носителям ряд по преимуществу негативных откликов и суждений. Несомненно, эти упреки изначально были продиктованы теми же мотивами, что и позднее, а именно – побудить к отказу от устаревшего, догматичного, сохранив в то же время высочайший профессионализм. К сожалению, для историков более молодого поколения, обратившихся к занятиям историей в 20-е годы, этот насмешливый негативизм в адрес специалистов, «восседающих на исполинской груде старинных бумаг» или «просто переписывающих источники», мог означать вовсе не

¹⁰¹⁷ Февр Л. Бой за историю. М., 1991. С. 47.

¹⁰¹⁸ Там же. С. 20.

переход к новому уровню исторического познания, а более простой путь – отказ от столь трудоемкого академического профессионализма. В том положении, в котором оказалась отечественная историческая наука 20–30-х годов, утрата академического профессионализма, «академической выучки», как назвал ее в одном из своих выступлений М. Н. Покровский, стала вполне реальной опасностью, причем она была самым непосредственным образом связана с призывами к актуализации проблематики исторических исследований, обращением к истории современности, отстранением старой университетской профессуры от преподавательской и исследовательской научной работы.

Глобальный кризис духовной культуры 30–40-х годов поставил историческую пауку на грань выживания. Под сомнением оказываются ее необходимость и смысл существования для общества, место в образовании. Если в конце XIX в. вопрос о том, необходима ли история, представлялся Ш. Сеньобосу «праздным» ввиду полной очевидности ответа, то в годы Второй мировой войны М. Блок начал свою знаменитую «Апологию истории» именно с этого актуального вопроса – «зачем история», нужна ли она в столь тяжкое время¹⁰¹⁹. Эти процессы с особой остротой проявились в отечественной исторической науке, в судьбах ее представителей. Профессионализм традиционного академического тина проходит в эти годы суровые испытания на прочность, даже физическую выживаемость. Сохранение профессионализма, передача его методов новому поколению стала главной, пожалуй, даже единственно возможной целью ученых старшего поколения. Работать так, «чтоб свеча бы не угасла», – наверное, именно тогда услышали это выражение ученики и последователи А. И. Андреева, С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова. Тот факт, что источниковедение как особое направление, как предмет преподавания в высшей школе в эти годы не только устояло, но даже стало более цельным, представляется, на первый взгляд, парадоксальным и заслуживает логического анализа.

¹⁰¹⁹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 6, 119.

В экстремальных условиях этого времени у источниковедения появилось как бы второе дыхание; оно обнаружило способность функционировать не только как вспомогательный элемент в инструментарии историка, но в каком-то смысле отдельно от него, самостоятельно, обретая новые социальные функции. Здесь надо вспомнить странный феномен открытия в 1930 г., на самом подъеме глобальных тенденций развития тоталитаризма, идеологизации историографии, инфляции исторического знания как самостоятельной ценности в стереотипе массового сознания эпохи, – открытия специализированного Историко-архивного института. Разгадка этого странного парадокса состоит в следующем: источниковедческий профессионализм, не поддерживаемый историографией, оказавшейся в плену господствующих идеологических влияний, оказался совершенно необходим в другой социальной сфере – централизованного управления – государственной архивной службе. Управленческая деятельность централизованного государства не могла обойтись без хорошо поставленной административной архивной службы, но работа с документами в свою очередь требует подлинного, не показного, профессионализма по крайней мере в трех областях: знание системы учреждений, в исторической перспективе связанной с созданием их документации; знание архивистики, позволяющее вычислить, где могут оказаться те или иные комплексы делопроизводственной документации; и, наконец, знание профессиональных приемов работы с документом как историческим источником, как источником социальной информации. Вот эти-то три аспекта и составили основу того исторического, а точнее источниковедческого образования, которое присуще Историко-архивному институту как уникальному, не имеющему аналогов научному и педагогическому центру.

Вскоре после открытия института дисциплины источниковедческого направления были представлены в нем лучшими учеными- историками. Здесь преподавали С. Б. Веселовский, П. Г. Любомиров, А. Н. Сперанский, Н. П. Чулков, И. И. Полосин, Н. В. Устюгов, П. П. Смирнов, А. И. Андреев, М. Н. Тихомиров, В. К. Лукомский, В. К. Яцунский, Л. В. Черепнин и др.

В традициях школы Московского университета еще во времена В. О. Ключевского было чтение курса источниковедения по видам источников. Именно так был построен курс самого Ключевского, опубликованный по рукописи в собрании его сочинений. В таком же направлении создан классический учебник М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина, читавших курс в Историко-архивном институте. А. И. Андреев, последователь и ученик А. С. Лаппо-Данилевского, возглавивший кафедру вспомогательных исторических дисциплин в 1943 г., реализовал идею своего учителя об источниковедении как учении об источниках, общих приемах их истолкования и критического изучения. Этот теоретико-познавательный подход к концепции источниковедения и исторических дисциплин развивал в своих трудах Л. В. Черепнин. Интересно отметить, что другой воспитанник петербургской источниковедческой школы, источниковед, архивист и текстолог М. А. Полиевктов в 30-х годах разработал и читал курс источниковедения в Тбилисском университете, опубликовав там первый учебник по общему источниковедению на грузинском языке, замыслив курс не обзорный, а монографический.

Московский историко-архивный институт явился, таким образом, тем педагогическим и научным центром, в котором источниковедение и связанные с ним исторические дисциплины разрабатывались как особое теоретико-познавательное направление. Принципиальные положения о социальной природе исторического источника, отражении в нем обстоятельств и интересов, вызвавших его создание, были сформулированы Л. В. Черепниным в фундаментальном труде «Русские феодальные архивы»¹⁰²⁰ и ряде статей по вопросам методологии и методики источниковедения. Большое значение для развития целостного представления об источниковедении имела программа лекционного курса по этой дисциплине; работа над ней была начата еще А. И. Андреевым, положившим в ее основу многие идеи Лаппо-Данилевского, продолжена и завершена

¹⁰²⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М.; Л., 1948–1951. Ч. 1–2.

под руководством А. Т. Николаевой, возглавившей кафедру в 1952 г. Большое участие в создании программы приняли А. В. Черепнин, А. Ц. Мерзон. М. Н. Черноморский, А. А. Зимин и другие члены кафедры.

С конца 40-х годов повсюду в мире прослеживается пробуждение интереса к методам исторического познания. После долгого перерыва и забвения этой проблематики как-то неожиданно возникают и привлекают общее внимание дискуссии по поводу двух выдающихся произведений, написанных авторами в годы второй мировой войны и позднее опубликованных их друзьями и коллегами. Это – «Апология истории» М. Блока и «Идея истории» Дж. Коллингвуда¹⁰²¹. Несколько позднее дискуссии о познавательных возможностях истории вновь возникают в связи с релятивистской концепцией истории и ее методов, полемически изложенной А. И. Марру в его книге «Об историческом познании»¹⁰²². Профессиональные историки энергично протестуют против трактовки исторического знания как недоказуемого точными методами, своего рода «акта веры», и в этой связи вновь, теперь уже в положительном смысле, вспоминают спокойную уверенность историков-позитивистов предшествующего поколения, убежденных в объективности и достоверности фактических данных, добытых с помощью изопренных приемов традиционной исторической критики. В отечественной науке мы почти не находим откликов на первые публикации книг Блока и Коллингвуда, которые взволновали ученых всего мира. Но потребность в обсуждении проблем исторического метода возникает в отечественной историографии почти синхронно – в конце 40-х годов. Только в сложившихся общественных условиях развития науки они принимают причудливо искаженный облик критики «немарксистского» источниковедения и в первую очередь – теоретической методологии А. С. Лаппо-Данилевского. Статья А. В. Черепнина «Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед» появляет-

¹⁰²¹ Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

¹⁰²² Marrou H.-I. De la connaissance historique. Paris, 1959.

ся в 1949 г. Отметим прежде всего своеобразный факт актуализации разбора концепции, изложенной Лаппо-Данилевским в книге 1913 г. издания, действительно необычайно интересной и нимало не устаревшей. Важно также подчеркнуть, что, полемизируя с отдельными положениями и определениями своего идейного оппонента, Черепнин в сущности утверждает главный теоретико-познавательный элемент его концепции, а именно, концепции источниковедения как целостного учения об источниках.

Источниковедение, в отличие от исторической науки, вышло из трудного для гуманитарной культуры времени концептуально цельным, динамичным, способным развиваться как самостоятельная наука об источниках, а не только как составная часть исследовательского инструментария историка. Эти его возможности убедительно подтвердились в последующее время. Начиная с середины 50-х годов наметился новый подъем гуманитарных наук, возвращение общества к историзму социального сознания. Прошедшие в научной периодике дискуссии по проблемам источниковедения отечественной истории (инициаторами которых и активными участниками были ученые, связанные с Историко-архивным институтом), новой и новейшей истории положили начало разработке теоретической концепции источниковедения как единого направления, основы для изучения источников различных стран, эпох и видов. Этот подход нашел реализацию и подтверждение в трудах по источниковедению истории средних веков, нового времени, а затем – по источниковедению истории науки и техники, картографии, истории философии и литературоведения, источниковедению истории музыкальной культуры, театра, источниковедению истории многих стран, народов и регионов. Источниковедение истории народа – это всегда особая источниковедческая ситуация, своеобразная типология произведений культуры – письменных, изобразительных, вещественных, фольклорных источников от древнейших эпох до самой живой повседневности.

Междисциплинарные контакты составляют одну из наиболее характерных черт развития источниковедения в настоящее

время. Образование Российского государственного гуманитарного университета создало новую ситуацию реального взаимодействия источниковедения с другими гуманитарными и негуманитарными областями науки, практики, преподавания. Появление новых специализаций с большой остротой поставило вопрос о соотношениях общих и специфических методов в изучении исторических источников разных эпох, разнообразных видов или жанров, своеобразных способов кодирования социальной информации. Вопрос этот встает в чисто практической форме – нужна ли, например, специализирующемуся по всеобщей истории русская палеография, а может быть, по аналогии – латинская или арабская и т. д. За кажущейся простотой постановки вопроса стоит, однако, сложная проблема, требующая теоретического анализа – как преодолеть традиционное разделение различных сторон человеческой личности, человеческой деятельности, которые изучались в отдельности, независимо одна от другой, разными науками. Целью является выработка таких научных методов, которые могли бы охватить само взаимодействие биологической, материальной, духовной, эколого-географической сторон деятельности человеческой личности в их реальном соотношении, в их проявлении одной через другую. Если сформулировать вопрос таким образом, то становится ясно, как мало еще использованы возможности, накопленные тем комплексом методов ремесла историка, которые традиционно называются вспомогательными науками истории. Каждая из них как раз и выдвигает в центр своего изучения различные стороны источника, в которых проявляется особая взаимосвязь – вещественной и духовной сторон источника (как палеография), биологической, социально-психологической и духовной сторон человеческой личности (как генеалогия), взаимосвязи человека и окружающей географо-экологической среды (как историческая география) и т. д. Подходя к этим дисциплинам с данной точки зрения, мы можем лучше понять, почему в настоящее время они как бы выделились из состава инструментария историка, обрели свою особую, суверенную социальную функцию, непосредственно воздействуют на об-

щественное сознание эпохи. Такова современная палеография – наука, или, точнее, особый метод, позволяющий воспринять единство взаимодействия текста и материала, на котором он написан, графики и изображения, охватить техническую, эмоциональную, художественную, смысловую стороны произведения, созданного человеком. В центре внимания палеографии оказывается история письма, искусство графики и орнамента, история техники создания материала для письма, история рукописи в информационном поле эпохи, история грамотности, обучения и образования. В реальности вещь и текст существуют нераздельно, они взаимодействуют, материальная и духовная стороны источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности акцентируют, усиливают одна другую. Вещь с текстовой надписью, изображение реального предмета, материальная фактура рукописи или книги, символ и знак – их взаимосвязанное рассмотрение повышает возможную отдачу источниковедческого анализа, увеличивает шансы получения достоверной информации, более точной оценки цели создания источника, а следовательно, его содержания и значения как социального явления.

Итак, на вопрос о том, изучать ли специалисту русскую или латинскую палеографию, можно ответить так: искусство датировать источник можно освоить, изучая различные по происхождению рукописи. Важно лишь, чтобы специалист мог при этом свободно читать текст и понимать его смысл, как если бы он был написан на родном ему языке. Ощущение «пыльной и старой тайны», о чем с восторгом писал как-то Е. А. Косминский¹⁰²³, дается именно тем одновременным восприятием внешних особенностей, фактуры, смысла и содержания произведения культуры, которое и называется методом палеографии. Понимание основ метода палеографии есть часть культуры гуманитария любого профиля.

Особого внимания заслуживает такая перспективная область взаимодействия различных наук, как генеалогия. Гуманитарное

¹⁰²³ *Косминский Е. А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 43.

и естественно-научное знание в течение долгого времени оказывались разделенными между собой, что нашло яркое выражение в философской мысли, противопоставлявшей «науки о природе» «наукам о духе». Необходимо с пристальным интересом относиться к тем научным направлениям, которые способны их объединять, возвращать целостный взгляд на природу, общество и человека, в высокой степени свойственный лучшим представителям отечественной науки прошлого. Выдающимися проводниками единого взгляда на общество и природу были С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, В. И. Вернадский. Восстановлению этого целостного подхода активно способствует источниковедение; ведь его предметом являются источники, в которых отражено взаимопроникновение биологического и социального в природе человека, запечатлена человеческая деятельность, где биологическое проявляется через социальное и наоборот. Генеалогия является дисциплиной, которая изучает родственные связи людей, последовательность поколений. Она обращена к общечеловеческим ценностям родства, старшинства, закономерной связи поколений и соответствующих им правовых и этических норм, выработанных в глубокой древности и ныне обретающих новое качественное содержание. Предмет генеалогии поэтому, в отличие от других специальных профессиональных дисциплин ремесла историка, представляется важным и исполненным интереса для общества, независимо от социальных, национальных, профессиональных или других различий отдельных его групп. Генеалогия выступает как перспективная область междисциплинарных исследований. Уже приходилось обращать внимание на то, какое большое значение придается генеалогическим исследованиям в Западной Европе, США, других странах Северной и Южной Америки, в Австралии, какие крупные средства вкладывают государство и общество в генеалогические исследования и публикации, в развитие генеалогических обществ, как широко распространяется движение генеалогов-любителей¹⁰²⁴. Генеалогические изыска-

¹⁰²⁴ Медушевская О. М. О проблемах генеалогии // Советские архивы. 1989.

ния возобновились повсюду, развернулись на всех уровнях – от глубоко специального до массового, они связаны в общественном сознании с гуманизацией науки и образования, духовным и культурным возрождением, переосмыслением социальной памяти прошлого. Возросли масштабы использования генеалогических данных в междисциплинарных исследованиях. К ним проявляют интерес демографы, социологи, изучающие социальный состав общества и его изменения, в частности, связанные с брачными союзами. К ним обращены специалисты по истории колонизации, географии населения, по социальной психологии, по истории нрава, региональной истории и краеведению, истории предпринимательства, крупных торговых фирм, фабрик и заводов, истории городских и сельских поселений. Огромное значение придается деятельности архивов по выявлению, исследованию и пропаганде историко-генеалогических сведений, по изданию путеводителей и справочников, руководств для поиска генеалогической информации. Среди публикаций последних лет, в которых используются архивные документы, новые тома фундаментальных серий о происхождении и генеалогии правящих династий, справочники истории родов и семей переселенцев (например, в Австралии, где этим работам придается государственное значение), продолжающиеся издания по истории родов, многих поколений дворянства, бюргерства, купечества, деятелей политики, искусства, науки и культуры.

Широко и полно представлены в новейшей литературе по генеалогии архивные справочные издания типа описей, обзоров наиболее богатых генеалогической информацией фондов; архивы публикуют специальные справочные издания о материалах, содержащих сведения по истории и генеалогии народов и государств Востока, Азии, переселенцах, колонистах, родственные связи и деятельность которых прослеживаются по данным источников в длительной исторической ретроспективе. Публикация документов или их обзоров, обобщенные данные ответов на массовые анкеты, связанные с историей семей и родов, переписка членов рода в течение многих поколений, воспоминания

из истории семьи – все это создаст новые стимулы обращения к социальной памяти прошлого, повышает уровень историзма массового сознания.

Строго говоря, актуальные проблемы современной генеалогии – это проблемы источниковедческие, и, в значительной степени, поскольку речь идет об открытии новых источников генеалогической информации, – также и архивоведческие. Генеалогические факты, т. е. сведения о системе родственных связей и брачных союзах, не являются самоцелью. Они приобретают научную значимость тогда, когда возникает возможность связать их с дополнительными данными о сословной принадлежности личности, имущественном положении, образовании, служебном статусе, политической или другой общественной деятельности и т. д. тех лиц, чьи системы родственных связей исследуются. В сословных общественных системах данные о рождении, происхождении всегда имели важное значение для закрепления тех или иных критериев привилегированности или дискриминации. Восходит к глубокой древности использование генеалогических данных в истории правящих династий, политической борьбы феодальных родов, в истории династических браков и их влияния на развитие дипломатических, культурных, религиозно-конфессиональных и экономических отношений. Практическая актуальность данных о родстве и происхождении в обществах старого порядка обусловила, в свое время, развитие практической генеалогии (вместе с геральдикой) в Западной Европе и России эпохи феодализма, а затем, в новое время, – снижение ценности генеалогических исследований, трактовку генеалогии как науки о сословных приоритетах.

Неопределенными оказались перспективы развития генеалогии как предмета преподавания в Историко-архивном институте. Блестящие возможности, открывавшиеся благодаря участию в работе кафедры С. Б. Веселовского, а позже В. К. Лукомского, не были реализованы из-за крайне настороженного отношения администрации к этой науке, к изучению истории

рода, семьи, генеалогии предков вообще. Генеалогические исследования и преподавание удалось восстановить вновь в годы руководства кафедрой А. Л. Станиславского. Проведена первая всесоюзная конференция по генеалогии, опубликован сборник тезисов трудов конференции и подготовлен к изданию том трудов конференции¹⁰²⁵. Выявился ряд новых, весьма перспективных направлений использования генеалогических данных в междисциплинарных исследованиях, прежде всего по истории дворянства, купечества, городских средних слоев, феодальной аристократии, буржуазии, интеллигенции. Введение в научный оборот архивных источников, богатых генеалогической информацией, открывает новые возможности для исследования истории сословий, корпораций, социальной мобильности правящих элит, т. е. для социологических и социально-психологических исследований.

Наука о человеке, находящаяся в процессе становления, имеет еще одну важную проблему, которая требует к себе внимания. Это проблема отношения человека и природы в ее глобальных пространственных и временных пределах. Влияние географических условий на исторические судьбы народности и государственности являлось в свое время принципиально значимой частью концепции русского исторического процесса в трудах С. М. Соловьева и других выдающихся ученых его времени, их последователей – В. О. Ключевского, М. К. Любавского, а также их учеников. Однако в дальнейшем эта сторона человеческой деятельности ушла на второй план, будучи вытеснена выявлением собственно социологических закономерностей исторического процесса. На необходимости изучения явлений человеческой истории в ее природном окружении настаивал Л. Февр уже в ранних своих работах. Он неоднократно обращал к историкам позитивистского направления

¹⁰²⁵ Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования: Тез. докл. и сообщений межвуз. науч. конф. Москва, 31 янв. – 3 февр. 1989 г. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др. М., 1989. 140 с.; Генеалогические исследования: Сб. науч. тр. / Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.) и др. М., 1993. 329 с.

упрек в том, что в их трудах крестьяне пахут не плугами, а картуляриями. Подобный упрек в рассмотрении истории людей «в абстрактном математическом пространстве» обращал к своим коллегам основатель отечественной концепции исторической географии В. К. Яцунский. Когда в 1930 г. создавалась, как мы видели, некоторая, хотя и ограниченная, возможность объединить важнейшие компоненты профессионального ремесла историка под эгидой Историко-архивного института, в их числе мы сразу же находим историческую географию, представленную И. И. Полосиным¹⁰²⁶. При А. И. Андрееве в институте появился В. К. Яцунский, именно здесь разработавший свою, принятую в науке концепцию исторической географии. Эта дисциплина, прослеживающая изменения политической географии прошлого, наука, глубоко и последовательно, на основании изучения широкого круга исторических источников, анализирующая изменения природной картины мира под влиянием человека, размещение и движение населения, географию экономических объектов в ходе исторической эволюции. В таком целостном виде историческая география получила органическую интеграцию, тесную связь с источниковедением, с разработкой таких видов источников, которые освещают историю народной колонизации, географических открытий и освоения новых территорий и пространств, отражают процесс этого освоения в письменной и картографической форме. Этот подход сближает труды Яцунского и источниковедческие исследования А. И. Андреева, его труды по истории русской картографии и публикации источников по истории географических открытий. Работы А. И. Андреева, В. К. Яцунского и их лекционные курсы заложили основу создания особого направления отечественной науки – картографического источниковедения, успешно развиваемого в настоящее время историками-источниковедами, историками картографии, географии, естествознания и техники.

¹⁰²⁶ Простоволосова А. Н., Станиславский А. Д. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин / Предисл. Ю. Н. Афанасьева. М., 1990. 71 с.

Эффективность использования методов источниковедения в сфере междисциплинарных исследований убедительно подтверждается новейшими работами в данной области¹⁰²⁷.

Применение методов источниковедения является весьма перспективным еще в одном направлении, актуальность которого только теперь стала осознаваться. Мы называем его «источниковедение политологии и истории политических учений». Политология в настоящее время становится необходимым элементом гуманитарных наук и образования. Политологические исследования, широко распространенные на Западе, у нас находятся в процессе становления. Эта политическая наука изучает политические системы, отношения общества и государства, проблемы власти и лидерства в их реальном взаимодействии, конкретном функционировании. Для получения информации по предмету своего исследования политология, так же как и историческая наука, обращается к историческим источникам. Важнейшие виды этих исторических источников уже известны и разработаны с позиций общего источниковедения. Таковы, например, программы и документы политических партий и движений, произведения политических деятелей, их переписка и мемуары, законодательство, периодическая печать различных политических направлений, документы парламентов и других представительных учреждений и многие другие. Опираясь на теоретико-познавательные методы общего источниковедения, вполне возможно развернуть разработку нового направления – источниковедения политологии и истории политических учений. Политология становится в настоящее время одним из элементов гуманитарного образования. Разработка источниковедческих проблем политологии позволит развернуть исследование сразу по многим видам источников, включить в сферу этих исследований ученых, имеющих общую источниковедческую подготовку, историков-архивистов, историков политических учений, философской и политической мысли, исследователей истории нового и новейшего времени.

¹⁰²⁷ Исторический источник: человек и пространство. М., 1997.

Возникнув на определенном этапе становления исторической науки, отечественное источниковедение сложилось затем в целостную систему методов исследования произведений культуры – продуктов целенаправленной человеческой деятельности – как источников многоплановой информации о человеке. Этому способствовала опора на архивистику, привлечение к научной, педагогической и практической работе крупнейших историков, филологов, правоведов, искусствоведов. Для многих из них это была единственная возможность борьбы за утверждение профессионализма в эпоху глобального господства технократических приоритетов. Накопленный научный, педагогический и нравственный опыт актуализируется в новых условиях, когда обращение к ценностям гуманитарной культуры стало осознанной тенденцией общественного сознания.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Н. Медушевский. КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ</i>	5
1. Гуманитарное познание XX века: методологические трудности и способы их преодоления.....	6
2. Человек в информационном пространстве: основные понятия когнитивно-информационной концепции	8
3. Наука когнитивной истории: предмет, метод и цель.....	12
4. Смена парадигм в науке: от нарративизма к когнитивно-информационной концепции.....	15
5. История как строгая наука в междисциплинарном поиске	21
6. Наукоучение как признак зрелой науки: источниковедческая парадигма и ее значение в XX в.	27
7. Основы социологии гуманитарного познания: наука, образование и профессиональный выбор.....	36
8. Вклад когнитивно-информационной теории в формирование научной картины мира	40
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ	44
1. Проблема объекта и субъекта в гуманитарных науках. Гуманитарные науки в поисках объекта	48
2. Источник – реальный объект гуманитарного знания. Произведение – источник познания человека и общества. Парадигма А. С. Лаппо-Данилевского	62
3. Заключение.....	67
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ИНДИКАТОР СИСТЕМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	69
1. Индикатор состояния науки.....	69
2. Терминологический аспект	73
3. Наука о науке как предмет преподавания.....	75

4. Альтернативная образовательная модель.....	81
5. Поворот к методологии исследования: историографический проект	85
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОД	90
Глава 1. Теория источниковедения	90
1.1. Постановка проблемы.....	90
1.2. Объект и субъект исторического познания	94
1.3. Основные понятия	109
Глава 2. История источниковедения.....	117
2.1. Становление и развитие	117
2.2. Источниковедческая парадигма методологии истории	134
2.3. Источниковедение в XX веке.....	141
Глава 3. Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты	147
3.1. Источниковедческий анализ и источниковедческий синтез	147
3.2. Структура источниковедческого исследования.....	155
3.3. Классификация исторических источников.....	169
3.4. Источники в науках о человеке	180
Библиографический список	191
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	196
1. Введение.....	196
2. Становление и развитие теоретического источниковедения в советской исторической науке.....	197
3. Основные проблемы теоретического источниковедения.....	264
Заключение.....	286
О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	291
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	302

О ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	317
ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В XIX–XX вв.	325
Введение	325
Глава 1. Источниковедение на путях становления	327
1.1. Источниковедение в системе методов исторического исследования	327
1.2. Внутренняя критика и проблема достоверности....	341
1.3. Источниковедение в России и формирование концепции методологии источниковедения	350
Глава 2. Изучение источника в системе исторического познания и в системе исторического процесса.....	370
2.1. Источник в системе исторического познания.....	371
2.2. Источник в системе исторического процесса.....	381
Глава 3. Источниковедение на новом этапе развития	387
3.1. История и ее методы.....	387
3.2. Источниковедение в современной социальной практике.....	393
СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.....	403
Предисловие	403
Глава 1. Теория и методика современного источниковедения	405
1.1. Проблемы современного источниковедения.....	405
1.2. Источники и методы их исследования	420
Глава 2. Источниковедение в социалистических странах.....	434
2.1. Методологическая база	434
2.2. Проблема источника как исторического явления.....	446
2.3. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины.....	456
2.4. Источниковедческие аспекты интеграции научных дисциплин	482
Глава 3. Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения	496

3.1. Буржуазная историография конца XIX – начала XX в. и вопросы источниковедения.....	496
3.2. Буржуазная историография в период с 1917 г. до начала 60-х годов и переоценка концепций традиционного источниковедения	516
3.3. Проблемы источниковедения в буржуазной историографии с середины 60-х годов до настоящего времени	556
Заключение.....	589
Зарубежные источники	595
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН	603
Введение	603
Глава 1. Источник и наука об источниках.....	605
1.1. Исторический источник.....	606
1.2. Источниковедение, его цели и области применения	612
Глава 2. Проблемы теории	622
2.1. Природа исторического источника	623
2.2. Идеалистическая методология истории и исторический источник	632
2.3. Классификация источников.....	654
Глава 3. Методы источниковедческого исследования.....	659
3.1. Основные этапы источниковедческого анализа	660
3.2. Изложение результатов исследования.....	675
Глава 4. Интеграция и дифференциация в источниковедении	677
4.1. Новые направления исследований	677
4.2. Междисциплинарные контакты источниковедения	686
Заключение.....	713
Список литературы.....	715
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ XX В.: НАУЧНАЯ МЫСЛЬ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.....	717

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ КАК СТРОГОЙ НАУКИ (О КОНЦЕПЦИИ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО)	761
1. Единство науки и различие методов исследования.....	761
2. Текст «Методологии истории» в свете ее общего замысла.....	769
3. Концептуальное единство деятельности ученого	775
4. Мегадисциплинарный уровень концепции и ее философская цельность.....	780
5. Системность мира и системная методология науки о человеке. Методология источниковедения и методология исторического построения.....	797
6. Источниковедческая парадигма гуманитарного знания.....	810
7. Конфликт интерпретаций и возможности источниковедческой парадигмы.....	817
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ	831
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ СИТУАЦИИ	843
1. Источниковедение и архивоведение в условиях ориентации на строгое знание.....	843
2. Информационное пространство глобальной истории новейшего времени.....	845
3. Феноменологическая парадигма.....	846
4. Структурализм и постструктурализм	848
ОТ ЛОКАЛЬНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ К ИНВАРИАНТАМ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ.....	850
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА	855

Ольга Михайловна Медушевская

Собрание сочинений в 4 томах

Том 2

**Источниковедение:
теория, история, метод**

Ответственный редактор *А. Иванова*
Верстальщик *Е. Семенова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Отпечатано в ООО «МЭЙЛ ТЕКНОЛОДЖИ»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16